
МИР
ПРИ-
КЛЮ-
ЧЕ-
НИЙ

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

Составитель Т. К. ГЛАДКОВ

Оформление В. ЛЫКОВА

М63 **Мир** приключениий: Сбориик фантастических и приключенческих повестей и рассказов / Сост. Т. К. Гладков; Оформл. В. Лыкова.— М.: Дет. лит., 1987.—607 с.

В пер.: 1 р. 80 к.

Ежегодный сборник фантастическнх и приключенческих повестей и рассказов.

М $\frac{4801000000-530}{М101(03)87}$ 301—87 СБ1

Ярослав Голованов

КОСМОНАВТ № 1

ПОЛЕТ ЧЕЛОВЕКА

Есть люди, которых мы восприиимаем только в определенные годы их жизни. Сохраиился автопортрет Леоиардо да Винчи в старости, и для иас Леоиардо иавсегда — благообразиый седой старик с красивой шелковистой бородой. А ведь был же молодой Леонардо, по рассказам — умопомрачительиый красавец, ио иам ие дано увидеть его. Или Менделеев. Каким ои был в молодости? Хоть и есть его портреты раииих лет, ио ведь для иас Меиделеев без окладистой бороды, без длииных, до плеч, волос вроде бы и ие Меиделеев. И иаоборот Попробуйте представить себе старого Лермоитова. Или Чапаева. Ничего ие выйдет

Гибель Гагариив слепой жестокостью своей даровала ему вечиую молодость. Гагарин, молодость, комсомол — это иа всегда. Ои ие успел слетать второй раз в космос. Я помию его на Байкоиуре в апреле 1967 года. Ои был дублером Владимира Комарова — первого комаидира первого трагического «Союза» К тому времеии уже поияли, что дублер иа старте — в какой-то мере даиь традиции. Если уж и замеиять космоиавта дублером, то не на старте же, ие за два часа до пуска. И Гагарии это понимал, ио все-таки старался подчеркиуть, что ои дублер, а, зиачит, следующий полет вероятиее всего его.

Не успел полететь. Через семь месяцев после того, как его не стало, полетел Георгий Береговой. Сейчас миогие космо иавты стали уже геиераламн, а Гагарии н геиералом ие успел стать — так и остался полковииком. Не успел выступить иа юбилее Максима Горького, а обещал Констаитиину Федииу выступить. Не успел сделать доклад в Нью-Йорке, в ООН, хотя уже набросал тезисы этого доклада. Не успел подарить киижку «Психология и космос». Подписал в печать верстку, а самой

кииги увидеть не успел. Не успел побалагурить иа свадьбах дочек. А уж как бы веселился — очень хорошо это себе представляю. Страиио подумать, ио в отряде космоиавтов уже есть ребята, которые иикогда ие видели живого Гагариил...

Но он успел оставить о себе вечиую память и любовь всего мира. Ои не вошел — ои влетел в историю человечества весеииим степиым утром иа Байкоиуре в 61-м. И остался в ией иавеки весеииим лесиым утром под Киржачом в 68-м.

У гагариского полета миоговековая история, считать можио с Икара. Полет Гагариил веичает гигаитскую пирамиду человеческого труда, труда миогих лет и тысяч людей. Гагарин это прекрасио поиимал.

Когда говорят: «Королев запустил Гагариил в космос», это иеверио. Даже такому титаиу, как Королев, сделать это было ие под силу. Как иеверно по сути ставшее уже крылатым выражеиие, что «Гагарии распахиул дверь во Вселеииую». Сам Сергей Павлович Королев очень хорошо обо всем этом сказал:

— Отмечать творческое участие космоиавтов иужио, потому что это справедливо и правдиво. Безусловио, иаши летчики очеиь творчески участвовали в этом процессе. Но сказать, что оии творцы? Чего? Так же, как неправильио сказать, что мы творцы. Чего? Мы — участиики.

Если вы думаете, что Главиый коиструктор какой-нибудь системы или корабля творец этого корабля, вы заблуждаетесь... Разве может одии Главиый коиструктор все предусмотреть? Не может. Это плод коллективиого труда...

Королев говорил: «Мы — участиики». Гагарии — самый известный участиик. А другие?

В первое в истории кругосветиое плаваиие с Фериаидо Магеллаиом отправилось 239 моряков. Тоже участники. История сохраиила полтора десятка фамилий. Даже имеи тех 18 счастливцев, которым удалось пройти весь путь и уже без Магеллана вериуться иа родиву, мы ие зиаем. Несправедливо.

Первый шаг в космос — эпохальиое событие в истории человечества. Объективио оио важиее экспедиции иа пяти каравеллах, поскольку плаваиие Магеллаиа коиечио по сути: сделать большего в пределах плаиеты иельзя. И, доказав своим плаваиием, что Земля — шар, Магеллан закрыл вопрос. Полет Гагариил бескоиечеи в своем развитии. Доказав, что человек может летать в космос, ои поставил иеисчислимое количество иовых вопросов перед нами и грядущими поколеииями.

Время Магеллаиа называют времеием великих географических открытий. Мы должиы гордиться тем, что жили в эпоху великих космических открытий. И подобио тому, как иам интересио было бы узнать, что за люди окружали Магеллаиа

в дни его кругосветки, и иам, и тем более иашим внукам будет интересио узиать об участинках кругосветкн гагарниской. Магеллан — далеко, почти половнна тысячелетия отделяет нас от тех дней. Мы — современинкн Гагарина, и мы обязаны не забыть иазвать тех, кто прославил нашу страну, продемонстрировал всему миру возможностн нашего строя, утвердил в человеческнх умах провозглашенные намн ндеалы.

Их иадо ие забыть, нх обязательно надо назвать: ученых н конструкторов, ниженеров и строителей, техиков н рабочих, врачей и лаборантов, летчиков н военных, партийных и советскнх руководнтелей, чей труд лежит в основании полета первого человека в космос.

В первый отряд советскнх космонавтов было отобраио двадцать человек. Пятеро слетали в космос одни раз. Пятеро — два раза. Двое — трнжды. Восемь не сталн космоиавтами. Эти восемь не внесли существенного вклада в развитне космоиавтики. Но еслн из более чем трех тысяч кандн428датов их отобралн в двадцатку, значит, онн чего-то стоилн. Они жнли и работали вместе с теми, которые стали Героями. Может быть, оии помогли им стать Героями. Может быть, нх ошибки позволили будущим Героям нзбежать собственных ошибок.

Интересно подумать над вопросом, вроде бы лежащим иа поверхности, который тем не менее лншь едва затрагивается в большинстве статей и киг о первом космонавте: а почему, собственно, первым в космос полетел Юрий Гагарнн? Да, конечно, просто иевозможио представнть себе сегодня, что полететь мог кто-то другой, правда? Я для проверки задавал этот вопрос разиым людям. И всякнй раз ои встречался с недоумением: «А разве могло быть иначе?» Это плохо укладывается в созиании, ио могло. Вполне могло, уверяю вас. И ответы людей иа этот неожиданный для иих вопрос тоже былн неожиданиымн. «У него такая улыбка!» — говорили жеищиины. «Его полюбил Королев и посадил в корабль»,— отвечалн мужчнны. «Дело случая»,— н такое есть мненне. Наверное, в каждом из этнх ответов есть доля нстнны, но какая доля? Сколь она велика? Не являются ли подобные ответы попытками решить с помощью примитнвной арифметики сложиое уравиение со многими техиическнми, бнологическими, физиологическимн, социальиымн, иравственными н другими неизвестными?

На иас, современиках Гагарнна, лежит высокая ответствеиность передать будущим поколенням его истиииый образ. Нельзя разрешить залакнровать его постояииым и поверхностным восхнщеннем. Этот действнтельно умный, работящий и благородиый человек иикогда не нуждался в приукрашиваиии. Лучшее, что мы можем сделать во славу его памятн,— рассказать все так, как оио было.

На первых страницах истории мировой космонавтики имена Юрия Алексеевича Гагарина и Сергея Павловича Королева всегда будут стоять рядом. Поэтому, говоря о Гагарине, нельзя не говорить о Королеве. Если не затрагивать их служебных дел (тут все ясно), то их чисто человеческие взаимоотношения нередко характеризуются довольно расплывчатым упоминанием, что «Королев относился к Гагарину, как к сыну». Но ведь и к Титову, и к Леонову, и к другим космонавтам Королев тоже относился, «как к сыновьям». А поскольку сыновей у Сергея Павловича не было, остается не совсем понятным, как же он все-таки относился к ним. Ведь спектр отцовских чувств беспредельно широк — вспомните старого князя Болконского, кардинала Монтанелли или Тараса Бульбу. Кроме того, даже если Сергей Павлович и считал всех космонавтов своими сыновьями, он, будучи выдающимся психологом и тонким знатоком человеческих душ, не мог относиться ко всем одинаково, как это и бывает в многодетных семьях. Нас же в данный момент интересует отношение именно к Гагарину.

Мальчишкой, наблюдая буквально из окон своего дома за жизнью маленького отряда гидроавиации в Одесском порту, Королев влюбляется в самолеты. Любовь перерастает в юношескую страсть после того, как он знакомится с летчиками, которые даже «прокатили» его над Одессой. Тогда же, в середине 20-х годов, выкристаллизовывается девиз его жизни: «Строить летательные аппараты и летать на них». Непременно летать! Именно это объясняет попытку Королева (увы, неудачную) поступить после окончания Одесской стройпрофшколы в Военно-воздушную инженерную академию им. Н. Е. Жуковского.

В наши дни конструкторы и испытатели авиационной техники связаны, разумеется, общими задачами, но это разные специальности, разный труд. В годы юности Королева они очень часто объединялись в одном человеке. Такие известные авиаконструкторы (впрочем, тогда известными им еще предстояло стать), как Туполев, Ильюшин, Антонов, Грибовский, Яковлев, были в молодые годы и известными летчиками, королевский девиз был в ту пору вовсе не оригинальным. В 1929 году о двадцатитрехлетнем Королеве-летчике, о его «эффектном полете» на планере «Коктебель» писала газета «Наука и техника»: он продержался в воздухе 4 часа 19 минут. Тогда же он получил официальное удостоверение пилота-парителя. Через год Королев осуществляет «в металле» свой дипломный проект — авиетку «СК-4», которую он сконструировал под руководством А. Н. Туполева, и другая газета — «Вечерняя Москва» — уже называет его «известным инженером». Таким образом, летчик и конструктор совершенно естественно уживались в юном Королеве, прекрасно дополняя друг друга.

Королев не мыслил своего будущего без летной работы. Однако Королев не был бы Королевым, если бы шел проторенными путями. Лозунг молодой Страны Советов: «Летать выше всех, дальше всех, быстрее всех!» находил в его душе отклик восторженный. Уже в ранних конструкторских разработках Королева видно желание добиться этих пределов. Королев в юные годы не был одержимым ракетчиком, каким был, скажем, Фридрих Цандер. Разумеется, в угоду гладкости, стройности и внутренней логичности повествования о жизни великого конструктора нужно было бы живописать юношеские мечты о достижении иных миров, но, увы, что же делать, если это не так. В ранних работах, в воспоминаниях друзей его молодости нет ничего, что говорило бы об увлечении Сергея Павловича собственно ракетами, полетами в космос, идеями К. Э. Циолковского о заселении околосолнечного пространства. Однако, познакомившись с трудами Константина Эдуардовича, Королев сразу понял, что именно ракетная техника открывает перед ним те возможности, о которых он мечтал: полную свободу от внешней среды, а значит, достижения скоростей, недоступных винтовым самолетам, достижения любых высот.

— Мы поставим жидкостный ракетный двигатель на планер — и будем летать в стратосферу! — сказал Королев в октябре 1932 года.

Это была его главная, всепоглощающая мечта. И он непрерывно работает над ее осуществлением. Он уговаривает конструктора планера-бесхвостки Бориса Черановского установить на ней жидкостный двигатель Фридриха Цандера, хотя двигателя этого еще нет. Цандер еще работает над ним.

— Первый раз я полечу сам! — говорит Королев Цандеру.

В предвоенные годы Королев конструирует ракеты. Но опять-таки крылатые ракеты! В обзоре работ Реактивного научно-исследовательского института раздел Королева так и обозначен: «Крылатые ракеты». В 1936—1938 годах было проведено несколько десятков пусков таких ракет. Одному из своих помощников, инженеру Михаилу Павловичу Дрязгову, Королев говорил шутя:

— Надо было бы с Дуровым поговорить, не даст ли он нам мартышек ракетами управлять,— он понимает, что человек полететь на этих ракетах еще не может.

Со своим ближайшим сотрудником Евгением Сергеевичем Щетинковым Королев разрабатывает четыре этапных проекта ракетного самолета с различными вариантами старта. В последнем, перспективном варианте планировалась высота подъема до 53 километров. Это была, несомненно, большая конструкторская дерзость: ведь в то время даже рекордные самолеты летали ниже 20 километров. Достаточно сказать, что

53-километровый рубеж был преодолен лишь двадцать три года спустя после проекта С. П. Королева — в июле 1962 года на третьем варианте ракетоплана «Х-15», сконструированном американцем Р. Уайтом — однофамильцем будущего погибшего астронавта.

Размышляя, сравнивая, проводя какие-то, разумеется, достаточно условные параллели, невольно приходишь к выводу, что гагаринский «Восток» вовсе не был неким обязательным итогом развития ракетной техники. Сложись по-иному судьба Королева, отодвинься в небытие вторая мировая война, получи наука и техника 40-х годов благотворные условия для своего всестороннего, а главное, мирного развития — и, кто знает, быть может, вовсе не на огромной ракете ушел бы в космос наш Юрий Гагарин. Могло вполне случиться, что он стал бы пилотом невиданного заатмосферного аппарата, суперсамолета, прямого потомка королевского ракетопланера «РП-318», который трижды летал в 1940 году, пилотируемый летчиком Владимиром Павловичем Федоровым.

Но этого не случилось. Не люди — даже самые прозорливые и талантливые,— а жесткая и суровая логика процессов социально-политических, Марксовы закономерности исторического развития, определившие направления научно-технического прогресса, выбирали для людей путь в космос...

В соответствии с уставом Академии наук СССР все академики и члены-корреспонденты обязаны ежегодно направлять в аппарат соответствующего отделения академии отчет о своей научной деятельности. Многие, если не большинство, подходили к этому требованию формально: справка, она и есть справка — коротко отписывались, и с глаз долой. Избранный осенью 1953 года молодой (46 лет!) член-корреспондент Сергей Павлович Королев отнесся к этому делу с величайшей серьезностью. В 1955 году он составил не просто отчет. Это был аргументированный план развития исследований верхних слоев атмосферы и ближнего космоса. Позднее историки науки, изучая этот отчет, установили, что все пункты королевского плана были выполнены им в ближайшие три года. Но и сухим словом «план» этот документ называть не хочется, настолько проникнут он радостным оптимизмом, великой и в то же время сдержанной, словно опасающейся упреков в романтике или прожектерстве, убежденностью человека, которому уже открылась истина собственного предназначения, но которую еще требуется утвердить в умах других людей. «В настоящее время все более близким и реальным кажется создание искусственного спутника Земли и ракетного корабля для полетов человека на большие высоты и для исследования межпланетного пространства».

За двадцать лет до этого — в 1935 году — в письме к известному популяризатору науки Якову Исидоровичу Перель-

ману Королев признавался: «Я лично работаю главным образом над полетом человека, о чем 2 марта с. г. делал доклад на первой Всесоюзной конференции по применению ракетных аппаратов для исследований стратосферы в г. Москве». В докладе этом он все подробно разбирает, сколько должно быть людей в экипаже, какая нужна кабина, дает множество диаграмм, связывающих разные параметры ракеты, рисует графики и заканчивает свой доклад так: «Дальнейшая задача заключается в том, чтобы упорной повседневной работой, без излишней шумихи и рекламы, так часто присущих, к сожалению, еще и до сих пор многим работам в этой области, овладеть основами ракетной техники и занять первыми высоты стратосферы».

Ясно видно, что по устремленности своей, по всему своему духу доклад 1935 года и отчет 1955 года очень похожи. Двадцать лет неотступных дум и той самой «повседневной работы без излишней шумихи и рекламы». Много это? Для истории — мало. Для человека — много. Королев понимал, что сам он уже не сможет полететь, как мечтал в молодые свои годы. И врачи не пустят, и не разрешат ему. Полетит другой, но обязательно полетит!

Вот в каком смысле Гагарин — сын Королева! Сын — как надежда, сын — как продолжатель твоего дела, реализатор многолетних трудов, способный воплотить в жизнь мечту отца! Но как же много предстояло еще сделать Королеву, чтобы он мог отпустить Гагарина в космос!

Когда Королев писал свой отчет в Академию наук, Юрий Гагарин — ему 21 год — как раз получил диплом с отличием в Саратовском индустриальном техникуме. В Томск преподавать в ПТУ решил не ехать, а закончить учебу в аэроклубе. Ни о каких «ракетных кораблях» не думал, просто хотел стать летчиком. Интересно, что бы он ответил, если бы кто-нибудь сказал ему тогда: «Не пройдет и шести лет, и ты полетишь в космос!» Рассмеялся бы, наверное...

ЛАЙКА

Над простейшим, как мне казалось, вопросом: когда же врачи начали работу по подготовке полета человека в космос, профессор Яздовский задумался неожиданно долго. Потом ответил: «Думаю, что подготовка к полету Юры началась примерно за 12 лет до его старта...»

12 лет... Гжатский школьник Юраша (так называла его мама) Гагарин не мог знать, сколь важное для него совещание состоялось в красивом особняке на Ленинском проспекте Москвы. В кабинете президента Академии наук СССР Сергея

Ивановича Вавилова сидели Сергей Павлович Королев и Владимир Иванович Яздовский. Сначала говорили в основном Вавилов с Королевым. О развитии ракетиой техники — до каких высот уже возможно добраться, о том, какую аппаратуру в первую очередь надо поднять в стратосферу и как ее оттуда вернуть.

Вавилов давно интересовался небом. Он был одним из организаторов первой Всесоюзной конференции по изучению стратосферы весной 1934 года в Лениниграде, на которой Королев рассказывал о реактивном стратоплане. Конечно, интересы у них были разные: Вавилову хотелось узнать, что там, в стратосфере и выше, есть и чего иет, понять природу в общем-то тоичайшего в межплаиетных масштабах слоя вещества иа граиице Земли и космоса, а если быть уж совсем точным, более всего интересовали его — одного из крупиейших в мире специалистов — оптические свойства этого слоя. У Королева была другая цель. Королеву хотелось там летать. Но эти интересы были связаны, даже закольцованы: нельзя было поиять природу стратосферы, не попав туда, и нельзя было попасть туда, ие узнав этой природы.

— А вас, Владимир Иваиович, мы просим возглавить биологические исследоваиия,— Вавилов обериулся к Яздовскому.— Вероятио, вам понадобится помощь различных учреждеиий биологического и медицинского профиля. Аидрей Николаевич Туполев рассказывал, что вы хорошо умеете оргаиизовывать исследоваиия как раз в условиях реального полета. Подберите людей, заказывайте аппаратуру. В средствах обещаю особеино вас не стеснять. И давайте иачииать...

Сергей Иванович иеторопливо проводил гостей до приемной. Ои иикогда никуда не торопился, а потому иикогда не опаздывал и успевал сделать больше, чем люди торопящиеся.

Итак, в конце 40-х годов были выработаиы две иаучные программы стартов в стратосферу: физическая и биологическая. О физической я рассказывать ие буду: слишком далеко это иас уведет от выбраииой темы. Скажу только, что самоотвержеииая работа физиков, тогда людей по большей части совсем молодых,— Сергея Вернова, Ивана Хвостикова, Сергея Мандельштама, Лидии Курносовой, Татьяны Назаровой, Веры Михневич, Бориса Миртова, Евгения Чудакова, Ивана Савенко и других миого прояснила в понимании процессов, происходящих высоко над планетой, установила влияние этих процессов иа иашу земиую жизнь, дала важные сведения, необходимые конструкторам будущих спутников, межплаиетных автоматических станций и космических кораблей.

Что же касается программы биологической, то уже в 1949 году были проведены первые пробные пуски животных на

ракетах. В декабре 1950 года эта программа обсуждалась на совместной сессии АН и АМН СССР. Возник спор: кого пускать? Одни предлагали начинать с мышей, крыс и другой лабораторной мелочи (бедные мухи-дрозофилы, вся вина которых заключалась в быстром размножении, что позволяло скорее проследить за передачей наследственной информации, были тогда изгнаны отовсюду Т. Д. Лысенко и его единомышленниками, и даже вспоминать о них считалось научным хулиганством). Другие настаивали на опытах с собаками. Бесспорно, были хороши обезьяны — как-никак «ближайшие родственники» человека, но обезьяны трудно поддаются дрессировке, склонны к простудам и разным хворям, начинают очень волноваться в непривычных условиях, могут датчики с себя сорвать. Тогда на сессии кинологи (так по-ученому называют собачников) во главе с Алексеем Васильевичем Покровским и Владимиром Ивановичем Яздовским в спорах этих победили. Поддержал их и академик Анатолий Аркадьевич Благонравов, которого Вавилов, никогда ничего не забывающий, рекомендовал председателем Государственной комиссии по организации исследований на геофизических ракетах, в том числе и проведению полетов животных. К работе этой со стороны Академии наук были привлечены также Н. М. Сисакян (будущий академик и ученый секретарь АН СССР) и В. Н. Черниговский (тоже будущий академик и хозяин павловских Колтушей).

Королев, прекрасно понимающий, как важны для его перспективных разработок эти эксперименты, торопил медиков, интересовался, нашли ли нужных собак и как их собираются тренировать. Яздовский делился с ним своими заботами. Ведь дело-то действительно было не простое. Ракетчики просили, чтобы собаки были небольшие, килограммов по 6—7. Маленькие собаки, чаще всего домашние животные, довольно изнеженные, прихотливые в пище. В этом смысле обыкновенная дворняжка имела преимущества перед болонками, тойтерьерами или таксами. Дворняжки были не глупее, но заведомо выносливее. Требовался отбор и по масти. Предпочтение отдавалось беленьким пескам — это была просьба специалистов по кино-, фото- и телеаппаратуре. Из светленьких потом отбирали по здоровью, нраву, реакциям. Решено было запускать по две собаки в одном контейнере — реакция одной могла быть чисто индивидуальной, а результаты хотелось получить самые объективные. Стали подбирать животных, наиболее совместимых по нраву. После всего этого многоразового просеивания, обмеров, взвешиваний, пытливых наблюдений во время, казалось бы, невинных прогулок, на каждого четвероногого кандидата в стратонавты завели карту и только тогда приступили к тренировкам: держали в барокамерах, крутили на центри-

фугах, трясли на вибростендах. Началась истинно «собачья» жизнь, одна отрада — кормили хорошо. Королев прислал врачам настоящий ракетный контейнер, и теперь надо было добиться главного: посаженная в него собака должна была чувствовать себя как дома — вокруг все привычно, никаких поводов к волнению нет.

В середине июня 1951 года В. И. Яздовский, А. В. Покровский, их помощники — Виталий Иванович Попов и Александр Дмитриевич Серяпин с целой псарней дворняжек прибыли на полигон Капустин Яр.

Стояла адская жара, доходящая днем до 45 градусов. В письмах к жене Нине Ивановне Королев писал о духоте — никакое купание не помогало, благодарил за присланные легкие шляпы и парусиновый костюм. В одном из писем сообщал, что гулял с Дезиком и Цыганом — двумя «космическими» собачками.

Их старт состоялся ранним утром 22 июня 1951 года. Впервые в истории крупные животные поднялись на ракете на высоту около 100 километров и примерно минут через 15 плавно опустились на парашюте неподалеку от стартовой площадки. И хотя договаривались заранее: «Товарищи! Важнейший эксперимент! После приземления все остаются на местах, к контейнеру допускаются только врачи!», хотя договаривались многократно и все высокие начальники из разных министерств и академий сами убежденно кивали при этом головами, эти начальники первыми все соглашения и нарушили — благо у них были автомобили. Столь велико было это искреннее, по-человечески понятное и простительное нетерпение людей, желавших убедиться: все хорошо, живы эти дворняжки, не зря мы ночей не спали, что и осудить их за нарушение договора у медиков рука не поднялась. Окружив контейнер плотным кольцом, заглядывали в иллюминатор и кричали радостно: «Живы! Живы! Лают!..»

Попов и Серяпин открыли люк, отсоединили штекеры системы регистрации физиологических функций и параметров среды, выключили систему регенерации воздуха, вытащили Дезика и Цыгана. Собаки весело забегали, ласкались к врачам.

— Условнорефлекторные связи сохранились,— сказал кто-то из физиологов за спиной Королева.

«Черт с ними, со связями, потом разберемся,— подумал Королев.— Пока важно, что живы. Живы!..»

В то лето провели шесть пусков. Не все шло удачно. Полетевший вторично Дезик и его напарница Лиса погибли во время второго полета. Контейнер разбился при ударе о землю. Королев очень горевал. Благонравов приказал Цыгана — напарника Дезика по первому полету — больше не запускать,

а когда в иачале сеитября уезжали в Москву, забрал его к себе домой. Я видел Цыгана в квартире Аиатолия Аркадьевича иа Садово-Спасской, ио ие зиал, какой ои зиамеиитый, и, помию, еще подумал: где же это академик откопал такого беспородиого пса...

В то лето погнблн четыре собакн. Несовершеиство техиники погубнло их. Жалко: добрые, славиые псы. А что делать? Ведь иадо же было пройти этот этап. Не людьми же рисковать. Погибая, собаки спасали человеческие жизии. За это академик И. П. Павлов поставил нм памятиик. Тем, которые погибали в его лабораториях. И этим — разведчикам стратосферы. И будущим, которые ие вериутся из космоса...

Случались иа полнгоие и курьезы. Пес Смелый ие оправдал клички, сумел открыть клетку и удрал в степь. Его искали, ие иашли и решилн срочно готовить ему замену, ио тут ои сам пришел «с повииной». Перед последиим пуском буквальио за считаные часы до старта вырвался и убежал Рожок. Яздовский был поиачалу в полиой паиике, ио вдруг его осеиило: в ракету посадилн ЗИБа — запасиого исчезнувшего Бобика. А на самом деле был ои никакой ие запасиой, а обычиый уличиый пес, ии о каком полете в стратосферу ие помышлявший, тренировок ие ведавший, эдакий баловеиь случая: слетал — и баста! И ведь отличио слетал, все его хвалнли потом н ласкалн и кормилн разиой вкусиятииой. В таком выиужденном экспериметe открылся свой смысл: зиачит, и иеподготовлеииая собака может справиться со всеми этими стрессами без всякого труда...

Старты 1951 года были иачалом обшириой миоголетней программы. Наряду с собаками в экспериментах использовались мыши, крысы, морские свинки, «реабилитнрованные» мухн-дрозофилы, бактерии, фаги, ткаиневые препараты. Кроме того, грнбы, семеиа и проростки пшеиицы, гороха, кукурузы, лука н друглх растеиий. Что же касается собак, то в 1953—1956 годах они леталн в специальио скоиструироваииых скафандрах и катапультнровалнсь в них на высоте около 80 кнлометров. Параллельио совершеиствовалась конструкция герметических кабнн, росла высота подъема ракет: от 100 километров к 200 н выше — к 450. Стало уже более нли меиее ясно, что шумы н вибрации лежат в пределах вполне переиосимых, тем более еслн время действия их измеряется всего иесколькими минутамн, что перегрузки можио перехнтрить, что проблема эта тоже решаемая. Но иевесомость... Продолжительность иевесомости во время ракетных пусков на большие высоты достигала уже 9 минут. Одиако в космическом полете счет пойдет уже ие иа минуты, а на часы и дни (сегодия — месяцы, завтра — год, послезавтра — десятнлетия). Что таит в себе длительиая иевесомость? Старты геофизических ракет с животными ие моглн ответить иа этот во-

прос. Нужен орбитальный полет. Вот почему сразу вслед за созданием в 1957 году межконтинентальной баллистической ракеты и успешного запуска первого в истории человечества искусственного спутника Земли было принято решение, что вторым будет спутник с живым существом.

Космическая биология и медицина (впрочем, так она еще не называлась тогда) развивались бурно. В них пришли новые люди. К подготовке биоспутника подключились известный физиолог, академик АМН СССР Василий Васильевич Парин и молодой физиолог, будущий академик Олег Георгиевич Газенко. В новой работе чувствовался размах, уже «космический» масштаб. Королев искал и находил союзников повсюду. В создании второго спутника принимали участие исследовательские и проектные организации различных министерств: триумф первого спутника помогал Королеву ломать ведомственные рамки. Собак готовили, как и раньше, авиационные медики и физиологи. Спутник — дело проектантов и технологов С. П. Королева (не говоря уже о ракете-носителе). Контейнер с системой жизнеобеспечения — инженеров, которыми руководил Семен Михайлович Алексеев, специалист по высотным (космических тогда еще не было) скафандрам. За передачу телеметрии с борта биоспутника на Землю отвечали сотрудники группы Алексея Федоровича Богомолова. Прибористам-биофизикам поручили придумать «космическую» кормушку для собаки и многое другое. Конечно, Королев был душой всего дела, вокруг него, как планеты вокруг светила, вращались смежники. Но направить и скоординировать эту работу возможно было лишь на уровне общегосударственном. И она постоянно направлялась, координировалась и (может быть, это самое важное) контролировалась Центральным Комитетом партии и Советом Министров СССР.

Позднее Сергей Павлович Королев говорил, что месяц между запусками первого и второго спутников был счастливейшим временем его жизни. Мечты молодости, знания зрелости — все, что копилось в нем долгие годы, воплощалось теперь в реальные дела и в течение считанных дней. Он испытывал чувство того полного счастья творчества, выше которого вряд ли что есть и пережить которое дано, увы, не каждому.

Месяц он практически не спал, так, урывками; большую часть времени проводил в цехах, прямо здесь, на рабочих местах, решая все вопросы; сам, своей рукой исправлял чертежи, впрочем, никто другой и не имел права сделать это без его ведома. А решиться просить об этом и получить такое разрешение было труднее, чем переплыть Волгу в ледоход.

Королев принял решение не отстыковывать биоспутник от последней ступени, как отстыковывался первый спутник. Так

было проще, а значит, надежнее. Кроме того, по металлу конструкций можно было отвести побольше тепла от животного. Перегрев. Он чувствовал: это ахиллесова пята биоспутника. Солнце снаружи, аппаратура и сама собака внутри — все стремятся нагреть, а как охладить? За счет чего? Справятся ли теплоотводящий экран и вентилятор? И сегодня для космической техники эта задача непростая, а тогда?

26 октября, через 22 дня после запуска первого спутника, Сергей Павлович скоростным самолетом Аэрофлота вылетел в Ташкент, а оттуда сразу на Байконур.

Тем временем авиационные медики и физиологи закончили длившиеся около года работы по подготовке животных. Из десяти собак выбрали трех, очень похожих друг на друга: Альбину, Лайку и Муху. Альбина до этого уже дважды летала на ракете, честно послужила науке. У нее были смешные щенки. Альбину решили не пускать: жалко. Впрочем, всех их было жалко: собака шла на верную гибель. Решили в конце концов, что полетит Лайка, а Альбина будет как бы ее дублером. Муха числилась «технологической собакой». На ней испытывали аппаратуру, работу различных систем.

— Лайка была славная собачонка,— вспоминает профессор В. И. Яздовский, руководивший подготовкой собак,— тихая, очень спокойная. Перед отлетом на космодром я однажды привез ее домой, показал детям. Они с ней играли. Мне хотелось сделать собаке что-нибудь приятное. Ведь ей жить оставалось совсем недолго...

Сейчас, по прошествии стольких лет, полет Лайки выглядит очень скромным; но ведь это историческое событие. И я хочу назвать людей, которые готовили Лайку к полету, которые вместе с тысячами других людей писали первые страницы истории практической космонавтики. Имена эти можно разыскать в специальных журналах и книгах, но большинство людей никогда их не слышали. А ведь это несправедливо, согласитесь. Итак, Лайку в полет готовили: Олег Газенко, Абрам Генин, Александр Серяпин, Армен Гюрджиан, Наталия Козакова, Игорь Балаховский.

Перед отлетом на космодром Яздовский и Газенко оперировали собак. От датчиков частоты дыхания на ребрах провода под кожей шли на холку и там выходили наружу. Участок сонной артерии вывели в кожаный лоскут для регистрации пульса и кровяного давления.

Тренировки собак продолжались и на космодроме буквально до дня старта. На несколько часов каждый день их сажали в контейнер. Сидели спокойно. Они давно уже освоились с кормушкой, которая представляла собой некое подобие пулеметной ленты, составленной из маленьких корытцев с желеобразной высококалорийной пищей. В каждом корытце была

дневная норма питания. Запас пищи был рассчитан на 20 дней. Не тяготились они и плотно облегающим тело «лифчиком», который держал мочекалоприемник. Фиксирующие цепочки, которые крепились к «лифчику» и стенкам контейнера, ограничивали свободу движений, но позволяли стоять, сидеть, лежать и даже чуть двигаться вперед-назад.

С утра 31 октября Лайку готовили к посадке в спутник, протирали кожу разбавленным спиртом, места выхода электродов на холке снова смазали йодом. Вошел Королев в белом халате. Смотрел на собаку. Она спокойно лежала на белом столике, вытянув вперед передние лапки и подняв голову, похожая на остроносенькиx собак с древних египетских барельефов. Королев осторожно почесал Лайку за ухом. Медики тревожно покосились, но ничего не сказали.

В середине дня Лайка заняла место в контейнере, а около часа ночи контейнер подняли на ракету. Медики не отходили от собаки ни на минуту. Стояла уже глубокая осень, и было холодно. К Лайке протянули шланг с теплым воздухом от наземного кондиционера. Потом шланг убрали: надо было закрывать люк. Правда, незадолго перед стартом Яздовскому удалось уговорить Королева разгерметизировать на минутку контейнер, и Серяпин попоил Лайку водой. Вода входила в пищу, но всем казалось, что собаке хочется пить. Просто попить обычной воды.

3 ноября второй спутник ушел в космос. Телеметрия сообщила, что перегрузки старта прижали собаку к лотку контейнера, но она не дергалась. Пульс и частота дыхания повысились в три раза, но электрокардиограммы не показывали никакой патологии в работе сердца. Потом все постепенно стало приходить в норму. В невесомости собака чувствовала себя нормально, медики отмечали «умеренную двигательную активность». Радостный Яздовский уже докладывал Государственной комиссии: «Жива! Победа!»

А ведь и правда это была замечательная победа! Собака не просто осталась жива, когда ее подняли в космос, но жила в космосе целую неделю! В специальном «Отчете советской комиссии Международного геофизического года», изданном в июле 1958 года, было сказано: «Этот эксперимент показал, что живой организм в течение недели, пока действовала установка по регенерации воздуха, хорошо переносил условия невесомости и другие особенности движения в космосе».

Через три дня после старта второго спутника курсанту Оренбургского высшего военно-авиационного училища летчиков имени И. С. Полбина Юрию Гагарину вручили золотые парадные погоны лейтенанта ВВС. Он был совершенно счастлив, он праздновал в те дни свадьбу, он не думал ни о каком космосе...

ОТБОР

Весной 1956 года, воодушевленный успешными стартами собак на геофизических ракетах, Главный конструктор Сергей Павлович Королев на одном из совещаний предложил подумать об организации полета человека на геофизической ракете. Это было полной неожиданностью, все заволновались, а молодые врачи Александр Серяпин, Абрам Генин и Евгений Юганов даже написали заявление с просьбой послать их в стратосферу. Королев был слишком увлечен завершением работ над межконтинентальной ракетой, чтобы уделить этой своей идее много внимания, а когда огромная ракета полетела — и вовсе от нее отказался. Наверное, объяснить такое охлаждение можно еще и тем, что реактивная авиация уже осваивала стратосферу и полет туда не только не выявлял заведомых преимуществ ракетной техники, но даже несколько размывал и притушевывал эти преимущества, давал повод усомниться в них, что для Королева было уже совершенно недопустимо.

Некоторое время Сергей Павлович раздумывает над тем, не организовать ли полет человека на новой ракете по баллистической кривой (как сделают американцы в мае 1961 года), но вскоре и этот вариант представляется ему ущербным, половинчатым, и уже в мае 1958 года он рассматривает предложения проектного отдела Михаила Клавдиевича Тихонравова, давнего и верного своего соратника, о тяжелом спутнике для полета человека в космос. В июне Королев вместе с Тихонравовым составляет записку в правительство о перспективных работах. Она начинается фразой, тон которой нехарактерен для документов подобного рода: «Околосолнечное пространство должно быть освоено и в необходимой мере заселено человечеством». В записке прямо указано: «...должны проводиться широкие исследования и разработки по обеспечению нормальных условий существования человека на всех этапах космического полета». В ноябре на совете главных конструкторов принимается решение начать разработку спутника для человека, хотя М. К. Тихонравов, энергичнейший из его сотрудников — К. П. Феоктистов и другие инженеры, молодость которых позволяла называть проектный отдел «детским садом», уже давно «прибрасывали» и «прикидывали» разные варианты. Наконец, в начале 1959 года под председательством академика М. В. Келдыша состоялось совещание, на котором вопрос о полете человека обсуждался уже вполне конкретно, вплоть до того: «А кому лететь?»

— Для такого дела,— сказал тогда Королев,— лучше всего подготовлены летчики. И в первую очередь летчики реактивной истребительной авиации. Летчик-истребитель — это и есть требуемый универсал. Он летает в стратосфере на одноместном

скоростном самолете. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер...

Большинство поддержало Сергея Павловича. Было решено поручить отбор кандидатов в космонавты авиационным врачам и врачебно-летным комиссиям, которые контролируют здоровье летчиков в частях ВВС.

Справедливости ради надо сказать, что в 50-е годы авиация и ракетная техника если и не конкурировали между собой, то относились друг к другу весьма пристрастно. Главком ВВС Павел Федорович Жигарев не поощрял увлечения своих медиков экспериментами с собаками на высотных ракетах Королева. Но сменивший его на этом посту в 1957 году Константин Андреевич Вершинин понял, что, как ни заняты ВВС своими летными заботами, к ракетным делам подключаться придется. «Космики» (хотя их так тогда не называли) выделились в самостоятельное подразделение во главе с профессором В. И. Яздовским. Ближайшими его сотрудниками были: Олег Георгиевич Газенко, Абрам Моисеевич Генин, Николай Николаевич Гуровский и Евгений Анатольевич Карпов. Общими усилиями была подготовлена важная бумага: директива по отбору космонавтов. Активно принимал участие в этом генерал-полковник Филипп Александрович Агальцов, который, надо отдать ему должное, очень помог врачам в этой работе.

Медики понимали, что и по опыту, и по возрасту, и по физическим данным состав летчиков-истребителей в разных частях примерно одинаков, так что забираться для поисков кандидатов в космонавты за Урал, на Дальний Восток не имело смысла. Перед отъездом было большое совещание, на котором выступил Королев. Он изложил пожелания ракетчиков: возраст — примерно 30 лет (забегая вперед, скажу: Комарову было 33 года, Беляеву — 35), рост — не более 170 сантиметров (Шонин был выше), вес — до 70 килограммов.

— А главное,— с улыбкой сказал Королев,— пусть они не сдрейфят!

— Сколько вам нужно людей? — спросили медики.

— Много,— ответил Королев.

— Но американцы отобрали семь человек...

— Американцам отобрали семерых, а мне нужно много!

Это заявление было встречено с некоторым недоумением. Надо сказать, что уже после сформирования первого отряда космонавтов, когда они уже приступили к тренировкам, речь шла о подготовке человека для полета в космос, человека в единственном числе! Как рассказывали мне сами космонавты, лишь перед самым стартом Гагарина и им самим, и их наставникам стало ясно, что дело не ограничится одним полетом, что очень скоро действительно потребуется много космонавтов.

Итак, разделившись парами, медики разъехались на поиски кандидатов. В довольно сжатые сроки им требовалось найти несколько десятков абсолютно здоровых, относительно (насколько возраст им разрешал) опытных, дисциплинированных, не имеющих замечаний по службе, профессионально перспективных, молодых, невысоких и худеньких летчиков-истребителей. Врачи в частях, которые знали только, что идет какой-то отбор летчиков «спецназначения», предложили приехавшим московским коллегам более трех тысяч (!) кандидатур. Москвичи засели за пилотские медицинские книжки. Ограничения ракетчиков сразу дали большой отсев. Но не только на рост и вес обращали внимание. Частые бронхиты. Ангина. Предрасположенность к гастритам или колитам. Сдвиг ЭКГ. В обыденной жизни все это, конечно, вещи неприятные, но кто же обращает внимание на такие пустяки! Московские медики обращали и, увидев отклонения от «абсолютного здоровья» (идеал этот, как вы понимаете, столь же недостижим для врача, как абсолютный ноль для физика), тут же браковали.

Просмотрев медкнижки и отобрав подходящие, начали беседовать с их владельцами. Интересовались опять-таки здоровьем, успехами, настроением и осторожно заводили разговор о том, что, мол, есть возможность попробовать полетать на новой технике. Нет, даже не на самолетах, а скажем, на ракетах. Или, допустим, на спутниках, а?

— Хорошо помню эти беседы,— рассказывает доктор медицинских наук Н. Н. Гуровский.— Девяносто процентов наших собеседников первым делом спрашивали: «А на обычных машинах летать мы будем?» Это были ребята, действительно влюбленные в свою профессию, гордящиеся званием военного летчика. Примерно трое из десяти отказывались сразу. Отнюдь не от страха. Просто им нравилась их служба, коллектив, друзья, ясны были перспективы профессионального и служебного роста, налажен семейный быт, и ломать все это из-за дела туманного, неизвестно что обещающего, они не хотели. (Кстати, это стало правилом: кандидат в космонавты мог, не объясняя причин, отказаться от работы на любом этапе подготовки.) Некоторые просили разрешения посоветоваться с женой. Это, честно говоря, нам уже не нравилось. Наконец, некоторые сразу соглашались...

— Я сразу сказал: согласен! — рассказывал Павел Попович.— Мне говорят: «Подумайте сутки». Да что мне думать, товарищи! Потом вышел в коридор, приоткрыл дверь, голову всунул в комнату и крикнул: — Я согласен!

Валерий Быковский со смехом признался мне, что, когда заговорили о ракетах, он подумал не о космосе, а о каком-то фантастическом экспериментальном полете в акваторию Тихого океана: там испытывали межконтинентальную ракету.

— А когда сообразил, о чем речь, подумал: «Это ведь очень интересно!» И сразу согласился.

Георгий Шонин, когда заговорили о «новой технике», забеспокоился, что его собираются переводить в вертолетчики, а он этого не хотел — не те высоты и не те скорости. А когда ему сказали о возможном полете вокруг земного шара, в первый момент не поверил.

Андриян Николаев, услышав о космических кораблях, тоже усомнился: а это реально?

— Вполне. Конечно, не сразу. Будете готовиться...

— Я с радостью,— улыбнулся Андриян.

Герман Титов, едва заговорили с ним о новой технике, быстро ответил:

— Да, согласен!

На такой же вопрос, заданный Н. Н. Гуровским в парткоме Военно-воздушной краснознаменной академии Павлу Беляеву, тот ответил так же:

— Согласен.

— Подумайте.

Беляев подумал и твердо повторил: согласен.

Но пожалуй, чаще всего в беседах этих летчики спрашивали о том, когда же все это будет, шутка ли: человек в спутнике! Хватит ли их летной жизни на такой полет? Ведь этак будешь ждать, пока в запас не спишут.

Шел август 1959 года. До полета человека в космос оставалось 20 месяцев.

Требования, предъявляемые к кандидатам в космонавты, во многом определялись возможностями ракетной техники. Американцы в 1957 году начали отбирать кандидатов в астронавты для полета в космическом корабле «Меркурий». Мощность ракеты-носителя «Атлас-Д» лимитировала вес корабля двумя тоннами. Возможности автоматизации и дублирования систем были крайне ограничены. Иными словами, американскому астронавту требовалось больше работать, чем советскому космонавту, поскольку вес «Востока» более чем в два раза превышал вес «Меркурия», что позволяло аппаратуре разгрузить космонавта, освободить его от выполнения многих операций во время полета. Американский отбор кандидатов был более жестким, чем советский. Отбирались лишь квалифицированные летчики-испытатели со степенью бакалавра наук, с налетом не менее 1500 часов. Для сравнения скажу, что к моменту поступления в отряд космонавтов налет Гагарина составлял около 230 часов, Титова — 240, Леонова — 250. Космонавты из последующих наборов — Шаталов, Береговой, Филипченко, Демин и другие, которым предстояло проводить в космосе работу несравненно более сложную, были и старше, и опытнее. Возрастной потолок американцев был отодвинут до 40 лет. Из 508 кандидатов к

апрелю 1959 года, как уже говорилось, было отобрано 7 человек. Надо отметить и такую деталь, характеризующую нетерпение, с которым американцы стремились взять реванш за «красную Луну» — так называли в США наш первый спутник. Набор астронавтов в США начался до того, как был создан космический корабль и отработан его носитель. Между тем, когда наши медики просматривали медицинские книжки в авиаполках, в цехах опытного производства Королева уже стояли первые сферические оболочки будущих «Востоков», а носитель успешно эксплуатировался уже два года.

В США после полета Гагарина нас упрекнут в излишней и неоправданной торопливости, чуть ли не в техническом авантюризме.

Так кто же торопился и кто авантюрист?

Отобранных в частях кандидатов вызвали в Москву на медицинскую комиссию. (Снова забегая вперед, скажу, что «крестными отцами» космонавта № 1, зачислившими его в список кандидатов, стали военные медики: Петр Васильевич Буянов и Александр Петрович Пчелкин.) Летчики приезжали партиями по 20 человек. Впрочем, задачу врачам облегчили сами кандидаты. Проверка здоровья действительно была необыкновенно строгой, а «забракованные», вернувшись в свои части, естественно, еще больше сгущали краски. Бывали случаи, когда тщательный медицинский осмотр выявлял некие ранее просмотренные (или скрываемые) изъяны, которые не только исключали из числа кандидатов, но накладывали запрет и на прежнюю летную работу. Об этом узнали те, кто ждал очередного вызова. И, получив такой вызов, иные в Москву не ехали, руководствуясь популярной поговоркой, что синица в руках лучше, чем журавль в небе. Так, еще до всяких медицинских проверок летчики проходили проверку характера, воли, силы собственного желания испытать себя в новом, неизведанном деле.

Кроме всевозможных анализов и осмотров, кандидатов подвергали так называемым «нагрузочным пробам» — выдерживали в барокамере, крутили на центрифуге, проверяли устойчивость организма к гипоксии (кислородное голодание) и перегрузкам. День ото дня группа кандидатов сжималась, как шагреневая кожа.

— Вполне понятно, что не все могли соответствовать требованиям, предъявляемым к будущим космонавтам. На то и отбор,— вспоминает о том времени Георгий Шонин.— Но кто тогда мог точно сказать: какими должны быть эти требования? Поэтому для верности они были явно завышенными, рассчитанными на двойной, а может быть, и тройной запас прочности. И многие, очень многие возвращались назад в полки...

Обидно было возвращаться. И не в том дело, что ие полетаешь теперь иа спутиике,— об этом мало жалели, поскольку трудио жалеть о том, чего ие представляешь. Жалели, что ие сдюжили. В молодые годы особеиио развит дух соревиоваиия, обострению болезнеииое отношеиие имеиио к своим телесиым (к умствеииым — как-то спокойиее) недостаткам, и ребята, конечио, переживали.

— Ну как, прошел? — с горькой улыбкой спрашивал «забракованиый» у «счастливчика».— Ну, молодец, Лайкой будешь...

Утешали они себя такими шуточками? Да иет, коиечио. Как говорится, ие от хорошей жизии оии шутили...

А время шло. Королев торопил медиков. К коицу 1959 года «пройтн комиссию по теме № 6» — так формулировалось в официальных медицинских документах — удалось 20 кандидатам. Эти двадцать летчиков и составили первый отряд советских космоиавтов. Через иесколько лет во всех статьях и книжках их будут иазывать гагарннским отрядом. Но кто мог угадать тогда такое название?! Двадцать летчиков в теплых казеииых пижамах с белыми отложными воротничками стояли перед медиками. Среди них были будущие летчики-испытатели и скромиые педагоги, геиералы и просто пеисионеры, депутаты Верховного Совета СССР и почетиые граждаие многочислеиных зарубежных городов, прославлениые, всей страие известиые герои и люди, оставшиеся неизвестными.

Вот их имена:

Аникеев Иван Николаевич,
Беляев Павел Иванович,
Бондаренко Валеитин Васильевич,
Быковский Валерий Федорович,
Варламов Валеитин Степаиович,
Волыиов Борис Валеитииович,
Гагарии Юрий Алексеевич,
Горбатко Виктор Васильевич,
Заикин Дмитрий Алексеевич,
Карташов Анатолий Яковлевич,
Комаров Владимир Михайлович,
Леоиов Алексей Архипович,
Нелюбов Григорий Григорьевич,
Николаев Аидриян Григорьевич,
Попович Павел Ромаиович,
Рафиков Марс Закирович,
Титов Гермаи Степаиович,

Филатьев Валентин Игнатьевич,
Хрунов Евгений Васильевич,
Шонин Георгий Степанович.

Среди них стоял будущий первый космонавт нашей планеты, человек, которому суждено было навсегда войти в историю земной цивилизации. Но кто мог отгадать его тогда среди двадцати летчиков в теплых госпитальных пижамах с белыми отложными воротничками?

КЛЕВЕТА

Десятого ноября космонавт Белоконев докладывает с орбиты:

«Внимание, внимание! Материальная часть в порядке. Вероятно, будет возможность изменить курс».

Земля отвечала: «Будь осторожен. Не выходи за рамки намеченной программы, это опасно».

Белоконев рапортовал: «Только что кончил фотографировать согласно программе. Это великолепно!»

Десятого ноября космонавт в иллюминаторе увидел странные светящиеся частицы. С Земли попросили достать образец.

Белоконев ответил: «Я постараюсь, но не знаю, как это сделать. Я очень замерз».

Одиннадцатого ноября Белоконев доложил, что давление в корабле нормальное и все идет великолепно. А вскоре поспешил обрадовать Центр управления:

«Мне повезло. Я достал образец! Что? Радиация? Я не думал об этом. Они опасны?»

Двенадцатого ноября в треске атмосферных разрядов раздался тревожный голос Белоконева:

«Я не слышу вас! Я не слышу вас! Батареи не работают! Внутри темно. Приборы больше не сигнализируют. Кислород! Товарищи! Ради бога, могу ли я что-нибудь сделать? Что? О, черт! Я не могу. Вы понимаете? Вы понимаете?..»

«Корабль ушел с расчетной орбиты. Речь космонавта перешла в невнятное бормотанье и в конце концов исчезла совсем. Никогда уже больше не слышали мы о бедном храбром Белоконеве. А сколько было таких же, как он? Американцы спрашивают: действительно ли Юрий Гагарин был первым человеком, побывавшим в космосе?..»

По первому впечатлению текст этот напоминает отрывок из малограмотного научно-фантастического рассказа. Но ведь это не рассказ, а почти дословное изложение «радиоперехвата» из

космоса, опублнкованного в молодежном еженедельинке «Ункэнд» за подпнсью некоего Алана Хейндерсона! Все это выдается за чнстую правду!

И вот четверть века спустя после смерти «бедного храброго Белоконева» (еслн вернть Хейндерсону. А вернть ему нельзя!) я снжу в его квартнре, а точиее, в квартире Алексея Тимофеевнча Белоконова, н ои рассказывает мне нсторню своей мннмой гнбелн:

— В 50-х годах, задолго до гагарннского полета, я н мои товарищи, тогда совсем молодые ребята,— Леша Грачев, Геииаднй Заводовский, Геннаднй Мнхайлов, Ваня Качур, занималнсь наземиымн нспытаннямн авнацноиной аппаратуры н протнвоперегрузочных летных костюмов. Кстатн, тогда же былн созданы н в соседней лаборатории нспытывались скафандры для собачек, которые леталн на высотных ракетах. Работа была трудная, но очень нитересная. Однажды к иам приехал корреспондеит нз журнала «Огонек», ходнл по лабораториям, беседовал с намн, а потом опублнковал репортаж «На пороге большнх высот» с фотографнями (см. «Огоиек» № 42, 1959 г.— *Я. Г.*). Главным героем этого репортажа был Леша Грачев, ио обо мне тоже рассказывалось, как я нспытывал действие взрывной декомпресснн. Упомниался и Иван Качур. Говорилось н о высотном рекорде Владимнра Ильюшнна, поднявшегося тогда на 28 852 метра. Журналнст немного нсказнл мою фамнлию, назвал меня не Белоконовым, а Белоконевым. Ну, вот с этого все н началось. Журнал «Нью-Йорк джорнэл Америкэн» иапечатал фальшнвку, что я н мои товарнщи летали до Гагарниа в космос н погнбли. Главный редактор «Известнй» Алексей Ивановнч Аджубей прнгласнл иас с Михайловым в редакцню. Мы прнехалн, беседовалн с журиалистамн, нас фотографнровалн. Этот сннмок был опубликован в «Известнях» (27 мая 1963 г.— *Я. Г.*) рядом с открытым пнсьмом Аджубея мнстеру Херсту-младшему, хозяину того журнала, который нас отправнл в космос н похороинл. Ответ амернканцам на нх статью мы н самн опублнковалн в газете «Красиая звезда» (29 мая 1963 г.— *Я. Г.*), в которой честио написали: «Нам ие довелось подиматься в заатмосфериое пространство. Мы заинмаемся испытаинем разлнчиой аппаратуры для высотиых полетов». Во время этих нспытаннй никто не погнб. Геннадий Заводовский жил в Москве, работал шофером, в «Известия» тогда не попал — был в рейсе; Леша Грачев работал в Рязани на заводе счетно-аиалнтнческнх машни. Иваи Качур жнл в городке Печенежнн в Ивано-Франковской областн, работал воспнтателем в детском доме.

Позднее я участвовал в испытаииях, связанных с снстемамн жнзнеобеспечения космонавтов, и даже после полета Гагарниа был удостоеи за эту работу медалн «За трудовую доблесть»...

Сидим с Алексеем Тимофеевичем, листаем альбомы со старыми фотографиями и документами. Вот пропуск № 2529, выданный Белоконову А. Т. на левую трибуну Красной площади 14 апреля 1961 года, когда Москва встречала Юрия Гагарина... Выходит, никак не мог погибнуть «бедный храбрый Белоконев» до этого дня, тем более что ныне он жив, отличается для своих лет (ему 54 года) завидным здоровьем, вырастил двух сыновей и радуется внуку Антону.

Когда читал зарубежные статьи о «погибших в космосе до полета Гагарина советских космонавтах», поначалу испытывал этакое иронично-брезгливое чувство: «Ведь как-никак профессионалы же сочиняли, неужели не могли придумать фальшивку поумнее?» Но чем больше я читал, тем меньше оставалось во мне благодушия. Я понял: это вовсе не невинная ложь, не «наспех», «на халтуру» состряпанная, недожаренная газетная «утка». Давайте называть вещи своими именами. Это продуманная антисоветская пропагандистская кампания, авторы которой стремятся уже много лет одурачить миллионы людей, принизить научные и технические достижения нашей страны. И дело не в идиотском репортаже о мифическом Белоконеве, а именно в этой большой цели, враждебной мне лично, миллионам таких людей, как я, моему правительству, политике моей Родины.

Я учился, когда были еще «мужские» школы. Как полагалось, наш 7 «Б» враждовал с параллельным 7 «А». Но я хорошо помню нашу мальчишескую этику — не заводиться по мелочам! Однако если 7 «А» преступал рамки и наглел, наш 7 «Б» всем миром решал: «Надо дать по рогам!» Конечно, к сочинению Хендерсона и к десяткам других подобных сочинений можно было бы отнестись по пословице «Собака лает — ветер носит», что и делалось многие годы. Но может быть, надо все-таки «дать по рогам»?

Полет Юрия Гагарина был не только научно-технической, но и политической победой нашей страны. Это прекрасно понимали на Западе. «С точки зрения пропаганды,— писала газета «Нью-Йорк геральд трибюн»,— первый человек в космосе стоит, возможно, более 100 дивизий или дюжины готовых взлететь и по первому приказу межконтинентальных баллистических ракет». И вполне естественным, ожидаемым было желание наших недругов принизить значение этого полета, отыскать в нем какие-нибудь изъяны, как-то его скомпрометировать. Поначалу второпях наделали глупостей, опять писали о «русских фокусах» и «магнитофоне на орбите». Американский журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт», например, писал в 1961 году, что первый полет состоялся за несколько дней до 12 апреля, но пилот погиб, а Гагарин потом «играл» на земле его роль. Собственно, повторилась ситуация осени 1957 года,

когда нашлись люди, и довольно ответственные, которые говорили: «А может, и нет никакого спутника, может, это так, русский фокус?» «Фокус» и тогда «не прошел», а теперь, три с лишним года спустя, после Лайки, гигантского третьего спутника, после лунников, «Венеры», полетов космических кораблей с животными, предшествующих старту «Востока»,— тем более. Впрочем, американец Ллойд Меллон написал, например, что все победы советской космонавтики — вымысел, что никакие лунники не летали, а фотография обратной стороны Луны — фальшивка.

Итак, воспользовавшись публикацией в «Огоньке», «зачислили» испытателей в космонавты. Получили достойную отповедь. Впрочем, еще до того, как «Известия» напечатали открытое письмо Херсту после полета Ю. Гагарина и Г. Титова, американцы, как вспоминает Белоконов, снимали в Советском Союзе документальный фильм «Советы в космосе» и на съемках встречались с испытателями, в том числе с Алексеем Белоконовым, а значит, могли убедиться, что он жив-здоров. Ну, ладно, влипли в некрасивую историю, пойманы, как говорится, с поличным. Но проходит какое-то время, и тот же «Нью-Йорк джорнэл Америкэн», а за ним и «Уикэнд» все начинают снова: опять «хоронят» в космосе наших испытателей, и «Известия» опять вынуждены уличать клеветников в публикации «Потрепанная фальшивка» («Известия» от 30 июня 1965 г.— *Я. Г.*). Тогда же вновь откликается и «Красная звезда» статьей генерал-лейтенанта ВВС Н. П. Каманина «Кому нужны космические небылицы».

Значит, это уже не случайная ошибка, а вполне осознанная пропагандистская акция. Суть ее можно обозначить так: Гагарин, разумеется, летал, и он герой, конечно. Но вся штука в том, что Гагарин был отнюдь не первым. До него русские много раз пытались запустить человека в космос, это им не удавалось, люди гибли, а русские, естественно, об этом помалкивают. Таким образом, Гагарин — просто счастливая случайность.

Нежданно-негаданно в эту новую клеветническую орбиту было втянуто имя известного нашего летчика-испытателя Героя Советского Союза Владимира Сергеевича Ильюшина. 8 июня 1960 года, когда Ильюшин ехал на аэродром, встречный автомобиль с пьяной компанией ударил его, как говорится, «лоб в лоб». Травма была очень тяжелой. Ильюшин долго лечился в Москве, а заключительный курс провел по рекомендации врачей в Китае на целебных источниках. «Герой, сын знаменитого авиаконструктора, со сломанными ногами. Все ясно: летал в космос до Гагарина, попал в катастрофу при приземлении» — так родилась новая «утка». Называлась даже дата старта Ильюшина на космическом корабле «Россия»:

7 апреля 1960 года. И хотя сам Владимир Сергеевич рассказал всю правду об этом несчастном случае на страницах журнала «Юность», на Западе нет-нет да и вспомнят эту историю.

Владимир Ильюшин — человек известный, популярный, ошельмовать его трудно. Куда проще вместо реальных людей изобрести или «мертвые души», или придумать космонавтов, подобно тыняновскому подпоручику Киже, «фигур не имеющих» вообще. Джеймс Оберг в «Аэрокосмическом историческом вестнике» признает, что доказательств того, что русские космонавты погибали в космосе до 1967 года, нет. Оберегая свою репутацию солидного и объективного журналиста, Оберг выступает вроде бы борцом с якобы прочно бытующим на Западе мнением о том, что раз многочисленные истории о гибели советских космонавтов существуют, значит, что-то было. В начале своей статьи «Фантомы космоса. Секретная смерть русских космонавтов» Оберг называет четыре фамилии: Долгов, Грачев, Заводовский, Лодовский. Откуда эти фамилии? Что за люди?

Долгова я «вычислил» довольно быстро. Подразумевается, очевидно, Петр Иванович Долгов — известный советский парашютист. Френк Эдвардс в журнале «Фейт» утверждал, что Долгов летал в космос и погиб. По словам этого журналиста, корабль Долгова засекли станции слежения в Турции, Швеции, Англии, Италии и Японии. Однако ни одна станция в этих странах не подтвердила этого сообщения. Более того, крупнейший английский радиоастроном сэр Бернард Ловелл, работавший на одной из самых крупных в мире радиообсерваторий Джодрелл Бэнк, прямо тогда заявил: «У нас нет никаких оснований считать, что в СССР состоялся какой-либо неудачный запуск космического корабля».

Петр Иванович Долгов действительно погиб во время парашютного прыжка с высоты 24 500 метров. После того как он вместе с другим знаменитым парашютистом-рекордсменом Евгением Андреевым покинули гондолу стратостата «Волга», у Долгова произошла разгерметизация скафандра, и на землю он опустился уже мертвым. Но ведь трагедия эта произошла не до полета Гагарина 11 октября 1960 года, как утверждал Эдвардс, а после этого полета — 1 ноября 1962 года, не говоря уже о том, что парашютный прыжок из стратостата не имел к космонавтике решительно никакого отношения.

А Грачев откуда взялся? До встречи с А. Т. Белоконовым я не знал об испытателе Г. Грачеве. Сижу, вспоминаю. Довольно распространенная русская фамилия. Был Акинфий Грачев — знаменитый глава старообрядческой церкви в Самаре. Полететь в космос вряд ли хотел. В XIX веке жил замечательный овощевод-селекционер Ефим Грачев. Помню Леонида

Павловича Грачева — директора издательства «Известия». Тоже совершенно земной человек... Внимание! Может быть, Андрей Дмитриевич Грачев? Это был выдающийся конструктор жидкостных ракетных двигателей, последние 16 лет жизни работал с академиком Валентином Петровичем Глушко в ГДЛ — ОКБ. Его именем назван кратер на Луне. И хотя он много сделал для нашей космонавтики, сам в космос не летал, да и скорее всего не получил бы разрешения на такой полет по возрасту (он родился в 1900 году). И никак погибнуть до полета Гагарина он не мог, поскольку умер через три года после этого полета. Теперь я убежден, что Грачев появился из той же публикации в «Огоньке». В других списках «погибших» и Качур, которого тоже упоминал «Огонек».

А потом я вдруг подумал: да что же это я голову-то ломаю, «истоки» отыскиваю! Да нет никаких истоков, все это просто из пальца высосано! Позднее западные средства массовой информации пополнили отряд советских космонавтов Ростиславом Богдашевским, Юрием Вавкиным, Иваном Корнеевым, Вороновым, Виноградовым и т. д. Люди с такими именами наверняка существуют, но в космос они не летали и никогда не готовились к такому полету.

Преднамеренность всей этой клеветы видна еще из такого факта, что для правдоподобия в нее нередко вставляется какая-нибудь реальная деталь. Ильюшин действительно был ранен, Долгов погиб в стратосфере, Грачев увековечен в лунном атласе. Впрочем, если нет такой детали — не страшно, и так сойдет. С другой стороны, многие статьи о космических катастрофах до полета Гагарина написаны в каком-то псевдоконфузливом тоне. Чувствуется, что авторам и самим неловко врать. Поэтому подтекст часто такой: «Мы, конечно, ничего не утверждаем, но, сами понимаете, дыма без огня не бывает...»

Что касается научной и технической стороны дела, то тут Белоконев с радиоактивными частицами, которые он отлавливал в космосе, вовсе не одинок. Некоторые сообщения подобного рода были рассчитаны на абсолютно темных, дремучих читателей. Писалось, например, о том, как умирал в космосе советский космонавт, запущенный незадолго до старта Гагарина — 4 февраля 1961 года. Дата выбрана опять-таки не случайно, а для придания всей версии правдоподобия: в этот день на Байконуре действительно была запущена автоматическая межпланетная станция к Венере, которая, к сожалению, не вышла на расчетную орбиту и превратилась в искусственный спутник Земли. Никакого отношения к программе пилотируемых полетов этот запуск не имел. Так вот, нашелся некий итальянский физиолог, который, «прослушав запись сердечных ударов космонавта», заявил, что «они принадлежат умирающему человеку». Неужели те, кто печатал эту чушь, не знают, что если

бы и летел тогда человек в космическом корабле, то биоинформация о его состоянии передавалась бы с помощью закодированной телеметрии и без специальной дешифровки на Земле (которую, кстати, никто не делает, так как медикам она не нужна), сигналы, идущие из космоса, не могут звучать, как удары сердца. Это у нас школьники знают.

Особенно преуспело с сообщениями о «гибели советских космонавтов» итальянское агентство «Континенталь». Согласно его сообщениям, в суборбитальных полетах в 1957 году погиб космонавт Лодовский, на следующий год — Шиборин, еще через год — Митков. Все эти фамилии — придуманные. Главными поставщиками информации для «фабрики смерти» — так в насмешку журналисты окрестили «Континенталь» — были братья Арчилло и Джамбатиста Юдика-Кордилья, которых называют то учеными, то радиолюбителями и которые построили под Турином собственный центр подслушивания в космосе — Торре Берта, где и фабриковались клеветнические «радиоперехваты» и «затухающие сердечные ритмы». Удивительно, но любительский «центр» Торре Берта ухитрялся регистрировать такие сигналы, которые никакая другая станция, специально оснащенная для приема информации из космоса, не слышала. Как известно, существует особый вид юридически наказуемых правонарушений, именуемый радиохулиганством. Тех, кто засоряет эфир, можно судить. А тех, кто засоряет мозги?

Повторяю: это кампания. Статьи о безвестных советских космонавтах, якобы погибших в космосе, публиковались в десятках других, главным образом американских, изданий, причем изданий, имеющих репутацию солидных: «Вашингтон ивнинг стар», «Балтимор сан», «Нью-Йорк джорнэл Американ», «Сиенс бизнес дейли» и др. В журнале «Тру» все эти сплетни были суммированы журналистом Джеймсом Милсом в июне 1961 года. Клеветническими измышлениями занимались не только репортерская шушера, но, увы, и известные журналисты. Один из «королей» американской прессы Дрю Пирсон опубликовал в газете «Вашингтон пост» статью, в которой утверждал: «Пять русских космонавтов погибли в космосе. Сначала трое в суборбитальных полетах в 1959 году. Затем двое — в мае и сентябре 1960 года». Итак, пять. По этому поводу известный летчик-испытатель, Герой Советского Союза Марк Лазаревич Галлай, принимавший непосредственное участие в подготовке наших первых космонавтов, пишет в своей документальной повести «С человеком на борту»: «...В иностранной печати фигурировали осторожные (типа «говорят...») сообщения о гибели пяти советских космонавтов «во время неудавшихся попыток полета человека в космос». Именно пяти, не больше и не меньше, ибо, как известно, ничто так не

прибавляет любому, самому невероятному сообщению достоверности, как цифра, число».

Джеймсу Обергу из Хьюстона пяти, однако, показалось мало. «Я подозреваю, что восемь космонавтов погибли во время тренировок»,— пишет он в журнале «Спейс флайт». Журналист Лаззеро опубликовал список девяти «погибших» советских космонавтов. Итальянская газета «Коррьере делла сера» убеждала своих читателей, что их было четырнадцать.

Некрасиво, господа, нехорошо. Стыдно.

Ни один советский космонавт до полета Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года в суборбитальных полетах не участвовал, не пытался стартовать в космос, не летал в космосе, а потому и погибнуть там не мог.

Погиб военный летчик Валентин Васильевич Бондаренко. Не в космосе погиб, на земле. Это случилось 23 марта 1961 года. Валентин был самым молодым в первом отряде космонавтов (ему было 24 года). Согласно расписанию тренировок, он в тот день заканчивал десятисуточное пребывание в сурдобарокамере — как и других космонавтов, его испытывали одиночеством и тишиной. Давление в сурдобарокамере было пониженным, что компенсировалось избыточным содержанием кислорода. Сняв с себя датчики после медицинских проб, Валентин протер места их крепления ваткой, смоченной спиртом, и не глядя бросил эту ватку, которая упала на спираль включенной электроплитки. В перенасыщенной кислородом атмосфере пламя мгновенно охватило маленькое пространство сурдобарокамеры. На Валентине загорелся шерстяной тренировочный костюм, но он не подал сигнала тревоги на пульт, пробовал сам сбить пламя. Дежурный врач сразу открыть герметичную дверь, не выравняв давления снаружи и внутри, не мог. На все это требовались лишние секунды. А их не было. Когда Валентина вытащили из сурдобарокамеры, он был еще в сознании, все время повторял: «Я сам виноват, никого не вините...» Восемь часов врачи боролись за его жизнь, но спасти Бондаренко не удалось: он погиб от ожогового шока. Похоронили его на родине, в Харькове, где жили его родители. А жена Аня и пятилетний сын Саша остались в Звездном городке. В архиве ВВС я читал выписку из приказа: «Обеспечить семью старшего лейтенанта Бондаренко всем необходимым, как семью космонавта. 15.4.61. Малиновский». Фотографию Валентина Васильевича, сделанную буквально за несколько дней до его гибели, передал мне его сын — молодой офицер Александр Валентинович Бондаренко.

Мне много рассказывали о Валентине наши первые космонавты, его товарищи по отряду. Это был славный, незлобивый парень, выросший в простой работящей украинской семье. Окончив в 1954 году школу в Харькове, добровольцем ушел

в армию, поступил в военное авиационное училище, мечтал стать военным летчиком — и стал им. Потом был отобран в отряд космонавтов и с конца апреля 1960 года приступил к занятиям. В отряде его любили за добродушную расположенность к людям: «Прозвище ему дали Звоночек,— рассказывал Павел Попович,— а вот почему Звоночек, не помню». «Он хорошо играл в футбол,— добавил Алексей Леонов,— а в настольный теннис Валентина в нашем отряде никто обыграть не мог. Никогда не обижался на дружеские розыгрыши, если «покупался», смеялся вместе со всеми. А если у человека чувство юмора распространяется и на самого себя, это, как правило, хороший человек». «Порой Валентин мог вспылить, но без злости и обиды,— вспоминает Георгий Шонин, который некоторое время жил с Бондаренко в одной квартире.— Буквально на мгновение взорвется — и тут же покраснеет, застесняется за свою несдержанность. Я всегда восторгался его самоотверженностью и решительностью. Меня до сих пор знобит, когда я вспоминаю, как он взбирался по водосточной трубе на пятый этаж к стоявшему на подоконнике ребенку, рискуя ежесекундно свалиться вместе со скрипучей трубой... Валентин очень любил своего отца. Он гордился им, бывшим партизанским разведчиком. Вечерами, когда мы выходили на балкон подышать перед сном, он много и интересно рассказывал о нем, прерывая вдруг себя вопросом:

— Я тебе говорил, что папаха моего батьки лежит в музее партизанской славы?»

17 мая 1930 года взорвавшийся ракетный двигатель убил своего конструктора — замечательного австрийского энтузиаста покорения Вселенной Макса Валье. Ему было 35 лет. Он стал первой жертвой космонавтики. За год до гибели Валье писал: «То, что панцирь земного тяготения нельзя преодолеть без больших усилий,— это ясно, как, вероятно, и то, что это предприятие будет стоить много времени, денег, а может, и человеческих жизней. Однако разве из-за этого мы должны от него отказываться?» Случайная гибель в большом деле возможна, поскольку предусмотреть все опасности, подстерегающие здесь человека, нельзя. С. П. Королев писал жене Нине Ивановне с космодрома: «Мы стараемся все делать не торопясь, основательно. Наш девиз: беречь людей. Дай-то бог нам сил и умения достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни...»

27 января 1967 года в перенасыщенной кислородом атмосфере космического корабля сгорели американские астронавты, первый экипаж «Аполлона»: Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи. Они погибли до того, как сумели открыть входной люк. При подготовке к космическому старту разбились Эллиот Си и Чарльз Бассет — основной экипаж «Джемини-9».

Во время тренировочных полетов погнбли астронавты Клифтон Вильямс, а позднее Роберт Лауреис. Вильямс был дублером на «Аполлоне-9» и готовился к полету иа «Аполлоне-12». Он должеи был стать четвертым человеком, который ступнт иа Луну. На треиировке реактнвный самолет астронавта Теодора Фримена столкнулся в воздухе с гусем. Фримен катапультировался, но высота была слишком мала, н он разбился. Можно такое предусмотреть? Можио было предусмотреть гибель Юрня Гагарина и его опытиейшего инструктора Владнмира Серегина во время ординариого треиировочного полета?

Все это случилось не в космосе, ие в грохоте старта, не в огнениых вихрях приземлення — на треннровках, на самых обычных рядовых треиировках. Ужели этот полный боли спнсок кажется кому-то слишком коротким и взывает к нскусственному удлинению?!

В 1967 году после гибели Владимира Комарова я беседовал с Юрнем Гагарниым. Интервью это было опублнковано в «Комсомольской правде» (17 мая 1967 г.— *Я. Г.*) и перепечатано потом многнмн газетамн мира. Он сказал тогда:

— Ничего не дается даром. Ни одна победа над прнродой ие была бескровной. Мы началн узнавать околоземной мир... Мы сядем в кабнны иовых кораблей и выйдем на иовые орбнты...

Юрий погнб меньше чем через год после нашего разговора.

ПОДГОТОВКА

По решению ЦК КПСС 11 января 1960 года была нздана директива о формнроваиин Центра подготовки космонавтов.

Теперь отобраниых каидидатов требовалось готовить к полету. Но до этого нужио было решить, где их готовнть, а главное — в чем, собственио, эта подготовка должна заключаться. Вопросы, которые сегодня кажутся самоочевиднымн, тогда вырастали в серьезные проблемы хотя бы потому, что иикто никогда иикаких космонавтов не готовил.

«Кто возглавит будущих летчиков-космонавтов, явнтся в Звездном городке начальииком, воспнтателем и в то же время смелым экспернментатором? — писал поздиее в своей книге «Летчики н космонавты» Н. П. Каманин.— На эту должность у иас появилось несколько кандидатур. Остаиовились иа видном специалисте в области авиационной медициины Евгеиин Анатольевиче Карпове. Немало лет проработал он с летчиками, хорошо зиает их душу н летиый характер. Евгений Аиатольевич с первых дней загорелся новой работой, перспектнвой, мечтой».

Итак, 24 февраля Карпов был иазиачеи начальником Центра

подготовки космонавтов, а точнее, начальником того, что этому начальнику надлежало создать. Карпов, тогда скорее чувствующий, чем до конца понимающий всю перспективность и масштабность нового дела, начал со штатного расписания на 250 человек. Заместитель главкома ВВС Ф. А. Агальцов улыбнулся, оценив смелость 38-летнего полковника, и сократил штат до 70 человек. Карпов пошел к Главкому. Маршал К. А. Вершинин выслушал сначала полковника, потом генерал-полковника и сказал Агальцову:

— Ты, Филипп Александрович, не понимаешь, как их готовить, и он не понимает,— маршал кивнул на Карпова,— но берется! Это надо ценить!

И утвердил 250 человек.

В этот момент у Карпова из всех положенных по штату сотрудников в наличии было два: заведующий отделом кадров Андрей Власюк и Федор Демчук — завгар, он же шофер, он же автослесарь. Но вскоре появились надежные опытные заместители: по летной подготовке — Евстафий Евсеевич Целикин, по политработе — Николай Федорович Никерясов. Очень помогал Карпову в организационных делах кадровый политработник генерал-лейтенант Василий Яковлевич Клоков.

В начале марта в Москву начали съезжаться первые из двадцати отобранных космонавтов (формально рассуждая, называть их так нельзя; они пока только кандидаты в космонавты, космонавтами некоторые из них станут лишь через несколько лет, а некоторые так и не полетят в космос. Но давайте договоримся, что мы будем всех их так называть). Первым приехал Павел Попович. Три дня они с Мариной жили вдвоем. Потом появился Валерий Быковский. Следом стали подтягиваться остальные: Аникеев, Гагарин, Горбатко, Нелюбов, Николаев, Титов, Хрунов, Шонин. Еще через четыре дня — Леонов. Временно их разместили в маленьком двухэтажном домике спортбазы ЦСКА на территории Центрального аэродрома им. М. В. Фрунзе. Сделать это было нелегко, ведь приезжали с женами, детьми. Позднее для семейных космонавтов Карпов получил квартиры на Ленинском проспекте (улыбка судьбы: из окон этих квартир сегодня виден памятник Юрию Гагарину на площади его имени), но жили там недолго, поскольку уже к лету Н. П. Каманин, Е. А. Карпов, В. И. Яздовский и В. Я. Клоков подыскали для будущего Центра подготовки космонавтов подходящее место неподалеку от районного центра Щелково, в 40 километрах от Москвы. И далеко, и близко. И места для будущего строительства хватало. И железная дорога рядом. И природа прекрасная. Короче, очень удачное место выбрали. В ту пору был там у них двухэтажный домик — один в трех лицах: управление, столовая, учебный корпус. Он и сейчас цел,

этот домик, и надо, чтобы остался цел, ибо он — история, и наши внуки будут им гордиться...

Но это было уже летом, а первое занятие космонавтов началось в 9 часов утра 14 марта 1960 года. Сначала Яздовский прочел вводную лекцию. Как вспоминал потом Юрий Гагарин, он «обстоятельно рассказал нам о факторах, с которыми встречается живой организм при полетах в космическое пространство». Медики детально объясняли действие перегрузок, невесомости, вводили в курс своих проблем. Космонавты заскучали: «Звали летать на новой технике, а тут какой-то медпросвет...» «Лекции специалистов авиационной и космической медицины я слушал без особого внимания, считая эту дисциплину второстепенной»,— признался потом Герман Титов. Узнав о том, что занятия с космонавтами ограничиваются лишь медико-биологической тематикой, С. П. Королев очень разгневался и немедленно отрядил целую группу своих людей для чтения специальных курсов: по ракетной технике, динамике полета, конструкции корабля и отдельным его системам. «Мы изучали астрофизику, геофизику, медицину, космическую связь и многое узкоспециальное»,— вспоминает Алексей Леонов.

Лекции эти читали как ближайшие соратники Сергея Павловича — К. Д. Бушуев, М. К. Тихонравов, Б. В. Раушенбах, так и молодые, но уже опытные инженеры — К. П. Феоктистов, О. Г. Макаров, В. И. Севастьянов, А. С. Елисеев, которые через несколько лет сами стали космонавтами. С. М. Алексеев прочел лекцию об устройстве космического скафандра. Летной и парашютной подготовкой занимались тоже большие мастера своего дела И. М. Дзюба, Н. К. Никитин, А. К. Стариков, К. Д. Таюрский и др. Наконец, помня о том, что праздность — мать всех пороков, Карпов все свободное время, особенно в первые дни, когда расписание занятий еще не отвердело, отдавал физической подготовке. Борис Владимирович Легоньков — физрук — был человеком неутомимым и безжалостным. Всякое отлынивание от занятий немедленно и беспощадно пресекалось, равно как и диспуты о бесполезности кроссов и бега на длинные дистанции для будущих командиров космических кораблей. Легоньков начинал день с часовой зарядки на открытом воздухе в любую погоду, а дальше заполнял все паузы в аудиториях занятиями бегом, прыжками, плаванием, нырянием с вышки, гимнастическими снарядами, волейболом, баскетболом — на выдумку он был неистощим. В играх быстро определилась команда «морячков», то есть летчиков, прежде служивших в морской авиации: Аникеев, Беляев, Гагарин, Нелюбов, Шонин. В баскетболе у «морячков» лидировал Гагарин, и они часто брали верх над «сухопутчиками».

Окончился монтаж сурдобарокамеры, испытать ее вызвался Валерий Быковский, и после обстоятельного инструктажа

6 апреля его поместили туда, решив продлить эксперимент на 15 суток, о чем он, естественно, не знал. Валерий сидел еще в сурдобарокамере, когда остальные космонавты вылетели на парашютные прыжки. К этому времени весь отряд в Москве еще не собрался. Беляев, Бондаренко, Варламов, Карташов, Комаров, Рафиков, Филатьев не успели приехать в Москву из своих частей, и на прыжки улетели без них. Быковский и Заикин присоединились к группе позднее, когда Валерий вышел из сурдобарокамеры.

Заслуженный мастер спорта Николай Константинович Никитин, парашютист-виртуоз, быстро понял, что все они совсем «зеленые»: количество прыжков измерялось единицами (на счету Гагарина, например, было пять прыжков, были в отряде и такие, которые ни разу не прыгали). Никитин произнес страстную речь, доказывая, что только парашютные прыжки цементируют коллектив, учат мужеству и генерируют отвагу, что мужчина без парашюта — это не настоящий мужчина.

— Наверстаем упущенное,— бодро закончил он.— Все зависит от вас самих...

Известно, что моряки не очень любят плавать, а летчики — прыгать с парашютом. «Парашютные прыжки в течение полутора месяцев были, пожалуй, одним из самых сложных и трудных этапов подготовки»,— пишет Георгий Шонин в своей книге «Самые первые». Никитин сделал, казалось бы, невозможное: привил вкус к прыжкам. Отстранение от занятий, скажем за опоздание, стало не желанным отдыхом, а истинным наказанием. Космонавты научились прыгать на сушу и на воду, днем и ночью, с больших и малых высот, с затяжкой и без. Лучшим парашютистом в отряде был, пожалуй, Борис Волынов. Никитин выделял еще Гагарина, Леонова и Шонина, но и у всех других за эти полтора месяца набралось уже несколько десятков прыжков разной сложности. Они уже освоились в небе и научились подчинять себе парашют, если попадали в критические ситуации. Так, Аникеев победил глубокий штопор, Заикин не испугался длительного затенения купола, Титов не сробел, когда у него не раскрылся основной парашют Никитин оказался прав: они действительно сплотились в один дружный коллектив. Вчера еще чужие люди, они объединились единым делом, открыли в себе естественное желание помогать друг другу, научились сопереживать. Они подружились.

Вскоре после возвращения космонавтов в Москву на занятия приехал невысокий, плотный человек в штатском Судя по отношению к нему окружающих, большой начальник. Представился: профессор Сергеев, Карпов познакомил его с космонавтами. Расспрашивал мало, но очень внимательно разглядывал. Потом быстро уехал. «Это Королев!» — сказал вечером Карпов «по секрету». Так состоялась их первая встреча

Все интенсивнее становились медико-биологические тренировки на бегущей дорожке, качелях Хилова, в кресле Барани в баро-, тепло- и сурдокамерах, на вибростенде и центрифуге. Нагрузки возрастали. Космонавты тихо роптали. «Более всего проявилось негативное отношение будущих космонавтов, пожалуй, к трем «мероприятиям» медико-биологического раздела подготовки,— писал позднее Е. А. Карпов,— к повторявшимся вначале одним и тем же медицинским обследованиям, к повторным тренировкам с тепловыми нагрузками, да и к малоприятным, мягко говоря, вестибулярным тренировкам на вращаемом кресле. Потребовалось провести немало бесед, с тем чтобы убедить некоторых слушателей в необходимости проведения данных работ и оправданности их включения в программу подготовки к первым космическим полетам».

Неожиданно для самого себя трудно перенес «подъем» в барокамере на высоту 6 тысяч метров Николаев. Быковский, первым прошедший испытания одиночеством, успокаивал ребят: «Ничего особенного», но Попович потом признался: «Нелегко». Николаев вспоминал: «Хотелось услышать хотя бы тонюсенький птичий писк, увидеть что-нибудь живое. И вдруг меня словно кто-то в спину толкнул. Поворачиваюсь — и в малюсеньком обзорном кружочке вижу глаз. Живой человеческий глаз. Он сразу исчез, но я его запомнил от табачного цвета глаза до каждого волоска рыжеватых ресниц... Не знаю, как я не выкрикнул: «Ну, еще взгляни! Посмотри хоть малость!» Что-то подобное испытал Волынов: «Живое слово, только одно слово — что бы я отдал тогда за него!» У Рафикова, когда он спал, отказал датчик дыхания. Дежурный врач заглянул в иллюминатор — и обмер: лежит и... не дышит! А может быть, все-таки спит! Он написал записку, положил ее в передаточный люк и включил микрофон: «Марс Закирович! Возьмите содержимое передаточного люка». Теперь перепугался проснувшийся Рафиков: ему показалось, что начались слуховые галлюцинации. Первые сутки в скафандре при температуре 55 градусов и влажности 40 процентов провел Шонин. Следом в «парилку» сел Волынов. За ним — Рафиков. «По истечении третьих суток,— вспоминает он,— меня начал одолевать сон: постоянно видел и во сне фонтаны, водопады, море...»

Начались тренировки в невесомости, которая наступает, когда самолет — сначала это был реактивный истребитель, потом пассажирский ТУ-104—делает «горку». Гагарин записал уже на Земле в журнал: «Ощущение приятной легкости. Попробовал двигать руками, головой. Все получается легко, свободно. Поймал плавающий перед лицом карандаш... На третьей горке при невесомости попробовал поворачиваться на сиденье, двигать ногами, поднимать их, опускать. Ощущение

прнятное, где ногу поставишь, там и внсит, забавно. Захотелось побольше двигаться».

Тогда невесомость только веселила их...

Когда был создан корабль-тренажер и привлеченный Сергеем Павловичем в качестве инструктора-методиста летчнк-испытатель Марк Лазаревнч Галлай начал на нем занятия с космонавтами, стало ясно, что тренировать всю «двадцатку» неудобно, трудно, да и дело идет слишком медленно. Посовещавшись, С. П. Королев, Е. А. Карпов и Н. П. Каманин, который с лета 1960 года вплотную занялся подготовкой космонавтов, решили выделить небольшую группу — шесть человек — для ускоренной подготовки к первым полетам.

Сделать это было нелегко: все летчики оправдывали надежды, которые на них возлагали. При отборе в «шестерку» в первую очередь учитывались «габарнты», результаты нагрузочных проб, успехи в теоретических занятиях, физическая подготовка. Волынов слишком широк, Шонин слишком высок. Комаров, безусловно, лидировал в математике и других точных науках, но у него не очень хорошо шли дела на центрифуге, а потом врач Адиля Радгатовна Котовская нашла у Владимира экстрасистолу — нарушенне сердечного ритма, совсем грустные дела. Комаров очень хотел попасть в первую группу н, безусловно, имел на это право, прежде всего благодаря своей инженерной подготовке, но медики отдавали предпочтение летчикам, которые тоже прекрасно учились, помогалн другим по математике, физике и механике н одновременно отличались завидным здоровьем и выносливостью. Учитывались результаты психологических тестов, которые проводились психологом Федором Дмитриевичем Горбовым и его сотрудниками. Наконец, учитывались просто характер, темперамент, общительность, отношенне к окружающим, поведенне в быту — короче, учнтывалось все, что поддавалось учету. В конце концов была сформирована первая группа космонавтов в следующем составе: Варламов, Гагарнн, Карташов, Николаев, Попович, Титов.

Однако очень скоро в этом составе произошли нзменения. После первой же треннровкн на центрнфуге с 8-кратной перегрузкой врачи обнаружили на спине Карташова покраснения. Сначала подумали, что это случайность, но на последующих треннровках диагноз подтвердился: петехня — точечные кровоизлияния. Это было неожнданностью: красивый голубоглазый Анатолий был олицетворением силы н здоровья. Но приговор медиков был неумолим: его отчнслилн.

— Я считаю,— говорил мне Герман Титов,— что с Толей Карташовым медики перестаралнсь. Это прекрасный летчик, н он мог стать отличным космонавтом. Если бы он проходнл все нспытания, которые проводят сегодня, то, безусловно, выдержал бы нх...

Анатолий Яковлевич Карташов летал на Дальнем Востоке, потом работал летчиком-испытателем в Киеве. Сейчас — на пенсии.

Нелепая случайность выбила из первой группы и другого космонавта. Неподалеку от Звездного городка в лесу лежат красивые Медвежьи озера. Однажды космонавты приехали туда размяться, поплавать и позагорать. Варламов предложил прыгнуть в воду прямо с берега. Первым прыгнул Быковский, чиркнул носом по песку, вынырнул, предупредил:

— Тут мелко, ребята...

Шонин прыгнул и ткнулся в дно руками. Варламов — за ним. Вылез на берег хмурый: очень болела шея — он ударился головой о песок. Все думал — пройдет. Незаметно для друзей ушел к шоссе, на попутке вернулся в Звездный городок, пошел в госпиталь. Диагноз: смещение шейного позвонка. В тот же день его положили на вытяжку. Лежал он долго, очень тосковал. Ребята навещали его, подарили гитару. Наконец он выписался, снова начал тренироваться, но вскоре медицинская комиссия наложила свой запрет.

Валентин очень переживал. По общему мнению, это был человек талантливый, с явными техническими способностями, отличался безупречным здоровьем, любил спорт, был необыкновенно волевым и упорным. Покинув отряд, Варламов не уехал из Звездного городка, работал в Центре подготовки космонавтов (ЦПК) и еще до старта Гагарина стал заместителем начальника командного пункта управления космическими полетами ЦПК. Затем старшим инструктором космических тренировок, специализируется на астронавигации. Друзья по отряду были очень внимательны к Валентину, все праздники они проводили вместе, но вот начались космические старты, вчера еще безвестные лейтенанты становились национальными героями, появились у них новые обязанности, новые заботы, начались поездки по разным странам, короче, жизнь переключила стрелку, и покатились они по разным рельсам. «Звезды над ним довлели»,— с грустью сказал мне Герман Титов. Валентин понимал, что, не случись этого нелепого прыжка на Медвежьем озере, и он мог бы стать одним из первых наших космонавтов.

Я познакомился с ним в Звездном городке в апреле 1974 года. Мы вспоминали Гагарина.

— Я смертей видел много,— грустно говорил Валентин,— потерял трех близких друзей. Давно это было, и время уже стерло в памяти их лица... А его я не могу забыть. Вот стоит он передо мной, я его вижу, он для меня не погиб... Я не умаляю достоинств других ребят. У нас много отличных ребят. Но Юру никем нельзя заменить, это каждый скажет. Наверное, я смог бы много о нем рассказать, но я слишком хорошо знал его, чтобы сделать это вот так, сразу...

Больше поговорить нам не удалось. В октябре 1980 года Валентин Степанович Варламов умер от кровоизлияния в мозг.

Вместо Карташова в четверку был введен Григорий Нелюбов — он очень этого хотел и очень старался. Вместо Варламова — Валерий Быковский. Этот худенький лейтенант (он весил 63 килограмма) оказался необыкновенно выносливым: девятикратную перегрузку он выдерживал в течение 25 секунд.

После организации первой группы Королев стал заметно больше уделять внимания подготовке космонавтов, приезжал в Звездный городок, осматривал тренажеры, беседовал с космонавтами.

— Неплохо,— подвел итог Сергей Павлович.— На первых порах неплохо, но надо думать, что делать дальше. Без «заделов» нужного хода вперед не получится. Нам с вами большая работа предстоит, дорогие товарищи. И чем дальше, тем работы будет все больше.

Потом он пригласил космонавтов к себе, в конструкторское бюро. Сначала сидели в кабинете, и Королев — он был в прекрасном настроении — увлеченно рассказывал о будущих полетах, о многодневных экспедициях и больших космических домах на орбите.

Притихшие, тесной группкой вошли они под гулкие своды огромного цеха, на стапелях которого стояли блестящие, еще без обмазки, шары спускаемых аппаратов будущих «Востоков». «Как зачарованные разглядывали мы еще невиданный летательный аппарат,— вспоминал эту встречу Юрий Гагарин.— Королев сказал нам то, чего мы еще не знали, что программа первого полета человека рассчитана на один виток вокруг Земли».

Они стояли и смотрели на корабль. И все они думали тогда об одном: ведь никакая сила в мире не остановит теперь этого человека и полет в космос действительно будет! И будет скоро!

— Ну, кто хочет посидеть в корабле? — весело спросил Королев.

— Разрешите мне.— Гагарин шагнул вперед, нагнулся, быстро расшнуровал, сбросил ботинки и в носках стал подниматься по стремянке к люку.

Королеву очень понравилось, что он снял ботинки.

ВЫБОР

Кандидатов в космонавты выбирали из лучших летчиков ВВС. Следовательно, у себя в полках это были или уже лидеры, или претенденты в лидеры. Мне рассказывали, какая сложная обстановка складывалась в школах для математически одаренных детей. У себя в классах они были первыми, а тут, оказывает-

ся, первые все. Собравшись вместе, космонавты должны были психологически перестраиваться. И все понимали это. Академик Борис Викторович Раушенбах, читавший космонавтам курс автоматического и ручного управления космическим кораблем, человек очень наблюдательный, вспоминает:

— Первое, чисто внешнее, что сразу бросалось в глаза,— различие форм («сухопутчики», «морячки») и званий, непривычное для военных аудиторий. Второе, внутреннее,— ощущалась их взаимная доброжелательность. Они хотели равенства.

Они хотели равенства и в то же время понимали, что итогом их работы будет неравенство, что выбрать из многих должны одного. Разрешить это психологическое противоречие было трудно, но, к чести этих еще столь молодых людей, не обладавших большим жизненным опытом, надо признать, что они разрешили его, и разрешили с большим тактом и достоинством.

Иллюзией было бы считать, что космонавты первого отряда — некий неразделимый монолит. Да и быть этого не могло. Согласно законам социальной психологии в «двадцатке» должны были образоваться микроколлективы, и они образовывались. Объединялись по возрасту: Комаров и Беляев были взрослее, мудрее, солиднее. Старше своих лет выглядел и спокойный, рассудительный Волынов. Объединялись по своему семейному положению: Бондаренко, Варламов, Гагарин, Нелюбов, Карташов, Попович, Рафиков, Титов, Шонин, молодожен Леонов были людьми семейными, некоторые уже отцами, что во многом определяло стиль их жизни, отличая от беззаботных холостяков: Аникеева, Быковского, Николаева. Объединялись воспоминаниями о прежней своей службе, образовалось что-то наподобие студенческих землячеств: Хрунов и Горбатко, Гагарин и Шонин, Варламов, Рафиков и Филатьев. Выявлялись лидеры коммуникабельности, «заводилы», любители «поговорить по душам»: Попович, Рафиков, Нелюбов и, напротив, «тихони»: Аникеев, Николаев, Хрунов, Филатьев — любители «по душам послушать». Объединял интеллект: были ребята более начитанные, знакомые с искусством, любящие театр, музыку, а были и менее искушенные в музах. Симпатии и антипатии могли объясняться и темпераментом, и увлечением, и приверженностью к какому-то виду спорта, и представлениями о разумном досуге. Были, к сожалению, любители выпить, равно как были и такие, которые относились к этому времяпрепровождению не то чтобы с активным осуждением, но с должным равнодушием. Короче, это были очень разные, самолюбивые, полные сил и желания эти силы проявить молодые мужчины. Карпов говорил мне, что управлять этой компанией было очень трудно, а определить в ней абсолютного лидера — еще труднее. Поэтому вопрос, а почему же все-таки именно Юрий Гагарин стал космонавтом № 1,— совсем не простой вопрос.

Анализируя свои беседы с его товарищами по отряду и людьми, которые готовили его к полету, я пришел к выводу, для себя неожиданному: Гагарин не был ярко выраженным лидером. Уже говорилось, что Волынов был ведущим парашютистом, Быковский лучше других перенес испытания в сурдобарокамере, Николаев — на центрифуге, Шонин — в термокамере. Отмечались успехи Комарова в изучении техники. Варламова — в точных науках. Беляев являл собой пример опытного и справедливого командира. Карташов был отличный охотник, Леонов лучше всех рисовал, Попович пел, Варламов играл на гитаре, Рафиков жарил шашлыки. Что делал лучше всех Гагарин? Этот вопрос заставлял моих собеседников задуматься. Хорошо играл в баскетбол. Но и Филатьев хорошо играл в баскетбол. Это отсутствие некоего главенствующего преимущества может показаться недостатком, но оно было как раз огромным достоинством Гагарина. Очень точно об этом сказал Алексей Леонов: «Он никогда и никому не бросался в глаза, но не заметить его было нельзя». Дело не в том, что не был первым, а в том, что он всегда был одним из первых и никогда последним. Когда знаменитого скрипача Иегуди Менухина назвали первым скрипачом мира, он возразил:

— Ну что вы! Я не первый, я второй...

— А кто же первый?

— О! Первых много!

Да, первых всегда много...

Лидерство же Гагарина определилось так, как определяется лидерство конькобежца, который может не быть первым ни на одной дистанции, а в итоге стать чемпионом мира.

Однако было бы категорически неправильно представлять Гагарина как какого-то «середняка». «Середняки» в отряде были, и космонавтом № 1 никто из них не стал. Гагарин обладал целым рядом качеств, которые по праву определили его место в «шестерке».

Я встречался с ним несколько лет, наблюдал его в разных ситуациях и считаю, что главным его достоинством был ум. Именно ум, а не образованность — эти понятия часто путают. Гагарин был от природы умным человеком. Приходилось читать о нем как об этаком рубахе-парне, что в голове, то и на языке, искренность которого будто бы почти граничила с простоватостью. Это неправда. Если хотите, Гагарин был, что называется, «себе на уме». Когда надо, он скажет, а когда надо, промолчит. Другое дело, что он никогда не делал чего-либо, что могло бы принести какой-нибудь вред другим, поставить человека не то что под удар, а просто в невыгодное положение. Это был высокопорядочный, честный человек, обладавший от природы особой высокой интеллигентностью, кстати, не столь

уж редко встречающейся у простых и даже вовсе не образованных людей, особенно в русских деревнях.

Ответ на вопрос, что же отличало Гагарина от других космонавтов, я искал в книгах и беседах с людьми, хорошо знавшими его накануне его полета.

Титов. Каждый из нас горел желанием стать первооткрывателем. Между собой в разговорах мы все же склонялись к тому, что полетит Юрий Гагарин. Мы знали: он хороший товарищ, принципиальный коммунист, пользующийся большим уважением товарищей. Хочется избежать избитых слов «меня поражало», «мне было приятно». Скажу так: с Юрием можно было хорошо и спокойно делать любое дело и надежно дружить. С ним я чувствовал себя легко и просто в любой обстановке.

Я не знал никого, кто с такой легкостью и свободой входил бы в контакт с любым человеком. Со всеми был на равных. Это тоже относилось к числу его талантов...

Николаев. По всему было видно, что первым космическим навигатором предстоит стать Юрию Гагарину. Почему именно ему? Скажу лишь одно: в этом человеке оказалось столько превосходного в знаниях и закалке, что мы, космонавты, сами еще не зная решения Государственной комиссии, единодушно прикинули: «Лететь Юрию».

Попович. Как секретарь партийной организации я сразу назвал первым кандидатом Гагарина.

Есть такое понятие — «гражданская зрелость». Когда человек вступает в пору своей гражданской зрелости, зависит не от того, сколько лет он уже прожил на свете, а от того, в каком возрасте он осознал себя гражданином. Созревает раньше тот, кто раньше начинает самостоятельную жизнь.

Быковский. Чем он отличался от других? Мы все были молодые летчики, для нас командир полка был царь и бог. А вот в Юре я сразу отметил какую-то свободу, смелость в общении с начальством. Нет, там не было и тени какой бы то ни было фамильярности, развязности, нет. Но он как-то спокойно, с достоинством, с какой-то веселой ноткой в голосе говорил и с Карповым, и с Каманиным, и даже с маршалом Вершининым.

Леонов. Он обладал удивительной способностью в каждом своем товарище подмечать лучшее, обращать внимание других на это лучшее. Причем делал он это очень тонко и деликатно, так, что человек от его похвалы чувствовал себя окрыленным... Он был обычным человеком, но во всем его облике, манере держаться, в его рассуждениях присутствовало что-то неуловимое, доброе...

Мы между собой провели опрос: кому лететь первому. Голосование было тайным: писали записки. Только в трех

записках были другие фамилии, во всех остальных — Гагарин. Ребята его любили.

Волынов. Не знаю человека, который бы так нравился другим, очень разным людям.

Хрунов. Гагарин был необычайно сосредоточенным, когда надо — требовательным, строгим. И к себе, и к людям. Поэтому вспоминать впопад и невпопад об улыбке Гагарина — этого великого труженика — значит заведомо обеднять его образ.

Шонин. Везде разный, и вместе с тем везде он остается одним и тем же — самим собой...

Варламов. Конечно, у него были свои недостатки. А у кого их нет? Конечно, он ошибался, а кто не ошибается? Но недостатки его были как-то не видны. Наверное, потому, что их было меньше, чем у других людей.

Заикин. Говорят: Гагарин спокойный, уравновешенный... Он, когда в хоккей играл, так раскалялся, куда там! Бывало, кричит: «Ну погоди, я тебе это припомню!» Но был необыкновенно отходчив...

Гагарин обладал очень ценным человеческим качеством: он никогда не опаздывал.

Карпов. Неоспоримые гагаринские достоинства: беззаветный патриотизм, непреклонная вера в успех полета, отличное здоровье, неистощимый оптимизм, гибкость ума и любознательность, смелость и решительность, аккуратность, трудолюбие, выдержка, простота, скромность, большая человеческая теплота и внимание к окружающим людям.

Раушенбах. Гагарин никогда не заискивал и не нахальничал. Он обладал врожденным чувством такта.

Королев. В Юре сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие. Я думаю, что если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди самых громких имен наших ученых.

Валентина Ивановна Гагарина. Как-то дети меня спросили: «Мама, почему именно наш папа первым полетел в космос?» Вопрос естественный. Почему он, а не другой, когда их была целая группа, подготовленных, тренированных? Были и одинокие, а он женат, двое маленьких детей, мало ли что может случиться...

«Не знаю, девочки,— ответила им.— Наверное, так было надо».

Ответила и подумала: «А ведь я так ничего и не сказала им, и вопрос остался вопросом. Впрочем, вопросом не только для них, но и для меня...»

Все эти слова были написаны и сказаны уже после полета Гагарина, когда люди, даже если они этого и не хотели, находились под впечатлением гагаринского триумфа, когда в первого космонавта пристально всматривалось все челове-

чество, и многие его качества действительно выявлялись в это время более ярко. Осенью 1960 года в «шестерке» Гагарин не был еще общепризнанным лидером, но безусловно был одним из первых претендентов на лидера.

Раушенбаху нравился Нелюбов, Карпов ценил в Нелюбове быстроту ума, темперамент и умение держать слово, хотя он видел и его недостатки: не всегда оправданное стремление к первенству во всем, почти полное отсутствие самокритики.

Карпов говорил мне, что в разные периоды подготовки он отдавал предпочтение сначала Поповичу, потом Титову. В Титове больше всего ему нравилась прямота. Герман, если попадал впросак, никогда не выкручивался, не изобретал себе оправданий. С другой стороны, в Титове Карпова настораживала его импульсивность: уж если он срывался, то становился практически неуправляем. Высоко ценил Титова и Галлай который говорил об этом Королеву. Сам Королев, очевидно тоже отдавал предпочтение Титову, но в еще большей степени Гагарину. Леонов считает, что Гагарин понравился Королеву еще во время первой поездки космонавтов в КБ. Яздовский рассказал, что Королев сказал ему однажды о Гагарине: «Мне нравится этот мальчишка...»

Быковский вспоминает, что впервые о том, что первым полетит Гагарин, заговорили как-то вдруг в самолете, когда «шестерка» осматривала предполагаемое место посадки «Востока» под Саратовом. Гагарин тогда удивился: «Почему я?»

Стать первым очень хотелось Григорию Нелюбову. И может быть, именно эта откровенная жажда лидерства мешала ему им стать. Судя по воспоминаниям свидетелей всех этих событий, Нелюбов был человеком незаурядным. Хороший летчик, спортсмен, он выделялся и своим общим кругозором, удивительной живостью, быстротой реакции, природным обаянием, помогавшим ему очень быстро находить общий язык с людьми. По словам Шонина, это был «проходной» парень. Никто, кроме Нелюбова, не умел так хорошо «договариваться» с врачами, преподавателями, тренерами. Он обладал завораживающей способностью, иногда даже вопреки воле своего собеседника, вводить его в круг своих собственных забот и превращать в своего союзника и помощника. Это был шутник, анекдотчик, «душа компании», любитель шумных застолий, короче, «гусар». Однако психологи отмечали в нем постоянное желание быть центром всеобщего внимания, эгоцентризм, который мешал ему соотносить личные интересы с интересами дела.

В конце концов он стал как бы вторым (после Титова) дублером Гагарина, хотя официально так не назывался. Во время старта Гагарина его в отличие от Титова не одевали в скафандр, но он вместе с Николаевым ехал на старт в том же автобусе и провожал Юрия до самой ракеты. По общему

мнению почти всех космонавтов, Нелюбов мог со временем оказаться в первой пятерке советских космонавтов.

Но случилось иначе. Подвело Григория как раз его «гусарство». Случилось это уже после полета Титова. Стычка с военным патрулем, который задержал Нелюбова, Аникеева и Филатьева, на железнодорожной платформе, дерзкая надменность в комендатуре грозили рапортом командованию. Руководство Центра упросило дежурного по комендатуре не посылать рапорта. Тот скрепя сердце согласился, если Нелюбов извинится. Нелюбов извиняться отказался. Рапорт ушел наверх. Разгневанный Каманин отдал распоряжение отчислить всех троих. Космонавты считают, что Аникеев и Филатьев пострадали исключительно по вине Нелюбова. Этим спокойным, уравновешенным ребятам всякое «гусарство» и бравада вовсе не были свойственны. Они, что называется, «погорели за компанию».

Позднее был вынужден покинуть отряд и Марс Рафиков.

Последний из неслетавших космонавтов — Дмитрий Заикин продолжал тренировки вместе с другими космонавтами. Когда перед полетом «Восхода-2» заболел Виктор Горбатко — дублер Беляева, его заменил Заикин. Возможно, он стал бы командиром одного из первых «Союзов», но в апреле 1968 года медицинская комиссия обнаружила у Заикина язву, и с мечтами о космосе пришлось расстаться. Он остался в Центре подготовки. В настоящее время полковник Дмитрий Алексеевич Заикин — ведущий инженер по подготовке космонавтов к технологическим экспериментам.

Все ушедшие из отряда космонавты продолжали службу в рядах ВВС. Не расставался с авиацией до ухода в запас Иван Николаевич Аникеев. Сейчас он живет в городе Бежецке Калининской области. Валентин Игнатьевич Филатьев до прихода в ВВС закончил педагогическое училище. Выйдя в запас из авиации ПВО, он поселился в Орле, преподавал в ГПТУ. Сейчас на пенсии. У него уже есть внук Павлик. Много летал в Прикарпатье и Закавказье Марс Закирович Рафиков, выполнял сложные опытные полеты, даже катапультироваться пришлось однажды. Но известно: рабочий век летчика-истребителя недолог. Ведь все они были старше Гагарина... Расставшись с авиацией, Рафиков поселился с семьей в Алма-Ате, работал на домостроительном комбинате. Трагически сложилась судьба Григория Григорьевича Нелюбова. Из отряда он был направлен в одну из частей ВВС на Дальний Восток. И вот Гагарин и Титов, а за ними Николаев, Попович, Быковский — вчерашние друзья — уже слетали в космос! Даже Комаров, которого не было в их «шестерке», и тот слетал! А он?!! Нелюбов всем рассказывал, что он тоже был космонавтом, был даже дублером Гагарина! Не все верили ему. Он переживал большой душевный кризис... В выпи-

ске из рапорта я прочел (воспронзвожу дословио): «18 февраля 1966 года в пьяном состоянни был убнт проходящим поездом иа железиодорожном мосту станцин Ипполитовка Дальиевосточиой железиой дороги». Вннить здесь судьбу, мне кажется, нельзя. Судьба была благосклоина к Нелюбову. Просто ие хватило у человека сил сделать свою жнзнь, так счастливо и интересно иачавшуюся...

О чем говорят эти иевеселые истории? Прежде всего о той взыскательиости, с которой подходили в Центре подготовки к отбору в космоиавты. «Мы тяжело переживали их уход,— пишет Георгий Шоиии.— И не только потому, что это были хорошие парии, иаши друзья. На их примере мы увидели, что жизнь — борьба и иикаких скидок нли снисхождеиия иикому не будет. Нас стало меньше, и мы сплотились тесиее». Партийиая прииципиальиость, требовательиость, воиская дисциплиив, гласность товарищеской критики — все эти качества стали иормами жизии Центра подготовки космоиавтов в иаши дии. Мало просто быть крепким парнем и грамотным специалистом. Надо отвечать высоким иравствеиным, моральным, этическим требоваииям, которые предъявляются к людям твоей профессии. И может быть, ие треиажеры н методики, а вот эти традиции — главиое и самое богатое иаследство, которое получили ыиешиие иаши космоиавты от гагариского отряда.

Вплоть до старта Гагариа все они в ритме, все более напряжеиним, продолжали треииpовки. Первая группа проходила положеиные испытаиия иа различных стеидах, «вие очереди» заиималась на тренажере, уже доскоиально зиакомилась с ракетио-космической техиикой в КБ Королева. В декабре эти космонавты провели на тренажере зачетные треиировкн. К иим приехал главком ВВС Вершииин, все ожидали какой-иибудь иакладки, какого-иибудь столь часто случающегося имеиио в присутствии высокого иачальства «визит-эффекта», ио все прошло хорошо, а космонавты, хотя н волиовалнсь, коиечио, отвечали увереино и правильно на все вопросы.

Наконец иа 17—18 ииваря 1960 года были назначены экзамены «шестерки». Еслн вдуматься, это тоже событие эпохальное, поскольку никто н ннкогда не сдавал экзамеиы на право летать в космическом корабле.

Впрочем, тогда все было «впервые», но об этом как-то не задумывались... Первый день сдавали «практнку» — в тренажере проверялось умеиие управлять кораблем. На следующий день — теория. В экзамеиационную комнссию входило десять человек: медики, коиструкторы, летчнкн. Марк Лазаревич Галлай, однн из члеиов этой комнссни, пишет: «Сейчас, в наши днн, готовность к полету будущих космонавтов проверяют уже летавшие космонавты. Тогда такой возможности не было».

Председатель комиссии — генерал Каманин вызывает первого экзаменующегося.

— Старший лейтенант Гагарин к ответу готов.

— Занимайте свое место в тренажере. Задание — нормальный одновитковый полет.

И снова, как тогда в сборочном цехе у Королева, он первым сел в корабль-тренажер...

СТАРТ

Я преднамеренно не рассказывал о подготовке техники к запуску человека в космос, поскольку это — отдельный большой рассказ. История становления «Востока» по своей напряженности и драматизму не уступает истории становления его первого командира. Именно на 1960 год — время подготовки космонавтов — приходится пик напряжения в работе над космическим кораблем. В январе 1961 года космонавты готовились к своим экзаменам, а Королев — к своим. Он так и писал жене Нине Ивановне с Байконура: «Готовимся и очень верим в наше дело».

Человек и техника вызревали одновременно. Летом 1959 года, когда медики размышляли над тем, каким же требованиям должен отвечать космонавт, в КБ Королева думали, каким требованиям должен отвечать корабль, и заканчивали оформление технической документации на изготовление экспериментальных беспилотных аппаратов.

В будущем корабле Королев стремился воплотить свое многолетнее конструкторское кредо: абсолютную надежность. Вся внутренняя логика аппарата была подчинена единой цели: насколько это возможно, облегчить человеку проникновение в мир чуждый, а главное — неизвестный ему. В своем докладе на научном симпозиуме по истории ракетно-космической науки и техники, посвященном 20-летию космической эры, нынешний руководитель подготовки советских космонавтов, летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов как раз говорил об этом:

— Несмотря на солидный объем предварительных исследований и экспериментов, перед первым полетом человека все же существовали серьезные опасения, касающиеся возможного нарушения психофизиологического состояния космонавта и его работоспособности. Эти опасения нашли отражение в конструкции космического корабля. Так, наряду с обеспечением возможности ручного управления системами корабля была создана система полностью автоматизированного управления кораблем, обеспечивающая выполнение всей программы полета

от старта до посадки. Кроме того, обеспечивалось дублирование всех основных систем корабля.

15 мая, в день, когда космонавты вернулись в Москву после парашютных прыжков, на Байконуре стартовал первый «Восток». На нем не было еще теплозащитной обмазки — сверхзвуковые аэродинамические трубы еще проверяли расчеты тепловых потоков, сделанные в лаборатории академика Георгия Ивановича Петрова. Не было еще на этом первом «Востоке» и парашютной системы, ее срочно «доводили» в НИИ Федора Дмитриевича Ткачева. Не было катапульты — над ней работали в ЛИИ и в КБ Семена Михайловича Алексеева. Возвращение этого корабля на Землю не предусматривалось. Королев хотел лишь проверить в реальной обстановке все системы, обеспечивающие собственно полет в космосе, включая систему ориентации, разработанную в отделе Бориса Викторовича Раушенбаха, тормозную двигательную установку, созданную в КБ Алексея Михайловича Исаева, и автоматику разделения отсеков космического аппарата. За сутки до посадки корабля инженеры Раушенбаха нащупали изъян в основной системе ориентации. Раушенбах предупредил Королева о возможном отказе и предложил запасной вариант: ориентация по Солнцу. Королев заупрямился, он не любил отступать от расчетных режимов, хотелось, чтобы все было «как положено». Инфракрасная вертикаль ориентации не сработала. Корабль развернуло соплами назад, и когда включилась тормозная установка, она начала не тормозить, а разгонять его. «Восток» ушел на более высокую орбиту. Команда на разделение прошла, но назвать этот первый пуск удачным было, конечно, нельзя. Все ожидали, что СП (так называли за глаза Главного конструктора) будет в великом гневе. Но он обманул эти ожидания.

— Мы возвращались с работы вместе с С. П. Королевым на машине,— вспоминал его заместитель Константин Давыдович Бушуев.— Не доезжая квартала до его дома, Сергей Павлович предложил пройтись пешком. Было раннее московское утро. Он возбужденно, с каким-то восторженным удивлением вспоминал подробности ночной работы. Признаюсь, с недоумением и некоторым раздражением слушал я его, так как воспринял итоги работы, как явно неудачные! Ведь мы не достигли того, к чему стремились, не смогли вернуть на Землю наш корабль. А Сергей Павлович без всяких признаков раздражения увлеченно рассуждал о том, что это первый опыт маневрирования в космосе, перехода с одной орбиты на другую, что это важный эксперимент, и в дальнейшем необходимо овладеть техникой маневрирования космических кораблей, и какое это большое значение имеет для будущего. Заметив мой удрученный вид, он со свойственным ему оптимизмом уверенно

заявил: «А спускаться на Землю корабли, когда надо, у нас будут! В следующий раз посадим обязательно...»

Этот эпизод иллюстрирует важнейшую черту стиля работы великого конструктора. В современную технику он перенес постулат классической науки: «Отрицательный результат — это тоже результат». Он был убежден в справедливости слов мудрого француза Ларошфуко, который утверждал: «Не бывает обстоятельств столь несчастных, чтобы умный человек не мог извлечь из них какую-нибудь выгоду, но не бывает и столь счастливых, чтобы безрассудный не мог обратить их против себя». Он понимал, что отказы техники возможны, но всегда искал способ использовать этот негативный опыт для ее совершенствования. У Королева были неудачи, но у него не было повторных неудач.

Отказ носителя на участке выведения 23 июля отодвинул следующий старт на 19 августа. И тогда Королев не обманул Бушуева: второй «Восток» благополучно приземлился. Впервые из космоса вернулись живые существа — собаки Белка и Стрелка, две крысы, 28 мышей и целый рой мух-дрозофил. Все, казалось бы, было хорошо, но ответственный за биологическую программу Владимир Иванович Яздовский ходил мрачным. Государственной комиссии он доложил данные телеметрии: на четвертом витке Белка билась, ее рвало. Яздовский считал, что первый полет человека должен быть одновитковым. Большинство членов Государственной комиссии соглашалось с ним.

1 декабря 1960 года новым пуском корабля с животными Королев хочет закрепить достигнутый успех, но терпит неудачу: неполадки в тормозной установке приводят «Восток» на нерасчетную траекторию спуска. Через три недели носитель «недотаскивает» корабль на орбиту, в начале работы третьей ступени спускаемый аппарат отделяется по аварийной команде и благополучно приземляется вместе со всей своей живностью. И снова упорные поиски гарантий, исключающих возможность повторения осечки, и снова анализ всех положительных факторов, которые укрепляют веру в будущую победу.

Королев не торопится. Никто не определял Главному конструктору количество экспериментальных полетов космического корабля. Королев работал по графику, им же составленному, а затем утвержденному в вышестоящих инстанциях. Его не упрекали за неудачи, не подгоняли в работе. Ему доверяли. И именно ответственность перед самим собой, перед людьми, которые крепко верили ему и тоже, как и он, не жалели ни времени, ни сил для общей победы, именно доверие партии и правительства, которое он ощущал постоянно, обязывали его победить. Выговоры были бы бессмысленны, потому что наказать его больше, чем он наказывал сам себя, было невозможно.

9 марта 1961 года, когда в Звездиом городке у Гагарниых отмечали 27-летне Юры, Королев на Байконуре преподнес ему понстине королевскнй подарок: новый «Восток» стартовал в космос с собакой Чернушкой н антропометрнческим манекеном, в грудн, жнвоте и ногах которого были закреплены клеткн с крысами, мышами, препараты с культурой живой тканн н микроорганизмов. Амернканцы в газетах иазывали этот «Восток» «Ноевым ковчегом». Полет прошел без замечанні, корабль благополучно приземлнлся через 115 мннут. И все-такн Королев решает, что нужно провестн еще один пуск, еще раз убеднться, что процесс «обкатки» и «доводкн» окончеи, что космнческий корабль надежен. Последний пуск — «генеральную репетнцию» — Королев назиачает иа 25 марта. Решено было пригласнть на этот запуск «шестерку» космонавтов.

Космодром поразил их. Огромиое пространство монтажноиспытательного корпуса, ракета, лежащая в могучих объятиях установщика, цнклопический стартовый комплекс с пропастью пламеотводного канала — все это казалось чем-то фантастнческим, но вместе с тем, делало будущий полет более реальным, н онн чувствовалн, что уже не месяцы, а иедели или даже дин отделяют нх от первого старта человека в космос.

— С какнм-то смешаиным чувством благоговения н восхищення смотрел я на гигантское сооруженне, подобно башне возвышающееся на космодроме,— вспомннал Гагарин.— Вокруг него хлопотали люди, выглядевшие совсем маленькнми. С интересом я наблюдал за их последннмн приготовленнямн к старту.

И раздался грохот, разднрающий небеса, и излнлся свет, затмевающий солнце...

Манекен «Иваи Ивановнч», собака Звездочка и другие бнообъекты, совершив кругосветное путешествне, целыми н иевреднмыми вернулись на Землю. 28 марта в коиференц-зале презнднума Академии наук вице-презндент Александр Васнльевич Топчнев провел пресс-конфереицню по результатам исследованні на пятн кораблях-спутниках. Приехало много советских и ннострaнных журналистов. Толкаясь и мешая друг другу, все усердно фотографнровали Чериушку и Звездочку, тнхо повнзгнвающих в горячем свете перекалок. В первом ряду сндели Гагарнн, Тнтов и другне космонавты. На иих никто не обращал вннмания.

Благополучное приземленне последнего «Востока» означало, что экспернментальный пернод подготовки к полету человека в космос завершен. Королев в Москве доложил о результатах всех нспытанні. 3 апреля было прннято решенне правнтельства о запуске в космос пнлотируемого корабля. В тот же день в 16.00 Сергей Павлович вылетел на Байконур. Счет пошел уже на дни, на часы.

К этому времени из состава «шестерки» явно выделялись лидеры: Гагарин и Титов. В окончательном выборе первого космонавта вряд ли решающее значение имела степень его профессиональной готовности, поскольку вся «шестерка» доказала на экзаменах, что корабль они знают. Физическое состояние также уравнивало всех кандидатов. Нужно было учесть другие факторы. Первый космонавт должен был в какой-то степени олицетворять эпоху, быть символом его времени и его Родины. Объясняя выбор Юры, Герман Титов правильно пишет: «Есть что-то символическое в жизненном пути и биографии Гагарина. Это — частичка биографии нашей страны. Сын крестьянина, переживший страшные дни фашистской оккупации. Ученик ремесленного училища. Рабочий. Студент. Курсант аэроклуба. Летчик. Этой дорогой прошли тысячи и тысячи сверстников Юрия. Это дорога нашего поколения...»

Евгений Анатольевич Карпов рассказывал:

— Фотографии Юры и Германа я отвез в Центральный Комитет партии Ивану Дмитриевичу Сербину. Он показывал их членам Президиума ЦК КПСС. Потом позвонил и сказал: «Оба парня отличные! Выбирайте сами...»

— После запуска Звездочки я подумал, что первым полетит Гагарин,— вспоминает Валерий Быковский.— Он первым сдавал экзамены, на него примеряли скафандр, кресло, подгоняли привязные ремни. Правда, они с Германом были очень похожи по телосложению, разве что Юра чуть плотнее, но все-таки по каким-то мелким штрихам, например, по тому, как спрашивали его, что он любит, а что нет, когда готовили тубы с питанием, по тому, как обращались к нему Карпов, Каманин, можно было судить, что Юра скорее всего будет первым...

— Впервые я почувствовал, что полетит первым Гагарин, перед отлетом на космодром,— вспоминает Герман Титов.— Мы ездили тогда в Москву, на Ленинские горы, потом на Красную площадь, к Мавзолею. И я заметил, что фотокорреспонденты и кинооператоры больше других снимают Юру. И подумал: «Значит, все-таки Юра...» Хотя ничего еще не было решено, и я, конечно, надеялся, что первый полет могут доверить и мне...

В Звездном состоялось партийное собрание. На повестке дня — один вопрос: «Как я готов выполнить приказ Родины». Слово взял Гагарин.

— Приближается день нашего старта,— сказал он.— Этот полет будет началом нового этапа нашей работы. Я очень рад и горжусь тем, что попал в первую группу. Я не жалел своих сил и стараний, чтобы быть в числе передовых. Заверяю, что и впредь не пожалею ни сил, ни труда и не посчитаюсь ни с чем, чтобы выполнить задание партии и правительства. На

выполнение предстоящего полета мы идем с чистой душой и большим желанием выполнить это задание как положено...

В начале апреля все космонавты, не входившие в «шестерку», вылетели на НИПы — наземные измерительные пункты, расположенные по всей стране. Утром 5 апреля шестеро улетели на космодром.

«Странное дело, когда решалась его судьба о переводе в Звездный, в отряд так называемых испытателей, он волновался и переживал значительно больше,— вспоминает Валентина Ивановна Гагарина.— А тут был спокоен, хотя и немножко рассеян.

— Береги девчонок, Валюша,— сказал он тихо и вдруг как-то очень по-доброму посмотрел на меня.

Я поняла, что все уже предрешено и отвратить этого нельзя... В ту ночь мы говорили о разном и не могли наговориться... Утром он еще раз осмотрел свои вещи — не забыл ли что? — щелкнул замком своего маленького чемоданчика... Юра поцеловал девочек. Крепко обнял меня... Я вдруг почувствовала какую-то слабость и торопливо заговорила:

— Пожалуйста, будь внимателен, не горячись, помни о нас...

И еще что-то несвязное; что — сейчас трудно вспомнить.

Юра успокаивал:

— Все будет хорошо, не волнуйся...

И тут меня словно обожгло. Не знаю, как это получилось, но я спросила о том, о чем, наверно, не должна была спрашивать тогда:

— Кто?

— Может быть, я, а может, и кто-нибудь другой...

— Когда?

Он на секунду задержался с ответом. Всего на секунду:

— Четырнадцатого.

Это я уже потом поняла, что он назвал это число только для того, чтобы я не волновалась и не ждала в канун действительной даты».

Космонавты, Каманин, Карпов, врач и кинооператоры вылетели на космодром на трех самолетах ИЛ-14. Юрий и Герман летели на разных машинах. На Байконуре их встретил Королев и руководители космодрома. Сергей Павлович сказал, что планирует вывезти ракету на старт 8 апреля, а 10—12 апреля можно стартовать.

— Как видите, в вашем распоряжении еще есть время,— улыбнулся Главный конструктор.

От Карпова Королев потребовал чуть ли не поминутного графика занятости космонавтов на весь предстартовый период и напомнил, что он, Карпов, несет персональную ответственность за готовность космонавтов к старту. В голосе Королева

удивительным образом сплавлялись ноты дружеского доверия и жесткой требовательности. Только он один умел так разговаривать с людьми.

Утром 6 апреля на космодром прилетел Константин Николаевич Руднев — председатель Государственной комиссии. В 11.30 началось техническое совещание, на котором обсуждалась отладка регенерационной системы, результаты испытаний скафандров и кресла и полетное задание космонавту.

Галлай и другие методисты высказали пожелание, чтобы космонавтам разрешили посидеть до старта в корабле. Хотя тренажер был полной его копией, но реальный корабль — это реальный корабль. Это предложение поддержал и ведущий конструктор «Востока» Олег Генрихович Ивановский, а затем и Королев. 7 апреля облаченные в скафандры Гагарин, а за ним Титов провели в реальном «Востоке» свою последнюю тренировку. Вечером космонавты смотрели кинохронику о полетах манекенов на двух последних беспилотных кораблях.

Взвешивание в МИКе показало, что «Восток» находится по весу почти у допустимого предела. Вес пяти беспилотных кораблей колебался в пределах 4540—4700 килограммов, корабль же Гагарина вместе с командиром весил 4725 килограммов. Вспомнили, что Титов немного легче Гагарина и в связи с этим, может быть, следует запускать Титова, но Королев сказал, что менять ничего не надо, а если потребуется, можно снять некоторую контролирующую аппаратуру, которая в самом полете никакого участия не принимает.

На 8 апреля было назначено заседание Государственной комиссии, на котором после разбора некоторых технических вопросов утверждался экипаж. Каманин предложил Гагарина в качестве основного командира корабля. Титова — в качестве запасного. Предложение было принято без долгих обсуждений.

— Девятого апреля Николай Петрович пригласил Юрия и меня к себе в комнату и объявил нам, что полетит Гагарин, а я буду его дублером,— рассказывал Герман Титов.

Мне приходилось много раз читать, как радовался Титов за своего друга Юрия, когда Гагарина назначили командиром первого «Востока». За Гагарина он, может быть, и радовался, а за себя? Разве не был бы Титов просто примитивным человеком, если бы он в эти минуты не испытал ничего, кроме радости за своего товарища? Так зачем же нам так его духовно обеднять? На мой вопрос: «Обидно было?» — Герман ответил с полной откровенностью:

— Да о чем ты говоришь! Обидно мне было, не обидно, но, по крайней мере, я очень расстроился! Встань на мое место...

Достаточно посмотреть на понуро сидящего Титова в кадрах кинохроники, снятых во время заседания Государственной комиссии, чтобы понять, что не только радость за Юрия

испытывал он тогда. И его можно понять, при этом ничуть не умаляя его дружеских чувств к Гагарину. Галлай также свидетельствует: «Очень достойно вел себя Титов в этой психологически непростой ситуации».

На следующий день на большой открытой террасе, построенной у края высокого берега Сырдарьи, состоялась встреча космонавтов с учеными, конструкторами, командирами стартовых служб. Многие из них никогда не видели космонавтов и с интересом рассматривали молодых летчиков. На встрече был председатель Госкомиссии К. Н. Руднев, главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения К. С. Москаленко, С. П. Королев, Н. П. Каманин, руководители космодрома и другие члены Государственной комиссии. Старались избежать официоза: на столах стояли вазы с фруктами, ситро, минеральная вода. Королев шутил, просил космонавтов и их тоже «свозить» в космос на будущем трехместном корабле.

Вечером состоялась официальная, как называли ее, «парадная», Госкомиссия. Кратко выступил Королев. Каманин представил Гагарина и Титова. Когда слово предоставили Гагарину и он начал говорить, вдруг погасли все юпитеры. Гагарин от неожиданности замолчал. Оказывается, у кинооператоров кончилась пленка, и они перезаряжали аппаратуру. Вскоре все опять включили, и Гагарину пришлось повторить начало своего выступления.

11 апреля в 5 часов утра ракету с пристыкованным к ней и закрытым защитным чехлом «Востоком» вывозили из МИКа на старт. Королев по традиции шел за ней до поворота, где ждала его машина. Сел сзади с Леонидом Александровичем Воскресенским — заместителем Королева по испытаниям. Впереди с шофером Анатолий Семенович Кириллов — «стреляющий». Воскресенский и Кириллов, собственно, и отвечали за пуск. Неожиданно Королев заговорил о том, все ли они успели предусмотреть, нет ли каких-нибудь скрытых изъянов в носителе или в корабле. Его попутчики молчали, не понимая, что этот очень сильный и самолюбивый человек просит их успокоить его...

После установки ракеты Гагарин и Титов ездили на стартовую площадку, был короткий митинг, потом обедали вместе с Каманиным, ели из туб разные пюре и желе, по правде сказать, без особого аппетита. Потом по просьбе Королева Борис Викторович Раушенбах и Константин Петрович Феоктистов провели с Юрием и Германом еще один инструктаж, впрочем, уже совершенно излишний.

По просьбе Карпова им отвели домик неподалеку от стартовой площадки, где они должны были провести последнюю ночь перед полетом. Вечером, когда Каманин уточнял с ними

расписание будущего дня, неожиданно пришел Королев. О деле не говорил, пробовал как-то натужно шутить.

— Через пять лет можно будет по профсоюзным путевкам в космос летать...

Ребята смеялись. Сергей Павлович улыбался только губами, внимательно рассматривал их, словно видел в первый раз. Потом взглянул на часы и ушел так же быстро, как появился.

Специальная группа медиков во главе с Иваном Тимофеевичем Акулиничевым наклеила на Юрия и Германа датчики, а в 22.00 космонавты были уже в постелях. Яздовский по секрету поставил на их матрацах тензодатчики: ему было интересно узнать, будут они волноваться, ворочаться во сне, и он усадил инженера Ивана Степановича Шадринцева и психолога Федора Дмитриевича Горбова следить за показаниями этих датчиков. И Юрий, и Герман спали совершенно спокойно. В ту предстартовую ночь в домике, где спали космонавты, дежурили Евгений Анатольевич Карпов и врач Андрей Викторович Никитин. Часто приходил Каманин. Зашел Королев и, удостоверившись, что космонавты спят, сразу ушел.

В 5 часов утра прошла проверка связи со всеми НИПами.

В 5.30 Карпов разбудил Гагарина и Титова.

— Как спалось? — спросил Евгений Анатольевич.

— Как учили,— весело ответил Гагарин.

Завтракали из туб. В 6.00 на старт пришла машина медиков, привезли пищу, заложили в корабль. Врачи провели короткий медицинский осмотр, измерили кровяное давление. Иван Тимофеевич Акулиничев наклеил на Юру датчики, а Виталий Иванович Сверщек помог ему надеть скафандр. Тут же были и другие специалисты: И. П. Абрамов, Ф. А. Востоков, В. Т. Давидьянц и их шеф — Семен Михайлович Алексеев. Пришел Королев, вместе с ним — Исаев, Богомолов, другие конструкторы.

— Меня одевали первым,— вспоминает Титов, которому помогал справиться со скафандром Георгий Сергеевич Петрушин,— Юрия вторым, чтобы ему поменьше париться — вентиляционное устройство можно было подключить к источнику питания только в автобусе.

Потом автобус, стартовая площадка, объятия, поцелуи, возбужденные лица ребят-космонавтов, короткий доклад председателю Государственной комиссии, и вот уже лифт поднимает Юрия к вершине ракеты. Переговорив со многими людьми, мне удалось установить, кто же действительно был рядом с Гагариным в последние минуты перед стартом. В лифте, а затем уже у самого люка с Гагариным были: ведущий конструктор «Востока» Олег Ивановский, ведущий инженер по системам жизнеобеспечения Федор Востоков, стартовик Владимир Шаповалов,

два механика-монтажника — Николай Селезнев и Владимир Морозов и кинооператор Владимир Суворов.

— Перед глазами, словно это было вчера, Юрий у входа в кабину,— рассказывал Титов.— «Ребята, один за всех и все за одного!» — крикнул он. И тут я вдруг понял, что это не тренировка, что наступил тот заветный и долгожданный час.

О маленькой заминке с люком, которую в считанные минуты вместе с механиками устранил Олег Ивановский, о Павле Поповиче, который сидел в командном бункере на связи с Гагариным, о том, как переговаривались «Кедр» (Гагарин) с «Зарей» (Земля), о Леониде Воскресенском у перископа, исторической команде Анатолия Кириллова: «Пуск!» и пальце оператора Бориса Семеновича Чекунова, который нажал пусковую кнопку, писали много раз. В 9 часов 07 минут 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин крикнул: «Поехали!»

С этой минуты он принадлежал истории.

Теодор Гладков

ПЕРВЫЙ ИЗ ДЕСЯТИ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР

Джон Рид родился ровно сто лет назад — 22 октября 1877 года, в состоятельной семье. Он получил превосходное образование в престижном Гарвардском университете, перед ним открывалась блистательная карьера... Он отказался от всего, в том числе от родственных связей, чтобы отдать свой талант служению рабочему классу. Джон Рид умер, не дожив и до тридцати трех лет, но и этой короткой жизни хватило, чтобы войти в историю. Выдающийся американский журналист, он по собственной воле и свободному выбору стал участником Великой Октябрьской социалистической революции, ее первым и лучшим летописцем. И потому прах его покоится на священной для каждого советского человека Красной площади у Кремлевской стены.

Замечательная книга Джона Рида о русской революции «Десять дней, которые потрясли мир» получила высокую оценку В. И. Ленина, она переведена на множество иностранных языков. Имя Джона Рида, ставшего впоследствии одним из основателей Коммунистической партии США, неотделимо ныне и навсегда от самого выдающегося события в истории XX века — Октябрьской революции.

Мы публикуем главу из книги Т. Гладкова «Джон Рид», вышедшую в популярной серии «Жизнь замечательных людей», в которой воссоздан глазами великого американца исторический день взятия восставшим народом Зимнего дворца...

В среду 7 ноября (25 октября.—*Т. Г.*) Рид встал поздно, когда в Петропавловской крепости уже ухнула полуденная пушка. Досадуя на себя за потерю времени, разбудил Луизу. Наскоро пожевал что-то всухомятку и, на ходу обмотав шею пестрым мохнатым шарфом, выскочил на улицу. Жена догнала его уже в дверях.

У подъезда гостиннцы, зябко поеживаясь, прохаживался Альберт Вильямс. Коллега был явно взволнован:

— Хэлло, Джек, Лунза! Жду вас уже битый час,— радостно приветствовал он друзей.— В городе творнтся такое!..

Втроем пошлн к центру.

Стоял на редкость, даже для Петрограда в эту пору, промозглый, холодный день. Мелкий косой дождь, казалось, застревал в сыром ватном воздухе. На Большой Морской, около наглухо закрытых дверей Государствениого банка, высоко подняв набрякшне от дождя воротники шинелей, стоялн несколько солдат. За плечами — вннтовки.

— Вы чьи,— спросил Рнд,— за правнтельство?

— Нет больше правнтельства,— весело гоготнул однн н выразнтельно добавил: — Фьюнть!

Значит, началось...

Рнда немного удивило, что улицы вроде бы выглядели так же, как обычно. Пожалуй, даже спокойнее, чем обычно. Как всегда громыхалн облепленные людьми трамваи. Визгливо выклнкала торговка семечками. Откуда-то из подворотни доносилнсь жалобно дребезжащие звуки шарманки.

В глаза бросилась свежая, лепящаяся на стене листовка: Петроградская городская дума доводила до сведення граждан, что накануне ею создан Комнтет общественной безопасности.

Ого! Это что-то новенькое! Рид осторожно отлепнл лнстовку, сунул в карман курткн.

Потом лнщь поиял — липкий, расползающийся под пальцами лнсток серой бумаги означал объявление большевнкам войны.

Откуда-то навстречу выскочил мальчншка-газетчик в рваной кацавейке. На самые ушн нахлобучена старая матросская бескозырка. Пронзнтельно заверещал:

— Газета «Рабочий путь»! Газета «Рабочий путь»!

Тороплнво выхватнл из детскнх рук номер, не глядя сунул керенку. А в передовой грозно:

«Всякий солдат, всякнй рабочнй, всякий нстннный социалист, всякий честный демократ не могут не видеть, что созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешенне.

Илн — или.

Или власть переходит в рукн буржуазно-помещнчьей шайкн...

...Или власть перейдет в руки революцнонных рабочих, солдат и крестьян...»

И выше афншным шрнфтом заголовок: «Вся власть Советам рабочнх, солдат н крестьяи! Мира! Хлеба! Землн!»

Зиачит, бой иачался...

На углу Морской с Невским попался знакомый меньше-

вик-оборонец. Рид спросил, правда ли, что произошло восстание. Тот лишь пожал плечами.

— Черт его знает... Может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им ее не удержать. Страной управлять — это, знаете ли, батенька... Может быть, лучше и дать им попробовать — на этом они сами свернут себе шею...

Ответу не удивился. Знакомые песни. Неожиданно мелькнула озорная мысль: «Интересно, а сколько бы продержались меньшевики? Пожалуй, меньше трех дней».

Рассмеялся неудержимо и, не попрощавшись с оторопевшим «тоже социалистом», зашагал к Исаакиевской площади.

Около Мариинского дворца, где заседал обычно «Временный Совет Российской Республики»,— цепь вооруженных солдат. На набережной Мойки баррикада — штабеля дров, поваленный набок трамвайный вагон, ящики, бочки. Возле баррикады серая туша броневика с красным флагом на тупорылой башне. Его пулеметы направлены на крышу Исаакия. И отовсюду, насколько охватывал взор, стягивались ощетинившиеся штыками колонны матросов и солдат. Урча и чихая, на площадь выкатил грузовик. На переднем сиденье — вооруженные солдаты. Сзади нахохлившиеся мокрые фигурки нескольких членов Временного правительства.

Среди солдат Рид узнал большевика Якова Петерса. Тот приветливо помахал рукой:

— Я думал, что вы переловили ночью этих господ! — крикнул Джек.

— Эх,— Петерс досадливо выругался,— бо́льшую половину выпустили раньше, чем мы решили, что с ними делать!..

Латышу было явно уже не до рассказов, и, не теряя времени, Рид направился дальше — к Зимнему.

Окруженная со всех сторон кордонами вооруженных солдат, Дворцовая площадь выглядела какой-то растерянной. Сиротливо и беспомощно вздымался к хмурому, неприветливому небу Александрийский столп. Еще вчера надменно-царственный центр страны, сегодня судьбами истории Дворцовая площадь превратилась в задний двор старой России.

У всех входов часовые — неизвестно чьи. Рид предъявил им мандат Смольного. Никакой реакции. Рид пожал плечами. Значит, придется пускать в ход американский паспорт. В керенском государстве эта пухлая книжища всегда оказывалась каким-то магическим «Сезам, отворись!». На этот раз — тоже. Вильямс только хмыкнул.

Древний швейцар с горемыкинскими бакенбардами, одетый в синюю, расшитую позументом ливрею, почтительно принял плащи и шляпы. Не встречая больше никаких препятствий, американцы поднялись по лестнице. В длинном мрачном ко-

ридоре ни души. На стендах темные квадраты — следы содранных гобеленов. Паркет затоптан. На всем печать заброшенности и отчуждения. Возле кабинета Керенского, бесцельно покусывая ус, топтался молодой офицер. При появлении иностранцев он оживился.

Представившись, Рид спросил, может ли он проинтервьюировать министра-председателя.

— К сожалению, нельзя,— ответил офицер по-французски.— Александр Федорович очень занят...

Замявшись, он добавил нерешительно:

— Собственно говоря, его здесь нет...

— Где же он?

— Поехал на фронт. Ему не хватило бензину для автомобиля, пришлось занять в английском госпитале.

— А министры здесь?

— Да, заседают в какой-то комнате.

— Большевики сюда придут?

— Конечно. Я думаю, что с минуты на минуту. Но мы готовы, дворец окружен юнкерами. Они за той дверью.

— Можно туда пройти?

— Конечно, нельзя. Впрочем...— И, не окончив фразы, офицер торопливо попрощался, повернулся и ушел.

— Ты думаешь, Джек, он сказал правду? — шепотом спросила Луиза.

— Ты имеешь в виду Керенского? Скорее всего, да.

Офицер действительно сказал правду, хотя и не всю. Всю правду о своем председателе не знали даже сами министры.

Еще утром, узнав в штабе округа, что в распоряжении Временного правительства войск очень немного и что отряды Военно-революционного комитета один за другим захватывают ключевые позиции в городе, Керенский спешно уехал из Петрограда. Оставив своим заместителем министра торговли и промышленности Коновалова, Керенский просто бежал в автомобиле американского посольства, якобы навстречу вызванным им надежным войскам.

После короткого совещания американцы решили продолжить экскурсию по дворцу. Рид толкнул первую попавшуюся дверь. Она оказалась запертой снаружи.

— Чтобы солдаты не ушли,— с наивной непосредственностью объяснил откуда-то появившийся старик-служитель со связкой ключей.

Из-за двери доносились какие-то голоса, порой пьяный смех. Желание познакомиться поближе с защитниками последней цитадели Временного правительства взяло верх над благоразумием, и Рид решительно отворил дверь.

Перед ним простиралась анфилада великолепных комнат, увешанных картинами на батальные темы. Некоторые полотна

были продраны насквозь, по-видимому штыками. Прямо на паркете валялись грязные солдатские тюфяки. И повсюду битые бутылки из-под дорогих французских вин, пустые консервные банки, окурки, следы плевков.

У окон — винтовки в козлах. На подоконниках — амуниция, подсумки с патронами. Затхлый, тяжелый воздух казармы — вонючая смесь застарелого табачного дыма, спиртного перегара, испарений немытых человеческих тел. И в сизом чаду какие-то нереальные, зыбкие фигуры в солдатской форме с красными с золотом юнкерскими погонами.

Качнувшись, одна из фигур — в офицерском мундире — представилась:

— Штабс-капитан Арцыбашев...

Левой рукой офицер вежливо приподнял фуражку, правая у него была занята откупоренной бутылкой бургундского. Штабс-капитан был в той степени опьянения, когда способность удивляться утрачивается. Неожиданное появление в этой казарме, украшенной лепными купидонами, иностранцев, в том числе и женщины, он воспринял, как нечто совершенно естественное.

Узнав, что перед ним американцы, штабс-капитан доверительно пожаловался на падение из-за революции благородных традиций русского офицерства, вслед за чем без всякой последовательности попросил помочь ему уехать в Америку. И даже записал свой адрес на грязном клочке бумаги.

Юнкера принялись хвастаться:

— Большевики — трусы... Пусть они только сюда покажутся, мы им зададим!

Заключив из этих слов, что последние защитники Временного правительства чувствуют себя явно не в своей тарелке, Рид со спутниками покинул Зимний дворец. Выйдя на набережную, он расправил плечи и жадно вдохнул всей грудью свежий ветер с Невы...

Было уже почти темно, когда трое американцев зашли в гостиницу, чтобы что-то перекусить. За столом сидели молча, лишь изредка перебрасывались случайными фразами. Каждый пытался привести хоть в какой-то порядок сумбурные впечатления событий дня, уловить связь между ними, нащупать, угадать за кажущимся хаосом закономерность, разгадать в нем железную волю людей, решающих сегодня судьбу России. И не только России.

Возвращаясь из Зимнего дворца, американцы успели узнать от встречных, что еще утром Военно-революционный комитет принял обращение «К гражданам России», в котором сообщал о низложении Временного правительства и переходе всей власти в руки Советов. Позднее Риду стало известно, что написал обращение Ленин.

Солдаты Павловского полка, перекрывшие движение по Невскому, на Полнцейском мосту, после предъявления нм мандатов Смольного рассказали товарищам иностранным социалистам, что отряды восставших уже овладели правительственным телеграфом, военным портом, радиостаицией, Главным Адмиралтейством, захватили тюрьму «Кресты» н освободилн находившихся в ней политических заключенных.

В то время, пока Рнд, Вильямс и Луиза беседовали с юнкерами в Зимнем, дворец был уже окружен. У Николаевского моста, где еще в половине четвертого утра отдала якорь «Аврора», высадился десант кронштадтцев.

Полторы тысячи моряков-гельсиигфорсцев, выехавших в Питер по суше, заняли линию железиой дорогн от Гельсингфорса до Белоострова, закрыв вызванным с фроита Временным правительством контрреволюционным войскам путь к столице. Отряды красногвардейцев Выборгского района и солдаты Московского полка закрепили за собой Финляндский вокзал, Лнтейный н Гренадерский мосты.

Отряды вооруженных рабочих с Васильевского острова готовы через Николаевский мост поддержать кронштадтцев. Казачьи части н юнкерскне училища надежно блокнрованы революционнымн солдатамн н красногвардейцами.

Фактнчески весь город был уже в руках восставших. Сохранившие верность правительству юнкера и георгиевские кавалеры утром перетаскали от Главного штаба сложенные там дрова и устронли из них баррикаду вокруг Знмнего дворца. «Власть» Временного правительства держалась теперь лишь на штабелях березовых поленьев...

Троим американцам так и не пришлось пообедать в этот день. Только лишь принялись за суп, как подбежал перепуганный официант, попроснл перейти в другой зал, выходящий окнами во двор:

— Будьте любезны, господа, сейчас начнется стрельба...

Рид вопросительно посмотрел на жену. Поняв его без слов, Лунза встала, повернулась к Вильямсу:

— Мы с Джеком лучше вернемся на улицу. А как вы, Альберт?

— Разумеется, с вами,— просто отозвался Вильямс, уже направляясь к выходу.

Невскнй — людской водоворот. На каждом углу под тускло, вполнакала горящими фонарями — толпа. За бурлящнм перекрестком с Садовой Невский словно впал в обычное русло. Как всегда, сиялн витрнны дорогнх магазннов, перелнвались огнямн вывески кннематографов и ресторанов. Фланирующие по тротуарам бездельннки демонстративно «не замечали» проезжающие время от времени по мостовой броневикн, на которых поверх старых названнй «Олег», «Рюрнк», «Святослав» крас

нели огромные буквы «РСДРП». Броневики двигались вниз, к Зимнему.

Джон Рид и его спутники еще не знали, что в 14 часов 35 минут Ленин уже бросил во взорвавшийся овацией Белый зал Смольного знаменитые слова, потрясшие мир:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...»

Смольный бурлил. К его сверкающему огнями фасаду со всех сторон стекались все новые и новые отряды вооруженных красногвардейцев, матросов, солдат. В зыбком пламени разложенных во дворе костров тысячами ответных искр отблескивали штыки.

В самом Смольном — гул голосов, лязганье тяжелых подкованных сапог по паркету, бряцание оружия, хриплые выкрики командиров. Рабочие в черных тужурках, солдаты в длинных серых шинелях и высоких заломленных папахах, матросы в бушлатах, перепоясанных пулеметными лентами. За плечами у каждого — вниз стволом — карабин. У некоторых на поясе гранаты-бутылки. Время от времени сквозь бурлящий людской поток прорывался кто-нибудь из членов ВРК.

Откуда-то появился Луначарский, зажимая под мышкой пухлый портфель. Рид попытался его остановить.

— Некогда, некогда, только что окончилось заседание Петроградского Совета, приняты важные решения.— И Луначарский исчез, словно растворился в шинелях, куртках, бушлатах.

— Хэлло, Джек!

Рид оглянулся. Откуда-то из глубины коридора к нему пыталась протиснуться женская фигурка. Бесси Битти! И она здесь! Впрочем, удивляться не приходилось, Бесси журналистка, как говорится, божьей милостью. Где же ей быть в такие часы, как не в Смольном. Торопливо, азартно стала выкладывать новости:

— Петроградский Совет принял резолюцию,— Бесси вытащила блокнот, прямо с листа начала расшифровывать стенограмму: — «Совет приветствует победоносную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда... Совет выражает непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство твердо пойдет к социализму... Оно немедленно предложит справедливый, демократический мир всем народам... Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы...»

— Конечно, поможет,— Рид торопливо стал переписывать слова резолюции в свою записную книжку.

Огромный, ярко освещенный зал заседаний Смольного был набит до отказа. Повсюду — на скамьях, стульях, прямо в

проходах, даже на возвышении для президиума — сидели люди. В спертом воздухе почти недвижно повисли густые сизые клубы табачного дыма. Зал то застывал в напряженной, тревожной тишине, то вдруг взрывался яростно и гневно.

За столом ~~президиума~~ лидеры старого Центрального исполнительного комитета: бледные, растерянные, с ввалившимися глазами. Гоц нервно мнет в руке какую-то бумажку... Либер невидяще уставился пустым взглядом куда-то поверх голов, губы его беззвучно шевелятся.

Словно нехотя, над столом президиума поднялась карикатурная фигурка Дана в мешковатом мундире военврача. Вяло звякнул председательский колокольчик.

— Власть в наших руках,— печально начал Дан, его дряблое лицо свело тиком,— а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров.

Зал заревел яростно, исступленно:

— Долой! Вон! Министры нам не товарищи!

Под свист, улюлюканье, крики делегатов старый президиум очистил трибуну. Его место уверенно, по-хозяйски занял новый — четырнадцать большевиков.

Меньшевики протестуют, вскакивают, кричат. Им предлагают места в президиуме — пропорционально числу делегатов. Они не согласны.

— Это неслыханное насилие! — вопит кто-то с места.

Бородатый солдат, сидящий рядом с американцами, резко встает и, перекрывая крик протестующих, гневно кричит:

— А что вы делали с нами, большевиками, когда мы были в меньшинстве?

Мартов протолкался к трибуне. Надтреснутым профессорским голосом заговорил назидательно:

— Гражданская война началась, товарищи. Наша задача — мирное решение вопроса...

В зале хохот, злой, непримиримый. И кто-то в ответ:

— Победа — вот единственное решение вопроса!

Офицер-«трудовик»:

— Советы не имеют поддержки в армии, захват власти Советами — преступление, нож в спину революции!

— Предатель! — ревут солдаты.— Корниловец! От штаба говоришь, а не от армии. Мы — за Советы!

Овация. И нет офицера. Словно смыло.

— Мы не можем остаться здесь и взять ответственность за преступление! — истерически кричит делегат-меньшевик.

Группа меньшевиков, эсеров, еще кто-то устремляются к выходу.

— Скатертью дорожка! — несется им вслед.— Дезертиры! Предатели! В мусорную яму истории!

На какое-то мгновение в зале стало тихо, и в следующую же секунду, не выдержав собственной тяжести, тишина раскололась орудийным грохотом. Орудия цитадели царизма — Петропавловской крепости,— молчавшие двести лет, открыли огонь по Зимнему дворцу...

Рид сидел, уткнувшись в блокнот на коленях, стиснутый между Вильямсом и бородатым окопником с изможденным, землистым лицом. Воспаленные глаза солдата, не отрываясь, жадно следили за трибуной. Он не выкрикивал, не вскакивал то и дело с места, как другие делегаты. Лишь по тому, как сжимались в кулаки его тяжелые руки, можно было догадаться, какие мысли будили в нем речи ораторов.

В одну из коротких пауз между выступлениями к Риду наклонилась Луиза. Она с Бесси сидела на скамье в следующем ряду.

— Тебе не кажется странным, Джек,— шепнула она в самое ухо,— что в зале нет ни Ленина, ни других видных большевиков? Ведь съезд за них...

Тем же шепотом, чуть откинувшись назад, Рид высказал свои предположения:

— Думаю, что сейчас у них есть более неотложные дела. Зимний еще не взят, хотя за него я не поставлю и двух центов против миллиона долларов. Вряд ли есть смысл Ленину терять сейчас время на дискуссии. Съезд все равно пойдет за ним. Пока министры не арестованы, дело нельзя считать завершенным.

Рид был прав. В то время как правые эсеры и меньшевики изливали фонтаны негодования в бессильных потугах привлечь на свою сторону делегатов, в угловой комнате на втором этаже Смольного Ленин руководил восстанием. Каждую минуту отсюда во все концы города спешили на самокатах, мотоциклах, автомобилях нарочные с приказами и распоряжениями ВРК. Уходили в ночь отряды вооруженных.

Задержка взятия Зимнего замедляла проведение в жизнь ленинского плана работы съезда. Одну за другой набрасывал Ильич своим стремительным почерком записки Антонову-Овсеенко, Подвойскому, Чудновскому с требованием штурмовать дворец.

Временное правительство, хватаясь даже не за надежду, а за слабый призрак ее, ответило отказом на требование сдаться без боя. В восемь часов вечера Григорий Чудновский доставил в Зимний повторный ультиматум с последним предложением капитулировать.

Руководитель охраны дворца Пальчинский, потеряв от бессильной злобы и отчаяния не только здравый смысл, но и чувство юмора, приказал арестовать парламентера.

Чудновский только пожал плечами — уж он-то, один из непосредственных руководителей осаждающих, знал, что

арест — фикцня, такой же мираж, как н то, что человек, прнказавший взять его под стражу, счнтается чуть ли не «генерал-губернатором».

Ему не пришлось даже дожидаться штурма, чтобы выйтн на свободу. Зашумели, заволиовались юнкера-ораниеибаумцы.

— Позор! Это парламентер! Мы ему дали честное слово!

Из толпы юнкеров выскочнл мальчишка-прапорщик. И грубо, яростно кинулся к Пальчииському.

— Мы требуем немедленного освобождения парламентера! Для чего вообще нас привели сюда? Умирать за Керенского? Во имя чего?

Чудновского освободили... Час спустя, потеряв всякую веру в правительство, оставили дворец юнкера школы Северного фронта, ораниенбаумцы, мнхайловцы, казаки, часть женского ударного батальона... Всего около тысячн человек.

Не имея сил вступить в настоящий бой и ие имея мужества признать поражение, правительство продолжало упорствовать... Тупо, безнадежно, равнодушное даже к собствеиной участи.

В 21 час 45 минут, после того как Временное правительство отвергло последиюю возможность избежать иапрасного кровопролития, прогремел холостой выстрел с «Авроры»...

Выстрел «Авроры»...

Комендор Евдокнм Огиев рванул шиур носового шестндюймового орудия. Раскололось с грохотом н пламенем иебо над Невой, с протяжным звоиом ударилась о палубу крейсера дымящаяся медь стреляной гильзы...

И навсегда запомнила история этот единственный выстрел, ие унесшнй нн одной жизни, но разбивший разом последиюю цепь на Росснн.

Уже пробнваясь к выходу из зала н не обращая внимания на толкотню н давку, Джои Рнд торопливо дописывал в блокноте: «Непрерывный отдаленный гром артнллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов... Так под пушечный гром в атмосфере мрака и ненавистн, днкого страха н беззаветной смелости рождалась новая Россия».

Рнду было ясио, что сейчас там, на огромной площади перед Зимним дворцом, пронсходит кульмниационное событне того дня, нз-за которого стоило пересечь Атлаитнку.

Подхватив жену н Бесси, он устремнлся к выходу, ловко нспользуя старые футбольные приемы, прорезая людскую пробку у дверей. Вильямс едва проднрался за ним.

У ворот Смольного тряся от работающего мотора огромный армейскнй грузовнк с высокнмн бортами. Его кузов уже был забит красногвардейцамн и солдатамн.

Отчаянно размахнвая всемн нмеющнмися у них документамн, четверо американцев, выкрнкивая нанболее подходящие

при данных обстоятельствах русские слова, кинулись к машине. По-видимому, их достаточно хорошо поняли, потому что под добродушные шутки и смех всех четверых мгновенно втащили в кузов. Мотор взревел, и с отчаянным скрежетом в коробке скоростей автомобиль сорвался с места.

Отдышавшись, Рид заметил, что на полу сложены пачки каких-то листовок. Время от времени кто-нибудь из его случайных попутчиков распечатывал очередную пачку и разбрасывал прокламации. Белые листки стремительно разлетались от встречного ветра. Прохожие на лету ловили их. Рид взял одну листовку — на ней было отпечатано воззвание ВРК. Оставив этот экземпляр себе, Рид стал помогать разбрасывать остальные.

На углу Екатерининского канала машина остановилась. Дальше предстояло добираться пешком. На Морской американцы присоединились к колонне красноармейцев. Когда отряд достиг арки Главного штаба, Рид со своими спутниками успел уже протискаться в передние ряды. Без песен и криков человеческая река хлынула под арку, смяла, сокрушила, разметала дровяные баррикады и покатилась дальше, неудержимо заливая огромную площадь.

Ни одного выкрика — только топот тысяч сапог, стук пулеметных катков, непрерывный треск винтовок, хлопки ручных гранат.

У цоколя Александрийской колонны передовая цепь — человек двести красногвардейцев — задержалась, а затем, словно ощутив прилив свежих сил, снова кинулась вперед, к Зимнему.

И наконец:

— Ура-а-а!!!

Грозное, громовое, торжествующее...

Чьи-то черные на фоне ночного неба фигуры метнулись первыми к дворцовой решетке, и вот уже человеческая волна ворвалась в ворота, сорвала двери и, разделившись на отдельные потоки, хлынула на белокаменные лестницы.

В одном из бешено клокочущих водоворотов — четверо американцев... В руках у Рида сорванная где-то со стены шашка... Вместе со всеми вперед, дальше, к той неведомой еще никому комнате, последней норе уже давно не Временного...

Откуда-то из бокового коридора — Антонов-Овсеенко. Худой, взъерошенный, глаза — как угли. За ним — Чудновский. Увлекая за собой матросов, красногвардейцев, оба комиссара, не обращая внимания на бросающих винтовки юнкеров, бежали по бесконечной анфиладе дворцовых комнат.

Рид мгновенно понял: сейчас эти двое совершат то, чего с нетерпением ждет в Смольном Ленин, ждут делегаты съезда, ждет Россия.

— Они идут арестовывать правительство!

И Джон Рид, представитель американской социалистической печати, устремился за людьми, расчищающими дорогу первому в мире социалистическому правительству.

У порога обширной залы последнее препятствие — неподвижный ряд юнцов с винтовками на изготовку. Они словно окаменели. В глазах, как схваченный на лету крик, отчаянье...

Антонов вырывает у одного винтовку. Юнкер чуть не падает, он и не думает сопротивляться. Словно не замечая направленных на него штыков, Антонов спрашивает громко, повелительно:

— Временное правительство здесь?

Не дожидаясь ответа, шагнул прямо сквозь шеренгу. Отстал Чудновский, с радостным, торжествующим возгласом рванул на себя за лацканы сюртучка недавнего знакомца — Пальчинского. Гаркнул, вытряхивая душу из помертвевшего генерал-губернаторского тела:

— Ну, вот и ваш черед, господин хороший!

И тут же людская лавина смяла, завертела, отбросила юнкеров, хлынула дальше, в последнее прибежище последнего буржуйского правительства России.

Комната. Небольшая, в трепетных бликах свечей. За длинным столом, сливаясь в зыбкое, тусклое пятно, безликие, призрачные фигуры. Глаза пустые, невидящие.

И Антонов, словно взброшенный на гребне штормовой волны, неожиданно спокойно, буднично сказал:

— Именем военно революционного правительства объявляю вас арестованными...

Выходят по одному пятнадцать временщиков, держа за фалды друг друга. К ним присоединяют остальных. Вокруг — плотное кольцо караула. Приткнувшись плечом к стене, Рид стенографическими крючками наспех черкает в блокноте фамилии арестованных.

Терещенко — пухлое детское лицо с приказчичьим пробором и неожиданно тучная, бесформенная фигура — в дверях словно очнулся. Насел яростно на конвоира, матроса с «Авроры»:

— Ну и что вы будете делать дальше? Как вы управитесь без нас, без...

— Ладно уж,— отрезал моряк,— управимся! Только бы вы не мешали...

Комната опустела. Из соседних залов доносится зычный голос:

— Товарищи, ничего не брать! Революция запрещает. Это принадлежит народу. Всем очистить помещение!

Рид подходит к длинному столу, покрытому зеленым сукном. Стол завален бумагами, планами, картами. Память цепко замечает: на некоторых листках бессмысленные геометрические чертежи. Заседавшие машинально чертили их, безнадежно

слушая, как выступавшие предлагали все иовые и новые химерические проекты.

Рид взял одии листок иа память. На нем рукой Коиовалова, словио в иасмешку иад самим собой: «Временное правительство обращается ко всем классам иаселеиия с предложением поддержать Времеиное правительство...»

Когда Рид со своими спутииками покинул Зимиий дворец, было уже три часа утра. Площадь перед дворцом была заполнена людьми. Солдаты, красиогвардейцы, матросы грелись вокруг костров.

Америкаицы решили вериуться в Смольиый, где, по их расчетам, еще продолжалось первое заседаиие съезда. Рид предложил по пути загляиуть в городскую думу — вторую после Зимнего цитадель буржуазии в Питере:

— Надо посмотреть, что они теперь собираются делать после ареста правительства.

В Алексаидровском зале думы вокруг трибуны толкалось около ста человек. К своему удивлеиию, Рид узиал среди них и делегатов съезда — меиьшевиков и эсеров, иесколько часов назад демонстративио покииувших Смольиый.

Но недоумеиие было недолгим. Поразмыслив, Рид решил, что, собственно, удивляться нечему. Куда же было деваться Дану, Гоцу, Авксеитьеву и другим, как не сюда, в кадетское логово?

Рида поразил коитраст между этим собраиием и съездом Советов. Там — огромиые массы обносившихся солдат, изможденных рабочих и крестьяи — все бедияки, согиутые и измучеиные жестокой борьбой за существоваиие; здесь — меиьшевистские и эсеровские вожди, бывшие министры-социалисты. Рядом с ними — журиалисты, студеиты. Упитаиные, хорошо одетые.

Посещеиие думы, хотя и кратковременное, ие осталось бесполезиым для америкаиских журиалистов: они явились свидетелями первого после Октябрьского переворота заговора буржуазии против иарода. В их присутствии Комитет общественной безопасиости был расширен с целью объедииеиия всех антибольшевистских элемеитов в одну организацию — пресловутый «Комитет спасеиия родииы и революции».

Дальше оставаться в думе было иезачем, и американцы продолжили свой путь по тревожиым петроградским улицам.

Оии поспели в ярко освещеииый тысячью огией Смольиый как раз в ту историческую миичуту, когда II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов, опираясь на волю громадиого большииства рабочих, солдат и крестьян, опираясь иа совершившееся победоиосное восстание, взял власть в свои руки.

Но день, первый день из десяти, которые потрясли мир, на этом не кончился, хотя одна заря уже сменила другую. И после освещенной багровым пламенем костров ночи, когда пал Зимний, этот день вместил в себя еще одну ночь, когда Смольный, революционный Смольный впервые после победы встретил Ленина.

И Джон Рид стал человеком, на долю которого выпало счастье навеки сохранить для истории облик Ленина-победителя. «...Громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступающей бородкой... Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

...Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов и ждал, по-видимому не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка!»

Новый потрясающий грохот человеческой бури...

...Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца...

Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, преисполненные обожания.

...От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

...Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала».

...Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо.

...А когда кончили петь «Интернационал»... чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!» И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную.

Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забитых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный,
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...»

Эти строки не мог написать сочувствующий наблюдатель. Они могли родиться только под пером участника Великой революции. И Джон Рид стал им, быть может осознав это в тот счастливейший миг, когда вместе с русскими рабочими и крестьянами приветствовал Ленина.

...В холодном, плохо протопленном номере гостиницы, уложив спать падающую с ног от усталости Луизу, Джон Рид снял чехол с пишущей машинки.

Заложив в каретку лист чистой бумаги, привычно опустил пальцы на клавиатуру. Медленно, тщательно взвешивая каждое слово, стал печатать. Под сухой треск «Ундервуда» рождались строки, из которых предстояло узнать Америке о потрясении мира:

«Свершилось...

Ленин и петроградские рабочие решили — быть восстанию. Петроградский Совет низверг Временное правительство и поставил съезд Советов перед фактом государственного перево-

рота. Теперь нужно было завоевать на свою сторону всю огромную Россию, а потом и весь мир. Откликнется ли Россия, восстанет ли она? А мир, что скажет мир? Откликнутся ли народы на призыв России, подымется ли мировой красный прилив?

Было шесть часов. Стояла тяжелая холодная ночь. Только слабый и бледный, как неземной, свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией».

Юрий Кларов

САФЬЯНОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Из беседы искусствоведа А. Я. Бонэ с заместителем председателя Совета московской народной милиции Л. Б. Косачевским

Бонэ. *Великолепной синей краске индиго в древности не везло. Не везло даже на ее родине, в Индии, где в XI веке аль-Бируни писал: «Из всех красок синяя для брахмана является нечистой, и, если она коснется его тела, ему необходимо совершить омовение. Кроме того, он должен беспрестанно бить в барабан и читать перед огнем предписанные священные тексты».*

Еще хуже и самой краске, и ее поклонникам пришлось в средневековой Европе, где ее именовали «кормом сатаны» и «дьявольской краской». В 1577 году в Германии был издан даже специальный закон, карающий смертной казнью за использование индиго.

Немного позднее подобный же закон стал действовать и во Франции. Но, как известно, справедливость, рано или поздно, торжествует (чаще, правда, поздно). И уже в XVII веке индиго завоевало Европу. Бывший «корм сатаны» превратился в «королеву красок». Индиго теперь использовалось в окраске дорогих тканей, из которых шили себе платья придворные модницы, шло на окраску кафтанов и солдатских мундиров. Владельцы красилен и мануфактур просто не представляли себе, как можно обойтись без этой чудесной краски. Особой популярностью индиго пользовалось во Франции, куда его доставляли из далекой Индии. И тут владычица морей Англия объявила о морской блокаде своей соперницы. Увы, первый консул Наполеон Бонапарт ничего не мог поделать с мощным военным флотом Англии. Английские корабли задерживали все

торговые суда, державшие курс к французским берегам. Франция лишилась многих товаров, в том числе и бесценного индиго, без которого теперь уже никак не могла обойтись французская промышленность. И в 1800 году Наполеон установил премию в миллион франков тому, кто найдет для индиго равноценную замену. Миллион франков — сумма весьма солидная. Поэтому понятно, что тысячи, а возможно, и десятки тысяч людей пытались получить эту премию. Но никто ее так и не получил.

Между тем, по некоторым сведениям, которые, правда, еще нуждаются в дополнительной проверке, равноценная замена «корму сатаны», или «королеве красок», была уже давно найдена мастером-красильщиком из Ржева.

30 января 1918 года было обнаружено ограбление Патриаршей ризницы. А через неделю после происшедшего в кабинете председателя Московской комиссии по охране памятников искусства и старины появился бывший чиновник Московского дворцового управления, ведавший до декабря 1917 года всем имуществом Кремля, Мансфельд-Полевой.

У представителя одного из древнейших графских родов Германии была щуплая фигурка и остроносая незначительная физиономия, одна из тех физиономий, которые никогда и никому не запоминаются. Но в манерах и осанке посетителя чувствовалось — он не забыл, что его славный и доблестный предок Петр Эрнст II, более известный под именем Эрнст Мансфельдский, по свидетельству восхищеных историков, умер в походе, как и положено великому воину, стоя, в полном боевом снаряжении, опираясь на плечи верных оруженосцев. Судя по всему, Мансфельд-Полевой был готов, в случае необходимости, понятно, повторить этот исторический подвиг здесь, в генерал-губернаторском доме, ставшем логовом московских большевиков. Но в кабинете председателя Комиссии, человека веселого и добродушного, царила настолько домашняя атмосфера, что умирать — ни стоя, ни сидя — особой необходимости не было. Поэтому, расположившись в удобном кресле (в Петровском дворце реквизировали или в Александровском?), Мансфельд, преодолев минутное замешательство, даже позволил себе ослабить тугой узел галстука.

— Мне не хотелось бы злоупотреблять вашим терпением, но я все-таки позволю себе отнять у вас несколько минут, тем более что предложение, которое я уполномочен сделать, видимо, вас заинтересует.

— Я весь внимание,— сказал председатель Комиссии.

— Мы вчера вместе с Николаем Николаевичем,— назвал Мансфельд по имени и отчеству бывшего командира лейб-гвардии конного полка князя Одоевского-Маслова, который перед революцией возглавлял Московское дворцовое управ-

ленне,— были в гостях у Алексея Викуловича Морозова. Вы, конечно, знаете Алексея Викуловича?

Да, председатель Комиссии хорошо знал текстильного фабриканта и миллионера Морозова, особняк которого украшали четыре великолепных панно Врубеля, картины Репина, Левитана, Серова, Крымова, Сомова и более ста первосортных полотен иностранных художников. Морозов располагал обширными коллекциями икон XIV — XVII веков, старого русского серебра, миниатюр и лучшим в Москве собранием русского фарфора — Императорского завода, гарднеровского, поповского, тереховского, киселевского, миклашевского.

— На Алексея Викуловича произвело гнетущее впечатление ограбление Патриаршей ризницы,— продолжал Мансфельд-Полевой.— Он опасается, что подобное же может произойти и с его особняком. Для русской культуры было бы трагедией, если бы бесценные сокровища Морозова оказались в руках уголовников. Вы согласны со мной?

Что ж, в этом вопросе у председателя Комиссии не было никаких разногласий с бывшим чиновником дворцового управления. Действительно, собрания Морозова представляли значительную художественную ценность. Но Комиссия не всесильна, а обстановка в городе оставляет желать лучшего.

— Вы знаете положение в Москве не хуже меня. К сожалению, мы сейчас не имеем возможности гарантировать охрану частных коллекций.

— Алексей Викулович на это и не рассчитывает,— брякнул несуществующей рыцарской шпорой Мансфельд, и его незначительная физиономия сразу же приобрела поразительное сходство с портретом его доблестного предка.

— На что же он тогда рассчитывает, позвольте полюбопытствовать?

Мансфельд помолчал, словно собираясь с мыслями, и спросил:

— Если бы собрания господина Морозова стали собственностью новой власти, вы бы обеспечили их сохранность?

— Надеюсь. Во всяком случае мы бы приложили к этому все свои силы.

— Алексей Викулович,— торжественно сказал Мансфельд,— просил передать вам, что он готов подарить Советской власти все свои собрания.

— Щедрый дар. Но что он хочет взамен? — спросил председатель Комиссии, который всегда и во всем был реалистом.

— Очень немногого.

— А все же?

— Алексей Викулович хочет лишь получить на свой особняк охранную грамоту и рассчитывает, что его назначат пожиз-

ненным хранителем собраниых им коллекцнй. Согласитесь, что это не так уж миого за художественные ценности стоимостью в несколько миллионов рублей.

— Согласен,— весело сказал председатель Комиссии.— Передайте господиину Морозову, что его условия нас устранвают. Советская власть с благодарностью готова принять его дар. Завтра нашн товарнщн из Комнсснн озиакомятся на месте с коллекцнямн, и мы выпншем ему охраниую грамоту. Что же касается жалованья пожнзненного храннтеля, то, боюсь, что господнн Морозов на многое рассчнтывать не сможет...

— Это ие существенио. Пока Алексей Внкуловнч вполне может сам себя прокормить.

— Это меия радует,— сказал председатель Комиссин.

В охраиной грамоте, которую вскоре получнл Морозов, было иаписаио:

«Снм удостоверяется, что дом граждаиииа Российской Советской Федератнвной Соцналистической Республнкн А. В. Морозова вместе со всемн находящимнся в ием пронзведеннямн нскусств, переданнымн вышеуказанным гражданнном в дар Советской власти, состонт под особой охраной Московской комиссии по охране памятиков искусства и старины Московского Совета Рабочнх, Солдатских н Крестьянскнх Депутатов.

Озиачениый дом ннкаким уплотнеииям н реквнзицням ие подлежит, равно как и имеющиеся в нем предметы ие могут быть нзъяты без ведома и согласня Московской комнсснн по охране памятннков искусства н стариины».

Вслед за Алексеем Морозовым в Московскнй Совдеп в сопровождеиин все того же Мансфельда-Полевого прншли Днмтрий Иванович Щукин, владелец велнколепной пииакотекн, в которой былн Ватто, Буше, Лоуреис, Рейсдаль, Брейгель, Гойен, Терборх, Кранах; Илья Семенович Остроухов, чей особняк в Трубинковском переулке украшалн холсты н рнсункн Репниа, Сурнкова, Брюллова, Венецнанова, Левнцкого н Кнпренского; нзвестиые цеиители нмпрессионнстов н постимпрессноннстов Иваи Абрамович Морозов н Сергей Иваиовнч Щукнн, в чьих особняках иа Пречнстеике н в Большом Знамеиском переулке храинлнсь лучшие в Европе собраиия картин Ван Гога, Сезаииа, Матнсса, Гогеиа, Реиуара, Моне, Дега, Пнссарро, Сислея и Пикассо.

Так, по выраженню злоязычного заместнтеля председателя Совета мнлицнн Леониндa Борнсовича Косачевского, началось всеобщее братанне коллекционеров с Советской властью.

Обычно выдаче охраиной грамоты предшествовало тщательиое ознакомленне с коллекцней, ее оценка. В особняк иаправлялнсь эксперты Московской комнсснн по охране па-

мятников искусства и старины, которых обязательно сопровождал представитель Совета милиции, ибо председатель Комиссии, человек здравомыслящий и прекрасно разбирающийся в обстановке, исходил из того, что без деятельного участия милиции охранная грамота легко может превратиться в филькину грамоту. Что поделаешь, в то бурное, неустроенное время, когда Советская власть только укрепляла свои позиции, наводя железной рукой порядок, к различным бумагам — будь то грамоты, мандаты или обращения — относились без особого уважения, сила же по-прежнему пользовалась должным авторитетом. За милицией, которая являлась одним из вооруженных отрядов пролетарской диктатуры, была сила. Это все хорошо почувствовали во время облав, которые проводились на Сухаревке, Масловке и Хитровом рынке.

Чаще всего представителем Совета милиции, к которому обращался в подобных случаях председатель Московской комиссии по охране памятников искусства и старины, был Косачевский. Возможно, так повелось потому, что именно Косачевский и никто иной организовывал охрану художественных сокровищ, привезенных в Москву из Эрмитажа, Александро-Невской лавры, Аничкова дворца, Конюшенного ведомства, Гофмаршальской части и Петергофа. Возможно, тут были и другие причины. Например, личные симпатии председателя Комиссии, на которого Косачевский, занимавшийся тогда расследованием ограбления Патриаршей ризницы, при первом же знакомстве произвел, как личность, весьма сильное впечатление. Но как бы то ни было, а телефонограммы Комиссии по охране памятников искусства и старины на имя Косачевского стали в Совете милиции обычным явлением. Не удалось Косачевскому скрыться от этих телефонограмм и тогда, когда он вынужден был в интересах дела перебраться в помещение Московской уголовно-розыскной милиции.

Участие в деятельности Комиссии по охране памятников искусства и старины требовало времени, того самого свободного времени, которого у Косачевского никогда не было. Поэтому настойчивые телефонограммы раздражали заместителя председателя Совета милиции.

Вот и сейчас лежащее на столе приглашение принять участие в ознакомлении с восточным собранием некоего Бурлак-Стрельцова (ковры, бронза, живопись, слоновая кость, керамика, фарфор) никаких добрых чувств у него не вызывало. Как раз на это время был назначен допрос одного из основных свидетелей по делу об ограблении Патриаршей ризницы, а Косачевский хотел обязательно присутствовать на этом допросе, который мог дать весьма любопытные сведения. И вот — очередная телефонограмма. Ни к чему. Совсем ни к чему. В конце концов, в Совете милиции девять человек.

Почему нменио он, Косачевский, должеи тратнть время на Комнссню по охране памятннков нскусства и старины?

Вполне возможно, что на этот раз телефоиограмма из Комнссни не возымела бы никакого действия, еслн бы рядом с ией не оказалась короткая записка: «Дорогой Леонид Борнсович! Дважды заезжал к Вам, но так и не смог застать. Поннмаю: дела, дела н опять дела. А все-такн льщу себя надеждой, что встретнмся. Не напрасно? У меня крайне важные новости. Увереи, что они и Вас заинтересуют, хотя во всем, что имеет к Вам касательство, я ие бываю убежден. Вы для меия загадка, тайна за семью печатямн. И тем не менее жажду с Вамн поделиться. Уж сделайте милость, не откажите, дайте мне такую возможность. Хорошо? Рассчитываю увидеть Вас у Бурлак-Стрельцова. Там н поговорим. До встречн. Всегда Ваш покорный слуга А. Бонэ».

Автору записки Косачевский ни в чем отказать не мог. А точнее: почти ни в чем.

Ну что ж, пусть допрос сннмут без него. Осмотр собрания Бурлак-Стрельцова, которое стаиовнтся собственностью народа, тоже дело. Кстатн, Бонэ что-то ему в свое время рассказывал н о Бурлак-Стрельцове, и о его собрании.

Александр Яковлевнч Боиэ был слабостью Косачевского, нли, как он сам выражался, его прнвычкой.

* * *

Привычку под нменем «Бонэ» Косачевский приобрел незадолго до войны 1914 года, после побега нз Тобольской ссылки, когда, отсидевшись некоторое время в одном нз скнтов валаамского Преображенского монастыря, оказался на иелегальном положенни в Москве — без паспорта, без надежиой конспиратнвной квартнры и без какнх-либо перспектнв прнобрести то н другое.

Люди, с которыми Косачевский пытался тогда связаться, былн незадолго до его прнезда в Москву арестованы. Но Косачевскому все-таки повезло. На Алексаидровском вокзале он совершеино случайно столкнулся с одннм товарищем, которого знал еще по семинарии. Тот приютил его иа одну ночь, но предупреднл, что оставаться у него опасно: квартнра, судя по всему, под наблюденнем. Паспортом он Косачевского попытается снабднть, хотя н не очень надежным, что же касается остального... Впрочем, оказалось, что все не так уж безнадежно, как могло показаться с первого взгляда.

— Зиаешь что, Леонид? Я тебя, пожалуй, сведу с Бонэ. Как это мне раньше не пришло в голову! Он тебе иавеoияка устронт н крышу над головой, и легалнзоваться поможет. Я уже как-то прибегал к его помощи.

— Кто этот Бонэ? — насторожился Косачевский.

— Очаровательный человек и энтузиаст ковроделия. Дай ему волю, весь мир в ковер бы завернул.

— Большевик?

— Нет.

— Сочувствующий большевикам?

— Можно и так сказать. А вообще-то говоря, он просто сочувствующий,— усмехнулся товарищ, чувство юмора у которого возрастало прямо пропорционально его жизненным невзгодам и достигло своей наивысшей точки после двух лет каторжных работ.

— То есть? — решил уточнить Косачевский, предпочитавший во всем ясность.

— Дело в том, что он всем сочувствует.

— Без исключений?

— Без всяких исключений. Большевикам сочувствует, меньшевикам сочувствует, эсерам, кадетам, анархистам, максималистам, своему хозяину — главе торгового дома «Ковры Востока» купцу Елпатову, который из него соки давит...

Александр Яковлевич Бонэ оказался невысоким стеснительным человеком, на губах которого постоянно играла улыбка — жизнерадостная и немного смущенная. Расшифровать ее каждому, знающему немного Бонэ, было не так-то сложно. Да, мне очень хорошо, я счастлив, признавался Бонэ окружающим, каждый прожитый день приносит мне радость. Но в то же время я понимаю, что не все такие счастливчики, как я. Кругом столько горя, неприятностей, неудач, что счастливым быть, конечно, стыдно. Но что я могу с собой поделать! Так что, извините, ради бога. Честное слово, я в этом не виноват!

Как впоследствии понял Косачевский, Бонэ действительно был счастливчиком, но не потому, что ему везло — жизнь этого жизнерадостного и доброго человека состояла из целой цепи различных несчастий, которых с лихвой хватило бы на добрый десяток людей менее стойких, чем он. Счастье Бонэ заключалось в его характере. Бонэ не только умел довольствоваться малым, но и обладал уникальной способностью всегда и во всем отыскивать зерна счастья и заботливо выращивать этот не совсем обычный урожай, щедро делясь им со всеми, кто в нем нуждался или делал вид, что нуждается.

От политики он был весьма далек, но сама идея революции, которой предстояло сделать счастливыми миллионы несчастных, ему импонировала: что может быть приятней, чем жить среди счастливых и веселых людей?! Пока же он был счастлив в одиночку. Счастлив своей работой у Елпатова, у которого служил главным экспертом по качеству получаемых торговым домом ковров, счастлив возможностью писать по ночам историю

ковроделня н, само собой понятно, счастлнв тем, что может помочь Косачевскому..

— Если бы, Леоннд Борнсовнч,— говорнл он,— у вас былн в порядке бумагн, я бы смог переправить вас за границу. Елпатову требуются свон торговые агенты во всех мнровых центрах торговлн коврами: в Исфахане, Тебрнзе, Константннополе, Смирне, Дамаске, Мюнхене, Вене... На любой вкус. Но, насколько я понимаю...

— Вы правнльно поннмаете,— сказал немногословный Косачевскнй.

— Что-ннбудь прндумаем н здесь, в Москве.

— Надеюсь, это прonзойдет до того, как меня арестуют? — со свойственной ему любознательностью поннтересовался Косачевскнй.

— До. Конечно, до,— серьезно подтверднл Бонэ. Он не любнл шуток такого рода.— Через два часа я за вамн заеду. А вы уж постарайтесь, пожалуйста...

— Постараюсь,— заверил его Косачевскнй, которому этот добряк с нанвнымн глазамн н конфузлнвой улыбкой все более и более нравнлся.

Бонэ пpнехал на нзвозчике не через два часа, как обещал, а через полтора, явно опасаясь, как бы шутка Косачевского не обернулась печальной правдой. Запыхавшнсь, влетел стремнтельно в комнату н, увндев Косачевского жнвым н невредимым, лнкующе сообщнл, что все уладнлось как нельзя лучше, что Елпатов берет Косачевского на работу, что жнть Косачевскнй будет на квартире у него, Бонэ. Квартнра находнтся в том же зданни, что н торговый дом, но имеет отдельный вход. Косачевскому будет в ней удобно, Бонэ постарается его не стеснять.

А еще через час они уже пнлн чай у Бонэ, н радушный хозяин рассказывал Косачевскому о торговом доме Елпатова н о коврах, с которыми Косачевскому теперь прндется нметь дело...

По словам Бонэ, торговый дом Елпатова, нлн, как любнл его называть на европейский манер сам Елпатов, «торговая фирма», фактнческн монополнзнровал в Росснн всю торговлю коврамн, успешно справляясь с многочнсленнымн конкурентамн н на западноевропейскнх рынках, где Елпатов постепенно оттеснял мелкнх торговцев дешевнзной н высокнм качеством поставляемых нм нзделнй.

Торговый дом «Ковры Востока» содержал ковровые магазнны н лавкн не только в Петербурге н Москве, но н в Варшаве, Кневе, Тнфлисе, Екатерннбурге. Являясь поставщнком двора его велнчества, Елпатов продавал ковры дворцовому управленню н многочнсленным членам нмператорской фамнлнн. «Ежелн какой велнкнй князь не у меня коврнкн прнобретает, а на стороне, значнт, вовсе н не велнкнй он князь, не его

императорское высочество, а так, подделка, третий сорт»,— шутил он.

Бесчисленные нити связывали Елпатова с мировыми центрами ковроделия и торговли коврами.

Из Персии к нему поступали мягкие с нежным колоритом пастельных тонов незд-кирманы и равар-кирманы; пестроузорчатые на фоне цвета слоновой кости кешанские ковры; тонкие с бархатистым блеском и грациозным орнаментом курдистанские сеннэ.

Торговый агент Елпатова в Константинополе закупал и отправлял в Россию турецкие молитвенные гиордесы с иншами и колоннами; двухцветные и трехцветные ладики; кулы красных и красно-коричневых тонов со светлыми полосами на широких каймах; красно-синие ушаки.

С Кавказа и Закавказья поступали ковры баку, дагестан, ширван, казах, дербент, сивас. Из Белуджистана — ковры белудж и красные ферганские ковры. В Афганистане приобретались эннеси, афганы и кабулы. В Туркестане — знаменитые текинские ковры: баширы, номуды.

Ассортимент товаров в магазинах Елпатова в России не исчерпывался изделиями Востока.

Здесь также можно было приобрести русские ковры, преимущественно тюменские, с пышным разнообразием растительного рисунка на черном фоне и с длинным ворсом, исполненные в так называемой «махровой» технике; украинские; финские «рюэ», с тюльпанами, древом жизни и изображением двух сердец влюбленных («рюэ» традиционно составлял обязательную часть приданого невесты); мелкорисунчатые испанские ковры, предназначавшиеся некогда для монастырей, с мрачной эмблемой в виде черепа и костей.

Среди европейских ковров в магазинах Елпатова были и французские, в том числе и знаменитые савоннери, которые в эпоху Людовика XIV изготовлялись исключительно для короля, а тонкий ценитель ковров Людовик XV не только лично наблюдал за их производством в мастерской в Обюссоне, но и отправлял туда одобренные им проекты новых ковров, сделанные его придворными живописцами. Некоторые из савоннери отличались поразительными иллюзионистическими эффектами — пейзажи с просветами вдаль, ковры-натюрморты, ковры с фигурами людей.

Елпатов любил рассказывать, как посетивший его петербургский магазин фабрикант Бондарев попытался ненароком ущипнуть изображенную на ковре красотку, а когда ему это не удалось, сильно сконфузившись, потянулся к винограду в ее корзине.

«Подшофе, понятно, был, но в меру»,— неизменно дополнял свой рассказ Елпатов.

Богатые ценители могли купить в магазинах торгового дома и настоящие «антики» — ковры, выработанные в XV, XVI и XVII веках, а иногда и более ранние.

В собраниях елпатовских «антиков» всегда имелись великолепные экземпляры эпохи монгольской династии Иль-ханов и Тимуридов; ковры в «зверином» стиле с мотивами облачной ленты, феникса, дракона, летучей мыши и молнии, которые при Сефевидах вырабатывались в резиденц-мануфактурах Тебриза, Герата и Исфахана; медальонные и цветочные, со спиралеобразными уснками и цветками-пальметтами; ковры «охотничьего» стиля с изображением сцен охоты; вазовые ковры из Кермана; так называемые «польские», с шелковым ворсом, затканные золотыми и серебряными нитями, с изображением европейских гербов, эти ковры некогда изготовлялись в придворных мастерских Персии для подарков европейским государям.

Об «антиках» Бонэ говорил с нескрываемым благоговением, и на его лице было счастье, то самое счастье, которое испытывает скупец, преодолевший наконец свою скупость и щедро поделившийся собранными им несметными сокровищами с друзьями или близкими. Даже обычно свойственная ему улыбка и та переставала быть конфузливой, а превращалась в широкую и ликующую.

— И все эти шедевры были сделаны неизвестными мастерами на примитивнейших станках,— торжественно сказал Бонэ.— У кочевников весь станок состоял из двух укрепленных на земле колышками шестов, а в мастерских шаха ковроткачи работали на вертикальных станках из двух вращающихся валиков, соединенных обычными палками. Понимаете?

— Пока я понял только одно,— сказал Косачевский, допивая третью чашку густого, почти черного чая.

— Да? — подался вперед Бонэ.

— Причина всех бед Российской империи заключается в том, что у нас должным образом не налажено ковроткачество.

Бонэ мгновение растерянно смотрел на невозмутимого Косачевского, а потом осторожно улыбнулся.

— Шутите?

— Шучу,— согласился Косачевский.— Но хотел бы все-таки задать вам один весьма нешуточный вопрос. Какую роль в ковровой империи Елпатова предназначено играть вашему покорному слуге?

— Я сказал Елпатову, что вы специалист по туркменским коврам.

— Мда,— хмыкнул Косачевский.— С таким же успехом вы могли бы выдать меня за китайского богдыхана, шпагоглотателя или чемпиона по боксу.

— За китайского богдыхана? — переспросил Бонэ и с некоторым сомнением посмотрел на Косачевского. Нет, на китайского богдыхана его гость похож не был.— Елпатов сегодня уехал в Петербург и вернется не раньше как через неделю,— сказал он.— За это время можно будет вас немного поднатаскать. В конце концов, не боги горшки обжигают и не ангелы коврами торгуют.

— И с богами, и с ангелами вы, разумеется, правы,— согласился Косачевский,— но срок не столь уж велик. Как вы считаете?

Бонэ подумал, внимательно разглядывая чайную ложечку, будто именно в ней и был ответ на заданный ему вопрос, и сказал:

— Надеюсь, что уложимся, Леонид Борисович.

На следующий день после совместного завтрака Бонэ повел Косачевского в расположенную в полуподвале торгового дома большую с низким потолком комнату, стены которой были сплошь увешаны коврами различных форм и размеров. Рулоны со скатанными коврами штабелями громоздились на полу.

Забранные редкими решетками пыльные окна слабо пропускали солнечный свет, и Бонэ зажег электрическую лампу.

У него было торжественное и благоговейное лицо жреца, который готовится к священнодействию.

— Если в живописи или скульптуре проявляется неповторимая индивидуальность личности того или иного мастера, будь то Репин, Рафаэль или Роден,— назидательно сказал он,— то в коврах, кружевах и вышивках воплощается своеобычность всего народа, его гений, традиции, культура, национальный характер, история, родная ему природа. Здесь мы имеем дело с мастером, у которого тысячи рук, но только одно сердце.

Он подвел Косачевского к расстеленному в дальнем углу помещения большому ковру.

Ковер был не из тех, что привлекают к себе внимание красками или необычностью рисунка. Ковер как ковер. Бывают и хуже и лучше. Почему Бонэ остановился на нем?

Косачевский с легким любопытством разглядывал этот ковер, выдержанный в красно-коричневых тонах, образующих довольно гармоничный колорит.

Цветовая гамма складывалась из красных и коричневых цветов различных оттенков, с которыми соседствовали синие и белые. Ковер был покрыт геометрическим орнаментом. Его центральное поле заполняли ряды повторяющихся восьмиугольников — гелей. Бордюр состоял из магического амулетовидного орнамента, который, как объяснил Бонэ, вместе с общим красным тоном и гелями являлся характерной особенностью большинства туркменских ковров.

Косачевский молча всматривался в ритмичный, чем-то завораживающий ориамеит, пытаясь проникнуть в замысел тех, кто его создал. Молчал н Боиэ.

— А теперь, Леонид Борнсович, зажмурьте глаза! Зажмурьте иа минуту!

Косачевский закрыл глаза, и тут случилось одно из тех малеиьких чудес, которыми так богата наша обыдениая жизнь: ои увидел бескоиечиые, уходящие вдаль ряды морщинистых от ветра, похожих один иа другой, уиылых бархаиов, красиое солице, бурое, тусклое марево, растопившее в себе лииию горнзоита, белых верблюдов, задубевшие, коричиевые лица кочевников и синь воды малеиького оазиса. Все это было до предела реальио, почти осязаемо.

— А ведь вы волшебник, Алексаидр Яковлевич!

— Немиожко,— сказал довольиый Бонэ, который, виднмо, уже не раз демонстрировал этот фокус.— Но настоящие кудесиикн все-таки те, кто создавал этот ковер. Вот он, мастер, у которого тысячи рук, ио одио сердце. Вы, коиечио, можете отиоситься к моим словам с долей скепсиса, и я готов вас поиять. Но все же поверьте мие: ковроделие — феиомеи иародной жизни и народиого творчества. Ковры — те же древиие рукопнси. Прн нзучеиии нх миогое может почерпиуть для себя ие только искусствовед, ио и исторнк, этиограф, психолог, живописец и даже врач... Не улыбайтесь, Леонид Борнсович! Врача я упомяиул отиюдь ие случайно. Хорошо известный вам профессор Бехтерев, светило первой величнны, глубоко убеждеи, что умело подобраиная гамма цветов более благотворно влняет иа иервиую снстему человека, чем ииые микстуры и пилюли. В связи с этим, мне говорил Маисфельд, одии из ассистеитов профессора Бехтерева заиялся изучением цветовых гамм восточных и европейских ковров. По его мнению, красочиые ковры делают людей более жизиерадостными и оптимнстнчиымн. Убеждеи в его правоте. Кстати говоря, не кому иному, как великому Ломоиосову приналлежат слова: «Много утех и прохлад в жизни иашей от цветов зависит».

— Все, сдаюсь! — подиял вверх руки Косачевский.— А я инкак ие мог догадаться, где вы черпаете свою жизиерадостиость. Оказывается, здесь, на складе ковров.

В тот же деиь Косачевский получнл некоторое представлеиие о ковроткачестве, об узлах сениэ и гиордес, которыми пользуются при изготовлеиии ковров в разлнчиых странах, о плотности ковров и о том, что ковры кочевииков Туркестаиа и Закаспийской области были самого разного иазиачеиня. Остов кибнтки кочевиика опоясывался поверху ковром «иолам», который ие боялся ин ветров, ии дождей. Вход в кибнтку завешивался ковром под изванием «энси», украшался же этот вход «капуниуком».

На следующий день Косачевский узнал об иомудских туркменских коврах с их часто встречающимся орнаментом в форме так называемой «иомудской елки», о широко известных в России и за границей текинских, которые делали женщины туркменского племени текке в Ахал-Текинском, Мервинском и Пендинском оазисах; о керкинских коврах с их разбросанными по диагонали красными, синими и зелеными прямоугольниками — гелями; кизил-аякских, башкирских и эрсаринских.

Бонэ, видимо, был неплохим педагогом. Во всяком случае, Косачевский довольно быстро освоил особенности колорита и орнамента каждого из этих видов ковров, формы их гелей и теперь при случае мог блеснуть такими профессиональными терминами для обозначения деталей узоров, как «бараньи рога», «лапы беркута» и «эрсаринские трилистники».

Короче говоря, Бонэ с лихвой выполнил свое обещание «натаскать» Косачевского.

К приезду Елпатова из Петербурга Косачевский, если и не стал специалистом в ковровом деле, для чего ему, по глубокому убеждению Бонэ, не хватило бы и всей жизни, то при первом знакомстве вполне мог за такового сойти.

Но ему так и не пришлось блеснуть перед хозяином торгового дома своей скороспелой эрудицией.

Елпатов принял его через несколько дней после возвращения в Москву, оглядел оценивающим взглядом маленьких, глубоко посаженных умных глаз и сказал, что привык доверять своим служащим, тем более таким, как Александр Яковлевич Бонэ.

— Теперь таких больше не делают,— сказал он о Бонэ.— Божий человек, даром что в атеистах ходит. Но это у него так, сдуру, пройдет с годами. Говорил мне, что мертвым родила мать, едва отходили. Отсюда и безбожие: свет с запозданием увидел. А о вас что скажу? Ежели Александру Яковлевичу подходите, то и мне милы. Паспорта мне вашего не надо,— подчеркнул он, не спуская глаз с лица Косачевского,— я не околоточный и дружбу с полицией своих служащих не поощряю...

— Собственно говоря, паспорт у меня в полном порядке,— сказал Косачевский.

— А я разве какое сомнение высказал? Я лишь сказал, что ваш паспорт меня не интересует. Ваши политические симпатии тоже.— Елпатов встал и протянул Косачевскому руку.— Рад был с вами познакомиться, господин...

— Пивоваров,— подсказал Косачевский, так как именно на фамилию Пивоварова ему был приобретен паспорт.— Семен Семенович Пивоваров.

— Надеюсь, что Бонэ не ошибся в вас, Семен Семенович.

— Я тоже надеюсь,— сказал Косачевский.

Судя по этому короткому разговору, у Елпатова были некоторые сомнения в политической благонадежности своего нового служащего, но, по заверениям Бонэ, никакого подвоха со стороны главы торгового дома ожидать не следовало. С полицией Елпатов действительно не «дружил». Если Бонэ был сочувствующим, то Елпатов — нейтральным. До поры до времени, естественно...

Так в жизни Косачевского начался период, который он, шутя, назвал «ковровым», самый спокойный, если не самый счастливый, период в его бурной и неустроенной жизни профессионального революционера.

Бонэ пытался приохотить Косачевского к театру, но вскоре убедился, что театрал из его гостя не получится. Поэтому по вечерам они чаще всего сидели дома у самовара, к которому Косачевский привык в ссылке, и смаковали вишневое и земляничное варенье — великая мастерица была на подобные штуки жена Бонэ Варвара Михайловна! Довольно часто к этому вечернему чаепитию присоединялся снимавший неподалеку квартиру молодой искусствовед Василий Петрович Белов. Изредка заходил на огонек Елпатов. Раза два почтил своим присутствием эти вечерние чаепития и чопорный Мансфельд-Полевой, считавший нужным время от времени «ходить в народ». Говорили за самоваром о чем угодно, только не о коврах, к которым Косачевский постепенно стал испытывать чувство, похожее на ненависть. На эту тему был наложен молчаливый запрет, нарушенный лишь один раз, когда Мансфельда, большого любителя ковров, обладавшего довольно приличным собранием «антиков», бессовестно надул некий перс, подсунув ему вместо старинного «охотничьего» ковра искусную подделку, раскрашенную ко всему прочему анилиновыми красками, которые получили повсеместное распространение в конце прошлого века.

От Мансфельда тогда досталось (на словах, разумеется) не только жулику, но и техническому прогрессу, который порождает таких жуликов. Ведь раньше, когда ковроделы знали лишь натуральные красители и не имели представления о химии, которая, слава богу, находилась в зачаточном состоянии, жуликам нечего было делать. А теперь? Вот вам плоды просвещения!

— Повсеместная замена естественных красителей анилиновыми — смерть ковроделия! И сейчас мы с вами присутствуем при его агонии,— задыхался от праведного гнева Мансфельд и бил своим сухоньким кулачком по столу.— Единственный государь, который понял опасность и попытался ее остановить,— это шах Насреддин. Единственный! Я не ретроград, я либерал, я против изуверских казней. И все же я считаю глубоко разумным закон шаха, который предписывал за ис-

пользование в ковроделии вместо натуральных красителей всяческой химической дряни отсекать ослушникам правую руку. Правую, ту, которая пакостничала, снижая качество персидских ковров.

Мансфельд не менее часа превозносил меры, принятые в свое время персидским шахом против ковроделов — поклонников технического прогресса. А когда чиновник дворцового ведомства, наконец, откланялся, Косачевский шутливо спросил Боннэ:

— Ну как, Александр Яковлевич, кому на этот раз вы сочувствуете — тем, кто рубил руки, или тем, кому их рубили?

Боннэ, убиравший со стола посуду, простодушно посмотрел на Косачевского своими невинными младенческими глазами и сказал:

— Рубить руки — это слишком. На месте шаха я бы ограничился каторжными работами — год, от силы два, не больше...

И, сконфузившись от безудержного хохота, которым разразился Косачевский, смущенно стал оправдываться:

— Ведь действительно химия погубила ковроделие, Леонид Борисович. Можете мне поверить — это катастрофа. Нет, не думайте, я, конечно, верю в прогресс и не сомневаюсь, что со временем анилиновые краски будут такими же стойкими, как натуральные. Но разве этим все исчерпывается? Старые ковры, Леонид Борисович, живут по триста — четыреста, а то и более лет. Мало того, не только живут, но и хорошеют: с годами тона их цветов становятся мягче, бархатистее, а ворс приобретает серебристый отлив — благородную седину, которая придает каждому старому ковру особую прелесть. Это свойство натуральных красителей. Химия здесь бессильна. Я уж не говорю о том, что растительные краски дают такие глубокие и мягкие тона, Леонид Борисович, которые даже при большой интенсивности никогда не кажутся кричащими.

Косачевский вытер выступившие от смеха слезы.

— Итак, симпатии на стороне шаха?

— Вы упрощаете, Леонид Борисович.

— Но все-таки — год каторги?

— Не меньше,— твердо сказал Боннэ и звякнул чашкой. Это означало: приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Даже сейчас, несколько лет спустя после этого разговора, Косачевский не мог удержаться от улыбки.

Заместитель председателя Совета московской милиции не любил ни фанатиков, ни фанатизма. Однако это не распространялось на самого счастливого человека в Москве — Александра Яковлевича Боннэ и его «ковровый» фанатизм.

* * *

Особнячок Бурлак-Стрельцова, в котором, как и во многих других московских особняках, мирно уживались классицизм, ампир и барокко, находился совсем недалеко от здания Уголовно-розыскной милиции, но все же к назначенному времени Косачевский опоздал, хотя и не по своей вине. Созданный летом семнадцатого года Союз московских дворников с утра и до вечера занимался массой самых разнообразных и самых неотложных дел: деятельно участвовал в муниципализациях и национализациях домовладений, сборе с жильцов квартплаты, которая частично шла на содержание Союза, засыпал Совдеп ходатайствами о выдаче дворникам оружия и увеличения им пайка... Единственное, до чего у него никогда не доходили руки,— это до расчистки и уборки заваленных снегом улиц. На это у Союза не было ни времени, ни сил, ни желания.

То и дело проваливаясь по колено в рыхлый глубокий снег и поминая недобрым словом московских дворников с председателем их Союза во главе, Косачевский выбрался в конце концов на протоптанную с утра узкую тропинку, которая и привела его через проходной двор в переулок, где находился дом Бурлак-Стрельцова.

На крыльце его уже дожидались молодой искусствовед Белов, с которым Косачевский познакомился во времена «коврового периода», и пожилой член Комиссии по охране памятников искусства и старины с очень длинной и трудной фамилией, но зато очень простым именем и отчеством — Иван Иванович.

— А где Боиэ? — спросил Косачевский.

— Да вот тоже что-то запаздывает.

— Подождем? — то ли спросил, то ли предложил Белов.

— А зачем, собственно? — пожал плечами Иван Иванович.— Холодно ждать.

С почтительностью, к которой примешивалась изрядная доля презрения к «новым господам», которые вовсе и не господа, а так, шушера, ежели вглядеться, мордастый швейцар с лихо закрученными усами принял у них пальто.

— Добрый день, господа! Счастлив вас у себя видеть! — сказал Бурлак-Стрельцов, поспешно спускаясь по лестнице, которая вела на второй этаж, и всем своим видом показывая, что это не просто сказано из вежливости, а он действительно счастлив их видеть. Очень счастлив.

Хозяину особняка было лет сорок — сорок пять. Гладко зачесанные седоватые волосы с косым английским пробором, мятое, мучнистое лицо, запавшие глаза с неестественно блестящими расширенными зрачками кокаиниста, дергающийся рот, суетливые беспорядочные движения.

«Психопат»,— определил Косачевский.

— Прошу, господа, прошу,— беспрерывио повторял Бурлак-Стрельцов, дергая головой и размахивая руками.— Не желаете ли чаю? Я сейчас распоряжусь.

— Да ие суетитесь вы, ради бога! — поморщился Иваи Иваиович.— Какой чай? Мы же к вам ие в гости пришли, а по делу.

— Справедливо! — почти с восторгом согласился Бурлак-Стрельцов.— Какой к черту чай? Дело, прежде всего дело. Да и чай у меия, призиаться, дряииой, залежалый. Это я так, по привычке.

Узиав, что Косачевский из Совета милиции, Бурлак-Стрельцов побледиел и еще более засуетился.

— Милиция? А зачем, собствеиио, милиция?

Иваи Иваиович поторопился объясиить, что у милиции к владельцу особияка иет претеизий, а просто существует такой порядок.

— Ах вои как,— иемиого успокоился Бурлак-Стрельцов и иатужио улыбиулся.— Коиечио, коиечио, как говаривал Петр Первый, полиция — иерв государствеииости, ее стаиовой хребет. Я счастлив, что господии Косачевский иашел время, чтобы посетить меия. Очеиь приятио. Польщеи.

— У вас каталог имеется? — спросил Белов.

— Коиечио, коиечио,— с готовиостью закивал Бурлак-Стрельцов, всем своим видом показывая, что, если бы даже каталога и ие было, ои тут же, ие сходя с места, его составил.

— Тогда давайте приступать к делу,— сухо сказал Белов.

— Да, да, давайте приступать к делу,— обрадовался Бурлак-Стрельцов и повериулся к Косачевскому.— Ежели позволите...

С этого момеита хозяии особияка обращался только к Косачевскому, перед которым явио испытывал почтительиый трепет.

Осиовиая часть коллекции размещалась в большой гостиной, которую Бурлак-Стрельцов имеиовал голубой. Оии прошли туда через запущеииый зимиий сад с уже пожухшими тропическими растеииями. Здесь пахло засохшими цветами и гиилью. Тот же застоявшийся запах, к которому примешивался запах пыли, был и в гостииой.

— Ежели, господии Косачевский, вам потребуются какие-либо объясиеиия, я к вашим услугам,— сказал Бурлак-Стрельцов.

Как и предполагал Иваи Иваиович, восточиая коллекция Бурлак-Стрельцова была собраиием богатого дилетаита, который вкладывал деиьги в покупку случайиых вещей, рекомеидоваииых ему тем или ииым аитикваром. Поэтому иаряду с подлииными шедеврами восточиого искусства здесь сосед-

ствовали средние, а то и просто плохие вещи, на которые бы никогда не обратил внимания подлинный ценитель.

По мнению Ивана Ивановича и Белова, наибольший интерес представляла со вкусом подобранная большая коллекция эфесных чаш самурайских мечей с изящными миниатюрными инкрустациями из золота, серебра, малахита, перламутра, коралла и жемчуга. Это действительно была первоклассная коллекция, пожалуй, лучшая в России.

— Ковры — в диванной,— сказал Бурлак-Стрельцов Косачевскому.

Тот посмотрел на часы. Они уже находились здесь более часа. Если Боиэ до сих пор не пришел, то, видимо, уже не появится. Наверное, у него что-то стряслось. Жаль, но ничего не поделаешь. Придется обойтись без него.

— Ну как, товарищи?

— Что ж, показывайте свои ковры,— сказал Бурлак-Стрельцову Иван Иванович.— Мы хотели дождаться еще одного члена комиссии, специалиста по коврам. Но, учитывая, что его до сих пор нет... Впрочем, товарищ Косачевский, насколько я знаю, сможет его в какой-то степени заменить. Так, Леонид Борисович?

Косачевский сделал неопределенный жест рукой, который мог обозначать все что угодно, в том числе и согласие со словами Ивана Ивановича.

Бурлак-Стрельцов изобразил на лице приятное удивление.

— Вы, оказывается, разбираетесь в коврах?

— До революции я некоторое время служил у Елпатова,— объяснил Косачевский.

— Ах вон как! — Хозяин особняка был в восторге.— Это просто замечательно! Подумать только, у самого Елпатова! Тогда вы, вне всякого сомнения, сможете по достоинству оценить мое собрание. Господин Елпатов тончайший знаток. Его мнение для меня всегда было законом. Кстати, в шестнадцатом я, по рекомендации господина Мансфельда — изволили знать такого? — приобрел у него два великолепных антика, которые теперь составляют мою гордость.

В собрании Бурлак-Стрельцова, которое занимало, помимо диванной, еще две примыкающие к ней комнаты, насчитывалось около шестидесяти ковров различных размеров. Тут были яркие, похожие на экзотические гигантские цветы «галаче» XV века из южной Индии с широкой каймой и традиционными лотосами — в виде бутонов и распускающихся цветов; красные и темно-синие старые афганы с граблями и песочными часами на бордюре, с рядами восьмиугольников и мотивом следа слоновьей ступни; поражающие четкостью рисунка и контрастностью расцветки ковры XVI века из Армении с изображением борьбы между драконами и фениксами.

Бурлак-Стрельцов подвел Косачевского к висящему на стене большому «звериному» ковру, где в центральном поле среди сложного переплетения цветочной орнаментики были изображены леопарды, преследующие благородных оленей.

— Десять тысяч рублей золотом,— не без гордости сказал он.— У французского консула сторговал — пятнадцать тысяч сукин сын просил. Еле уломал. XVI век.

Красочный многоцветный ковер отливал благородной сединой столетий — ковровой патиной.

— Бобер, истинный бобер,— говорил Бурлак-Стрельцов, любовно поглаживая ковер ладонью.

Косачевский потер между двумя пальцами ворс ковра. Он был жестким и сухим. Ворс «антиков» обычно более мягок и эластичен. Бонэ называл XIX и XX века веками фальсификаций.

«Когда-то седина была верным признаком «антиков»,— говорил он Косачевскому,— а теперь ковровая патина зачастую свидетельствует лишь о степени квалификации жуликов и о их знакомстве с химией».

Косачевский посмотрел на светящееся тихим восторгом лицо Бурлак-Стрельцова, который продолжал гладить ковер, и ласково сказал:

— Боюсь, что вас надули.

Бурлак-Стрельцов не понял.

— Да, я знаю, что переплатил,— самодовольно и благодушно откликнулся он.— Но я не жалею об этом. Уж больно хорош.

— Я о другом.

— Простите?..

— Ковер-то из новых.

— То есть?

— Подделка под «антик».

Бурлак-Стрельцов снисходительно улыбнулся.

— Ну что вы, господин Косачевский! Посмотрите только, какая великолепная патина! Такую патину искусственно не создашь.

— Вы недооценнваете мастерство нынешних умельцев,— нравоучительно сказал Косачевский.— А зря. В человека надо верить. Вот, пожалуйста.— Косачевский разогнул ворс ковра.— Обратите внимание на места вязки узлов. Видите? Они значительно живее окрашены, чем ворс. О чем это свидетельствует? То-то и оно. И густота ворса неоднородная. А тут нити утка видны... Чтобы нейтрализовать действие кислоты, щелочь пораньше применять следует. А они снебрежничали, вот и сожгли кислотой.

— Вы думаете, кислота?

— Да. Скорей всего, лимонная.

К ним подошел, заинтересовавшись разговором, Белов. Осмотрел места вязки узлов, засмеялся, демонстрируя молодые, белые, как кипень, зубы.

— О чем разговор? Конечно же, кислота и, конечно же, лимонная. Какие тут сомнения? Видите, какие узелки, Иван Иванович? А сработано неплохо — первый сорт. Сколько заплатили? Десять тысяч? За такую работу не так уж дорого. Мастер работал. Но вам, Леонид Борисович, надлежит свои таланты растрачивать не в Совете милиции, а у нас в комиссии. Уж больно у вас глаза приметливы.

— В Совете милиции такие глаза тоже не помеха,— заверил его Косачевский.

Бурлак-Стрельцов растерянно смотрел на ковер.

— Консул производил впечатление порядочного человека...

— Такое впечатление производят все жулики,— нравоучительно заметил Косачевский.— Впрочем, консула тоже могли обмануть.

* * *

На квартиру Бонэ Косачевский позвонил поздно вечером. К аппарату подошла Варвара Михайловна. Косачевский назвал себя и попросил Бонэ.

— А разве Александр Яковлевич не с вами? — удивилась Варвара Михайловна.

— Нет.

— Как же так?

— Мы действительно должны были сегодня с ним встретиться. Осматривались собрания Бурлак-Стрельцова. Но он почему-то не явился.

— Странно. Он ушел из дома в шесть утра.

В напряженном, нарочито спокойном голосе жены Бонэ ощущалась не тревога, а леденящий безысходный ужас. Косачевский попытался ее успокоить.

— Нет, я не волнуюсь. Но что с ним могло произойти? — сказала она, когда Косачевский исчерпал немногочисленные слова утешения.

Задавать вопросы, конечно, значительно легче, чем искать на них ответ.

Что могло произойти... Мало ли что могло произойти с человеком в Москве 1918 года!

Косачевский повесил трубку, дал отбой и позвонил дежурному по Уголовно-розыскной милиции. Дежурил аккуратный и исполнительный инспектор Борин, который входил в группу Косачевского по расследованию ограбления Патриаршей ризницы. Косачевский подробно описал ему внешность Бонэ.

— Через час я вам телефонирую, Леонид Борисович,— пообещал Борин.

Борин позвонил через полчаса. Произошло самое страшное: Бонэ оказался одним из 27 человек, убитых в Москве за прошедшие сутки...

Его труп был найден в Ананьевском переулке и теперь находился в Первом морге Городского района.

Ломая спнчки, Косачевский закурил.

— Вы меня слышите, Леонид Борисовнч? — спроснл Борнн.

— Да, слышу,— подтвердил Косачевскнй, раскуривая отсыревшую папиросу.— Когда и кем обнаружен труп?

— Труп найден около двенадцатн дня. В сугробе. Его снегом присыпало. Дети наткнулись. Они нз снега крепость строили,— обстоятельно объяснил Борин.— Ну, и родителям сообщилн, а те — в милнцию. Пролом черепа н шесть проникающих ножевых ранений в областн грудной клеткн, сердце задето... По заключению медика, смерть наступила между шестью и семью часами утра, возможно, несколько позже. Пролом черепа и ножевое ранение сердца смертельны. Три раны посмертны, нанесены уже трупу. Вы меня слышите, Леонид Борисовнч?

— Слышу, Петр Петровнч, слышу,— Косачевский сделал глубокую затяжку, аккуратно стряхнул пепел в пепельницу. Происшедшее никак не укладывалось в его сознанин. Значнт, в то время, когда они встретнлись возле особняка Бурлак-Стрельцова, Бонэ уже не было в жнвых. Но как он оказался в Ананьевском переулке, что ему там потребовалось? У папиросы был едкнй и кислый вкус. Косачевскнй с отвращеннем раздавнл окурок в пепельнице, спросил у Борина, кто нз Уголовно-розыскной милиции выезжал на место пронсшествия.

— Агент второго разряда Омельченко нз Городского района,— сказал Борин.— Тот, который бандгруппу Лысого лнквиднровал. Толковый работник.

— Омельченко опрашнвал жнтелей близлежащнх домов?

— Разумеется, Леонид Борисовнч.

— Кто-ннбудь вндел убийство?

— Нет, ннкто ннчего не видел и не слышал.

— Собаку прнменяли?

— Да, но безрезультатно.

Трудно было предположить, чтобы у такого человека, как Бонэ, имелнсь враги, ведь он был из тех, что и мухи не обндит. И тем не менее Косачевскнй спроснл:

— Предполагаемые мотивы убнйства?

— Скорей всего ограбленне,— помедлнв, сказал Борин.— Пальто и шапка с убитого сняты, карманы пиджака н брюк вывернуты. Но, сами понимаете, ручаться ни за что нельзя.

Косачевскнй закурил было новую папиросу, но тут же сунул ее в пепельницу.

— Я вас попрошу, Петр Петрович, проследить за расследованием. А Омельченко пусть ко мне завтра с утра подъедет.

— Будет исполнено, Леонид Борисович.

— И еще... А впрочем, все, Петр Петрович. Спокойной вам ночи.

Теперь Косачевскому предстояло самое трудное — беседа с Варварой Михайловной. Конечно, нужно было ее как-то подготовить, найти необходимые слова утешения. Но как и чем можно утешить человека, потерявшего своего близкого? В подобных случаях утешает только время. И то не всегда. Косачевский знал людей, которые пронесли нетронутой скорбь потери через всю свою жизнь.

Косачевский подошел к телефону, снял трубку и вновь положил ее на рычаг. Нет, он не мог заставить себя позвонить жене Боиэ. Но около часа ночи позвонила она сама.

— Извините за поздний звонок, Леонид Борисович...

— Я не сплю.

— Вы что-нибудь выяснили?

— Я звонил дежурному по Уголовно-розыскной милиции,— сказал Косачевский, невольно оттягивая тот момент, когда придется сказать о происшедшем.

— Им что-нибудь известно?

— Да.

— Что же произошло с Александром Яковлевичем? — почти выкрикнула она.

— Видите ли...

— Леонид Борисович, меня не надо подготавливать,— после паузы сказала она.— Я не истеричка. Я хочу знать правду. Он убит?

— Да. Его сегодня нашли мертвым в Ананьевском переулке.

— Я смогу получить тело Александра Яковлевича?

— Конечно.

— Где оно находится?

— В Первом морге Городского района. Если позволите, я завтра за вами заеду между одиннадцатью и двенадцатью, и мы туда вместе поедем.

— Хорошо,— сказала она и повесила трубку.

Косачевского считали человеком с железными нервами, но в ту ночь он уснул все-таки только под утро.

* * *

Версия об убийстве Боиэ с целью ограбления, выдвинутая агентом второго разряда Омельченко и поддержанная Бориным, подтвердилась.

На следующий день после похорон Александра Яковлевича, во время перестрелки бойцов из боевой дружины Уголовно-

розыскной милиции с бандой Сиволапого, пытавшейся ограбить склад мануфактуры на Мясницкой, был убит один из бандитов, некто Велопольский, известный под кличкой Утюг. На безымянном пальце правой руки убитого оказалось кольцо с бирюзой, принадлежавшее Бонэ. Это кольцо подарила мужу в день его рождения десять лет назад Варвара Михайловна. А во внутреннем кармане пиджака Велопольского нашли бумажник Бонэ и его карманные часы.

Допрошенная в присутствии Борина и Косачевского жена бандита подтвердила, что он, по его словам, взял эти вещи у ограбленного и убитого им человека.

Таким образом, розыскное дело об убийстве Александра Яковлевича Бонэ в связи со смертью убийцы подлежало прекращению. Но оно прекращено не было...

Вскоре на стол Косачевского легло несколько листов мелко исписанной бумаги. Это был протокол допроса жильца дома № 4 по Ананьевскому переулку Павла Никаноровича Дроздова, который не был своевременно допрошен сотрудниками Уголовно-розыскной милиции в связи с тем, что в день убийства Бонэ уехал на четыре дня в деревню, где менял свои вещи на сало и картошку.

Во время допроса Дроздов сообщил, что без двадцати восемь утра он пошел за водой к водоразборной колонке, находящейся в конце переулка. Когда, налив ведра, он возвращался обратно, в переулок въехала коляска. Хорошо рассмотреть эту коляску он не смог, так как метель еще не стихла. Но, похоже, что коляска была не извозчичья, а лакированная, с ацетиленовыми фонарями. Из этой коляски кучер и седок вытолкали в сугроб какого-то человека, которого Дроздов принял тогда за пьяного и только потом понял, что это был не пьяный, а убитый, тот самый, которого дети в снегу нашли.

Показания Дроздова, подтвержденные затем некоей Васильевой, крест-накрест перечеркивали первоначальную версию, не вызывающую раньше серьезных сомнений.

Из допроса Дроздова следовало, что Бонэ убили не в Ананьевском переулке, а где-то в другом месте, откуда труп перевезли в переулок и там бросили. Это не могло не наводить на размышления. Если бы преступление совершил уголовник Утюг, то зачем, спрашивается, ему нужно было бы возиться с трупом? Не все ли равно бандиту, в каком именно районе Москвы обнаружат его очередную жертву? Убил, ограбил и скрылся. К чему напрасно рисковать с перевозкой? Что ему это могло дать?

Нет, если Утюг и был причастен к происшедшему, то только в качестве исполнителя чьей-то воли. И тот, кто стоял за спиной профессионального убийцы, очень боялся, что подозрение может пасть на него. В отличие от бандита, за которым уже

числилось несколько убийств, ему было что терять. Потому-то мертвого Боиэ, чтобы сбить со следа милицию, и увезли подальше от места преступления.

А коляска? Где бы Утюг мог раздобыть венскую лакированную коляску с ацетиленовыми фонарями? Это были дорогие коляски. Такую коляску мог себе позволить только богатый человек. А о венской лакированной коляске, в которой привезли тело Боиэ, говорил не только Дроздов, постоянно употреблявший слово «похоже», но и Васильева, в показаниях которой этого слова не было.

Так возникла новая версия убийства Боиэ. Но кому и в чем мог помешать этот милый обаятельный человек, которого Косачевский шутливо назвал «вечно сочувствующим»? Кому он ненароком перешел дорогу?

Странное. Очень странное убийство.

— Я вас попрошу, Петр Петрович, забрать у Омельченко это дело,— сказал Косачевский Борину.

— Вы его хотите кому-либо передать?

— Да, хочу. Этим делом займемся мы с вами, Петр Петрович. Не возражаете?

Борин развел руками.

— Как прикажете, Леонид Борисович. Только Омельченко квалифицированный работник.

— Не сомневаюсь,— сказал Косачевский.— Но Боиэ был мне очень дорог. Я хочу сам найти его убийцу. Этим я отдам ему последний долг.

— Я вас понимаю, Леонид Борисович,— наклонил голову Борин.

Косачевский усмехнулся.

— Что ж, понимать друг друга — это не так уж мало.

В тот же день Косачевский посетил вдову Боиэ и попросил ее продиктовать ему список людей, с которыми у Александра Яковлевича были какие-либо отношения — деловые или личные.

— Зачем вам это?

— Мы ищем убийц.

— Вы думаете, что его убили не уголовники? — догадалась она.— Чушь! Полнейшая чушь! Вы же знали Александра Яковлевича. У него никогда не было и не могло быть врагов. У него были только друзья.

— Не смею с вами спорить,— сказал Косачевский и, обмакнув перо в чернильницу, склонился над листком бумаги.— Давайте все-таки составим с вами список... друзей.

Варвара Михайловна вздохнула и стала диктовать:

— Елпатов, Мансфельд, Белов, Бурлак-Стрельцов...

Боиэ вел довольно замкнутый образ жизни, но, к удивлению Косачевского, список его знакомых вскоре достиг ста человек.

Чтобы их всех проверить, Борину нужно будет основательно потрудиться.

— Если еще кого-либо вспомните, обязательно телефонируйте мне,— попросил Косачевский.

— Хорошо,— безразлично согласилась она.

— Александр Яковлевич хранил письма?

— Нет, у нас в семье это не было принято.

— Понятно. И еще. Я у вас хочу забрать бумаги мужа. На время, разумеется. Потом я их вам верну.

— Бумаги? Их не так уж много. Записи по истории ковроделия вам тоже потребуются?

— Обязательно.

Вяло усмехнувшись бескровными растрескавшимися губами, Варвара Михайловна достала из письменного стола мужа черную кожаную папку с замочком.

— Вот, пожалуйста. Здесь, насколько мне известно, все его заметки и выписки. Александр Яковлевич был очень аккуратным и педантичным человеком. Этому у него можно было поучиться. Так что здесь все по истории ковроделия. Изучайте. Будем надеяться, что вам хоть что-нибудь из всего этого пригодится.

— Будем надеяться,— эхом отозвался Косачевский и, помолчав, сказал: — Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Да?

Косачевский достал из кармана пиджака и протянул ей записку, полученную им от Боиэ накануне убийства.

— Как видите, здесь Александр Яковлевич писал о каких-то «крайне важных» новостях, которыми он хотел поделиться со мной. Причем он был уверен, что эти новости меня заинтересуют.

Прочитав записку, Варвара Михайловна вернула ее Косачевскому.

— Так что вы, собственно, хотите меня спросить?

— О каких новостях шла речь? Что он имел в виду?

— Боюсь, что тут я ничем не могу быть вам полезна, Леонид Борисович. Я абсолютно ничего не знаю.

— Разве он вам не рассказывал о своих делах?

— Почти нет. Он считал, что его дела — профессиональные, разумеется,— мне не интересны и из деликатности почти никогда не говорил о них.

— А в поведении его вы не замечали ничего особенного?

— Вы имеете в виду дни, предшествующие убийству?

— Именно.

Она задумалась.

— Пожалуй, последнее время он был в каком-то приподнятом настроении,— неуверенно сказала она.— Чаще, чем обычно, шутил, смеялся.

— А с чем это могло быть связано?

— Не знаю. У меня как раз заболела сестра, и все остальное как-то отошло на второй план.

* * *

Косачевский читал записи Бонэ из черной кожаной папки, переданной ему Варварой Михайловной, у себя в номере Первого Дома Советов обычно по ночам, когда его сосед Артюхин уже сладко спал. Косачевский любил работать по ночам. Эта привычка появилась у него еще в годы ссылки.

В бледном анемичном свете керосиновой лампы мчались по бумаге стремительные фиолетовые строчки:

«Прелесть ковра заключается в рисунке, в качестве шерсти, из которой он сделан, в искусстве мастера, его терпении, но главное — краски. Без многообразия и высокого качества красителей ковроделие никогда не смогло бы достичь тех вершин, которых оно достигло к XV — XVI векам.

Краски всегда привлекали к себе внимание людей и постепенно стали необходимым атрибутом любой цивилизации.

Вспомним хотя бы Древний Рим. Здесь краски были не только предметами первой необходимости, но и своеобразными символами могущества, красоты и богатства.

Сотни рабов-ныряльщиков вылавливали улиток-багрянок. Для получения одного грамма бесценной краски, в которую окрашивались тоги римских императоров, требовалось чуть ли не 60 тысяч этих улиток.

Из Египта в Рим доставляли растение сафлор. Его лепестки шли на изготовление желтой и розовой краски.

Из Африки прибывало красное индиго — орсейль, из Индии темное и светлое кашу — сок акаций и пальм.

Не меньший интерес к краскам был и в древней Руси. Здесь почти не пользовались заморским сырьем, а изготавливали краски из собственного сырья, преимущественно из различных растений. Зеленую краску делали из крапивы и перьев лука, желтую — из шафрана, коры ольхи, щавеля, коричневую — из коры молодого дуба и желудей, алую — из барбариса, а малиновую — из молодых листьев яблони. Багровый же цвет давала червлень, краска, которую получали из маленьких червячков, водившихся в корнях растения, именуемого по-латыни «полигонум минус».

Но первенство тут всегда принадлежало Востоку, который славился многообразием, красотой и стойкостью своих натуральных красок для шерсти, шелка и хлопка. Именно здесь поражали своим многоцветьем ковры и ткани. Именно здесь были созданы первые в мире ковры, которые являлись образцами красоты для многих поколений.

Когда я оказался в Индии, уже многне натуральные красители древностн были забыты. Многне, но не все, н даже не большая нх часть. По-прежнему мастера касты красильщиков получают светло-красную краску нз картамина, добавляя в чан настой кожуры плодов манго; красную — нз проваренной смеси лодхры с лесным лаком (густой, как воск, налет на ветвях деревьев, оставляемый насекомыми); желтую — нз турмерика, смешанного с соком лнмона; оранжевую — из цветов дерева сингхор (белые лепестки обрываются, а оранжевая сердцевина вываривается в воде); серую — нз сока плодов черного миробалана, смешанного с купоросом.

И тем не менее общепризнанно, что современные индусские ковры н ткани по своим краскам значительно уступают старым. То же самое можно сказать и о коврах Персии н Турции, нзготовленных с применением натуральных красок (об анилиновых говорить не будем).

В чем же дело?

А суть вопроса заключается в том, что тайной всегда было не столько сырье для производства красителей, сколько особенности процесса изготовления красок, рецепты крашения и также, казалось бы, несущественные детали, как время года, когда следует добывать н применять тот или иной краситель, место добычи, особенности воды в разных районах страны н многое, многое другое».

Перевернув очередную страницу рукописи, Косачевский увидел на обороте две заметки, сделанные красными чернилами. Почерк был тот же:

«**Прасковья Ивановна Кузнецова-Горбуиова**[1]. Считается первой русской поэтессой нз крестьян. Была крепостной графа Н. П. Шереметева (село Кусково). С 14 лет Кузнецова-Горбуиова была «при верьхе актрисою». Вышла замуж за своего помещика. Имела на Шереметева большое влияние, обладала тонким вкусом, дворец в Кускове многим ей обязан. Кузнецовой-Горбуновой принадлежит широкоизвестная песня «Вечер поздно нз лесочку я коров домой гнала...», описывающая ее первую встречу с будущим мужем. Обязательно посетить Кусково н навести соответствующие справки. Возможно, удастся что-либо выяснить у ее родственников н потомков графа Н. П. Шереметева».

«**Эжен де Мирекур**, настоящая фамилия Жако. Литератор, пасквилянт, проходимец. Прославился скандальными брошюрами. Начал свою своеобразную карьеру в 1845 году, издав книжонку об Александре Дюма, в которой обличал писателя в том, что все романы Дюма написаны в действительности

[1] Под этой двойной фамилией известная крепостная актриса П. И. Жемчугова (Ковалева) значится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и некоторых других дореволюционных изданий.

безвестимыми литераторами. Брошюра произвела громкий скандал и была нарасхват. Дюма привлек Мирекура к судебной ответственности за клевету, н по приговору суда тот был посажен на полгода за решетку. Однако это не только не охладило клеветника, который, благодаря скандалу, стал одним из самых популярных литераторов Франции, но навело его на мысль создать точно в таком же стиле серию книг о всех выдающихся людях современности. В задуманную им серию вошло около ста книжек, которые пользовались значительно бо́льшим успехом, чем произведения Стендаля, Бальзака и Дюма. Мирекур мог бы стать однuм из богатейших людей Франции, но многочисленные судебные штрафы за клевету поглощали большую часть его баснословных гонораров. Поэтому, путешествуя в 1861 году по России, Мирекур особо не роскошествовал.

В 1873 году величайший из пасквилянтов принял монашество и отправился в качестве миссионера на Гаити, где и скончался. Судя по всему, о его пребывании в России в личных архивах ра́зличных лиц должны были сохраниться документы, которые могут оказаться весьма полезнымн. Во всяком случае пренебрегать такой возможностью не следует».

Эти записи не моглн не удивить. Почему Бонэ, которого, казалось, ничего, кроме ковров, не интересовало, собирался посетить Кусково и разыскать родственников Шереметева и его жены? А его интерес к документам о пребывании в России де Мирекура? Странно, очень странно. И еще. Какую связь усмотрел Бонэ между проходимцем Эженом де Мирекуром, зарабатывающим деньги на оплевывании общественных деятелей, и крепостной девушкой, ставшей по воле судьбы графнней Шереметевой?

Запнси были не меиее загадочны, чем само убийство. Но может быть, они имеют к нему какое-то отношение?

Тщательная проверка знакомых Бонэ, которую методично проводил Борин, пока что никаких ощутимых успехов не дала, хотя у некоторых проверяемых или вообще не было алиби или было, но весьма сомннтельное, из тех, которые Борин именовал «трухлявыми». Но это еще ни о чем не свидетельствовало. Какой нормальный честный человек будет заботиться о своем алибн, если он ни в чем не виновен? Железное алнби — или дело случая или приобретение тех, кто очень в нем заинтересован, то есть преступнннков.

Но все же работу Борина нельзя было назвать безрезультатной. Она расширила представление о самом убитом, о его связях, о людях, с которыми он общался, об их взаимоотношениях, склонностях, интересах, образе жизни — выявила факты, среди которых рано или поздно окажутся те, что станут ключом или отмычкой к происшедшему. Об этом свидетель-

ствовал опыт Косачевского. Случайное, иесущественное постепеиио отшелушится, отойдет, а главиое остается. Но, что может стать главным, определяющим, сейчас ие угадаешь, для этого потребуется время, а пока надо накапливать факты, методичио и кропотливо.

В докладе Бориа заместителя председателя Совета милиции заинтересовало упомииаиие о трех поездках Боиэ в Ржев. Дважды он туда ездил в 1915 году и один раз совсем недавно, за десять дней до своей смерти.

Не с этим ли городом была каким-то образом связана записка, которую ему оставил Боиэ? «Дорогой Леонид Борисович! Дважды заезжал к Вам, ио так и не смог застать. Поиимаю: дела, дела и опять дела. А все-таки льщу себя надеждой, что встретимся. Не напрасио? У меня крайне важиые иовости. Уверен, что они и Вас заинтересуют...»

«Крайие важиые иовости...»

— Боиэ один ездил во Ржев?

— Нет. Первый раз он там был с Бурлак-Стрельцовым.

— А потом?

— Безоговорочио утверждать не буду, но, похоже, одии. Я еще это уточию, Леоиид Борисовнч.

Косачевский стер ладонью пыль с письменного броизового прибора, который остался от прежиего хозяииа кабннета, и спросил, чем Борни объясияет этн поездки во Ржев.

— Затрудняюсь что-либо определенное ответить, Леоиид Борнсовнч. Говорнл с жеиой покойиого — оиа ие знает. Еще кое с кем беседовал — тоже без толку. Хочу сегодия подъехать к Бурлак-Стрельцову.

Косачевский иа мгиовение задумался.

— Бурлак-Стрельцов... А почему бы вам ие иачать с Елпатова?

— Ну что ж, можио и с Елпатова. Только Ржев, насколько мне известио, иикогда н иикакого отношения к ковроделию и к торговле коврами ие нмел, так что Елпатов, опасаюсь, здесь не помощник. Скорей всего, Бонэ ездил туда по личным делам.

— Возможио,— согласился Косачевский.— Но Елпатов ие любил зря платить деньгн своим служащим. И ежели кто-то нз них уезжал по личной иадобностн, то обязательно отпрашнвался у хозяина, объясиял ему причины. Так что начием все-такн с Елпатова, а Бурлак-Стрельцова прибережем до следующего раза. Не возражаете?

— Тогда я сегодия заеду к Елпатову.

— Знаете что? Возьму-ка я это на себя,— сказал Косачевский.— Уж так н быть, иaнесу ему визит по старой дружбе. Как-никак, а ведь я его бывший служащнй. Помнится, даже вместе чаи пнвалн.

— Ну, ежели вместе чаи пнвалн...— Борин развел руками.

* * *

Елпатов узнал Косачевского сразу.

— А, господин Пивоваров! Рад, рад, что вспомнили. Присаживайтесь.

Губы его улыбались, но маленькие, глубоко посаженные глаза глядели холодно и настороженно.

— Уже не Пивоваров,— усмехнулся Косачевский.

— И не Семен Семенович, понятно?

— Леонид Борисович.

— Счастлив новому знакомству с вами, Леонид Борисович.

— Надеюсь.

— Да уж чего тут надеяться! Счастлив не счастлив, а деваться некуда... И в какой же вы должности или чине, Леонид Борисович, ныне пребывать изволите? Народный комиссар путей сообщения, к примеру, армией командуете, хотя и без погон генеральских, или финансами по всей России заправляете?

— Помощник председателя Совета московской милиции,— сказал Косачевский, который никогда не терял присущего ему хладнокровия.

— Помощник председателя милиции? Это по-старому вроде бы полицмейстер?

— Не совсем.

— Тогда извините великодушно, что не разобрался. Темный я. В таких материях толка не знаю. Ведь я больше по торговой части мастак, только с аршином да со счетами дружен. Где купить подешевле, где продать подороже, как прибыль получить да убытки стороной обойти,— вот этому обучен. Купец, словом, коммерсант. Для купца же государственные дела, а тем паче полицейские — лес темный: что ни шаг, то колдобина...

Реквизировать небось пришли? — спросил Елпатов.— Ежели так, то с запозданием. Без вас уже постарались. Во всем торговом доме разве что я сам еще не реквизирован. И то потому как от такой реквизиции никакого прибытка новой власти не предвидится. На колбасу и то не пустишь — жилист... Бонэ-то где теперь? Небось тоже на реквизициях поднаторел?

— Нету больше Бонэ, Ермолай Иванович...

Маленькие глазки бывшего главы торгового дома впились в лицо Косачевского.

— Как это нет? Помер, что ли?

— Убит.

Елпатов перекрестился.

— За что ж его? Ведь покойный-то из тех был, что не только делом, но и словом самого последнего подлеца не обидит. Хотя душегубу-то что? Душегуб из-за рубля отцу родному глотку перережет...

Косачевский задал Елпатову иесколько вопросов о знакомых Бонэ, а затем спросил о поездках убитого в Ржев.

— В Ржев?! — изумился бывший глава торгового дома.

В его удивлении было что-то показное, нарочитое. Впрочем, Косачевский мог и ошибиться, он слишком мало знал Елпатова.

— Это на ржевских, выходит, подозрение имеете?

Косачевский пропустил вопрос мимо ушей.

— Нас интересуют поездки Бонэ в Ржев,— повторил ои.

— Когда же он ездил туда?

— Ои там был иесколько раз. Впервые, если не ошибаюсь, в 1915 году.

— Ишь ты, в пятиадцатом, на второй год войны... Что-то ие припомииаю. По делам торгового дома делать ему там вроде бы было нечего. Он у нас вообще-то больше по заграиицам ездил. А в России где? Петербург, Киев, Варшава... Ну, Туркестан, Тифлис...

И снова в иитоиации собеседника Косачевскому почудилась фальшивинка. Может, Елпатов что-то пытается скрыть? Но зачем?

— Ои тогда посещал Ржев вместе с Бурлак-Стрельцовым.

Елпатов задумался.

— И у господина Стрельцова, сколь зиаю, иикаких надобностей во Ржеве ие имелось... Разве что его домыслы с Волосковыми, ведь родом-то оии оттуда, из Ржева.

— А кто такие Волосковы?

— Красильщики. Великие мастера красильиого дела были. Только то вам без иитереса, господии Косачевский, и дело их, и оии сами давно уж быльем поросли.

— И все-таки?

Елпатов хмыкнул.

— Ежели такое любопытство, я не против. Только история та давняя, ежели и не с царя гороха ее начинать, то уж не позднее как с Петра Алексеевича Великого, преобразователя российского.

Действительно, историю Волосковых следовало начинать с Петра Первого.

России петровских времеи требовались ие только чугун, железо, лес, порох и сукна, но и краски.

И в 1716 году Петр Первый подписал указ «О сыску и объявлении посылке красок в губериии и о ие вывозе оных из-за моря». А вслед за тем канцелярия Правительствующего Сената разработала и разослала иа места реестр необходимых государству красок. Много предприимчивых людей заиялись тогда розысками красильиого сырья и изготовлением красок. Но счастье, как всегда бывает в подобиых случаях, улыбнулось немиогим. И вот среди этих иемиогих оказался русский умелец,

часовщик из Ржева Иван Волосков. Во всем разбирался Волосков: в механике, токарном деле, слесарном, кузнечном. Только в красильном ничего не смыслил. Но именно в красильном ему суждено было прославиться на всю Российскую империю.

В те времена — да и не только в те — самой дорогой краской считался кармин. Изготавливался он из кошенили, насекомых, которые водились на территории нынешней Мексики на кактусах с экзотическим названием нопале. Пуд кармина стоил тогда в России 280 рублей, а пуд той же краски, изготовленной из лучшего сорта кошенили, так называемой «серебристой», и все 350—деньги невообразимые. Получить кармин из русского сырья никому не удавалось. А часовщику из Ржева удалось. И продавал Волосков свой кармин по 150 рублей за пуд. Вскоре в Ржев потянулись красильщики и купцы. Купцы уезжали от Волоскова довольные, а красильщики — несолоно хлебавши: никому и ни за какие деньги Волосков своего секрета не открывал.

Заводик Ивана Волоскова во Ржеве превратился при его сыне Терентии в завод, не очень большой, но зато процветающий. Терентий, как и его отец, был мастером на все руки: и астрономические часы-автоматы делал, и телескоп для наблюдения за солнцем сам себе смастерил, но больше всего времени он, понятно, уделял все-таки красильному делу.

Терентий значительно улучшил качество волосковского кармина, который при нем стал вывозиться за границу. Этой краской заинтересовалась и Петербургская Академия художеств, рекомендовавшая ее для окраски в малиновый цвет с отливом отечественного бархата и для изображения багряниц на иконах.

Завод тогда, помимо кармина, выпускал уже превосходный бакан, отличные белила и другие краски.

После смерти Терентия, который умер в 1806 году, красильное дело во Ржеве перешло в руки его внучатого племянника Алексея. Алексей Волосков еще более улучшил знаменитый кармин. Краска теперь меньше боялась воздействия света, стала ярче. Ее начали использовать для печатания кредитных билетов. Удостоенный двух золотых медалей в России, волосковский кармин в 1851 году получил третью медаль, на этот раз на Всемирной выставке в Лондоне. Тайна ржевских красильщиков после смерти Алексея Волоскова так и осталась тайной, хотя в лаборатории завода, куда раньше доступа никому не было, теперь толклось немало людей, начиная с мелких пройдох и кончая солидными дельцами.

Время от времени кто-нибудь оповещал, что секрет кармина им разгадан и желающие могут у него приобрести этот кармин

в любом количестве. Но все эти сообщения кончались одним конфузом: не та краска, что у Волосковых, много хуже.

— Вот Бурлак-Стрельцов и не удержался, решил попробоваться,— сказал Елпатов,— благо обстоятельства к тому подтолкнули. Ему там подо Ржевом в пятнадцатом году наследство досталось. Приехал он во Ржев бумаги оформлять, в гостинице, как положено, остановился. Там его жулики и отыскали. Ну и надули в уши про Волосковых. А Бурлак Стрельцов господин легковерный, не из вдумчивых — шалтай-болтай, словом. Да и кому не лестно секрет волосковского кармина открыть? Вот он и принял все за чистую монету. Загорелся. Ну, а Александра Яковлевича вы знали. Его таким делом недолго было в соблазн ввести. Он же, как дитя малое, был душа нараспашку до самого сердца. Вот и покуролесили они на пару во Ржеве. А толку, понятно, нуль.

— С кем же они во Ржеве встречались?

— С жуликами, естественно,— хмыкнул Елпатов.— Кто, кроме жуликов, мог их в соблазн ввести касательно волосковского кармина? Дело-то пустое.

— Но ведь Александр Яковлевич был еще дважды во Ржеве.

— Вольному воля, господин Косачевский. Покойный мог туда и трижды и четырежды ездить и каждую байку из собственного кармана оплачивать. Я же говорю: дитя малое. Какой с него спрос?

Косачевский вспомнил про свой давний разговор с Боиэ о премии Наполеона и спросил у Елпатова, не отыскали ли Волосковы равноценной замены краске индиго.

— Нет, чего не было, того не было. Если бы Волосковым это удалось, то им бы не грех было во Ржеве золотой памятник поставить. Краски, равной индиго, еще никто не изобрел.

— Однако Александр Яковлевич мне о таком открытии говорил.

— Кто же додумался до этого?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю,— засмеялся Елпатов.— Что-то вы, господин Косачевский, здесь напутали.

Может, действительно, он напутал или память ему изменила? Кто его знает. Твердой уверенности у Косачевского не было.

Он показал Елпатову заметки Боиэ о Кузнецовой-Горбуновой и Мирекуре. Елпатов надел очки, внимательно прочел, недоумевающе поглядел на Косачевского.

— Почему Боиэ интересовался этими людьми?

— Об этом разве что у него самого спросить можно. Да только покойиикн, сколь зиаю, не очеиь-то разговорчивы.

— Но это может нметь какое-то отношение к ковроделию?

— Сомнительно.

— А к ржевским розыскам Александра Яковлевича?

— На это вам, господин Косачевскнй, никто не ответит.

Но в этом Елпатов ошнбся. На свой вопрос Косачевский получнл нсчерпывающий ответ от другого человека. И этим человеком был Маисфельд-Полевой, которого заместитель председателя Совета милиции допросил в тот же день.

* * *

Робкий луч солнца, воровски пробравшийся через давио иемытые стекла окна в кабииете Косачевского, высветил бледиое личико потомка славиых иемецких рыцарей. Ои смотрел иа Косачевского жалобными голодными глазами и, похоже, готов был променять все подвиги прошлого на тарелку дымящихся иаварнстых щей н хорошнй ломоть пышиого довоеииого хлеба, который некогда продавался в любой хлебной лавке. Увы, такими сказочиыми сокровищами заместитель председателя Совета милиции не располагал, поэтому он предложил своему собеседнику (Косачевский тщательно избегал слова «допрашиваемый») стакан чая н кусок похожего иа замазку черного хлеба.

— А сахарок у вас найдется? — робко спросил потомок рыцарей.

— Найдется,— сказал Косачевский и, поставив перед нним сахар, рядом положил записи Боиэ.

— Вам это о чем-нибудь говорнт?

— В каком смысле?

— Почему Александр Яковлевич собирал сведеиня об этих людях?

— Ну как же, как же — Маисфельд поспешно допил свой стакаи, н Косачевскнй долил ему чая.— Ведь, по слухам, Мирекур во время своей поездки в Россню прнобрел в Петербурге у Агоиесова велнколепиый иорыгниский ковер. И у Кузнецовой-Горбуиовой был такой ковер.

— Какой ковер?

— Норыгинский.

— А что означает «норыгииский»?

Мансфельд был настолько удивлеи этим вопросом заместителя председателя Совета милиции, что даже перестал жевать.

— Вы не знаете, кто такой Норыгии?

— Представлення не нмею.

Мансфельд вытер сомнительной чистоты носовым платком рот и веско сказал:

— Это был единственный в мире человек, который с полным правом мог бы претендовать на премию Наполеона...

— Позвольте, позвольте,— перебил его Косачевский, почувствовав, наконец, в своих руках нечто вроде кончика ниточки этого запутанного клубка, в котором прошлое каким-то образом переплеталось с настоящим.— Вы имеете в виду премию тому, кто отыщет равноценный заменитель индиго?

— Именно,— подтвердил Мансфельд.

— Мне покойный Александр Яковлевич что-то говорил об этом.

— Естественно, Александр Яковлевич очень высоко ценил заслуги этого выдающегося человека. В работе Александра Яковлевича по истории ковроделия, которую от так и не успел закончить, Норыгину должна была быть посвящена целая глава. Хотя это и не доказано, но специалисты убеждены, что Норыгин не только нашел равноценные заменители для большинства красок, которыми пользовались древние ковроделы, но и разгадал способы их изготовления и рецепты крашения.

Когда Мансфельд допил свой чай, Косачевский попросил его подробней рассказать о Норыгине.

Оказалось, что Варфоломей Акимович Норыгин был крепостным графа Шереметева и находился на оброке.

Норыгин стоял у самых истоков дела Волосковых, будучи правой рукой Терентия, которому помогал разрабатывать рецепты бакана, белил и постоянно улучшать качество знаменитого волосковского кармина.

Норыгину приписывалось много открытий и усовершенствований в красильном деле. Утверждали, что, работая у Волоскова, он якобы нашел полноценный заменитель для индиго, эффективный способ добиться устойчивости окраски кармином, который боится солнечного света и довольно быстро под его воздействием выцветает, устойчивости окраски красным индиго (орсейлем) и проводил успешные опыты по окраске верблюжьей шерсти, которая обычно крайне плохо поддается окраске и употребляется теперь в коврах в естественном виде, хотя имеются сведения, что в XV веке ее умели окрашивать в различные цвета.

Утверждали, что Норыгин, работая в заводской лаборатории Волоскова (он был единственным, кому, кроме хозяина завода, доверялся ключ от этого помещения), сумел разгадать многие секреты древних мастеров Востока, и прежде всего Персии, которая считалась родиной ковроделия.

Все это Норыгин держал в тайне, делясь с Волосковым только своими второстепенными усовершенствованиями. Это

была не только данью установившейся среди мастеров традиции. Норыгин мечтал о собственном деле, которое помогло бы ему выкупиться из крепостной зависимости и стать вольным человеком.

Но в 1793 году Шереметев затребовал Норыгина к себе в Кусково. Какой разговор состоялся между помещиком и его крепостным — неизвестно, но, судя по всему, Норыгин понял, что его мечте не суждено осуществиться. Граф не хотел давать вольную талантливому мастеру, хотя за него просила жена графа, сама бывшая крепостная, Прасковья Ивановна Кузнецова-Горбунова. И тогда Норыгин вместе с работавшими на том же заводике Волоскова во Ржеве сыном Иваном и Али-Мирадом бегут из России — сначала в Бухару, а затем перебираются в Персию. Здесь, в Кермане, Норыгин и Али-Мирад стали совладельцами ковровой мануфактуры. Она просуществовала сравнительно недолго, но оставила по себе память в мировом ковроделии. Всего, по мнению большинства специалистов, ею было выпущено не более сорока или пятидесяти ковров, однако каждый из них был своеобразным шедевром по яркости, блеску, чистоте красок и разнообразию тонов. Это была вершина ковроделия. Достаточно сказать, что и тогда и позднее норыгинские ковры ценились любителями значительно дороже лучших персидских антиков XV — XVI веков. Большая их часть была приобретена для дворцов шаха, но восемь или десять оказались в Европе. Два своих ковра Норыгин прислал в дар Кузнецовой-Горбуновой, к которой до самой своей смерти испытывал глубокое уважение и симпатию. Один норыгинский ковер был приобретен непосредственно в Кермане русским дипломатом Агонесовым. Этот ковер в дальнейшем и оказался у Мирекура, который сторговал его в Петербурге у внука дипломата. По слухам, Мирекур, приняв монашество, подарил его настоятелю монастыря.

Скончался Норыгин от холеры в 1795 году и был похоронен в Кермане. Али-Мирад пережил его всего на несколько месяцев. После их смерти мануфактура, перешедшая по наследству к Ивану Норыгину, захирела, а затем и полностью прекратила свое существование. Норыгин-младший, который унаследовал дело отца, но не его таланты, прожил за границей много лет и вернулся в Россию незадолго до Отечественной войны 1812 года уже свободным человеком (вольную ему и его отцу Шереметев подписал по просьбе Кузнецовой-Горбуновой за несколько дней до ее смерти).

Приехал Норыгин-младший с одним неказистым сундучком, но в нем оказалось достаточно денег, чтобы купить во Ржеве в Князь-Димитровской части города, расположенной по левому берегу Волги, двухэтажный каменный дом и открыть лучшую в Князь-Димитровской стороне мясную лавку.

Ни к красильному делу, ни к коврам сын Норыгина никакой склонности не имел. Тем не менее среди его гостей было много красильщиков и тех, кто занимался коврами, в том числе и Алексей Волосков, владелец известного на всю Россию ржевского красильного завода. Объяснялось это не столько уважением к памяти Варфоломея Акимовича Норыгина, сколько тем, что поговаривали, будто в сундучке, привезенном Иваном в родной Ржев, были не только деньги, но и сафьяновый портфель, где хранились записи его покойного отца. Охотников заполучить эти записи было очень много, значительно больше тех, кто позднее хотел узнать секрет волосковского кармина. Но и тем, и другим в одинаковой степени не повезло.

А в семидесятые годы в Томске в лавке купца Рыкова стала продаваться исключительной красоты и стойкости синяя краска, ни в чем не уступающая индиго, но в два раза дешевле его. Как выяснилось, изготавливал эту краску для Рыкова ссыльный народник студент-химик Аистов, являвшийся, кстати говоря, уроженцем все того же Ржева, которому, видно, самой судьбой было предопределено сыграть немалую роль в красильном деле России.

Отбыв положенный ему срок ссылки, Аистов вернулся в родной Ржев. Тяжело больной, он больше политической деятельностью не занимался, но красильное дело не бросил: оно до самой смерти кормило его и его семью. Дело было не ахти какое большое — ни одного наемного работника, только свои. Но заработка на безбедное существование вполне хватало. Любопытно, что Аистов не скрывал, что пользуется изобретением Варфоломея Акимовича Норыгина, и называл свою краску «норыгинкой». Но больше из него ничего выпытать не могли. А ведь самым интересным было — каким образом к нему попал рецепт изготовления этой краски. Ответа на этот вопрос никто добиться не мог — Аистов или отмалчивался, или отделывался шуткой. Молчали и те, кто вместе с ним варил краску. Зато любопытные молчаливостью не отличались, строили различные предположения. Самым распространенным был слух о том, что легендарный сафьяновый портфель попал к Аистову от его сводного брата, который в свое время приобрел полуразрушенный дом Ивана Норыгина и, перестраивая его, обнаружил этот портфель замурованным в стене. Так это было или не так,— кто знает.

А в 1915 году, когда бывший ссыльный давно уже покоился в земле, во Ржеве, помимо русского индиго, появилась в продаже новая великолепная краска пурпурового цвета.

И вновь вспыхнул интерес к таинственному портфелю Варфоломея Норыгина.

Тогда-то Бурлак-Стрельцов вместе с Бонэ и отправились во Ржев...

Записав последнюю фразу показаний Мансфельда, Косачевский спросил, слышал ли Елпатов про всю эту историю.

— Разумеется,— сказал Мансфельд.

— А почему вы, собственно говоря, в этом так уверены?

— По той простой причине, что о Норыгине я услышал впервые лет пятнадцать назад от господина Елпатова.

Косачевский помолчал, осознавая сказанное допрашиваемым, а затем сказал:

— Я хочу предупредить вас, господин Мансфельд, что ваше заявление может иметь исключительно важное значение в расследовании убийства Александра Яковлевича Бонэ. Поэтому вы должны отнестись к нему с должной ответственностью.

Под столом звякнули рыцарские шпоры.

— Я дворянин.

— В 1918 году одного этого мало, господин Мансфельд.

— Я привык всегда отвечать за свои слова и всю жизнь говорил только правду.

— Итак, вы утверждаете, что впервые о Норыгине услышали именно от Елпатова?

— Да.

— И твердо в этом уверены?

— Да.

— Ну что ж, тогда не откажите мне в любезности вот здесь расписаться.

Мансфельд молча поставил под показаниями свою подпись.

— Теперь, если вас не затруднит, следующий вопрос: совместная поездка в 1915 году Бурлак-Стрельцова и Бонэ во Ржев состоялась по чьей инициативе?

— По инициативе Бурлак-Стрельцова. Он должен был оформить получение там наследства. Это совпало с вновь возникшими слухами о портфеле Варфоломея Норыгина, и господин Стрельцов предложил Александру Яковлевичу поехать вместе с ним. Александр Яковлевич, который уже давно питал интерес к так называемому норыгинскому наследству, тотчас же согласился.

— А эта поездка не была связана с секретом волосковского кармина?

— Нет.

— Откуда вы это знаете?

— Я присутствовал при разговоре Стрельцова с Бонэ.

— Где и когда происходил этот разговор?

— В конце января Бурлак-Стрельцов приехал на квартиру к Бонэ, показал ему пурпурную краску, которая появилась к тому времени во Ржеве, и сказал, что теперь, наконец, появился шанс отыскать норыгинское наследство. Бонэ с ним

согласился, и они договорились о совместной поездке во Ржев, которая состоялась во второй половине января.

И вновь Косачевский предложил свидетелю расписаться под своими показаниями.

— Елпатов знал о цели этой совместной поездки?

— Конечно. Он был очень заинтересован в «норыгинском наследстве». Если бы розыски Бонэ и Бурлак-Стрельцова увенчались успехом, то это дало бы ему и Бурлак-Стрельцову миллионные барыши.

— Вы только поэтому думаете, что он знал о цели поездки?

— Нет, не только. Елпатов мне сам об этом говорил. Он финансировал командировку Бонэ, посулив тому в случае удачи двадцать тысяч рублей и пожизненный пенсион ему и его супруге. Бонэ со свойственным ему бескорыстием отказался от какого-либо вознаграждения. Он считал, что норыгинское наследство должно принадлежать России и способствовать его поискам — долг каждого русского патриота.

— Елпатов и Бурлак-Стрельцов заключали какое-нибудь соглашение на тот случай, если норыгинское наследство будет обнаружено?

— Насколько мне известно, только устное, хотя Елпатов и считал господина Стрельцова малонадежным партнером.

— Для этого были основания?

— Да. Господин Бурлак-Стрельцов никогда не отличался в делах особой щепетильностью, а к тому времени его финансовое положение оставляло желать лучшего, что могло оказать дополнительное влияние на его подход к деловым отношениям.

— То есть мог и смошенничать?

— Я этого не говорил. Я говорил лишь об отсутствии излишней щепетильности и расстройстве дел.

— Если такая формулировка вас больше устраивает, я не возражаю,— сказал Косачевский, который уже до этого составил себе представление о Бурлак-Стрельцове.— Но давайте вернемся к их устному соглашению. К чему оно сводилось?

— Перед отъездом во Ржев Бурлак-Стрельцов зашел ко мне.

— Чтобы поделиться своими планами, как облагодетельствовать Россию?

— Нет, чтобы занять деньги — пятьсот рублей, которые он обещал мне вернуть после получения наследства.

— Кстати, наследство было большим?

— Двухэтажный каменный дом, который он собирался продать, и около двадцати тысяч деньгами и ценными бумагами. Учитывая широкий образ жизни господина Стрельцова, такое

иаследство трудно прнзиать большнм. Как говорнтся, на одни зуб.

— Поиятио.

— Я выписал ему вексель иа пятьсот рублей, и ои мие сказал, что, если удастся разыскать бумаги Норыгииа, то Елпатов возьмет его компаньоном в иовое красильиое дело н выплатит ему пятьдесят тысяч рублей иалнчными, что даст ему возможность полиостью преодолеть фииаисовые трудиости. Бурлак-Стрельцов, которому весьма свойствеиио прожектерство, очень иадеялся на успех и строил воздушные замкн.

— Его ожидания оправдались?

— Нет. Поездка во Ржев закоичилась полиейшей иеудачей. Им тогда инчего ие удалось иайтн.

— Вы в этом увереиы?

— Абсолютио. Бурлак-Стрельцов был очеиь разочароваи, так как рассчитывал на большие деиьги. Ои даже собирался одно время продавать свой особияк в Москве н собраиие произведеиий искусства, в том числе и восточиые ковры, к которым н я тогда прицеиивался. Но потом ему повезло в карты, и все образовалось. Разочароваи, понятно, был и Елпатов. Онн потерялн надежду отыскать норыгинское наследство. «Легеида»,— сказал мие Елпатов.

— И тем ие менее Бонэ в том же году виовь посетнл Ржев?

— Да.

— И виовь в поисках норыгниского наследства?

— Да.

— Елпатов зиал н об этой поездке?

— Разумеется, ведь Алексаидр Яковлевич служнл у него. Алексаидр Яковлевич вообще иичего ие скрывал от Елпатова.

— Чем была вызвана эта поездка, новыми сведениями?

— Насколько мне нзвестио, иет.

— А чем же?

— Алексаидр Яковлевич был по иатуре оптимистом и умел заразить этнм оптнмизмом других, в том числе и Елпатова. Он почти иикогда ие отказывался от задумаиного.

— В даииом случае его оптимнзм оправдался?

— Мие трудно исчерпывающе ответить иа ваш вопрос, господнн Косачевский. С самим Александром Яковлевнчем отиоснтельио его вторичного посещения Ржева я не беседовал. Как-то ие прнходилось к слову. Но в иоябре 1916 года я случайно встретнлся с господином Елпатовым в бнльярдной купеческого клуба. Во время нашего краткого разговора я между прочнм спроснл у него о иорыгииском иаследстве. Елпатов ответнл, что особых новостей покуда нет, но некоторые шансы

на успех после вторичной поездкн Бонэ во Ржев все-таки появились. По его словам, Александру Яковлевичу удалось разыскать кого-то из родственников Норыгина, и тот подтвердил, что сафьяновый портфель существует, что он хранится у внука Аистова, но тот теперь в действующей армин на фронте. «Так что, пошутил Елпатов, только н делаю, что еженощно молю господа о здравии раба божьего Егорня».

— Это так надо понимать, что внука Аистова, у которого якобы находится портфель, зовут Егором нлн Георгием?

— Видимо.

— С чем была связана последняя поездка Бонэ во Ржев?

— Не знаю.

— Елпатов, Бурлак-Стрельцов нлн Бонэ вам что-нибудь о ней говорили?

— Нет. Но я предполагаю, что она тоже была какнм-то образом связана с норыгнนским наследством.

— Елпатов знал об убийстве Бонэ?

— Думаю, что да.

— Почему?

— О смерти Александра Яковлевича мне на второй день телефоннровал господин Стрельцов, а Стрельцов и Елпатов, насколько мне нзвестно, поддерживают постоянные отношення. В частности, Стрельцов обратился в Московский Совдеп за получением охранной грамоты на свои собрания по совету Елпатова. Поэтому трудно предположнть, чтобы Стрельцов уведомил об этой прискорбной вести меня, но не поставил в нзвестность Елпатова, с которым довольно часто общался по разлнчным делам. Между нимн всегда были отношения, которые можно назвать дружественными, а Бонэ ведь был служащим Елпатова, н его судьба была для господина Елпатова небезразлична. Да н вдова покойного живет в доме Елпатова. Невероятно, чтобы она не сказала ему о постнгшем ее несчастье.

— Что вы можете сказать о Бурлак-Стрельцове?

— Господин Стрельцов некогда был очень богатым человеком. И это казалось ему естественным состояннем. А когда его финансовое положение пошатнулось, он стал нервничать. Когда же человек нервничает, то начинает проявляться его истннная суть. А суть господнна Стрельцова не вызывает симпатнй. Боюсь ошнбнться, но, по моему мнению, это очень мелкий человек, тщеславный, завистлнвый, малодушный, склонный к неожиданным поступкам, зачастую недостойным порядочного человека.

— А как к Бурлак-Стрельцову относился Бонэ?

— Бонэ ко всем хорошо относнлся, даже к тем, кто заведомо этого не был достонн. Он был очень добрым человеком и умел находнть достоинства даже в тех, в ком их никогда не было.

— Какие же достоинства он отыскал в Бурлак-Стрельцове?

— Это может показаться смешным, но он считал господина Стрельцова жертвой судьбы, которая вначале дала ему все, а затем, лишив многого из того, что он имел и к чему успел привыкнуть, сделала его несчастнейшим из несчастных. «Если бы он родился нищим,— любил говорить Бонэ,— он был бы самым счастливым подданным Российской империи». Бонэ считал господина Стрельцова добрым и наивным, но немного избалованным ребенком. Он его консультировал, когда Стрельцов стал собирать ковры, и если в коллекции Стрельцова есть что-либо заслуживающее внимания, то в этом заслуга Бонэ. Господин Стрельцов полный профан в ковроделии, хотя и считает себя великим знатоком. Он разбирается только в картах и женщинах. Поэтому, когда вновь начались разговоры о норыгинском наследстве, он не зря пригласил с собой во Ржев Александра Яковлевича. А тот по своей наивности считал это знаком дружбы и доверия. Более того, Александр Яковлевич был убежден, что поиски норыгинского наследства их общее дело, и всегда посвящал господина Стрельцова в свои удачи и неудачи, хотя Стрельцов после их первой поездки во Ржев, разуверившись в успехе, больше не ударил пальцем о палец, а проводил все свое время за карточным столом. Стрельцов вообще равнодушен к людям, хотя Александр Яковлевич говорил мне, что он не чужд альтруизма и как-то спас от тюрьмы некоего уголовника, который теперь служит у него швейцаром и готов отдать жизнь за своего хозяина. («Проверить!» — подумал Косачевский.) Увы, Александр Яковлевич всегда был легковерен. Он стремился верить во все, что могло украсить человека, кем бы он ни был в действительности. Мне очень жаль, что Александра Яковлевича больше нет, господин Косачевский. Это был прекрасный человек и непревзойденный знаток искусства ковроделия, искусства, которое, видимо, никогда больше не возродится.

— Мне говорили, что вы собираетесь эмигрировать? — сказал Косачевский.

— Эмигрировать? — вскинулся Мансфельд.— Нет, господин Косачевский, вас ввели в заблуждение. Я не собираюсь эмигрировать. Действительно мои предки захоронены в Германии. Но мой дед похоронен в России. Здесь же покоится мой отец. Здесь же умру и я. Германия — это мое прошлое, а Россия — настоящее. Я не могу отказаться от нее. Отказаться от нее — это значит отказаться от самого себя.

— На что вы сейчас живете, господин Мансфельд?

— Я за свою жизнь составил некоторое состояние. Мне его хватит на год-полтора.

— А потом?

— Я неплохо разбираюсь в антикварнате, особенио в коврах.

— Вам разве неизвестна судьба аитикварных магазинов?

— Я не это имел в внду. Я нмел в виду музеи. Государственные музеи... Если останется Россня, то останутся и музеи. Музей — прошлое Россни. Страна не может ндти в будущее, забыв свое прошлое. А будут музен, найдется работа и для меия. Ведь будут музеи?

— Обязательно будут,— сказал Косачевскнй.— И в новой Россин будут самые лучшие музен мира.

— Вот вндите, н вы так счнтаете.

Косачевский закурил и искоса посмотрел на Мансфельда. Потомок немецких рыцарей, тщедушный, почти прозрачный, сндел на краешке стула, подперев ладошкой острый подбородок н устремнв взгляд куда-то поверх головы хозяина кабннета. Здесь, в комнате, находилось лишь его бренное тело, а мысли внтали где-то далеко: может быть, в залах будущего музея ковров, а может быть, где-то еще. Лицо Мансфельда как-то стаяло, посерело, кончнки тонкнх, четко очерченных губ опустнлись. Он устал. Как-ннкак, а допрос уже длился около четырех часов.

— Хотите еще чая?

— Нет, благодарю вас, господни Косачевскнй.

— Тогда прочтнте все, что я запнсал с вашнх слов, и распншитесь, вы очень помоглн нам, господии Мансфельд.

* * *

Итак, Елпатов лгал. Лгал, когда говорил, что не знал об убнйстве своего бывшего служащего. Лгал, когда утверждал, что Боиэ и Бурлак-Стрельцов ездили во Ржев, чтобы отыскать там рецепт волосковского кармина. Лгал, когда отрицал свою осведомленность о последующем посещении Бонэ Ржева. Лгал, когда говорил, что не нмеет представления, почему Бонэ заннтересовался Кузнецовой-Горбуновой и этим прохиндеем Мнрекуром.

Для чего?

Ложь, конечно, не доказательство н даже не тень доказательства причастности бывшего главы торгового дома к происшедшим событиям. Косачевский был достаточно опытен в розыскном деле, чтобы обманываться на этот счет. И тем не менее люди редко лгут нз любви к искусству. Чаще всего у них есть для этого какие-то основаиня. Правда, лгут онн по разным соображениям, порой не нмеющим прямого отношения к тому, что стало поводом к нх допросу. Но ложь — это ложь. Она не может не настораживать.

Почему все-такн Елпатов пытался утаить правду о норы-

гинском наследстве? Не хотел, чтобы оно могло достаться Советской власти? Возможно. Точно так же вполне возможно, что у него были и какие-то другие соображения.

Покуда обо всем этом можно было лишь догадываться. Ясно одно: после показаний Мансфельда, правдивость которых не вызывала никаких сомнений, и Елпатов и Бурлак-Стрельцов приобретали для следствия особый интерес. Их связь с Бонэ в поисках норыгинского наследства вполне могла стать основой новой версии убийства Александра Яковлевича Бонэ. А вот насколько эта версия окажется достоверной — дело будущего. Ближайшего будущего, как надеялся заместитель председателя Совета московской милиции. Во всяком случае, здесь стоило покопаться.

Вторично допрашивать Елпатова Косачевский пока не хотел. Такой допрос мог лишь помочь бывшему главе торгового дома сориентироваться в сложившейся обстановке, а это затруднило бы дальнейшее расследование. Ни к чему было сейчас вызывать в Уголовно-розыскную милицию и Бурлак-Стрельцова. Пусть эти двое считают, что про них совершенно забыли, и спокойно занимаются своими делами... под постоянным тайным наблюдением сотрудников уголовного розыска. Если не сегодня, то завтра Косачевский будет располагать о них сведениями, которые помогут разобраться и в них самих, и в мотивах их поведения.

А пока эти сведения будут постепенно накапливаться, центр розыскной работы следует, видимо, перенести во Ржев, где легко можно отыскать людей, с которыми Бонэ встречался и говорил.

Но к тому времени, когда были отработаны не только схема, но и детали дальнейшей работы по делу об убийстве, произошло событие, значительно ускорившее раскрытие преступления.

Допрашивая одного из уголовников, задержанного во время облавы на Хитровом рынке, Борин совершенно неожиданно для себя узнал обстоятельства, которые вскоре стали решающими в деле об убийстве Бонэ.

Вначале случайно полученные сведения представлялись малосущественными даже ему самому. Действительно, что может быть интересного в том, что у некоего бандита Велопольского по кличке Утюг, которого застрелили сотрудники розыска на Мясницкой во время ограбления склада мануфактуры, имеется брат, занимавшийся в молодости воровством, а затем остепенившийся? Ничего. Мало ли у кого из преступников есть остепенившиеся братья!

Но, как известно, в розыскной работе малосущественное порой превращается в весьма существенное, а то и в определяющее. Так произошло и на этот раз...

— Вы помните, Леонид Борисович, Велопольского? — спросил Борин, входя в кабинет Косачевского.

— Велопольский? Нет, не припомнаю.

— Ну тот, у которого нашли принадлежавшие Бонэ кольцо с бирюзой н карманные часы.

— Утюг?

— Ну да, нз банды Сниволапого. У него, оказывается, есть брат — Иван Велопольскнй, и этот брат уже около двенадцатн лет работает швейцаром у Бурлак-Стрельцова.

— Любопытно, весьма любопытно,— сказал после паузы Косачевский.— Мансфельд тоже упоминал о швейцаре.

— И это еще не все.— Борнн достал нз кармана пиджака какой-то предмет, завернутый в папнросную бумагу. Это был серебряный портснгар.

— «А. Я. Бонэ»,— прочел Косачевский на внутренней стороне крышкн.— Откуда он у вас?

— Этот портснгар третьего дня продал скупщнку Севрюгнну Иван Велопольский. Я только что закончнл допрос Севрюгнна. Вот его показання, Леонид Борисовнч.

Косачевский бегло просмотрел исписанный аккуратным почерком Борнна лнст бумаги. Да, Севрюгин ошнбнться не мог: Ивана Велопольского он знал давно. Некогда Белопольскнй был женат на его дочерн, которая умерла в 1912 году.

— Не нсключено, конечно, что портсигар — подарок Утюга...

— Не нсключено,— согласился Косачевскнй.— Но не слишком ли много совпадений?

— Да, совпаденнй многовато. Прикажете задержать н допросить Велопольского?

— Думаю, целесообразней сначала пронзвести тщательный обыск в особняке Бурлак-Стрельцова.

— Согласен,— кивнул Борин.— Когда? Завтра?

— Сейчас, Петр Петровнч. Если вас не затруднит, вызовите автомобиль н прнгласнте старшего по дежурной группе. Я поеду с вами.

Во время обыска в вестибюле между доскамн паркета былн обнаружены засохшне затеки крови.

— Вы убнли Александра Яковлевнча Бонэ? — спросил Косачевскнй у швейцара.

— Мы,— сказал тот.— Вместях с братухой порешнли... Да только не по своей воле, господнн хорошнй.

— По чьей же?

— Хозяин велел. А мы-то что? Мы люди маленькие. Прнказано — сделано. Нам-то он не мешал. Теленком был покойный: с открытыми глазами иа убой шел. Только и спросил: за что? Да только нам не до разговоров было...

В тот же день Иван Велопольский, Бурлак-Стрельцов и Елпатов были арестованы и препровождены в камеру предварительного заключения Московской уголовно-розыскной милиции.

* * *

— Таким образом, интуиция не обманула заместителя председателя Совета московской милиции,— сказал старый искусствовед Василий Петрович Белов, единственный оставшийся в живых участник тех далеких событий 1918 года, с кем меня пятьдесят лет спустя свела судьба и от которого я узнал обо всей этой истории.— Заметки Бонэ о Кузнецовой-Горбуновой и Мирекуре действительно стали ключом к тайне убийства Александра Яковлевича Бонэ.

После признания Ивана Велопольского, подтвержденного вещественными доказательствами и показаниями Севрюгина и Павла Дроздова, который опознал и самого Велопольского, и венскую лакированную коляску Бурлак-Стрельцова, в которой труп убитого привезли в Ананьевский переулок, запирательство Елпатова и Бурлак-Стрельцова теряло всякий смысл. В этом они окончательно убедились на очных ставках с Мансфельдом. И уже через два дня после их ареста Косачевский располагал исчерпывающими материалами обо всем происшедшем.

Теперь уже не вызывало никаких сомнений, что знаменитый сафьяновый портфель Варфоломея Акимовича Норыгина был не досужей выдумкой любителей легенд, не мифом, а реальностью. Судя по всему, его действительно обнаружил в стене норыгинского дома сводный брат ссыльного студента Аистова. И с тех пор бесценные документы мастера с завода Волосковых находились в семье Аистовых. Последним их владельцем был Георгий Аистов, внук ссыльного студента.

Как было с достоверностью установлено материалами следствия, в 1915 году преподавателя ржевского реального училища Георгия Аистова призвали в армию, а в начале 1917 года он попал в плен к немцам. Длительное время ничего не было известно о его судьбе. А в 1918 году Георгий Аистов вернулся из плена в родной Ржев, о чем Бонэ написала крестная Аистова, Марфа Иванцова. Сразу же после получения письма от Иванцовой Бонэ выехал во Ржев, где встретился с Аистовым. Допрошенный Бориным Аистов рассказал о своей встрече с Бонэ. «После беседы с Александром Яковлевичем,— сказал он,— я окончательно утвердился в мысли, что норыгинское наследство должно стать достоянием России. Никаких сомнений на этот счет у меня не было». Аистов заявил Бонэ, что, хотя он и не большевик, но всей душой сочувствует новой власти и ее начинаниям, поэтому охотно передаст Бонэ документы

Норыгина. Дело осложнялось лишь тем, что эти бумаги находились тогда у его жены, которая уехала в Самару к родственникам. «Как только она вернется,— сказал Аистов Бонэ,— я тотчас же все привезу вам в Москву». Георгий Аистов выполнил свое обещание, и дней через десять после их беседы во Ржеве легендарный сафьяновый портфель уже был в руках Бонэ.

Легко себе представить радость Александра Яковлевича. Наверное, это был самый счастливый день в его жизни. Отыскать документы Норыгина было его мечтой, и вот, наконец, эта мечта осуществилась. Бонэ не считал нужным скрывать от кого-либо свою удачу, а тем более от Елпатова, к которому относился с большим уважением. Елпатов поздравил Бонэ с успехом и предложил своему бывшему служащему приобрести у него бумаги Норыгина за сто тысяч рублей, исходя из того, что в эмиграции он смог бы превратить эти бумаги в миллионное состояние. Бонэ от такой сделки категорически отказался, и Елпатов понял, что убедить Бонэ он не сможет. Тогда-то Елпатов и отправился к Бурлак-Стрельцову.

Нет, он не говорил со своим давним приятелем об убийстве Бонэ. Елпатов не скатился до уголовщины. Речь лишь шла о том, чтобы использовать все средства давления на Александра Яковлевича. Но Бурлак-Стрельцов не привык останавливаться на половине дороги. Убедившись в том, что с портфелем Норыгина Бонэ добровольно не расстанется, он решил, по его выражению, прибегнуть к крайней мере. Убийство было совершено в его особняке братьями Велопольскими ранним утром того самого дня, когда к хозяину особняка должна была прибыть комиссия из Московского Совдепа.

— А портфель Норыгина? — спросил я.

— Этот портфель Бонэ принес с собой, чтобы ознакомить хозяина особняка с документами, розыск которых они начинали вместе в 1915 году. После убийства Александра Яковлевича Бурлак-Стрельцов отдал портфель Елпатову, получив за него сто тысяч рублей,— сказал Василий Петрович.— У Елпатова этот портфель и обнаружили при обыске работники Уголовно-розыскной милиции. Но, увы, документов в нем уже не было... Опасаясь улик, Елпатов перед обыском сжег все бумаги Норыгина. Портфель он тоже бросил в печь, но тот лишь успел слегка обгореть.

— Итак, все норыгинское наследство превратилось в пепел?

Василий Петрович помолчал.

— Кто его знает. Когда месяц спустя я встретился с Косачевским на совещании в Московской комиссии по охране памятников искусства и старины, он мне говорил, что имеются сведения о том, что Елпатов, получив портфель от Бурлак-

Стрельцова, снял копии с важнейших документов и передал их кому-то из своих людей. Подтвердились ли впоследствии эти сведения — не знаю. Косачевский был вскоре направлен на подпольную работу на Украину.

Покинул Москву и я. Больше о нарыгинском наследстве я никогда и ничего не слышал. Но знаете крылатые слова о том, что рукописи не горят? Я в это всегда верил. И сейчас верю...

Марк Азов, Валерий Михайловский

ВИЗИТ «ДЖАЛИТЫ»

ОДНОФАМИЛЕЦ СРЕДНЕВЕКОВОГО ФИЛОСОФА

У стенки грузового причала в Константинополе стоял пароход. На его черном борту с облупившейся краской, на облезлых спасательных кругах и рассохшихся шлюпках было написано по-английски и по-русски имя средневекового философа: «Спиноза». Ниже замазан старый порт приписки судна — Одесса и надписан новый — Ливерпуль. Трубы не дымили. По опустевшей палубе прохаживался часовой, русский казак с винтовкой.

Вдруг часовой остановился, приставив приклад к ноге. Матросы в брезентовых робах поднимали на верхнюю палубу носилки с мертвым телом, накрытым с головой клеенчатым плащом. Поверх плаща лежала капитанская фуражка.

Носилки с телом капитана «Спинозы» пронесли по пустой палубе и по трапу вынесли на пирс. По традиции его следовало проводить гудком. Но для гудка у «Спинозы» не было пара. Даже легкого дрожания нагретого воздуха не ощущалось над обрезом его непомерно высоких труб. Пароход стоял с холодными котлами: он находился под арестом в иностранном порту. Капитана сегодня утром нашли в каюте с простреленной головой. Ни письма, ни записки при нем не обнаружили. Следователь так и записал в протоколе: «Покончил с собой, не оставив письменного свидетельства».

Но это было не совсем так. Когда тело капитана погрузили на арбу и возница-турок погнал лошадь по крутой каменистой улочке вверх, капитанская фуражка стала сползать по скользкой клеенке плаща, и сопровождавший тело человек в белой курточке — стюард со «Спинозы» спрятал ее под своей кур-

точкой. Вскоре арба остановилась у дома, где размещалось представительство «Русского каботажного бюро» в Константинополе.

Эта контора, возглавляемая безработными адмиралами, бежавшими из России от большевиков, сдавала внаем русские пароходы, угнанные вместе с экипажами при отступлении белых из Одессы, Новороссийска и прочих захваченных красными портов. Русские пароходы и их проданные на чужбину экипажи плавали теперь под иностранными флагами в чужих морях. А некоторые, как, например, «Спиноза», ходили к берегам Крыма, где окопались остатки белогвардейщины, подбирали удирающую от красных публику, грузили на борт имущество крымских фабрикантов и содержимое казенных складов, принадлежавшее, до того как белые захватили Крым, Крымской Советской Республике, и вывозили в Турцию. Здесь были жизненно важные вещи: одежда, медикаменты, провиант. Белые не оставляли ничего: ни хлеба, ни лекарств...

Стюард сдал тело капитана представителю бюро, получил расписку и пошел... в букинистический магазин. Там они вместе с букинистом подпороли подкладку фуражки и вынули письмо...

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО КАПИТАНА «СПИНОЗЫ»

«Милая Настенька!

Не вини ты меня, ради бога! Вини их. Ты знаешь, кого... Сперва они меня с родиной разлучили, когда угнали за границу русский торговый флот, потом впутали в бесчестное дело: принуждали вывозить из Крыма продовольствие, чтобы кормить белые корпуса, которые формируются за границей на помощь Врангелю. А в России дети пухнут с голоду... Так, мало того, теперь они сами же отдали меня под суд. Предъявили следователю фальшивые документы, по которым выходит, будто я принял на борт «Спинозы» продовольствие с казенных складов в Феодосии. Но я в этот рейс, уж ты-то можешь мне поверить, Настенька, кроме пассажиров да оборудования табачного производства и давильных прессов с парфюмерной фабрики, что в Судаке, ничего не грузил. Так что, естественно, продовольствия по прибытии в Константинополь на борту не оказалось. Хотя со складов, как выходит по документам, господа из белого интендантства под надзором контрразведки этот груз якобы взяли и переправили на пароход. Теперь чем хочешь клянись — не докажешь, что ты не украл. Если даже в тюрьму не посадят, все равно не то капитаном — кочегаром не возьмут ни на одно судно. Тем более — в чужой стране... Так что единственный, кто нас рассудит,— это тот никелиро-

ванный револьвер, который я тебе, Настенька, не велел трогать. Помнишь?.. Он нас с тобой, родненькая, разлучит. Теперь уж навсегда...»

Букинист несколько раз перечитал письмо.

— Весьма ценный документ,— сказал он,— весьма! Если продовольствие не попало на борт «Спинозы», значит, оно осталось в Крыму: спрятано где-то в районе Феодосия — Судак... Письмо капитана поможет нам его отыскать.

— Капитан просил меня передать письмо его жене в Крыму.

— Вот мы и передадим. Сами-то вы попадете в Крым не скоро. «Спиноза» крепко застрял в Константинополе. Пока идет следствие, наложен арест на фрахт. А других рейсов на Крым сейчас нет.

— А как же вы переправите письмо? Посуху?

— «Джали́той».

— С контрабандистами?.. Да если контрабандисты прочитают письмо, они сами разыщут спрятанное продовольствие. Это же хлеб! А в России — голод. Представляете, сколько сейчас сто́ит в России пуд муки?!

Букинист улыбнулся:

— Об этом не беспокойтесь: на «Джалите» поплывет свой человек.

— Поплыть-то он поплывет,— покачал головой стюард,— а вот доплывет ли? Ноябрь наступает. В ноябре Черное море потопит парусник.

— «Джалиту» не потопит,— ответил букинист убежденно.— «Джалита» хитрый бот. Очень хитрый!..

ХИТРЫЙ БОТИК «ДЖАЛИТА» И ЕГО ЭКИПАЖ

7 ноября 1920 года в горах за Новороссийском родился бора́ — губительный северо-восточный ветер. Но море еще не ощутило его дыхания — лежало ленивое, штилевое. Короткий широкий ботик, сверху похожий на жучка, казалось, уснул на синем щите моря, хотя полз он под всеми своими косыми парусами. Гафельный грот на его единственной мачте, фока-стаксель и кливера над бушпритом вяло морщинились от дохлого ветерка, а то и вовсе бессильно обвисали.

Ботик был чуть побольше шлюпки, но с палубой, на которой сейчас находился весь его международный экипаж: двое небритых молодчиков, медлительных и грязных, как их посудина, хозяин судна — турецкий грек из Трапезунда и Гриша, русский, в «вышиванной» украинской сорочке и берете английского матроса, с помпоном.

— Ветерку бы-ы,— мечтательно протянул Гриша.

Грек посмотрел с тревогой иа задымленный горизоит:
— Осеиь. Плохой ветер бывает: бора.
— А если дизель качнуть?
Под палубой «Джалиты» был спрятаи дизель-мотор с компрессором. Обычно катера таможенной охраны легко догонялн парусники контрабандистов. С «Джалитой» этот иомер ие проходнл: в иужный момент включался двигатель. Кабы ие двигатель, грек ни за что бы не решнлся пересекать Чериое море в такое негостеприимное время года.
— Ну так качнуть дизель? — переспроснл Гриша.
— Берег близко,— ответнл иакоиец грек.— Мыс Мысхак, Новороссийск. С парус мы маленькнй турецкий коитрабанда: чулочка, лифчика, кокаинчика. А мотор услышат — спросят: кто такой? Красный, белый? Становись к стенке.
Грнша снял берет с помпоном, почесал затылок:
— Да-а!.. С вами влипнешь... А еслн я сам по себе? Так ие бывает?..
— Не бывает. Все русскне поделились: белая — красиая.
— А я выделился... в отдельное государство. Что, ие может быть? Свой государственный флаг! — Грнша размотал засаленный шарфик н помахал им в воздухе.— Герб тоже свой! — Задрав рубашку, ои продемонстрнровал наколку иа груднрусалка в кольцах удава.
Грек окннул Гришу критическим взглядом:
— Голоштаиный твой государство.
— Что есть — то есть,— без спора согласился Гриша.— Мниистр фннаисов ходит без портфеля. Поэтому я и иаиялся на вашу «Джалиту», господин Михалокопулос... Тьфу, чуть язык не вывнхнул. Давай по нмеин: ты меня просто Гриша, я тебя просто...
— Ксеиофоит.
— Так вот, Сеня... финансы у нас с тобою скоро будут, потому что вот это пока работает.— Гриша делнкатно постучался в свой собственый лоб, словно там шло заседание.— Министерство иностраниых дел!
Грек ие выдержал — улыбиулся, крепкне молодые зубы сверкнули под усами:
— Значит, у вас, как это говорится, «миннстерская голова»?
— В самую точку,— согласнлся Грнша.— Ты когда-нибудь видел Крым иа географической карте — той, что в школе? С виду это такой кошелечек, ридикюль, куда российская толстопузия сложила сейчас всю моиету, какую только успела свезти в Крым, уднрая от большевиков...
Грек, не слушая, смотрел иа море: вдали уже обозначилась потемиевшая полоса воли с барашками пеины. Ветер, налетая, срывал барашки. Гриша перехватил взгляд:

— Не бора это, просто свежачок. Ты слушай: когда большевики возьмут Перекоп, они, можно сказать, развяжут кошелечек, и мы с тобой начнем грести золото совковой лопатой — за место на «Джалите» желающие драпануть из Крыма отвалят больше, чем мы сможем увезти. У меня даже есть на примете один пассажир, вернее сказать, пассажирка...

В этот момент сизая полоса волн с барашками добежала до ботика, сильный порыв ветра накренил суденышко.

— Ай, говорил, бора! — закричал грек.— Грот убирай! Стаксель! Кливер! (Гриша с трудом убирал хлопающие паруса.) Качай дизель!

Гриша раздраил люк, добрался до дизеля и схватился за пусковой рычаг. Застучал двигатель, палуба задрожала. Чихая нефтяными парами, оставляя мазутные пятна, ботик взобрался на волну и дал ход. Грек и Гриша вдвоем вертели штурвал. Вода то и дело окатывала обоих. Ботик, стуча дизелем, вползал на водяные горы, несущиеся наперегонки с тучами, и, срываясь с их пенистых вершин, зарывался чуть ли не вместе с мачтой. Иногда под кормой обнажался винт. Его лопасти свистели в воздухе среди брызг и пены...

Вдруг дизель чихнул — грек и Гриша прислушались. Снова чиханье и всхлип. Потом мгновение тишины; только слышно, как вода скатывается с палубы.

Грек увидел, как побледнел его моторист.

— Хана́, дизель скис,— прохрипел Гриша.

Волна развернула ботик, другая, как кувалдой, ударила в пузатый борт, грек и Гриша уже не могли держать суденышко носом к волне. Потерявший управление ботик несло боком. Палуба все круче накренялась. Темная морская глубь глядела прямо в глаза... И вдруг среди грохота волн Гриша услышал голос грека:

— Коммерция не должна пропадать.

Гриша не поверил своим ушам, нашел время говорить о коммерции!.. Может, показалось?.. Но грек говорил в самое ухо:

— Кто живой доплывет до Крыма, будет делать, как я скажу. Слушай и запоминай...

АГЕНТ ПО ПРОДАЖЕ КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВОВ

Бора длится обычно не более суток. И вот уже вновь как ни в чем не бывало катятся ласковые волны к берегам вожделенного Крыма. В бирюзовом ожерелье прибоя лежит полуостров. На юге в эту пору осени солнце еще исправно освещает выходы известняка и можжевеловые заросли Яйлы,

ветер треплет листву дубово-буковых рощ на склонах гор. Внизу, где полоса пляжей, маленькие крабики взбегают на гладкие теплые камни. А на севере срывается по ночам ледяная изморозь, порой падает и тает снег. Там, у перешейков, где решалась судьба Крыма, шла тяжкая работа войны: по белесой воде Сиваша, заткнув за поясные ремни подобранные полы шинелей, брели красноармейцы.

На траверсе Севастополя, Феодосии, Керчи подпирали дымами небо суда пяти государств — английская, французская, итальянская, турецкая и греческая эскадры. Дрожали броне-палубы от гула беспрерывно работающих машин. Антанта тянула к Крыму пятерню.

— Ожидается высадка союзников! — кричали мальчишки-газетчики на набережных крымских городов.— Большевики не войдут в Крым!

Но в силу союзников уже никто не верил. Высаживались они и в Одессе, и в Новороссийске... даже в Архангельске, а большевики одержали верх и вошли во все эти города. Вот и сейчас армии Фрунзе неумолимо надвигаются, как бора в ноябре. И, хотя еще не было приказа об эвакуации, дорога, сбегавшая серпантином по склонам Яйлы к морю, была забита беженцами. Подпирая друг друга, извозчичьи пролетки, линейки, брички двигались вниз черепашьим шагом. Время от времени с криком и руганью их оттесняли вооруженные люди, требуя пропустить военные обозы. Зеленые двуколки казенного образца и мобилизованные гражданские телеги, платформы ломовиков, даже арбы были с верхом завалены ящиками, мешками и кулями, покрытыми рогожей, мешковиной, брезентом. Груз тщательно охранялся: за телегами шли не в ногу усталые солдаты в обмотках и английских бутсах, побелевших от крымской известковой пыли. Солдаты обросли бородой и даже офицеры были небриты.

Телеги проезжали мимо некогда щеголеватых, ныне облупившихся ворот. На арке сохранилась лепная надпись:

КЛИМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

За этой аркой начиналось как будто бы другое царство: царство причудливых парковых растений, клумб, ваз, беседок и мраморных львов с кольцами в зубах. От арки аллея крымских туй вела к веранде, увитой диким виноградом. Здесь стояла плетеная санаторная мебель. Сидя в белом ивовом кресле, доктор Забродская Мария Станиславовна беседовала с заграничным коммерсантом.

— Господи...— Мария Станиславовна запнулась,— простите, очень трудная фамилия... Ми-ха-ло-ко-пу-лос...

— О, можно просто Ксенофонт!

— А?.. Ну да! — вспомнила Мария Станиславовиа.— Был такой древиегреческий полководец. Учили в гимиазин.— Теперь она уже не могла без смеха смотреть на потомка древних греков, одетого одесским пижоном: кургузый обдергайчик — короткий пиджачок в талию — и брюки-дудочки, которые ои то и дело поддергнвал, чтобы не сминались на колеиях, заодио демонстрнруя штиблеты — лак с велюровым верхом. Только на голове вместо традиционной шляпы канотье возвышалась красиая турецкая феска. Как будто господии Михалокопулос по забывчивости иадел на голову цветочный горшок.

Товар, который рекламнровал грек, был еще более странным, чем его одежда. Вынимая из саквояжика, ои раскладывал перед Марией Станнславовной красочные картинки на глянцевой бумаге: коралловые острова с тоиконогими пальмамн, белая вилла и такая же белая яхта, перевериутая в зеркале лагуиы.

— Сколько стоит такая вилла?

— Миллион.

— Вместе с островом?

— Это называется атолл.

— Яхта тоже входит в эту сумму?

— Яхта?

— Ну да, тут написаио. Я еще не разучилась читать по-фраицузскн: «Яхта «Глория» с кают-компаиней и...», пардон, «...гальюном».

— Яхта от другая вилла.

— Тогда сочувствую вам, господин Ксенофонт. Вы зря пересекли Чериое море. Надеюсь, не очеиь качало?

— Самая чуточка... А почему зря?

— Потому что без яхты за всю вашу экзотику в России сейчас и фунта муки не дадут. А вот за место на пароходе, пусть на палубе, в угольной яме, сннмут с себя последиюю рубашку или иорковый палаитнн.

— Вы можете покупать совсем маленький бунгало с банаиовой рощицей. Это будет стоить совсем не миллион.

— Какая разница, еслн белая яхта «Глория» не ожидает в гаваии?

— Кто вам сказал — не ожндает? Очеиь ожидает! Но только не «Глорня», а «Джалита» — дизельный бот.

«Кажется, этот грек существует на самом деле,— подумала Мария Стаиислазовна.— Не сон, не романтический бред...»

— Почему вы решили, что я хочу уехать из России?

— Богатые людн убегают от революцнн.

— А кто вам сказал, что я богатый человек?

— Я зиал вашу семью, госпожа Мария: вашу мамашу, вашу папашу, сторож Ннкнта н мерин Снвый, на котором Никита вознл бочку.

— А я-то думаю: где я вас видела?!.. Ну, конечно! Когда-то до революции к нам приходил коммивояжер фирмы «Зингер», тоже с картинками... швейных машинок. Мама еще была жива. Ну да! Он вот так же, простите, поддергивал брюки, чтобы не пузырились на коленях. Значит, теперь вы уже швейные машинки не предлагаете? — Марии Станиславовне вновь стало смешно.— Теперь вы коммивояжер по продаже коралловых островов с банановыми рощицами.

— И белыми яхтами. Лишь бы это вас развеселяло.

Охота смеяться вдруг пропала.

— Вы ошиблись адресом, к нам больше не ходят коммивояжеры.

Грек сложил руки на животе и сочувственно вздохнул:

— Я все знаю, госпожа Мария: прочитал газету в Трапезунде. Наверно, сам бог нуждается в хорошем докторе, если он позвал ваш папа. Но я не думаю, что профессор Забродский оставил свою дочь без всякого средства. Станислав Казимирович имел достаточную практику. Богатые люди со всего света привозили к нему свои дети с больные легкие. Конечно, он был состоятельный человек, если на свой капитал купил здесь, в Крыму, виллу с парком над морем и открыл климатический курорт.

— Пойдемте,— она встала,— я вам покажу деньги профессора Забродского, если интересуетесь.

И пошла, не оборачиваясь, вдоль каменных перил веранды. На ней был белый докторский халат. И поскольку ее собеседник был моряк, он не мог отделаться от ощущения, что она плывет, как парусная лодка. Она даже кренилась, как лодка, потому что шла в старых туфельках на сбитых каблучках.

«САХАРНЫЙ» БУНТ

В столовой санатория сидели дети, мальчики и девочки, в белых панамках. Они, видимо, собирались пить чай. Стаканы сгрудились в стороне на подносе, и двое старших — паренек лет четырнадцати, с лицом, чуть тронутым оспой, и девочка того же возраста, с виду совсем уже барышня,— разливали чай.

Перед каждым лежал ломтик хлеба не больше спичечной коробки и бумажка с каким-то белым порошком. Дети, должно быть, отказывались принимать порошки: в столовой стоял галдеж, который сразу оборвался, как только вошли Мария Станиславовна и грек.

— В чем дело, Рая? — спросила Мария Станиславовна у девочки-барышни, разливавшей чай.— Почему шум?

— Революция, Мария Станиславовна. Они нас свергают: меня и Колю.

Младшие загалделн с иовой снлой:
— Они неправильио делят сахар!
Только теперь грек понял, что порошок на бумажках ие лекарство, а сахариый песок в микроскопических дозах.
— Когда-то в России были соляиые буиты,— сказала Мария Стаиислововна,— а у вас, зиачит, сахариый? — оиа рассмотрела все бумажкн.— Абсолютно одниаковые порции!
— Нет, ие одииаковые! — возразил мальчишка лет десяти, видимо, главиый застрельщнк буита.— Мы посчитали крупиики!
Мария Стаиислововна взгляиула на грека: поиял ли ои, что происходнт?
Грек сделал вид, что рассматривает дерево. Посреди столовой росло дерево. Оио выросло такое высокое, что для иего специально в стекляиной крыше столовой пришлось проделать дыру, и теперь дерево проходило сквозь крышу, его кроиа шумела иад павильоном.
— Хорошо, Сережа,— сказала Мария Станиславовиа,— я сама буду развешнвать сахар. Коля! — обратилась оиа к пареньку, которого собирались свергнуть.— Принеси аптекарские весы.
Пока Коля бегал за весами, Рая поставила перед греком стакаи подкрашеииой водицы — здешиий чай.
Коля приием весы и длиииый ящичек с гиездами мал мала меиьше для гирек. Гирьки Мария Стаиислововна брала пиицетом.
— Чтобы иа гирьках ие оставался жир от рук,— объяснила оиа и, окоичив взвешивать, присела за стол рядом с греком.— Дальше пусть делят сами. У иих свой способ.
Способ оказался простым:
— Олюия, отвериись,— распорядился Коля.
Самая малеиькая девочка послушио повернулась лицом к двери.
— И ие подглядывай! — закричала другая девочка.
Коля косиулся пальцем одиой из бумажек с сахаром:
— Кому?
— Аидрею!
Аидрей схватил свою долю.
— Кому?
— Райке!
Девочка-барышия тоже получила.
— Кому?
— Сереже!
Застрельщик буита с достоииством взял свою порцню.
— Кому?
— Катюше!
— Кому?

— Дяде.

Грек огляиулся..

— Вам, вам,— сказала Мария Стаиилавовиа.

Грек испуганно отодвннул стакаи:

— Нет, нет! Дяде ие надо. Дяде доктор запретил кушать сладости... слишком миого,— физиономня господииа Михалокопулоса стала красией его фескн.— Дядя лучше покурит иа свежий воздух.

Наталкиваясь иа столы н стулья, грек выскочил из столовой и по первой же попавшейся аллее углубился в саиаторный парк...

МАДАМ-КАПИТАН

Навстречу греку из зарослей одичавших изломаииых и увядших табаков вышла дама. Дама самая иатуральиая: вся в кружевах н рюшах, как парижский зонтик. Ее кукольиое лнчико утопало в страусовом боа. Серьги с подвесками раскачивались на ходу н, чудилось, издавалн мелодичиый звои. Но из крошечиого ротика, похожего иа цветок львиный зев, вырывался боцманский бас:

— Это ваша «Джалита» болтается у рыбачьей пристаии?

— Наша.

— Значит, это вы из Коистаитннополя? А где «Спииоза»? Уже иа иеделю опаздывает!..

— «Спниоза» ие будет. Совсем присохиул в Коистаитииополь, у стеика стоит, котлы холодные.

— Чего же оии ждут? Пока красные возьмут Крым?..

Грек только руками развел:

— Мы человек малеиький, пароходом не управлял.

Мадам оглядела грека снизу вверх: от штиблет до фески.

— Слушай, как тебя там...

— Ксеиофоитос Михалокопулос.

— Длинновато для короткого разговора. Сколько?

— Нисколько.

— Вам дают ие бумажки, а золото!

— Пассажиров не берем.

— Половииа сейчас, половииа в Коистантииополе.

— Не берем пассажиров.

— Все сейчас! Сразу! Тут же!

Дама стала отстегнвать серьги с подвесками...

— Нет, иет, мадам. Ваше золото легкое, а вы тяжелая: много чемодан. «Джалита» совсем маленький ботнк.

— Коитрабандистская лайба! Вроде я не зиаю. У самой муж моряк. Капнтан! Поиял? Был бы он здесь... Ну да черт с тобой! — из бархатного ридикюля, расшитого иесортовым жем-

чугом, дама вынула золотой портсигар, нажала кнопочку — полированная крышка откинулась, осыпав грека солнечными зайчиками, машинка внутри портсигара сыграла первые такты ноктюрна Шопена.— В нем без малого фунт золота,— сказала она,— можешь взвесить.

— Не интересуемся.

Ее глаза, узкие, «в японском стиле», сузились еще больше:

— Может, ты не коммерсант? Прикидываешься? А? — дама отступила шага на два, как бы фотографируя грека.— Интересный сюжет для контрразведки!

Грек протянул руку за портсигаром:

— Подумать надо.

— Подумай, пока думалка на плечах.

Грек взвесил портсигар в руке, внимательно рассмотрел его и даже обнюхал.

— Что ты там ищешь? Пробу?

Но грек читал надпись на крышке.

— Вы сказали, ваш супруг капитан?

— Дальнего плаванья.

— А здесь написано — генерал.— Грек довольно сносно, хотя и медленно, читал по-русски: — «Генералу медицинской службы, профессору Санкт-Петербургской военно-медицинской академии Станиславу Казимировичу Забродскому от друзей и коллег в день...»

— По-твоему, у дочери Забродского могло удержаться золото в доме? — прервала она чтение.

— Мария Станиславовна очень дорожит память папа.

— Ей не приходится дорожиться! Интересно, как бы она прокормила целый выводок кухаркиных детей?

— Это все дети кухарки? — не понял грек.

— Ну, так говорится... У нее сейчас и кухарки-то нет. Старшие дети все делают: Рая и Коля. А вообще-то там всякие есть: Рая вон внучка статского советника, а Колю при красных привели, при Крымской Республике, Сережу — тоже...

Грек, подумав, сунул портсигар в карман обдергайчика.

— Будем считать — это задаток. Вы где живете?

Дама указала в конец аллеи, где виднелась ограда санатория:

— Тут, по соседству, за заборчиком. Но твое дело телячье — ждать на пристани. И ни с кем больше не договаривайся. Понял? Кто меня обманет, тот долго не проживет.— Она наклонилась к самому уху грека так, что он чуть не задохнулся от запаха розовой эссенции и вина.— Знаешь, кто у меня сейчас на веранде сидит, угощается белым мускатом? Не знаешь? Так вот, не приведи бог тебе узнать!..

Заскрипел ракушечник аллеи — дама исчезла в зарослях табаков. Запах вина и эссенции долго не выветривался там,

где она прошла. Грек пошел по ароматному следу дамы н уткиулся в решетчатую ограду. За оградой был, видимо, чей-то хозяйствеиный двор. В загончнке хрюкала свинья. Мужик в клеенчатом фартуке приволок эмалированную кастрюлю н вывалил свинье в корыто остатки пищн.

— Здравствуйте,— заулыбался грек.— У вас табачочек ие найдется? У иас весь выкурился.— Грек вытащнл золотой портснгар — аванс дамы, нажал кнопочку. По лнцу мужнка запрыгали солнечиые зайчикн, занграла музыка.— Немного пустует. Правда?

— Ух ты! — мужнк, как младенец, потяиулся к нгрушке.— Жнвут же люди!

— У вас свиики живут ие хуже,— заметнл грек.— Картофель фри кушают.

— Так ведь у нас пансиои мадам-капитан.

— Дама-капитаи?!

— Муж у иее капнтаи, а сама мадам панснон содержнт: господа жнвут, которые больиые, нуждаются в поправке. Я сторожем прн ннх.— Сторож не сводил глаз с портсигара.— А сколько, к примеру, тянет этот портснгар?

— Два пуда сахар.

— Ну уж и два!..

В столовой саиаторня дети уже допнлн чай н составлялн стакаиы иа подиос, когда вошел грек. Он нес объемистый бумажиый куль с казенной лнловой печатью. Куль был ие полон, ио достаточно тяжел. Грек поискал глазами, куда бы пересыпать содержимое, увидел большой стекляииый шар, видимо, бывшнй аквариум без воды н рыбок, опрокинул над иим куль, потекла струйка сахарного песка. Струйка становнлась струей, сосуд наполнялся сахаром. Детн смотрелн как зачарованные.

— Мнмо вашнх ворот молочный речка течет с кисельный бережочек,— сказал грек загадочно и вышел из столовой.

Мнмо ворот климатической станции по-прежнему под охраиой солдат катились возы, груженные ящнкамн, мешками и кулями. На ннх лнловели такне же казеииые печати, как на том куле с сахаром, который грек принес нз паисиона мадам-капнтан.

В ЭТО ВРЕМЯ В МОСКВЕ

В Москве в это время уже выпал снег. От снега слегка посветлели улнцы. А больше, собственно говоря, освещать их было иечем: кое-где горелн одноночные иеразбнтые фонари, да у нзвозчнков за фонарными стеклами колыхалнсь желтые

язычки огия. Свет гасили рано: спешили лечь спать, зарыться под одеяло, потому что в домах было холодно, топить иечем. Долго ие гасли лишь окиа учреждений: в те времеиа работали чуть лн ие до утра. На фасаде Наркомата здравоохранеиия желтели ряды окон. В приемиой подшивала бумаги бессменная секретарша.

— Нарком у себя? — спрашивали все, кто входил в приемиую.

И всем оиа отвечала одинаково:

— Товарищ Семашко иа совещании в Отделе лечебиых местиостей.

Совещание только иачиналось.

— Уважаемые коллеги,— говорил Николай Алексаидрович Семашко, иародиый комиссар здравоохраиеиия, прохаживаясь вдоль длиииого стола для заседаиий, уставлеиного стакаиами жидкого чая в солидиых дореволюциоииых подстаканниках.— Хочу вам напомнить, что еще в прошлом, 1919 году постаиовлеиием Совнаркома от 4 апреля все лечебиые местиости и курорты, где бы таковые на территории России ни иаходились, переходят в собствеииость республикн и используются для лечебных целей. Подчеркиваю: где бы ни находились! В том числе и в Крыму, где мы уже приступили в свое время к национализации курортов, но, к сожалеиию, иам помешали деникииский десаит и врангелевщина.— Нарком быстро оглядел собравшихся здесь врачей, одетых весьма разиомастио: кто в кителе царского еще образца, кто в иовой форме врача Красной Армии, а кто, как и сам нарком, в пиджачной тройке.— Сейчас, когда Красная Армия вновь вступает в пределы Крыма, я прошу вас, русских курортиых врачей, мобилизовать все свои силы и знаиия. В Крыму мы наглядио осуществим лозунг о переселении бедиоты из хижин во дворцы богачей.— Семашко взглянул иа бородатого профессора, о котором зиал точно: профессор терпеть ие может лозуигов.— Мой совет вам, профессор, безотлагательио затребовать под тубсаиаторий царскую дачу в Ливадии.

— У кого затребовать? У Враигеля?

— Пока соответствующие учреждения рассмотрят вашу просьбу — это при иашей-то каицелярской волоките,— от Враигеля в Крыму и следа ие остается,— заверил иарком.

— Это ие совсем точио,— сказал иегромко человек, сидевший в сторие от всех, возле шкафа с делами Отдела лечебиых местиостей.— От враигелевщины остается довольно глубокий след.

Никто, кроме иаркома, не расслышал его слов, а Николай Алексаидрович подумал: «Где-то я уже встречал этого товарища. На редкость домашний, уютиый человек. Пристроился себе в уголочке и что-то черкает в тетрадке, слюиявя хими-

ческий караидаш. Смешно: на нижией губе у иего отпечаталась фиолетовая риска...»

Когда совещание окончилось, иарком подошел к нему:

— Вы от Дзержинского?

— Имеиио так.

— Пройдемте, пожалуйста, в мой кабииет...

В кабииете Семашко выключил верхний свет, включил настольиую лампу.

— Где-то я вас видел,— сказал он, рассматривая собеседника при свете лампы,— а где, ие припомию.

— В Париже,— ответит тот.— Вериее в Лонжюмо В 1911 году. Вы были тогда секретарем партийиой школы, а я приезжал связиым... Грузчик.

— Теперь вспомиил. Все тогда посмеивались над вашей коиспиративиой кличкой. Грузчик должеи быть атлетом по телосложеиию.

— Дело в том, что я действительио работал грузчиком,— сказал Грузчнк.— Правда, по-моему,— иаилучшая коиспирация.

— А настоящая ваша фамилия?

— Степаиов, Степаи Даиилович Степаиов-Грузчик... через черточку. Уполномочеииый ВЧК по Крыму.

— Ах, вот как! По Крыму. Феликс Эдмуидовнч прислал имеино того, кого я просил. Мы, к сожалеиию, ие можем обойтись сейчас без помощи ВЧК и КрымЧК,— Семашко вынул из ящика стола документ, зараиее подготовлеииый для этого разговора.— Вот список курортов, национализированных Советской властью еще в девятиадцатом году при Крымской Республике.

Грузчик приблизил бумагу к самому иосу, стал читать.

Свет в кабинете иаркома замигал, потом совсем погас. Степаиов-Грузчик встревожеиио потер глаза и шумио выдохиул воздух.

— Это свет погас или я перестал вндеть?

— Свет, свет! — успокоил его Семашко.— Опять что-то иа электростаиции.— А у вас, голубчик, куриная слепота. Плохо питаетесь. Я вам как врач выпишу рыбий жир.

— Не дадут, Николай Алексаидрович.

— А я как иарком здравоохраиеиия иаложу резолюцию. Пусть попробуют ие дать.

Секретарша виесла керосиновую лампу.

— При лампе вы тоже ие сможете это прочитать,— сказал Семашко,— возьмите с собой. Дело ведь ие в перечне санаториев, а в том, о чем просил товарищ Ульяиов. Я говорю о Дмитрии Ильиче Ульянове, брате Владимнра Ильнча.

— Я так н поиял. Кто лучше Ульяиова зиает крымские курорты!

— Безусловно! Прежде всего, он врач. Причем крымский врач. Был земским врачом не где-нибудь в Нижнем Новгороде, как я, к примеру, а в Крыму, в Феодосийском уезде. Более того, он возглавлял Советское правительство Крыма — то есть, в сущности, это он создавал первые советские курорты, о которых мы с вами говорим.

В лампочке вновь накалились угольки — включился электросвет. Секретарша унесла керосиновую лампу.

— Так вот,— продолжил нарком,— товарища Ульянова тревожит продовольственная база. Чем с первого же дня, после ликвидации врангелевщины, мы будем кормить курорты? Насколько мне известно, белые вывозят из Крыма все, что могут вывезти, включая продовольствие.

— Мы им не очень-то позволяем. У нас довольно сильное подполье в Крыму и партизаны,— сказал Грузчик,— но дело в том, что они не только вывозят. Часть продовольствия они прячут.

— Прячут? Для кого?

— Этого не знает даже врангелевская контрразведка.

— А вы, значит, знаете, что знает и чего не знает их контрразведка?

Впервые за весь разговор Степанов-Грузчик улыбнулся:

— Вы же опытный конспиратор, товарищ Семашко, даже поопытней меня.

— Ладно, не будем вдаваться в подробности.— Николай Александрович приложил ладони к заварному чайнику, принесенному секретаршей. Так было теплее.— Если прячут, значит, надо найти, но не дать им задушить голодом наши курорты. И второе, о чем... точнее, о ком просил позаботиться доктор Ульянов. О врачах, которые работают в крымских санаториях сейчас, при белых. Среди них есть просто подвижники! Взвалит мешок на плечи и отправляется пешком через горы куда-нибудь в Ялту, чтобы обменять свои личные вещи на еду и лекарства для больных детей. Но, боюсь, когда Фрунзе займет Крым, мы недосчитаемся некоторых из них. Многих уже потеряли безвозвратно. Как, например, профессора Забродского.

— Вы имеете в виду генерала Забродского?

— Я знаю, что вы не жалуете генералов. Но Забродский был генералом медицинской службы, профессором Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, из которой вышли лучшие русские врачи. Те, которые потом умирали и на фронтах рядом с солдатами, и в холерных бараках во время эпидемий.

— Мы знаем Забродского. Ему принадлежал климатический детский курорт в Судаке.

— Значит, вам известно, что, выйдя в отставку, он на свои

средства открыл туберкулезный санаторий для детей и не обиделся, когда санаторий национализировали, а остался в нем главным врачом...

Степанов-Грузчик слушал не перебивая.

— Но Станислав Казимирович Забродский умер,— продолжал нарком,— санаторий сейчас содержит его дочь Мария Станиславовна, тоже врач-фтизиатр. И если она или кто-либо из ее коллег, курортных врачей Крыма, в ближайшие дни сбежит с белыми — эмигрирует из России, мы с вами будем виноваты.

Степанов-Грузчик задвигался в кресле, встревоженно, как тогда, когда погас свет. При всякой неясности он испытывал какое-то болезненное неудобство.

— Я хотел бы вас понять, Николай Александрович.

— Разъясню на примере того же санатория Забродской. Я его знаю лучше других. Пока этот курорт был частной лечебницей, родители платили за содержание и лечение своих детей. Естественно, это были люди состоятельные. А в девятнадцатом году, когда санаторий стал советским, туда поступили также больные из неимущих классов: дети рабочих, крестьян, красноармейцев. Вы понимаете? Теперь, когда Крым отрезан от всей страны, в санатории Забродской сошлись дети, чьи родители либо воюют друг с другом, либо погибли в гражданской войне, умерли от голода и тифа. И можете не сомневаться, среди детей санатория тоже идет своя... своеобразная... классовая борьба.

— Ясно,— сказал Грузчик.— Но какую позицию занимает дочь Забродского, пока неизвестно.

— Известно.— Николай Александрович произнес это с некоторым раздражением.— Конечно, известно! Позицию врача! Если она действительно дочь Забродского! Для врача они все больные дети, и всех надо лечить. Если бы доктор Забродская рассуждала иначе, она бы давно сбежала за границу, бросив больных детей на произвол судьбы.

Степанов-Грузчик вновь задвигался в кресле:

— Не понимаю... Зачем ей бежать с белыми, если она все так правильно понимает?

— Она не понимает только одного: понимаете ли это и вы? Она сейчас дрожит над каждым ребенком, ночами ходит с поильничком, кутает им ноги, поддувает легкие, рискуя сама заразиться ТБЦ, а вы придете и устроите чистку: выгоните детей эксплуататорских классов, оставите только детей рабочих и крестьян.

— Вот теперь я понял.— Грузчик по-прежнему не улыбался, но был весьма доволен.— Мы постараемся разъяснить всем врачам, что Советская власть не собирается делить больных на чистых и нечистых.

— Вот именно об этом я и хотел вас просить. Этим вы сбережете для нас и врачей, и санатории.

— Понятно! — Степанов-Грузчик аккуратно уложил список крымских санаториев между страничками своей тетрадки, попрощался и ушел. Лиловая риска от чернильного карандаша так и осталась на его губах.

ГРЕК В ГОРОДЕ

...Как только грек вышел из санатория, от арки ворот отделился человек в офицерском кителе с пустым рукавом и устремился за ним.

Вынырнув из зарослей можжевельника, дорога вывела на карниз, нависающий над обрывом. Здесь грек остановился. Далеко внизу, в котловине, над голубой полусферой залива ютился типичный крымский городок, сбегающий к морю террасами виноградников и табачных плантаций. Был он пыльный и грязный, весь — глина и булыжник, но на набережной, по обводу бухты, среди привозной субтропической зелени белели античным мрамором и дразнили мавританскими стрельчатыми формами дворцы и особняки.

Грек смотрел на городок, щурясь, потом заморгал покрасневшими веками, казалось, он вот-вот заплачет, но не заплакал, а лишь шмыгнул по-мальчишечьи носом и начал спускаться к городку.

На набережной к греку подошел пацан с голым пузом. Суконные матросские брюки сползли вниз, а рубашонка, наоборот, задралась кверху, и пуп торчал «винтиком».

— Давно с Туреччины? — поинтересовался голопузый, глядя на феску грека.

— Немножечко недавно.

— А шо привезли? — он приглядывался к саквояжику.

— Кремешки для зажигалки.

— Много?

— Два кило. Хватит?

— На весь Крым.

Голопузый оглушительно свистнул. Грека со всех сторон обступили такие же голопузые.

— Ось воны,— голопузый указал на грека,— торгують оптом, а ось воны,— он указал грязным пальцем на свою голопузую команду,— обеспечивають розничный сбыт.

— А комиссионные?

— Какой процент? — залопотали голопузые.

Сдвинув на глаза феску, грек поскреб в затылке:

— Я буду подумывать, господа коммерсанты.

Он думал об этих огольцах: от детей из санатория они

отличались, как краснокожие от бледнолицых. Эти не пропадут, думал грек, а тех жалко.

— Думайте швыдче,— поторопил предводитель голопузых,— бо времена меняются: скоро будет мировая революция. Большевики отменят усе границы, и конец контрабанде. Шо тогда робить будете?..

— А вы?

— Нам шо? Мы бычков ловим и усики — креветку.

— Вот и мы будем ловить бычков.

На грека посмотрели как на ненормального:

— Тю, скажете! Вы же грек!

— А разве грек только рака ловит? — возразил грек.— Как это... «шел грек через рек, сунул рук — цапиул рак»?

— Ну-у, вы взрослый.

— А из чего взрослый грек получается? Из маленький греческий пацанчик.

Вдруг все разом обернулись. По набережной, не спеша, сохраняя свое собачье достоинство, шла шотландская овчарка, наверно, самое красивое в городе существо: рыжая с черной спиной. В затемненной витрине турецкой кофейни отразился ее изысканный экстерьер. В зубах собака несла детскую плетеную корзиночку.

— Курит,— сказал кто-то.

Грек уставился на пацанов.

— Кто курит?

— Собака. А кто же еще?

— Собака?!

— Ну да. Она табак покупает.

— Но, может, она хозяину покупает?

— Хозяин как раз не курит.

Грек рассмеялся, ткнул пацана пальцем в прожаренный животик и нырнул в кофейню. Вслед за ним вошел в кофейню человек в офицерском кителе с пустым рукавом.

СОБАКА, КОТОРАЯ ПОКУПАЛА ТАБАК

Вход в кофейню был задернут полосатой шторой, которую ветер забрасывал чуть ли не на крышу, и в дверном проеме светился залив. В шкатулочном нутре кофейни, расписанном турецкими узорами, сидели в основном офицеры. Чашечки и бокалы перед ними то и дело подпрыгивали от грохота проезжающих по набережной телег.

— Уже нашлись предусмотрительные отцы-командиры,— сказал один офицер.— Свозят потихоньку в порт все, что подороже.

В железном ящике мангала томился кофе в закопченных

джезвах. Буфетчик то и дело поглядывал в сторону столика, за которым сидел грек — господин Михалокопулос. Грек, видимо, очень дорожил своим костюмом и, оглядев критически несвежую скатерку на столике, подтянул повыше рукава обдергайчика, обнажив накрахмаленные манжеты сорочки. В манжетах блеснули дорогие запонки.

Буфетчик подошел:

— Скатерть сменить?

При этом он рассматривал запонки грека. Это были морские запонки: два рубиново-красных якорька.

— Главное не скатерть, а что на скатерти,— сказал грек.

Буфетчик принес кофе, маслины, сухарики... И снова уставился на запонки грека: якорьки были выложены по золоту из мелких рубинов. Грек перехватил взгляд:

— Хорош?

— Штучная вещь.

— Фирма плохой не держит. Хорош запонка — хорош товар, хорош товар — хорош клиент.

Человек в офицерском кителе — он устроился за соседним столиком — прислушивался к разговору. Грек стрельнул глазами в его сторону.

— Пардон,— извинился тот,— я лишь хотел обратить внимание — местная достопримечательность.— Он указал на проход между столиками.

Собака которую грек видел на набережной, уже обошла несколько магазинов и вошла в кофейню. В детской корзиночке, которую она держала в зубах, уже лежали кое-какие покупки и деньги. Собака и покупала, и расплачивалась, и получала сдачу.

Кто-то из офицеров протянул руку — погладить ее. Собака, слегка ощерившись, вежливо предупредила: не тр-рожь.

— У шотландских овчарок колли мертвая хватка,—сказал человек с пустым рукавом,— похлеще бульдожьей. Ее хозяин завел специальные стальные клещи: разжимать челюсти.

Кофейня уважительно притихла. А буфетчик как ни в чем не бывало протянул руку к корзиночке, взял ее из собачьих зубов и поставил на прилавок. Деньги переложил в кассовый ящичек красного дерева, из застекленного шкафа вынул пачку «капитанского» табака расфасовки Стамболи в фольге, повертел ее в руках и сказал:

— Без бандерольки не возьмет. Дрессированная, черт.

Офицеры в кофейне дружно засмеялись:

— Не поощряет, значит, контрабанду!

Буфетчик с пачкой в руке ушел в комнатушку позади стойки. Пока он отсутствовал, однорукий успел переселиться за столик грека:

— Простите, не имел чести знать...

— Ксенофонт Михалокопулос.

— Очень приятно...— он пробормотал что-то, точнее, проглотил свою фамилию — грек так и не расслышал — и вернулся к рассказу о собаке.— Чистопородная колли! У себя на родине в Шотландии эти колли не только овец пасут, но и детей нянчат. А у ее хозяина, механика Гарбузенко, было очень много детей. В городе говорили: «Самая большая семья в Европе». В маленьких городках всегда находится что-нибудь самое большое в Европе. Но пока Гарбузенко, он в прошлом судовой механик, где-то плавал, тут вся семья вымерла. Тиф скосил. Да-а... Возвращается хозяин, открывает калитку — двор пуст. Только собака навстречу катит пустую колясочку... Эта колясочка до сих пор лежит у него во дворе вверх колесами. Вы никогда не бывали у Гарбузенко?

— Не бывался.

— Жаль. У него вывеска на заборе тоже, говорят, самая длинная в Европе, а может, и в Азии.

Буфетчик тем временем у себя в комнатушке достал из ящичка бандерольку — бумажную полоску с казенными, еще царскими печатями (когда-то без этих бандеролек не дозволялось продавать привозной табак во избежание контрабанды) и написал на оборотной стороне: «Грек в городе». Полоской он опоясал табачную пачку и вернулся к стойке.

Собака ждала. Как только буфетчик положил в корзиночку пачку с бандеролькой, она сдвинулась с места... Офицеры проводили ее аплодисментами. Грек тоже похлопал в ладоши. Не аплодировал только человек в офицерском кителе: у него была одна рука.

МЕХАНИК ПО АЭРОПЛАНАМ И ПРИМУСАМ

Свернув с набережной в переулок, собака прошла вдоль дувала — забора из разнокалиберных камней вперемешку с глиной и навозом. Дувал тянулся столько, сколько тянулся переулок, и столько же тянулась надпись, выведенная дегтем по камням:

«Г-н Гарбузенко, механик по бензиновым аппаратам: судовым, автомобильным, аэропланным, и чистка примусов!»

В конце этого предложения была калитка, наверное, самая маленькая в мире. В нее не то что аэроплан — примус протискивался лишь в одном случае: если его нести впереди себя на вытянутых руках.

Собака нажала лапой на металлический рычажок и открыла калитку. Во дворе под навесом коптила целая шеренга примусов. Г-н Гарбузенко касался примусной иглой горелки —

примус почтительно замолкал, подносил огонек — вспыхивал синим венчиком и весело пел. Мастер энергично подкачивал медные насосики.

— Пришла, Весточка,— сказал Гарбузенко с грудной украинской ласковостью, обтер руки ветошью, принял корзиночку из собачьих зубов и обратился к клиентам: — Извиняйте, люди добрые. Обед у нас — хозяйка пришла.

Вместе с Вестой он прошел в свою мазанку с громадным турецким ковром, который свисал со стены, перекрывая широкую тахту. Здесь Гарбузенко игрушечным кинжальчиком вскрыл бандерольку и прочитал на оборотной стороне бумажной ленты: «Грек в городе». Новость ему, видимо, понравилась, он поцеловал собаку в нос:

— Спасибо, Веста, ласточка.

Потом вынул из духовки чугунок с борщом, из буфетика — стопку тарелок будянского фаянса с узором в виде листьев и ягод земляники и все тарелки расставил по столу, как для большой семьи. Фотографии всех Гарбузенок, больших и маленьких, занимали в мазанке целый угол. Механик посмотрел на фотографии, вздохнул и убрал тарелки обратно в буфетик, а из кухонного шкафчика вынул два грубых «полывяных полумыска» — такие глубокие тарелки продавали гончары из Опошни — и одну ложку.

— Дай-ка я тебе, золотце, борщику насыплю,— сказал он собаке и зачерпнул ей погуще, с куском мяса.

Собака не спеша, солидно, принялась за еду. Гарбузенко же, наоборот, спешил: через пять минут он уже выходил из калитки...

Как раз в это самое время человек в офицерском кителе с пустым рукавом спустился по каменной лесенке к пляжу. Пляж был пуст. Только у самой воды среди гниющих водорослей стоял вестовой солдат: охранял одежду офицера контрразведки. Виден был черный череп на рукаве гимнастерки. В руке у солдата были часы с открытой крышечкой.

— Давно купается? — спросил однорукий.

Солдат взглянул на часы:

— Уже минуту.

Купальщик, лиловый, трясущийся, выскочил из воды на берег.

Без мундира он был похож на семинариста — борода, грива...

— Кто же купается в ноябре, господин Гуров? — сказал однорукий.

— У меня с-своя с-система з-закаливания организма.— У купальщика зуб на зуб не попадал.

Вестовой подал одежду. Гуров натянул гимнастерку с черепом на рукаве и воззрился на однорукого:

— Ну?..

— На климатической станции был посторонний, грек с «Джалиты» Ксенофонт Михалокопулос. Больше часа проторчал.

— Пансионом интересовался?

— Не знаю. Я у арки ждал. Вы не велели попадаться на глаза докторше.

— Та-ак... Не велел.— Гуров приблизил свою бороду к лицу однорукого.— Дыши на меня!.. Кто пил мускат у мадам-капитан?!

— Мускат я пил в кофейне Монжоса. После санатория грек пошел туда.

— С кем встречался?

— Говорил с буфетчиком.

— О чем?

— О запонках. Запонками похвалялся: купил, говорит, в армянской антикварной...

— Кого знает в городе?

— Вроде бы никого — даже механика Гарбузенко не знает...

— Та-ак...— Гуров застегнул новенькие английские краги, полюбовался своими икрами, затянутыми в блестящую желтую кожу, забрал у солдата часы, захлопнул крышку.— Все?

Однорукий затоптался на песке:

— А что еще?

— Таких, как ты, расстреливают в военное время без суда и следствия.

— За что?

— За то, что снял наблюдение! — Гуров мотнул головой, словно полоснул однорукого клином бороды.— Ты знаешь, кто такой этот грек? Связной Крымревкома!..

АРЕСТ

Истерзанный в бора ботик «Джалита» приткнулся среди шаланд за городом у рыбачьего поселка. Как килевое судно он стоял на глубине, пришвартованный к дырявым мосткам на полусгнивших сваях. На пристани, на мостках, на палубе «Джалиты» не было видно ни одного человека. Только на мгновение откинулась крышка люка, высунулась красная феска грека — и в ту же секунду по мосткам гулко застучали бутсы: к ботику быстро шли солдаты с карабинами. Впереди — однорукий в офицерском кителе, позади — ротмистр Гуров с черным черепом на рукаве. Грек поспешно выскочил на палубу, захлопнул за собой люк.

— Здравствуйте, господин Михалокопулос,— раскланялся однорукий.

— Проверить трюм! — распорядился Гуров.

Солдат в фуражке с голубым околышем оттолкнул грека, который стоял на люке, и полез в трюм. Гуров тем временем совал свою бороду во все закоулки, простукивал борта, мачту, спасательный круг... и вдруг ловким движением разнял его на два круга. На палубу «Джалиты» посыпались разноцветные кружевные лифчики «Парижский шик».

Грек воздел руки к небу:

— Ах, подлец-турок! Какой круг продавал! Чтоб ты утонул совсем с этим кругом, контрабандист проклятый!

— Напрасно расходуете свой актерский талант,— поморщился Гуров,— мы и не думали принимать вас за контрабандиста.— И обернулся к однорукому: — Ну что он там копается в трюме?

Однорукий наклонился к люку:

— Заснул, Горюнов?..

И вдруг упал на спину, грохнувшись головой о фальшборт — снизу его дернули за ноги. Из люка выскочил человек в шинели солдата, в его фуражке с голубым околышем и, прикрывая лицо рукавом, прыгнул за борт. Его тело вонзилось в воду почти без брызг. Ударили карабины, запрыгали по воде пулевые фонтанчики.

— Погодите,— сказал Гуров.— Что зря тратить порох? — И щелкнул крышечкой часов.— Больше двух минут никто еще не просидел под водой, даже я...

Всплыла фуражка, пробитая пулями.

— Царствие небесное,— сказал Гуров,— вернее, морское.— И захлопнул крышечку часов.

Из рубки выволокли солдата. Он был раздет и связан собственным ремнем, вращал белками глаз и, задыхаясь, мычал: рот был законопачен промасленными концами.

Однорукий вытащил кляп:

— Говори: какой он был?

— Черный.

— Негр, что ли?

— Черный, а там темно, как в преисподней.

— Ладно. Выудим труп — разберемся,— буркнул Гуров и повернулся к греку: — А может, вы нам расскажете, кто у вас побывал в гостях?

Грек вместо ответа снял феску и перекрестился, глядя на море. Там плавало нефтяное пятно, будто утонул не человек, а подводная лодка.

Однорукий дернул его за рукав:

— Прошу, господин Михалокопулос.

— Не понимаю.

— Вы арестованы.

Гуров быстро суиул руку за широкий пояс грека и вытащил кривой турецкий ножик.

По дырявым морткам застучали бутсы. Гуров с подручиыми уходил, уводя арестоваиного. Все смотрели только иа грека, а если бы погляделн вииз, увидели бы сквозь щели мостков среди желтой пеиы и плавающего мусора запрокинутое лицо. Глаза у беглеца были открыты, он видел подбитые гвоздямн подошвы, желтые краги Гурова и туфли господииа Михалокопулоса...

«НА ЛОВЦА И ЗВЕРЬ БЕЖИТ»

Обычно Гарбузенко устраивал баию по субботам и тогда же — постирушку. Но сегодия ои измеиил своим обычаям: в пятиицу среди бела дия искупался в иочвах — деревяииом корыте н уже заодно вымыл Весту. Купая, он с ней беседовал:

— Ты когда-иибудь бачила такого дурия? Все люди приходят домой скрозь калитку, а ои через забор. Это раз. Второе: все люди сперва стирают — потом выкручивают. А ои с себя все сиял, выкрутил — потом уже выстирал. И повесил сушить не на солнышке, как все люди, а в темном сарайчике. Такой дурень... Хотя и не дурее за другнх людей. Человек прыгнул в море — оии н стреляют в море. А зачем человеку плыть в море, когда ои может плыть до берега? Глупо и ие умио. Что, нельзя подиыриуть под диище и выныриуть под мостками? Воио же не пароход, что под него ие поднырнешь. Воно такое же корыто, как это, только заместо собаки в ием дизель стоит.— Гарбузенко задумался.— Слухай! А что, если в случае чего мы скажем, что я ремоитировал дизель? Га? Я ж таки правда ремонтировал дизель на «Джалите», когда оии пришли... А что я еще там делал, кого иитересует? Да-а... но почему тогда прыгнул в море, если только ремонтировал дизель? Что бы ты ответила на такой вопрос, если бы тебя спросили? Измазался в мазуте — хотел помыться?..

Может, Веста и нашла бы что ответить, если бы ее спросили, ио странный посторонний звук прервал монолог Гарбузенко. Это было кваканье автомобильиого клаксоиа. Поспешио вытерев руки, Гарбузеико стащил с вешалки парадный бушлат, оставшийся еще от морской службы, мичмаику и выскочил на улицу.

У дувала, под гарбузенковской вывеской, стоял открытый автомобиль с красными кожаиыми сиденьями, иикелированными фарами, откинутым гармошкой верхом. Местиая пацанва густо облепила авто.

На грушу клаксона жал офицер в кожаиом реглаие. На флотской фуражке красовались автомобильные очки.

— Вы ие тот, за кого себя выдаете, Гарбузеико, вы не механик,— офицер вышел из машнны и рукой в огромной перчатке приподиял капот.— Это, по-вашему, ремонт?

Пацаива, открыв рты, разглядывала автомобильные внутренности.

— Киш! — прикрикнул Гарбузенко.— Сараича! — захлопнул капот н сел в машину вслед за офнцером.— Дайте газ. Проверим клапаиа.

Машииа поехала, пацаны побежали сзадн, ио скоро отстали...

— Так кто кого поймал, Вильям Владимнрович? — улыбиулся Гарбузеико.— Может, я нарочио того-сего ие докручнваю, чтоб вы приезжали.

— Получается: я, офицер морской коитрразведкн, у вас на побегушках?

— Не у меия, а у своего автомобнля... По-моему, стучит во втором и третьем цнлнндре...

Автомобиль выехал иа набережную, стал пробираться средн телег с военными грузами, пугая клаксоном лошадей. О чем еще говорил Гарбузеико, расслышать в уличиом шуме и грохоте было невозможио. Но чем больше ои говорил, тем больше мрачиел его собеседник.

ДОПРОС

Автомобнль остановился у особняка в стнле провиициального модерна.

— Займитесь клапаиамн,— сказал старший лейтенант,— а я поговорю с Гуровым.

Гарбузенко откинул капот, стал копаться в моторе, а старший лейтеиаит прошел в кабиecon Гурова, громадный, с модериымн окнамн разной величины и формы. Посреди кабиета иа паркетиом полу с вннградиым орнаментом стояла кухонная табуретка. На табуретке сидел грек, господин Михалокопулос.

— А-а, Дубцов! — обрадовался Гуров.— Ты-то мие и иужен. Ты ведь еще в восемиадцатом году служил в морской коитрразведке. Ну-ка взгляии. Узнаешь? Выдает себя за грека. Присмотрись. Хорошо, что я еще ие успел разбить ему морду.

— Вы будете нзвиияться перед турецкий коисул! — возмутнлся грек.

— А-а! Он турок!

— Ои такой же турок, как и грек! Французскнй матрос —

вот он кто! В восемнадцатом был арестован вами же, морской контрразведкой, в Одессе за большевистскую агитацию на французском транспорте.

— Не помню, чтобы мы арестовывали французов из экспедиционного корпуса.

— Да какой он француз?!

— Уже и не француз?

— Он болгарин!

— Еще и болгарин?

— Среди матросов французского транспорта были болгары, тебе ли не знать. И этот — болгарин, без дураков, натуральный.— Гуров усадил Дубцова на диван, такой же громадный, как все в этой комнате, и уселся рядом.— Поздравь меня, Виля, я жар-птицу поймал. Это Райко Христов — болгарский коммунист, моряк по профессии. Большевики его используют как связного между бюро Коминтерна в Константинополе и Крымревкомом.

Грек схватился за голову и закачался на табурете:

— Если вы не доверяете документы, спросите турецкий консул!

— Как раз документам я и доверяю,— Гуров повернулся к Дубцову.— С последним рейсом «Спинозы» приезжал один человек из Константинополя — там видели Райко Христова с документами на имя грека Михалокопулоса,— Гуров наклонился к арестованному.— Эти документы ваш смертный приговор! — Гуров снова подсел к арестованному.— Поэтому буду с вами откровенен, мертвые ведь умеют хранить секреты: у нас в контрразведке пытают зверски. Так что уж лучше не тянуть с ответами. Кто прятался в трюме «Джалиты», когда мы пришли с обыском?

Дубцов встал с дивана. Настроение у него было препаршивое.

— До чего вы мне надоели... оба,— сказал он.— Никакой он не болгарин, не грек, не француз, а самый элементарный русский.

Гуров обиделся:

— Ну знаешь, Виля... Чтобы так говорить, надо...

— Уметь читать. На нем написано.— Дубцов шагнул к арестованному.— Руки! Руки на стол!

На каждом пальце растопыренной пятерни можно было различить старую татуировку — шалость детских лет, крохотные зеленые буковки: «г», «р», «и», «ш», «а».

— Гриша,— прочитал Гуров.

— Гриша,— повторил Дубцов,— а не Ксенофонт и не Райко.

ГРИША

Итак, это был Гриша. Второй член экипажа «Джалиты» Гриша-моторист. Разоблачение пришлось ему как раз кстати, под видом грека его вполне могли поставить к стенке в белой контрразведке. Теперь он честно рассказывал, как нанялся к греку в мотористы.

— А где тот болгарин? — Гуров так и впился глазами в Гришу.— Где болгарин, который выдавал себя за грека? Это он прыгнул за борт?..

— Не знаю, грек он или болгарин, но только он вообще не дотянул до Крыма — в бора погиб. Под это время, вот господин старший лейтенант не даст соврать, бора срывается с гор.

Гуров посмотрел на Дубцова,— он никогда не видел его таким мрачным.

— Да,— процедил Дубцов,— были сводки, в районе Туапсе — Новороссийск свирепствовал северо-восточный ветер.

— Кабы не дизель, мы бы оба потонули,— продолжал Гриша.— Вы же видели, на «Джалите» дизель-мотор стоит. А погиб он из-за того же дизеля. Форсунка засорилась, я бросился прочищать, но не дополз и до люка — шарахнуло волной о фальшборт.— Гриша снял феску грека, показал ссадину на затылке.— Вот он и сунулся сам в трюм. Но он же не моторист. Поднял фланец с двигателя, а оттуда так и хлынуло — пары отработанного мазута скопились под фланцем. Я оклемался — нет его. Полез в трюм, а он уже все — надышался.

— Отравление парами бензола,— сказал Дубцов после долгой паузы.— Случай на флоте не единичный.

— А зачем ты переоделся греком?

— Так ведь сам просил. Еще на траверсе Мысхака, как сорвался бора — договорились, если из нас двоих я один дотяну до Крыма, должен взять его бумаги и разный там шурум-бурум из сундучка: феску, запонки... Иначе, он сказал, вся коммерция прогорит...

— И куда пойти? С кем встретиться?

— Он сказал, ко мне сами подойдут, если признают за грека.

— По-твоему, один грек на всем Черном море?

— А запонки? Он сказал, таких запонок других нет.

— Ну-ка, отстегни.

Гриша отстегнул и положил на зеленое сукно стола рубиновые якорьки.

— Значит, это пароль? Интересно. Ну и что ты должен был передать?

— Только, что «Спиноза» не вышел в рейс. В Константинополе на приколе стоит, котлы холодные. Капитана под суд отдали за то, что «Спиноза» из Крыма в Константинополь пришел без груза.

— Хватит! — Гуров вскочил.— Ври да не завирайся!
— Пусть говорит,— впервые за все время допроса Дубцов заинтересовался.— Что значит — без груза?
— Ну не вообще, а без продовольствия с военных складов: ни муки, ни сахара, ни масло-какао. Он сказал: если продукты остались в Крыму, с ними тут можно делать коммерцию. А от коммерции кто откажется?..
Дубцов бросил на Гурова вопросительный взгляд.
— Да ну-у... Это какая-то панама, Виля,— пожал плечами Гуров.
— Но «Спинозы» действительно нет.
— Скорей всего, его задержали коммунисты. Их там полно в Константинополе: и турки, и греки, и французы, и болгары. По всему свету звонят в газетах, что мы у детей вырываем последний кусок из глотки.
Гриша на минуту забыл, что его допрашивают, так его заинтересовал этот разговор.
— Ты нам не нужен,— вдруг сказал Гуров Грише.— Тебя под видом коммерции втравили в политику. Назови человека, который прятался в трюме «Джалиты», когда мы пришли, и я даю тебе слово дворянина...
— Не знаю. Я сам только перед этим пришел. Может, он и от меня прятался. Поищите в бухте.
— Мы всю бухту обшарили. Господин Дубцов даже баркас нам выделил с водолазом, но утопленник куда-то смылся.
— Я тем более не водолаз.
— Это исправимо. Мы с тобой будем искать вместе: мы — в городе, а ты — на рифах.
— Как это?..
— Ну, рифы видел? Камни на выходе из залива.
— Знаю.
— Вот на этих камнях и посидишь, пока не вспомнишь.
На лбу у Гриши выступил пот:
— Да вы что, господин офицер?! Может, шутите? Не лето... Сами знаете, какая на рифы накатывает волна. Меня там накроет с головой.
— Вот ты и будешь... водолаз! Если не вспомнишь.
Гуров поймал плюшевого чертика, который свисал с потолка на шелковом шнуре, и дернул. Звякнул звонок — вошел однорукий.
Когда Гришу провели мимо Дубцова, офицер прочитал в его взгляде целый монолог: «Как вам не совестно, господин старший лейтенант, носить флотский мундир после этого? Вы же все знаете про эти рифы!»
Дубцов отвернулся к окну. Там, внизу, Гарбузенко копался в моторе. Расстегивая на ходу кобуру, Дубцов выбежал из кабинета.

Гарбузенко уже закрывал капот.

— Вот что, Гарбузенко,— сказал Дубцов, вынимая из кобуры браунинг,— придется мне вас арестовать. Гришу повезли на рифы. Там из него все равно вытянут, кто гостил на «Джалите»... Ну, что вы на меня смотрите? Так будет лучше для вас и для Гриши тоже.

«ГАРБУЗОВЫ РОДИЧИ»

Сдав Гарбузенко под расписку дежурному офицеру, Дубцов уехал и вернулся к Гурову через полчаса. За это время в вестибюле контрразведки построился взвод солдат в походном снаряжении: шинели в скатку и вещмешки за плечами.

— Совсем оголили контрразведку,— пожаловался старшему лейтенанту дежурный офицер с черепом на рукаве.— На фронт гонят. Видно, плохи дела на Перекопе.

Дубцов, не отвечая, прошел в кабинет Гурова. В руке у него был лакированный портфель, которым Дубцов, видимо, очень дорожил: усевшись на диван, положил на колени.

Ввели Гарбузенко.

— У меня к вам вопрос, Гарбузенко,— начал Дубцов.

— У меня тоже: драндулет теперь сами будете ремонтировать?

Гуров рассмеялся:

— В России легче царя свергнуть, чем того, кто ремонтирует автомобили.

Дубцов даже не улыбнулся.

— Давайте по-деловому, Гарбузенко,— только ответы на вопросы.

— Та что я, премьер-министр? Ответы, еще и на вопросы! Это ж какую голову надо иметь?!

— Вопрос всего один: откуда вы знаете грека с «Джалиты»?

— Не знаю никакого грека.

— Он как Сократ,— сострил Гуров,— знает, что ничего не знает.

— А я и того Сократа не знаю. Он что, тоже грек?

— Представьте себе, да! — расхохотался Гуров.— Как раз Сократ грек настоящий!

— Что-то мне сегодня везет на греков.

Дубцов резко прервал этот никчемный разговор:

— Вы большевистские газеты читаете?

Гарбузенко сразу стал серьезным, слегка побледнел.

— Вы, правда, думаете, Вильям Владимирович, что я большевик?

— Значит, я большевик! Я регулярно читаю большевистские газеты. А ротмистр Гуров — тот уж точно большевик. Он из них статейки вырезает и в альбомчик вклеивает.— Из лакированного портфеля Дубцов вынул газету, потрепанную, но аккуратно подклеенную, протянул Гурову.— В твоем архивчике позаимствовал, ты уж извини.

Гарбузенко всем туловищем повернулся к Гурову, пытаясь заглянуть в газету...

— Для вас там — ничего нового,— одернул его Дубцов.— Ограбление красного гохрана Новороссийска. Государственного хранилища! Похищены ценности, конфискованные большевиками у буржуазии. «Угро», как всегда, всех выловил, приговор, как всегда, приведен в исполнение. И только главный сукин сын, организатор и вдохновитель всего этого дела, сбежал на греческой контрабандистской лайбе с похищенными ценностями... Конфискованными у буржуазии. Кличка — Гарбуз... Бывший судовой механик.

Гуров, отложив газету, с интересом разглядывал Гарбузенко:

— А ведь верно — Гарбуз. Как я не подумал?

— Есть такое, что ли, присловье,— сказал Гарбузенко,— «Гарбузовы родичи»... Ну вроде... седьмая вода на киселе. У гарбуза много семечек, из каждой семечки, если дуже захотеть, может вырасти Гарбузенко.

— И уплыть на греческой лайбе, которая называется «Джалита»... Пошутил и хватит! — Дубцов подошел к столу и поднял салфетку, которой были прикрыты запонки грека.— Что вы скажете об этих запонках?

— Что они без мотора. Я по моторам механик, а не по запонкам.

— Чьи это запонки?!

Гарбузенко зажмурился в ожидании удара, но Дубцов только расстегнул портфель. Из портфеля он на этот раз извлек фотокарточку, по всей видимости из семейного альбома. На ней был изображен молодой Дубцов. Поясной портрет со скрещенными на груди руками.

— Посмотри на это фото, Гуров, если ты Шерлок Холмс. Внимательно!

Гуров схватил увеличительное стекло и увидел на фотографии те же запонки в виде якорьков:

— Это твои запонки?

— А то чьи же? Мне их отец подарил по случаю производства в лейтенанты. Ювелир Рутберг по заказу делал: выложил из рубинов по золоту якоря.

Гуров тщательно сквозь лупу рассмотрел запонки:

— Есть клеймо ювелира.

— Я не сомневался. Потом эти самые запонки ЧК изъяла

при обыске на моей квартире в Новороссийске, а вы, господин Гарбуз,— повернулся он к Гарбузенко,— спереть изволили из красного гохрана заодно с прочими ценностями, «конфискованными у буржуазии»!

— Та як бы я знав, господин старший лейтенант, что воно ваши запонки.

— Знал бы — соломку подстелил. А теперь нам с ротмистром Гуровым все понятно. Вы отдали запонки греку — контрабандисту Михалокопулосу, который вывез вас тогда из Новороссийска на своей «Джалите».— Дубцов повернулся к Гурову.— Так что этот грек был контрабандист самый настоящий. Он знал, что его другу Гарбузу хорошо знакомы эти запонки, потому и передал их Грише на случай, если сам погибнет в бора. Так и получилось. Увидев на Грише запонки, вы, Гарбузенко, поспешили явиться на «Джалиту», где вас чуть не застукал господин Гуров.— Дубцов дернул чертика, звякнул звонок, вошел однорукий.— Отведите в соседнюю комнату,— распорядился Дубцов.— Пусть там напишет признание.

ПРИЗНАНИЕ ГАРБУЗА

Когда однорукий возвратился в кабинет Гурова с бумагой, исписанной каракулями Гарбузенко, Дубцов еще был там. Схватив бумагу, он запер ее в свой заветный портфель.

— Теперь он у нас на крючке: за эту бумаженцию выполнит любое задание. Красные ему не простят ограбления гохрана — это он понимает.

— Ты что? Предлагаешь его выпустить?! — удивился Гуров.

— А что, солить? Ты какие получил инструкции относительно уголовного элемента? Оставить красным в наследство всю заразу, что притащилась за нами в Крым: воров, налетчиков, спекулянтов.

— К Гарбузу это не относится. Он у красных не остается.

— Почему?

— По твоей же логике так получается: если ему красные не простят...

— Логика — это у тебя. Ты у нас Шерлок Холмс. А у меня — психология. Ты был когда-нибудь у Гарбузенко дома? Видел собаку да колясочку из ивовых прутиков — все, что осталось от его детей?

— Проверял. Действительно у него жена и дети — все погибли.

— Так вот: нас с тобой, хоть мы и не воры, Россия вскоре

начнет забывать потнхонечку. А этот старый орел от разбнтого гнезда не отойдет.

Гуров запустнл пальцы в бороду н стал ходнть по кабннету.

— Ты еще скажн, отпустнть Грншу.

— А Грнша тут вообще ни при чем.

— Ну знаешь, я не Иисус Хрнстос.

— А я думал, наоборот, ты Хрнстос! Он ходнл по воде, как посуху, а ты тоже пойдешь пешком по волнам до самой Турцин?

— Не рано лн разогнался?

— Я слов на ветер не бросаю, Гуров, ты меня знаешь,— Дубцов проверил, плотно ли закрыта дверь, и склоннлся к самому уху Гурова: — Я получнл сведеиия по морскому телеграфу: наши сдали Турецкий вал н откатнлись к Ющуньским позицням. А на причале тысячн бежеицев ждут прнхода «Спннозы». Но «Спиноза» не придет — это ты, надеюсь, понял. И иам с тобой для спасеиия собственной шкуры остается только днзельный бот «Джалита» с моторнстом Гришей да механнком Гарбузенко, который должен отремоитнровать на ней двнгатель. Словом, ты как хочешь, а я не иамерен становнться к стенке в КрымЧК только лишь потому, что, по твоим непроверенным даниым, под видом грека иа «Джалнте» плыл покойннк... болгарин Хрнстов Райко, которого я, кстатн сказать, в восемнадцатом году лично уничтожнл. То есть сдал французам н получил расписку, что он расстреляи в нх плавучей тюрьме по прнговору военного суда.

— Что же ты раньше молчал?

— Хотел посмотреть, как ты ловншь коммуннстов. Поучиться,— Дубцов мягко, даже как-то нежио улыбнулся.

МОКРЫЙ ДОЖДЯ НЕ БОИТСЯ

Прнзрачнымн островамн темнеют в море рнфы. Будто сутулые циклопы сошлнсь в кружок н угрюмо плещутся среди моря. Вода колышет зелеиые юбочкн водорослей вокруг бедер велнкаиов. В морщинах скал кншнт морская жнвность: хозяйнничают крабы, погнбают медузы.

С приходом осенней штормовой погоды рнфы все чаще н чаще иакрывает волна.

Грнша сидит на уступе рифа. Его ногн связаны, руки прнмотаиы к туловищу телефонным проводом. Провод пропущен сквозь кольцо, вмурованное в скалу. Моргая воспаленными веками, Грнша смотрнт на море, откуда неумолнмо надвигается холодная водяиая стена. На то, что штормнть не будет, надежды нет. Морю все равно, на кого работать, море не разбнрает:

красиый — белый нлн вообще нн прн чем. Сколько людей контрразведка уже возила на этн рнфы. Не хочешь закладывать себя н другнх — сндн жди, пока сомкнется над головой морская гладь. Время тебе дается на размышления.

А о чем тут размышлять? Выдать Гарбузенко? Сказать, что это он прятался иа «Джалнте», когда пршел Гуров? Ведь так оно н было: Гарбузенко явился на «Джалиту», потому что ему, а не кому-то другому, грек вез сведеиня об исчезнувшем продовольствин... Но тогда вместо Гриши здесь будет сидеть Гарбузенко, связаниый телефоным проводом. Спасти свою шкуру — утопить другого? Как потом жить? И как смотреть в глаза одной жеищнне? Грнша даже наедние с собой боялся назвать ее по нмеии. Кто он этой жеищине н кто она ему? Такие жеищнны только в кннжках бывают. И только мужчины нз кнвг — чнстые, честиые, образованные н в белых костюмах — имеют право глядеть нм в глаза, а не те, кто, со страху обмаравшнсь, закладывают других...

Первая волиа, навалившись, пржала Гришу к камиям н откатилась... Стало нестерпимо холодно, иоги — как не свои. А кто, собственно, такой Гарбузенко? Почему его надо жалеть? Оин с греком Михалокопулосом задумали разыскать спрятанное продовольствие со «Спинозы». Для чего? Для своей коммерцнн. А рядом голодают дети. Дети, которые посчнталн крупннки сахара н даже ему, Грнше, выделнлн порцню. Как Олюия сказала: «Это дяде». Нет уж! Пусть Гарбузенко сндит на рифах. Это его место!

Под ударами волн Грнша нзвивался на камиях, пытаясь перетереть провод, которым был связан. Где же они, подручные ротмнстра Гурова? Может, н не думают прнезжать за Грншей? Может, нм вообще не до него? Да мало ли на их совести загубленных людей? Однм больше, однм меньше. А у него, у Грнши, жизнь одна. Но какое нм дело до его жнзин? Кто такой Грнша, чтобы его беречь больше, чем других? «Заплюйвокзал». Да, было время, когда прнлнпло к нему это прозвнще: Грння Заплюйвокзал. Мало кто знал его иастоящую фамнлню. Заплюйвокзал, да и только! А почему нменио Заплюйвокзал, тоже уже никто не помннл. Кроме Гриши. Самое чнстое место в городе — вокзал. Туда гулять ходнлн, как иа бульвар, кавалеры с барышнямн. Дежурный в белоснежном кнтеле и красной шапке звоннл в надраеиный медный колокол: «Господа, поезд отправляется!» Вот Грнша и взялся на спор перед всем городом, на глазах станцноииого жаидарма н иачальннка станцин посреди перрона... плюнуть. И плюнул.

— Тьфу! — Гриша выплевывал залнвавшую рот соленую воду.— Тьфу!

Вот это и был, Грння, твой первый н последннй подвиг. Теперь уж ясио, что иичего лучше этого тебе уже в жнзни не

совершить. Жизии-то осталось от силы полчаса. Что можио сделать за полчаса жизни?

Волиа накрыла его с головой и ие спешила откатываться. Неужели так и остаться в зелеиой могиле, как муха в бутылочиом стекле?.. Но в глаза виовь глянуло иебо. Только невыиосимый холод сковал тело. Нет! За полчаса еще миогое можио сделать: предать человека и умереть предателем или ие предать и умереть человеком. Кто бы ии был Гарбузенко: коитрабандист, спекуляит, иалетчик,— ио когда Гриша его спросил: «Что бы вы хотели иметь от коммерции с продовольствием?» Гарбузенко ответнл: «Только с долгами расплатиться. Покойиый профессор Забродский Стаиислав Казимирович моих малых лечил — деиег не брал ии грошика, а теперь его дочка Мария Стаииславовиа с чужими детьми мается». И Гриша не пожалел тогда, что передает ему, а ие кому-то другому, матросскую флягу-маиерку с упрятаииым в ией письмом капитаиа «Спииозы». Более того, Гриша показал Гарбузеико пустой куль из-под сахара с лиловой казеииой печатью! «У докторши детн, как галчата, голодиые, а рядом в паисионе мадам-капитаи сторож откармливает свииью»,— сказал ои.

По сути, оии, Гриша н Гарбузеико, договорились подбросить Марии Стаиславовие с детьми харчишки. Разве ие так? И зиачит, предав Гарбузеико, Гриша предает и Марию Стаиславовиу, и эту маленькую — оиа показалась ему прозрачиой — Олюию... Чем она больиа и в чем вниовата? Навериое, этого Грише ие узиать иикогда...

Волиа, которая ринулась иа рифы, была выше всех своих сестер: оиа закрыла иебо...

Вдруг где-то близко застучал мотор. Огибая рифы, шел баркас, в баркасе сидели солдаты с карабииами н одиорукий.

— Ну, иадумал? — спросил одиорукий.

Гриша ие ответил. Он даже не слышал вопроса. Вода залнла уши, и в ушах пело море.

Солдаты стали втаскнвать Гришу иа борт баркаса. Вахмистр обиажил шашку...

«Нет уж, лучше море,— подумал Гриша, когда металл клиика косиулся тела,— родией как-то...» — И потерял сознаиие...

Вахмистр шашкой перерезал провод, которым был обмотаи Гриша.

— Везучий пареиь,— сказал однорукий.— Если ие сдохнет, будет жить.

Гриша очиулся, когда солдаты, вытащив его нз баркаса, швыриули иа палубу «Джалиты». Ои ие увндел в море рифов. На этом месте плясали волны — шторм вовсю разыгрался, и призрачиые острова исчезли...

Одиорукий оставил иа «Джалите» часового. Поглядев, как

Гриша ползает по палубе, раскорячась подобно крабу, часовой беспечно уселся у фальшборта в обнимку с карабином. Руки «для сугреву» он спрятал в рукава.

А Гриша, цепляясь за принайтованные детали оснастки, заполз в жилую рубку, где сразу задвигался живей, отыскал свой разграбленный сундучок: все вещи переворошили при обыске, но, слава богу, не изъяли то, что искал Гриша,— клеенчатый водонепроницаемый кисет...

Часовой стерег лишь тот борт «Джалиты», что примыкал к мосткам. Он не мог себе представить, что Грише еще не надоело купаться. Да Гриша и сам бы не поверил, что у него хватит на это духу. Но вдруг он вспомнил старую уличную погудку «Мокрый дождя не боится», и на мгновение ему стало даже смешно.

Часовой чиркнул спичкой, укрыл пламя от ветра в лодочке из ладоней и стал прикуривать. В этот момент он видел только уютно освещенную лодочку ладоней, огонек, кончик цигарки, ощущал тепло и вкус махорочного дымка, а Гриша, преодолевая дрожь, сполз в ледяную воду с противоположного борта...

УТОПЛЕННИК

День этот был ветреный, но солнечный. Мария Станиславовна вывела детей на прогулку. В санатории оставался только Коля. Тот самый паренек, с лицом, тронутым оспой, которого чуть не свергли при «сахарном» бунте. Коля оставался за всех: и за сторожа, и за дворника, и за посудомойку. Зато остальные могли гулять. Они шли вдоль моря по мелкой гальке пляжа. Шли чинно парами, держась за руки. У всех шеи бережно закутаны кашне.

— Не надо спешить,— говорила Мария Станиславовна,— дышите ровно. Сережа, не подходи близко к морю — ноги зальет. Олюня, дыши только носом. Сережа! Я тебя в другой раз не возьму на прогулку!

От запаха моря и йода у Марии Станиславовны закружилась голова. А может, и от того, что она ограничивала себя в еде: детям не хватало. Мария Станиславовна присела на обкатанный морем камень, который откололся от большого валуна, скатившегося с горы в незапамятные времена. Теперь он лежал наполовину на пляже, наполовину в море, похожий на серого мешковатого бегемота.

Дети разбрелись по пляжу. Они искали камешки. Олюня нашла камень с дырочкой.

— Это куриный бог,— объяснил ей Сережа.— Надень на ниточку и носи на шее.

— Да,— сказал Аидрей,— курииый бог от всего помогает.

— Кроме болезнн,— возразила Олюня,— от болезин помогает только Мария Стаиславовиа.

«Если бы,— подумала Марня Стаииславовна,— еслн бы это было так».

Вдруг нз-за валуна-«бегемота» выскочила Райка, старшая девочка, ее постоянная, верная помощница. Она в волиеиии жадно хватала ртом воздух:

— Там... там...

— Не смей дышать ртом! — закрнчала Мария Станнславовна.— Ноябрь месяц!

— Там утопленннк!

Марня Стаииславовна бросилась за угол валуна.

— Я сама! Никому ие подходить!

Но все уже были там. Человек в мокрой одежде лежал под иавнсшим краем валуиа — под брюхом «бегемота», уткнувшись носом в гальку пляжа. Клочья водорослей и мелкне ракушкн запутались в его волосах.

Мария Станнславовна, присев рядом, подняла н положнла к себе на колени тяжелую руку, стала нащупывать пульс.

— Не надо,— пробормотал «утоплеииик»,— я живой.

ЧТО БЫЛО В КЛЕЕНЧАТОМ КИСЕТЕ

Гриша открыл глаза и увндел огнеииый веичик в стеклянном пузыре под белым эмалнрованным абажуром.

Лампа на сложной системе блоков и шнуров с протнвовесами проплыла в воздухе н зависла под Гришнным нзголовьем.

Гриша увидел лицо Марии Станнславовны и зажмурнлся: сверкающий диск на ее лбу ослепил его.

Металлнческой лопаточкой оиа разжала Грише рот, солнечный зайчик осветил горло.

— Скажите «а».

— А-а-а...

Марня Стаиславовиа сдвииула одеяло, обиажив Грншииу грудь с его «государственным гербом»: русалкой в кольцах удава. Она приложила стетоскоп к животу русалки:

— Дышите!

Дыхание у Гришн было мощное н чистое: как будто море перекатывает гальку пляжа.

— Не дышите!

Трубочка была деревянная, короткая. Голова Марии Станнславовны почти касалась Грншиной груди, и от этого сердце стучало округло, громко.

— Малярней болелн?

Гриша болел тропической малярией.

— Д-да...

— Ну вот: спровоцировалн приступ. Температура подскочила. Даже бредили. Но организм у вас!..— Оиа сунула Грише градусник под мышку и бережио, как археолог античиую статую, укутала Гришни выпуклый торс.— Кто же купается в ноябре?

— Кто вам сказал, что я купался?

— В волосах была тина, как у утоплениика. Еле вычесали.

— Где мои вещи?

Гриша поспешио сел, свесив иа пол голые иоги.

Мария Стаиславовиа открыла тумбочку:

— Вот. Рая все высушила, даже отгладила... Но вам еще следует лежать.

Гриша стал быстро одеваться. В кармане пиджака иащупал свой клееичатый кисет: слава богу, цел.

— Решайте, Мария Стаиславовиа, вы уходите со мной на «Джалите» или иет?

— С кем это с вами я должиа уходнть? Вы ведь ие тот, за кого себя выдавали, не грек Михалокопулос, не торгуете коралловымн островами, даже разговариваете без акцеита.

— Да уж иечего темиить. Помиите, как вы жили иа даче в Кореизе? Саидалики у вас тогда были из лосииой кожи с дырочками. Не помиите?.. И ворону ие помиите? Ручиую вороиу с перебитым крылом? Оиа клевала вам иожки сквозь дырочки, а вы слезами садик поливали... Зиачит, ие помиите меия? Гришей меня звали. Гришуией, Гриией, Грицком. Из-за палисадиичка бросал в ворону палку.

— Вороиу вспомиила. Ужасиая птица.

— А меия забыли, зиачит? Где уж тут запомиить! Ваш папаша профессор и геиерал, а я был рыбацкий хлопец. Ходил босой, бычков к вам иосил продавать вялеиых.

— С тех пор, зиачит, н пристрастилнсь к коммерции?

— Коммерции? — Гриша ие сразу понял.— А-а... Так то грек был коммерсаит, а ие я.

— А кто нам достал сахар? Сразу целый мешок! Дети забыть не могут. У вас это как в цирке получилось: фокус-покус!

Грнша иевесело усмехиулся:

— Такой коммерции меия жизнь иаучила, Мария Станнславовиа. Она еще и не тому научит. А вообще какой я коммерсаит? Я матрос. Был русским моряком. Плавал на пароходах русского торгового флота. А где оии теперь, пароходы?.. Где «Добрфлот»? Где Чериоморо-Балтийское пароходство? Где су-

да частных фирм? «Мишурес и сыновья» из Одессы — и те обмишурились. Последний их пароход «Спиноза» в Константинополе к стенке присох. Белые угнали русские пароходы за границу. А экипажи заблудились в иностранных портах, и я с ними. Все, что нам осталось от России,— «Русское каботажное бюро» с конторами в Ливерпуле и Константинополе, биржа морских извозчиков «кому, что, куда».

— А почему бы вам не вернуться в Россию?

— Кем я тут буду без флота? «Матрос с разбитого корабля»? Такая дразнилка была у пацанов, если помните. Кому я здесь нужен, когда голод и холод, тиф и война?

— Я вот, женщина, прожила здесь самое трудное время, а вы — мужчина, моряк.

Гриша смотрел в сторону. Он явно что-то не договаривал.

— Ну ладно,— сказал он наконец.— Я моряк. А знаете, что для моряка в жизни главное? Думаете, море?

— Берег.

— Нет. Кто на берегу! Вот я и выдумал себе такую сказку, вроде у меня есть кто-то на берегу.

Гриша развязал свой клеенчатый кисет и вынул фотографию, наклеенную на картон с выдавленной виньеточной надписью: «Фотоателье Коржъ. Крымъ. Судакъ».

Мария Станиславовна сразу узнала себя.

— Это я! В год выпуска из гимназии.

— Да. Фотограф вашу карточку выставил в витрине, а я, извиняюсь, стибрил. Вы меня в ту пору вплотную не видели: вас тогда разные умники с книжками окружали, как забор. А я издали поглядывал: ну такая красивая, что смотреть больно, как на солнце. И не смотрел бы,— вдруг добавил Гриша с какой-то совсем новой интонацией,— но почему-то мне вас и сейчас как-то... ну жалко, будто вас до сих пор клюет ворона.

— Так оно и есть,— сказала она тихо.— Я долго не могла... стать взрослой, что ли, все мне казалось, кто-то подойдет и ударит, если рядом не будет папы.

— То-то и оно. Я как прочитал в газете в Трапезунде, что вы теперь одна остались, так и понял: самой ей не выехать — затрут. А я возьму да и отвезу голубку к теплым морям. В России ей сейчас не выжить: красные не больно жалуют генеральских дочек. Вот я и нанялся к греку мотористом. Он рассчитывал взять из Крыма пассажира, вот бы и взял пассажирку.

— А что пассажирка не согласится, вы подумали?

— Только об этом и думал, можно сказать, всю жизнь: ни за что не согласитесь. Кто я? Матрос! А сейчас должны согласиться. Революция! Революция всех сравняла. Вы — жен-

щииа, я — матрос, матросу нужеи кто-то на берегу, н вам надо к кому-то прншвартоваться.

Страино, ио даже это словечко, с которым матросы иа бульваре знакомилнсь с модисткамн: «Разрешите к вам пришвартоваться», ие показалось Марии ин смешиым, нн грубым. А что? И «прншвартовалась» бы. Ведь все так тревожно: все бегут куда-то к морю. И вдруг из-за палнсадинка выходит Грнша и бросает в ворону палку...

А вслух Мария сказала:

— Так сложнлась жизиь, Грнша, что между нами ннчего ие может быть...

Грнша ожндал это услышать.

— Потому что я матрос,— сказал ои.— Ясио!

Марни стало обндио за иего.

— Зачем вы так? Что тут стыдиого? Меня выияичнл матрос — папин вестовой. Я родилась, когда папа был корабельным доктором, н выросла среди моряков. Вы моряк! Вот вы кто! И не надо уннжаться перед генеральскнми дочкамн, Грнша. Когда в мнре — мнр, а в доме — отец, мы млеем перед ннтеллектуалами. Пока не очнемся в открытом море на обломках роднтельского дома. Вот тогда мы предпочтнаем моряков. Я говорю о мужчннах, иа которых можио опереться.

Грнша ие слушал, что она говорнт: в конце концов все это слова и слова, а он ее любит. И вся его жнзнь была бы, как стоячая вода без соли, если бы ие эта, пусть иесбыточная, мечта.

— Я бы полюбила моряка,— вдруг дошел до Грншн ее голос,— только моряка н полюбила бы.. если бы не полюбнла моряка.

— Так вы уже?..

— Да. Он тоже моряк.

Все было кончеио.

— «Он» — это совсем другое дело,— сказал Грнша.— При «Нем» мне, коиечио, нечего делать.— И направился к двери. Но уйти ие мог, инкак не мог.— А где же ои плавает, этот ваш «Он», что ие видит, как вы тут бедствуете?..

— Еще ие хватало, чтоб я к иему обращалась с просьбамн!

— Ко мне вы тоже не обращались.

— Но ои даже не зиает, как я к иему отиошусь. И радн бога, я вас умоляю, ии словом, ни намеком ие проговоритесь ему! Этот человек — просто друг. Ои мие только друг, вы поннмаете?!

— «Ои» здесь?

— В том-то н дело! Вдруг ии с того ии с сего приехал!

Мария Стаииславовиа раздернула шторы. Окио амбулаторни выходнло во двор. Во дворе санаторня стоял автомобнль

Дубцова. Дети, онемев от восторга, разглядывали ннкелнрованное чудо.

— Сейчас я вас ему представлю,— сказала Марня.— Где же вы?

Грнша нсчез. Марня беспомощно оглядывалась по сторонам: его нигде не было.

МОЖЕТ ЛИ МУЖЧИНА БЫТЬ СЕСТРОЙ?

Старшнй лейтенант Дубцов в полной форме — фуражка с белым верхом, китель с золотымн шевронамн на рукавах н наградиой кортнк с темлячком иа аниенской ленте — стаскивал с заднего сндеиья автомобиля коробкн конфет н корзины с фруктами.

— Помоги-ка, дружок,— подозвал он Колю и подал картонную коробку.

Коля донес коробку до крыльца, швыриул в сердцах на ступенькн н ушел в аллею.

Там его догнала Райка:

— Зачем ты какао броснл?

— Не надо мие вашей какавы.

Коля даже ие замедлил шаг.

— Почему нашей? Ну почему?

Коля остановнлся:

— А ты спросн офнцера, кому он этн сластн привез — сыиу машинниста нли виучке статского советннка?

— Ах вот как ты думаешь?

— Как все!

— Значит, когда красные прндут, тебя будут шоколадом кормнть, а меня отсюда вообще выгонят! Да? Ну, что молчишь? Я буржуйка? А то, что я ногн малышне мою, н горшкн за ннмн выношу, н ем вдвое меньше тебя, не счнтается. Да?

Коля, насупившнсь, молча ковырял носком ботинка ракушечинк аллеи.

Вдруг что-то зашуршало в кустах. Райка вздрогиула:

— Ой!

— Не бойтесь, пацанята,— прошептал чей-то голос.— Это я.— Из-за кустов вышел Гриша. Он только что благополучно вылез нз окиа амбулаторин, где поначалу спрятался за шторамн, и теперь держал путь к забору, чтобы исчезнуть навсегда.

— Куда вы? — спроснла Рая.— Обратио в Турцню?

— Может, и в Турцню.

— Да он не турок,— сказал Коля.

— Значит, в Грецию.

— И не грек. Теперь уже ясно — русский, и никуда не поедет.

— Нет уж, пацанята. Отдаю кормовой.

Коля насупился.

— Значит, вы из этих... из буржуев, раз тикаете от революции.

— Это я-то из буржуев?

— Ну уж не из трудящих. Все трудящие себе счастье добывают, а вы тикаете.

Гриша невесело усмехнулся:

— «Трудящие»... А кто знает, что оно такое счастье и с чего его едят?

— У дедушки был толковый словарь,— сказала Рая.— Там написано: «Счастье, счастья, множественного числа нет. Ощущение полноты жизни».

— Как? — Гриша заинтересовался.— Так и написано?

— «Ощущение полноты жизни».

— Нет! Что множественного числа нет — написано?

— Написано.

— Я так и думал: множественного числа нет. Больше, чем на двоих, не выдается. Третий — уже лишний.— Гриша посмотрел на Колю.— А говоришь «трудящие». Я, хлопчик, сам по себе, где хочу, там и живу. Могу вообще себе устроить отдельное царство-государство. Назову его, скажем, Гришия. Меня Гришей звать.

— Лучше Гришландия,— посоветовала Рая.

— Так еще красивше,— согласился Гриша.— Островок с банановым садочком посередке океана я уже приглядел. Так что, территория будет. Население? Хотел там одну барышню поселить...— Гриша бросил грустный взгляд в сторону дома, из которого ему пришлось постыдно бежать.— Ну да ладно. Чем нас меньше, тем у нас меньше забот — армии не надо, если населения всего один человек и тот уклоняется от службы в армии. Полиция тоже ни к чему — у нас не воруют, только перекладывают из кармана в карман. И революции устраивать некому: когда человек один, кому он мешает? Никому от него ни холодно, ни жарко,— Гриша безнадежно махнул рукой.— Прощайте, трудящие, дай вам бог счастья.

Он направился к забору санатория, но Рая схватила его за рукав:

— Возьмите меня с собой,— заговорила она сквозь слезы.— Я вам буду еду готовить и белье стирать. Я всему научилась в санатории — мне за няньку приходится быть при малышах. Возьмите, пожалуйста! Все равно он говорит, меня при красных из санатория выгонят, потому что дедушка мой — статский советник. Возьмите, если у вас там не сыро. При сырости мне совсем нельзя жить.

— Ну... ну... Зачем же сырость разводнть, еслн нельзя? Давай вытрем.— Гриша руками размазал слезы по ее лицу н сказал грустио: — Нет у меия там сыростн. Ничего у меия там иет.— И посмотрел иа Колю, ища сочувствия.

— Все равио вы буржуи,— сказал Коля,— и паразиты! Райка первая. Оиа ему будет готовить и стирать! Слыхали? А у докторши вон сколько ртов голодных! Олюие совсем худо стало. Лежит в изоляторе. Даже бредит и то едой: «Упу иадо! Упу иадо!» Это оиа супу просит,— Коля круто развернулся н пошел к дому.— Крупу добывать иадо, а не с вами разговаривать!

Гриша очеиь хорошо понял Колю, лучше чем Коля — его, потому что Коля ии разу ие был в Гришииой шкуре, а Грнша в Колнной не раз уже побывал.

— Чудак,— сказал он Коле.— Ну где ты крупы достаиешь? Украдешь с воза иа дороге — так коивойиый тебя пристрелит, того и жди!

Коля, ие оборачиваясь, уходил по аллее. Гриша поймал его за полу курточки:

— Ну постой... Ну пойми ты, иакоиец: кто я такой вашей докторше, чтобы в ее доме оставаться?

Коля посмотрел иа иего с презреиием.

— Был бы я взрослый, вот как вы, жеиился бы иа Марии Станиславовне.

— Вообще это мысль. Но пришла ие в ту голову.

-- Вы думаете, оиа иа вас ие позавидует?..

Рая даже испугалась:

— Не слушайте его — он дурак!

— Ну, зиачит, будете сестрой,— решил, иакоиец, Коля.

— Может, братом?

— Я вам дело говорю: сестрой-хозяйкой. При больиых легких надо досыта есть — это вам каждый скажет. А с такой сестрой-хозяйкой, как вы, мы бы каждый деиь ели от пуза. Жри — ие хочу! Думаете, забылн, как вы сахар принесли?

Гриша в этот момент охотио бы сгреб в охапку и пацана, и дивчину, прижал бы их голова к голове иа своей груднн и утешил: «Ладио, ие горюйте, пацаията. Где иашелся сахар — найдется и крупа». Но вместо этого он схватил Колю за лацкаиы курточкн из чертовой кожн н тряхнул так, что швы затрещали.

— Если ты, сепельдявка, будешь девочек обижать, близко ко мие не подходи иикогда больше! Понял?!

Коля был счастлив.

«МЫ С ВАМИ ПРОЩАЕМСЯ НАВСЕГДА»

— Я натуральная свинья,— говорил старший лейтенант Дубцов, сидя в плетеном кресле на веранде санатория.— Уже почти месяц в этом городишке, видел вас мельком, но ни разу не заехал, не поинтересовался, как, на какие средства вы живете.

— Я не обижалась,— успокаивала его Мария Станиславовна,— знала, что вы не можете сюда приезжать. Вам вовсе незачем пятнать свой белый мундир предосудительными связями.

— Не понял... Что вы называете «предосудительными связями»? Я никогда не скрывал, что обязан жизнью вашему папе: сам был вот таким же тщедушным мальчиком в белой панамке, как эти зеленые гороховые стручки, что и сейчас слоняются по двору санатория.

— Значит, вы не знаете, что я на подозрении у контрразведки?

— Вы? Это становится интересным! — Дубцов поплотнее устроился в кресле.— Рассказывайте, Маша, что здесь произошло?

— Ротмистр Гуров потребовал истории болезни. Ему надо было знать, кто чей ребенок и при какой власти поступил. Я отказала: для меня нет детей красных или белых — только больные и здоровые.

— Вы правы. Мы с детьми не воюем.

— Гуров сказал то же самое: «Мы с детьми не воюем». Но если придут красные,— сказал он,— они мигом выявят детей офицеров, дворян и в лучшем случае выгонят из санатория, а в худшем — будут ловить на этот крючок их родителей, чтобы расправиться с ними, как с врагами Советской власти.

— И вы показали ему истории болезни.

— Нет. Я не верю Гурову. Большевики, при том, что они забрали у папы санаторий, кормили детей, снабжали медикаментами, бельем. Они последнее отдавали. Чего никак нельзя сказать о вашей власти. Вы даже, уходя, увозите все с собой. Мимо наших ворот день и ночь возят в порт продовольствие. Вы обрекаете нас на голод, милый благородный старший лейтенант.

Дубцов улыбнулся.

— Вы так и сказали Гурову?

— Кроме последних слов. Вот уж кого не назовешь благородным. В городе рассказывают такие ужасы о зверствах контрразведки... Вы слышали о рифах?

На этот вопрос Вильям Владимирович предпочел не отвечать.

— Я вас внимательно слушаю,— сказал он вместо этого.

— Ну вот... Гуров меия выслушал н сказал: «Вы большевнчка н выполняете декреты Совнаркома».

— Только н всего?

— Не смейтесь. Это действнтельио так: Советы объявнли все курорты иародным достоянием н подчнннли Отделу лечебных местностей комнссарната здравоохранения. В девятнадцатом году, прн красных, мы с папой из хозяев курорта превратнлнсь в служащнх. Нам прислали детей нз ненмущих классов. Из них тоже кое-кого не успелн забрать родителн. И возможио, эти роднтели — комиссары, ио я не намерена выдавать нх Гурову.

— Значнт, Гуров ушел несолоно хлебавшн?

— Плохо вы знаете Гурова.

— Возможно, с вашей помощью узнаю получше.

— Он действительно ушел, а назавтра прнслал своего помощника... одиорукого... с целой командой какнх-то людей в штатском, военном и полувоенном. Они переселили меня с детьми на пустующую дачу с пауками, где мы провели две ночи, пока онн устраивалн здесь обыск.

— И все-таки нзъяли истории болезнн.

— Они к инм даже не прикоснулись. Они вообще искалн не в доме.

— А где же?

— В погребах. Прежний владелец именння вырыл под домом большие винные погреба. Но папа купнл только половину нмеиия, вторую часть приобрел капитан, муж мадам, н погреба ее собственность. Вход в иих со стороны панснона.

Дубцов встал, прошелся по вераиде:

— Вы не хотелн бы, Маша, прокатиться на авто?

— Покатайте ребят.

— Все не поместятся. А выбнрать?.. Вы же сами говорите — оии все равны.

— Хорошо. Только до моря.

Детн смотрели с завнстью, как Марня Станиславовиа усажнвается в автомобиль. Некоторые из инх еще нн разу в жнзни не катались «иа моторе».

Автомобиль остановнлся возле каменной лестннцы, которая вела к пляжу.

Выйдя из машины, Мария Станнславовна вместе с Дубцовым спустнлась к морю.

Здесь Дубцов заговорил откровенно:

— Я не хотел бы, чтобы вы меия путали с Гуровым, Машеиька! Мы с ним занимаемся однны и тем же делом, но мы разиые люди, н не исключено, что между нами проходит линия фронта.

— Как это понять?

— Достаточно, если вы поймете: Гурову безразлично, как вы к нему относитесь, а мне — нет.

— Это не помешает вам уехать вместе с Гуровым.

На это Дубцов ничего не сказал, но Мария решила добиться ответа.

— Когда вы уезжаете, Виля, завтра, послезавтра?

— Никто не знает, что будет завтра. Пока идет война, я буду выполнять свой долг.

— Это не ответ, а отговорка. Вместо правды — красивое слово. «Долг». Папа всегда морщился от подобных выражений: «врачебный долг» и все такое прочее. «В слове «долг» есть что-то принудительное,— так он говорил.— Я лечу, потому что люблю лечить людей». Но вы же не любите убивать людей. Я знаю, не любите. Вас просто втянуло в этот кровавый водоворот. Вот именно втянуло какой-то безличной силой. Знаете, как солдаты в госпиталях говорят... Мне ведь пришлось поработать в госпитале... Они не говорят, кто их ранил. Они говорят: «ранило». Вот и вас ранило — а говорите «долг».

Они дошли до валуна-«бегемота».

— А вот и «бегемот»! — обрадовался Дубцов.— По-моему, я первый когда-то заметил, что этот камень похож на бегемота.

— Почему вы все время переводите разговор?

— Потому что это все политика, а вы, сколько я вас помню, всегда смотрели в себя: вокруг война, революция, но вам был интересен только свой внутренний мир.

— А вы уверены, что это так называется,— спросила она,— «внутренний мир»? Может, это была «внутренняя война»? Революция — в душе девочки! А вот вы как раз были пришельцем из того... внешнего мира. Каждый раз, когда вы по старой памяти нас навещали, я видела на вас не только новые звездочки или шевроны, но какое-то отражение того, что происходит там. Правда, только отражение. Это отражение меня обмануло.

— Насколько помню, я вам никогда не лгал.

— Отражение лгало. Не знаю, как это объяснить... Помните, у нас в гостиной висела картина. Морская баталия. Ночью в неподвижной воде отражаются горящие фрегаты. Тихо. Таинственно. Как свечи, тонущие в черноте рояля. Но ведь на фрегатах горели люди. Живьем! А я любовалась. Пока эти ваши войны и революции не ворвались сюда сами, без вас, без белого кителя и золотых вензелей. С гнойными ранами, газовой гангреной, тифозной горячкой и голодной пеллагрой, пожирающей истощенных детей!..

Дубцов молча поглаживал серо-зеленый бок «бегемота».

— А знаете,— сказала Мария,— здесь нашелся один человек, который предложил мне сбежать от всего этого на

коралловые острова. Он даже показывал картинку: зеркальная лагуна, белая яхта...

— Вот кто действительно лгал, как его картинка!

— А вы? Почему вы, Виля, не предлагаете мне помощь? Уж для вас-то найдется место на пароходе. Почему вы не берете меня с собой?

Наконец-то Мария поставила свой вопрос прямо, без обиняков. Дубцов не мог не ответить, но он не спешил отвечать. Некоторое время они с Марией шли молча вдоль полосы прибоя по космам гниющих водорослей. Волна беспрерывно перекатывала гальку пляжа.

— Никуда вы не уедете,— сказал Дубцов.— Я вырос в вашем доме, уж я-то знаю, если к вам забредала кошка или приблудная грязная собачонка, она меняла все планы семьи: откладывались выезды, переезды... А тем более — больные дети. Вон вы даже на автомобиле не хотели ехать без них.

Она посмотрела на него потемневшими от слез глазами:

— И сейчас не поеду на вашем автомобиле. Мы с вами прощаемся... навсегда.

И пошла вдоль моря по космам гниющих водорослей обратно в санаторий пешком.

Дубцов догонять не стал. Он посмотрел на часы и поспешил к машине.

Подъезжая к городку, он еще издали заметил над особняком, где размещалась контрразведка, столб дыма.

«Свершилось»,— подумал Дубцов и прибавил скорость. Действительно, солдаты выносили из дверей особняка папки с делами и жгли их во дворе.

Гуров в своем кабинете тоже поспешно перебирал бумаги: одни совал в портфель, другие швырял в камин, в котором тоже пылал огонь.

— Красные полностью овладели перешейками,— сообщил он Дубцову,— взяли Перекоп, Чонгар, прорвали Юшуньские позиции и наступают на Джанкой. Врангель подписал приказ отходить к портам Крыма.

ПАРОХОДЫ НАДО ВЕРНУТЬ

У ворот Феодосийского порта казачья цепь сдерживала толпу беженцев. Некоторые из них уже давно ждали погрузки и сидели на чемоданах, баулах, тюках с подушками. Закусывали разными припасами из кошелок с торчащими бутылями молока.

Какие-то господа наседали на казачьего офицера, который дежурил у пулемета, повернутого рыльцем к толпе.

— Почему вы не берете людей?

— Неслыханно! Люди ночуют на пристани.
— Чего вы ждете? Большевиков?!
Офицер с трудом их перекрикивал:
— Господа! Все уедут, господа! Но сперва — грузы.
Решетчатая ограда порта сменялась красной кирпичной стеной, над которой торчали ржавые железные буквы вывески: «Слесарные мастерские Феодосийского порта».
Внутри царило запустение, с балок потолка свешивались закопченные бороды паутины.
Один слесарь лениво водил рашпилем, извлекая из железа звук, от которого болят зубы. У других станков и верстаков никого не было: обед. Четверо сидели в закутке среди железного хлама, уминали из одного чугуна толченую картошку.
— Ты бы, Денис Петрович, туда сметанки запустил,— говорил один из них, заглядывая в чугунок,— хотя бы для конспирации.
— Ешьте, товарищ Радчук, что дают. Мы вас слушаем, товарищ Баранов!
— Решение Крымревкома,— сказал Баранов,— суда не выпускать, сорвать белым эвакуацию, а значит, и вывоз продовольствия.
— Можно песочку в золотники, а можно и масло выпустить,— посоветовал Радчук.
— Кустарщина.— Баранов взял горбушку хлеба и стал натирать ее чесноком.
Четвертый отложил ложку, достал чернильный карандаш, послюнил и что-то отметил на клочке бумаги. На его нижней губе от чернильного карандаша отпечаталась лиловая риска. Только по этой риске, пожалуй, и можно было узнать обросшего седоватой щетиной Степанова-Грузчика. Уполномоченный ВЧК по Крыму переправился позапрошлой ночью из Новороссийска на катере «Аджибей», доставившем боеприпасы и оружие партизанам для решающей схватки с белыми.
— Я вот тут отметил для резолюции,— сказал Грузчик,— русские пароходы, те, что в крымских портах, надо задержать во что бы то ни стало. (Для посторонних эта запись выглядела так: «Забрать у прачки бязевые кальсоны».) Существует декрет Советской власти о национализации торгового фло . Значит, суда наши. Почему белые адмиралы в Лондоне и в Константинополе должны торговать русскими моряками на всех морях и океанах? Пароходы надо вернуть Советской России в целости и сохранности.
— Ну и как же мы это сделаем? — спросил Радчук.
Грузчик покосился на слесаря, который водил рашпилем по железу. Баранов подошел к слесарю:
— Так не работают, а саботируют. На станке точи!
Слесарь подмигнул — понял.

Со звоном и визгом заработал станок.

— Вот теперь нас никто не услышит,— сказал Грузчик.— Сообщаю главное: по общему плану восстания мы захватываем город, а значит, и порт. Сигнал к началу восстания — взрыв артиллерийских складов на железнодорожной станции. После взрыва берем тюрьму, мастерские и порт с пароходами. А партизаны в это время захватывают Судак и перерезают белым дорогу на Феодосию. Придется им, не сворачивая к морю, катиться прямиком на Керчь.

Вбежал парнишка в замасленной спецовке:

— Петрович! До инженера.

Денис Петрович вышел вслед за парнишкой и очень скоро вернулся.

— Депеша от Гарбузенко,— сообщил он, улыбаясь.

— Как?! — удивился Баранов.— Разве он не арестован?

— Выходит, не арестован, раз у них там работает собачья почта...

Степанов-Грузчик взял Дениса Петровича под руку, как барышню, и сказал:

— Передайте, пожалуйста, по этой вашей почте — пора заняться санаториями.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Веста с корзиночкой в зубах толкнула лапами вертушку двери и вошла в шкатулочное нутро кофейни Монжоса. В кофейне было пусто, буфетчик переворачивал стулья. Взяв деньги, он положил в корзиночку пачку табака и, когда собака ушла, прошел в подсобку, где подержал кредитку над огнем, пока не выступили буквы... Прочитав, вышел во двор.

Во дворе кофейни стояла платформа ломового извозчика. Несколько парней с фабрики эфирных масел сгружали ящики с надписью: «Кофе мокко».

— Все, хлопцы,— сказал им буфетчик,— несите их в дом.

Хлопцы затащили ящики в кофейню, там распечатали. В ящиках были патроны. В этот момент за дверью, завешенной полосатой шторой, хлопнул выстрел... Один... другой...

— Ша,— сказал буфетчик,— без паники. Это всего-навсего драндулет.

По набережной, фырча и стреляя синими выхлопами, катился автомобиль Дубцова. Старший лейтенант в автомобильных очках, в кожаном реглане сидел за рулем, рядом — ротмистр Гуров. Один из парней вытащил из-под стойки ручной пулемет Гочкиса:

— Засмолить бы!

Буфетчик отвел в сторону ствол пулемета:

— Еще попадешь...
— В кого?
— В кого не надо.

Парень с удивлением оглядел улицу: кроме Дубцова и Гурова, не было видно ни одной души. Ветер гнал по булыжнику клочки бумаги, смятые папиросные пачки и прочий сор — следы поспешного бегства. А со стороны гор, подступавших к морю, уже слышалась пальба.

— Красно-зеленые,— сказал Гуров,— партизаны. Как бы не перерезали дорогу.

— Ничего, мы пройдем морем на «Джалите»,— успокоил Дубцов,— там сейчас Гарбузенко чинит мотор да твой часовой сторожит моториста Гришу.

Автомобиль скатился с горы к рыбачьей пристани. «Джалита» была на месте, но что-то в ней явно изменилось.

Ни часового, ни Гарбузенко, ни Гриши не было видно. Безжизненная «Джалита» под всеми парусами маячила у мостков.

— Сбежали, сволочи! — ругнулся Гуров.

Он занес ногу, чтобы прыгнуть на борт «Джалиты», и чуть не свалился в море — причальные канаты были обрублены. Легкий береговой ветерок относил «Джалиту» к выходу из бухты. На палубе так никто и не показался.

Автомобиль с Дубцовым и Гуровым, рыча и отплевываясь бензиновым дымом, вновь вскарабкался на гору. Отсюда открывался вид на подкову городка. Дубцов резко потянул на себя ручку тормоза.

— Смотри!

Над мавританской башенкой особняка, где прежде размещалась контрразведка, бился на ветру кумачовый флаг.

— Красные в городе? — Гуров не поверил своим глазам.— Когда они успели?

— Долго ли умеючи? Подпольщики впустили партизан,— Дубцов развернул машину и стал съезжать с горы.— Попробуем пробиться на Феодосию, авось не перережут дорогу.

...А «Джалиту» несло ветром в сторону рифов. Неуправляемое суденышко плыло боком, купая паруса. Навстречу, со стороны моря, шла рыбачья шаланда. Видно, возвращались с лова. В садках поблескивала кефаль. Дед-рыбак дремал, сидя на корме. Его внуки, совсем еще хлопчики лет двенадцати — четырнадцати, гребли и посмеивались, глядя на потухшую цигарку, вывалившуюся из раскрытого рта. Цигарка лежала на груди деда.

— Эй! На парусинке! Э-ге-ге-гей! — закричали хлопцы.— Чи е хто? Отзовись!

Никто не отзывался. Только слышно было, как по палубе парусника перекатывалось, гремя, пустое ведро.

Хлопцы растолкали деда:

— Диду! Там парусник сам собою плыве. Без матросов. Гукалы — никто не видгукнувся.

— Мабуть, пьяные?

— Ни, диду. Никого нема!

— Ну-у... Значить, то, хлопци, летючий голландець.

— А шо воно таке?

— Летючий голландець? — Дед сам затруднялся с ответом, долго лизал, заклеивая, свою цигарку.— Воно то, чего нема и не може буты, але люди бачили.

КТО ЕСТЬ КТО

— Фу, черт! — Дубцов потянул на себя ручку тормоза.— Не везет так уж не везет.— Он вышел из машины, вынул пробку радиатора — пошел пар.— Возьми там ведерко, Гуров, набери воды.

Дубцов поднял капот, приблизил ладони к разогретому мотору, прислушался к бульканью и потрескиванию в автомобильных внутренностях, а Гуров, вытащив ведро из багажного ящика, стал спускаться с дорожной насыпи в глубокую промоину, образованную ливневыми потоками, стекавшими с гор. Чтобы вода не размыла дорогу, под насыпью, на дне промоины была проложена каменная труба. Из трубы вытекала какая-то желтоватая водичка. Гуров подставил ведро. Вода затарахтела по дну.

Дубцов захлопнул капот и подошел к краю промоины. Гуров заметил, что правую руку Дубцов держит за бортом реглана.

— Что это у тебя, Виля, за наполеоновский жест?

Дубцов не ответил и руку из-за борта реглана не вынул.

— По-моему, вы не очень торопитесь, ротмистр,— сказал он хмуро.

— Прикажи воде течь быстрее.

Вода текла тонкой, как ниточка, струйкой. Ведро наполнялось почти незаметно. Но Дубцова все это вроде бы не касалось:

— А по-моему, вы нарочно хотите опоздать на пароход.

— Почему ты вдруг перешел на вы?

— Можно и на ты. Я с тобой свиней не пас. Я офицер флота, плавал юнгой, окончил школу гардемаринов, а ты хам: мараешь белое дело, терроризируешь Марию Станиславовну, интеллигентную женщину, которой ты в лакеи не годишься, скотина!

Гуров схватился за кобуру. Дубцов вынул руку из-за борта реглана. В руке был браунинг.

Вдали громыхнул взрыв, второй, третий. Затем целая серия взрывов. Дубцову почудилось, что камни под ногами дрогнули. И действительно, с дорожной насыпи скатился камешек, за ним потянулась струйка известковой пыли.

— Артиллерийские склады взорвали на станции Феодосия,— сказал Гуров.— Это конец, Виля. Понимаешь? Всё! Слышишь выстрелы? — вслед за взрывами стали раскатываться двойные винтовочные хлопки.— Офицеров вылавливают. Сюда тоже скоро прискачут и порубят нас с тобой обоих, как белых шкур! Бежать надо!

Гуров начал выбираться из промоины, на ходу расстегивая кобуру. О браунинге Дубцова он как будто забыл.

— Руки! — скомандовал Дубцов. Гуров поднял руки.— Вот теперь кругом.— Спорить с браунингом было бесполезно. Гуров покорно повернулся спиной к Дубцову.— Кобуру расстегнули, весьма любезно с вашей стороны.— Спрыгнув в промоину, Дубцов вынул револьвер из кобуры Гурова.— Вот теперь побеседуем. Сядьте... Сесть! Это допрос! — Гуров присел на край трубы, из которой вытекала вода — уже набралось полведра,— Дубцов сел напротив.— Я вас не задержу до прихода красных, Гуров. Пока наполнится ведро, окончится и суд, и дело.— Дубцов вынул из кармана реглана матросскую флягу — манерку, отвинтил крышку, выудил из фляги свернутое трубочкой письмо капитана «Спинозы» и протянул Гурову...

— Зачем вы погубили человека, Гуров? — спросил Дубцов, когда Гуров кончил читать.— Ведь вы же оформили документы о погрузке продовольствия на «Спинозу», а фактически его не погрузили. И капитан, которого обвинили в краже, пустил себе пулю в лоб.

— А если он действительно украл? Где у вас доказательства, что продовольствие осталось в Крыму?

— Допрос поручено вести мне, а не вам,— я и задаю вопросы. Каким образом к сторожу пансиона по соседству с Марией Станиславовной попал куль сахара, за который вы, Гуров, лично расписались на складе?

— Откуда у вас такие сведения?

— У морской контрразведки тоже есть свои люди, как вы понимаете...

— Ну-у... мало ли... Конвойный продал по дороге один мешок.

— Ведро наполняется, Гуров. Я залью радиатор и уеду. Но вас я тоже не оставлю красным. Так что, не стоит тянуть. Зачем вы установили слежку за климатической станцией, убрали оттуда Марию Станиславовну с детьми и двое суток вели какие-то таинственные работы в винных погребах?

— Там нет никаких погребов.

— Погреба находятся под домом. Но вход со стороны пансиона — и сторож оттуда потихонечку тащит мешки с казенными печатями. Те самые, которые вы там сложили.

— Ты меня оскорбляешь, Виля,— Гуров улыбнулся, хотя ему было не до смеха.— Я, по-твоему, не только вор, а еще и дурак: украл и закопал, как собака кость, а сам уехал за море. Что ж, я из Турции буду приторговывать этими харчишками?

Дубцов тоже усмехнулся:

— Наконец-то в вас заговорила логика. Я так и понял — никуда вы не собираетесь уезжать от этих харчишек. Вам и здесь будет неплохо. Потому что вы либо купленный предатель, либо агент ЧК.

Гуров вздрогнул не столько от этих слов, сколько от того, что вода, переполнив ведро, выплеснулась ему на ноги.

— Напрасно надеетесь,— заговорил он,— что, отделавшись от меня, вы скроете от ЧК свои собственные дела, господин Дубцов. Там, уверяю вас, известно, что вы белый палач, а не заблудший интеллигент. Достаточно одного фокуса, который вы проделали с болгарским коммунистом Райко Христовым. Эту историю я слышал только вчера из ваших уст. Сам не убил — так отдал французам на растерзание, еще и расписку получил! Иуда взял расписку на 30 серебреников! Так что, еще неизвестно, кто из нас предатель. Время покажет, кто из нас кто, господин Дубцов, кого Россия помянет добрым словом: тех, кто удирает, или тех, кто здесь остается!

Выстрел раскатился и отдался эхом в горах... Стреляли из винтовки. Один, два, три выстрела... С горы катились, дребезжа, телеги с одуревшими от гонки лошадьми. Повозочные, прыгая с телег, сбегали с дороги в кусты. Дышло передней пароконной упряжки ударило прямо в радиатор автомобиля. В облаке известковой пыли проскакал верховой казак.

— Назад! — заорал казак, поравнявшись с автомобилем.— Вороти оглобли, ваши благородия! Партизаны дорогу перерезали.— Он соскочил с коня, стал его расседлывать.— Я с-под Феодосии скачу. Там восстание! Большевики артиллерийские склады рванули, тюрьму взяли, в порт прорвались.

Казак расседлал коня, поцеловал его в ноздри и, взвалив на плечи седло, скрылся в зарослях можжевельника. Выстрелы участились, застучал пулемет, ухнули разрывы гранат...

Мария Станиславовна обходила кровати в палате девочек, собирала градусники и ставила в стакан с розовой сулемой. Стакан с пучком тонких градусников стоял на стеклянном столике, столик дрожал, и градусники звенели.

— Стреляют,— прошептала Олюня, когда Мария Станиславовна подошла к ее кроватке,— я боюсь.

— Не бойся, Олюня,— успокоила Мария,— это далеко.

Но это было очень близко. Мария разделила надвое челочку, мешавшую девочке смотреть, и вышла на крыльцо. Бой шел, казалось, совсем рядом, на дороге. Даже в санаторном парке появились какие-то люди, со стороны арки слышался нарастающий топот. «Красные,— подумала Мария.— Это значит, Дубцов уже далеко». Уронив голову на каменные перила, она заплакала. А топот ног в санаторном парке тем временем приближался. Когда она подняла голову и отвела рукой волосы, прилипшие к мокрым щекам,— она увидела в глубине аллеи Дубцова и Гурова... Мундиры на них были истерзаны: погоны, шевроны вырваны «с мясом».

— Ничего не спрашивайте,— прохрипел Дубцов.— Спрячьте нас.

СЕСТРА-ХОЗЯЙКА ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ

Над морем в осенней дымке вставало солнце. Розовые блики заплясали на окнах просыпающегося города. Выйдя из хозяйственного флигелька, где он пристроился на ночлег, Гриша взглянул на море — бесконечная водяная стена отгораживала, казалось, землю от неба. По этой стене еще вчера проползали пароходы. Но сегодня что-то было не так: горизонт был пуст. Дымы броненосцев Антанты уже не подпирали небо.

Гриша перевел взгляд на город. Утренний бриз развернул флажок над мавританской башенкой. Флаг был ярко-алый. «Все,— подумал Гриша,— белым в Крыму делать нечего. Вряд ли остался хоть один. Можно гулять свободно».

Скрип ракушечника в аллее заставил Гришу отпрянуть. Со стороны летней кухни к санаторию шел мужчина в гражданском пальто и шляпе. Гриша не сразу разглядел его лицо, но... манера держаться! «Офицер! И не сухопутный: те будто швабру проглотили, а этот движется вольно, как оперенная парусами мачта при попутном ветре. Дубцов! Не удрал, сволочь! Неужели не понимает, что красным и пять раз его поставить к стенке будет мало?! Не может не понимать.— Гриша стал рассовывать по карманам свое немудреное имущество.— Прощайте, Мария Станиславовна! Видать, и вправду любит вас ваш «Он», если рискнул жизнью — остался с вами...»

— Дядь Гриша!

Гриша обернулся. Со стороны санаторного корпуса к нему бежал Коля. «Его еще не хватало. Попробуй теперь уйти по-английски, не попрощавшись».

— Ну что тебе?

— Что сегодня на завтрак готовить? Совсем ничего нет.

«Спроси у другого дяди,— хотел бы сказать Гриша,— у

Дубцова Вильяма Владимировича». Но сказал он другое:

— Что-нибудь придумаем,— и повернул... к ограде пансиона мадам-капитан.

А Коля пошел будить Раю, что-то она сегодня заспалась. Но Рая не спала. Она лежала, уткнувшись лицом в подушку, и наволочка была мокрой от слез.

— С чего бы я ревел,— сказал Коля,— наши уже в городе! Сам видел флаг!

Она как будто не слышала. Коля постоял, постоял и дернул за плечо, стараясь оторвать ее голову от подушки.

— Ну, может, тебя не выгонят. Подумаешь, дедушка статский советник. Он же не офицер, а библиотекарь, с книжками воевал.

— Не библиотекарь, а ученый библиограф — смотритель университетской библиотеки.

— Ничего,— успокоил Коля,— заработает прощение, если хорошо будет себя вести.

Гриша тем временем дошел до ограды пансиона, ловко, как обезьяна, вскарабкался по решетке вверх, перелез на дерево, пристроился среди ветвей. Перед Гришей, как на ладони, был весь пансион. Господа в осенних пальто, с теплыми кашне на шее гуляли по аллейкам. Какой-то дядечька раскачивался в гамаке. Другой, совсем уж дряхлый, возлежал в кресле-качалке, накрытый клетчатым шотландским пледом. Третий... Гриша чуть не свалился с дерева... Третий был однорукий! Филер контрразведки, который возил его, Гришу, на рифы и обратно. «Ротмистра только не хватает до полного комплекта»,— подумал Гриша, и, как по заказу, он увидел, что с веранды пансиона по каменным ступеням спускается Гуров. Гриша даже усомнился: может, не Гуров? Нет, он. В сером демисезоне с бархатным воротником. Без бороды. Морда голая, как колено.

Пока Гриша слезал с дерева на забор, мысль его работала на всех оборотах: «Ясно, откуда у сторожа пансиона оказался мешок с казенных складов. Эта компашка заблаговременно запасалась харчами. Придется поделиться, господа, с детьми. Так будет по-божески». Гриша спрыгнул с забора не в парк санатория, а на хозяйственный двор пансиона и осторожно приоткрыл дверь флигелька, в котором, должно быть, жил сторож... Жил он, прямо скажем, не по средствам. В его каморке стояли роскошная кровать из орехового дерева и трельяж с разными дамскими цацками: пудреницами, флакончиками для духов, баночками с кремами и румянами.

— Входи,— сказал знакомый боцманский бас.— Чего царапаешься, как кот?

Вместо сторожа во флигельке жила теперь мадам-капитан. Гуровская компания вытеснила ее из собственного дома.

— А-а! Бывший грек, коммерсант-неудачник!

Гриша понял: мадам уже знает, Гуров ей успел объяснить, что здесь отирался Гриша-моторист с «Джалиты» под видом грека.

— А я думал, вы уже уехали! — сказал он с наивным видом.

— Как? Верхом на палочке?

— На метле.

— Он еще острит! А кто обещал меня вывезти? Кто взял золотой портсигар?

— Ну я... Только меня самого взяли ваши, между прочим, знакомые.

Мадам сделала вид, что не расслышала.

— А портсигарчик к тому же ворованный,— добавил Гриша.

Мадам окаменела от такой наглости, но через мгновение ее прорвало:

— Слушай, ты! Отчаливай отсюда! И чтоб до завтра твой поганый след смыло с песка! Когда я воровала? Я брала у Марии вещи и обменивала их на продукты.

— Продукты тоже ворованные. В казенной упаковочке. Но вы не беспокойтесь, я никому не скажу, если вы мне скажете, где у вас склад.

Мадам захлопала глазами, как магазинная кукла, что, кстати, очень шло к ее кукольному личику:

— Какой склад?

— Тот самый, где спрятаны продукты.

— Какие продукты?

— Которые в порт возили с казенных складов. Сахар, мука, галеты, ветчина в банках, бекон, сало, шоколад.

— Шоколада захотел?

— Голод и не к тому принудит.

— Ах, голод! Так бы сразу и сказал. Я женщина жалостливая,— мадам огляделась по сторонам, плотно прикрыла дверь и поманила к себе Гришу: — Пригнись-ка.

Гриша приблизил ухо к ее губам и от молниеносного удара головой опрокинулся на пол. Сидя на полу, он размазывал по лицу юшку, а мадам как ни в чем не бывало поправляла прическу.

— Ну, как, молодой человек? Вы удовлетворили ваше любопытство?

— Да! Теперь я кое-что понял: в том припортовом пансионе, где ваш муж-капитан откопал себе супругу, не было вышибалы, вы работали за него.

Острым каблуком высокого ботинка мадам-капитан прицелилась Грише между глаз.

— Вы можете сделать из меня половичок, постелить на

пороге и вытирать ботики,— сказал Гриша,— но я не отвяжусь — я должен кормить детей Марии Станиславовны!

— Ты?! — мадам удивилась настолько, что даже убрала ногу.— Ну-ну!.. Ты что ей, муж?!

— Сестра!

Мадам отошла на почтительное расстояние и внимательно оглядела Гришу.

— Что он грек, еще можно было поверить. Но что оно — сестра!

Гриша встал с пола, уселся в кресло у трельяжа и, рассматривая себя в трех зеркалах, стал не спеша разъяснять:

— С вами разговаривает сестра-хозяйка советского санатория. На дворе Советская власть! Вы не заметили? А от кого же прячете продовольствие? От какой власти?

Мадам растерялась:

— Братишка! Ты что думаешь — это мой склад? Мне только бросают мешок-другой... за хранение.

— Кто? Кто вам «бросает»?

— Ты что, моей смерти хочешь? Да этот... ну тот... только сегодня меня расстрелять грозил за разглашение. Прибежал, как смерть, бледный. «Из-за вашей неосторожности,— говорит,— Виля заподозрил меня в большевизме!»

— Гуров!

— Почему Гуров? Я сказала Гуров?

— А с чего бы я взял? Брякнули. Язык вас доведет!.. Либо Гуров ликвидирует, либо Дубцов пристрелит, либо красные поставят к стенке.

Мадам села на свою ореховую кровать, подперла пухлыми ручками кукольные щечки и заговорила плачущим голосом:

— Теперь ты понимаешь, матросик, почему я хотела уехать от них всех. Но ты же сам первый меня обдурил. Хотя не ты последний — союзники тоже. Три военные эскадры обдурили: английская, французская, еще и греческая. Чем я их только не подмазывала! Розовое масло, его наперстками меряют, бидонами таскала! Монастырский жемчуг граненым стаканом, как семечки на базаре, сыпала в карманы боцманов! И что? Миноносцы только хвостиком вильнули и уплыли в синее море! Что же мне теперь, за вероломство союзников у стенки стоять?

— Это все вы расскажете в ЧК.

При слове «ЧК» мадам обмерла.

— Я вам полчаса вбиваю в голову,— продолжал Гриша,— за пособничество контрреволюции и укрывательство народного добра, а также спекуляцию продовольствием никто вас по головке не погладит.

Гриша встал и иаправился к двери. Мадам иемедлеиио выскочила и перегородила ему дорогу.

— Бодайтесь,— сказал Гриша, втягивая голову в плечи и иаклоияясь вперед,— посмотрим, кто кого.

Мадам поглядела иа Гришииу круглую голову, иа загорелый крутой лоб, блестящий, как металлическая болванка, и заплакала.

— Голубчик! Ну ие выдавай ты меня, дуру! Ну польстилась иа то, иа сё, вымеиивала у Марии вещи иа продукты. Так с таких же, как оиа, грех ие брать. Для Марии вещи — это сор. Она их ие доставала, оии иа нее сами сыпались. Ты ие поверишь, матросик, выгребает из гардероба горжетки из лис, не рыжих, а красиых. Царских! Как будто это портяики! И проедает со своим выводком в одии деиь без едииого стоиа души. А я бы удавилась! Я же ие мадемуазель Забродская, не профессорская дочка. Паисиои, где я обучалась, сам зиаешь, ие иистнтут благородиых девиц, даже ие ресторaи первого разряда. Что мы там проходили? Брать! За все брали: за разбитую посуду, за подбнтый глаз...

— Это забыть пора,— сказал Гриша,— вы жеиа капитаиа.

— А где ои, капитаи? Где плавает, в каких морях? Может, и рад бы вериуться, да белые ие отпустят и красиые вряд ли примут. Нет у меия, матросик, ии капитаиа, ии корабля! Одиа осталась при разбитом корыте.

Грише даже жаль ее стало. Тем более что судьба этого иеведомого капнтаиа была иа редкость схожа с его собственной судьбой.

— Ну ладио,— согласился Гриша,— в политику я ие лезу. Но меия, как бывшего моториста, интересует чисто техиический вопрос: чем вы глотку смазываете, что у вас кусок ие застревает, когда голодиые дети смотрят в рот?

Мадам проглотила слезы. Гриша с удивлением следнл, как ее глаза высыхали и виовь стаиовились мокрыми. Эти иовые слезы, Гриша ие сомиевался, были самые иастоящие, без «туфты».

— Где ты такую бабу видел, чтобы детей не любила? — заговорила оиа уже не боцмаиским, а обыкиовеиным жеиским голосом.— Такая каракатица одиа иа миллион. Мне бы самой ребеиочка... Так бог не дал. Я у Марии Олюию просила, самую махоиькую, удочерить. Отказала. Может, еще роднтели найдутся, говорит. А у меия сердце кровью обливается: детки, как сиежиночкн, тают... Пусть ие даром, за вещи, а все-такн я нх кормнла в самое трудиое время. Это мое оправдание перед богом, что своих ие нарожала!

Грнша поиял, что пора ковать железо.

— За бога я ие ручаюсь,— сказал ои важио,— а что касается Советской власти, могу быть свидетелем, что вы добровольно сдаете продукты государственному саиаторию.

— Так ведь ключ у Гурова.

— Значит, не договорились.

Гриша решительно открыл дверь и вышел.

Мадам выскочила следом:

— Ну кто же так торгуется? Давай не по-твоему, не по-моему. Есть ход, про который и Гуров не знает.

Мадам подвела Гришу к решетке забора. Там среди бурьяна торчала из земли какая-то широкая труба квадратного сечения, накрытая сверху двускатной крышей наподобие домика.

— Тут винные погреба проходят от пансиона под ваш санаторий: эта труба для вентиляции. Только сюда не то что ты — пацан не пролезет.

Гриша хитро усмехнулся:

— Пацан, которого вы, мадам, выкармливали, пролезет в дырочку от макаронины.

«ПОКА Я ЗДЕСЬ, МАРИЯ В ЧК НЕ ПОБЕЖИТ»

Узкий луч дневного света из вентиляционной трубы прорезал тьму погреба. Сперва в этом луче повисли ноги мальчика, потом он спрыгнул, зажег свечу. Огонек осветил лицо Коли, ящики, мешки, бочки, коробки. Тускло поблескивали жестяные банки. Все это громоздилось до потолка и образовало узкий коридор. Некоторые ящики были повреждены (видно, сгружали наспех). В ящиках оказались галеты — очень вкусное солоноватое печенье, шоколад, засушенные и засахаренные фрукты. Коля сроду не видел такого богатства. А в одном из ящиков лежали «фрукты» покрупнее, завернутые в промасленную бумагу. Коля развернул. Гранаты-лимонки. Много ребристых гранат в гнездах. Коля открыл картонную коробочку, похожую на пенал, там были запалы к гранатам.

Вдруг в конце коридора заскрипели ржавые петли и образовался узкий прямоугольник света, который постепенно расширялся: открывалась дверь. Коля попятился и приткнулся спиной к пирамиде ящиков. Один чуть не упал ему на голову. Он хотел его с силой отпихнуть и замер. На ящике был нарисован череп и написано: «Динамит!» Вся пирамида состояла из таких же ящиков. Коля дунул на свечку, но погреб уже освещался дневным светом через открытую дверь. Коля поспешил спрятаться за ящиками.

Вошли двое — Гуров и Дубцов в цивильных костюмах.

— Как видишь, Виля, я неплохо поработал,— сказал Гуров.— Из таких складов мы будем подкармливать наши боевые группы в лесу. Кое-что пустим на черный рынок. Подрыв экономики. Уверен — ты Маркса не читал, пренебрег. Значит,

будешь подрывать экономику динамитом,— Гуров расхохотался.

— Если бы я тебя расстрелял тогда на дороге, как вражеского агента, было бы еще смешней,— сказал Дубцов.

— Ну не мог же я все тебе выложить так, за здорово живешь,— стал объяснять ему Гуров,— мы оставляли склады не для «белого дела» вообще, это слишком расплывчато, а для нашей организации, в которой ты не пожелал бы состоять. Мы, сторонники твердой руки, хотим, чтобы у России был царь похлеще Ивана Грозного,— тогда уж никаких революций. И ради этого святого дела не брезгуем ничем и никем, даже бывшими секретными агентами охранного отделения. Я сам — в прошлом жандарм, «цепной пес» не только для большевиков, но и для розовых интеллигентов, вроде тебя. Вы, помнится, таких, как я, полицейских ищеек, на порог не пускали. А теперь вы, спасая шкуры, за границу улепетываете, а мы, кого вы в приличный дом не пускали, остаемся спасать Россию.

Коля слушал, подпирая спиной ящики, готовые в любой момент рухнуть.

— Я хотел бы,— сказал Дубцов,— чтобы меня и в дальнейшем принимали в приличных домах. Ну, на худой конец, оставить о себе добрую память у Марии Станиславовны. Это семья русского врача, Гуров, здесь всегда судили о человеке по одному, главному, признаку — как он относится к больным. А мы и так подмочили свои репутации. Мы вывозим или прячем продовольствие, а большевики снабжали санатории! Не спрашивая, между прочим, чьих тут лечат детей: офицерских или комиссарских.

— Вот ты и попался на большевистский крючок! — крикнул Гуров так громко, что Коля отшатнулся, и ящики вновь поехали на него.— Твоя милая интеллигентная Мария Станиславовна, с ее санаторием, первая ласточка большевистской пропаганды «Курорты трудящимся!». В Монако, на Ривьере, в Ницце нежатся миллионеры, а здесь — неимущие классы. Оценил ход? Советы уже национализировали другие лечебные местности России: Кавказские Минеральные Воды, башкирский кумыс. Теперь очередь за Крымом. Вот тут коммунисты и осуществят свои лозунги на зависть трудящимся всего мира: переселят во дворцы богачей обитателей хижин. На мраморных террасах ливадийских дач цесаревичей будут резвиться чумазые дети трущоб, и большевики залечат им язвы прошлого.

Гуров на самой громкой ноте оборвал свою речь.

— Продолжай,— сказал Дубцов.

— Ты знаешь, что я хочу сказать.

— Ты хочешь сказать, большевикам это удастся, если они прокормят свои курорты.

— Ну, разумеется, если смогут прокормить. Мы не для того

вывозили и прятали продовольствие, чтобы кормить золотушных кухаркиных детей!

Дубцов повернулся и пошел к светлеющему прямоугольнику двери.

— Придется обойтись без меня. Я вам не помощник. У меня у самого в детстве были слабые легкие, и профессор Забродский взял меня в свою семью, чтобы выходить. Иначе не видать мне моря, как тебе меня.

Гуров сунул руку в карман.

— Здесь не место убирать свидетелей, Гуров,— сказал, не оборачиваясь, Дубцов.— Тут динамит. Достаточно одного выстрела, и мы взлетим на воздух вместе со складом и санаторием. Я понял, на что ты рассчитываешь, Гуров,— сказал Дубцов.— Пока я здесь, Мария в ЧК не побежит.

— Сообразительный.

— Профессионал. Мне, как и тебе, понятно, Гуров, что заложить склады еще не все. Надо знать, что с ними дальше делать, кому передать. То есть надо дождаться представителя центра нашей организации, получить у него пароли, явки. Ведь у вас не один такой склад. Это понятно. И само собою разумеется, что человек с инструкциями центра придет не на склад, что было бы идиотизмом, то есть не в пансион, а в санаторий! И если ЧК его здесь засечет, представляю, какой это будет для них подарок!..

— Но ты ведь сам сказал: пока ты в санатории, Мария в ЧК не побежит.

Наступило молчание. У Коли уже не было сил поддерживать спиной ящики, но в такой тишине он боялся пошелохнуться...

— Ладно,— сказал Дубцов,— дождусь представителя вашего центра, а потом все равно уйду.

С тяжелым металлическим гудением закрылась за Дубцовым и Гуровым чугунная дверь подвала. Коля поправил ящики и бросился к вентиляционному люку. Наверху его ждал дядя Гриша:

— Что так долго?.. Я уж думал, ты задохся там.

«ТУТ БУДЕМ ЖИТЬ ТОЛЬКО МЫ»

На задворках санатория была вырыта когда-то сливная яма. Санитары сносили туда ведра с помоями, тазы с мыльной водой. Но санитаров давно уже не было, а Коля и Рая, по мнению Марии Станиславовны, были слабы для такой работы, и она это делала сама, пока не появился Гриша. Он возник так же неожиданно, как исчез. Вышел из зарослей засохших табаков, когда Мария тащилась с очередным ведром к сливной яме, взял ведро из ее рук и сказал:

— Я буду вашим хозяйством заниматься, пока на мое место какого-нибудь комиссара не пришлют.

И с этого момента Мария вновь почувствовала себя женщиной, вернее сказать, барышней. Ведра больше не оттягивали рук.

Но в этот же день, вечером, Мария увидела Раю с большим крапчатым тазом, полным мыльной воды. Помыв малышам ноги, Рая, согнувшись, тащила таз к черному ходу санаторного корпуса. Мария Станиславовна вырвала у нее таз из рук и сама направилась к сливной яме. Она шла вдоль ограды санатория и вдруг, быстро нагнувшись, поставила таз так, что мыльная вода выплеснулась на землю... Вдоль санаторной ограды к арке ворот пробирался Коля с узелком в руке. Мария Станиславовна узнала узелок: с этим узелком мальчика привели в санаторий. Она догнала его, схватила за рукав курточки:

— Объясни, почему ты собрался уходить! — Коля молчал.— На дворе ноябрь,— Мария чуть не плакала,— осень! Дождь, ветер, холод... голод. И так по всей России! Куда ты пойдешь? — Коля старался не смотреть ей в глаза.— Зачем же я тебя лечила, если ты все равно пропадешь?

— Вы до всех добрая,— выдавил из себя Коля.

— А ты хотел, чтобы не до всех?! Чтобы я теперь лечила только тебя, Сергея, Андрюшу, но не Раю, не Витю?!

— Я вам ничего не скажу, мне дядя Гриша не велел.

— Значит, это дядя Гриша тебя наладил из санатория! — Мария решительно зашагала к хозяйственному двору, где, по ее предположению, должен был обретаться Гриша.— Ну я с ним поговорю!

— Не говорите дяде Грише. Он вовсе ни при чем. Он, наоборот, сказал: «Не наше дело, кого здесь прячет Мария Станиславовна. Мы с тобой не доносчики». Так он сказал.

— Ах, вот оно в чем дело! Ты хочешь донести на Вильяма Владимировича.

Мария увидела, как сузились у Коли зрачки.

— А хоть бы и так! — сказал он зло.— Они только на то и рассчитывают, что все молчат. Я слышал, как этот ваш Вильям Владимирович сказал ротмистру Гурову: «Пока я здесь, Мария в ЧК не побежит».

— Естественно. Мне же не четырнадцать лет, как тебе. Уж я-то могу понять, что донести — это все равно, что убить человека, которого я знаю с детства. Что бы ты сказал, если бы при белых я донесла на тебя? Я же спрятала твою историю болезни от Гурова. А Вильям Владимирович в твоем возрасте тоже лечился в нашем санатории. Донести на него — все равно что расстрелять своей рукой. Ведь его обязательно расстреляют.

— А что вас самих расстреляют, если найдут у вас офнцера, вы подумалн? — Коля смотрел на нее уже не со злостью, а с жалостью.— А говорнте, вам не четырнадцать лет.

— Я не могу убнть человека, даже если он целится в меня,— сказала Мария Станнславовна.

— Потому и не можете, что жнзнн не знаете.— Коля давно подозревал, что докторша никакая не взрослая, а просто большая девочка вроде Раи.— Он же не только целится, он убьет! У меня батька был ннкакой не большевик, а просто паровозный машинист с депо Снмферополя. Но белые не стали разбираться, большевнк не большевик. Локомотив неисправный — на семафоре повесилн.

Марнн стало как-то вдруг одннoко и холодно.

— Боже... как ты продрог! — Она стала согревать руки мальчнка в своих ладонях. Руки были жесткие, в цыпках: он все делал в санатории н за дворннка, н за уборщицу.— Постарайся понять: если одна собака взбесилась, ты же не станешь убивать всех собак. Вильям Владимировнч — морской офицер. Он попросту не мог быть там, в Снмферополе, он воевал в море.

— Воевал?! — у Колн, как всегда, когда он особенно был взволнован, лицо покрылось красными пятнами.— Ваш Вильям Владнмирович палач из контрразведки!

— Он служит в контрразведке?

Ей никогда это не прнходило в голову. Никак не могло прийтн. Виля и контрразведка?! Мальчншка просто слышал звон...

— Пусть вам дядя Гриша расскажет, как они с Гуровым его на рнфах топнли — выдавай товарищей или сиди жди, пока окоченеешь от холода.

— Ложь! — Марни казалось, что она кричит. На самом деле кричала она шепотом.— Между Дубцовым н Гуровым не может быть ннчего общего!

— Только склад,— сказал Коля и осекся...

— Какой склад?

— Никакого склада.

— Нет уж, говори до конца. Еслн ты обвиняешь человека, так уж не будь голословным, нзволь свои обвинення доказать!

— Мне дядя Гриша не велел говорнть про склад.

— Но ты же уже сказал.

— А вы дяде Грише не скажете?

— Я с детства приучена хранить секреты.

— У них склад в винных погребах. Меня дядя Грнша туда просунул через трубу. Ту, что для воздуха. Чего там только нет: сахар, мука, сыр, масло, галеты, консервы, шоколад. Вот такие плитки! — Коля развел руки, как рыбак, демонстриру-

ющнй длнну пойманной щукн.— От одного запаха можно в слюнях потонуть. И все оин прячут, чтоб заморнть голодом большевистские санаторнн.

— Бред!

— Я это слышал от ннх, как от вас. Он еще вас ласточкой иазвал.

— Прн Гурове?

— Вы думаете — Внльям Владнмнровнч? Гуров вас ласточкой назвал. Твоя Марня,— говорнт,— первая ласточка большевнстских курортов. Только пусть большевикн теперь спробуют прокормнть ее чумазых кухаркнных детей. Это он про меня! — Коля прнжал к грудн свой узелок.— Так что, прощайте, Марня Станнславовна, ннкому я на вас с вашнм Внльям Владнмнровнчем доноснть не собирался. Но жнть с ннм в одном доме не хочу!

Мария вырвала из его рук узелок:

— Идн сейчас же в палату! Сейчас же! Я тебе обещаю — тут будем жнть только мы: ты, я, Рая, Олюня, Сережа, Внтя, Андрей, Алеша...

— И дядя Грнша.

— И дядя Грнша! — у Марнн сорвался голос.— Оставь меня в покое! Оставьте все меня!

Коля не стал больше нспытывать ее терпеине, повернулся н побежал через зарослн обратно к санаториому корпусу.

Его узелок остался у Марнн в руках.

ИЗ ХРОНИКИ СЕМЬИ ЗАБРОДСКИХ

Марня ие могла так ошибнться в Внле. Сколько оиа помнила себя, столько же она помннла его. Когда Маша н Вняя впервые встретилнсь, ои был подростком, как Коля, а Маша — как Олюня, совсем еще маленькой девочкой. Его отец был капнтаном судна, на котором ее отец, Станислав Казнмнровнч Забродскнй, плавал когда-то в иачале своей карьеры корабельным доктором. Дубцовы вообще потомственные морякн. Дед был участнником обороны Севастополя, героем Крымской войны, Внля чуть было не нарушнл этой семейной траднцнн — с детства к иему прнвязалась болезнь легких. Но крымскнй воздух н нскусство профессора Забродского помогли ему избежать самого страшного — «процесса». Воспитываясь в семье профессора, в доме Забродскнх, Внля свою болезнь «перерос», н его принялн в морской корпус. Пожалуй, нменно Внлнио чудесное нсцеленне натолкнуло Станнслава Казнмнровнча иа мысль открыть собственный клнматическнй курорт для предупреждения детского туберкулеза.

И этот самый Дубцов прячет продовольствие от больиых

детей?! Он, который всегда являлся по первому зову о помощи, откуда бы ни послышался зов. Во время Балканской войны, последней на счету, летом 1913 года лейтенант русского флота Дубцов на свой страх и риск, вопреки воле начальства, доставил в страдающую Болгарию госпитальное оборудование на канонерской лодке. Мария сама слышала об этом от болгарина, болгарского моряка, который недавно, в восемнадцатом году, гостил в их доме вместе с Дубцовым. Кажется, его звали Райко Христов...

Мария поймала себя на слове «гостил». Какие все довоенные слова! Если бы об этом госте пронюхал какой-нибудь Гуров, Виля угодил бы под военно-полевой суд.

Нет, нет, это несовместимо: Виля и Гуров! Но может, она, Мария... попросту говоря, пристрастна. Ведь это его отчеты о плаваниях она вырезала из «Статистических сборников Российского географического общества» и вклеивала в альбом, как институтка стихи. А однажды она прочитала в тех «Сборниках», что за заслуги перед географической наукой лейтенант Дубцов награжден медалью Семенова-Тян-Шанского. Она гордилась этой его медалью больше, чем его же крестом и кортиком на анненской ленте, полученными за храбрость в войне 1914 года.

Да! Конечно, ей трудно судить о Виле беспристрастно... Но папа! Когда папе надо было посоветоваться со своей совестью, он звал Вилю. Так было, когда папу назначили генерал-инспектором санитарной службы флота. При первой же инспекции он обнаружил не только антисанитарные, но и вообще нечеловеческие условия содержания военных моряков. Гнилая червивая пища, кишащие паразитами кубрики и гальюны, издевательства над матросами и мордобой. Папа рассказывал, как он подал тогда протест морскому министру Григоровичу и как его протест пошел гулять по канцеляриям. И тогда генерал решил посоветоваться... с лейтенантом. Он заперся в своем домашнем кабинете с Вилей Дубцовым. Мария не могла слышать, о чем они там говорили. Она знает только одно: это Виля сказал папе, что Григорович намеренно маринует его протест. Ведь матросы и сами жалуются. Признать правоту профессора Забродского — значит, признать, что требования матросов справедливы. Этого министр не сделает никогда, сказал Виля, и папа на Вилю накричал. Он кричал, что дойдет до самого царя — и справедливость восторжествует! Но очень скоро папе пришлось убедиться, что Виля был прав. Царская охранка как раз в это время готовила грандиозную расправу над матросами всего Черноморского флота. Провокаторы из меньшевиков и эсеров донесли, что готовится вооруженное восстание на кораблях «Иоанн Златоуст», «Синоп», «Три святителя», «Евстафий», «Пантелеймон», «Кагул», «Память Мер-

курия». Сто сорок три матроса были схвачены и преданы военно-полевому суду. По приказу царя коллегию военно-полевого суда возглавил морской министр Григорович. Тот самый, кто так безбожно мариновал протест Забродского. Пока профессор писал протесты, царь и его министр готовили физическую расправу. Забродский протестовал против мордобоя, а коллегия военного суда приговорила 17 моряков к смертной казни, остальных ожидала каторга...

Утром 24 ноября 1912 года лейтенант Дубцов пришел на квартиру генерала Забродского в Севастополе, и они снова заперлись в кабинете.

— Сегодня ночью,— сказал Виля,— приговор приведен в исполнение. Матросы расстреляны и зарыты на мысу близ Херсонесского маяка. В одного из них, большевика Лозинского, солдаты отказались стрелять. Капитан Путинцев, который командовал расстрелом, застрелил его собственноручно.

В этот же день генерал-инспектор санитарной службы флота профессор санкт-петербургской Военно-медицинской академии Забродский подал в отставку и никогда больше не надевал военный мундир.

А Виля?.. Виля его подвел. Сам он не ушел из военного флота, хотя мог бы заниматься наукой, плавая на гражданских судах.

«Да-а... Вот тогда, наверно, началось падение Вили Дубцова,— подумала Мария.— Виля не подвел папу, а предал... Но папа, с его прекраснодушием, не понял этого и не осудил».

«Если такие, как Виля, уйдут из флота,— говорил он,— кто будет защищать Россию на морях? Царь? Министр Григорович? Или палач Путинцев?»

И вот, оказывается, Виля, как тот Путинцев — палач!

«ВЫ ДОЛЖНЫ МНЕ ВЕРИТЬ СЛЕПО»

Дубцов брился в мезонине, в небольшой комнатушке с покатым потолком. Он был в брюках профессора Забродского и в своей белой рубахе с твердыми манжетами. Пиджак от папиного костюма, единственного не выменянного Марией на еду, висел на спинке стула.

Мария по винтовой лестнице взбежала наверх:

— Уезжайте! Я прошу вас! Я так хочу!

— Раньше вы не хотели, чтоб я уезжал.

— Я молила бога, чтобы вы успели уехать.

Дубцов улыбнулся:

— Кажется, я уловил вашу логику. Все, что вы говорите, следует читать наоборот.

— Все! Все в жизни следует читать наоборот! Это даже мальчик знает, Коля, в свои четырнадцать лет! — Мария почти кричала, прижимая к груди Колин узелок с вещами.— Вас в первую очередь следует читать наоборот! Почему вы мне не сказали, что служите в контрразведке?

Лицо Дубцова стало до безжизненности серьезным:

— Я имел честь вам заметить, Мария Станиславовна, что выполняю свой долг. Вам это, помнится, не понравилось.

— Еще бы! Если это долг палача!

— Вы прекрасно знаете, что я не палач. Хотя был один случай, когда мне приказали расстрелять человека, но...

— Вы говорите о болгарине?..

— Вы знаете, о ком я говорю. Не стоит повторять. Я не уверен, что нас не подслушивают.

— Здесь некому подслушивать!

— А кто вам сказал, что я служил в контрразведке?

Мария только сейчас заметила, что так и пришла сюда с Колиным узелком.

— Коля в погребе слышал ваши разговоры с Гуровым. Мы с детьми взвешиваем крохи на аптекарских весах, а вы с Гуровым сидите в подполье на мешках с сахаром, как собаки на сене! Как вы могли?! Как могли вы, Вильям Владимирович, выбрать такой бесчестный вид оружия в борьбе с большевиками: «...морить голодом кухаркиных детей!» Стыдно, Вильям Владимирович! Стыдно воевать с больными детьми. У этих детей есть свой враг, понимаете? Страшнее всех ваших бронированных дредноутов! Могу вам его показать в микроскоп. Против этого врага здесь одна женщина. Я!.. Я их сберегла до конца войны... двоих схоронила... А вы! Здоровые взрослые мужчины... Уходите! Я вас не люблю!

— Я вас тоже люблю.

Мария замерла, прижавшись к стеклу окна, как застигнутая взглядом божья коровка. Она боялась посмотреть на Дубцова. А вдруг он ничего этого не говорил? Ей показалось? Или, наоборот, он сказал это. Что тогда?..

Заскрипели доски пола. Мария вытянула вперед руки, отгораживаясь от приближающегося Дубцова Колиным злосчастным узелком, как вдруг луч солнца стрельнул сквозь оконное стекло — и в манжетах старшего лейтенанта вспыхнули рубиновые якорьки.

— Как? У вас снова эти запонки?! Значит, болгарин здесь? Он вернулся?!

— Этот человек никогда не вернется. Море не возвращает...

— А кто же вам вернул запонки?

Нет, это уж никак не укладывалось в голове. Дубцов тогда, когда прятал болгарина, переодел его в свой костюм, рубаху,

отдал ему запоикн с якорькамн — подарок отца... Не мог же ои потом его расстрелять и вернуть себе запоики!..

Дубцов надел пиджак и рубииовые огоньки погасли.

— Вы должиы мие верить слепо,— сказал он тоиом, отсекающим любые возражения.— Слепо! Не думая! Не спрашивая иичего! — Ои вынул нз кармана брюк брауниит, проверил обойму, загиал в ствол патрои, сдвииул предохраиитель, переложил брауииг в карман пиджака.— Другого выхода у иас с вами иет. Если себя ие жалеете, пожалейте Колю, ему этого подслушивания ие простят.

«СВЯЗАЛСЯ ЧЕРТ С МЛАДЕНЦЕМ»

Гриша в белом халате н докторской шапочке виес в столовую суп. Облачко пара с запахом лаврового листа возиеслось к потолку, к дырке, сквозь которую росло дерево, стоящее посреди столовой в кадке. Все дети дружио сглотиули слюнки.

— Ополоиик,— скомаидовал Гриша и протяиул к Коле руку за половииком.

Коля даже ие посмотрел в Гришину сторону. Упорно пряча взгляд, он бессмыслеиио переставлял хлебиицу: то на край стола, то иа середииу.

— Нашкодил? Ну, призиавайся — иашкодил?

Коля рваиулся, выскочил из столовой. Гриша догиал. Взглянул Коле прямо в глаза.

— Сказал? По глазам вижу, что рассказал докторше. А оиа ему скажет, Дубцову!

— Ну и пусть скажет! Пусть ои катится отсюда колбасой!

Грнша сорвал с себя докторскую шапочку и стал ее топтать:

— Что я наделал?! Что натворил?! Связался черт с младеицем!

Не сиимая халата, бросился в дом к Марии.

— Вы уже передали Дубцову то, что вам Коля рассказал?

Мария кивиула — она абсолютио ие умела лгать.

— Я должеи был сам вас предупредить. Так иет же, гордость не позволнла, ие дай господь, вы подумаете, что я клепаю иа вашего Вильяма Владнмировнча, потому что ои — это «Он». Что теперь будет, вы поимаете? Вы ему сказали, он Гурову скажет, а у Гурова целая баида прячется в паисионе мадам-капитаи.

— Вильям Владимирович сам просил иикому ие говорить.

— Просил? Еще бы он не просил! Да если вы раззвоиите, их завтра же к стеике прислонят в ЧК. Это же террористы. Их иа фронтах разбили — оии ушли в подполье, объявили белый

террор. Вы думаете, там только продукты, на этом складе? Как бы не так — динамит и гранаты! И они потерпят, чтобы ЧК это все накрыла? Первое, что они сделают,— поубивают свидетелей! Себя не жалеете, хотя бы о Коле подумали. Да он его просто придавит, как жучка в аллейке, ваш Вильям Владимирович!

— Подите прочь!

Мария протянула руку в сторону двери. Глаза у нее были круглые и совершенно неподвижные.

Гриша пробкой выскочил в коридор, швырнул скомканный халат в открытую дверь амбулатории и, выбежав из корпуса, зашагал прямиком к арке ворот... но вовремя вспомнил, что Дубцов может его увидеть из окна мезонина, и нырнул в кусты...

Прячась за кустами, Гриша добежал до ограды санатория, перелез через нее и спрыгнул в заросли можжевельника.

Тут его кто-то поймал за ногу:

— Далеко собрался?

— Это вы, господин Гарбузенко?

— Что за привычка спрашивать, когда надо отвечать? Гражданская война кончилась, я лег себе под заборчиком отдыхать, а ты на меня сверху падаешь. Что? Ворота забыли проделать в заборе?

— Ну... я... чтоб офицер не увидел. Подумает — бегу доносить...

— А ты разве не доносить?

— Не-а... Только в лавочку за табачком.

— А кто курит? Ты — нет. Мария Станиславовна?

— Ну, офицер же.

— И ты по секрету от него бегаешь ему же за табачком?

Гарбузенко постукал себя по животу костяшками пальцев: звук был такой, будто он стучит в дверь.

— Что у вас там?

— Гроб с музыкой,— распахнув бушлат, Гарбузенко показал маузер в деревянной кобуре.— Ну! Будем говорить... или слухать музыку?

— В город шел, в этот... красный ревком.

— Ну я — ревком. Слухаю вас.

Гриша даже не удивился. Наоборот, только теперь все стало на свои места. Значит, человек, с которым он плыл на «Джалите», действительно не был греком Михалокопулосом, это был болгарский коммунист Райко Христов, и запонки с якорьками, которые он перед смертью успел передать Грише, послужили паролем для Гарбузенко, который тоже не контрабандист, не налетчик, а возглавляет здешний подпольный ревком.

Гриша затарахтел, как пулемет:

— Коля доведался, что офицеры тут прячут продукты,

а докторша брякнула Дубцову. Онн нх убьют. И пацаиа и докторшу!

Гарбузенко посмотрел на Гришу так, как будто перед ннм был несмышленыш, который опрокинул банку с вареньем и прилип к табуретке.

— А для чего я тут сижу? По-твоему, я к этому забору приставлен, чтоб его подпирать? (Гриша не знал, что на это ответнть.) Ну чего глазами блымаешь? Никто никого не убьет. Стрелять в санатории запрещено строжайшим образом. Там же детн!

Гарбузеико сложил табуреточкой рукн, чтобы подсадить Гришу обратно на забор. Но Гриша не спешил ею воспользоваться:

— Обратно я ие пойду. Меня докторша выгиала...

— Я тебе не пойду! И что значит — выгнала? А кто будет пацанву кормить? Наши товарищи говорят — невозможно улежать в секрете, так смачно пахнет от твоей кухии.

Грише понравился такой разговор.

«Теперь или никогда»,— подумал он и начал нздалека:

— Господнн!.. Пардон, сорвалось... товарищ Гарбузеико! Если вы правда ревком...

Гарбузенко положил руку на маузер:

— Вам предъявлен мандат.

— Еще раз пардон! Просьба к вам, извините, коиечно, за нахальство. Дело в том, что у меня там в заграиицах, за неимением другой работы, талант открылся до коммерции.

— У иас за такие таланты показывают небо в клеточку.

— Жаль. Тут как-то... ну, родным, что лн, пахнет. Даже от вашего маузера, товарищ Гарбузенко, теплом тяиет, как от печки в деревне. А там... там даже коммерция не по мне, скучная какая-то, все под себя гребут. Здесь я хоть пацанят накормил супчиком, а там что? Сам нажрался — и на бок?

— Короче! Чего ты хочешь?

— Можно, я остаиусь сестрой-хозяйкой?

— Да хоть тетей,— согласился Гарбузенко и вновь подставнл Грише скамеечку нз рук.— Лезь домой н сиди там тихо, не рыпайся — вот и вся резолюцня.

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ЛИЦ

У крыльца санатория остановилась пролетка. Лошадьми правил красноармеец в остроконечном шлеме. С пролетки сошел человек в длнниой кавалерийской шинели с «разговорами» — нашивкамн малинового сукна поперек груди — и в фуражке с красной звездой. На тонком ремешке, переброшенном через

плечо, висела кобура с иаганом. Взбежав на крыльцо, приезжий снял фуражку, и на плечи шиеилн хлыиула волиа блестящих чериых волос. Военный оказался женщниой.

Дети, окружнв пролетку, смотрели, как красиоармеец-повозочный оглаживает разгоряченных лошадей.

— Ведерко будет? — спросил он ребятншек.— Коией иапоить.

— Будет, если сестра-хозяйка разрешит,— сказала Олюня.

— А что, вредиая тетка? — спросил красиоармеец.

Все засмеялись. Олюия побежала за ведром, остальные, как по команде, повериулись к вераиде. С крыльца спускалась Мария Станиславовиа в сопровождеиии приехавшей «комиссарши», как ее окрестили все.

— Я вас ие поимаю, граждаика Забродская,— говорила оиа Марии Станиславовие,— отказываюсь поимать. Я представитель продовольствеииого и медициискового отдела Крымревкома. Надеюсь, у вас ие вызывает сомиеиий мой мандат? Вот... «выдан товарищ Тихомировой...»

— Зачем мне мандат? Я вам верю. Но сейчас ие так-то просто подиять истории болезни. Я всю регистратуру спрятала под старой рухлядью. Контрразведка иитересовалась.

— То была белая коитрразведка. Оии не собирались кормить ваших больиых. А мы для сиабжения санатория продовольствием должиы определить, сколько детей здесь будет завтра.

— Надеюсь, столько, сколько сегодня.

— Это решать будем мы.

У Марии Станиславовиы задрожали губы.

— Подождите,— сказала оиа,— я попробую отыскать истории болезин.

Оиа вериулась в дом, а к Тихомировой подошел Сережа — осиовательиый десятилетний человек:

— У вас звезда настоящая?

— А какая же?

— И у меня такая. Батяня подарнл. А оии говорят, не настоящая.

Тихомнрова иадела ему иа голову свою фуражку:

— Герой!

Фуражка накрыла героя до подбородка. Вокруг захохоталн.

Сережа сбросил фуражку. Оиа упала. Тихомирова подияла, отряхиула и пошла по парку, разглядывая клумбы, статун, вазы на постамеитах...

Тем временем Мария добралась до винтовой лестнницы, ведущей в мезонин. Имеино там, под полом мезонина, была спрятаиа ее канцелярия...

Но что оиа скажет Дубцову? Ведь Гуров оказался прав в своих предсказаииях: иовые власти намереиы сами опреде-

лять, кого из детей они оставят в санатории, а кого...

Мария остановилась — Дубцова не было. Комнатушка с покатым потолком оказалась пустой, на подоконнике лежало брошенное полотенце. Вопреки своей хваленой флотской аккуратности, Виля не повесил его на крючок. Спешил. Люди с красными звездами его спугнули. Кусая губы, чтобы не расплакаться, Мария стала поднимать «хитрые» доски пола. Те самые, которые полупьяный плотник забыл прибить при ремонте дачи. Мария еще в детстве устроила здесь свой тайник. Прятала, чтоб над ней не смеялись, дневники, потом кое-какие письма, вырезки из статей Дубцова в сборниках географического общества... И вот теперь — истории болезни, где написано не только кто чем болен, но и кто чей сын, чья дочь...

Доставая из-под пола запылившиеся папки, Мария перепачкалась, а увидев в зеркале умывальника свое лицо, покрасневшее, со вспухшими, искусанными губами, заплаканными глазами, расстроилась еще больше. Предстать перед этой Тихомировой в таком жалком виде? Никогда! Мария быстро ополоснула лицо под умывальником, вытерла полотенцем, которое валялось на подоконнике, и по привычке повесила полотенце на место, возле умывальника...

За оградой санаторного парка на высоком дереве «гнездился» матрос с биноклем. В бинокль он видел окошко мезонина.

— Ложная тревога, товарищ Гарбузенко,— крикнул матрос,— он убрал полотенечко!..

Мария вышла из дому. Тихомировой у крыльца не было, и Мария пошла ее искать. Ей не терпелось сказать все сейчас же.

Если они сами решают, кто нуждается в лечении, пусть и лечат они сами! Она отдаст «комиссарше» папки с рентгеновскими снимками, температурными графиками, со всеми записями — свидетельствами беспрерывной и почти безнадежной войны профессора Забродского и его дочери против палочки Коха, а сама уйдет. Куда ей идти? Об этом Мария не думала. Как только Тихомирова укатит со своим красноармейцем на облучке, вновь появится Виля, и если она не ослышалась — он правда ее любит, то...

В конце аллеи санаторного парка в увитой граммофончиками беседке сидели и мирно беседовали Тихомирова и Дубцов.

Мария развернулась и, кренясь на стоптанных каблучках, пошла обратно к дому.

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИИ

Красноармеец-повозочный, который привез в санаторий Тихомирову, уже успел набрать воды для лошадей (вода вытекала из пасти каменного льва в глубине парка), но почему-то не понес к лошадям, а пошел с ведром кружным путем, вдоль забора пансиона. Вода то и дело выплескивалась из ведра, оставляя на ракушечнике дорожки влажные пятна.

Дойдя до места, где забор был пониже и одно из деревьев чуть ли не ложилось на забор, красноармеец поставил ведро, вскарабкался по веткам дерева на забор и спрыгнул с другой стороны. В саду пансиона было тихо и влажно, пахло опавшим листом, господа в осенних пальто, с теплыми кашне на шее гуляли по аллейкам и раскачивались в гамаках, как будто не было ни революции, ни гражданской войны. Самый дряхлый больной возлежал в кресле-качалке, накрытый клетчатым шотландским пледом. При виде красноармейца он и ухом не повел.

Из-за зеленой изгороди появился однорукий.

— Крымский воздух целителен, не правда ли? — произнес красноармеец фразу, которую ни один повозочный, или, как их называли, ездовой, не выговорил бы ни за какие шиши.

— Да,— ответил ему однорукий,— но в груди теснит.

С крыльца сошел Гуров:

— Поручик Ружицкий, вы с ума сошли! Кто разрешил являться в пансион?!

— Нужда привела,— отвечал «красноармеец», он же поручик,— надо срочно менять дислокацию.

— Почему?

— Потому что вы поспешили удрать из города, господин ротмистр.

— Не понимаю ваших намеков. Что же мне, большевиков дожидаться? — Гуров снял шляпу, вытер платком взмокший лоб.— Я воспользовался случаем, у старшего лейтенанта Дубцова был автомобиль.

— То-то, что у Дубцова! Только вы изволили испариться, как пришел ответ из заграничного центра на ваш запрос о Дубцове. Ему действительно два года назад было поручено сдать французским экспедиционным властям коммуниста, болгарина Райко Христова, и он действительно вернулся с распиской, что Христов расстрелян в их плавучей тюрьме.

— Почему же такая паника?

— Потому что расписка — липа. Французы в глаза не видели ни Дубцова, ни Христова. Как выяснилось, Дубцов был знаком с болгарином еще с Балканской войны тринадцатого года, и он его где-то прятал, пока французы не убрались восвояси вместе со своей тюрьмой.

Гуров со шляпой в руках превратился в подобие манекена из магазина готового платья.

— Вы... вы...— наконец с трудом выдавил он из себя.— Вы, Ружицкий, не понимаете, что принесли! Это значит, что Дубцов еще в восемнадцатом году работал на красных. Конечно, он не сдал болгарина французам. Теперь я даже могу сказать, где он его прятал! Здесь! В санатории! Спросите у мадам-капитан. Дубцов гостил у Забродских как раз в это время. С приятелем! Все ясно! Он переодел его в штатское... Даже свои запонки ему отдал с якорьками... и переправил в Турцию, где Христов превратился в Михалокопулоса!..

— Как же так?..— Ружицкий посмотрел на Гурова с нескрываемым презрением.— Как Дубцову удалось обвести вокруг пальца такого травленого волка, как вы?

— Он сыграл ва-банк! Сам арестовал Гарбузенко. У меня бы он не сошел за уголовника.

— И тем не менее.

— У Дубцова есть одна вредная... для нас... привычка: говорить только правду. И статейку он мне показал настоящую об ограблении красного гохрана в Новороссийске неким Гарбузом, сбежавшим на греческой контрабандистской лайбе, и фотографию, где на нем, на Дубцове, эти самые запонки. Только между газеткой и фотографией, как я теперь понимаю, связи нет никакой вообще. Грек-контрабандист имеет к болгарину Райко Христову такое же отношение, как налетчик Гарбуз к большевику Гарбузенко. Райко Христов — вот кто под видом грека вез на «Джалите» сведения, что «Спиноза» пришел из Крыма в Константинополь без продовольствия!

— Но Христов не довез: погиб в бора,— подсказал однорукий.

— Сам не довез, но переодел греком моториста Гришу и дал ему запонки Дубцова, чтоб явок не открывать. Гриша-то не большевик, зачем ему много знать? Большевики и так бы вышли на Гришу: они ведь ждали грека при запонках с якорьками.

Гуров оглядел присутствующих: кажется, не только он, они тоже начали кое-что понимать.

— Ну, а дальше — как по нотам,— продолжал он.— Гарбузенко побывал на «Джалите», мы его чуть не засекли там. От Гриши он получил фляжку с письмом капитана «Спинозы», передал ее Дубцову,— короче, выложил Виле все, что узнал от Гриши, да и Мария добавила,— вот Дубцов и вырулил на наш склад.

— Дубцов знает о складе?! — переспросил Ружицкий.— И вы еще спрашиваете, почему паника?

Гуров понял, что окончательно теряет авторитет: «больные» вот-вот начнут разбегаться.

— Не беспокойтесь обо мне, Ружицкий,— сказал он, поглядывая на других.— Дубцова я могу нейтрализовать хоть сейчас: он рядом... в санатории.

— Где?..— Ружицкий не поверил своим ушам.— В санатории? Нет! Вы, наверно, шутите, Гуров. В санатории сейчас представитель центра!

Гуров уже больше не держался за свой авторитет. Хотя бы голову спасти:

— Это провал! Не исключено, что мы блокированы! Виталий Викентьевич,— взгляд Гурова остановился на «дряхлом»,— настала ваша очередь действовать.

— Слушаюсь!

— Остальным уходить. А вы, Ружицкий, и ты,— Гуров обернулся к однорукому,— со мной в санаторий!... Ну, если Виля и на этот раз вывернется, я съем эту шляпу!

Гуров потряс шляпой и нахлобучил ее на голову по самые уши...

А Гриша, так и не дождавшись ведра, которое Олюня отнесла красноармейцу-повозочному, пошел к источнику с бидоном для молока. Дойдя до каменного льва, Гриша увидел на дорожке следы воды, выплеснувшейся из ведра. Следы показывали направление, в котором шел человек с ведром. Гриша пошел в этом направлении.

Ведро стояло у ограды пансиона. Красноармеец, вне всякого сомнения, перелез через забор в пансион мадам-капитан...

Гриша, не раздумывая ни минуты, побежал вдоль ограды санатория к тому месту, где только вчера разговаривал с Гарбузенко.

Из зарослей можжевельника ему навстречу выскочила Веста.

— Привет,— обрадовался Гриша,— где хозяин?

Веста беззвучно ощерилась.

— Я свой,— заверил ее Гриша,— Гриша я, мне твой хозяин нужен. Товарищ Гарбузенко. Только два слова... полслова сказать.

Из-за дерева вышел Гарбузенко:

— Ну чего ты до собаки причепывся? Ей приказано: с посторонними в разговоры не вступать.

Гриша рассказал про «красноармейца». Гарбузенко — как подменили:

— Тревога, хлопцы! — Из-за кустов высыпали вооруженные люди. Среди них был и буфетчик из кафе, и фабричные парни с «гочкисом».— Не дай бог, опоздаем, не дай бог!

ИЗ ДВУХ ДУБЦОВЫХ ОСТАЛСЯ ОДИН

Гуров, Ружицкий и однорукий пробежали через хозяйственный двор пансиона и, отогнув неприваренный прут ограды, пролезли в санаторный парк.

— Вы, Ружицкий, обойдите вокруг климатической станции — нет ли засады. Это вполне вероятно. Мы же, черт возьми, выпустили механика Гарбузенко,— сказал Гуров.

— Не мы, а вы.

— Выполняйте, поручик!

Ружицкий, пригибаясь, побежал через парк. Ему вовсе не улыбалось напороться на засаду. Нет уж! Скорей к лошадям — и подальше от этого гиблого места!..

В беседке, увитой граммофончиками, Тихомирова спешила закончить свой разговор с Дубцовым.

— У нас мало времени, господин Дубцов. Пока врач копается в историях болезни, я должна передать вам инструкции. Людям, которые будут приходить из лесу, передадите оружие и взрывчатку. Продовольствие тоже должно рассосаться по воровским притонам и спекулянтским тайникам. Голод и террор вызовут панику и спекулянтский бум, приучат население к мысли, что большевики не способны управлять страной. Вот тогда-то мы и выступим открыто.

— А пароли для людей, которые придут из леса? — спросил Дубцов.

— Те же, что и для нас: «Крымский воздух целителен, не правда ли?» — «Да. Но в груди теснит».

Больше говорить было не о чем, Тихомирова встала.

«Где же Гарбузенко? — встревожился Дубцов.— Я же оставил полотенце!»

Надо было потянуть время.

— Пароли, несомненно, вашего сочинения,— улыбнулся он.— Только дама могла додуматься.

— А я и есть дама. Хотя держала призы за выездку и стрельбу.

— Да-да! Я о вас в «Ниве» читал. «Дама-амазонка». Ходили слухи, что вы переодетый мужчина. Теперь бы я этого не сказал.

Послышался шелест опавших листьев, шум раздвигаемых кустов, быстрые шаги.

«Наконец-то!» — обрадовался Дубцов.

Но это был не Гарбузенко. За клумбами среди засохших табаков мелькнули фигуры Гурова и однорукого... Как-то вдруг опустело в груди — это всегда бывало с Дубцовым в минуты смертельной опасности. Что делать, если они при Тихомировой начнут выяснять с ним отношения?

— Уходите,— быстро сказал Дубцов,— мне не нравятся эти люди. Я их возьму на себя.

Он встал и вышел из беседки на дорожку, навстречу Гурову и однорукому. А Тихомирова — она оказалась не из трусливых — решила прикрыть Дубцова и, скрываясь за граммофончиками, стала заходить в спину приближающимся людям, на ходу вынимая наган из кобуры. Однорукий и Гуров одновременно выхватили оружие, бросились к Дубцову:

— Попался, сволочь!..

За их спинами Вильям Владимирович увидел Тихомирову с наганом.

— Чекисты! — крикнул он ей.

Тихомирова четко, как в тире, дважды выстрелила с руки: однорукий упал ничком к ногам Дубцова, Гуров опрокинулся на спину, его шляпа откатилась к Тихомировой. Тихомирова отшвырнула шляпу ногой и побежала через парк к своей пролетке. Пролетка уже была видна в конце аллеи, но Тихомирова резко замедлила бег. Она увидела, что Ружицкий стоит с поднятыми руками и вооруженные люди вынимают из карманов его шинели гранаты. Тихомирова пристроила наган в сгибе руки и постаралась успокоить дыхание, чтобы стрелять наверняка: по патрону на человека... Вдруг что-то огненное и живое метнулось ей под ноги.

— Ой! — Тихомирова взвизгнула, как и полагается женщине.— Собака!

Это была Веста...

Выстрелить в собаку Тихомирова не успела. Дубцов догнал и стал выворачивать наган из ее рук. Тихомирова впилась зубами в руку Дубцова. Подбежавший Гарбузенко с трудом оттащил ее от Вильяма Владимировича.

— Ну что вы цапаетесь? — укорял он ее при этом.— Вы же культурная женщина. Берите пример с собаки. Она вас цапала? Нет. И между прочим, не стреляла в санатории.

— Ей простительно,— вступился за Тихомирову Дубцов,— она убила двух злейших врагов Советской власти.

Тихомирова забилась в истерике, пытаясь плюнуть в лицо Дубцову.

— Плюете вы не так метко, как стреляете,— сказал Дубцов и, пожав руку Гарбузенко, направился к крыльцу санатория.

Он не успел остыть, но уже понимал, что каждый шаг отдаляет его от прошлого, где было два Дубцова: Дубцов — царский офицер и Дубцов — большевик-подпольщик, Дубцов — офицер белой контрразведки и Дубцов — разведчик Красной Армии,— а теперь остается один Дубцов, которого ждет мирное море, географические исследования и вот эта испуганная Маша на крыльце санатория...

Мария придерживала спиной дверь, чтобы дети не высыпали

на крыльцо. Ведь в парке санатория шла война, два раза даже стреляли. Папки с историями болезни она по-прежнему держала в руках, не зная, кто же теперь представитель новой власти,— Тихомирову арестовали при ней.

Дети во всем этом разобрались раньше Марии Станиславовны: Гриша растолковал Коле, Коля — Рае, а уж Рая всем остальным.

Выходило, что главным большевистским комиссаром оказался Дубцов!..

Но все эти вопросы мигом выветрились из головы Марии, когда Дубцов взбежал к ней на крыльцо.

— Это не в вас стреляли, Виля? — только и спросила она.— Поклянитесь, что не в вас!

Дубцов засмеялся:

— Как видите, не в меня. Успокойтесь и выпустите детей. Все уже позади. Мне осталось выполнить только одно поручение. Печальное, к сожалению. Но зато последнее. Последнее! — повторил он и побежал в сторону пансиона.— Я сейчас же вернусь!

ПОСЛЕДНЕЕ ПОРУЧЕНИЕ

Во дворе пансиона стоял автомобиль, на котором раньше ездил Дубцов, и зеленый грузовик. В кузов грузовика под прицелом «гочкиса» бодро прыгали все «больные». Рядом рыдала мадам-капитан.

— Я их жалела, думала — больные люди.

— Вылечим,— заверял ее Гарбузенко,— раз и навсегда. После нашего лечения их ни одна хвороба не возьмет.

Грузовик с арестованными выруливал к воротам, и Гарбузенко усаживался в автомобиль, когда в пансионе появился Дубцов.

— Вильям Владимирович! — обрадовался ему Гарбузенко.— Хорошо, что вы пришли. Портфельчик заберите свой... тот, что в машине оставили,— он протянул Дубцову его лакированный портфель.— Кстати, газетку, если не жалко, подарите мне. На память.

— Какую газетку?

— Где пишется про ограбление гохрана в Новороссийске. Вы еще Гурову давали почитать.

— Но вы же к тому Гарбузу не имеете никакого отношения.

Гарбузенко обиделся:

— Як це не имею? А кто ликвидировал ту банду?!

Дубцов вынул из портфеля газету и молча отдал Гарбузенко. Он не был расположен шутить. Разговор, который ему предстоял, был не из веселых.

В гостиной пансиона среди вспоротых кресел и выпотрошенных во время обыска диванов сидела мадам-капитан. «Перевоплощение» Дубцова ее нисколько не удивило. После предварительного допроса она поняла, что у красных здесь был свой.

— Значит, теперь вы меня будете допрашивать? — спросила она, когда Дубцов вошел в гостиную.

— Нет. Это дело личное, Настасья Петровна. К сожалению, не могу больше скрывать.

Дубцов достал из кармана пальто медную флягу-манерку, которую Райко Христов вез из Константинополя на «Джалите», отвинтил крышку и вынул свернутое трубочкой предсмертное письмо капитана «Спинозы» к жене:

«Милая Настенька!»

Настасья Петровна читала, и ее глаза наполнялись слезами.

«Не вини ты меня, ради бога! Вини их. Ты знаешь, кого...»

— Ва-а-сень-ка-а-а!..— Она обхватила руками голову.— Я же сама тебя убила, родненький, своей рукой!..

Дубцов налил ей воды из остывшего самовара, но она не заметила протянутой ей чашки — перед глазами то расплывались, то прояснялись строчки письма:

«...Впутали в бесчестное дело: принуждали вывозить из Крыма продовольствие... А в России дети пухнут с голоду... продовольствия... на борту не оказалось... не докажешь, что ты не украл...»

Она схватила руку Дубцова, державшую чашку с водой:

— Вильям Владимирович! Вы же его знали... Васеньку. То был святой человек. Другой на меня не захотел бы и плюнуть, а он в порту подобрал и всю жизнь на меня молился... Солнышко!.. Он бы меня простил. Я же не знала, что за продукты тут прячет Гуров, Васенька! — Она вновь забилась в рыданиях, будто стараясь докричаться до своего капитана, зарытого на православном кладбище в турецком городе.— Я ж для тебя старалась, меняла продукты на золото. Нам же на чужбине предстояло жи-и-ть!

«...Единственный, кто нас рассудит,— это тот никелированный револьвер, который я тебе, Настенька, не велел трогать... Он нас с тобой, родненькая, разлучит. Теперь уж навсегда...»

Дубцов слишком хорошо знал, как судят револьверы. Он ничем не мог помочь этой женщине. Только поставил чашку с водой на стол перед ней и пошел к выходу...

Мадам вскочила:

— Постойте! — она, оттолкнув кресло, шагнула к Дубцову.— Меня бог наказал и еще больше накажет, Вильям Владимирович, если я сейчас промолчу! Они продукты, что спрятали, детишкам не оставят, они завалят погреба!

Дубцов так и замер на пороге:

— Говорите!

— Английский фугас заложен, корабельный, для взрыва крюйт-камер... с часовым механизмом. Виталий Викентьевич, этот с виду полудохлый, он у них самый здоровый, должен был все проделать в случае провала. Мне он поклялся — это не опасно. Сказал, только кровля рухнет, завалит погреба — и красные ничего не найдут у меня предосудительного.

— Не опасно?! — Дубцов бросился к двери.— Там динамит!

Он, не разбирая ступенек, спрыгнул с крыльца и побежал к погребам, натыкаясь на кусты и деревья, потому что на дворе уже было темно. У чугунной двери дежурил матрос, тот, что до этого гнездился на дереве, наблюдая за окошком мезонина.

— Товарищ Дубцов,— обратился он к Вильяму Владимировичу,— скажите товарищу Гарбузенко, что вы сами убрали полотенечко с подоконника, а то... вы ж его знаете...

— Немедленно! — Дубцов его не слышал.— Выводите людей из санатория, в первую очередь — детей! Вот-вот взорвется динамит под полом!

Матрос сорвался с места. Дубцов не смотрел ему вслед. Отвалив тяжелую дверь, он вбежал в погреб, чиркнул зажигалкой. Освещая ящик за ящиком огоньком зажигалки, искал фугас. Огонек метался от его дыхания и поминутно гас. Дышать спокойно он не мог от волнения и спешки. Свистело и хрипело в груди.

Дубцов глубоко вздохнул и задержал дыхание. Огонек перестал метаться, наступила тишина и в тишине стало слышно тиканье часового механизма. Вот оно! Под ящиками с динамитом!

Снимая ящик за ящиком, осторожно, бережно, Дубцов наконец-то добрался до фугаса. Разряжать? Можно не успеть. С фугасом в руках он побежал к открытой двери, откуда тянуло холодом ноябрьской ночи.

Мадам-капитан была во дворе.

— Бросьте! — крикнула она, увидев Дубцова с его ношей.— Взорвется!

— Рано!

Сразу за оградой пансиона был обрыв к морю. Вильям Владимирович бежал на шум и запах моря, чтобы сбросить с обрыва свой опасный груз...

А в санатории уже все спали, когда прибежал матрос. Детей выносили вместе с одеялами. Мария несла Олюню, Гриша — сразу двоих. Коля и Рая тащили за руку упирающихся заспанных ребят. Еще никто, кроме Гриши и Коли, не успел понять, зачем и кому нужно это поспешное бегство, когда со стороны обрыва, за пансионом, донесся раскат взрыва и вспыхнул над темными деревьями огненный шар...

«НАД ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ У НАС ВЛАСТИ НЕТ»

— Еще в одна тысяча девятьсот двенадцатом году,— рвал кладбищенскую тишину голос Гарбузенко,— он сошел с офицерского мостика броненосца «Иоанн Златоуст» до нас, революционных матросов, и остался большевиком до своего последнего шага...

У ног Марии лежала плита с надписью: «Д-р Забродский Станислав Казимирович, 1861—1920 г.» — могила отца. Для Вили вырыли рядом...

— Мы, большевики Крыма, клянемся тебе, дорогой товарищ,— доносился до нее голос Гарбузенко,— довести до конца начатое дело: очистить наше днище от всякой поганой ракушки... бандитизма... шпионства... спекулянтства, что оставила контрреволюция в своем последнем гадючем гнезде!

Вокруг было полно народу: красноармейцы с трубами, матросы, парни с фабрики эфирных масел, дети из санатория, жители городка и приехавшие из Феодосии рабочие механических мастерских. Мария увидела на мгновение лицо Гриши, Олюня уснула на его плече... Неужели впереди еще целая жизнь без отца и Вили?..

— Я мало читал,— вдруг тихо, по-домашнему заговорил Гарбузенко, и от этого голос его раздался над самым ухом, дошел до Марии,— но я много видел. Мы с незабвенным товарищем повидали и синее море, и белые города, не скажу, чтобы слишком ласковые до простого человека. Но я вам так скажу: должно же быть хоть одно такое гостеприимное место, где бы трудящие всего мира могли спокойненько себе греться у моря на песочке; как какие-нибудь миллионеры.— Гарбузенко запнулся и сказал: — Жаль, мои диты того не побачуть...— И уткнулся лицом в мичманку, которую мял в руках...

В толпе всхлипнула женщина... Гарбузенко мичманкой вытер мокрое от слез лицо и повернулся к Марии.

— Над жизнью и смертью, товарищ доктор, у нас власти нет. Только на вас надежда.

...Когда все кончилось и люди разошлись, на краю кладбища у самого моря остался старый корабельный якорь с прикрученной к нему железной табличкой:

ДУБЦОВ В. В.

моряк

ТАКОЕ ГОСТЕПРИИМНОЕ МЕСТО
(Эпилог)

Через два дня Гриша пришел в тот самый особняк на набережной, где прежде была контрразведка. Теперь там располагался ревком. В бывшем кабинете Гурова заседал Гарбузенко.

— Ну как, товарищ Гарбузенко,— спросил Гриша,— вы еще не передумали назначать меня сестрой-хозяйкой?

— Передумал,— ответил Гарбузенко.— Ты что, будешь в юбке ходить? Так юбок у нас нема на складах. Давай краще мы тебе выпишем галифе и оформим приказом заведовать санаторией по коммерческой части. Только в лечебную часть не лезь. А то! — Гарбузенко с угрожающим видом потянулся к маузеру. Но вместо маузера у него теперь был телефон.— Ну, короче,— сказал он,— по лечебной части у нас будет Мария Станиславовна.

На этом, как считал Гарбузенко, разговор был исчерпан. Но Гриша топтался на пороге и никак не уходил:

— Боюсь, товарищ Гарбузенко, что я вам не подойду. Для меня они все одинаковые... Ну разве что одни пацаны, другие — девочки... А для вас, скажем, Коля — советский пацан, а Рая уже не советская дивчина.

— Почему же не советская, когда лечится в советской санатории?

Вот и все, что сказал Гарбузенко по этому поводу.

А на следующий день Гарбузенко поехал в Симферополь. Там его встретил Бела Кун — венгерский коммунист, председатель Крымревкома. Бела Кун жил в одной маленькой комнатушке с Дмитрием Ильичом Ульяновым, братом Владимира Ильича. Ожидали приезда наркома здравоохранения Николая Александровича Семашко. Дмитрий Ильич попросил Гарбузенко собрать для Семашко сведения о положении курортов в районе Феодосия — Судак.

Почему так срочно понадобились эти сведения, Гарбузенко узнал чуть позже, в конце декабря. А в начале декабря Гарбузенко пришел в санаторий к Грише и Марии Станиславовне. Пришел он не один, с ним пришла Веста. В зубах у нее была та самая детская корзиночка, в которой во время врангелевщины Веста носила подпольную почту. Теперь в корзиночке лежали хлебные карточки и талоны на «жиркость», принадлежавшие самому Гарбузенко.

— Нехай, коли будет ваша ласка, поживет у вас на санаторном, так сказать, режиме, пока я на новом месте приживусь.

Дело в том, что Гарбузенко переводился в Москву на работу в ВЧК.

...Москва была завалена снегом, ледяной ветер забирался под южную ненадежную одежонку, и Гарбузенко тут же на привокзальной площади затосковал по Крыму. Он не знал еще тогда, что сугробы да ледяной ветер станут его спутниками на всю оставшуюся жизнь, что придется ему командовать стройками в Сибири, а затем и, того похлеще, прокладывать Севморпуть — дорогу в Ледовитом океане.

Коля и Рая уже стали совсем взрослыми, у них даже сын рос Гриша, когда во всех газетах появилась фотография льдины, на которой, широко расставив ноги в огромных тюленьих торбасах, привязанных к поясу, стоял Гарбузенко. Льдина раскалывалась на куски, ее уносило течением куда-то чуть ли не в другое полушарие, но Коля, Рая и их сын Гриша были, как тогда говорилось, «на все сто» уверены, что со льдиной ровным счетом ничего не случится, пока на ней, расставив ноги, стоит Гарбузенко...

Но это все еще было впереди, а пока Гарбузенко в легких ботиночках топал по снегу к машине, в которой ждал его Степанов-Грузчик. Ждать ему пришлось долго: поезд, по обыкновению, опоздал,— и теперь Грузчик опаздывал на собрание актива Московской партийной организации. Услышав, что на этом собрании будет выступать Ленин, Гарбузенко потребовал от Грузчика везти и его туда. Грузчик, подумав, согласился:

— Ладно. Там наши ребята дежурят. Проведут.

И Гарбузенко попал, что называется, с корабля на бал.

Это было 6 декабря 1920 года. Гарбузенко впервые в своей жизни лично слушал выступление вождя пролетарской революции и, конечно же, не пропускал ни одного слова, но, когда Ленин заговорил о Крыме, стал подталкивать локтями сидевших рядом товарищей: мол, смотрите не прозевайте такой важный момент!

— Сейчас в Крыму,— сказал Ленин,— триста тысяч буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам.— И, сделав небольшую паузу, Ильич добавил: — Но мы их не боимся!

И Гарбузенко понял: Ленин отлично знает о работе его и других товарищей из ВЧК и КрымЧК.

Для Ленина действительно было очень важно, чтобы мы не боялись контрреволюционных заговоров в Крыму. Ленин готовил декрет о Крыме. Вернувшийся из поездки по Крыму нарком здравоохранения Семашко сразу же направился к Ленину в Совнарком. Он привез сведения о курортах, в том числе и те, которые собирал для него Гарбузенко по просьбе Дмитрия Ильича Ульянова.

Владимир Ильич тут же поручил Николаю Александровичу подготовить проект декрета «Об использовании Крыма для

лечения трудящихся», и через несколько часов Ленин с карандашом в руке редактировал текст:

«Благодаря освобождению Крыма Красной Армией от господства Врангеля и белогвардейцев открылась возможность использовать лечебные свойства Крымского побережья для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся всех Советских республик...» Дойдя до этого места, Владимир Ильич предложил добавить: «...а также для рабочих других стран...»

21 декабря 1920 года декрет был подписан и передан по прямому проводу в Симферополь Ульянову. Дмитрий Ильич ознакомил с декретом всех заведующих санаториями и главных врачей, и Мария с Гришей, каждый про себя, вспомнили тот ноябрьский день без солнца, когда Гарбузенко, утирая мичманкой слезы, заговорил про синее море и белые города, которые видели они с Дубцовым в плаваниях, и открыл всему городу свою нехитрую мечту:

— Должно же быть хоть одно такое гостеприимное место, где бы трудящие всего мира могли спокойненько себе греться у моря на песочке, как какие-нибудь миллионеры.

Геннадий Прашкевич

ВОЙНА ЗА ПОГОДУ

Глава первая. МОРСКАЯ СКУКА

1

Не окажись иа «Мириом» собак, Вовка Пушкарев помер бы со скуки прямо посреди Карского моря.

Поиятио, скука скуке розиь.

Заскучать можио и иа родиой Кутузовской, иа прекрасной этой и широкой набережиой, где прошла почти вся Вовкина четыриадцатилетияя жизнь. Но в Питере, где Вовка знал тайны всех ближайших проходных дворов, скука не проблема. Свистии закадычиого дружка Кольку Милевского — и вот оиа перед тобой развеселая и свободная жизнь! Хочешь, плыви в Петергоф, хочешь, гуляй по Новой Голландии, хочешь, добирайся хоть до Дудергофской горы, хоть до Комеидаитского аэродрома!

Заскучать, понятио, можио и в чужой деревянной Перми, куда Вовку с мамой эвакуировали осеиью сорок первого. Но и в Перми скука не такая уж проблема. Читай кииги. Включай чериый картоииый репродуктор, слушай сообщеиия Совииформбюро, а если уж совсем иевмоготу в холодиой чужой квартире, борозди себе иа воображаемом корабле иеобозримые ледовые простраиства замерзших оконииых стекол!

Но в море!..

Раньше Вовка так и думал: заскучать можио где угодио, только ие в море, тем более в настоящем. Но вот вздыхает, всхлипывает за кормой второе море подряд, а он, Вовка, так и ие увидел пока ничего иитересиого.

Н и ч е г о!

На две-три минуты гляиул из тумаиа голый, камеииый лоб

мыса Канин Нос, но в тот день Вовке было не до наблюдений. В тот день Вовку укачало до тошноты и он валялся на рундуке в тесной душной каютке. В беспросветной, в промозглой мгле (в ж м у ч н — так объяснил боцман Хоботило) прошло за кормой еле различимое желтоватое плато острова Колгуева. Укрытая мутным, с изморозью дождем (м о р о з г о й, по объяснению того же боцмана), явилась и исчезла по левому борту узкая полоска Гусиной Земли, обживал которую когда-то и его, Вовкин, отец — полярный радист Павел Дмитриевич Пушкарев. А еще несколько часов торчали они зачем-то под обрывистыми утесами мыса Большого Болванского. Но попробуй расскажи закадычному дружку Кольке, что он, Вовка, за все свое путешествие видел лишь этот Б о л в а н с к и й! Колька, понятно, его на смех поднимет.

Из тумана в туман, из жмучи в морозгу.

Он, Вовка, предпочел бы видеть р ы ч а р ы — этот крошащийся, выдавленный на берег лед.

«Странный у тебя род занятий,— сказал бы Колька Милевский.— Не мужской род!»

И оказался бы прав, потому что интересным морское путешествие было для Вовки только в самый первый день, когда караван грузовых судов под прикрытием сторожевика вышел из Архангельска и на борт «Мирного» поднялся военный инспектор. Весь экипаж морского буксира, а с ними и всех следующих на нем полярников собрали в кают-компании, даже Вовку пригласили — сиди, мол, только не вякай! — и этот военный инспектор, худющий и очень спокойный капитан-лейтенант (на кителе его строго поблескивали узкие погоны с четырьмя звездочками), деловито и как-то очень по-хозяйски заметил, что так, мол, и так, идет уже осень одна тысяча девятьсот сорок четвертого года и победа наша уже не за горами, а вот об осторожности забывать не надо. Совсем недавно, пояснил капитан-лейтенант, старика Редера сменил в фашистских верхах молодой адмирал Дениц, и этот адмирал — та новая метла, что чисто метет. Оживилась оберкоманда дер кригсмарине, обнаглели гитлеровские подводники — опять стали заглядывать в наши внутренние моря. Недавно, например, потопили у Новой Земли транспорт, а у Ямала загнали на мель баржу.

Больше всего удивило Вовку то, что нашему командованию, а значит, и военному инспектору были известны не только номера четырех прорвавшихся в Карское море подлодок, но даже фамилии их командиров — Мангольд, Шаар, Франзе и Ланге. «Интересно бы на них взглянуть, на этих фашистских командиров,— подумал Вовка.— Наверное, маленькие, злые, зубы железные. Лежат под водой на грунте, зарылись в ил, жрут кофе с печеньем, ждут, когда появится над ними кто-нибудь

послабее. Над слабыми, вроде той несчастной баржи, чего не покуражиться?»

Никаких подлодок в море, правда, пока не встретили, но капитан буксира «Мирный» Григорий Федорович Свиблов неустанно требовал от экипажа осторожности. А Вовку капитан Свиблов откровенно невзлюбил. Не место пацану на буксире! Все ему казалось, что шумит Вовка на все Карское море, все ему казалось, что отвлекает Вовка внимание вахтенных от страшного, низкого полярного горизонта. Натянет морскую фуражку с крабом на самый лоб, а сам так и зыркает: где Вовка? На шее белый шарфик, будто вышел капитан прогуляться по Невскому, на губах презрительная улыбочка — знает он, дескать, таких, как Вовка!

Понятно, время военное, но Вовка тоже мог помочь экипажу.

Карское море шумно вздыхало, предчувствовало долгую зиму. Старый буксир (каким только судам не пришлось поработать на победу!) срывало с волны, он проваливался в воду, вздымал тучи холодных брызг, встряхивался, как собака. Жалобно поскрипывали металлические шпангоуты, на палубах, на баке, в узких коридорных переходах однообразно и скучно, как в мастерской, пахло олифой, суриком, сырым пеньковым тросом. Круглая корма «Мирного» сильно раскачивалась. От качки немели ноги, но Вовка не уходил с палубы. Свой долг морю он отдал под Каиным Носом и теперь, бледнея, упрямо цеплялся за леера. «Не те пошли капитаны! — думал Вовка.— Пусть «Мирный» оторвался от каравана, далеко от серьезного сторожевика, но чего уж так бояться подводных лодок! Это ведь наш, это советский бассейн! Не мы, а нас тут должны бояться!»

Но, думая так, Вовка старался не упускать из виду ни один квадрат морской поверхности. Военный инспектор просил не забывать об осторожности. Не трусить просил, не прятаться в мертвые туманы, а именно — не забывать об осторожности! И это он, Вовка, поднял боевую тревогу, первым заметив невдалеке хищный вражеский перископ! Здорово и страшно рявкнула сирена, на корме в один момент расчехлили спаренные крупнокалиберные пулеметы. И разве он, Вовка, виноват в том, что «подлодка» оказалась полузатопленным бревном?

После ложной тревоги Вовку невзлюбил и боцман Хоботило.

Будь Хоботило похож на н а с т о я щ е г о боцмана — свисток на груди, клеенчатая зюйдвестка, высокие морские сапоги, волевой подбородок,— Вовка многое бы ему простил. Но боцман Хоботило больше всего был похож на пермского возчика: он таскал черный, отсыревший от тумана бушлат, разношенные кирзовые сапоги, от него вечно пахло суриком и олифой, а на голове красовалась самая обычная меховая шапка с отогнутыми вверх ушами.

Боцман в шапке! Ну какой это боцман?

А еще — фамнлия...

Мама пыталась объясиить: дескать, из поморов боцмаи. Дескать, у них там, у поморов, все фамилии чудные, а х о б о т и л о — это всего лишь узкий криво изогиутый мыс, глубоко вдающийся в море. Но лучше бы боцмаи Хоботило не вдавался так глубоко в Вовкиму лнчиую жизнь, и ие мешал бы Вовке спускаться в машииное отделение, где так сладко и жарко пахло машинным маслом, и ие запрещал бы подиматься на бак, откуда даже в тумаи можио было кое-что увндеть, и не мешал бы подкармливать ездовых собак, которые жили на корме в специальио сварениой для иих металлической клетке.

Собак везли иа остров Крайиочиой Вовкииа мама — метеоролог Клавдия Пушкарева и радист Леоитий Иваиович.

Мама есть мама. А с радистом Вовке опять не повезло. Ведь что такое поляриый радист? Человек волевой, сильиый, как, скажем, старый друг отца Эрист Теодорович Креикель. Зимовал иа Северной Земле, зимовал иа Земле Фраица-Иосифа. С Новой Земли, с ее камеиистых безжизиеиных берегов связывался по радио с аитарктической экспедицией американца Бёрда! Летал иа дирижабле «Граф Цеппелии», плавал иа зиамеиитом «Челюскиие», держал связь с родиой страной, находясь на дрейфующей льдине! Веселые песии зиал! «Снега у нас просторные, пространства — без коица...» С таким ие заскучаешь.

Или отец.

В свои сорок четыре года Вовкин отец успел облетать пол-Арктики. Обживал Новую Землю, заведовал зимовкой иа острове Враигеля, ии при каких обстоятельствах не срывал сеаисов радиосвязи. А дело непростое — достучаться из поляриой мглы до далеких советских портов или до идущих по морям караваиов.

А Леоитий Иваиович, мамии радист, оказался человеком очеиь близоруким. Ои иосил круглые смешиые очки в такой же круглой смешной металлической оправе, он абсолютио ко всем иа буксире обращался одииаково — братец! — ои вообще напомиiал веселый, ио плохо управляемый воздушиый шар. Кругленький, толстенький, он постояиио иаходился в движеиии: то сиимет шапку, пригладит ладоиью розовую лысиму, то вскочит, услышав скляикн, будто только сейчас узиал, что «Мириый» вышел в открытое море; на все всегда Леоитий Иваиович смотрел из-под своих круглых смешиых очков как впервые, и везде и всегда голос его оставался кругленьким и иасмешлнвым. Пи-пи-пи! Па-па-па! Будто морзяика попискивает, будто ие мужчииа, будто ие поляриик стоит иа палубе, а привязаи к лееру веселый воздушиый шар, затяиутый в меховую олеиью малицу. Совершеиио непонятио, за что

уважали Леонтия Ивановича собакн? Леонтий Иванович их не баловал. Напротив, кормил раз в сутки да еще Вовку предупреждал: «Ты это, братец, собачек не порть, не подкидывай им кусочки. Ездовая собачка, братец, она тощая должна быть. Жирная собачка нарту не потянет. Мне, братец, тощие красавцы нужны!»

Подпрыгивает, попискивает, как радиозонд, поблескивает очками. Нет, чтобы сидеть где-нибудь в тылу у фашистов и корректировать по рации огонь наших батарей!

Он, Вовка Пушкарев, имел право так думать. Несмотря на свои четырнадцать лет, несмотря на свой явно недоупитанный вид, он при первой возможности осаждал кабинет пермского военкома. Военком злился, вндя скуластую Вовкнну физиономию.

«Сколько тебе говорить? Подрасти! Такие, как ты, понадобятся нам после войны!»

«Я справку принес».

«Какую еще справку?»

«А вот какую!» — Вовка подсовывал военкому линованный лист, вырванный из тетрадки, и военком, сняв очкн, блнзоруко всматривался.

«Так...— вздыхал он.— Заявление... Пушкарев Владимир... Прошу направить в действующую армию... Это мы уже знаем... Подтверждаем, что Пушкарев В. занимался в клубе любителей-коротковолновиков...— Военком аккуратно складывал листок н возвращал Вовке: — Тетради бы поберег... У меня и профессионалы имеются, любитель. Твое дело — школа. Ты слово «оккупант» до сих пор пншешь через одно «к». Отцу сообщу!»

«А вот не сообщите!» — хмурился Вовка.

«Почему не сообщу?» — хмурился военком.

«На Севере отец...»

Вовка любнл отца, но со службой его была какая-то незадача. Радист-полярник Павел Дмитриевич Пушкарев с самого начала войны находился на острове Врангеля. Вовка понимал, что кто-то и там должен работать, но особенно на эту тему говорить не любил. «Где служит отец?» — «На Севере».— «В спецвойсках?» — «Положим...» Пусть будут спецвойска. Отец как бы хранил военную тайну. Но он, Вовка, своего добьется, он рано или поздно, но попадет на фронт. Он не Леонтий Иванович, чтобы плыть не на фронт, а от фронта.

Понятно, метеорологи и радисты тоже помогают фронту. Понятно, сидеть годами на голых полярных островах — испытание не из самых легких. Но с таким испытанием, в конце концов, вполне могла справиться мама (не зря нменно про нее вспомннло Управление Главсевморпути, когда понадобилось сменить полярников на острове Крайночном), с этим испыта-

нием мог справиться и он, Вовка! Зачем тащить на Север Леонтия Ивановича, когда фронту необходим каждый мужчина? Могли бы Вовку отправить на зимовку. Он — сын полярников. Он анероид с барометром не спутает, стратус от кумулюса отличит, а скажи: «Нарта нужна!», справится и с алыком — с этой ременной собачьей упряжью, соединившей в себе свойства хомута, чересседельника, подпруги, постромок, всего сразу. Мысленно Вовка не раз гнал нарту по тундре. В правой руке — остол, левой вцепился в баран, есть там такая деревянная дуга, чтобы за нее держаться. И с собачками Вовка нашел общий язык!

На «Мирном» в клетке семь крупных ездовых псов. Больше всего Вовке нравился вожак — Белый. Он правда был бел как снег. На фоне сугробов его и заметить трудно — глаза черные да нос. Вовка знал: Белый его уважает. Вовка знал: сунь он руку в клетку, погладь Белого, пес не тяпнет его зубами. Вовка тайком подкармливал собачек сэкономленными за чаем сухарями.

— Белый! Где твоя мамка, Белый?

Это у них была такая игра.

Услышав про мамку, будто понимая, Белый ложился на пол клетки, тихонько поскуливал. Далеко от Белого находилась его мамка. В Архангельске Леонтий Иванович обменял ее на новенький гелиограф Кемпбелла, и плыла сейчас мамка Белого к берегам Англии, а ее новый хозяин, наш союзник, штурман эсминца «Аллен» Берт Нельсон, гордился ею и трепал ее густой загривок, посматривая, не пикирует ли на них фашистский бомбардировщик.

Да, в Северном и в Норвежском всегда опасно. Но тут-то, в Карском?!

Вовке было стыдно за жирный угольный дым буксира, которым пахло, наверное, даже на дне моря. Вовке было стыдно за боцмана Хоботило, начинавшего суетиться, чуть лишь пробивалось сквозь облачность низкое полярное солнце. Вовке было стыдно за Леонтия Ивановича, которого вовсе не мучило назначение на зимовку. Вовке, наконец, было стыдно за себя, не уговорившего военкома отправить его на фронт. Пусть курсы коротковолновиков-любителей Вовка не закончил и справка у него была липовая, все же рацию он знал, а азбуку Морзе читал на слух. Конечно, он не даст двести знаков в минуту (это кореш Колька мог сыпать морзянку с такой быстротой, будто шел на дно), но с элементарными погодными сводками Вовка бы справился.

И вообще...

Будь Вовка капитаном «Мирного», буксир вел бы себя совсем иначе. Будь Вовка капитаном «Мирного», буксир не прятался бы от родного солнца. Будь Вовка капитаном «Мир-

иого», буксир н в одиночку шел бы прямо иа Крайиочиой, не шарахаясь труслнво из жмучи в морозгу. Появись фашистская подлодка, Вовка смело бы повел буксир иа тараи!

Но Вовка не был капитаиом. И взяли его иа борт только потому, что «Мириый» с Крайночиого шел в Игарку, а в Игарке у Вовки жила родиая бабушка — Яиа Тимофеевиа Пушкарева. Одиа только мама зиала, каких трудов стоило ей договориться с Управлеиием Главсевморпути взять на борт «Мнриого» сыиа. Поэтому, навериое, и сердилась: «Не попадайся людям под иоги! Не мозоль глаза! Не дерзи боцмаиу!» — «А чего ои обзывается «иждивеицем»! А чего он отобрал мой свисток!»

Мама только вздыхала.

Со свистком целая история. Утром выбрался Вовка на палубу, проскользиул иезаметио иа корму. Туман, сыро. Самое время испытать свисток, который Вовка спер в Архангельске со склада, когда ходил помогать грузить иа буксир пробковые пояса. Вид у свистка иичтожиый, а в ииструкции сказано: слышимость — пять миль.

Дуиул.

Хорошо, от души дуиул.

Пять ие пять, ио иа свист, произительиый и высокий, мгиовеиио вывалился из тумаиа вахтеииый, а за ним сам Хоботило. Ловчее портового краиа возиес Вовку иад палубой:

— Не зови лихо, когда оно тихо, иждивеиец!

До Вовки ие сразу дошло, что л и х о в даиином случае вовсе ие одобреиие, скорее хула. Опять получалось: все иа судие пасут друг друга от бед, радист иа связь ие выходит — «Мириый» иаходится в зоие радиомолчаиия,— только ои, Вовка, пассажир и иждивеиец, кличет это самое лихо.

— Откуда свисток, поливуха?

Вовка зиал: поливуха — это такой подводиый камеиь, через который вода перекатывается, ие давая буруиа. Опасиый камеиь, подлый. Сравиивать Вовку с поливухой было иечестио. Это он и выложил боцмаиу.

— Не учи бабушку кашлять! Ты своим свистком все Карское разбудил!

Кутаясь в малицу, появилась иа палубе мама. Из-под рыжей лисьей шапки выглядывал коичик рыжей косы. Нн о чем не спрашивая, попросила боцмаиа:

— Отдайте мие мальчишку, дядя Кирилл. Я его посажу за учебиики.

И сказала Вовке:

— Коичился для тебя август. Считай, живешь уже в сеитябре!

И пошла иетороплнво вниз, двумя фразами перекроив

календарь, создававшийся человечеством многие тысячи лет. А ведь до сентября оставалось целых три дня. Вовка мог совершенно законно бить баклуши и беседовать с Белым, и вдруг — сентябрь, приехали!

С мамой не поспоришь. Она в бабушку. Даже боцман Хоботило ни в чем не перечил маме. На острове Врангеля в пургу она разыскала и вывела к поселку двух заплутавших в тундре геологов. Она переплывала на байдарке зловредную Большую полынью. Она делилась погодой не только с материком, но и с эскимосами. Эскимосы, те даже приезжали к ней в Ленинград. С одним (его звали Аньялик) Вовка пил чай. Аньялик курил трубку и все время звал маму на остров Врангеля. «Без тебя скушно, умилек,— говорил он.— Мы олешков пасем тебе, умилек. Все эскимося ждут тебя, Клавдя!»

Получалось, история со свистком как бы обидела и маму.

А Яна Тимофеевна?

Десять лет живет в Игарке, в низовьях Енисея. «При могиле деда». Дед умер в начале тридцатых, и баба Яна ни за что не захотела вернуться в Питер. «Не брошу деда. Проживу при могиле». А когда Вовка побывал с мамой у бабы Яны, выяснилось, что живет она вовсе не при могиле, а в приземистом бараке, срубленном из черной лиственницы. Через весь барак тянулся коридор, тесно заставленный кадушками, ларями и сундуками. Там удобно было играть в прятки, стучать медяками о косяки. Стоило кому-то крикнуть «Атас!», вся вольная Вовкина компания мчалась в бабкину комнату. А туда сунься! Яна Тимофеевна Пушкарева так лихо умела дать отпор ворчливому населению барака, так уверенно попыхивала короткой трубкой, что ее не на шутку побаивались. Как только баба Яна приезжала погостить к дочери, в большой квартире Пушкаревых сразу начинало пахнуть трубочным табаком и березовыми вениками. Баба Яна обожала баню, особенно ту, что за Литейным мостом. «А тебе надо больше есть, задохлик! — покрикивала она на внука.— Я из тебя сделаю Амундсена!»

Это была ее мечта: сделать из задохлика Амундсена.

Вовка знал: Руаль Амундсен — великий полярный путешественник и исследователь, но почему-то ему казалось, что «сделать Амундсена» означает прежде всего научить его лихо отстаивать справедливость и, конечно, курить трубку.

Трубку он, кстати, попробовал. Засекла его в туалете сама баба Яна. Трубку отобрала, а внуку наподдала так, что даже мама возмутилась: «Он же еще ребенок!» — «Крепче вырастет!» — тряхнула седыми кудряшками баба Яна.

2

На бабу Яну Вовка не обижался.

Время от времени Вовкины родители надолго исчезали — очередиая зимовка. Тогда в питерской квартире воцарялась баба Яиа н жизнь сразу становнлась жутковатой и интересиой. Жутковатой потому, что баба Яна следила за каждым его шагом и не леннлась заглядывать в школу, а интересной потому, что Вовке разрешалось рыться в отцовских книгах. В осиовном это были работы по метеорологнн и радиоделу, но, к величайшему своему удовольствию, Вовка обнаруживал среди иих то «Альбом ледовых образований», то «Лоцию Карского моря», то книгу с совсем уж захватывающим названием «Грозы и шквалы». Это позволяло ему держаться на равиых с закадычиым дружком Колькой Милевским, единственным его другом, которого признавала баба Яна: «Этот самостоятельный!»

Баба Яиа была права.

Будучи старше Вовки на два года, Колька Милевский уже подрабатывал. Он, Колька, считал: главиое в жизнн — д е л о! Правда, еще и обстоятельства так сложилнсь: отец у него умер, матери надо было помогать.

Делом Колька заиимался на Литейиом, в ремонтной мастерской, расположенной в таинственном полуподвальчике старинного дома, помогая мастеру. Вовка любил забегать к нему в мастерскую. Там пахло канифолью, луженым металлом, кислотамн. Прнносили чиинть мясорубкн, паять кастрюли. Случалось, пригоняли детские коляскн — там ось полетела, здесь недостает спнц. Колька ие важнничал, поддергивал клееичатый фартук, посмеивался, сидя под репродуктором. И конечно, это Милевский затащил Вовку в клуб любителей-коротковолиовиков. Официально Вовку в клуб не приняли, ио Колька, любимчик отставного сержанта Паиькина, что руководил занятиямн, упросил его, и усатый этот сержант закрывал глаза на присутствие скуластого пацана, иикакнх особых надежд не подававшего, но что-то там выстукнвающего на тренировочном пищике. Как-то в июне, перед самой войной, пользуясь своим особым положением, Колька Милевский упросил сержанта проверить Вовку в деле.

— Пушкарев? — удивился сержант.— Нету такого в списке.

— Мало ли! Вот он, натурально сидит.

— Этот? — еще больше удивился сержант.— А ну, садись за параллельный телефои. Вот карандаш, будешь писать тексты.

Вовка, волнуясь, нацепил эбонитовые наушники.

С замиранием сердца вслушивался он в комариное попискиваиие морзянки. Передача шла из Хабаровска. Деловая

передача, быстрая. Слишком быстрая для Вовкнных ушей, понятня не нмевшнх о настоящнх эксплуатацнонных условнях. Ухватнт букву, потом другую, а слово не всегда складывается.

Сержант рассердился:

— Ты где это, Колька, раскопал такую хнлую форму жнзни? Тут не детскнй сад, тут курсы радиотелеграфнстов.

— Он не хилая форма! — обиделся н Колька.— У него отец полярный раднст!

Сглажнвая грубость сержанта Панькнна, Мнлевский забежал к Пушкаревым. Он к ннм ходнл с такнм же удовольствием, как Вовка в мастерскую. У Пушкаревых былн прнличные приемннкн, бнблнотека по радиоделу. Опять же, баба Яна. Она сразу спроснла:

— Ишь, смурные... Напакостнлн?

— Экзамен провалил,— честно прнзнался Вовка.— Подвел Кольку.

— А мог сдать?

— Мог! — вступился Колька за друга.— Если бы передача велась медленней, сдал бы!

— Кто ж это радн него будет медлнть?

— Практика нужна! — защнщал Колька друга.— У Вовкн какая практнка? Счнтай — ннкакой! Я сам им займусь. Я его натаскаю на это дело, а откажется сержант прнннмать экзамен, пожалуюсь одному своему прнятелю. Он н в Главсевморпутн, он н в академнн!

— Кто такой? — уднвнлась баба Яна.— Тоже слесарь?

— Академнк, баба Яна! Вот кто!

— Какой еще академик?

— Шмидт!

— Шмндт? — удивился и Вовка.— Т о т с а м ы й?

— Тот самый! Челюскннец!

— А где ты с ннм подружнлся? — засомневалась баба Яна.

— В трамвае.— Колька от бабы Яны ничего не скрывал, это в нем бабе Яне нравилось.— Я еду в трамвае, зайцем понятно, тут и берут меня за плечо. Влип, думаю, высадят. А голос не строгнй. Вежливый голос. Передайте, дескать, товарищ, грнвеннnк. Я, понятно, не спорю, передаю грнвеннnк, а сам глазом — зырк! Точно, он! Бороднща, что веннк, глаза голубые н рост под потолок! Поглянулся я Шмндту.

С Колькой не пропадешь!

Колька давно, наверное, надел форму. Трн года не вделнсь. За это время Колька, конечно, прорвался на фронт. Сиднт сейчас в боевом блнндаже — чуб направо, плечн шнрокие. А на рукаве кнтеля черный круг с красной окантовкой. А в центре круга две красные знгзагообразные стрелы на фоне адмнралтейского якоря!

«Эх, нет Кольки...— вздохнул Вовка.— Ладно! Нечего ныть! Не в Игарку же я плыву в самом деле. Это мама так думает — в И г а р к у. Это капитан Свиблов так думает — в И г а р к у! Это боцман Хоботило так думает... А у меня свои планы!»

От одной мысли о задуманном Вовкину спину жгли злые мурашки.

Но о задуманном Вовкой никто не знал.

Глава вторая. БРЕВНО ЗА КОРМОЙ

1

Тайна действительно была великая.

Завтра или послезавтра, знал Вовка, буксир «Мирный» бросит якорь в ледяную воду бухты Песцовой. Там, на ее берегу, уже два года ждут смены зимовщики. Стосковались по Большой земле, отвыкли от гражданской жизни, и все равно один из них подал рапорт — потребовал, чтобы его, Лыкова Илью Сергеевича, оставили с мамой и Леонтием Ивановичем еще на одну зимовку. Сам потребовал, понимая военную обстановку. Настоящий человек!

Вот при разгрузке буксира Вовка улучит момент и юркнет незаметно в ледяные торосы. Одет он тепло, карманы набиты сухарями. Время военное, капитан Свиблов ни за что не станет тянуть с отплытием: грузов «Мирного» ждут в Игарке! Ну, а Лыков Вовку поймет! Не может не понять. Только растает дымок «Мирного», Вовка и объявится! Он делом хочет помочь стране и зимовщикам. Обеды варить? Пожалуйста! Ходить на охоту? Хоть на белого медведя! Снимать показания с приборов? В любое время!

Кстати, снимают показания с приборов на метеостанции четыре раза в сутки, через каждые шесть часов — в час ночи, в семь утра, в час дня и в семь вечера. Он, Вовка, в любое время готов бежать на метеоплощадку. Фонарь привязан к руке, метели он не боится — в с е г д а г о т о в!

А если уж важны для мамы его школьные занятия, пожалуйста, он и заниматься готов. Вернется на материк, сразу сдаст все экзамены. Ведь самое главное это то, что, если он, Вовка, проведет достойно зимовку, если он, Вовка, поможет зимовщикам обеспечить бесперебойную работу метеостанции Крайночного, никто уже никогда не посмеет его упрекнуть в том, что в самый разгар наступательных боев одна тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда советские бойцы подошли к границам Восточной Пруссии, захватили важные плацдармы в Польше на Висле, освободили Молдавию и во-

сточную часть Прнбалтнкн, он, Вовка Пушкарев, сын полярников, трусливо отсиживался вдали от сражений в утепленном бараке своей бабки Яны Тнмофеевны.

Оно, конечио, нехорошо начииать жнзиь полярника вроде как с обмана. Прятаться, заставлять людей волноваться... Но Лыков явио его поймет, а он, Вовка, стахановским трудом смоет с себя вину!

Такие мысли успоканвали Вовку, но все равио на душе скребли кошки.

Еще как скребли!

Он н проснулся нз-за этого. Ннкаких кошек, коиечно, ие было. Но совсем рядом, в нескольких сантиметрах от Вовкиного уха, за тонкнм металлическнм корпусом буксира, там, где раньше уютно побулькивала, шнпела забортная вода, сейчас, леденя душу, что-то терлось о металл, отвратительно скрежетало. «Мнрный» то сбавлял ход, то вдруг рвался вперед, как собака из алыка.

Вовка повернул голову, взглянул на маму.

Мама спала. Она спала на левом боку, набросив поверх одеяла свою аккуратиую меховую малицу. Глаза мамы были закрыты, по щеке рассыпались рыжие кудряшки, тяжело, как золотая, лежала на подушке коса.

«Почему рыжих дразнят? Оии же краснвые!»

— Мама!

Оиа только сладко вздохнула, дунула, не просыпаясь, иа щекочущне ее кудряшки, н Вовке почему-то стало жалко ее. Ведь чего они только ие перевидали за этн три года! Эвакуация. Медленные поезда. Чужие дома... И работала мама не на метеостанцин, а на стройке. Это потом о ией вспомнили в Управленин Главсевморпутн, когда понадобнлась смеиа зимовщикам с Крайночиого.

«О маме вспомнилн! — возгорднлся Вовка.— Не о ком-нибудь! О маме!»

Ои соскочил с койки, прижался к нллюмииатору и ахнул.

За крутым, иависшнм над водой бортом «Мириого» быстро неслись, отставая от буксира, мелкне льдинки, то белые, то лиловатые, будто облитые чернилами. Со скрежетом цеплялись онн за борт, ползли вдоль него, крошились, подныривали под брюхо. Букснр бодался, вспарывал бронированным носом узкие льдины и упорио продирался к цели.

— Лед,— вздохнула мама, открывая глаза.— Когда успело натащнть?

— Ночью! — подсказал Вовка. Ои хитрил.— Я тоже догадался, что это лед.— Ему очеиь не хотелось, чтобы мама вспоминала о своем решенни перекроить мировой календарь. Но мама никогда не меияла решений. Она вндела Вовку насквозь.

— Чего смеяться? — обнделся он.— Вот затрет «Мирный» льдами, тогда посмеемся!

«А что! — сам же и зажегся он.— Вмерзнем в лед, как нансеновский «Фрам», начнем дрейфовать через весь Ледовнтый. Я заведу специальный журнал, буду отмечать толщнну льдов, погодные условня, всяческне проявлення полярной жизни. А потом выбьемся на вольную воду н встретят нас в Питере, как челюскинцев. Сам Колька Мнлевский будет стоять на балконе!»

Но мама сказала:

— Не хнтрн! Доставай учебннкн. Заннматься будешь все время, специально попрошу боцмана следнть за тобой. Сейчас прндет Леонтий Ивановнч, он погоняет тебя по-немецкому. Ты все запустнл.

И не выдержала:

— Не дуйся!

И не выдержала:

— Идн ко мне. Когда мы теперь увиднмся...

Вовка насупнлся. Не любнл этих телячьнх нежностей да н знал: скоро они увндятся! Нензвестно еще: обрадуется лн ему мама.

— Ладно, полярннк,— засмеялась мама.— Дуйся не дуйся, а немецкнм все равно займешься сейчас.

Натянула свнтер, глянула в иллюмннатор: заметила как бы про себя:

— Тертюха...

— Какая еще тертюха?

— Лед такой. Ледяная каша, ее тертюхой зовут. Если мороз не ударнт, она нам не страшна. А с правого борта, наверное, остров внден.— Она сразу погрустнела: — Ох, Вовка!

— А давай я слетаю на палубу!

— Не надо.— Мама умела быть жесткой.— Насмотрншься прн разгрузке.— И попроснла: — Вовка, помогай бабушке! Одна она. И трубку ее не слюнявь.

— А я слюнявнл? — обнделся Вовка.— Я курнул-то всего разок.

— Ну вот. А тошнило тебя до вечера.

— Подумаешь! — Вовка незавнснмо расправнл плечн. Но с мамой очень-то не поговорнщь. Сорок лет, а рассуждает, будто ей сто.

2

По грубым командам боцмана Хоботило, по грохоту сапог на палубе Вовка с тоской н восторгом понял, что «Мнрный» действительно подходит к острову. Но прямо перед Вовкой сндел на рундуке веселенький и лысый Леонтий Иванович. Он

посменвался, он поблескнвал стеклами очков, он выстукнвал что-то по столику. *Тире точка тире...* Вот ведь! Мама наверху возится со снаряженнем, а Леонтий Ивановнч, так называемый мужчнна, отннмает у Вовкн драгоценное время.

Точка тире точка точка...

«Морзянка!»

Тире точка тире...

«Буква К...» — дошло до Вовкн.

Точка тире точка точка...

«А это Л...»

Точка тире... Точка тире тире... Точка тире...

«Клава!.. Какая еще Клава?..— растерялся Вовка.— У него что, есть жена нли дочь? Ее что, зовут Клава?..»

Точка тире точка точка... Тире точка тире тире... Точка точка точка... Вовка сам машинально отстучал морзянку по столику. Он не хотел дразнить Леонтня Ивановича, но как-то само собой получилось — л ы с ы й.

— Готов? — усмехнулся Леонтий Иванович. И предложил, улыбаясь: — Начием с перевода. Согласен? — И медленно, прислушиваясь к ие очеиь-то уверенной Вовкиной морзянке, продиктовал: — Спартаковцы — друзья народа! — Он, навериое, прочел это в книжке.— Спартаковцы — опора народа, спартаковцы — его будущее. Теперь переведи на иемецкий.

«Почему у Леонтия Ивановнча такой кругленький голос? — задумался Вовка.— И почему он весь такой кругленький? И что, интересно, сейчас за бортом? Все еще тертюха или какая-ннбудь склянка, что лопается и звенит под носом буксира, как стекло? А может, там шипнт, разваливаясь, серый блинчатый п а л а б а ж н н к, с которого на Севере начинается зима? Или там с н е ж у р а, р е з у н, м о л о д и к?»

Точка тире точка точка... Точка... Тире точка... Тире... Точка тире точка тире... Точка точка...

«Л е н т я й! Кто лентяй? Он, Вовка, лентяй? Ну, Леонтий Иваиович! Сидит весь в очках, улыбается. Интересио, где он провел последние три года?»

— Хочешь стучать, стучи по-немецки,— засмеялся Леонтий Иваиович. Он Вовку тоже видел насквозь, хотя вопросы задавал явно бессмысленные. Чем, например, заиимается полярный медведь в знаменитом зоопарке Гагенбека?

— Известно чем! — не выдержал Вовка.— Развлекает фашистов.

— Ну и дурак! — заметил Леонтий Иванович. Не ясно было только, Вовку он имел в внду или медведя.— Отвечай, братец, развернуто на вопросы. И не бойся ошибиться. Я поправлю.— И вовсе не к месту спросил: — Одежонка у тебя в порядке? Дыр, опорин нет? Могу подштопать.

«Еще чего! — испугался Вовка.— У меня карманы забиты сахаром и сухарями. Две недели экономил, прятал. А тут сразу — показывай одежонку!»

— Все у меня заштопано,— сказал вслух.— Мама проверяла.

— Ах, мама...— непонятно вздохнул Леонтий Иванович, и круглые его глаза подернулись под очками мечтательной влажной дымкой.

Вовка даже разозлился: «Говорит про спартаковцев, а сам?..»

— Леонтий Иванович,— спросил, не глядя на радиста,— а где вы так хорошо изучили фашистский язык?

— Нет такого языка, братец,— покачал головой Леонтий Иванович.— Есть прекрасный немецкий язык. На нем «Капитал» написан. На нем говорит Эрнст Тельман. Ты, братец, с выводами никогда не спеши, а то вырастешь попрыгунчиком.

— А все же, Леонтий Иванович?

— В Поволжье я вырос, братец. Там немцев — пруд пруди. С немецкими пацанами рос. Пригодилось, тебя учу.

— А где вы зимовали, Леонтий Иванович?

— В Тобольске.

— Да нет, я про Север спрашиваю.

— А-а-а...— развеселился Леонтий Иванович.— В разных местах. На Белом, на острове Врангеля. На Врангеле вместе с Пашей, с отцом твоим. Я там в помощниках как бы ходил, только на Севере мы все друг другу помощники.— Леонтий Иванович рассмеялся: — Мы там, братец, маму твою здорово расстраивали.

— Как это?

— А медведи нам мешали. Повадились, понимаешь, никаких сил нет. Склад ограбили, удавили собаку. Мы с Пашей, то есть с Павлом Дмитриевичем, собрались однажды да и разыскали все три берлоги. Только в берлогу с карабином не влезешь, а медведи понимают, что нашкодили,— не идут на глаза. У Паши, то есть у Павла Дмитриевича, револьвер был системы «кольт», старый револьвер, но страшной убойной силы. Вот мы и лазали по очереди в берлогу, а твоя мама сердилась, братец.

— И вы лазали? — не поверил Вовка.

— А почему нет? — обрадовался Леонтий Иванович.

Вовка пожал плечами. Отец — да. Но чтобы кругленький Леонтий Иванович полез в берлогу...

Спросил, как бросился в омут:

— А почему вы не на фронте, Леонтий Иванович?

Вопрос радисту страшно не понравился. Он даже побагровел. Точнее, побурел. Вся его лысина побурела.

— Нахал ты все-таки, братец! Мальчишка и нахал! Ду-

маешь, фронт — это только там, где стреляют? Ошибаешься. Фронт, он сейчас повсюду. И у нас тут идет война. Особая, но настоящая война. Скажем, так: война за погоду! — И добавил, нахмурясь: — Иди прохлади мозги.— И буркнул под нос по-немецки, будто сердился: — Эр ист...— И дальше там: — ...блос айн Бубе!

Мальчишка, дескать!

Вовка даже плечами не стал пожимать. «Погодите, скоро увидите, какой я вам мальчишка!»

Вылетел на палубу.

Слева, мористее «Мирного», почти до горизонта тянулись широкие поясниы битого льда. Над отпадышами, околышами поблескивало солнце — низкое, негреющее. Над темными разводьями, похожими на кривые черные молнии, курились испарения. А справа, за неширокой полосой вольной воды, совсем близко белел невысокий берег острова Крайночного, окаймленный прибитыми, выжатыми на сушу льдинами. Рычары.

Вовка назубок помнил карту острова.

Еще бы не помнить! Зимовать собрался на острове.

Вон тот хребет — это, конечно, Двуглавый. Он голый и неприступный, он тянется с запада на восток через весь остров и делит его на две неравные части. Северная — берег бухты Песцовой, где под скальными утесами стоят в снегах бревенчатые домики метеостанции, южная — Сквозная Ледниковая долина, плоская как сковорода. Это на ее берега смотрел сейчас Вовка. «Почему Ледниковая? Там что, ледник лежит?» И сразу вспомнил про Собачью тропу. «Почему Собачья? Идет по ущелью, рассекающему хребет, а ущелье тоже названо Собачьим...»

«Мирный» решительно распихивал крепким носом редкий проносной лед. Льдины кололись, испуганно подныривали под буксир. Если прыгнуть вон на ту льдину, можно перепрыгнуть с нее на другую, можно так вообще допрыгать до берега. Правда, не стоит. Все тут открыто, Хоботило засечет сразу...

«Потерпим».

Вовка сбежал на корму, присел перед клеткой:

— Белый! Где твоя мамка, Белый?

Белый счастливо ощерился.

А Вовку морозило. Вовке казалось — все видят его оттопыренные карманы, все видят его натянутые под самодельную малицу свитеры. Потому он и прятался на корме — за собачьей клеткой.

Нелегко это — делать что-то тайком.

Вовка сидел на корточках перед клеткой, но смотрел не на собак. Знал, мама сейчас волнуется, Леонтий Иванович волнуется — нелегко расставаться с Большой землей. Знал, ка-

пнтан Свнблов волнуется — поскорее бы скинуть груз, увестн буксир под защнту матернка. И матросы волнуются, сочувствуют маме, Леонтию Ивановнчу. На острове остаются! Герон! Ннкто, конечно, не догадывается, что он, Вовка Пушкарев, тоже полярннк, тоже герой, только тайный. Он на остров сойдет потнхоньку, слава ему пока нн к чему.

Он послюннл палец, выставил перед собой.

Ветер меняется, все круче берет к северу. Это означает — упадет ночью температура. Сейчас около нуля, будет похуже. Не очень весело сндеть в торосах без огня, но придется. Зато капитан Свиблов нн минуты лншней не задержнтся у острова. Ему, кажется, ннкогда не нравнлнсь льды.

Высокая зеленая волна, шурша редкнмн льдннкамн, встала перед форштевнем «Мирного», с размаху хлопнула буксир под левую скулу. «Мнрный» вздрогнул, тяжело завалнлся на корму. Собак сбило с ног, онн, рыча, покатились по клетке. Черный дым ударил нз пузатой трубы, мутная вода жадно облапила брюхо буксира, такая мутная, будто «Мнрный» правда зацепнл вннтами дно.

Вовка так и подумал: «Дно зацепилн...»

И от мыслей этнх, от стылой воды, от тншнны, царящей над морем, стало ему жутко.

Вольная вода. Ннзкое солнце. Редкие льдины. Бревно стоячее несет над водой. Далеко несет. У таких топляков один конец набухает, погружается в воду, другой торчит над поверхностью. Совсем недавно Вовка нз-за такого же топляка поднял, дурак, тревогу. Но сейчас на палубу он не побежнт. Кое-чему научнлся, не желает он, чтобы орал на него боцман Хоботнло. Топляк, он и есть топляк. Пусть плавает, пока не утонет.

Бревно за кормой навело Вовку на новые мыслн.

Как нн мал остров Крайночной, но много есть на нем потаенных бухточек и залнвчиков. Не может быть, чтобы не занесло сюда течениями какой-ннбудь просмоленный бочонок с картами, нарисованными от руки, с запнскамн погнбающих в море путешественников. Вот тогда будет что рассказать Кольке!

«Пора,— решил Вовка.— Поднимусь к маме. Осмотреться надо. Скоро выгрузка».

Он ступнл на трап, ухватнлся за металлнческий поручень, собнраясь одннм рывком выскочнть на верхнюю палубу, но какая-то невыносимая, ннкогда не нспытанная им снла, несравнимая даже с железнымн мускуламн боцмана Хоботило, выдернула трап нз-под Вовкнных ног, швырнула Вовку в воздух.

— А-а-а! — успел выдохнуть Вовка, и тотчас в ушн ему что-то жадно, огненно ахнуло, опалило огнем. Мир льдов,

мутной воды, мир морского буксира мгновенно погрузился в мрачную тишину какого-то совсем другого, какого-то совсем еще неизвестного Вовке мира.

Глава третья. ЧЕРНАЯ ПАЛАТКА

1

Он почувствовал — ветер сменился.

Раньше ветер налетал порывами, теперь дул ровно, пронизывающе. Всей спиной, несмотря на малицу и два свитера, Вовка чувствовал нестерпимое ледяное дыхание, но встать не мог и сообразить не мог, почему он лежит на льду, а не на палубе «Мирного»? Левая рука, подвернутая при падении с трапа, онемела, саднило ушибленное плечо и обожженную щеку, но, наверное, и это не заставило бы его подняться, не пройдись по его лбу что-то влажное и горячее, совсем как собачий язык.

— Белый! — позвал он.

И хотел спросить: «Мамка где, Белый?» Но собственный голос прозвучал так хрипло, так непохоже, что он сам испугался.

Испугался и открыл глаза.

«Это небо. А это Белый. Он лапу поджал. И смотрит так, будто он, а не я спрашиваю про мамку. И лбом толкает. Лезет в карман. Сухари. Помнит. Хорошая у Белого память».

Сказать то же самое о своей памяти Вовка не мог.

Он боялся поднять голову.

Одно дело, если он действительно лежит на краю Сквозной Ледниковой — тогда можно будет подумать, как он сюда попал. Другое дело, если он просто свалился за борт, и буксир, застопорив машины, раскачивается рядом с берегом, и с палубы смотрят на Вовку Леонтий Иванович, боцман Хоботило, капитан Свиблов...

«Почему я не могу поднять руку? Примерз рукав? Почему примерз? Сколько времени я лежу на льду?»

Вовка с отвращением отодрал рукав малицы от пористого белого льда. Медленно поднялся. Его пошатывало. И «Мирного» он не увидел. «Мирного» не было, буксир, наверно, ушел.

До самого горизонта тянулись широкие поясины льдов, разведенных ветром. В полыньях лениво покачивались околыши, море вздыхало, играл на солнце ледяной блеск.

Льды.

Теперь это была не та тертюха, которую легко раздвигал укрепленный нос «Мирного», это были вполне приличные льды, нанесенные ветром издали.

Ледяные зубья, голубые клыки.

Угораздило бы «Мирный» врубиться скулой в такое вот поле, тут не то что Вовку, тут боцмана Хоботило выбросило бы за борт!

И ведь угораздило. Он, Вовка, лежит на льду, рядом Белый прихрамывает. Хороший оказался удар, если опрокинуло металлическую клетку с собаками.

Вовка потер ушибленное плечо.

Он стоял на самом краю огромной, выдавленной на берег льдины. Внизу хлопотала, всхлипывая, черная, как чернила, вода. Совсем близко темнела громада хребта Двуглавого. Это за ним, знал Вовка, лежит бухта Песцовая, это за ним уютно дымят домишки зимовки.

«И рукавицы нет. Левая на руке, а правой нет».

Вовка отчетливо, до малейших деталей представил, ч т о сейчас делается на палубе «Мирного». Боцман всяческими словами поносит этого беспутного поливуху, его, Вовку, испортившего весь рейс, Леонтий Иванович по-немецки поносит сбежавшего пса, капитан Свиблов презрительно усмехается — ох, уж это Управление, навязавшее ему такого дурацкого пассажира! «Льды! — тычет перед собой Свиблов.— Не морозь, не молодик. Крепкие льды! А у меня, сами понимаете, груз. К берегу не пойду, пусть с зимовки Леонтий гонит за пацаном упряжку!»

А мама?

Если бы мама увидела, что его, Вовку, выбросило за борт, она добралась бы до него даже вплавь.

— Белый!

Вовкин голос прозвучал хрипло, неуверенно. Негромко прозвучал. Даже Белый взглянул на Вовку с недоумением.

«В з р ы в! — дошло до Вовки.— Я же помню: огнем ударило! Это подлодка была! Это не бревно за кормой качалось! А я, дурак, никого не предупредил!»

Со страхом он огляделся.

Где они — разбитые шлюпки, обломки надстроек, нетонущие пробковые пояса?

«Ничего нет! — обрадовался.— Отбился «Мирный». Спрятался от торпед во льды, а к пушке фрицев не допустили пулеметчики. Меня взрывом выбросило, но «Мирный» ушел. Сейчас в бухте Песцовой Леонтий Иванович собирает упряжку. Часа через три здесь будет. Меня же и отругает. «Ушло,— скажет,— судно. Не стал тебя ждать Свиблов. Ушел, пока ты тут за бугром болтался!» Кругленько так скажет.

Ему, Вовке, это и надо. «Никакого обмана. Просто в ы б р о с и л о з а б о р т. Зимую поневоле».

Ободренный, Вовка взглянул на хребет.

Но такие темные, такие угрюмые ползли по распадкам тучи,

что ледяной холодок вновь тронул его тощую спину. Приедут за ним или нет, пока он о д и н. И даже рукавнчки у него нет. А ветер холодный. И теплей ночью не станет.

«Зато мама ни за какие коврижки не посадит меия обратно на буксир. Раз за «Мирным» охотятся фрицы, ие посадит оиа меня на буксир!»

«А еслн не приедет Леонтий Иванович? Если буксир ушел в море и отстаивается во льдах? Если капнтан Свиблов уйдет из-за подлодки в Игарку?»

«Трус! — обругал себя Вовка.— А еще хотел спрятаться в торосах! Два свитера натянул!»

«Колька бы не струсил»,— сказал он себе. И позвал:

— Белый!

Голос все еще звучал хрипло, растеряино. Белый даже голову не повернул. Но как мог звучать Вовкии голос, если, повериувшись, наконец, к морю, он, Вовка, с ужасом разглядел на одной из вздыблеиных, обкрошениых льдин бесформеиные, но ясио различимые ярко-алые пятна.

«Сурик! — с запозданием, но догадался Вовка.— Это сурик. Это краска, которой покрывают диища судов. «Мириый» ворочался тут как мамонт, уворачивался от фашистских торпед, лез сквозь льды, не разбирая дороги! Отбился, ушел, вот только льдину всю перепачкал. Надо теперь самому топать на станцию».

Он не мог оторвать глаз от ярко-алых пятен.

Почему он не увндел их сразу? И что там на льду делает Белый?

Он снова окликнул собаку, но Белого оклик не остаиовил. Прихрамывая, припадая на переднюю лапу, пес бежал по краю округлой широкой полыньи, поскуливая, водил иизко опущенным черным носом. Вдруг, остановившись, яростно заработал переднимн лапами, будто нору рыл или прокапывал спуск к воде.

— Белый!

Пес продолжал работать. А под Вовкиным унтом что-то непонятно хрустнуло.

Щепка!

Самая обыкновенная деревянная щепка...

«А разве щепки бывают не деревянные? — тупо спросил себя Вовка. И так же тупо ответил: — Бывают». А сам думал: никогда в жизни не видал он ничего более мрачного, чем эта обыкновенная щепка. Всего лишь щепка, а спину так н леденит.

— Белый!

Пес и сейчас не обернулся. Покрутившись на месте, он уселся прямо на лед н, вскинув вверх лобастую голову, тоскливо, днко завыл. И вой этот оледенил Вовку почище ветра.

Охиув от боли в плече, Вовка бегом припустил к полынье. Не может Белый завыть ни с того ии с сего. Там что-то есть такое, в этой проклятой полынье!

И застыл на бегу.

Замер.

В полынье, на шнроком ледяиом языке, под алымн пятнамн сурика, наполовиу выброснвшись на голубоватый этот ледяной язык, лежал вннз лицом боцмаи Хоботнло.

Он лежал лицом вннз, но Вовке совсем не иадо было видеть его лнцо. Он узнал боцмана сразу — по черному бушлату, по кирзовым сапогам, по мощным раскниутым рукам. Вот только шапкн не было иа боцмаие. Редкне волосы иа затылке обмерзли, тонкнмн сосульками обвнсалн к неподвнжной воде.

Молча, не веря самому себе, забыв о Белом, забыв вообще обо всем, Вовка сделал шаг к полынье.

Его била крупиая дрожь.

Он знал: надо спустнться к воде, надо помочь боцмаиу, но ногн отказалн ему. Позвал шепотом:

— Дядя боцмаи!

Хоботнло не отозвался.

— Дядя боцман!

Хоботнло молчал.

«Я трус,— с ужасом подумал Вовка.— Я боюсь спустнться к воде!»

Он думал так, а сам медленно, понемножку, спускался н, наконец прнсев, коснулся рукой обледенелого боцманского бушлата. Сукно показалось ему стеклянным. Такнм же стеклянным, похожнм иа прозрачную янчную скорлупу, показался ему заледенелый затылок боцмана.

«Что я делаю? Зачем я тяну за хлястнк бушлата? Он, хлястик, сейчас оборвется...»

Хлястик, правда, оборвался.

Не мог Вовка вытяиуть нз воды такое большое, такое грузное тело.

Он сел на краю полыньн и заплакал.

«Это подлодка была. А я увндел перископ н прниял его за бревно. Я ннкому ие сказал, боялся — будут смеяться».

«Где мама?»

Вовка плакал. Ои ие мог оторвать глаз от боцмаиа, от черной неподвижиой воды.

«Там, вннзу, под водой,— подумал он,— лежнт сейчас на грунте чужая подлодка. Там, вннзу,— подумал он,— чужне матросы поздравляют с победой Шаара нлн Мангольда, Франзе нлн Лаиге. Они,— думал ои,— пьют сладкнй горячий кофе и гогочут иад иесчастным букснром, так снльно дымившнм своей пузатой трубой».

«Нет! — ие поверил ои.— Не могли они утопить буксир.

Пулеметчики им не дали. Вон ведь ледокольный пароходик «Сибиряков» сражался против целого линкора!»

«И погиб! — вспомнил Вовка.— Геройски, но погиб...»

Он не хотел так думать о «Мирном». Все в нем сопротивлялось таким мыслям. Не могло не сопротивляться. Ведь на «Мирном» была мама!

Он не смог вытащить боцмана из полыньи. Но и оставить его в воде он не мог. А если боцман очнется? Если боцман крикнет: «Эй, на шкентеле! Руку!»

«Бежать надо. На метеостанцию».

— Белый!

Но Белому было не до Вовки. Белый настороженно обследовал валяющийся неподалеку ящик.

— Белый! — утирая слезы, крикнул Вовка, а сам уже стоял над ящиком, отдирал его фанерную крышку.

Шоколад!

Шоколад «Полярный».

Однажды, еще до войны, забежал к Пушкаревым знаменитый друг отца — радист Кренкель.

Маме — цветы, Вовке — плитку шоколада.

Он хорошо помнил: шоколад «Полярный».

А Кренкель устроился на диване, посмеиваясь, рассказывал отцу о своей давней поездке в Германию. В тридцать первом году Кренкеля пригласили участвовать в полете на дирижабле «Граф Цеппелин». Забыв о шоколаде, Вовка ждал приключений — взрывов в воздухе, бурь в эфире. Но Кренкель не столько говорил о дирижабле, сколько ругал польскую охранку — дефензиву. Они, эти дефензивщики, отобрали у него на границе журнал «Огонек» и газету «Известия», а кроме того, все, как один, походили на генералов, так лихо позвякивали их шпоры, так воинственно топорщились усы, так ярко вспыхивали под солнцем медные полоски на ободах роскошных конфедераток.

Оглядываясь на полынью, Вовка положил в карман несколько шоколадных плиток. Это он угостит маму и Леонтия Ивановича, шоколад ведь везли для них. «Вот ведь как удачно получается,— сглотнул он слезы.— И сам приду. И приведу Белого. И еще шоколад будет».

Он твердо знал: не мог погибнуть «Мирный». Капитан Свиблов не мог допустить этого. Капитан Свиблов самый осторожный капитан Северного флота, он не подпустит подлодку к «Мирному».

О боцмане Хоботило Вовка старался не думать.

Лежащий в полынье боцман сразу разрушал все его мысленные построения.

2

Он брел по плотному снегу, под низким и тусклым небом, кусок шоколада таял во рту, но из-за слез Вовка не чувствовал его вкуса.

В Перми, в эвакуации, вспомнил он, время тянулось так медленно. В Перми мама возвращалась со стройки так поздно. Но все равно, лучше бы он сидел сейчас в Перми, в той чужой холодной квартире. Пусть поздно, но мама возвращалась. Она присаживалась рядом, обнимала Вовку: «Как там отец? Ему небось холоднее».— «Ничего,— сонно бормотал Вовка.— Он же не на фронте».— «Оболтус! — вскипала мама.— Дался тебе этот фронт!»

Пусть бы мама сейчас сердилась, лишь бы «Мирный» ушел от подлодки.

Глотая слезы, Вовка брел вдоль берега, думая, как не повезло боцману Хоботило и как несправедливо везет ему, Пушкареву Вовке. И Белый сзади хромает, и карман набит шоколадом, и на метеостанции ему обрадуются.

— Устроился...— зло шептал себе Вовка.— Сперва на «Мирном» устроился, иждивенец, всем мешал, теперь иду на станцию. А Хоботило...

Будто желая остановить Вовку, дать ему одуматься — куда это он бредет? — встала по правую руку чудовищная каменная стена, иссеченная черными прослоями. Будто бросили на снег огромную стопу школьных тетрадей, смяли их, переложили копировальной бумагой.

«Как уголь...» — подумал Вовка.

И понял: уголь. Каменный. Сыплется сверху из черных прослоев. Вон сколько насыпалось — целые горы.

Но остановила Вовку не каменная стена, не угольные пласты, секущие эту стену.

Палатка!

Под каменной стеной, среди черных угольных глыб торчала самая обыкновенная брезентовая палатка.

Вид у нее был нежилой — застегнута, зашнурована, поросла поверху густым инеем. Но это была самая настоящая палатка, и над нею, укрепленный растяжками, возвышался деревянный шест — антенна.

— Эй! — завопил Вовка.

Белый, лая, мчался рядом, но, не добежав до палатки, остановился, настороженно повел носом.

Вовка никаких запахов не чувствовал.

Холодя пальцы, расшнуровал обмерзшие петли, залез, сопя, в палатку.

Никого.

В дальнем углу — деревянный ящик. У входа — примус,

бидон, видимо, с керосином, его-то и унюхал Белый. И свернутый спальный мешок.

«Что в ящике? Неужели опять шоколад?»

Но в ящике хранился не шоколад.

В ящике хранилась рация.

Металлический корпус холодно обжег пальцы, но все было при ней, при этой рации — и эбонитовые наушники, и пищик, и бронзовый канатик антенны, и батареи. Тут же, обернутые резиной, лежали три коробки спичек «Авион».

«Рация! — радовался Вовка.— Если надо, я сам выйду в эфир!»

Он вовремя вспомнил о зоне радиомолчания. Если рядом действительно бродит фашистская подлодка, разумней было молчать.

«Маленько отдохну,— сказал он себе.— Маленько отдохну и на станцию».

— Совсем маленько отдохну,— сказал он вслух, озираясь, а сам уже качал примус, негнущимися пальцами зажигал спичку.

Спичка, наконец, вспыхнула, примус зашипел, пахнуло в лицо керосином, теплом — *живым* пахнуло. И, сдерживая готовые хлынуть слезы, Вовка с презрением сказал себе: «А еще во льдах хотел прятаться!»

«В сентябре-то! — Сейчас, добравшись до палатки, Вовка не хотел прощать себе ни одной ошибки.— Снегу тут в сентябре на ладонь».

Сын полярников, он в общем представлял, что это такое — полярная осень.

Никакого медленного угасания природы.

Не падает листва с деревьев, не жухнет, свертываясь в ветошь, трава. Нет тут травы, нет тут деревьев — не с чего падать листьям. Просто однажды над голой тундрой, над безлюдными островами, над мертвым проносным льдом начинает бусить дождь, низкая *синевица* недобро ложится по краю неба, а ночные заморозки стеклят ручьи, промораживая воду до самого дна.

Вот тогда-то и падают на тундру шумные ветры, несущие с собой бешеный сухой снег.

«А я хотел в снег зарыться...»

Примус шипел, в палатке заметно потеплело. Сверху, с оттаявшего тента, сорвалась мутная капля.

«Отдохну маленько...»

Но рыкнул злобно Белый.

Рядом рыкнул, у входа в палатку.

И так же злобно залились в ответ чужие собаки.

«Леонтий Иванович?..»

Торопясь, Вовка рвал на себя полу палатки, торопился

увндеть собак. И увидел нх. И еще на нарте увидел: цепляется за деревяииый баран остолбеиевший от самого его присутствия бородатый приземистый человек.

Глава четвертая. В БУХТЕ ПЕСЦОВОЙ

1

Бороду неизвестный забрал в ладонь, так что из-под рукавицы клочьямн торчали русые волосы.

— Гин!

Крнчал он на своих собак, ио Белый, ощерившись, тоже поджал хвост, отступил за палатку.

Бородач соскочил с нарт.

Малица иа нем была потерта, поиошеиа. Вовка увидел пару заплат. А еще больше удивил его рост бородача: при такнх мощных плечах он вполие мог оказаться раза в два выше.

Округлив глаза, бородач ошеломленно выдохиул:

— Ты кто?

— А вы ие от мамы?

Бородач совсем ошалел:

— Хотел бы я увидеть здесь маму!

— А «Мириый»? — Вовка все еще наполовину торчал из палатки.— Разве «Мириый» ие пришел?

— Хотел бы я увидеть здесь «Мириый»!

— Мы — смена,— выдохнул Вовка. Ои был в отчаяиии.— Я — Пушкарев с «Мириого».

— Гии! — заорал бородач. Не иа Вовку. На Белого, вновь облаявшего ездовых псов.

— Гнн! — бородач с снлой вогиал остол в сиег, намертво заякорил нарты. Одиим движеннем втолкиул Вовку в палатку, резво, как медведь, ошалело уставился на раскрытый ящнк с рацней, на раскииутый спальный мешок (на нем сидел Вовка), на примус, издающий веселое ядовитое шипенне.— Смена, говоришь?

— Смена.

— Не староват для зимовки? — неприятно ухмыльнулся бородач и скннул шапку. Голова оказалась неожиданно круглой, коротко стриженной. Ои быстро, удивлению крутнл ею, недоверчиво щурился: — Сколько тебе? Одиииадцать?

— Почти пятиадцать,— с надеждой приврал Вовка, ие сводя глаз с иезиакомца.

— Лгун!

— Почему? — нспугался Вовка.

— Где тебя отлучнло от «Мирного»?

— А разве «Мнрный»...

— Гнн! — заорал бородач. Вовкииы вопросы, похоже, ничуть его не заннмали.— Что ты делал на «Мнриом»?

— Плыл к бабушке.

— К бабушке? — ойкнул бородач.— Не иадо! Не встречал я на Крайночном бабушек.

— Я плыл в Игарку,— совсем упал духом Вовка.— А на Крайночной плыла смена.

— Кто? — быстро н недоверчнво спроснл бородач.

— Мама,— поежился Вовка. Он вндел, незнакомец ему не верит.— Ее зовут Клавдня Ивановиа. И еще раднст. Леоитнй Ивановнч.

— А, знаю! — притворно обрадовался бородач.— Леоитнй Петрович, как же! Длинный такой, с усамн!

— Неправда,— дрожащнм голосом возразил Вовка.— Он не длннный. Он толстенькнй. И голос у него тонкнй. И не Петрович он, а Иванович.

— Вот я и говорю — Семеныч. Давно с иим мечтаю встретнться.

Вовка видел: ему не верят. Вовка вндел: бородач не может объяснить его появленне в палатке. Но похоже, бородача здорово тянуло к Вовке. Он даже наклоннлся, он даже пропел фальшнво:

— «Цветут фналкн, ароматные цветы...» — И быстро спросил: — Патефон везете?

— Наверное.— Вовка не видел средн снаряження патефоиа, ио огорчать бородача ие хотел.— Вещамн мама заведует.

— А чего ж ты болтаешься тут однн, Пушкарев Владимир?

— Я не один,— похолодел Вовка.

— Собакн ие в счет. У меня нх шесть штук, так я ж не говорю: иас семеро.

— Я не один,— с отчаяннем повторнл Вовка. Ои сразу вспомннл о боцмане, лежащем в полынье.

— Кто еще? — прнвстал бородач.

— Там... В полынье... Там боцман... Я не мог его вытащнть...

Бородач выругался:

— Гасн прнмус! Расселся!

Вовке во всем хотелось слушаться бородача. Он вдруг поверил: если ои во всем будет слушаться бородача, онн сейчас спасут боцмаиа, они иайдут «Мириый», они увндят маму. Но бородач враз помрачнел.

— Гни! — прикрнкнул он иа собак.— Зови своего пса. Нарты оставим здесь. Собачкн у меня ненецкне, нн бельмеса не поннмают по-русски. А твой, я гляжу, помор.

— Ага,— мотнул головой Вовка.— Он нз Архангельска. У иего мамку увезли в Аиглню.

— Союзннкн?

— Ага.

— Дружбу крепят?
— Ага.

На ветру ушибленное плечо вновь заныло. По всему горизонту, сводя Вовку с ума, лежала мрачная синевица. От всеобщей этой химической тусклости, от мертвенной тишины, низкой и бледной, еще страшнее, еще ужаснее показались Вовке кровавые пятна сурика, ярко выделяющиеся на белых плоскостях вздыбленных льдин.

— Понятно...— озираясь, бормотал бородач.— Покоптили немножко. Костерчик жгли, нет?.. Шучу я... Шучу... А это, значит, и есть боцман? Видный мужчина. Ругаться, наверное, любил.

Наклонившись над боцманом, бородач пытался расстегнуть промерзший бушлат.

— Не получается... Ладно... Ты его личность, значит, удостоверяешь, а я твоим словам, значит, верю. Так? — И подсказал Вовке: — Говори, т а к! И губу подбери, наступишь на губу. Тащи боцмана за руку!.. Что значит, не можешь? Тошнит? Ничего! С возрастом и это пройдет, Пушкарев Владимир. Боцмана вот не тошнит, а я не знаю, кому из вас сейчас легче.

Вовка сжал челюсти.

Он уже видел, как хоронят людей. Он уже видел раненых в госпиталях. Он много навидался за последние три года. Но ведь боцман Хоботило совсем недавно был жив, боцман Хоботило совсем недавно прикрикивал на него, топал на него сапогами...

Механически, не понимая, что, собственно, он делает, Вовка подтаскивал обломки льда к глубокой трещине, в которую бородач с трудом уложил тело боцмана.

— Потерпи, братан,— вслух бормотал бородач.— Ты на нас не сердись, братан. Ты полежи, отдохни, мы тебя потом устроим по-человечески.

«Это он боцману...» — думал Вовка.

— Хороший был мужик?

«Это он мне...»

— Помор, сразу видно. Они, поморы, здоровые. Много примет знал, наверное. Они в этом деле знатоки.— Бородач неожиданно прикрикнул на Вовку: — Эй, на шкентеле! Плыть нам с тобой, стрик полуношника, к северу! Восточники да обедники — морозные ветерочки! Так боцман говорил?

Вовка с трудом кивнул.

Бородач нахмурился:

— Ты, Пушкарев Вовка, морду не вороти в сторону. Ты уйми желудок. Ты в серьезную историю ввязался. Братана морского хороним. Нашего братана.— И разрешил: — Топай к палатке.

— А ящик?

— Какой ящик?

— Вон...
— Что в ящике?
— Шоколад.
— Ну? — бородач полез в ящик.— Правда! Мы ящичек возьмем на плечо. Шоколад — это большой подарок. Ты еще сам налопаешься этого шоколада.

«Никогда больше не буду я его лопать»,— с отвращением подумал Вовка. А вслух сказал:

— Мы, наверное, скулой врубились в льдину.— Он ни на грош не верил себе, но убеждал бородача: — Вот меня, наверное, и выбросило на лед. Я ничего не помню. Стоял на палубе, а потом — лежу на льду. И боцмана выбросило. И Белого.

Он боялся, он не хотел упоминать подлодку.

Была ли подлодка?

Бородач ошалело взирал на Вовку. Он взирал на него как на сумасшедшего. И поддакнул как сумасшедшему:

— Бывает. Неосторожно шли.

Слишком легко он согласился с Вовкой, и Вовке это было противно, будто оба они, не сговариваясь, обманывали друг друга.

А бородач думал: «Не договаривает малец. Стукнись буксир о лед, гарью бы не попахивало. И ящик на льду. И боцман. И собака. Уйди «Мирный» в море, я бы заметил его. Берегом ехал. Боится малец. В шоке».

Убойный снег поскрипывал под ногами. Подмораживало. Ветер упрямо брал круто на юго-запад, мел по всей Сквозной Ледниковой.

«Триста... Триста пятьдесят... Четыреста...— считал Вовка шаги.— Почему он идет так быстро? У него же на плече ящик».

Шел, не веря, что каких-то три часа назад он стоял у иллюминатора, а на рундуке, раскидав по подушке рыжую косу, спала и улыбалась во сне мама.

2

Палатка остыла.

Бородач разжег примус, поставил на него котелок со снегом.

— Чаёк любишь?
— Ага.

Бородач усмехнулся:

— Я тоже.
— У меня сахар есть. И сухари.
— Откуда? — подозрительно покосился бородач.— Там что, еще валяются ящики?

Вовка ие ответил. Ои сжал в ладоиях жестяиую кружку с кипятком, и оиа замечательио обожгла ладоии.

— Ладио,— сказал бородач.— Мы люди заиятые. Давай, Пушкарев, выкладывай. Как иа духу выкладывай. Все и без враиья!

И Вовка выложил.

Все выложил.

О «Мириом», вышедшем из Архаигельска с зимовщиками для Крайиочиого и с грузами для Игарки («С какого причала? — щурился иедоверчиво бородач.— С Арктического? Ладио. Есть такой».); о маме-метеорологе, которую Управлеиие Главсевморпути разыскало в далекой Перми («А в Питере где жили? На Кутузовской? Ладио. Есть такая».); о Леоитии Иваиовиче, любившем выстукивать морзяику в самый иеподходящий момеит («Зиаю чудаков. Есть такая привычка».); о бабе Яие, ожидающей виука в Игарке («Небось, живет в камеиином доме? Нет? В бараке. Ладио. Запомиим».); даже о воеииом иистсрукторе выложил все, даже о ложиой тревоге, подиятой им в море; забыл, правда, фамилию одиого из фашистских комаидиров («Да иаплевать. Маигольд или Лаиге, все равио гады!»); иакоиец, выложил ои и свой тайиый плаи — бежать с буксира, когда иачиется разгрузка.

Вовкии плаи бородачу ие поиравился. Поскреб бороду, спросил с усмешкой:

— Дезертировать хотел?

— Как это дезертировать? — ужасиулся Вовка.

— А так! — без всякого сиисхождеиия объясиил бородач.— Время воеииое, приказ есть приказ. Тебе какой курс определили? Игарка! А ты?

— Я ие успел...

— Ах, ие успел! — ядовито хмыкиул бородач.

Но сладко шипел примус. Усыпляюще пахло керосиином. Ломило суставы от тепла и усталости. Глаза слипались. «Я ие дезертир,— подумал про себя.— Я ие в тыл бежал к бабке. Я рвался к зимовщикам».

— Ладио,— сжалился бородач.— Зиаю я твою маму. И об Леоитии слышал, пухом ему вода. Лыков я. Илья Сергеич. По уличиому уставу кликали в детстве Илькой, ио тебе — дядя Илья. Ясио? — И спросил: — Своего шоколада мало? Зачем полез в ящик?

Вовку мутило от шоколада, ои иегромко ответил:

— Людей искал.

— В ящике?

Вовка промолчал.

— Что иашел-то? — прищурился Лыков.

— Рацию.

— Откуда зиаешь, что рация?

— Я почти на такой работал.
— Как работал? Врешь!
— Не вру. Меня Колька Милевский, он жил на Литейном, водил на курсы радиотелеграфистов.
— И морзянку знаешь?
— Ага.
— А ну, отстучи что-нибудь.
Вовка послушно отстучал. *Тире тире... Точка тире... Тире тире... Точка тире...*
Лыков сразу насупился, забрал бороду в ладонь:
— Ладно, братан. Отыщем мы твою маму.
— Может, сейчас попробовать? — вскинулся Вовка.— Давайте выйдем в эфир. «Мирный», он где-то рядом!
— А эти твои? — многозначительно постучал Лыков по ящику.— Эти твои Мангольд да Ланге, да прочие гады? Думаешь, они лопухи? Никогда так не думай о врагах, Вовка. Если они нас запеленгуют, хорошего не жди. Не псами же нам пугать подлодку. Белый твой не бросится топить подлодку. Так ведь? — И сам ответил себе: — Так! — И добавил, вставая: — Идем!

3

Вовка бежал рядом с нартами.
Он устал, очень саднило плечо, но бежать было все же легче. Нарты, наживо связанные ремнями, ходили под ним ходуном, баран рвался из рук. Собаки, порыкивая на Белого, лихо несли нарты, тянули алык то левым плечом, то правым, Вовку бросало как куль с мукой.
— Чего ты как на насесте! — прикрикнул Лыков.— Полозья есть, ставь ноги на полозья.
Лыкову езда не доставляла никаких неудобств. Он пружинисто бросал корпус из стороны в сторону, не теряя равновесия, гнал собак. Гин! Гин!
— На твоего пса сердятся собачки. Он что, ходил у тебя в вожаках? Это жаль. Не подпустишь к упряжке. Я утром выскочил на бугор,— повернулся Лыков к Вовке.— Туман над морем, не видать ни земли, ни моря. Только вдруг туман осветился изнутри — красным. Полыхнуло. Надо, думаю, смотаться. Кто знает, что там?— Он спохватился и сменил тему: — Рацию-то, слышь. Рацию, что ты видел в ящике, ее наш радист слепил. Головастый мужик. Литовец. Римас Елинскас. Катушки для контура и вариометра сам мотал из звонкового провода. Есть такой одномиллиметровый двойной обмотки, понятно? Ну, а для прочности покрыли его шеллаком. Стахановцы!
Вовка молча кивал.

«Белый хромает — жалко». Мысли путались. «На «Мирном» есть врач, может, залечнт Белого? Сколько льдов! Плоские онн. И небо плоское».

Собакн на ходу воротилн морды, порывкнвалн для порядка на Белого. Лыков, не уставая, работал остолом. Выйдя на ровный участок берега (справа, совсем вблнзн, мрачно шлн к морю обрывнстые предгорья Двуглавого), гикнул, пустнл собак во всю прыть. Шесть их было, но несли как бешеные. На ходу Лыков ловко спрыгнвал с нарт, бежал, задыхаясь, снова прыгал на нарты. Нн разу не споткнулся, не выроннл остол, все поглядывал.

«Вымотался пацан. Лнцо — как бумага. Щека красная. Поморозил? Обжег? И верит, дурачок, ушел «Мирный» в Песцовую. Я бы увидел. На дне он, наш «Мнрный». Карскнй штаб предупреждал: бродnт подлодка. Плохо дело. Жалко мальца...

Жалко мальца,— думал Лыков, прыгая на нарты.— Ничего он не понял, отшибло соображение. Не ушел «Мнрный», все там — на дне. Надо сразу занять мальца делом, кончнлось для него детство. Оно, в общем, раньше кончилось. Что онн вндели за эти годы, нашн мальцы? Война проклятая!»

Собакн дружно тянули нарты.

Двуглавый вырос, занял полгорнзонта, слева бледно тянулось выцветшее от холода море. Высокие льдины отражались в плоской воде, однnаково лиловые в воздухе н в море; оставалась за спиной голая заснеженная тундра, плоская, нnзкая. Кочки не делалн ее неровной.

Трясясь на нартах, оглядываясь иа прихрамывающего Белого, Вовка жнл однnм: скорей увидеть Песцовую!

Круглая бухта, вольная. Две-три лиловые льдины. А посреди бухты «Мнрный» — белый, а дым нз пузатой трубы — черный. На борту выстроилась команда. Вовку даже ругать не станут. Нашелся. Он ведь не вnноват, что его выброснло за борт.

«Но как оии меня потерялn? Как я оказался иа льду? Как оказалнсь на льду боцман и Белый?»

Он догадывался, он знал, но гиал от себя эти мыслn. Твердил себе: «Ударилn из пулеметов, не позволили фрицам добежать до орудня, ушли в лед. Поцарапать днище легко, вот она н краска иа льдах».

С моря бил ветер, холоднл лнцо.

Собаки отворачивали морды в стороны, казалось — любуются Двуглавым.

В Пермн, вспомнил Вовка, зимой было тоже холодно. Утром протопят печку, к вечеру все равно вымерзнет. Ои и дома сидел в пальто. Дровишек всегда не хватало. На оконных стеклах намерзалн, оплывая на подоконник, ледяные пластины. Но в Пермн даже это было Вовке на руку. Так легче было ждать маму. Ведь, как Руаль Амундсен, как челюскиицы, Вовка

каждый вечер искал свой путь во льдах, шел своим Северным морским путем.

Весь Ледовитый океан, дымящийся от мороза, лежал перед Вовкой на промерзшем оконном стекле. Бумажка, заменявшая корабль, скользнула сверху, с чистого стекла, подходила к кромке вечных льдов. Тут приходилось пускать в дело стальной бур — сломанное ученическое перо. Лед лопался, бежали по льду синеватые узкие трещины.

Тощий полярник В. П. Пушкарев, самый главный специалист по Северу, буром-пером колол громоздкие *паковые* льды, пробивал коридор для своего корабля, растаскивал по вяжущему, не отпускающему судно стеклу тяжелые льдины.

Главное — пройти Северный морской путь за одну навигацию! То есть пройти его до возвращения мамы! Зимовать во льдах Вовке было ни к чему. Ведь он, полярный капитан В. П. Пушкарев, доставлял на мыс Челюскина, на сибирские острова, на далекую Чукотку и даже для камчадалов самые что ни на есть вкусные вещи. В трюмах его судна лежал шоколад «Полярный», лежали сахарные головы, свежие мандарины, сало в бочках, морошка моченая, консервы мясные и рыбные, чай. Эскимосы и чукчи, полярники и промышленники выходили на обрывистые берега, приставляли ладони к высоким лбам — ждали, облизываясь, Вовкиных товаров.

Что там Ченслер и Пахтусов, что Мак-Клур и Франклин! Ему, Вовке, мог позавидовать сам капитан Воронин!

Сейчас же Вовка хотел одного: увидеть «Мирный»!

Еще вчера не было для него судна более скучного, еще вчера не было для него команды более осторожной, еще вчера он не понимал и с презрением думал — зачем вообще выходить в море, если путь твой все равно лежит в сплошной морозге и жмучи? Сейчас Вовка все был готов отдать за встречу с «Мирным». В голове гудит, болит плечо, но пусть бы еще сильней болело, только пусть мама лежит на рундуке и спит. Он не стал бы ее будить. Надо выйти на палубу, выскочить в одном свитере, а малица пусть лежит поверх одеяла — так маме теплее. Ведь какая красивая мама была перед отъездом с материка: на голове беретик, пальто с широкими плечиками; матросы, проходя мимо, морщили носы от удовольствия.

«Где мама?»

Вовка бежал рядом с нартами, рядом с Лыковым, но ничего не замечал, ничего не видел. Лыков жалел: «Подвело мальца. У Николая Ивановича есть банка консервированных лимонов. На случай Победы хранили, но тут такой случай, хоть плачь. Не много мальцу видеть радостей. Не придет «Мирный». Это он еще в шоке, он еще специально травит себя — на лед наткнулись. Не лед, подлодка. Приедем, предупрежу Римаса. Николай Иванович — человек деликатный, мягкий, а Римас

такое может брякнуть, малец на него с ножом кинется. Ему сейчас много не надо. Он как пружина взведен. Ему главное — маму увидеть. Чует ведь, плохо дело, но надеется, обманывает себя. Боцмана похоронил, мамку не может...»

4

— Перекур! — крикнул Лыков, вгоняя остол в снег.— За тем вон увалом — станция. Вниз слетим в две минуты, что на твоих санках. Перекур, Пушкарев Владимир!

— Вы мне?

— Нет, собачкам! — хмыкнул Лыков.

Это был второй перекур.

Вовка устал, но готов был бежать без всяких перекуров, так хотелось ему быстрей увидеть Песцовую. Только Лыков все равно устроил перекур. Скручивал козью ножку, старался не смотреть на Вовку. Всякое ему приходилось видеть, но чтобы малец мать терял, на глазах терял — такого не видел!

Тощий пацан. Видно, жилось несладко.

А где эвакуированным жилось сладко?

«Ничего,— решил Лыков.— Отстучим в Карский штаб, летчики ущучат подлодку. Разгулялась, стерва! Война к завязке, а она кусается!»

Вздыхая, свертывал самокрутку.

— Отдышись, малец.

— Я не малец! — огрызнулся Вовка.

— Да вижу, вижу. Владимир ты Пушкарев. Вижу.

Вовка промолчал.

— Ты не злись,— вздохнул Лыков.— У нас тут не курорт, не Северная Пальмира. Мы третий год без людей. Ты на острове — первый.

Вовка молчал. Его молчание задевало Лыкова.

— Наверное, думаешь, полеживаем в спальничках, поплевываем в низкое небо? Ведь думаешь так? А жить тут трудно, Пушкарев Вовка. Было время, не спорю — закусывали икрой. А сейчас не брезгуем и гагарой. Кричит она свое «ку-ку-лы», а мы ее все равно в кипяток. Еще на траве-салате держимся. Растет у нас такая трава-салата, многолетнее из крестоцветных. Она даже при сорока градусах мороза зеленая. И стебель зеленый, и листья зеленые, даже цветы. Лучшее противоцинготное, потому что другого у нас нет, Вовка. Любим мы ее, эту траву-салату. Нельзя нам без нее никак. А без нас, Вовка, никак нельзя фронту. За наши метеостанции, Вовка, Гитлер отдал бы лучшую дивизию, вот как она всем нужна — погода. Самолет ведь не поднимешь в воздух, если рядом идет гроза, танки не пустишь по болотистой равнине, если ждешь дождей, катер

торпедный и тот не полезет в шторм. Погода, Вовка, нужна всем. И погоду даем мы!

Вовка промолчал.

— Ладно,— обиделся Лыков,— если не придурок, сам поймешь.

— Ага,— кивнул Вовка. И спросил: — Может, поедем?

Лыков хмыкнул, но встал, двинулся к нартам.

Взметывая снег, собаки одним махом вылетели на высокий гребень. Рвали алыки, взлаивали — почуяли дым жилья.

Вовка вытянул шею, привстал на несущейся вниз нарте:

— Дядя Илья!

Он первый увидел.

На вольной воде, черной, как тушь, лежало медленное длинное тело подлодки. Вокруг палубного орудия суетились люди в незнакомой форме, с рубки вяло свисал казавшийся черным флаг.

— Дядя Илья!

Второй раз за день Вовка никого не успел предупредить.

Ударили автоматные очереди. С визгом, пятная кровью снег, покатились с откоса расстрелянные собаки. Чужие люди, хрипло покрикивая, бежали навстречу. Краем глаза Вовка увидел упавшего с нарт Лыкова. Но его самого уже крепко держали. Промасленные меховые куртки, небритые лица, рты, немо выкрикивающие слова, из которых ни одно не задерживалось в сознании.

Куда его тащат? Почему они кричат «Эр ист»?

«Ну да,— мелькнуло в голове,— там еще было — блос айн Бубе! Утром мне так сказал Леонтий Иванович. Я спросил его: «Почему вы не на фронте?», а он разозлился: вырастешь попрыгунчиком! И добавил: «Эр ист...» Мальчишка, дескать! Всего лишь мальчишка! А я еще решил: подумаешь, мальчишка! Еще увидите!»

Эр ист блос айн Бубе!

Вовка возненавидел себя.

Он — мальчишка!

Он всего лишь мальчишка!

Глава пятая. ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

1

Вовка будто ослеп.

Единственное окошечко склада, прорубленное под самым потолком, света фактически не давало. Он переполз через какой-то мешок, ткнулся растопыренными пальцами в бороду Лыкова. Обрадовался, услышав:

— Не лапай. Сам поднимусь.

Вовка по шороху, по постаныванию Лыкова определил — поднялся. Кажется, привалился к мешку, скрипнул зубами, медленно вытянул перед собой (до Вовки дотянулся) неестественно прямую левую ногу. Спросил:

— Кто еще тут?

— Вся команда! — ответил глухой от ярости и сдерживаемой боли голос.— Кто еще?

Лыков выругался:

— Не уберегли станцию!

— Они десант высадили за увалом. Они тайком подошли,— торопливо пояснил другой голос, нервный, явно растерянный.— Римас работал с Диксоном, он сидел в наушниках, не слышал ничего. Ему прикладом дали прямо по пальцам, рацию в куски, а меня взяли в комнатке — я бланки чертил для нашего гелиографа.

Тьма чуть рассеялась.

Уже не смутные пятна, можно было рассмотреть людей.

Один, белея повязками (обе руки обмотаны полотенцами), сидел на куче каменного угля, другой (толстенький, подвижный) шаркал унтами под окошечком — то ли хотел заглянуть в него, то ли просто тянулся к свету. Тот, что сидел на куче угля (видимо, радист), был без шапки, но в унтах, в ватных брюках, в меховой рубашке без воротника (такие на Севере называют «стаканчиками»); он, похоже, не замечал холода.

— Когда высадились? — спросил Лыков, не говоря вслух — о н и.

— Примерно через час, как ты отъехал. Как специально ждали. Угораздило же тебя вернуться.

Вовку они все еще не видели. Он не шевелился, пристыл к мешку.

— Я ехал не с ночевой.

— Это понятно,— суетился толстенький под окошечком.— Все равно обидно, Илюша. Задержись на ночь, смотришь — ушли бы. А так у нас шибко нехорошо.

— Оставьте, Николай Иваныч! — оборвал тот, что сидел на куче угля, сложив на коленях обмотанные полотенцами руки,— радист Елинскас.— Илья, он что, ясновидящий? Они, наверное, шли в погруженном состоянии. И сядьте, прошу. Свет застите.

— Что с руками? — отрывисто спросил Лыков.

— Я ж говорю,— опять засуетился толстячок.— Римас ключом работал на рации. А они ворвались, они, наверное, решили — он о них сообщает, вот и припечатали пальцы к рации.

— Куда с такими руками? — беспомощно выругался радист.

Вовка ие видел лиц. Вовка видел теии, слышал голоса, ловил каждое слово. Ждал, что ответит Лыков.

Ответил не Лыков. Толстячок сказал:

— Может, тебе еще повезло, Римас. Будь пальцы в порядке, они могли посадить тебя за рацию.

— Я бы не сел! — опять выругался радист.

— А я и не говорю, что ты бы сел. Я говорю: посадили бы. Силой бы посадили.

— Не меия! — литовец явио не блистал вежливостью. Выругался ои похлеще боцмана Хоботило, ио к этому на зимовке, похоже, давно привыкли, потому что Нниколай Иванович нисколько не обнделся иа Елиискаса, так и продолжал прнтоптывать под окошечком:

— Кто ж ее ждал? Кто ее ждал, эту подлодку?

— Иитересно,— ии к кому ие обращаясь, пробормотал радист.— Ну, впихнули оии нас в наш же собственный склад. Ну, прокантуемся мы в ием до утра. А утром? Утром что будет?

— Утром «Мириый» прндет! — охотно откликнулся Николай Иваиович: — Ои же на подходе. У них какая-инбудь пушчоика есть. Напугают подлодку.

— Нет на «Мирном» пушек,— иегромко сказал Вовка в темноту.— Пулеметы есть, а пушек на «Мирном» нет.

— Кто? Кто там? — удивился Николай Иваиович.— Пацаи? Откуда пацаи?

— С «Мириого»,— еще тише ответнл Вовка.

— С «Мириого»?!

— Оставь пацаиа! — приказал Лыков. Левая его иога торчала перед иим, как выстрел.— Я привез пацаиа. Мы с ним боцмаиа похороиили иа Угольиом. Не придет «Мнриый».

— Неправда! — выдохнул Вовка.— Прндет! Ои во льдах от подлодки прячется!

— Горластый,— удивнлся раднст, явио разочароваииый. И предупредил: — Ты, паря, тише. Там за дверью — ие повар. Там фриц стоит. Вот вернем хозяйство, тогда голоси как можешь. А сейчас я — за дисциплину.

— Нет там никого за дверью,— подал голос Лыков.— Я прислушивался. Ушли они. Не дураки, торчать на морозе. Замок навесили. Это ты, Коля, прихватил с материка замок.

— Так от медведей! От медведей, не от людей! — обиделся по-детски Николай Иванович. И совсем не к месту удивился: — Вот ведь! Вчера со скуки сдыхали, сегодня людей на Крайиочном — ие протолкнешься!

— «Не протолкиешься»! — взорвался Лыков.— Расстрелять нас мало! Войиа к концу, мы рот раззявили! А оии,— кивнул Лыков в стороиу двери,— оии даже не торопятся. Могли сжечь стаицию, а ие жгут, могли пристрелить иас, не пристрелили, могли сразу загиать в подлодку, доставим, дескать,

русскнх гусей в фатерланд, да ведь не торопятся... Не торопятся...— повторил ои.

— Почему? — шепотом спросил Николай Иванович.

— Метеоплощадка цела? Цела. Приборы действуют? Действуют. Рация есть иа подлодке? Есть. Чего же им торопиться? Погода всем иужна. Оии радн нее гоияют в Арктику специальные самолеты, ие жалеют нн горючего, ин пнлотов. А тут стациоиар! Давление? Пожалуйста. Температура? Пожалуйста. Сила, иаправление ветра? Пожалуйста. Это для фрнцев сейчас цеиией, чем если бы оии потопили иаш транспорт. Оии же теряют свои станции, им ие хватает сведеиий о погоде. Они иас, смотришь, еще поблагодарят.

— Ага,— сплюнул Елиискас.— Поблагодарят...

— Так вот! — объявил Лыков.— Сами потеряли стаицию, сами ее и вернем.

— Как?

— Забыли про Угольиый? Там, иа разрезе — резервиая рация, спасибо Римасу. Срочио иадо связаться с Карским штабом, пусть шлют самолет, надо утопнть эту сволочь.

— А мы? — охиул Николай Иваиович.— Они ведь и иас разбомбят!

— Заслужили,— отрезал Лыков.

Николай Иваиович заметался под окошечком, зашаркал унтами:

— Хватятся нас. Не сегодия, так завтра хватятся!

— Если хватятся,— мрачио подсчитал радист,— то ие сегодия н не завтра. В лучшем случае, через иеделю. Осень, Николай Иваиович. Решат, пурга нас иакрыла. Бывало такое, зиаете. Так что неделю, а может, н все две иаши фрицы могут работать спокойио.

— А «Мириый»? — ие соглашался, иастанвал Николай Иваиович.— Нас ие хватятся, ладно. А «Мирный»? Он что, иголка? Его-то уж иачнут искать!

— Недели через две,— мрачио подсчитал радист.— Здесь же зона радиомолчаиия. Молчит и молчит. Выйдет нз зоны, сам объявнтся.

— Илья! — взмолился Николай Иванович.— Ты толком нам объяснн, что с «Мириым», какой боцмаи, откуда пацан?

— Ои хороший пацан,— коротко объясннл Лыков.— Это потом. Что иа материке, Римас?

— Наши под Яссами,— раднст сразу повеселел.— Румыны сброснли Антонеску, они объявили фрицам войну.— И скрипнул зубамн: — Войиа к концу, а мы в мышеловке.

2

Вовка слушал. Вовка иичего не понимал.

Лнц не видно, темио. Бревенчатые холодные стены. На дверях замок. Рядом фашисты. А они теряют время иа разговоры! Бежать, бежать надо иа Угольный! Срочно надо бежать!

Он не выдержал, сполз с мешка, на ощупь исследовал дверь.

Хорошая оказалась дверь. Прочная. А для большей прочности ее еще оковали металлической полоской. От холода на шляпках гвоздей проступил бархатный иней.

А ночью?

— Судьбинушка,— расслышал он глухой голос радиста.— Я, братаиы, совсем по-другому мог устроить судьбу. Я, братаны, хоть и литовец, а родился в Средней Азии, стаиция там есть — Кага́н. А в Москву приехал поступать в училище. Рисовал понемножку — урюк цветет, ишаки бегают. Один хороший человек присоветовал, я поехал. Хороший город Москва, только ночевать негде. Спустился в пивной погребок, думаю — досижу до утра, иет, в полночь вытолкали. А я одурел — Москва! Бродил всю ночь по улицам. Дворники метут, весело. А в училище привязался ко мне старичок, говорят, профессор, чем-то я ему не понравился. Суиул мне гипсовую головку — богиня греческая. Я списал ее, а старичок: «Староваta она у вас. Постарела, она,— говорит,— под вашим карандашом лет на полтораста». Я обидчивый был, плюнул. Вышел перекурить, на стене объявленне. «Курсы радиотелеграфистов... Форма... Питание...» Чего мие эти богини, если они так стареют? Клюнул на форму. А не засуетись, найди я подход к тому старичку, смотришь, сидел бы сейчас в Самарканде...

— Как это в Самаркаиде? — обиделся Николай Иванович.

— А так! — отрезал радист.— В любом случае, ие в складе!

Вовка ничего ие понимал. Бежать иадо на Угольиый, а онн про судьбиишку! Все воевать должиы! При чем тут Самарканд? Вот и дядя Илья причитает, мол, собачек жалко, пулями их посекли.

— Ты себя жалей, Илья,— сказал Лыкову Николай Иванович.— Собачки дело иаживное, новых завезем. За ночь не замерзнем, у меня тут одежда есть, а вот утром? Что утром?

— А ты не думай. Страшись, а не думай,— заметил радист.— Я вчера с Пашкой болтал, с Врангеля. Ои мне стучит: жену, сынишку не видел почти три года. А я ему: увидишь на материке, потерпеть иадо.

— С Врангелем? — Вовку как током ударило.— Вы с Врангелем разговаривали?

— С Пашкой,— возразил радист.— Но это все равно. С Врангелем.

— А фамилия?

— Врангеля? — опешил радист.

— Да нет. Пашки. Вы же сами назвали Пашку.

— Зачем тебе фамилия? — насторожился Еленскас.— Фамилии радистов есть военная тайна.

— Я все равно знаю! Это ведь Пушкарев! Это папа! — задохнулся Вовка.

— Отец? — радист шевельнулся, пытался всмотреться в сумрак.— Брешешь!

А Лыков положил руку на Вовкино плечо, погладил его:

— Садись ближе. Когда рядом — теплее. Я вот думал угостить тебя засахаренными лимонами, а оно, видишь, как получилось. Уж прости...— И сказал в темноту: — Ты, Римас, не шебурши. Дельный у нас пацан, не брехливый.

— Пашка-то! — неизвестно чего обрадовался радист.— Это он, Пашка, выручил нас на Белом. Нас там сидело пять человек, и все, как один, чахли от фарингита. Першит в глотке, сопли по колено, кашель. Мы как только не обогревали домик. Приспособили даже лампу паяльную. Утром врубишь — газит. Зато через десять минут хоть в трусах бегай. Если бы не фарингит... Вот тут-то и явился Пашка. Сошел с «Красина». Пузо вперед, щерится от удовольствия. Он всегда как с картинки. И удивляется. Зачем, дескать, стране больные полярники? Зачем, дескать, стране сопливые зимовщики? «Не помогают, кхе-кхе, лекарства,— поясняем.— Таблетки, кхе-кхе, грызем, нет, кхе-кхе, толку». Пашка: «Воду на чем греете?» — «На паяльной лампе. Так быстрее».— «Домик чем прогреваете?» — «Паяльной лампой. Так быстрее».— «Вот и дураки,— говорит.— Угар, он первым делом воздействует на слизистую». И приказывает: «Лампу на склад! Печку топить углем, угля вам завезли. Лучше вилку рукавицей держать, чем бегать в маечке вокруг паяльной лампы!» Деловой у тебя отец, Вовка!

Вовка сжал зубы.

«А мама?.. Где мама?!»

Лыков почувствовал. В темноте, стараясь не потревожить покалеченную ногу, обнял, притянул Вовку. Дохнул в ухо:

— Ты тоже неплох, братан!

Понятно, ничего другого не мог сказать, но Вовке сразу стало легче.

— Бежать надо!

— Это опять ты? — удивился радист.

— Я!

— Точно, ушлый! — одобрил радист и помахал в темноте белыми полотенцами.— Если я убегу, паря, носом мне, что ли, стучать по ключу?

— И я, похоже, отбегался,— как эхо отозвался Лыков.— Не

вижу, что там с ногой, ио, похоже, отбегался. Крови нет, а немеет нога, совсем я ее не чувствую. Да и с рацией не управлюсь. Не по мне наука.

— Так я же есть! — плачуще, обиженно выкрикнул из темноты Николай Иванович.— Я могу. Я справлюсь. Римас подтвердит — справлюсь.

— Оставь, Коля,— хмыкнул Лыков.— С твоей фигурой лезть через угольный лючок! Не смеши. Сам выпиливал лючок. Щель в два бревешка. Вовка может пролезть, может быть, Римас бы вытолкнулся, но не мы.

— Илья,— вдруг спросил радист,— ты съел кашу?

— Какую кашу?

— Пшенную. Я на Угольном целый круг оставлял. В мешке у входа.

— Не видел. Она мороженая, ничего с ней не будет.

— А если расширить лючок? — суетился Николай Иванович.

— Чем? Зубами? — хмыкнул радист.— Это не бланки для гелиографа.

— Что ж получается? — забегал под окошечком Николай Иванович.— Что ж получается?

И умолк.

Плотная тишина затопила темное пространство склада. Даже окошечко погасло окончательно — сумерки сошли на Крайночной.

— Ну, а ты? — нарушил тишину Лыков.— Чего ты молчишь, Пушкарев Владимир? Болит у тебя что-нибудь?

— Ничего у меня не болит.

И тут до него дошло — это же они *ему предлагают*! Это же они ему предлагают бежать к Угольному. Опять одному бежать!

Плечо у него ныло, ныли ноги, ныла обожженная щека. Еще хуже была мысль — опять *один* остается! Совсем один! Посреди тундры. Без мамы, без Белого, без Лыкова, без боцмана Хоботило. *Куда он пойдет?*

Но вслух сказал:

— Я пойду.

Думал, фыркнут на него — тоже, мол, герой! Но никто не фыркнул, тишина в складе теперь стояла уважительная.

Елинскас спросил:

— Сядешь за рацию?

— Я попробую. Я быстро не могу, но я попробую. Я на курсы ходил, только не сдал экзамен.

— Экзамен? — обрадовался радист.— Ну, паря! Знаешь, кто все экзамены сдает не глядя?

Но объяснить, кто это сдает все экзамены не глядя, радист не успел. Заторопился, подобрал ноги, и Вовка услышал

быстрое, точное притоптываиие. *Тире точка... Точка... Точка точка точка... Тире... Точка тире точка... Точка точка тире...*

Вовка, не дослушав, иеуверенно выстучал в ответ: «Не струшу».

— Сможешь...— с сомненнем одобрил Елинскас.— При желанин тебя даже понять можно.

— Сможет? — быстро переспросил Лыков.

— Если дойдет.

— Это моя забота. Вовка, ты слушай. У нас, зиачит, прорублеи здесь лючок для угля. Узенький, ио как раз под твои плечи. Да ты ие обижайся, сейчас ие до этого. Ты как вывалишься в лючок, ногами толкайся от стеиы и ползи прямо вперед, никуда не сворачивай, пока не упрешься в стояки метеопрнборов. Там морозио. Я, думаю, луиа. Оио и хорошо — видней будет. Только ты, Вовка, ие торопись. В таком деле суетлнвость ни к чему. Лучше лишиий час проваляться в снегу, чем завалнть дело в одну минуту. Фрицы нас, сам вндишь, не очеиь караулят, знают — куда иам бежать? Но ты себя этим не утешай. Сразу от метеоплощадки бери вправо, валнсь в овраг, ие ошибешься. Чеши по оврагу, упрешься в Каменные столбы, торчат там такне, как растопыренные пальцы. Это и есть выход иа Собачью тропу. Я бы тебя отправил берегом, ио это обходить Двуглавый, лншние двадцать километров, опять же по снегу. А Собачью тропу начисто выметает ветром, часа за четыре, как по коридору, дотопаешь до Угольиого. Только иа выходе, братан, ие суетнсь. Прикинь, где палатка. Не дай тебе бог проскочить мнмо. В туидре однчаешь прежде, чем придет помощь.

— Я ие буду торопнться. Я осмотрюсь.

— Но и зазря не тянн время,— предупредил радист.— Нам тут тоже невесело.— И спросил: — Антенну иатянешь? Питаиие подключишь? В эфире не растеряешься?

— Я попробую.

— Вериый ответ.

— Слышь,— шепнул из темиоты Николай Иванович.— Это ветер шумит или фрицы переговариваются?

— Ветер...— прислушался Елинскас. И загнул такое кудрявое ругательство, что даже Лыков хмыкнул.

А Николай Иваиович уже шуршал в углу, отгребал от лючка уголь.

— Коля,— спросил Лыков,— что в ящиках?

— Тряпье.

— А тяжести есть?

— Печка чугуииая,— по хозяйски перечислил Николай Ивановнч.— Железяки от ветряка. Ящикн с геологическими образцами, еще с лета. Чего ты ревизуешь меия?

— Я ие ревизую. Я думаю о Вовке.

— Ящикн тут при чем?

— А ты эти ящики, Коля, уложишь под дверь. Плотно уложишь, чтобы сдвинуть их было невозможно. Слышь,— через силу усмехнулся он,— фрнцы нам стукнут утром, а мы в ответ: рано еще, дайте выспаться!

— Ха! Гранату под дверь, вся недолга!

— Домишки рядом стоят, Коля. Метеоплощадка рядом. Чего им нас подрывать? Им же спокойнее — сиднм взаперти. А нам и нужно, чтобы они считали: мы все здесь сидим! А то, если кинутся за Вовкой, он от них не уйдет. Так что ты попотей, Коля! У нас сейчас вся надежда на тебя, Коля! Ты сейчас самый нужный нам человек. Мы с Римасом не помощникн, а Вовке пора.

— Ты лежн, Илья. Сделаю! — обрадовался, засуетился Николай Иванович.— Я китайскую стену воздвигну, к нам сам Гнтлер не сумеет войтн. А вам я шкуры достану, чтобы ночью не поморознться. Вот только лючок очищу, вот только выпущу Вовку на волю.

Он, как крот, копался в углу. Ползли шумно угольные комья, осыпалась крошка.

— Запустишь рацию? — с сомнением переспросил Елинскас.

— Я попробую.

— Должен! — приказал радист.

Лыков, охнув от болн, шевельнулся:

— Значит, прямо вперед от стены склада, до стояков. Метеоплощадку оставишь по левую руку. Вдруг там торчит фрнц — ты спокойнее, не шуми. И не суетнсь на Собачьей тропе. Там, как на Луне, все повымерзло. Камни скользкне. Ногу потянешь, колено выбьешь — один останешься. Мы тебе не подмога. Сгинешь в ночи. Так что, следи за собой...

— А вы? — шепотом спросил Вовка.

— О нас не думай. Себя береги. Это приказ. Ты однажды прнказ нарушил, так что искупай вину. Идти тебе до Угольного, так мы называем разрез. Найдешь палатку, ты в ней уже грелся, натянешь антенну, выйдешь в эфир. Больше ничего. Это опасное дело, Вовка, но ты ведь сам хотел опасного дела. Ты стране, не только нам, можешь помочь. У нас погоду воруют. И помнн, никаких отклонений! Даже еслн появится перед тобой «Мирный», ни на секунду не отвлекайся от дела. Это приказ!

— Ага,— выдохнул Вовка.

— Отца узнаешь по почерку? — вдруг спросил Елинскас.

— Не знаю.

— Ладно... Зато тебя легко опознать,— вздохнул радист.— Выйдешь в эфир, голоси открытым текстом, тут не до шифровок. Всем, всем, всем! На остров Крайночной высажен фашистский

десант. Срочио уведомнте Карский штаб. И нашн фамнлин: Краковский, Лыков, Елннскас. Запоминл?

— Ага.

— И еще,— помолчав, добавнл радист.— Илья, ои человек деликатный, он тебе еще ие все сказал. Если свяжешься с какой-нибудь станцией, отключайся сразу, мниуты лишией ие торчн в эфнре. Фрицы тебя с ходу запелеигуют. Так что, волоки рацию в скалы н сам отсиживайся в стороне. А если случится — одии остаиешься, помнн: это ты, а не онн, хозяин острова. И все тут твое. Хоть раз в сутки, но выходи в эфир со сводкой, еслн они не переколошматят приборы. Место у иас больно важное — половина циклоиов идет через Крайночной. С прнборами справишься. Как-иикак, сыи поляринков.— Ои сплюиул н позвал: — Как у вас, Николай Иваиович?

Из темиоты донеслось недовольиое пыхтение:

— Точно, не пролезаю я. Ну, никак не пролезаю. А лючок открыл. Вои как свежестью тяиет!

— Не свежестью. Холодом,— возразил радист.— Вконец выстуднншь избу. Веди пацаиа!

Вовка почувствовал иа щеке руку, горячую, без рукавицы.

— Это я,— шепнул Николай Иваиович.— Обниматься не будем, в угле я весь, измараю тебя. Ползи, друг Вовка, в лючок. Тихо, вперед головой ползи. Да подожди, ие рвись. Почему ты без рукавицы? Потерял? Вот мою возьмн. Я ее сам шил.

Лыков выдохнул нз темноты:

— Бери, Вовка!

Вовка нащупал щель, протиснулся в узкнй лаз, задохиулся от темного, ударнвшего в глаза ветра.

Глухо хлопнула лючниа, зашуршал уголь. Это Нниколай Иваиович изиутри заваливал лаз.

Из чериильной мглы (не было луиы) дуло. Снег порхло оседал под рукамн. Нн огонька, нн звука.

«А собьюсь? А выползу на фрнцев?..»

Но полз, зарываясь в снег. Полз, пока не ткнулся головой во что-то металлнческое.

«Ага... Стояк... Я на метеоплощадке... Сейчас иадо правее взять... Где овраг?..»

Его понесло вннз.

«Вот ои, овраг!» — понял Вовка.

Что-то бесформеииое, тяжкое шумио навалнлось иа Вовку, вдавнло его в сиег, жарко дохнуло в лнцо.

«И ножа нет!» — беспомощно вспоминл Вовка, отчаяиио отбиваясь от мохнатой, жадно дышащей в лнцо морды.

И перестал отбиваться.

— Белый!

И Белый, будто понимая — нельзя шуметь! — не рычал, не

взлаивал, лишь повизгивал слабо, как щенок, и лез, лез мордой в Вовкино лицо, лез под мышки, толкался носом в карман.

— На, жри! — свирепо и счастливо шептал Вовка.— На, жри, жадюга.

Он ругал Белого, а сам был счастлив, и Белый счастливо лизал его в лицо, а он тащил его за мохнатый загривок, шептал:

— Белый! Белый! — И конечно, не удержался, спросил: — Мамки где наши, Белый? — Не к месту, не ко времени спросил, но плевать ему было на место и время.

Впервые за этот тяжкий, впервые за этот безрадостный день ему, Вовке, повезло. Впервые за этот тяжкий день он почувствовал уверенность.

— Я дойду! — шепнул он в лохматое ухо Белого. И поправил себя: — Мы дойдем!

И когда во тьме, чуть разреженной выступившими на небе звездами, когда в чернильной нехорошей тьме, мертвенной, холодной, смутно проявились перед ним растопыренные каменные пальцы, еще более смутные, чем царящая вокруг пронзительно ледяная тьма, он сразу сообразил: это и есть Каменные столбы, это и есть выход на Собачью тропу, которая пугала его одним своим названием. Зато по тропе он мог идти в рост, ни от кого не прячась.

Глава шестая. СОБАЧЬЕЙ ТРОПОЙ

1

Он так боялся ошибиться, пройти в темноте мимо Каменных столбов, свалиться не в тот овраг, навсегда потеряться в заснеженном безнадежном предгорье Двуглавого, что, увидев столбы, он не выдержал — сел.

Сидел по пояс в снегу, не чувствовал резкого, набирающего силу ветра.

Не от ветра ему было холодно. Леденила мысль: один!

С о в с е м о д и н!

Где мама? Где единственный, где неповторимый друг Колька? Зачем война? Почему ему надо опять переть куда-то по снегу, карабкаться по Собачьей тропе, искать черную палатку?

О д и н.

Он замер, всей спиной чувствуя напряженную малозвездную бездну ночи.

Ветер шуршал среди скал, ворошил, разводил тучи — вдруг прорывался лунный тревожный свет. Залитый им мир сразу менялся: тени приходили в движение, ползли по снегу, вместе с ними колебались, приходили в движение скалы.

Вовка поннмал: так лншь кажется, но все равно старался потеснее прнжаться к Белому, поглубже зарыться в его лохматую, в его теплую шерсть.

Белый рыкнул, отбежал в сторону. Будто напоминал — ндти надо!

— Я сейчас,— шепотом отозвался Вовка.

Но не встал. Сндел в снегу.

Закопаться бы, зарыться, спрятаться от леденящего ветра. Лежать, думать: завтра к острову подойдет «Мнрный»!

Но он был один. И он уже не верил, что «Мнрный» может подойти.

Он вспомнил, Лыков сказал: «В таком деле суетливость ни к чему. Лучше лишний час проваляться в снегу, чем завалить дело в одну мннуту».

«Ты однажды прнказ нарушил,— вспомнил он еще слова Лыкова,— так что искупай вину. Даже если «Мирный» появится, не отвлекайся от задания, выполняй приказ!»

«Место у нас больно уж важное,— вспомнил он слова радиста,— половина циклонов идет через Крайночной».

Все поннмал, а встать, войти в ущелье боялся. Это ведь только слова: пройдешь как по коридору. Еще надо пройти!

Белый залаял.

— Тихо!

Недоверчиво ворча, будто сердясь на Вовкино промедление, Белый положил голову ему на колени.

— Ты не ругайся, Белый,— шепотом сказал Вовка.— Я боюсь. Но мы сейчас пойдем. Мы быстро пойдем.

Белый засопел. Совсем как на «Мнрном», когда их разделяла металлическая решетка.

— Не вернешь? — спросил Вовка, презрнтельно выпячивая губу.— Вот и Лыков не верит. Говорит, не придет «Мирный». А как он может не прнйти? Ведь на нем мама.

Белый встряхнулся.

Вовка понял: не слушает его Белый. И еще понял: не надо думать о «Мирном». У него, у Вовки, приказ: запустить рацию, выйти в эфир. Даже если «Мирный» передо мной появится.

Вовка вдруг отчетливо увидел склад, который все еще где-то рядом и который еще плотнее сейчас заполнен холодом и тьмой. Черную ночную бухту увидел, увидел на ее поверхности хищное тело чужой хищной подлодкн. И услышал шорох каменноугольной крошки, и почувствовал пронзительную боль в разбитых суставах Елинскаса и страшную немоту онемевшей, негнущейся ноги Лыкова.

«Сколько они продержатся?»

Утром фрицы с удивлением, опешив, ткнутся в забарри-

кадированные изнутри двери склада. Утром фрицы с удивлением услышат требовательный голос Лыкова.

Какие переговоры!

Гранату под дверь, спалят склад фрицы!

Спалят, аккуратно пересчитают трупы: айн, цвай, драй! А где четвертый? Где мальчишка? Где этот э р и с т? Не может быть, чтобы русские мальчишки сгорали в огне дотла?

Остальное ясно.

Глянув на карту Крайночного, даже дурак догадается: уйти с метеостанции можно лишь берегом или по Собачьей тропе. Пару десантников на перевал, другую пару на берег. Что он, Вовка, поделает со специально обученными специалистами?

Карта против него...

А вообще Вовка любил географические карты.

Дома у Пушкаревых картами был набит чуть ли не целый шкаф.

«Зачем столько? На каждый остров по нескольку штук!»

«А они разной степени точности,— объясняла мама.— Съемку вели разные люди. Один немножко ленив, другой немножко неаккуратен, вот и получаются карты разной степени точности».

Вовка с удовольствием рылся в картах.

Ему нравились, например, очертания Крайночного. Это была мамина карта. Она много раз ею пользовалась, на сгибах карта была протерта, посажена на марлю, на полях, на самом планшете густо пестрели пометки.

«Ты осторожней,— предупреждала мама.— Мой экземпляр, считай, единственный. Я сама его уточняла».

«Вот погоди,— обижался Вовка.— Вырасту, сам составлю карту Крайночного. Совсем точную».

«Это хорошо,— смеялась мама,— но тебе, действительно, следует подрасти. Ты у меня совсем еще мальчишка».

«Почему?» — сердился он.

«Да потому, что только мальчишка может думать, что на берегу бухты Песцовой обязательно должны водиться песцы, а хребет Двуглавый выглядит таким со всех четырех сторон света».

«Разве не так? Ты же сама давала эти названия».

«А мы впервые высадились на Крайночной со стороны Сквозной Ледниковой. Хребет только оттуда выглядит двуглавым».

«А Песцовая?»

«А там на гальке валялся дохлый песец. Может, его льдом принесло, не знаю...»

Вовка понимал: мама права — дело не в названиях.

Но в названиях, нанесенных на географическую карту, всегда было что-то такое, что немножко, но лишало правоты самые правильные слова мамы.

Нет, мама, конечно, была права, и все же...

«Почему я не поднялся на палубу, к маме?»

«Почему я хотел убежать от мамы?»

Горько и страшно было Вовке в ночи.

— Я дойду! — сказал он вслух, себя же поддерживая.

Подозвал Белого:

— Мы дойдем!

И двинулся под Каменные столбы, разбитые широкими трещинами, из которых густо сочился тысячелетний ледниковый холод.

— Надо идти!

Смутные очертания скал напоминали разъяренные человеческие лица.

«Как выглядят эти Мангольд, Шаар, Фрайзе, Ланге? Смотрят они прямо перед собой или воротят носы в стороны? Носят усики, как Гитлер, или всегда чисто выбриты, как всегда чисто выбрит папа? Длинные у них волосы или они коротко стригутся, как дядя Илья?»

«Не все ли равно?»

«Не все равно! — сказал себе Вовка, выдирая ноги из сугроба.— Не все равно! Не могут фашисты походить на папу или на дядю Илью!»

Он крепко сжал кулаки.

Он з н а л: не могут эти фашисты походить на его отца. Он з н а л: не могут эти мангольды и шаары походить на Леонтия Ивановича или на боцмана Хоботило! Там, под водой, все всегда смутно и бледно, там, под водой, все всегда находится в смутном бледном движении; эти фашисты, они, наверное, похожи на крабов. Они, наверное, плюгавые и косые, и лица у них плюгавые!

Вовка задохнулся от ненависти.

Вовка не мог допустить, чтобы эти фашисты разворовывали его, Вовкину, родную погоду.

2

Он спотыкался, брел среди мерзлых скал.

Если бы не небо, высвеченное звездами, если бы не узкая линия звезд, точно повторяющая все изгибы стен ущелья, он вообще бы не видел дорогу.

Но звезды светили.

Слабо, но светили.

Ориентируясь по их смутной извилистой ленточке, Вовка ступал по камням, по сухому инею, покрывавшему камни, цеплялся за выступающие каменные уступы. Иногда стены почти сходились («Застряну!» — пугался Вовка), иногда расходились широко — над головой сразу прибавлялось звезд.

Лыков оказался прав. Заблудиться в ущелье оказалось невозможно. Вывихнуть ногу, разбить колено, защемить ступню, это пожалуйста. Но не заблудиться! И не растерять силы в снегу! Снег почти весь выдуло ветром.

«Сколько я иду? Час? Два?..»

Он не знал.

Его подгоняла смутная тревога.

Он не понимал причин этой тревоги, но торопился. И лишь когда на очередном повороте каменная стена вспыхнула на мгновение стеклянистыми чудными кристалликами, будто искрами ледяными плеснули в глаза, понял: смутно, но он видит стену ущелья!

Луна?

Он обернулся, задрал голову.

Если луна и вылезла из туч, висеть она должна за вершиной Двуглавого; свет, смутно заливавший ущелье, шел не от луны.

Он замер.

«Это зарево! Это фрицы все поняли и подожгли склад!»

«Я не успею. Они догонят меня».

И крепко сжал кулаки:

«Должен успеть!»

«Должен успеть! — сказал он себе.— Должен найти палатку. Я не имею права ее не найти. Я должен подать сигнал бедствия!»

«Нет,— решил он.— Это будет не сигнал бедствия. Я просто сообщу о случившемся в Карский штаб. А сигнал бедствия пусть посылают фрицы».

Но ему было страшно.

Он устал и замерз. Он потерял счет шагам. Под ногами путался Белый.

— Черт белый!

Пес не обиделся.

Он не мог обижаться на Вовку.

Вместо того, чтобы спать спокойно в Игарке или в Перми, он, Вовка, полз вместе с ним по Собачьей тропе; вместо того, чтобы долбить алгебру в Игарке или в Перми, Вовка вместе с Белым пересекал Двуглавый.

Белый радовался, чуял запах сухарей.

Вовка лез по тропе, он пугался зарева за спиной, а оно разгоралось. Вовка каждой мышцей чувствовал крутизну подъема. Тревожный отсвет помогал ему, бледно высвечивая проможенные грани скал, но лучше бы не было этого отсвета! Вовка и без него нашел бы тропу, Вовка и без него вскарабкался бы по гигантской каменной лестнице, обвешанной со всех сторон ледяными наростами.

Не было в мире места безжизненней и безнадежней Собачьей тропы.

«А мама говорила...»

Вовка вспомнил о маме, какая она была красивая и как, глядя на нее, матросы морщили от удовольствия носы.

Он улыбнулся.

Мама любила рассказывать о Крайночном. Она говорила: «Обжить остров — это не меньше, чем открыть его».

«А Крайночной, он веселый! — смеялась мама.— Еще снег лежит повсюду, еще гоняет по морю льды, а на острове весна. Наст проломишь ногой, под корочкой снега — лужайка зеленая. Будто крохотная теплица. Камнеломка пробивается — зеленей ничего не бывает. Распускаются бутончики полярного мака. Ой, Вовка, там так красиво!»

Вовка невыразимо любил маму.

«Встретимся, не отойду ни на шаг,— решил он.— Так и буду ходить за ней».

Мама...

Вовка не выдержал, сел на камень.

Белый тотчас, поскуливая, полез носом в карман.

— На! — отдал сухарь Вовка.

Вспомнил: в палатке лежит замороженная пшенная каша. Так радист говорил. Но до каши надо добраться.

Встал.

По ноющим ногам чувствовал: не час идет, не два, больше... Помнил упрямо: его цель — палатка! И слова Елинскаса помнил: «Нам тут тоже невесело».

— Дойду!

Чем дальше уходил Вовка от метеостанции, тем больше мучила его, подступая, мысль о рации.

Рация...

Было время, Вовка, как все, страшно хотел стать шофером. Крути баранку, гони полуторку по дорогам — перед тобой лежит вся страна.

Было время, Вовка, как все, страшно хотел стать летчиком. Веди машину сквозь грозовой фронт — нельзя не летать в стране Чкалова, Леваневского, Громова, Коккинаки!

Было время, ему, как всем, страшно хотелось стать полярником. Как не захотеть этого в стране челюскинцев и папанинцев! Полярник смел. Полярник надежен и дисциплинирован. Он следит не только за погодой, не только за состоянием неба, льдов, течений, он следит еще и за приборами. Приборы, они как люди — двух одинаковых не бывает. Да и стареют они. Засоряются капилляры, по которым движется в термометрах спирт, испаряется постепенно ртуть из барометров, растягиваются волоски гигрометров. Если ты настоящий полярник, ты должен ч у в с т в о в а т ь свои приборы!

Но сейчас, на Собачьей тропе, Вовка понял: он пойдет по следам отца. Его призвание — радиодело.

Кончится война, он вернется с победой с Крайночного и целиком посвятит себя этому благородному делу. Он добьется, что его, как отца, будут узнавать в эфире по почерку.

Раньше Вовка (мама права) был баклуши. Раньше Вовка (Колька Милевский прав) только развлекался. Потому и не сдал экзамен сержанту Панькину. А ведь мог. Ведь видел Колькину манеру работать на ключе.

Что благороднее радиодела?

Гибнет судно в Макасарском проливе или где-нибудь за Аляской, за тысячи верст от Вовки, а он слышит далекое SOS и тут же передает куда надо: срочно окажите помощь несчастным!

«Пойду в Арктическое,— твердо решил Вовка.— Закончится война, пойду в Арктическое».

Вспомнил Елинскаса: «Форма... Питание...»

«Только бы кончилась война!»

Звезды стояли над Вовкой. Стены ущелья. Непонятно, сколько впереди километров. Нехорошо тут!

«А на складе лучше?»

Он так ясно представил холодную тьму склада, шорох каменноугольной крошки, запах лежалой муки, он так сильно почувствовал ожидание, заполнившее тьму холодного склада. Да и склад ведь, наверное, уже подожгли... Ноги сами собой задвигались быстрее. Он почти бежал. Не было сил бежать, но бежал, пока не ударился коленом об острый выступ.

Боль ослепила его.

Упал на колено, вцепился в лохматый встопорщенный загривок Белого. Так, скорчившись, сидел минут пять. Вспомнил слова Лыкова: «Не суетись... Ногу потянешь, колено выбьешь — один останешься. Мы тебе не подмога».

— Не суетись! — прикрикнул на себя.

Встал.

Прихрамывая, шагнул.

Еще шагнул.

Боль отступала. А дальше еще легче было ступать.

Почему?

Понятно, подъем кончился. Вон сколько звезд над головой. Он на перевале. Луна висит за Двуглавым, все в голубом, в неестественном свете.

Он замер.

Грандиозный каменный обрыв косо спадал на тундру. Темные слои мешались со светлыми, как на Угольном, рядом с палаткой. В лунном свете вспыхивало, взрывалось ярко что-то неведомое — там, наверху.

Лед? Хрусталь горный?

Он не знал.

Он не хотел знать. Ему было достаточно того, что не надо лезть наверх.

Наклонив голову, двинулся упрямо в черноту вновь сузившегося ущелья.

Собачья тропа! Знали, как назвать. Нашли самое точное определение.

Собачья!

Даже Белый вымотался, вываливался из пасти жгучий язык, поглядывал косо на Вовку. Сколько, мол, брести этим коридором?

— Иди, иди!

Вовка скользил по льдистым натекам, хватался за выступы, помнил: его ждут на метеостанции, радовался — греют рукавички Николая Ивановича. Не обморозит пальцы, отстучит сообщение в Карский штаб.

«Сколько еще идти?..»

Одно знал точно: тропа пошла под уклон.

Чувствовал это по изменившейся линии стен, по удлинившемуся шагу, по тому, как сносило его теперь при падении вперед, к палатке. Заторопился было, но заставил себя не спешить. Не хватало подвернуть ногу тут, перед целью.

Шел, цепляясь за сосульки, висящие с каменных стен. Шел, ругал себя.

«Все при деле, а я иждивенец. На «Мирном» — все заняты делом, я один бил баклуши. Леонтий Иванович рядом, разве я с ним поговорил? Обидел только. Почему, дескать, не на фронте! А тут тоже фронт. Тут даже страшней, чем на фронте. А мама? Чем я помог ей? А боцман Хоботило? Я же только мешал боцману, подманивал к судну лихо!»

Вовка сплюнул с презрением.

«Иждивенец! Лыков вот добровольно согласился отработать еще один сезон на острове. Он сто лет не видел людей, он сто лет не слышал патефона. А он, Вовка, даже не знает — везут ли Лыкову патефон!»

«Цветут фиалки, ароматные цветы...»

«А радист? Он послушал мою морзянку, он сразу все понял. Но он сказал — м о ж е т. Значит, я д о л ж е н. Николай Иванович, например, уже бы добежал до Угольного, если бы мог выбраться со склада!»

«Иждивенец!»

Никогда Вовка не презирал себя так сильно.

Заблудись он, заплутай в ущелье или в тундре, погиб бы он не от холода, не от недостатка сухарей,— погиб бы от презрения к самому себе.

К счастью, Вовка не заблудился.

К счастью, он прошел Собачью тропу.

С высокого уступа, запорошенного сухим снегом, увидел не

каменные развалы, увидел плоские пространства Сквозной Ледниковой.

Лунный свет был так ярок, что слепил глаза, мешал видеть детали.

Различал: на фоне неба, на фоне нечастых звезд смутно вырисовывается восточное плечо Двуглавого. Различал: отражаясь от снега, лунный свет размывает предметы — то ли глыба льда, то ли медведь присел в трех шагах?

Лыков прав. Труднее всего определиться именно здесь, в тундре. Разберись, где палатка? Пойми, куда двигаться?

И пес куда-то исчез.

— Белый!

Не было пса.

Исчез, растворился в неверном свете. Первобытная тишина отразила Вовкин крик.

Он теперь не боялся кричать.

— Белый!

В ответ грянул с моря орудийный выстрел.

«Подлодка!»

«Да нет,— презрительно успокоил себя Вовка.— Идет сжатие льдов. Льдины выдавливает на берег. Крошатся льды, лопаются».

— Белый!

Не откликался пес.

«Бросил,— возненавидел Вовка пса.— Кого бросил, гад!»

Торопился.

Не хотел ждать рассвета.

Хотел незамедлительно выйти в эфир.

Луна теперь не помогала. Больше мешала. Все вокруг тонуло в голубоватой обманчивой дымке, в стеклянной голубизне. Вовка шел вроде к темным осыпям, а вышел ко льдам. Поднялись вдруг справа торосы.

Вот она, увидел он, полынья! Он узнал ее по тёмным пятнам на льдинах. Здесь, рядом, в трещине, лежит боцман Хоботило. Мрачно дымит, всхлипывает вода в полынье. Вовку зовет.

Прислушался.

Точно, поскуливание, плеск!

Ничего не видел в голубом мареве, зато отчетливо слышал — з о в е т Б е л ы й!

«Упал в полынью?»

Чуть не на ощупь, обходя промоины, обходя ледовые завалы, Вовка шел на поскуливание, всматривался в ледяную пустыню. Видел: стремительно взмывают над Сквозной Ледниковой странные серебристые полосы.

Или так кажется?

Нет, понял он, не кажется.

Мощный порыв ветра обдал его холодом, поднял над

Сквозиой Ледииковой широкий сиежиый шлейф, сверкающий, затейливый, аккуратио повторяющий все капризы разостлаиного под иим рельефа. Мириады мельчайших ледяиых кристалликов, беспрестаиио двигаясь, ярко вспыхивали, диковато преломляли луииый свет. Вовка похолодел: поземка? пурга идет?

Крикиул:

— Белый!

Услышал из луииого марева поскуливаиие пса.

«Тоже мие, путешествеииик!»

Не зиал, себя ругает или Белого.

Навериое, себя.

Ему, Вовке, следовало искать чериую палатку, а ои искал Белого. Ему, Вовке, следовало думать о зимовщиках, ему следовало возвращать страие украдеииую фашистами погоду, а ои думал о каком-то там Белом, ои рисковал заблудиться, провалиться в трещиıу, из которой иикто извлечь его ие сможет.

Клял себя, а все равио шел. Не мог ие идти иа зов Белого.

Шел, чувствуя себя иичтожио малым и слабым среди безмериых простраиств ледяиого острова, обвитого шлейфами иачииающейся пурги, шел, подавлеииый безмериостью мировых событий, которые почему-то иикак ие могли разрешиться без его, Вовкииого, участия.

Зато иужеи ои!

Раиьше, иапример, иуждались в ием только родители. Ну, еще Колька, хотя Колька вполие мог обойтись и без иего. Но сейчас, иа Крайиочиом, Вовка был иужеи всем! И Кольке, и отцу, и маме, и Лыкову, и Елиискасу, и Николаю Иваиовичу, и капитану Свиблову. Всей страие иужеи!

Ои шел.

Помиил приказ Лыкова, ио шел иа зов пса. Шел, рискуя окоичательио заблудиться.

Лишь твердил упрямо:

— Найду!

3

Ему повезло.

Ои иабрел иа полыиью, в которой барахтался Белый. Ои выручил из воды пса.

Ему повезло.

Пес по запаху вывел его прямо к палатке.

Глава седьмая. ВОЙНА ЗА ПОГОДУ

1

Вовка не знал, сколько времени он убил на Собачью. Чувствовал: вышел к палатке вовремя. Даже, может, раньше, чем надеялся Лыков. Далекий отсвет, принятый им за зарево, луна, явившаяся над Двуглавым, помогли ему И сейчас Вовка не собирался терять даже минуты. Вот только примус разжег.

Натянув на шест антенны бронзовый тросик, подключив питание, Вовка отложил в сторону рукавицы, уставился со страхом на рацию.

Будет она работать? Справится он с нею? Свяжется с кем-нибудь?

Десятки вопросов. Все тревожные.

Скинув шапку, Вовка надел холодные эбонитовые наушники. У Кольки Милевского, вспомнил он, были такие же, только покрытые пористой резиной. В тех бы Вовка не обморозил уши.

Подумав, натянул шапку поверх наушников.

Лампы нагревались.

Весело, ядовито шипел примус.

Разом, возникнув из ничего, запели в наушниках дальние голоса. Свист, вой. Слабый писк морзянки.

«Будь рядом Колька...»

Но Кольки не было. Даже Белый закопался в снег за палаткой. Впрочем, чем он мог ему помочь, Белый?

Он поставил локти на брошенный поверх ящика журнал радиосвязи, но работать с ключом в этой позе было неудобно. Он снял руки с ящика. Правую положил на ключ, левой работал на переключателе.

Точка тире тире... Точка точка точка... Точка... Тире тире...

«Всем! Всем! Всем! Я — Крайночной. Ответьте Крайночному. Прием».

В наушниках хрипло свистело. Прорывалась резкая норвежская речь, взрывалась непонятная музыка, будто из-под воды неслось бульканье, шипение. Не было лишь ответа, на который Вовка рассчитывал. Никто не торопился отвечать на его неуверенную морзянку.

«Всем! Всем! Всем! — повторил он.— Я — Крайночной. Ответьте Крайночному. Прием».

Его испугало внезапное оживление в эфире: сквозь рев и треск атмосферных разрядов прорвались голоса сразу нескольких станций. Забивая друг друга, стремительно стрекоча, они будто специально явились помучить Вовку — он ничего не мог понять в их птичьем стрекоте. *Точка точка точка точка тире... Точка точка точка тире тире...* До него не сразу дошло: ц и ф р ы! Передачи велись кодированные. Он с облегчением

вздохиул, поймав иормальиую морзяику: морской траиспорт «Прочищев» запрашивал у Днксоиа метеосводку. Диксон увереиио и деловито отвечал: «Едииичный мелко битый лед в количестве двух баллов, видимость восемь миль, ветер зюйд-вест».

Диксон и «Прочнщев» работали открытым текстом. Оии иикого ие боялись. Оии чувствовали себя дома.

Это обрадовало Вовку.

«Всем! Всем! Всем! — уже увереиией отстучал он.— Я — Крайиочной. Ответьте Крайиочиому. Прием».

Никто его ие слышал.

Никому ие было дела до далекого Крайиочиого, взывавшего о помощи. Траиспорт «Прочищев» тоже его ие слышал. Ои, Вовка Пушкарев, мог рассчитывать лишь иа случай. А иад островом иесло и иесло тучи сиега.

«Всем! Всем! Всем!»

Вовку или ие слышали, или ие поиимали.

В сущиости, это было все равио — ие слышат нли не поиимают, ио Вовка предпочел бы первое.

И замер, расслышав ускользающий писк: «Крайночиой! Крайиочиой! Я — РЕМ-16. Я — РЕМ-16. Прием».

Ои боялся ответить. Ои боялся переключить рацию иа связь. Ои боялся оборвать эту столь иеожидаиио возиикшую ииточку, мгиовеино связавшую его со всем остальиым, огромным, далеким миром.

Но отвечали ему!

«Я — Крайиочиой! Я — Крайиочиой! — заторопился ои,— испугавшись, что его потеряют.— РЕМ-16. РЕМ-16. Я — Крайиочной!»

«Крайиочной! — иемедлеиио откликиулся РЕМ-16.— Кто на ключе? Прием».

«Лыков,— машииальио отбил Вовка.— Краковский...»

И с ужасом поиял: ои забыл фамилию радиста!

Имя помиил — Рнмас. А фамилия полиостью улетучилась из памяти.

«Река Миссисипи,— вспомиил ои,— ежегодио выиосит в море почти пятьсот мнллиоиов тоии нла...»

«Гуаио образуется не там, где есть птичьи базары, а там, где ие бывает дождей...»

«При чем тут Миссисипи? При чем тут гуаио? — ужасиулся ои этим фразам из учебиика географии, вдруг всплывшим в его голове.— Мие иужиа фамилия радиста! Мие не поверят, если я ие назову фамнлию раднста. Вообще,— спохватился ои,— зачем я перечисляю все фамилии? Разве могут сидеть на ключе сразу три человека?!»

«Крайиочиой! Крайиочиой! — чуть слышио попискивала морзянка.— Я — РЕМ-16. Я — РЕМ-16! Прием».

«Я — Крайночной! — ответил наконец Вовка.— Передачу ведет Пушкарев. Прием».

«Крайночной! Крайночной! Подтвердите имя».

«Не надо было называть себя,— понял Вовка.— Я совсем запутался. РЕМ-16 мне не поверит. Мне сейчас вообще никто не поверит. Я сам все запутал, первыми своими словами все запутал. Зачем я перечислял фамилии?»

Но отстучал он совсем другое.

«РЕМ-16! РЕМ-16! — отстучал он.— Я — Крайночной! На остров высажен фашистский десант. Нуждаемся в помощи».

«И опять я говорю не то,— ужаснулся он.— РЕМ-16 подумает: десантники высадились на Сквозной Ледниковой, а мы спокойно отсиживаемся на метеостанции».

Но РЕМ-16 не был придурком.

«Крайночной! Крайночной! Откуда ведете передачу?»

«Я — Крайночной! Передачу веду с резервной станции».

«Я — РЕМ-16! Я — РЕМ-16! Просьба всем станциям освободить волну. Откликнуться Крайночному. Откуда ведете передачу, Крайночной?»

Вовка понял: ему не верят. Он слишком много наболтал чепухи. Он слишком неуверенно владел ключом. Он все делал зря, все напрасно. Он даже Собачью тропу одолел напрасно. Зачем было мучиться, если ему все равно не верят?

Но отстучал он совсем другое.

«Я — Крайночной! Я — Крайночной! Метеостанция захвачена фашистским десантом. Просьба срочно уведомить Карский штаб. Как поняли? Прием».

«Я — РЕМ-16! Я — РЕМ-16! Откликнуться Крайночному! Крайночной, вас поняли, вас поняли. Сообщите состав зимовки».

«Краковский,— отстучал Вовка.— Лыков.— И вспомнил с восторгом: — Елинскас».

«Кто ведет передачу?» — пищал РЕМ-16.

«Пушкарев».

«В списке зимовщиков Крайночного радист Пушкарев не числится».

«РЕМ-16! РЕМ-16! — торопливо отстукивал Вовка, боясь ошибиться, боясь сбиться с волны.— Буксир «Мирный» подвергся нападению подлодки. Метеостанция захвачена фашистским десантом. Просьба срочно уведомить Карский штаб. Как поняли? Прием».

Эфир взорвался.

Шипя, прожигали атмосферу шаровые молнии, дребезжа, сыпалось с небес битое стекло, что-то визжало, выло дико и странно, хрипело, наводя ужас на Вовку. А с полога палатки упала на ключ мутная капля.

«РЕМ-16! РЕМ-16!» — напрасно взывал Вовка.

Не было РЕМ-16. Исчез РЕМ-16. Пропал.

«Черт с ннм! — сжал кулаки Вовка.— Кто-ннбудь повернт. Время у меня еще есть. Немиого, но есть. Лыков ведь думает, что я еще только нщу палатку, а я успел даже поговорнть с этнм РЕМ».

«А еслн батарен сядут? Еслн мне ннкто не ответит? Еслн антенну ветром снесет?»

«Всем! Всем! Всем! — торопясь, стучал он.— Всем! Всем! Всем! Я — Крайиочной. Ответьте Крайиочному. Прнем».

Точка тире тире... Точка точка точка...

Шум в эфнре стнхал, сменялся резкнм шипением, будто жарилн рядом иа сковороде сало, вновь рушнлся сверху треск, грохот; одиовременно иалетал на палатку ветер, сотрясал полог, сбнвал на Вовку мутные каплн. Шнпелн, взрывались атмосферные заряды, будто совалн в воду раскаленный штырь. Нервно, прерывисто прыгал под пальцами ключ.

«Всем! Всем! Всем!»

Точка тире тире... Точка точка точка...

Норвежскую речь заменяла немецкая. Торжественно н печально звучала органиая музыка. Все сокрушая гремели в выси небесные барабаны. А потом сквозь всю эту свистопляску, вогнав Вовку в подлую дрожь, пробилась знакомая морзянка:

«Я — РЕМ-16! Я — РЕМ-16! Отклнкнуться Крайиочному».

«Я — Крайночной! Срочно нуждаемся в помощи. На остров высажен фашистский десаит. Просьба срочно уведомить Карский штаб. Как поняли? Прием».

«Я — РЕМ-16! Крайночиому! Вас понялн. Немедленно отключайтесь. Вас могут запеленговать.— Неизвестный радист закоичил вовсе не по-уставному: — Удачн, братан!»

И отключнлся.

«Кто он, этот РЕМ-16? — ошалел от удачи Вовка.— Откуда? С Ямала? С Диксона? С Белого? С матернка?»

Впрочем, это было не главным.

Главное, его услышали, его передачу прнияли, его сообщенне поияли! Каждая его неуверенная буковка прннята н понята этим замечательным нензвестиым ему РЕМ-16. Теперь он, Вовка, с в о б о д е н! Ему ие надо прятаться в скалах, торопя рассвет, ему не надо помирать со страха над рацией, не зиая, поймут тебя нлн не поймут.

Он медленио отключнл питание.

Он медленно встал.

Он медленно вылез нз палатки, подняв Белого.

Молочио светнлось над Двуглавым небо.

Но если это н было зарево, горела не метеостанцня. Не моглн ее домнкн дать сразу столько света. Хоть весь керосин вылей на нних.

«Сполохи! — догадался Вовка.— Северное снянне. Столбы. Позорн. Вон как распрыгалнсь!»

Ему сразу стало легче.

Это был не пожар.

А зиачит, Елинскас, Лыков, Краковский — все оии еще жнвы, все они еще в складе. И оин надеются иа него, на Пушкарева Владимира!

Он ухватился за канатнк антеины и, вскрнкиув, отдериул руку.

Тросик кололся как еж. Наверное, иа нем былн заусеницы.

Вовка снова, теперь осторожиее, потянулся к канатику н сиова его кольнула стремительная голубая нскра.

«Электрнческие разряды! — поиял Вовка н облнлся запоздалым ледяиым потом.— Мне повезло! Ой, как мие повезло! Через час я бы никуда ие пробился! Через час меня не услышала бы даже самая мощная радиостанция мнра! Ой, как мне повезло! Ой, какой молодец этот РЕМ-16!»

Смотав бронзовый канатик, он заброснл его в ящик.

«Рацию спрячу под скалами. Там ее ннкто не найдет. Если даже иашн летчнкн ие успеют, если даже нагрянут сюда фрицы, ннкто не иайдет рацню».

Он споткнулся о джутовый мешок, валяющнйся у входа.

«Это каша».

Он вытащнл нз мешка светлый заморожеиный круг, лнзнул его языком.

«Каша!»

Ему хотелось есть. Еще больше он хотел спать. У иего ныло все тело.

«Спрячь рацню! — прнкрнкнул ои на себя.— Успеешь выспаться!»

Запер ящик, натянул рукавнцы, откинул полу палаткн.

— Белый!

«Чертов пес! Снова как провалнлся».

Пятясь, вытащнл ящик.

Мела поземка.

Ои не вндел собствеиных ног, будто брел по щнколотку в мутиом бурном ручье.

— Белый!

Он не думал, что пес ему поможет. Но вдвоем было бы веселее.

«Чертов пес!»

Напрягаясь, провалнваясь в иаметенные ветром сугробы, дотащил ящик до угольиых осыпей. Дальше начинался слоистый обрыв. Здесь, под обрывом, Вовка н закопал ящик с рацней. Глянул, запоминая: острый угловатый выступ, выдвииувшнйся в тундру, четыре валуна, свалеиные друг иа друга; постоял, поднял голову.

Конус Двуглавого четко просматривался на фоне звезд. Млечный Путь дымно и пусто лежал поперек неба. А небосвод за хребтом наливался внутренним белым светом, страшным, эфирным, будто напитывался светящимся молоком.

И вдруг сполох!

Огненные волны одна за другой, пульсируя, неслись к зениту. Бледные пятна то отставали от них, то обгоняли, а над Двуглавым, занявшим полгоризонта, раздувалось гигантское зеленоватое полотнище. Оно меняло оттенки, оно подрагивало, будто его раздувало сквозняком, оно неумолимо ширилось, захватывая все новые и новые участки неба.

«Успел! — радовался Вовка, и ледяные мурашки бегали по его костлявой спине.— Успел! Скоро прилетят самолеты!»

Он услышал шумное дыхание. Он увидел Белого.

«Разболтался без хозяина пес,— подумал строго.— Носится без дела».

Но строгости Вовке хватило ненадолго.

Он упал в снег и за уши притянул к лицу мохнатую морду Белого.

Белый засмеялся и показал желтые клыки. Он знал: Вовка ему все простит

— Белый,— спросил Вовка шепотом.— Где наши мамки, Белый?

2

Пес вздохнул. Он не смотрел на небо.

И напрасно.

Там, в небе, как в шляпе фокусника, творились всяческие чудеса.

Вдруг ниспадали с небес, разматываясь на лету, медлительные зеленоватые ленты. Вдруг вставали из-за хребта яркие длинные лучи. Тревожно, как прожекторы, они сходились и расходились, выискивая в зените только им известную цель. И неслись, неслись, неслись цветные яркие волны, пока, наконец, над Двуглавым не встала в ночи призрачная зеленая корона.

Почти такую корону соорудил для себя Вовка Пушкарев, отправляясь в конце одна тысяча девятьсот сорокового года на школьный новогодний бал-маскарад.

Склеить корону Вовке помог Милевский.

Корона Кольке тоже нравилась, но, провожая Вовку, он все же сказал: «Если бы это я шел на маскарад, я нарядился бы в форму радиотелеграфиста. Китель, а на рукаве черный круг с красной окантовкой. А в центре круга две красные зигзагообразные стрелы на фоне адмиралтейского якоря!»

Вовка вздохнул.

Уже полнеба пылало в эфирном сияннн.

Шнроко раскрыв глаза, обияв Белого, Вовка смотрел вверх, н тысячн мыслей одновремеино ронлнсь в его голове.

Он вспомнил Невскнй проспект, как шли по нему, отражаясь в внтрннах, колонны вооруженных рабочнх. А еще велн на прнвязн аэростат. Аэростат был серый, как слон, н весь в шнрокнх морщинах.

Он вспомннл Пермь. Там на стене военкомата висел плакат. Молодой солдат, ужасно похожнй на Кольку Мнлевского, целовал краешек красного знамени. В левой руке каска, на грудн автомат. «Клянусь победнть врага!»

Он вспомннл Архангельск. Там на кнрпнчной стене возле Арктнческого прнчала тоже висел плакат. Девочка за колючей проволокой. «Боец, спасн меня от рабства!»

Обняв Белого, Вовка сидел на снегу, н ему казалось, что н это все он уже видел когда-то.

Остров. Ночь. Северное сиянне.

Где? Когда? Как вспомннть? Ведь не бывал он севернее Игаркн, н даже там, в Игарке, ие вндел сияний: гостил у бабушкн летом.

Тысячн мыслей одновременно мучнлн Вовку. Одна касалась Леонтия Ивановнча, другая «Мнрного». Одна касалась отца, другая боцмана Хоботнло. А еще был дядя Илья Лыков, отогревающнй под медвежьей шкурой свою негнущуюся, совершенно онемевшую иогу. Еще был Ннколай Ивановнч, тосклнво ожидающий рассвета под единственным окошечком закрытого нзнутри н снаружи склада. Еще был литовец Елинскас, совсем недавио разговарнвавшнй с Пашкой с Врангеля — с его, Вовкиным отцом.

Он смотрел в пылающее небо.

Вспышкн пульсировали, шнрнлнсь. Вспышкн металнсь.

Тире тире... Точка тире... Тире тире... Точка тире...

Вовка поннмал, что обманывает себя, что ие может быть мамы там, в этнх северных сияющих небесах, но взглядом ловил каждую вспышку; онн слнвалнсь в его мозгу в одно непреходящее, в одно зовущее слово — мама.

Тире тире... Точка тире... Тире тире... Точка тире...

— Белый! — шепнул Вовка.

Пес заворчал, повернул голову, но спрашивать у него Вовка ннчего не стал. Расхотел спрашнвать, решнл не вязаться к собаке, шерсть которой была так густа, так уютно путалась в пальцах.

Глядя на нграющне в небе огненные столбы, чнтая про себя прнзрачные быстрые вспышки, Вовка отчетливо увндел бесчисленные острова велнкого Ледовнтого.

Былн средн нних острова плоскне, как блнн, песчаные, нзкие,

были острова высокие, поросшие голубоватым мхом, были просто голые ледяные шапки, с которых лед уходил в зеленоватую толщу вод.

Вовка отчетливо видел каждую самую потаеиную бухточку, каждый самый неприметный мыс, где работали ие знающие усталости метеорологи.

Температура, влажность, направление ветра, осадки.

Метеорологи спешили к радистам, радисты брались за ключ.

Точка тире... Точка тире...

Сотии метеостанций работали на огромную страну, протянувшуюся от Белого до Черного моря, сотни радиограмм летели с островов туда — к материку. Это означало: открыт путь таикам, кораблям, самолетам! Это означало: все для освобождения Родины!

«Война за погоду,— вспомнил Вовка слова Леонтия Иваиовича.— У нас тут тоже идет война. Самая настоящая война за погоду!»

Войиа!

Сейчас, осознав это, Вовка Пушкарев вовсе не желал эту войиу проигрывать. Особенно здесь, на Крайночном.

Он не знал, когда появятся самолеты. Ои даже не знал — услышит ли, увидит ли их? Но самолеты должны были появиться. РЕМ-16 это обещал твердо. Вот почему, забравшись в палатку, уже ие имея никаких сил куда-то уходить, прятаться, Вовка разогрел на примусе кашу, пытаясь представнть — как это будет?

Рев моторов, пронзительный посвист пуль, перепуганиые, бегущие по насту фрицы.

Кто-то, подзывая подлодку, опомнится, метнет гранату в чериую, как смоль, ледяную и непрозрачную воду бухты Песцовой.

Но он опоздает.

Фашистская подлодка пустит последний масляный пузырь и вместе с иею уйдет, наконец, на дно океана тот человек, чье лицо Вовка так и не смог себе представить, уйдет на дно океана этот Ланге, Фраизе, Шаар, Мангольд, чье невнятное, блеклое, подводиое лицо долго еще будет сииться Вовке в его повторяющихся поляриых снах.

«Эр ист...»

Ладио. Пусть — мальчишка.

Мальчишки однажды обязательио становятся взрослыми!

Это были сладкие мысли.

Такие же сладкие, как пшенная каша, которую он, наконец, разогрел. Такие же красивые, как мама. Такие же необоримые, как сон, который вдруг повалил его на расстеленный спальник. Такие же невыразимо уютные, как посапывание Белого, залегшего у входа в палатку.

Белый тоже уснул.

Ему было все равно, горит над ним северное сияние или нет.

Рыкнув пару раз для порядка, он свернулся клубком прямо на снегу, но и во сне его собачьи короткие веки тревожно и быстро подрагивали.

Несмотря на свой сон, Белый снежинку лишнюю не впустил бы в палатку.

Правда, снежинки эти летели так быстро, они были такие юркие и проворные, что даже сам Белый, не раз отличившийся в этот день, ничего не мог с ними поделать.

Он ведь не знал, что сами эти снежинки тоже были частью той погоды, за которую воевал Вовка Пушкарев.

Белый не обращал внимания на снежинки.

Другое дело — люди.

Заслышь Белый шаги, неважно — свои или чужие, он вмиг бы очнулся, он вмиг бы нашел способ сообщить о них Вовке.

3

Давайте и мы помолчим.

Пусть Вовка поспит.

Ему еще столько предстоит узнать. Ему еще столько предстоит сделать.

Александр Кулешов

«ЧЕРНЫЙ ЭСКАДРОН»

«Клянусь говорить правду, всю правду, ничего, кроме правды»

Текст присяги свидетеля, выступающего в американском суде

Глава I. Я — ИЗ ИНТЕРПОЛА

Давайте познакомимся.

У меня английское имя Джон, французская фамилия Леруа, я родился в Бельгии, и среди моих родителей, бабушек, дедушек и прадедушек, насколько я знаю, не было двух человек одной национальности. Наследственность сказалась: моя первая жена была марокканкой, вторая — итальянкой, третья... Впрочем, третьей еще нет, но если будет (в чем я сомневаюсь), то наверняка эскимоской или папуаской. Люблю экзотику!

Но зачем повторяться? Все это я вам уже говорил. Помните? Когда рассказал историю о похищении самолета. Не помните? Ну и слава богу! Мое участие в этой кошмарной эпопее было, прямо скажем, довольно бесславным. Гордиться нечем. Хорошо, что все кончилось благополучно. Для меня, во всяком случае. И во всех отношениях. Во-первых, я остался жив и невредим, а во-вторых, мое начальство об отсутствии у меня излишнего героизма во время всей этой кутерьмы толком ничего не узнало. Может быть, догадывалось, но предпочло считать своего доблестного агента образцом смелости и самоотверженности. О нем, о начальстве, которое гоняется за преступниками, сидя в своих уютных кабинетах, судят ведь по нашим подвигам. Так что, сами понимаете...

И вот меня в виде поощрения направили работать в Интерпол. А может, посчитали, что уж лучше пусть я воюю с чужими преступниками как доведется, чем со своими не

очеиь-то здорово. Словом, какая разиица — важио, что я, Джон Леруа, бывший сотрудиик отдела по борьбе с воздушиым терроризмом, стал сотрудником Интерпола — междуиародиой полиции. Звучит!

Вы зиаете, что такое Интерпол? Наверияка не зиаете. Поэтому, простите за иекоторую сухость изложения, я вам сейчас иарисую, что это за штука. Я тоже о ием кое-что слышал и читал, ио, пока ие начал там служить, ие очень-то представлял себе, что к чему.

Так вот. Преступиики теперь любят путешествовать. Эдакие туристы и бизнесмены. Сегодня он грабит банк в Рио-де-Жаиейро, а завтра уже загорает иа пляже в Камакуре, иедалеко от Токио. Сегодия он спер килограммчик драгоценностей в ювелирной лавочке в Париже, а завтра сбывает их в Сиднее. Уж про торговцев иаркотиками и говорить нечего.

Ну, а раз преступиики стали мотаться по свету, да еще создавать международиые банды и оргаиизации почище трансиациоиальиых картелей, то пришлось под это дело подстраиваться и полиции. Выходить, так сказать, на международиую ареиу.

И вот теперь в Интерпол входит без малого 140 страи! Почти Объедииеииые Нации. Восточиая Европа и Россия, правда, в стороне, ио, судя по газетам (да и по моему личиому, известиому вам опыту), там-то как раз баидиты особеиио туризмом ие увлекаются. В этих страиах иаши корифеи преступных дел почему-то предпочитают ие гастролировать. Справедливо опасаются получить туристскую путевку по дальним (и долгим) севериым маршрутам.

Да я не о том. Я об Интерполе. Работа здесь кипит. За одии год чуть не полтораста тысяч телеграмм рассылает штаб, он называется Секретариатом и находится в Париже. Разные там есть отделы. Одии называется «Отдел междуиародиого сотрудничества», и в нем три отделения. Первое заиимается преступлениями против личиости и преступлениями экономическими, второе — фальшивомоиетничеством и компьютериыми преступлениями, а третье — борьбой с иезакоииым распространением иаркотиков. Меня, разумеется, в это третье отделение и определили. Как же, специалист!

Работы хватает. Уж если второе отделение за один год едва ли ие на сто миллиоиов долларов фальшивых бумажек изъяло — одних долларов в 63 страиах,— то можете себе представить, сколько у иас работы!

Но зато спокойно. Сидишь, исследуешь, аиализируешь, передаешь во все страны информацию и получаешь ее из всех страи. Тихая работа. Париж — город красивый, девочки там тоже красивые и отзывчивые. Тем более ко мне, Джону Леруа, красавцу и атлету. Живу, ие тужу. Есть, коиечно, и случаи,

когда приходится выехать в какую-нибудь страну, участвовать в деле. Тут в Секретариате такая информация хранится, что будь здоров — на четыре миллиона преступников только международного класса! Почти население Швейцарии. Вот бы их всех вместе собрать и на какой-нибудь большой остров и выслать. Интересно, как бы они там жили? Наверное, передушили бы друг друга.

Впрочем, скажу вам по секрету, что все эти бандиты «международного класса» просто овечки по сравнению с бизнесменами того же класса. Вот где друг другу горло перегрызают и не оглядываются, вот где настоящие банды воюют, куда там всяким мафиози и «мёрдер-трестам»! Мне мои коллеги из второго отделения, которое компьютерными преступлениями занимается, рассказывали — заслушаешься. Там что ни преступник, то Эйнштейн, был такой физик знаменитый, слыхали? Небось может вечный двигатель изобрести, а он с компьютерами орудует. Один так сделал, что на его счет в банке чужие деньги переводят, другой от налогов избавился, третий к каждой получке нолик прибавляет. Даже дети теперь стали в компьютеры играть и такое творят, что сам черт ногу сломит...

Ну, да бог с ними, с крошками. Расскажу эпизод из своих дел — наркоманных. Правда, после того случая с самолетом у меня к ним душа не лежит. Но что поделаешь, определили — служи.

Вот такой случай.

Однажды на шоссе поздним вечером мчавшийся на большой скорости автомобиль врезался в придорожное дерево. Ну конечно, прибыла полиция и при осмотре места происшествия обнаружила странное явление: вокруг лопнувшей шины (которая и послужила причиной аварии) рассыпался непонятный белый порошок. После внимательного изучения выяснилось, что это не женская пудра и не тальк для младенцев, а героин. Что тут поднялось!

Поскольку машина была зарегистрирована в одной стране, пассажир был из другой, а катастрофа произошла в третьей, за дело взялся Интерпол, командировавший на место своего лучшего (как мне кажется) агента Джона Леруа.

Прибыл. И узнаю, что все шины в этом примечательном авто были набиты героином, даже запасная. Ну, не набиты, но по килограммчику в каждой было. Значит, так: снимали колесо, вынимали камеру, вдували в нее порошок, затем надували, вставив на место, и — привет, посылка готова. Только с одной перестарались, нервничали, наверное, и такого давления не пожалели, что, когда скорость перевалила за сто пятьдесят, все лопнуло. В том числе и вся эта хитрая затея: улетучились миллионы.

Словом, выяснили, кто пассажир, и потянулась ниточка.

Когда уже все дело раскрыли, выяснилось, что предприятие было поставлено с размахом. Много народа попалось, но все мелюзга. А вот главных, кто за всем этим стоял и кто зарабатывал львиную долю прибыли, их-то не оказалось. Исчезли. Испарились. Были у нас на кое-кого подозрения. Да разве к таким подступишься! Тут можно не только место, а и голову потерять. У меня в стране миллионеры, как известно, преступниками быть не могут. А уж какие миллионы приносит торговля наркотиками, так это просто уму непостижимо!

Могу сказать, что только в Соединенных Штатах и только за один 1983 год объем торговли наркотиками достиг 100 миллиардов долларов! А? Ничего себе цифра. 100 миллиардов! Это треть военного бюджета страны.

Помните, я вам обещал заморочить голову разными цифрами. Я их не очень-то люблю, но специально для вас взял в наших архивах. Как зарабатывают миллионеры на наркотиках, я вам сказал. А вот как добывают деньги на наркотики те, кого к героину эти же миллионеры приучили? Вот пожалуйста. Некий доктор Болл не поленился одиннадцать лет подряд наблюдать 243 человека, регулярно принимавших героин (ума не приложу, как ему это удалось!). Значит, 237 из них были ворами-рецидивистами, которые воровали, чтоб иметь, на что покупать свой героин. Словом, за время наблюдения они в общей сложности совершили около полумиллиона уголовных преступлений. Ничего, а? Ну, а что им делать? Навидался я этих наркоманов. Кошмар. И главное, чем дальше, тем больше. Начинает с десяти сантиграммов, потом двадцать, тридцать, сорок... Ему надо все больше. Подходит время колоться — он уже не человек, а животное, руки дрожат, есть ничего не может, вечно больной, худющий, глаза как у кролика. И все ради чего? Ну, десять минут ему будет хорошо, ну, полчаса. Да и то впадает в спячку, ничего ему не надо. А потом в сто раз хуже.

Начинают, думают поразвлечься, перед подружками похвастаться — мол, покуриваю, понюхиваю, покалываю... Как же, собралась компания юных балбесов, друг перед другом выпендриваются. А потом, когда спохватываются, стоп, брат. Поздно. Да, страшное это дело...

Это страшное дело, но страшно выгодное.

Сами посудите. Где-то на Канарских островах, в Ницце или на Гавайях живет-поживает в роскошной вилле мистер Икс. Который не то что наркотиков никогда не употреблял, а и виски-то пьет только после шести вечера и сигары курит лишь три раза в день. Так ему рекомендовал его личный врач. А за тридевять земель работает на него целая армия. Где-то в Таиланде в «Золотом треугольнике» растят мак, везут его

горными тропами, переправляют куда-нибудь в Гонконг, оттуда контрабандой в Нидерланды или Канаду, перерабатывают, тайно переправляют в страны Европы и Америки... И всюду идет жуткая война, целые сражения между таможенниками, полицией и переправщиками, торговцами, распространителями. Гибнут сотни людей, еще сотни садятся за решетку. Но сотни тысяч гибнут не от пуль, а от героина, гашиша, опиума, ЛСД, морфия и другой мерзости. А мистер Икс, восседая на Гаваях в своей вилле, знай себе считает прибыль — сто, двести, иной раз и тысяча процентов!

Приятно и, главное, безопасно. Прибыль эту он вкладывает в земельные участки, нефтяные скважины, в военно-промышленный бизнес. И там он уважаемый, удачливый бизнесмен. В моей стране не принято спрашивать, откуда у человека деньги. Лишь бы они были.

И кто только с наркоманией не борется — и ООН, и Интерпол, и разные международные организации! И не могут в толк взять, что, пока у одного миллионы, а у другого шиш, ничего не изменится. Потому что тот, у кого миллион, захочет иметь второй, а тот, у кого нет ничего, будет стараться одурманивать себя разной дрянью, чтоб хоть на минутку почувствовать, что у него все есть.

И в конечном счете ему же хуже. А мистер Икс? С ним ничего не произойдет.

Вот я вам еще одну историю расскажу из того недолгого, увы, периода, что я в этом Интерполе подвизался.

Однажды нам сообщили, что в большой партии сигарет обнаружены блоки сигарет, начиненных ЛСД. Такие сигареты особенно любят юные идиоты, воображающие, что ЛСД — наркотик не очень опасный, и убеждающиеся в обратном, когда уже поздно давать задний ход.

Начали проверку. Сигареты как сигареты, марки разные: «Салем», «Винстон», «Кемел», «Мальборо», «Честерфилд». Тысячи тонн, десятки тысяч блоков, миллионы пачек. Попробуй проверь! Вскрывали, исследовали, обнюхивали (не мы, конечно, собаки, есть такие специально дрессированные на распознавание наркотиков). Иногда обнаруживали то, что искали. Но системы установить никак не могли.

Что оставалось делать? Поступили, как частенько поступаем. Схватили одного юнца, пообещали, что не посадим, если назовет своего «пушера» (поставщика). Назвал. Юнца того, правда, с пулей в затылке вскоре на свалке обнаружили, но «пушера» взяли. С ним беседовали иначе. Невежливо беседовали. Когда он уж совсем на ладан стал дышать, все же назвал оптовика. «Пушер», к сожалению, очень скоро умер в тюремном госпитале от насморка или от геморроя, уж не помню, но оптовика мы все же сграбастали. С тем грубо не

поговоришь — у иего одинх адвокатов столько, сколько во всем моем отделе сотрудников, а уж деиег...

Состоялся суд.

— Ваши сигареты везли на сухогрузе «Бегоиия»? — спрашивают.

— Мои,— отвечает.

— Вам известно, что среди иих были сигареты с ЛСД?

— Нет, иеизвестно.

— А вот свидетелн... (тут ему целый список зачнтывают) показывают, что по вашему распоряжеиию накаиуие отплытия из определеиных ящиков изымались блоки, а вместо них вставляли другие.

— Ну н что?

— А то, что имеиио в этих блоках были сигареты с ЛСД.

— Так это ваши «свидетели», а по мне лжесвидетели, их туда самн и вложили.

— Все свидетели? Их двадцать семь. Что ж, оин все сговорились? Доказаио, что оии раньше не были знакомы.

— Зато оии все меия иеиавидят и хотят оклеветать!

И верио. Адвокаты выиимают целые горы докумеитов, н выясияется, что все двадцать семь голубчнков имели основания этого оптовика иенавидеть. Всех ои чем-нибудь мог шантажнровать, все былн перед иим в долгу, все его боялись.

— Вот видите,— твердят адвокаты,— это месть!

Впрочем, одии свидетель заявил, что нмеет убедительиые доказательства — у него, мол, есть письмо обвиияемого с соответствующими ннструкциями.

Но тут обвиияемый почувствовал себя плохо, по просьбе адвокатов заседаиие отложилн иа два дня, а когда собрались сиова, узнали о большом несчастье: тот свидетель заснул с иепогашеииой сигаретой, иавериое в пьяном виде, возник пожар, и ои сгорел вместе со своим домом. Кошмар!

Много там еще болтали на этом процессе, прокурор свое, адвокаты свое... Короче говоря, пришлось за иедостатком улик этого оптовика, очередного мистера Икс, отпустить. В тюрьму отправились двадцать семь свидетелей, превратившнхся в обвиняемых (простите, двадцать шесть — одии-то погнб во время пожара).

А обвиняемый, превратившийся в иевнннную жертву полнцейского пронзвола, отправнлся на Гаван, чтобы поправить здоровье, пошатиувшееся в результате людской несправедливости...

Я-то в этом деле большого участия не прииимал, разве что присутствовал при изъятии сигарет. Скучиое заиятие: ящиков видимо-иевндимо и в каждом видимо-иевидимо блоков сигарет К коицу дня даже заядлый курнльщнк небось готов броснть курнть.

И все же кое-какие выводы я для себя из этой истории сделал. Мы, значит, бедные государственные служащие, в данном случае полицейские, трудимся в поте лица, ворошим миллионы каких-то дурацких сигарет в поисках иголки в стоге сена, мотаемся по всему свету — разыскиваем «свидетелей», мелких подонков, хватаем, наконец, главного подонка. И что ж дальше? А ничего. Главный делает нам ручкой и уплывает на собственной пятипалубной яхте к тропическим горизонтам, мы же продолжаем наш энергичный бег по механической дорожке. Есть такая, знаете, мчишься во весь дух, сучишь ногами, весь мокрый, а все на месте топчешься.

Вот тогда-то впервые и пришла мне в голову мысль: к чему все эти хлопоты, процессы, болтовня, когда и дураку ясно, кто главный преступник? А раз так, то чего возиться — хлопнуть его на месте, и все. Ну как? Как моя мысль? Вроде бы правильная, верно? Черта с два! Хлопнешь, а потом тебя самого хлопнут за самоуправство, за превышение власти, за неоправданное убийство... Ты кто? Обыкновенный полицейский, чинуша, рядовой страж порядка. А он, мистер Икс? Фигура, миллионер, столп общества. На таких, как он, наше общество и держится. И слуги общества, в том числе мы, полицейские, тоже, между прочим.

Так что надо еще два раза подумать, что нам выгодней: хлопать таких или, наоборот, оберегать. А то, глядишь, без работы окажешься.

И все-таки где-то внутри осталось у меня сожаление, что упустили мы случай разделаться с этим оптовиком. Когда он еще в наших руках был, а не перешел в ведение прокуроров, судей — всей этой машины. Вот так!

Я здесь подробно поделился с вами моей мыслью, потому что дальнейший мой рассказ с нею связан. Тогда эта мысль пришла мне в голову впервые.

Итак, значит, служу в Интерполе, не тужу. А если быть честным, то бью баклуши. Но этого никто, как я думал, не замечает.

Ошибаюсь.

Оказывается, замечал как раз тот, кому замечать не следовало,— мой начальник.

И однажды меня вызывают в Секретариат и, не глядя в глаза, вручают предписание — вернуться на мою благословенную родину за новым назначением.

Война с преступностью в международном масштабе оказалась не по мне, придется сражаться в национальном. И, сдав дела (которыми, если честно, никогда, в общем-то, не занимался), сажусь в самолет и лечу домой.

Моя служба в Интерполе длилась недолго.

Глава II. НА НОВОМ МЕСТЕ

Я опускаюсь все ниже в полицейской иерархии. Сначала воевал с воздушными пиратами, потом с торговцами наркотиками, потом служил в Интерполе, и вот теперь меня определили в уголовную полицию (кончу я, наверное, регулировщиком уличного движения, что, не знаю почему, у нас считается для полицейского дном). Здание, в котором помещается моя новая контора — серое, облезлое и большое. Длиннющие гулкие коридоры, широкие лестницы (лифтов нет). В коридорах пахнет сыростью, штукатуркой, еще чем-то противным.

В комнатах мы, инспектора, сидим по четверо. Но поскольку вечно кто-нибудь — а чаще все — на задании, то комнаты, как правило, пустые. Иногда по коридорам мчатся сломя голову оперативные группы или отдельные инспектора. Где-то что-то случилось. По вечерам сидим, пишем бесконечные, никому не нужные документы.

Утром дремлем, как сонные мухи, а днем, если не мотаемся по заданиям, пьем кофе, а то и пиво.

Вот такая обстановка.

Начальник вызывает меня и говорит:

— Будем знакомы, Леруа. Все данные у тебя для работы в нашем отделе есть: ты и дзюдоист, и каратист, и боксер, и снайпер. Ростом и силой тебя бог не обидел. А опыта тебе не занимать. Вот только тут помечено,— и листает какие-то бумажки,— что, как бы это сказать, не рвешься ты в пекло и вообще к работе относишься сдержанно. Но это ничего, у нас тут, если во время работы спать, можно и вечным сном уснуть. Так что переучишься. Желаю тебе успеха. Иди трудись.

Вот такая приветственная речь. Мог бы, конечно, и потеплей слова найти. Да ладно, начальники, они все одинаковые, им не угодишь.

Иду к себе в комнату и начинаю знакомиться со своими коллегами. Их трое.

Тот, для кого я «стрела» (так на нашем жаргоне называется старший в двойке), Гонсалес, среднего роста, черноволосый, черноусый. Он самый старый, ему сорок лет, и он так ни до чего не дослужился. Наверное, из-за своей болтливости. Просто поразительно, как можно столько говорить! Даже на задании в засаде, и там умудряется шепотом острить, рассказывать старые анекдоты, что-то бормотать под нос. Но опыта у него больше, чем у нас у всех, вместе взятых.

Второй, Джон, мой тезка; его, с тех пор как пришел я, стали называть Джон-маленький. В отличие от меня, Джона-большого. Еще бы, он — метр семьдесят, я — метр девяносто! Совсем молоденький, только из нашей школы, весь такой

ладный, быстрый, точный. Ои про эту школу много рассказывал, я вам как-нибудь перескажу.

Наконец, третий — О'Нил, нрландец. Мне сдается, что мало на свете есть полнцнй, где бы не служнл хоть один ирландец. Он — «стрела» для Джона-маленького. Здоровый парень, ростом с меня, весом побольше, конечно, рыжий, спокойный, а по части болтливости вполне компенсирует Гонсалеса, если тот рта не закрывает, то этот, наоборот, раскрывает только, чтоб пожрать, в этом деле он рекордсмен. И если не поел, становится мрачиым, злым, агрессивным. Выпить тоже не дурак.

Вот такая компания. Столы нашн в одной комиате, и, между прочим, по ннм легко догадаться, кто где сидит. У О'Нила всегда там стоит термос с чаем, какие-ннбудь бутерброды, пакетики с поджареним картофелем (а в глубинных ящиках, если покопаться, найдется и кое-что покрепче чая). У Гонсалеса иа столе полный хаос — бумагн, дела, журнальчики легкомысленного содержання, фотографии кинозвезд н спортивных чемпионов, рекламные проспекты... У Джона-маленького стол, как танцплощадка в парке перед грозой,— пустота полная, у него все в ящиках разложено, вынимает только когда надо.

Вот так. У меня, конечно, все выглядит нормально. Нужное под рукой, не нужное — в корзине для мусора. (Правда, я ие всегда отлнчаю нужное от не нужного.)

День мой строится так. Встаю, полчасика заиимаюсь изометрнческой гимиастикой, гантелями, эспандером, лезу под душ, бреюсь, одеваюсь и выхожу. Завтрак и вообще еду я готовнть не люблю, хоть н умею. Захожу в кафе иа углу и съедаю что под руку попадется, потом сажусь на автобус н отправляюсь в присутствие. В восемь сижу за рабочим столом. Джон-маленькнй уже на месте н вежлнво здоровается.

О'Нил приходнт с опозданием на одну-две минуты, хлопает нас по плечу так, что мы чуть не падаем со стула, и орет во все горло «Салют!». Бывают дни, когда он больше ни одного слова так и не пронзносит.

С опозданием миннмум на четверть часа, запыхавшись, виновато оглядывая иас, влетает Гонсалес.

— Понимаешь,— бормочет он,— вот незадача. Ну что ты будешь делать? Автобус уходит, бегу, а наперерез мие кошка! И черная! Ну? Прншлось подождать, пока пройдет кто-ннбудь. И назло, только какая-то старушенция плетется, пока она кошкин маршрут пересекла, два автобуса прошли! Ну? А что было делать? — в глазах его столько скорби, словно он потерял любнмого человека.— Ведь черная! Я бы, конечио...

Он еще что-то бормочет, но в это время раздается снгнал, и мы двигаемся на утреннюю оперативку.

Ее проводнт начальник. Он любит это делать обстоятельно, сообщает всякие цифры и факты глобального масштаба, ин-

какого отношения к делу не имеющие. Этим, по его выражению, он «расширяет наши горизонты».

— Вы, мальчики,— говорит он (мы все для него мальчики, хотя кому-то и за сорок, и кто-то весит побольше ста килограммов),— вы, мальчики, должны понимать, для чего служит полиция. Наша задача — борьба с преступлением! — Он говорит это с таким видом, словно открыл новую планету.— Защита нашего общества, самого демократического и свободного общества в мире, от посягательства убийц, насильников, грабителей, бандитов, фальшивомонетчиков... (он еще долго перечисляет все возможные виды преступников, но заканчивает всегда одинаково) и подрывных элементов. Запомните — подрывных элементов, всех этих экстремистов, «красных», забастовщиков, студентов, разных там демонстрантов!

Я, конечно, не очень в этих делах разбираюсь, но наш начальник, по-моему, еще меньше, он всех валит в одну кучу. Я слышал краем уха, как один его коллега (тоже комиссар) как-то сказал ему: «Ты все-таки не в политической полиции служишь, а в уголовной. Вот и лови убийц и воров». А наш отвечает: «Для меня коммунист и убийца одно и то же, я бы их всех...» И так выразительно тряхнул рукой — указательный палец вытянут, большой поднят. Вот такой у нас начальник! Ему палец в рот не клади. Уж кто-кто, а он демократию защитит!

Пока он вещает, мы дремлем. Никуда не денешься, так даже лучше. Пусть выговорится, а то станет еще наши недостатки разбирать, знал я таких начальников. Нет, пусть уж лучше «расширяет наши горизонты».

— Понимаете вы, что за один год,— доносится до меня голос начальника сквозь дремоту,— у нас в стране было зафиксировано 1,6 миллиона преступлений, а раскрыто меньше четверти! Это же черт знает что! В нашем отделе я этого не допущу. Мы будем раскрывать минимум одну треть! Треть — вот задача!

Он произносит эти слова с пафосом, делает паузу и уже будничным тоном продолжает:

— А теперь перейдем к текущим делам.

Мы просыпаемся, ерзаем на стульях, шелестим блокнотами.

Начальник зачитывает сводку.

— Так, вчера,— тянет он,— так, значит, значит, так: убийств — семь, ограблений — пятнадцать, изнасилований — три, смотри, всего-навсего три, драк — тридцать семь, краж — двадцать, самоубийств... Ну, это не наше дело, пожары... тоже... Ну, что ж, спокойный денек, отличный денек. Вот бы всегда так.

Действительно, по сравнению с другими днями вчерашний выглядит вполне мирно.

Дальше идет, как мы ее называем, диспетчерская работа. Мы получаем задание и разбредаемся по разным направлениям. Куда? Ну, вот, хоть такой день.

Месяца три назад была совершена попытка ограбления банка. Ничего особенного в этом нет, банки у нас грабят по нескольку штук ежедневно. Есть такие, на которые нападали раз по десять. Удивительно было не то, что напали на банк, а то, что грабителей задержали. Вот это случается не часто.

Вы когда-нибудь заходили в нашем городе в банк? Нет? Тогда опишу вам его. Обычно это величественное здание с мраморным или гранитным нижним этажом. Двери — грузовик может проехать, кованые решетки толщиной в руку, с позолотой. Внутри, как в церкви, огромный зал, колоннада, в середине массивные столы, на которых клиенты могут заполнять свои чеки. Вдоль стен стойка, за ней клерки, мужчины и женщины, стучат на машинках, нажимают клавиши компьютеров, пишут бумаги. Главное, конечно, касса. Это такая клетка из толстенного пуленепробиваемого стекла, герметически захлопывающаяся, так что газ не проникнет. Подходит клиент к окошечку, ему выдвигают ящичек, куда он кладет документы на получение денег. С другой стороны ящичек от кассира закрыт герметической заслонкой, потом кассир придвигает его к себе, берет документы, кладет деньги — все это время ящичек герметически закрыт уже от клиента — и снова выдвигает его.

А на стенах, в колоннах, в разных хитрых местах телекамеры. Если налет, любой служащий поднимает руки вверх, а ногой нажимает кнопку — включается телекамера, в соседнем полицейском отделении звучит сигнал, на всю улицу воет сирена...

Я еще забыл вам сказать, что у дверей стоит парочка дюжих молодцов с пистолетами и дубинками у пояса, а в дежурке таких еще трое-четверо сидит.

И все же банки грабят вовсю. Нам как-то наш начальник, этот любитель статистики в международных масштабах, цифры приводил.

В Лос-Анджелесе, например, 624 ограбления банков за год. А? Ничего, почти по два в день. А в Вене куда меньше, по полтора ограбления в месяц. Всего-то!

Вам, конечно, интересно узнать, как грабят банки, как при такой защите, о которой я вам рассказал, все же запросто удается и деньги взять, и спокойненько покинуть место действия. Извините. Не получится. Еще не хватало мне тут устраивать курсы повышения квалификации по части ограбления банков. А то как бы и вам не пришла охота попробовать свои силы в таком предприятии. А что? Если уж двенадцатилетние мальчики с игрушечными пистолетами взялись за дело...

А в тот раз, о котором я рассказываю, преступников задержали. Они стали жертвами уличного движения. У нас оно сумасшедшее. В часы пик куда быстрее было бы ехать на ослах, чем на автомобилях. Так вот, убив одного из охранников и прихватив два мешка денег, грабители, числом четверо, выбежали на улицу и вскочили в ожидавшее их такси. Такси было угнано за два часа до налета. За рулем сидел водитель в форменной фуражке.

Как только преступники вскочили в машину, она сорвалась с места и выехала на резервную зону. (У нас в городе крайняя правая полоса уличного движения отведена только для автобусов и такси.)

Так бы они и смылись, если б не случай. Ох уж этот случай! Сколько тщательнейшим образом разработанных планов рушится из-за его величества *случая*. Вот и на этот раз.

Хотя, учитывая число алкоголиков в нашей стране, особой случайности в этом *случае* не было. Просто какому-то подвыпившему типу, сидевшему (а у нас таких тысячи) за рулем своей «вольво», надоело плестись в бесконечной веренице еле двигающихся машин, и он резко свернул на резервную полосу. Такси преступников врезалось в «вольво». Треск, грохот, скрежет, крики... Сбежался народ, появился регулировщик, подоспели преследователи. Грабителей схватили и отправили куда надо. Следствие недолгое — все и так ясно.

Оказывается, нет. Те четверо признают свою вину — а куда деваться, их сто свидетелей видели, служащие банка, прохожие... А вот тот, что сидел за рулем, все отрицает. Меня, мол, заставили, пригрозили, что если сбегу, то найдут и убьют. Он ни в чем не виноват, только сидел в машине, никого не грабил, никого не убивал. Сидел, дрожал от страха. Те четверо подтверждают.

И тут к нам поступает записка. Написана явно женской рукой. В записке сказано, что не только этот липовый таксист был в сговоре с преступниками, но он-то и есть главарь шайки, он разработал весь план, и вообще это не первое их ограбление, и все это можно доказать. Но писавшая боится за свою жизнь и потому в полицию не идет, а, вот, пишет. И если в полиции хотят получить доказательства, то пусть принесут положенную денежную награду на место встречи, которое автор письма укажет по телефону. Зачем такие сложности, почему сначала писала, а потом собиралась звонить — неясно. Ну, женщина ведь, чего вы хотите? Словом, позвонила она раза два еще, в конце концов договорились встретиться на каком-то пустыре, в подъезде заброшенного дома, что выходит на маленькую площадь. На площади фонарь, и, если что не так, ей, наверное, из этого подъезда все будет видно и она сумеет куда-нибудь спрятаться. Ну, не знаю. Такие вот условия. И начальник говорит:

— Вот вы, Леруа, с напарником пойдете туда к десяти вечера, отдадите ей деньги и возьмете доказательства. Да не забудьте расписку у нее взять, а заодно и проверьте документы, мало ли что, может быть, ее придется свидетелем вызвать? Доказательства, что принесет, тоже проверьте, не липа ли? Да будьте поосторожнее, все же с деньгами идете. Мало ли что они там задумали — может, сообщники.

Вечером мы с Гонсалесом отправляемся на эту дурацкую операцию. У меня к ней душа не лежит. Какой-то пустырь, развалины, народу кругом никого, непонятная баба...

Подходим, действительно, фонарь яркий горит (кому он здесь нужен?), и никак его не минуешь, чтобы к подъезду этому подобраться, правильную позицию выбрала.

Договариваемся так: Гонсалес становится у стены дома напротив, в темном углу, меня прикрывает. А я иду в подъезд. Сердце колотится, душа в пятках, но иду.

Вхожу, пахнет сыростью, отбросами и еще чем-то знакомым. Чем же? Наконец соображаю — кровью, уже знаю, что будет дальше. Настроение портится окончательно. Вынимаю фонарь, делаю два шага. Так и есть — вот она лежит. Молодая еще, одета прилично, в руках зажала портфель так, что не вырвешь. Но зачем вырывать, они просто вынули из него все бумаги. Потом, конечно, после того, как всадили ей в спину нож.

Следов борьбы, как выражаются в наших протоколах, не обнаружено. Как потом установили, когда она пришла в этот подъезд (и почему она такое место выбрала?), ее уже ждали.

Вот и вся история. Несложное такое дело. Тех четверых, конечно, осудили. Ну а главный, за неимением против него улик, был оправдан. Пытался прокурор обвинить его в сообщничестве, но адвокат без труда доказал, что тот действовал под влиянием страха. Он очень испугался, когда ему пригрозили. А вы бы не испугались? Ну вот, и он тоже.

Я этот случай и не вспомнил бы, если б не одна деталь, которая мне потом долго не давала покоя. Откуда убийцы все таки узнали, где она должна была с нами встретиться? Ведь если б следили за ней, то после нее в подъезд вошли, а не раньше. Кто мог им сообщить? Судя по ее поведению, она вряд ли кому-нибудь проговорилась, значит, только у нас в полиции обо всем этом знали. Кто же предупредил убийц?..

И я вспомнил, что мне как-то Джон-маленький рассказывал, он, между прочим, молодой-то молодой, но много чего знает. Вообще толковый парень. Один недостаток — не все в нашей работе одобряет. Эдакий идеалист. Начитался рекламных объявлений в журналах: «Хочешь помочь людям — становись полисменом!» И стал. Помогать-то мы помогаем, но вот кому и как? Не такой это простой вопрос, я к нему еще вернусь.

Так вот, как-то Джон-маленький мне рассказал, он это

в английской газете «Дейли экспресс» вычитал. Там говорилось, что однажды грабители совершили иалет иа лондонскнй баик «Ллайд бэик лнмнтед» и прихватнлн девять мнллноиов фунтов стерлнигов. А пока шло следствие, 250 тысяч осело в карманах полнцейского начальства. Эта газета, говорнт, даже напнсала: «Такого еще ие знала история Скотленд-Ярда». Про Скотлеид-Ярд не скажу, но у иашего иачальства небось оседает не меиьше. Впрочем, это я так, пошутил. Не вздумайте моему иачальннку сказать, ои такого юмора ие поймет.

...Однажды прихожу на работу после задания, копаюсь в документах. Все как обычно. Напротив за столом бубнит Гонсалес:

— Понимаешь, не могу решить, менять машину или нет (у него какой-то древний «форд», н он без конца мечтает продать его н купнть маленькую БМВ, но все денег ие хватает). Еслн я продам мою за тысячу монет, то прндется прнложнть еще тысячу. С другой стороны, моя колымага еще года два протянет. Вот я и думаю... помиишь, как Кафуньет все не зиал, что со своей слншком длиииой тросточкой делать. «Наверху, жаловался, набалдашннк красивый — ие хочется резать, а вннзу она мне не длиниа». Ха-ха-ха...

Он залнвается смехом (ннкто его не поддержнвает) н снова иачниает морочнть нам голову своими автомобнльными проблемамн.

Джон-маленькнй смотрит на часы — половнна первого — встает, достает из-под стола гантелн и иачннает «работать». Он всегда за полчаса до обеда это делает. Поразнтельный пареиь — все время занимается самосовершеиствованием. Я думаю, он далеко пойдет, во всяком случае, дальше нас всех.

Вот тогда-то раскрывается дверь н в комнату врывается О'Нил. Именно врывается, а не вплывает, как обычно. Его кирпичного цвета лицо на этот раз белее потолка. Губы в ниточку, глаза горят. Мы его таким ннкогда не видели.

Некоторое время ои стоит посредн комнаты, а мы вопросительно смотрим иа иего.

— Маруччи встретил,— выдыхает он,— в баре. Зашел выпить, ои там сидит. Сволочи!

Мы не верим ушам. Чтобы вам было ясно, о чем идет речь, иужны некоторые пояснения. Год иазад этот самый Маруччи попался, когда пытался всучить в баике липовый чек. Преступленне не бог весть какое, н непонятно, почему он стал оказывать яростное сопротивленне, раннл двух служащих, пытался скрыться на машине. При этом отстреливался и попал одному полицейскому, другу О'Нила, в иогу. В конце концов, Маруччи все же задержали. На суд он явился, окруженный адвокатами. Полицейскнй тот иа всю жизнь остался хромым, ио от претензий к Маруччи отказался. Никто иичего

не мог понять, и лишь много позже он, выпив, проболтался, что получил от преступника такого отступного, что, по сравнению с этим, назначенная ему пенсия выглядит жалкими чаевыми.

Маруччи со всеми своими адвокатами защищался отчаянно. Он признавал все, не говорил только одного — откуда у него чек. Было ясно, что он кого-то покрывает, но кого, так никто и не узнал. По совокупности — все же трех человек ранил, в том числе полицейского,— ему дали приличный срок. И что же — едва год миновал, а он сидит себе в баре, потягивает пиво! Могу себе представить, что почувствовал О'Нил. Он, прямо скажем, парень не сентиментальный, но за друга того изувеченного очень переживал.

О'Нил долго молчит. Наконец говорит:

— Еще зубы скалит, сволочь. «Ах, инспектор,— смеется,— давно не видались. Как поживаете?» Скрутил я его и в участок — решил, что он сбежал.

О'Нил умолкает, вытирает свою бычью шею платком.

— Ну! — торопим.

— Да все у него в порядке. Подал апелляцию, пересмотрели,— он машет рукой,— и выпустили под надзор. А поднадзорным в бары ходить не запрещается.— О'Нил помолчал.— Еще грозился жалобу подать — пока вел, я ему бока все-таки помял немного. Да не стал, сказал, что прощает меня по случаю старого знакомства. О'Нил замолчал теперь уже надолго, а мы стали возмущаться.

— Вот,— расшумелся Гонсалес,— мы, значит, жизнью рискуем, головы подставляем. Нас, как куропаток... А преступники, у кого кошелек потолще (а у кого из них тощий!), не успеешь оглянуться — и уже на свободе. И еще на нас же жалобы строчат.

Гонсалес продолжает возмущаться, а Джон-маленький, не прерывая свои гантельные упражнения, между двумя выдохами констатирует:

— Да... мы-то... всех защищаем... а вот нас... кто бы защитил... куда суд смотрит?..

Я отвечаю на его наивный вопрос.

— Туда смотрит,— говорю,— где больше дают. У кого карман пошире. Судьи, между прочим, тоже люди и хотят хорошие машины иметь и в горы ездить отдыхать. Ты видел, во Дворце правосудия стоит такая мраморная баба, глаза завязаны, а в руках весы, называется Фемида. Она, конечно, из-под повязки ничего не видит, но на какую чашу больше монет положили, очень даже ясно чувствует. Так что суду и смотреть не надо...

— Судьи, конечно, не рискуют, что их подстрелят,— говорит Джон-маленький, он спрятал гантели и завязывает гал-

стук,— но все же я бы тех, кто стреляет в полицейскнх, суднл построже.

— Самнм надо судить,— неожиданно произносит О'Нил.— Другнх — пусть судьи. А если иашего тронут — наш суд и должеи быть.

— Ну, этого никто ие разрешит,— говорнт Джои-малеиький,— есть закон, там все определено, чем иам заннматься, чем прокуратуре, чем суду. Но за иападение иа полицию необходнмо строже карать, это верно.

О'Нил осуждающе смотрит на него.

— Эх ты, сосунок,— роняет.— Ннчего, есть среди нашего брата поумней, кто знает, что делать.

— А что? — взрывается Гонсалес.— Я бы...

— Когда поумнеете, поймете.— О'Нил окндывает иас презрительным взглядом н выходит из комнаты.

— Один генерал,— начинает Гонсалес,— привез сына к священнику, чтобы тот его умнее сделал. Приезжает через год...

Но мы не слушаем. Пора на обед.

Как ни странно, эта маленькая историня вызвала много разговоров. То ли О'Нил сумел заразнть коллег своим возмущением, то ли это было каплей, переполнившей чашу, так нлн ииаче, но ворчали многие.

Дело в том, что действительно, и мы в уголовной полицни это особо чувствуем, преступников ловят с опасностью для жнзни. У нас ведь в стране преступиики ие мальчикн из церковного хора. У нних по десятку покойников на совести, по дюжине ограблений банков и магазннов, а уж сколько загубленных наркотиками душ и не сосчитать. Каждого ждет тюремное заключенне лет на двести — триста. Смертной казнн, скажи спасибо, в нашей стране иет. (Хотя я лично предпочел бы пулю, чем всю жизиь за решеткой сидеть.) Так неужели такие люди остановятся перед еще одним убийством? И какая разница, кого убивать — шофера таксн, официанта, прохожего или полицейского? Только шоферы н прохожие за преступннками ие гонятся, не выслеживают их н задержать не пытаются. А мы — да. Ну пускай, раз выбралн такую профессию, счнтайся с ее неудобствами. Но уж коль скоро на твою драгоценную жизнь кто-то покусился, а ты его поймал, так будьте любезны, господа судьн, вкатнте этому кому-то на полиую катушку. А что получается? Мы рискуем, а то и, жертвуя жизнью, ловнм баидитов, сажаем их иа скамью подсудимых. Согласио закоиу. И вдруг начннает действовать иной закои. Адвокаты, связн, взятки, «убирание» свндетелей... Конечио, мелкий жулнк сто тысяч монет залога не внесет, а вот у кого иа совестн полдюжины убнйств, тот может. Адвоката за полмнллнона кто в состоянии ианять? Только гаигстерский босс, только глава крупной баиды. А взятку в миллион дать — и того важней.

И получается: чем страшней преступник, чем больше преступлений он совершил, тем у него больше шансов выйти сухим из воды.

Мы-то по рукам-ногам законом, всякими правилами, инструкциями связаны. Как же, страна порядка и демократии, у нас ведь права человека на первом месте! То-то пара миллионов без работы ходит, еще десяток миллионов недоедают и что такое водопровод в квартире только из рассказов знакомых знают. Еще десяток миллионов свое имя подписать не умеют, потому что бесплатно у нас только воевать учат. Но зато государство уважает их права! И все они небось очень гордятся, что их «права человека» никто нарушить не может!

Ладно, это я так, отвлекся, в лирику ударился. Вы в таких случаях не стесняйтесь, останавливайте меня, мол, Леруа, куда загнул? Возвращайся на дорогу!

Я вам изложил нашу печаль. Так что делать? Не заняться ли самодеятельностью? Точнее совместительством. Скажем, прибавить к своим обязанностям и обязанности прокурора, судьи, а заодно и палача. Правда, платить за такое совместительство никто нам не станет, но и жизнями нашими нам платить, может, тоже придется поменьше. А? Вот такая идейка.

Выяснилось, что велосипеда мне изобрести не удалось. До меня кое-кто сумел до того же додуматься. Но мне-то откуда знать? Впрочем, тогда я еще об этом не ведал. С кем бы, думаю, поделиться своими соображениями? С Гонсалесом? Он как решето, в нем ничего не удерживается, а соображения мои не дай бог кому-нибудь станут известны, и, главное, что это мои соображения. Джону-маленькому? Не доверяю я ему. То есть, доверяю полностью в нашей работе. А вот, как бы это деликатней выразиться, в некотором, что ли, толковании не доверяю. Очень он уж какой-то правильный. Одно слово — идеалист, ну или честный. У нас это одно и то же.

Пожалуй, поговорю с О'Нилом. Тот поймет.

Глава III. ПОМОЖЕМ ПРАВОСУДИЮ

О'Нил понял. Я пригласил его в небольшой бар «Под сапогом», в котором частенько собираются в свободное (и в служебное, замечу, тоже) время полицейские нашего управления. Бар как бар. Над входом метровый старый сапог из железа скрипит на ветру. Внутри особой чистоты не наблюдается. Но ее здесь никто и не требует. Длинная стойка покрыта стершейся кожей, десятка два столиков на железных ножках, без скатертей. Пьют здесь все, кроме коньяка,— дорог А так пиво, виски, красное и белое вино, разные наливки, водки. Закусывают чем бог послал — маслинами, орешками, бутер-

бродами величиной с подводную лодку... Сидим. Молчим. С О'Нилом любой разговор превращается в собственный монолог

— Слушай,— говорю,— я тут поразмышлял. Все-таки свинство получилось с этим Маруччи.

— Сволочи! — изрекает О'Нил.

«Кто? — думаю.— Судьи? Гангстеры? Адвокаты? Неважно!» Я продолжаю:

— Слушай, если правосудие такое беспомощное, давай поможем правосудию. А? — и смотрю на него испытующе.

— Как? — спрашивает и опрокидывает двойную порцию виски (конечно, ирландского) Он всегда пьет двойную порцию и, между прочим, не одну.

— А так,— мне надоедает вся эта дипломатия, и я приступаю прямо к делу,— давай его сами прикончим. В конце концов, может быть, судьи просто оказались слишком добрыми. Бывают же добрые судьи!

— Добрые — не знаю,— говорит О'Нил,— честные — нет! — и он опрокидывает «за воротник» очередную порцию.

— Ну, неважно,— говорю.— Важно, что мерзавец...

— Сволочь! — рычит О'Нил.

— Ладно, пусть сволочь. В общем, этот Маруччи оказался на свободе. Это возмутительно. Надо исправить, его ведь должны были бы приговорить к смертной казни, если б она у нас была Но раз судьи не приговорили, приговорим мы, а заодно и приведем приговор в исполнение. Ну, как?

О'Нил хлопает меня по плечу с такой силой, что, будь я поменьше и полегче, вошел бы в табурет, на котором сижу, как гвоздь, под самую шляпку.

— Ты настоящий парень, Джон! — говорит О'Нил и в связи с этим опрокидывает еще порцию.— Маруччи сволочь,— добавляет он деловито.— Ты умней меня, говори, что надо делать,— и смотрит хитро.

А что делать? Никакого плана у меня нет. Я и предложение свое сделал больше в расчете на О'Нила, сведет, мол, меня с кое-какими ребятами, о существовании которых я подозреваю. Однако ни с кем он меня не свел и пришлось обходиться своими силами.

Меня этот Маруччи в лицо не знал, поэтому никаких оснований опасаться я не имел.

...Поздно вечером мы подъехали к тому бару, где Маруччи, как я понял, проводил большую часть своего времени, и, дождавшись, пока он выйдет с приятелями, тихо поехали за ним. Между прочим, это был уже четвертый вечер, что мы за ним охотились. Но то он уезжал с кем-нибудь на машине, то его до дому провожали друзья или еще что-нибудь. А тут попрощался с какими-то типами и дальше побрел один.

Погода, надо сказать, благоприятствовала: дождь, ветрище, чуть дома не сносит, и район какой-то гнусный, облезлые дома, тротуары в ямах, фонари с побитыми лампочками... Мразь!

Когда на совсем глухой улочке оказались, я ускорил движение, обогнал Маруччи, притормозил и, выйдя из машины, предъявил свое удостоверение.

— Патруль,— говорю,— проверка документов. Вы Пеликоне?

Он сначала испугался, по-моему, даже бежать хотел, потом успокоился.

— Какой я Пеликоне! Я Маруччи. Вот мои документы,— сует мне.

— Маруччи,— с сомнением качаю головой и, достав из кармана какую-то картонку, перевожу взгляд с нее на него.— А вот у нас фото Пеликоне, и уж больно вы на него смахиваете.

— Да бог с вами,— бьет себя в грудь Маруччи.— Не Пеликоне я. Вот же документы, и фото там мое есть. Вы сравните, сравните!

— Вот что,— говорю,— поехали в участок, там разберемся.

— Да чего разбираться, вы только взгляните! Я же...

— Поехали,— беру его за руку,— если ошиблись, на машине домой отвезем, по такому дождю только выиграешь — давай залезай.

Тем временем О'Нил пересел за руль, поднял воротник плаща, в машине темно, так что Маруччи его не узнал. Продолжая возмущаться, залез со мной на заднее сиденье, и мы поехали. Я надел ему наручники, объяснил:

— Таковы правила, уж не взыщи.

И вот, когда мы выехали на главную улицу, где от огней светло как днем, он в какой-то момент увидел в зеркальце лицо О'Нила и сразу все понял.

Знаете, я никогда не думал, что человек может до такой степени измениться буквально за долю секунды. Постареть на двадцать лет.

Маруччи ссутулился, лицо стало белее бумаги, губы обвисли, глаза потухли. Он тяжело задышал, словно запах неминуемой смерти душил его. Да, да, смерть имеет свой запах, и он почувствовал его.

Некоторое время катили молча. Я внимательно слежу за ним, как бы он чего-нибудь не выкинул. Он сидит и молчит.

И вдруг я слышу его хриплый шепот:

— Ребята, у меня есть деньги — две тысячи. Я отдам.

— Где они у тебя? — спрашивает О'Нил,— может, в твой банк заедем или у тебя чек, как тот?

— Да нет,— бормочет Маруччи,— с собой они, вот в этом кармане, в верхнем внутреннем, можете проверить, я все отдам.

А потом еще столько же доиесу завтра, скажите, куда, клянусь, принесу. Я клянусь...

Теперь он торопнтся, захлебывается словами, чего-то обещает, в чем-то уговаривает, объясняет.

Я не слушаю. Мне вдруг сделалось противно н тосклнво. И эта ночь с ее чертовым бескоиечным дождем, н этот трусишка, жулнк, убнйца, подонок, который старается иас разжалобить, а сам наверняка ннкого никогда не жалел, и даже О'Ннл с его бычьей шеей, застывшнй, словно цементная глыба, на переднем сндеиье... Ну нх всех к дьяволу!

— Слушай,— говорю я О'Ннлу,— иу его к дьяволу!

Но, перехватнв в зеркальце взгляд моего коллегн, умолкаю. Мне делается не по себе. Я определенно не хотел бы оказаться иа месте Маруччн.

Мы выезжаем на загородное шоссе.

Теперь Маруччн замолк окончательно. Он еще жнв, но н уже мертвец.

С полчаса мы колеснм по проселку, наконец подъезжаем к какой-то глубокой яме, заброшенному песчаному карьеру нлн выработке, уж бог его знает что это. Внднмо, О'Ннл прнсмотрел это место заранее.

Машнна останавлнвается, и мы все выходнм. И тогда происходит непонятное. О'Ннл вынимает нз кармана нож н по самую рукоятку вонзает его Маруччн в спнну. Тот падает как подкошенный.

Вндя мой уднвленный взгляд, О'Нил поясняет:

— По пуле установят служебный пнстолет.

Затем он залезает Маруччн в карман, выинмает деньги, деловнто пересчнтывает н половнну подает мне.

— Что мы, зря старалнсь? — Он пожнмает плечамн н, столкнув тело в яму, направляется к машнне.

Но вот что интересно: перед этим он выннмает нз кармаиа какую-то бумажку н засовывает ее Маруччн в карман.

Любопытно. Но я нн о чем не спрашнваю. Я чувствую такую усталость, словно однн вырыл всю эту гигантскую песчаную дыру. Ну н денек! Хорошенькую ндейку я подкннул О'Нилу. Молодец Леруа! Лучше б ты свон геннальные нден запнрал подальше в ящик.

Едем обратно, голова пустая. О'Нил завозит меня домой н иа прощаиье говорит:

— Ты молодец, Джон! Ребята оценят. До завтра!

У меия нет сил спросить, какие ребята и как оценят. Я вяло жму ему руку н, едва подиявшнсь к себе, валюсь на постель.

На следующий день все же на работу не опаздываю.

Все нормально, как всегда. Погода отлнчная, в кармане прнятно шелестнт тысяча монет. В конце концов, что произошло? Ничего. Два полнцейскнх выполннлн свой долг, на-

казали преступника, уж коли судьи не смогли или не пожелали этого сделать. Просто мы помогли правосудию.

Идет утреннее оперативное совещание.

Как всегда, начальник, самодовольно поглаживая живот, начинает с планетарных проблем.

— Число преступлений растет,— изрекает он и смотрит на нас с таким видом, будто именно мы главные виновники этого.— Например, в ФРГ за один год прирост,— деловито сообщает он, словно речь идет о поголовье скота,— 5,5%. В Париже число убийств возросло на 7%, а ограблений и краж в метро, автобусах, на вокзалах и в музеях — на 58 %. Слышите, в музеях! — Он смотрит на нас гневным взглядом, и мы подозрительно оглядываем друг друга, не спрятал ли кто-нибудь в задний карман брюк Венеру Милосскую.— Что касается всей Франции в целом,— зловеще продолжает начальник,— то за год там совершено 3,4 миллиона преступлений. Уж про Америку я не говорю, она всем нам подает пример: 5 миллионов преступлений в год.— Он восхищенно щелкает языком и, как бы извиняясь, добавляет: — У нас в стране, конечно, поскромней, но и население поменьше. Впрочем, наши цифры вы и сами знаете. Знаете?

После некоторого неловкого молчания Джон-маленький, этот ученый муж, говорит:

— Знаем, господин комиссар.

— Конечно, знаем,— развязно подхватывает Гонсалес, но тут же затыкается, потому что вдруг начальник спросит.

— Да? Ну ладно,— продолжает тот,— перейдем к текущим делам. Зачитываю сводку.— Он начинает излагать все, что произошло за вчерашние день и ночь. Убийств столько-то, грабежей столько-то, похищений, драк, налетов...

Мы слушаем, скрывая зевоту. Ждем, когда речь дойдет до конкретных заданий. И тут я неожиданно слышу:

— В заброшенном карьере в восемнадцати километрах от города найден, убитый ударом ножа в спину, некий Маруччи, тридцати восьми лет, рецидивист. Проходил, между прочим, по нашему отделу. В кармане пиджака обнаружена карточка со знаком черепа и скрещенных костей и надписью «Черный эскадрон», следов убийц не обнаружено.

Я затаил дыхание, мне показалось, что начальник смотрит на меня. Или на О'Нила, мы сидим рядом. Но может, только показалось?

Начальник делает паузу и многозначительно произносит:

— Конечно, этого подонка не жалко, наверняка счеты сводили бандиты между собой. Но объективно они помогли правосудию.— И, помолчав, добавляет со вздохом сожаления: — Эх, не тех этот «Черный эскадрон» на тот свет отправляет, не тех!

Помолчав еще, иачальник продолжает зачитывать сводку.
«Не тех,— размышляю я,— а кого иадо? Кто те?»
Наконец, доходит очередь и до задаиий.

Нам с Гоисалесом выпадает какая-то еруида, а вот иа долю О'Нила прнходнтся иеприятиая штука. Поступил сигнал, что один из ребят иашего отдела «подвержеи коррупцни», как изящио выразился иачальиик, а проще говоря, берет взяткн. Была тут одна история с каким-то рестораном, где кого-то убили, иаш пареиь там присутствовал и вот якобы все потушил, получив за это приличный куш. Вообще-то такнми вещами заиимается другой отдел, специальиый, но нз уваження к нашему иачальинку и чтоб подчеркнуть, что наказаиие может быть н днсцнплииарным, ие обязательно уголовным, поручили нам. Мол, самн иабедокурили, сами и разбирайтесь.

Тогда-то н произошел у меня с О'Нилом страиный разговор. Подходит ои ко мне и говорит:

— Слушай, Джои, ие в службу, а в дружбу — одолжи Гоисалеса на это задание.

— А что случилось,— удивляюсь,— ты же сам моего тезку хвалил, разладилось что-иибудь?

— Да иет,— миется,— ои пареиь что иадо, ио ие в таком деле.

— Не поннмаю, дело-то простое.

— Вот нмеиио,— говорит.

— Ты можешь толком объяснить? — спрашиваю.

— Пойми, кто-то из иаших ребят сделал маленькнй бизнес. Что тут плохого? Мы все ие аигелы. А теперь его за это тягать будут. Зачем это нужно?

— Ну, согласеи,— говорю,— ио почему Джои-малеиький не годится?

— У него взгляды какие-то страииые,— туманио поясняет О'Нил.— Уж больно ои прямой, как палка, честиый чересчур — словом, ие созрел еще.

Я задумываюсь, действительно, что-то в этом Джоне-маленьком есть такое, эдакое. Идеалист он, я же вам говорил. И в таком простом, ио деликатиом деле может оказаться ие на высоте.

— Ладио,— соглашаюсь,— бери Гоисалеса.

Тут пора, виднмо, прочесть вам иебольшую лекцию о специфике иашей работы. А то вы там сидите в иочиых колпаках, с сигаретой в руке у телевизора и думаете, что мы, стражи порядка, ие спнм двадцать четыре часа в суткн, оберегая ваш покой, и получаем за это миллионы. Так? Призиайтесь, так вы думаете?

Представьте, что ошибаетесь. Я не хочу сказать, что мы иищие, ио все-таки, имея в виду, чем приходится заииматься,

платят нам мало. Зато требуют много. И чтобы мы раскрывали преступления в том числе.

Ни один полицейский в нашей стране и, насколько я знаю, в Италии, и в Англии, и в Америке, и во Франции, не может работать, не имея своих осведомителей. У всех у нас есть с десяток подонков, которые нам регулярно доносят на других подонков.

А чем прикажете платить? Вот именно. Поэтому я смотрю сквозь пальцы на кое-кого, у кого в его баре в подвальном туалете порой продается наркотик, или кто торгует спиртным без лицензии, или заходит иной раз к соседям в квартиру без их ведома и не через дверь, а через окно, чтобы одолжить деньжат до лучших времен. Зато я получаю сведения по крупным делам, которые раскрываю. За что мне честь и хвала.

Это я так, примитивно объясняю. На самом-то деле все сложней. Приходится защищать моих «подопечных» от моих коллег, которые не в курсе дела, и взаимно не трогать их «подопечных», о которых они меня предупреждают. Сами понимаете. Один американский полицейский написал книгу «Полиция в беде». Это мне, конечно, Джон-маленький рассказал (он прямо помешанный — все, что касается полиции, не просто читает, а прямо изучает). Так вот там черным по белому написано: «Если полицейские начнут арестовывать информаторов других полицейских, начнется полный хаос». Верно сказано. Вот и приходится ломать голову — кого сажать, кого нет. Не простое дело, скажу я вам.

Мы все, как правильно заметил О'Нил, отлично знаем, где нас угостят бесплатно кружкой пива, где всучат блок сигарет (это для рядовых, я-то могу претендовать на большее). Приходят к нам и такие, как Джон-маленький, у которых нет широты взглядов. Их, конечно, приобщают, растолковывают, что к чему. Если упрямятся, создают атмосферу морального осуждения. Плохо ведь, когда в стаде заводится паршивая овца...

Но бывают у нас и такие гадкие «подопечные», которые за свои грехи отделаться всего лишь информацией не могут. Они тогда кое-что к этому добавляют. Наш начальник, помнится, сообщил на очередной оперативке, что в США преступные синдикаты (какая-то сенатская комиссия это установила) каждый год тратят на подкуп полиции 4,5 миллиарда долларов, что, мол, больше, чем вся зарплата всем полицейским страны! Ну еще бы, страна-то богатая!

С возмущением начальник нам об этом сообщил, грозил пальцем. «В нашей стране этого нет, говорил, и быть не должно. Имейте в виду!» Мы имеем. Но все же бывают, разумеется, исключения. Вот как этот случай, на расследование которого послали О'Нила.

Ничего особенного, мне потом Гонсалес рассказывал:

— Пришел в этот ресторан человек, напился, начал буянить. Ну, хозяин его и вывел. А в процессе выведения тот умер...

— Что значит «в процессе выведения»? — говорю.— Ты по-человечески можешь выражаться?

— А что тут неясного? — обижается.— Он его вывел из ресторана, тот, наверное, пытался его ударить, хозяин в ответ ударил хулигана. Ну, может, немного перестарался, а тот небось хрупкого был здоровья и вот скончался...

— Ладно, а при чем тут наш коллега?

— Он там в это время был, в этом ресторане, зашел случайно, выпивал. Но, во-первых, он был в штатском, во-вторых, не на дежурстве. Ну, просто зашел, как обыкновенный гражданин. Почему, спрашивается, он должен был вмешиваться?

— Так он полицейский или нет? — спрашиваю.

— Полицейский,— подтверждает Гонсалес,— в смысле профессии, но не полицейский в смысле времяпрепровождения. Ведь он просто сидел, как гражданин, и выпивал. Почему он должен был вмешиваться? Другие же посетители не вмешивались. Он закончил выпивать, вышел, сел в такси и поехал домой.

— А почему его обвинили во взяточничестве? — недоумеваю.

— Ну, это уж совсем анекдот. У него не было с собой денег на такси, и хозяин ему дал...

— И много дал? — я начинаю догадываться.

— Да не очень,— мнется Гонсалес,— что-то около пятисот монет.

— А такси стоило десять, да?

— Восемь,— бормочет Гонсалес.

— Все ясно,— говорю,— в результате никто ничего не видел, тем более наш парень. Убийство доказать нельзя. Покойник «в процессе выведения» сам наложил на себя руки. И что вы с О'Нилом доложили?

— Что наш коллега был в состоянии сильного опьянения, на что имел полное право, поскольку не находился на службе, а потому ничего видеть не мог. И то, что этот хулиган пришел к хозяину ресторана объясняться, поскольку тот увел у него жену, никакого отношения к делу не имеет.

— Ах, он еще и увел у того жену...

— Ну и что? Словом, мы всех, кого положено, допросили, составили отчет, посидели там немного и...

— Где посидели?

— В том ресторане, где же еще! Мы с О'Нилом, хозяин, наш товарищ. В конце концов, работали же, неужели ужина не заслужили!

— Скажи честно, Гонсалес, домой небось на такси ехали и проезд хозяин оплатил?

— А что такого?

— Нет, ничего, дорога пять монет стоила, а хозяин небось пятьсот дал?

— Ну уж пятьсот,— вяло возражает Гонсалес.— Понимаешь, это как в том анекдоте. Человек спрашивает таксиста: «Вы в город?», а тот отвечает: «Нет, в деревню». Ха-ха-ха! — Он заливается смехом и тут же замолкает.— И вообще что пристал! Что-нибудь я неправильно сделал?

— Да нет, все правильно,— говорю,— все правильно. О'Нил знает, что к чему.

— А вот Джон-маленький считает, что неправильно,— задумчиво говорит Гонсалес,— он мне тут целую проповедь прочел об обязанностях полицейского, чести, морали и всякой чепухе. Он мне напоминает того отца из анекдота, знаешь, приходит к дочери...

— Да пошел ты со своими анекдотами! — я, наконец, не выдерживаю.

Он обижается и молча уходит.

Я остаюсь и размышляю. Кто здесь прав? Наверное, прав Джон-маленький. Но и Гонсалес прав. Не они виноваты, что жизнь так устроена, и не им ее менять. Чтобы позволять себе всякие там угрызения совести, чтобы всегда действовать по совести, надо иметь миллионы, а вот как раз те, кто имеет миллионы, совести-то и недосчитываются. В конце концов, и так забот много, буду я еще тратить время и силы на разные там моральные соображения. Важно отхватить у жизни максимум для себя, а остальное...

Что касается О'Нила, то я его понимаю, мы друг друга понимаем. Еще прямо не говорим ни о чем, но понимаем.

Только наш начальник — или надеясь перевоспитать Джона-маленького или по глупости — мог свести их в одну связку.

Конечно, О'Нил старше, опытней, авторитетней, а Джон-маленький пока что «огурчик», как мы называем вновь испеченных выпускников полицейских школ. Но по части теории и разных знаний он нас всех за пояс заткнет.

Так вот, взгляды у них с О'Нилом на все, почти на все, разные. Но до поры до времени Джон-маленький молчал. Он вышколенный, для него дисциплина — дело святое. Раз О'Нил «стрела», значит, с ним спорить не полагается.

Но однажды случилось такое, что все поставило на свои места.

На очередной оперативке начальник особенно серьезен.

На этот раз он лишь бегло касается мировых проблем, а когда переходит к заданиям, оставляет нас четверых, остальных отпускает.

— Так меньше шансов, что преступники что-либо узнают.— Поясняет он и, видя наши недоуменные взгляды, добавляет: — Вы, что ж, думаете, только полиция среди этих подонков имеет свои уши, они у нас тоже имеют свои.

Укрепив таким образом нашу веру в порядочность и надежность наших товарищей по службе, он начинает излагать задачу.

Значит, так: поступил (откуда? наверное, от тех самых ушей) «сигнал» (его любимое слово), что намечается ограбление ювелирного магазина. Согласно полученным сведениям, грабители проникнут в магазин через дыру в потолке (которую они почти пробили, осталось надавить), обойдя сигнализацию. Потом тем же путем выберутся из магазина и сделают ручкой.

Мы должны, войдя незадолго до закрытия в магазин, остаться там в засаде и задержать грабителей. Хозяин в курсе. Поскольку за последние месяцы были совершены ограбления уже нескольких ювелирных магазинов и высокое начальство выражает недовольство, то наш непосредственный шеф очень надеется, что эта операция принесет ему лавры победителя. Судя по почерку, наши будущие клиенты совершили и все предыдущие ограбления.

Опытные грабители, как известно, не дети (хотя теперь такие дети пошли...). Поэтому мы готовимся очень тщательно. Чистим и проверяем наши 45-е калибры, «токи-уоки», наручники, маленькие пистолеты, телескопические дубинки. Надеваем ботинки на легкой резиновой подошве. Мы с О'Нилом выпиваем по паре баночек пива, Джон-маленький примеряет пуленепробиваемый жилет, но он ему не годится, и Джон бросает эту затею.

Магазин торгует допоздна. Когда мы подходим к нему, уже темно, улица освещена, народу много, особенно туристов, и в магазине людно. Так что мы, затерявшись среди покупателей, незаметно поодиночке исчезаем в служебном помещении и запираемся в кабинете хозяина. Он весь зеленый от страха. Нет, не за нашу жизнь, что вы! За судьбу своего драгоценного товара.

— А они не могут всех вас убить и все унести? А гранаты они не взорвут? Ведь все погибнет здесь! А во время перестрелки не пострадают витрины? — Он прыгает вокруг нас, как козлик на лугу, и морочит голову своими дурацкими вопросами.

Мы сообщаем ему, что весь квартал оцеплен, на крыше дома затаились снайперы, в решительный момент подлетят вертолеты... Он уже почти успокаивается, но все портит этот остряк Гонсалес:

— И потом на улицу должен вплыть ракетный крейсер,— добавляет он с невинным видом,— сейчас начнут воду напускать.

И сам же начинает хохотать своей идиотской шутке. Хозяин опять впадает в паннку.

Нас спасает звоиок — коиец рабочего дня. Продавцы, иакрыв стекляиные прилавки холстамн и заперев иесгораемые шкафы, опускают перед дверью н внтринами металлнческне жалюзи и нсчезают с такой быстротой, словно грабнтелн уже в помещеннн. Последним, качаясь от страха, уходнт хозяинн, предварительно включнв сигналнзацию.

Этот мерзавец, у которого в лавке на миллиоиы бриллиаитов, изумрудов, золота, серебра, ие догадался оставить нам хоть полдюжнны банок пива. Мог бы, между прочим, и чего покрепче.

Сиднм с пересохшими глотками, мрачные, ждем. Бывает, что по иеделям сндят в таких засадах, пока голубчики ие явятся. Могут и вообще ие прнйти.

Ждем.

Уже два часа иочн, улица, хоть н одиа из цеитральных, затихла, нзредка машнна проедет... начинается дождь. Он косой и под ветром стучит в металлнческие ставии.

Мы уже иачали дремать, когда, как гром с ясного неба, раздается грохот с потолка, н мы поннмаем, что наши клненты пробнли-таки потолок н через мннуту пожалуют в гостн.

Коиечно, мы иемного дали маху, следовало рассредоточиться, а мы как заселн в этом кабннете, так н снднм. Но тут иачниаем действовать быстро и энергично — все-таки опыт и школа сказываются.

Беззвучно выходнм в коридор, что отделяет кабинет от торгового зала, подходнм к его дверям н, затаив дыхание, ждем. Наконец, слышим глухой стук — видимо, кто-то спустился по веревке и спрыгиул, через иесколько секунд стук повторяется — второй, а вскоре и третий. Сколько же их? Наверху наверняка остался еще однн.

Проходнт несколько мниут, и мы слышнм звук разбитого стекла. Оин особенно ие стесняются и правнльно делают — кто здесь, что услышнт?

Значнт, трое или четверо...

— Черт зиает что,— театральным шепотом шипит Гонсалес,— как у себя дома работают, бьют стекло, ходят-бродят. Я помню...

— Да замолчн ты,— говорю и толкаю локтем О'Нила,— иачалн?

Он кивает н вынимает мощный карманный фоиарь, в другой руке у него пистолет.

Мы с грохотом раскрываем дверь и врываемся в торговый зал.

Яркий луч выхватывает трех человек в черных комбинезоиах. Оии возятся возле несгораемого шкафа, в руках у ннх

отмычки, сверла, всякая аппаратура и никакого оружия. Они настолько поражены нашим появлением, что, когда Гонсалес орет: «Руки на затылок!», даже не реагируют. Наконец, повернувшись к нам лицом, медленно поднимают руки. Вид у них дурацкий, растерянный и испуганный. Один постарше, судя по морщинистой в шрамах физиономии, прошел огни и воды, двое других — мальчишки, лет по двадцать. Они еще не могут понять, что произошло.

Джон-маленький выходит вперед и ловко, с поразительной быстротой обшаривает карманы грабителей. К нашему изумлению, выясняется, что у них нет оружия! Что это — нахальная уверенность, что оно им не понадобится, или, наоборот, хитрость: поймают, обвинить в вооруженном налете не удастся.

Мы уже достаем наручники, но в этот момент Гонсалес совершает роковую ошибку — нажимает выключатель у двери, и в комнате зажигается свет.

Все последующее происходит мгновенно и занимает в десять раз меньше времени, чем мне требуется, чтоб это рассказать.

Из дыры в потолке гремят два выстрела. Джон-маленький хватается за руку, я стреляю в черную дыру на звук, и там раздается глухой вскрик. О'Нил разряжает свою обойму в грабителей, они валятся, как колоды, и застывают неподвижно. Гонсалес нажимает выключатель, в комнате воцаряется темнота, и тут же мощный фонарь О'Нила устремляет свой луч на дыру в потолке.

Повторяю, все это длится две-три секунды. Это, знаете ли, в детективных фильмах все стреляют направо и налево, и все остаются живы. В жизни иначе: когда профессионалы такого класса, как мы с О'Нилом, стреляют, то требуется доля секунды, чтобы продырявить человеку башку,— мы не промахиваемся.

Другой вопрос, в кого и зачем стрелять. Ну, то, что я первым же выстрелом прикончил того, который палил в нас с потолка — это, конечно, удача. Да просто спасло нам всем жизнь (в отличие от этого идиота Гонсалеса, который, включив свет, чуть нас всех не угробил).

А вот зачем О'Нилу потребовалось убивать тех троих, безоружных, с руками на затылке? Именно этот вопрос задает ему Джон-маленький.

— Тебя, дурака, спасал,— ухмыляется О'Нил.

Он смело лезет по веревке, свисающей из дыры. (А вдруг тот, четвертый, еще жив или есть пятый?) Я страхую его, направив пистолет в дыру. Гонсалес перевязывает Джону-маленькому руку — пуля резанула по мякоти, ничего опасного.

— Зачем он это сделал? — теперь уже у меня спрашивает Джон-маленький. Его широко раскрытые глаза устремлены на меня, и сейчас особенно ясно видно, как он еще молод.— У них же не было оружия.

— Никто ничего не может знать в таких обстоятельствах,— туманно отвечаю я.

А что я еще могу сказать? Я и сам не понимаю, зачем О'Нилу понадобилось убивать тех двух мальчишек, ладно бы уж старшего.

О'Нил в этот момент быстро спускается по веревке обратно.

— Порядок,— говорит он.— Тебе, Леруа, прямо в цирке выступать, точно в лоб.

Он неторопливо подходит к лежащим грабителям и вкладывает одному из них в руку револьвер, нажимает, чтоб остались отпечатки пальцев. Достает второй револьвер и проделывает такую же операцию.

— Хорошо, у того две пушки было,— говорит он с довольной улыбкой,— внушительней получается. А ты,— он поворачивается к Джону-маленькому, говорит зло и резко,— запомни: когда четверо опасных бандитов открывают огонь по полицейским, да еще ранят одного из них, нам ничего другого не остается, как отвечать. После предупредительного выстрела, разумеется,— он поднимает свой 45-й калибр и стреляет в потолок.— Ясно?

Но Джон-маленький ничего не соображает. Из-за ранения или он действительно с другой Галактики, начинает спорить:

— Послушайте, О'Нил, вы же прекрасно знаете, что пистолетов у них не было, что они не сопротивлялись. Их можно было спокойно задержать, и...

И тут я впервые вижу, как О'Нил выходит из себя.

— Сосунок! — кричит он.— Девчонка с бантом! «Задержать»! Мы их задержим, они по пять лет получат, через два года выйдут и начнут опять в полицейских, в таких, как ты, болванов, стрелять! Нет, пусть уж отдыхают. На кладбище! Вот из-за таких законников, как ты, нас шлепают как мух!

— Хватит,— говорю я,— все ясно. Задание выполнено. Засада удалась. Преступники пытались оказать сопротивление. Ранили храбро вступившего с ними в схватку Джона-маленького, но были нейтрализованы огнем остальной команды. Такова официальная версия. И никакой другой! Ясно?

Я многозначительно смотрю на Джона-маленького. Он опускает глаза и молчит. Лицо у него совсем белое, крови все-таки он потерял немало.

Я снимаю телефонную трубку и звоню дежурному.

Начальнику я докладываю так, как сказал. Он доволен. Ликвидирована опасная шайка вооруженных грабителей, готовых на все. Нам объявляют благодарность. Джон-маленький через неделю возвращается в строй.

А через месяц мы уже забыли об этом деле. Так, по крайней мере, я думал.

Глава IV. ЧТО ТАКОЕ «ЧЕРНЫЙ ЭСКАДРОН»?

Вы любите лекцин? Нет? Да? Не поиял. Словом, если ие любите, можете закрыть страиицу н идти выгуливать вашу таксу или смотреть телевизор. Потому что я собнраюсь прочесть вам лекцию.

Я иачну с того, что н вы прекрасио знаете. Почему у нас вообще есть преступиики? Вы такнм вопросом ие задавались? Нет? Так я отвечу — по тысяче причии. Во-первых, есть иаивные людн, которые инкак ие могут поиять, почему онн всю жизнь гиут спииу, работают н еле сводят коицы с коицами (это если у иих есть работа), а есть такие, которые ии черта ие делают, ио имеют миллиоиы. Почему, еслн ты украл булку, тебя засадят иа пять лет, а еслн прнкармаиил железиую дорогу нлн баик, то тебя сделают сеиатором? И тогда оии иачииают виосить поправки в судьбу и стаиовятся грабителями н ворамн. Далее, у иас оружие продают везде, только что ие в молочиых магазииах.

В газетах однажды писалн: заказал человек по почте сиайперскую виитовку с оптическим прицелом. Ему тут же даже без задатка прислалн. А человеку тому одии год от роду! Вот такой у иего отец шутник. Все можио купить при желаиии — автомат, пулемет, виитовку, мину, даже мниомет. Одни добрый папа подарил сыночку к его двеиадцатилетию небольшой таик. Настоящий, саднсь — н давай в атаку. В Америке у 50 миллиоиов семей есть дома огиестрельиое оружие, во Фраицин — у 10 миллиоиов, в Аиглии — у миллиона. И потом телевидеиие, там же под экраи иадо ведро подставлять — столько крови льется. В Соедииенных Штатах ребятишкн, этн аигелочки, к четыриадцатн годам вндят иа телеэкраие одиииадцать тысяч убнйств! Ничего? Тут н Джек-потрошитель позелеиеет от завнстн. В моей страие не лучше.

Короче, прични для преступиостн миого. И все всех жутко боятся. По вечерам никуда ие ходят. Дома превращаются в крепости, а уж какие хитрые всякие там электроииые, инфракрасные и другие системы охраны придумывают,— сил нет. Собак заводят, сторожей, одии в своей лавке иа иочь даже крокодила выпускал!

На полнцию-то ие очеиь полагаются. Во-первых, потому что нас не хватает. Преступииков миллионы, иас десяткн тысяч, где уж тут справиться... Во-вторых, ие доверяют иам. То н дело возиикают скаидалы. Не хочу писать о моей страие, я — патрнот! Но примеров мог бы вам привести миожество. Вот хоть такой. Одиажды солидиая комиссия — целых тридцать два учеиых юриста — провела обследоваиие деятельностн нью-йоркской полиции. И что, вы думаете, оиа устаиовила? Что взяткн от преступииков получали практически все полицейские,

начиная с рядового и кончая начальником департамента по уголовным делам! Иногда полицейские забирают героин у наркоманов и тут же сами его перепродают. А сколько случаев, когда задерживали налетчиков, грабителей и оказывалось, что это переодетые полицейские. Словом, не очень-то нам верят.

Поэтому всюду граждане стали заниматься самодеятельностью, вернее, «самоохраной».

В той же Америке создалась целая ассоциация добровольных борцов с преступниками. В ней пять миллионов человек. Все, конечно, вооружены, но в случае катавасии попробуй выясни, кто член этой ассоциации, а кто хулиган.

В Англии тоже создали общество... оказания поддержки пострадавшим от ограблений. Работы у общества много, каждой группе, из которых оно состоит, приходится иметь дело в среднем с восемнадцатью ограблениями в неделю.

Всюду есть такие организации, в моей стране тоже.

Все они помогают, как могут, полиции и состоят из граждан, которых принято называть «законопослушными».

Но есть и другие. Те не любят преступников, но и на законы поплевывают.

Приведу пример опять-таки из американской жизни. А чему тут удивляться? Где самая большая преступность? В США. Поэтому я оттуда и беру примеры. Но не огорчайтесь — можно привести такие же и из жизни Франции, Италии, Англии, ФРГ, да и моей тоже.

Так вот, в Америке есть такая милая организация, называется POSSE COMITATUS. Эти лихие ребята считают, что полиция и шерифы плохо справляются со своими обязанностями и поэтому взяли это на себя. Они даже сами выбирают судей, накапливают целые арсеналы, устраивают полевые учения. Уж не знаю, с кем они собираются воевать, но, по-моему, никак не с преступниками.

Есть и почище. Есть немало нелегальных вооруженных организаций по борьбе с преступностью. Например, в Балтиморе она называется «Черный октябрь». И наказывает преступников, как вы догадываетесь, без суда и следствия одним способом — убийством. В уголовный кодекс члены этой организации не заглядывают — им некогда. Находит полиция на улице трупы, а рядом записка: «Эти люди торговали наркотиками» и подпись: «Черный октябрь». Начали следствие — действительно, убитые числились в розыске. Да вот полиция-то до них не добралась, а «Черный октябрь» сумел. Только не раз находили убитыми людей, которые только подозревались в преступлениях, как потом выяснилось, напрасно. Но «Черному октябрю» в этом не с руки разбираться. На том свете сочтемся...

Так что хоть полиции эта организация и помогает, но и работы наваливает.

В Детройте есть ассоциация «Население — против преступников». Все ее члены имеют машины, разъезжают по городу и обо всем, что им кажется подозрительным (а им подозрительным кажется все), доносят полиции, чем прибавляют ей ненужной работы. В Индианополисе есть общество «Крестовый поход против преступности». Словом, много можно привести примеров. А что им делать, гражданам, коли на них нападают в метро, на улице, в их же домах? Убивают, избивают, грабят, насилуют? Не говоря уж о том, чего они натерпятся от хозяев на работе, от налоговых инспекторов, от повышающих без конца цены владельцев магазинов да, к слову говоря, и от самих полицейских.

Ну, ладно, бог с ними, с гражданами. Как говорит Гонсалес (уж не знаю, где он это вычитал): «Каждый народ имеет жизнь, которую заслуживает». «...Правительство, которое он заслуживает», поправляет его Джон-маленький, этот всезнайка.

Меня больше интересует судьба моих собратьев по ремеслу — полицейских.

Невеселая, скажу вам, судьба. Опять же не буду приводить в пример мою страну (я — патриот), чтобы не расстраиваться, но, скажем, во Франции за один год при исполнении служебных обязанностей было застрелено преступниками 63 полицейских. В других странах побольше.

Но добро б ловили этих убийц и вешали на фонарных столбах! Ничего подобного. Начинается бесконечное следствие, суд, фокусы адвокатов. Если убийца какой-нибудь жалкий наркоман или там грабитель-одиночка, ему могут как следует припаять. Но если это член преступного синдиката или какой-нибудь важный босс, то это дело безнадежное. Наверняка выкрутится. Так что ж нам, в ладоши хлопать? А вернее, хлопать ушами?

И вот в Бразилии, а потом и еще кое-где, у нас в частности, возникла среди полицейских идея иной раз самим прикладывать руку, как бы это поделикатнее выразиться, к наказанию преступников.

В Соединенных Штатах — там попроще. Там мои коллеги руководствуются простым принципом: «Сначала стреляй, а потом задавай вопросы». Там когда полицейский подходит к автомобилисту-нарушителю, тот кладет руки на руль и остерегается их оттуда убирать. Иначе, чего доброго, «дорожник» подумает, что он лезет за револьвером, и всадит в него пулю. Вообще они молодцы — своих в обиду не дают.

Если там полицейский кого пристрелит, начальство за него горой: защищался, мол, от нападения, необходимая самооборона. И если он даже пристрелил негритенка, или какого-нибудь старика, или случайного подростка, он защищался, а те на него нападали. Вообще в Америке полицейские не любят, когда их

обижают. Мне как-то Джон-маленький, знаток истории, рассказал любопытную, но и поучительную историю, правда, по другому поводу.

Был в США такой знаменитый гангстер Лаки Лучиано. Однажды, когда он еще не разъезжал в бронированном автомобиле, окруженный телохранителями, стоял он на углу Четырнадцатой улицы в Нью-Йорке и поджидал девушку. Вдруг останавливается около него машина с опущенными шторками, вылезают трое с пистолетами и вежливо приглашают сесть в машину и составить им компанию. Там ему затыкают рот, избивают, в конце концов выбрасывают без сознания на каком-то уединенном пляже. Когда он пришел в себя, то дотащился до первого встречного полицейского и сказал ему: «Позовите мне такси и забудьте, что видели меня, получите пятьдесят долларов». Но тот доставил Лучиано в больницу и вызвал инспекторов. Лучиано правдиво ответил на все их вопросы, кроме одного. Когда его спросили, кто были эти трое, напавшие на него, он сказал: «Понятия не имею, никогда их раньше не видел». И только через много-много лет уже в Италии он рассказал журналистам, что избили его за то, что он не уплатил очередной дани полицейским. Так что у них там все ясно.

Ну, а в Бразилии люди темпераментные, полицейским надоело ловить бандитов, рискуя жизнью, а потом узнавать, что эти бандиты или оправданы или получили ерундовые наказания. И они создали свой союз.

Не просто обычный профсоюз, как, например, АФПП — Автономная федерация полицейский профсоюз Франции или такие же профсоюзы полицейских в других странах, а тайную организацию, и назвали ее «Эскадрон смерти». Этот бразильский «Эскадрон смерти» родился в 1964 году в Рио-де-Жанейро. Тогда там убили полицейского Ле Кока по кличке «Лошадиная морда» (у полицейских, как вы знаете, тоже есть клички). Убил его гангстер Кабо Фрио. И вот некоторые коллеги этого Ле Кока поклялись на его могиле отомстить и объединились в группу, которую назвали «Эскадрон смерти». Вскоре труп Кабо Фрио был найден на пустынном пляже. Тамошние коллеги полицейские вошли во вкус. Вскоре «Эскадрон» насчитывал уже полторы тысячи человек.

А потом в Сан-Пауло появилась аналогичная компания под названием «Белая лилия» (воистину белая как саван!), а в городе Нитерое — «Красная гвоздика». Они мстили за убитых полицейских, выносили приговоры гангстерам не только не дожидаясь суда и следствия, но даже и поимки этих людей, просто ловили и сами же приводили приговор в исполнение.

Конечно, народ не знал, что полиция имеет к этим «эскадронам» какое-либо отношение. Считалось, что это воин-

ственные, решительные граждане создали вот такие отряды самообороны. В них входили не любые, кто захочет, а надежные, свои ребята.

Сначала действовали деликатно. Ну, скажем, стреляли в гангстеров, когда и нужды не было, когда можно было их просто задержать. Потом начали за ними специально охотиться, выслеживать и убивать. Не таких, которых полиция обязана была и без того разыскивать и арестовывать, а таких, против кого просто были серьезные, а иной раз даже ерундовые подозрения.

Потом наступил следующий этап — «стражи порядка» стали похищать преступников! Получая информацию от своих осведомителей, они устраивали засады, нападали переодетыми или официально предъявляли свои удостоверения и забирали человека «на допрос», «для дачи свидетельских показаний», «для проверки» — и увозили.

Это я знаю и еще кое-кто. А широкая общественность нет. Потому что те, кого увозили, уже ничего рассказать не могли. Их трупы потом находили где-нибудь за городом. И что вы думаете — одно время преступность даже пошла на убыль! Главари банд испытывали такой панический страх перед этими «Эскадронами смерти» (а они появились и в других странах Южной Америки), что многие вообще бежали за границу.

Вы можете мне сказать, что сейчас эти «Эскадроны смерти» заняты, судя по газетам, вроде бы другими делами. Но не торопите меня, к этому вопросу я еще вернусь.

Словом, запугали они тогда преступников. Но вскоре те пришли в себя, и началось противодействие. Понимая, что пощады им не ждать, даже те воры, торговцы наркотиками, угонщики машин, которым по большому счету ничего особенно не грозило, начали отстреливаться и вообще палить по любому поводу. Полицейских стало погибать больше. Вот такая история.

Непонятно только, зачем я вам все это рассказываю. Ну, Бразилия Бразилией, там эти «эскадроны» родились, но к чему Бразилия, когда есть моя благословенная родина, замечательная страна свободного предпринимательства, где любой может стать миллионером, если, конечно, может. Лучше я вам расскажу про наш «Черный эскадрон», а заодно и про себя. В конце концов, рассказываю ведь я! Вот и слушайте мою историю.

Тот день выдался прекрасный — небо голубое, зелень изумрудная, птички поют, детки щебечут, мы с О'Нилом идем по улице и беседуем. Вернее, беседую один я, потому что с ним любой разговор, как я уже отмечал не раз, превращается в монолог.

— Повезло сегодня,— рассуждаю я,— весь день свободны. Ребята за нас работу сделали, сами себя...

Я имею в виду компанию юных наркоманов, которых мы должны были забрать. Мы знали, где они собираются, знали, кто достает им героин и когда принесет. Установили слежку за притоном, видели, как поставщик дважды поздними вечерами приносил им товар. Но сами эти ребята не показывались — трое парней и трое девиц. В ту ночь поставщик не пришел, и мы решили: не дожидаясь, брать их. Раз не пришел, они остались без своей «порции», а в таких случаях наркоманы становятся опасными, идут на розыск и тут уж, чтобы добыть свое зелье, ни перед чем не остановятся. Могут убить кого и сколько хочешь.

Осторожно поднимаемся по лестнице. Ох уж эти лестницы — какое-то скользкое, грязное, вонючее стойло, не дом, а кошмар, как жить в таком — не представляю себе! А где же жить?.. Помню, случайно оказался свидетелем выселения. Живут-то здесь нищие, платить за жилье нечем (хотя платить следовало бы им, за то что в таком живут). Их и выселяют. Иногда они сопротивляются, баррикадируют двери, швыряют камни, льют на головы полицейским всякую дрянь. Но в конечном счете их все же выбрасывают на улицу со всем их барахлом. Хорошо, что барахла-то особенного у таких не бывает. Смешно видеть, как на улице вдоль тротуара выстраиваются косые столы, колченогие стулья, шкафы без дверей и кровати без матрацев. И разное тряпье. Детишки сидят, некоторые смеются — интересно ведь, когда все выносят, женщины плачут. Мужчины стоят стиснув зубы. В глазах у них такое, что лучше бы не видеть.

И если честно, то ничего тут смешного нет. Жутко — это да...

Но к чему это я? А-а, вспомнил, вот в таком доме ютятся наши «клиенты». Значит, поднимаемся на седьмой этаж, спотыкаясь и скользя на каждой ступеньке (что в таких домах лифта не бывает, вы, конечно, догадались?). Подходим к двери, занимаем привычную позицию. Двое с пистолетами в руках с обеих сторон двери, один в глубине коридора целится в дверь, четвертый, самый быстрый (и храбрый), Джон-маленький, высаживает плечом дверь и падает на нее, чтобы в него не попали, если преступники будут стрелять. Но выставлять дверь не приходится. Джон-маленький сначала просто нажимает ручку (мне бы это в голову не пришло), и дверь открывается. Тогда мы всей гурьбой влетаем в квартиру, кричим: «Не двигаться! Полиция! Руки на затылок! Будем стрелять!»

Но весь этот гвалт излишен. В квартире тишина, и на первый взгляд никого нет.

Потом мы их обнаруживаем — двое лежат на кухне, двое, уронив голову на грудь, притулились в дальнем коридорчике,

и двое на одеялах застыли в спальне (кроватей нет, их заменяли старые рваные одеяла).

Все мертвые. Нет, не убитые, просто мертвые. Вернее, убитые в свои восемнадцать — двадцать лет героином, ЛСД или уж не знаю какой там чертовщиной. Смотреть на них страшно: как скелеты, желтые, руки-палочки все исколоты, грязные, в каких-то лохмотьях.

И только лица у них снова стали детскими (при жизни-то у таких и лица жутковатые — серые, с синими мешками под глазами, щеки впалые, видывал я эти пугала). Особенно запомнил я одну из девчонок. Небось когда-то была похожа на ангелочка — волосы золотые, до пояса разметались, глазищи голубые застыли теперь в покое...

Я, как вы уже поняли, особой чувствительностью не отличаюсь, да и жизнь не приучила. Но попадись мне сейчас тот поставщик (мы знаем, где он живет, но не трогали его, все связи прослеживали), я бы его голыми руками задушил.

— ...Убить такого мало,— слышу я ворчание О'Нила, словно он мои мысли читал.

— Все ясно,— говорит Гонсалес,— судя по всему, они уж второй день как умерли, потому поставщик и не пришел. Он когда прошлый раз был — помните, мы еще удивлялись, почему так быстро вышел,— их мертвыми застал. Что будем делать?

— Брать его,— говорит Джон-маленький,— а то мы с этой слежкой только покойников будем находить.

Мы спускаемся вниз, садимся в машину, вызываем по радиотелефону дежурную бригаду, звоним в отдел по борьбе с наркоманией, сообщаем, что сделали за них почти всю их работу, и трогаемся в путь, чтобы эту работу завершить.

Поставщик, прошу прощения, живет в иных условиях, в солидном доме, в хорошей квартире. Он не сразу открывает, требует поднести к «глазку» в двери наши удостоверения, потом просит минутку подождать, он сейчас оденется.

Я и сквозь толстую дверь отлично вижу, чем он сейчас занят. Он действительно одевается с быстротой престидижитатора, запихивает в карман всю свою денежную наличность, пистолет и мчится в кухню, где имеется дверь на черную лестницу, быстро открывает ее, выскакивает на площадку и... оказывается в объятиях Джона-маленького. Между прочим, начни он спускаться по идущей вдоль балконов пожарной лестнице, внизу встретил бы О'Нила. Мы все же не школьники и в нашем деле разбираемся.

Джон-маленький обезоруживает «клиента», надевает на него наручники, вводит обратно в квартиру и открывает нам дверь.

Мы собираемся все в большой комнате и смотрим на этого типа без особой нежности. Парень крепкий, мрачный, особого страха, видимо, не испытывает.

— В чем дело? — спрашивает.— Ордер на обыск у вас есть?
— Есть,— отвечает О'Ннл,— пожалуйста,— н своим огромным кулачищем бьет его с такой силой, что тот отлетает к стене и странно, что не пробивает ее насквозь. Медлеино оседает на пол. Теперь в его глазах страх — он уже понял, что его ждет.
— Может, заберем его в управление,— нерешнтельно предлагает Джон-маленький, этот любитель законных методов.
О'Нил даже не оборачнвается к нему. Одной рукой он поднимает за шиворот нашего «клнента», другой наносит еще более страшный удар.
«Допрос» продолжается в том же духе еще полчаса.
Зато мы узнаем адреса всей его клиентуры н, что неизмеримо важней, оптовика, который его снабжает.
— Все,— с удовлетвореннем констатирует О'Нил и идет мыть руки.
Вернувшнсь в комнату, он некоторое время стоит в задумчивости, потом спрашивает поставщика:
— Сам-то колешься?
Вопрос лишний, потому что, обыскав комнату, мы нашли запас наркотиков н шприц да и следы нескольких уколов у того на руке. Вндимо, недавно начал.
— Я вызываю группу? — спрашивает Джон-малеиький.
— Идите вниз,— говорит О'Нил,— я сам позвоню и сейчас вас догоню,— и он незаметно подмнгивает мне.
Мы спускаемся и идем к машине. О'Ннл приходит через несколько минут, один, хватает радиотелефон и докладывает дежурному.
Слушая его доклад, мы с удивлением переглядываемся (ну, я-то, может, и не очень удивлен). Выясняется, что после обнаружения группы мертвых наркоманов мы срочно отправились по нмевшемуся у нас адресу с целью арестовать поставщика и нзбежать новых трагедий. Однако, проникнув к нему на квартнру, обнаружили его мертвым, сильно избитым. Смерть наступила от того, что, пытаясь вколоть себе очередную порцню геронна, он, вндимо, вследствие шока, вызванного избиением, ошибся и вколол в вену воздух...
Закончив свой фантастнческий доклад, О'Нил внимательно смотрнт в глаза Джону-маленькому и Гонсалесу и веско роняет:
— Ясно? — потом добавляет: — А все, что он нам рассказал, узналн от осведомителей и кое-что им за это отвалили, за счет конторы, конечно.
Он коротко смеется, а остальные молчат. Так, молча, мы добираемся до управления. Моемся, бреемся — уже утро — пьем кофе в ближайшем кафе и расходимся по домам. Ночь была бурная, мы здорово поработали, н начальнник, довольный нами, разрешил весь день отдыхать.

Мы с О'Нилом идем вместе.

День чудесный, небо голубое, зелень изумрудная... Ах, я уже говорил это. Иду и продолжаю свой монолог.

— Слушай,— говорю О'Нилу,— может, займемся теперь оптовиком? Представляешь, какую мы, благодаря этому поставщику, цепь раскрыли. Как думаешь, наградят нас? — мечтаю.

Наконец О'Нил раскрывает рот.

— Кто? — спрашивает.

Теперь рот раскрываю я, от удивления.

— Как кто? Начальство.

Он пожимает плечами и молчит.

— В конце концов,— говорю я,— мы же какую работу сделали? Притон тот накрыли, не наша вина, что там одни покойники были. Раз. Поставщика тоже накрыли. И он нам все...— Тут я спохватываюсь и торопливо добавляю: — И не наша вина, что он тоже покойником оказался. А какие сведения добыли — всю клиентуру этого поставщика, небось человек тридцать. Ну и, главное, оптовик. Хотя пока мы этот наш козырь начальству и не выкладывали. Ну, как?

— За что ж награждать? — в свою очередь спрашивает О'Нил.— За покойников? Так их на кладбище пруд пруди. Вот дали день отдыха, и радуйся.

Действительно, не за что нас награждать получается. Молчу.

— А вот кое-кто другой может и впрямь премию отвалит. Жирную,— неожиданно произносит О'Нил и так же неожиданно сворачивает к подвернувшемуся кафе.

Садимся за столик, заказываем пиво. (В баре кофе пили, в кафе — пиво, так и живем.)

— Сегодня ночью нанесем визит тому оптовику,— говорит О'Нил.— Частный. Деловой. Так и так, мол: «Не хотите ли вознаградить нас за усердную работу?» Что скажешь?

Что я скажу? Скажу, что с О'Нилом не пропадешь. Он еще умней, чем я думал. Ну, ладно, не умней — хитрей, ловчей, короче говоря, такие, как он, умеют устраиваться. И я за ним в кильватер.

— Поехали,— говорю и встаю.

Он усмехается:

— Поехали по домам, выспимся, а вечером — за премией,— и он подмигивает.

Продираю глаза, когда на дворе уже темно. Бреюсь, надеваю хороший костюм, красивый галстук — все-таки не куда-нибудь идем, а в гости к солидному человеку. Когда я спускаюсь вниз, у подъезда уже ждет О'Нил в своем новеньком «форде». Этот «форд» он купил недавно (наверное, на такие вот премии, за какой мы сейчас направляемся). В управлении

никто об этом не зиает, так что, показав мие свое прнобретение, О'Ннл тем самым оказал мие большое доверне.

Мы едем молча. Сосредоточены. Все же оптовнк с размахом это ие поставщик, тем более ие какне-то там жалкне мальчншкн-наркомаиы. Это человек со связями, у иего могут быть телохранители, и его голымн руками ие возьмешь. Одно дело, еслн б мы были в муидирах, с полнцейскнм эскортом, с сиренами, с ордерами на обыск, иа арест, по заданию иачальства... А так ои может взять да и пристрелить иас за мнлую душу, скажет: двое нензвестиых вооруженных вломнлнсь в квартнру, стали угрожать. У иас ведь на лбу не иапнсано, что мы полнцейскне! Ои, может быть, фокуснкк ие хуже О'Ннла, такую нисценнровку устронт, что хоть в Голливуд прнглашай.

Так что мы в напряженнн.

Подъезжаем. Дом роскошный. Вериее, не дом, а внлла, довольно уедииеииая. К нашему изумленню, ии сторожей, ии собак, ворота раскрыты, над подъездом фоиарь.

Звоним. Дверь открывает молодеиькая служаика в фартучке.

— Кого? — спрашнвает.

— Хозяииа,— говорнм и, оттесинв ее, ввалнваемся.

Хозяин выходнт в холл. В халате, ночных туфлях. Ему лет шестьдесят, ои иоснт очки, почтн лысый, с брюшком — вид коммерсаита, удалнвшегося от дел, или доброго дедушки, отправнвшего детей н виуков в кино н отдыхающего у телевнзора. Но вот внукн вериулись, и он спешит их радостио встретнть.

Но мы иа его внуков ие похожи, ои это сразу понимает и меняется в лнце. Нет, иа лнце этом возникает выражение ие страха, а просто недовольства, какой-то брезгливостн, словио мы прншли продавать пылесос илн прниесли счет за газ.

— Что вам иужно? — спрашнвает.

— Поговорнть,— отвечаю.

Он смотрит иа служанку, потом открывает дверь в кабиием и жестом приглашает пройти.

Входнм. Да, живет ои иеплохо, кабииетик что иадо.

— Саднтесь,— говорнт сухо,— я вас слушаю. Вы откуда?

— Мы из полиции,— отвечаю.

На его лице читаю выражение явиого облегчеиия. Мне даже кажется, что иа губах его промелькнула нроиическая улыбка.

— Из полиции? Чем обязаи?

— Виднте ли,— начниаю я,— сегодня ночью мы задержали иекоего (я иазываю нмя) и имели с инм долгую беседу.

— Да? — Ои вскндывает бровн.— А я слышал, что когда вы явнлнсь к иему, он уже преставнлся.

Ничего ие скажешь — ниформнроваи ои иеплохо, знает то, что ие зиает даже иаш иачальник. Откуда?

Но я не показываю вида.

— Вас неправильно ннформировали,— говорю,— он действительно скончался, но перед этим рассказал нам много ннтересного. Иначе,— добавляю,— мы бы здесь не были.

— Значит, это вы его прнкончили,— говорит он задумчиво,— ну что ж, это неплохо. По крайней мере этот болван никому, кроме вас, не проболтается. А ваш начальник в курсе?

Ага, он начинает понимать.

— В том-то и дело, что нет,— отвечаю,— кроме нас, никто до его прискорбной кончины с преступником не беседовал.

— Ну, так что? — неожиданно спрашивает он, и на губах его мне снова чудится ироннческая усмешка.

— Если начальство узнает,— объясняю (может быть, он не такой понятливый, как я думал),— у вас могут быть большие неприятности, как вы догадываетесь. А мы получим награду. Так вот...— Я делаю паузу, но он тоже молчит,— так вот, нам безразлично, от кого получать награду, нам важен ее размер,— н я вопросительно смотрю на него.

Он встает, направляется к комнатному бару. О'Нил выннмает пистолет.

Старик усмехается, открывает бар, наливает рюмку коньяка и залпом выпивает ее. Нам не предлагает. Потом возвращается к своему креслу.

— Если я вас правильно понял,— говорит он и смотрит на нас не мигая,— вы решнли сделать свой маленький личный бизнес? Так? Вы забываете мое нмя, а я выдаю вам за это премию. Сколько, позвольте узнать?

— Десять тысяч монет! — выпаливает О'Нил.

Теперь в глазах нашего собеседннка я читаю откровенную жалость.

— Да,— произносит он задумчиво,— мелко плаваете, без размаха. Десять тысяч монет! За это н машнны приличной не купишь. Наверное, только начинаете?

Я растерян. Он что, не понимает? Может, он хочет, чтобы мы увеличили нашу ставку вдвое-втрое? Может, у него какая-то тайная мысль?

О'Нил медленно краснеет, лицо его, и без того цвета спелого помидора, становнтся багровым. Это значит, что его охватывает ярость. Лишь бы он все не нспортнл.

— Какое это нмеет значенне,— поспешно говорю я,— начинаем не начинаем? Если вы оцениваете наше доброе к вам отношение дороже, мы весьма вам благодарны, не откажемся.

— Я действнтельно оцениваю доброе ко мне отношение много-много дороже,— тянет он, словно читает нам нотацию,— только не ваше. Ясно? Только не ваше! — Он тоже начинает злиться, теперь я вижу, что он с трудом сдерживается; пальцы его судорожно теребят пояс халата.— Не ваше! А кое-кого куда

выше, куда выше! Если голову задерете, то не увидите. Ясно? — Ярость овладевает им все больше и больше, он начинает краснеть.— И не для того я плачу десятки тысяч, чтоб какие-то мелкие шантажисты, какие-то вонючие ищейки, какие-то, какие-то...— он задыхается, подыскивая слова,— инспекторишки десятого разряда вламывались ко мне со своими нахальными требованиями! Нет уж избавьте! Если б у вас хватило ума доложить вашему начальству, черта с два вы бы посмели ко мне явиться! Сейчас же вон, иначе я позабочусь, чтобы вас послали патрулировать мусорные свалки. Вон! Сейчас же! Ясно?

Он встает, нажимает кнопку звонка. В дверях появляется молоденькая служанка.

— Проводите этих, этих,— он все же пересиливает себя,— господ!

Мы сидим молча, пораженные этой сценой. Всего мы могли ожидать, но не такого. И постепенно я тоже начинаю ощущать поднимающуюся во мне ярость. Ах мерзавец! Он платит нашему начальству тысячи и тысячи, а нам отказывает в грошах да еще выкидывает за дверь! Мерзавец! Но и начальники хороши, отправляют нас под выстрелы разных бандитов, а когда мы такую вот крупную дичь ловим, так стоп-стоп — она неприкосновенна! Она платит налог за свою неприкосновенность. Только не нам, с нас хватит и пуль, а господам начальникам. Неужели и нашему?

— Не верите? — шипит оптовик.— Сомневаетесь? Тогда слушайте, вам же хуже будет.— Он подходит к телефону, набирает номер и называет имя, от которого у меня глаза лезут на лоб (куда там наш начальник! Начальники еще десяти степеней выше перед этим именем дрожат, что собачьи хвостики).

— Слушай,— говорит он в трубку требовательно,— что же это творится! Являются ко мне какие-то твои ребята и начинают валять дурака. Требуют... Что? Их имена? Сейчас передам им трубку. А ну-ка,— это уже нам. Он торжествующе смотрит на нас.

Наверное, этот взгляд и решил дело.

Мы приходим в себя. Встаем. Я подхожу к телефону. Беру у него трубку, кладу на рычаг, вырываю провод из розетки и, выхув пистолет, всаживаю в этого мерзавца две пули. Он валится, так ничего и не поняв. И слышу еще выстрел. Оборачиваюсь. О'Нил неторопливо прячет пистолет в кобуру под мышкой, а горничная лежит неподвижно у двери... О'Нил верен себе. Он обо всем подумает. Затем он достает кусочек картона и кладет его возле убитого. Мы с сожалением бросаем прощальный взгляд на неподвижное тело в задравшемся халате, на эту роскошную комнату, на девчонку, вся вина которой только и была, что не вовремя зашла да не у того служила (небось радовалась, что нашла работу).

Вздохнув, мы спешнм к машине и покидаем этот негостеприимный дом. Молча пережнваем наше разочарование.

Последствня нас не страшат. Сверхвысокий начальннк не такой дурак, чтобы интересоваться, кто пришил его знакомого. Тем более, что теперь эта курица уже золотых яиц ему не снесет. Наоборот, он постарается погасить дело и еще не раз помучается, задаваясь вопросом: слышали лн те, «его ребята», какое имя пронзнес этот ндиот! Впрочем, мало ли какое нмя он мог назвать, доказательств все равно нет. Что ж поделать, придется искать другого, а скорее всего, его самого найдут кому надо.

Разумеется, на следующий день в газете мы находим заметку: убит очередной гангстер, крупный бизнесмен по части торговли наркотиками (и откуда эти журналисты знают больше, чем мы в полицни?). Около тела обнаружен знак, свндетельствующий, что убийство совершил «Черный эскадрон». Наверняка сведенне счетов. Эти гангстеры вечно воюют друг с другом и друг друга уничтожают. И слава богу. И ретивый журналист начннает вздыхать по добрым старым временам, вот, мол, Аль-Капоне, тот, будь здоров, молодец, однажды его ребята среди бела дня на самой оживленной улице Чикаго застрелили девять человек из соперничающей банды. А всего за пять лет этот легендарный гангстер отправил на тот свет 335 конкурентов! Теперь таких уже не сыщешь, сокрушается репортер, нзмельчалн люди, нзмельчали...

Вот и весь некролог.

Только, пожалуйста, не думайте, что меня мучали угрызения совести в связи с усопшим. Туда ему и дорога. Ладно еще, что отравлял молодежь наркотнками, негодяй, так он еще хотел нас придавить! Из-за его дурацкой самоуверенности и он жизнн лишился, н мы, что важней, лишилнсь законной премии. Просто мерзавец! Нет, таких надо убивать!

— Вот видишь,— укоризненно сказал мне потом Джон-маленький,— не стали бы ждать, доложили бы тогда начальнику, может быть, сумели этого оптовнка взять раньше, чем его кто-то ликвидировал.

Нет, он неисправнмый ндеалнст, этот маленький Джон. Гонсалес понятливей. Он только посмотрел на меня вопрошающе на следующее утро. Так собака смотрит на хозяйку, выходящую из кухни,— не несет лн чего?

Убедившись, что ждать ему нечего, вздохнул. Ну что ж, значит, не получилось...

Через несколько дней после всей этой суматохи О'Нил пригласил меня в ресторан пообедать. Ого-го! Это что-нибудь да значит. Чтоб О'Нил расщедрился угостить кружкой пива, нужно событне космического значения, например, столкновенне кометы с Землей! Но пригласить на ужнн в ресторан... Может,

он заболел? Может, история с оптовиком повлияла на его психику?

Впрочем, когда я подъехал к ресторану на своей машине (я не говорил, что приобрел себе недавно БМВ? Так, завелись случайно кое-какие лишние деньжата), то убедился, что О'Нил все же далеко от своих принципов не отступает — ресторан оказался захудалым. У него и название унылое — «Пустыня». Когда я вошел, то понял, почему он так называется — ни одного посетителя. Оно и неудивительно, чтоб доехать до ресторана, пришлось тащиться по каким-то пыльным улицам, мимо свалок и пустырей.

Занят только один стол. Там сидит О'Нил и еще четверо здоровых парней в штатском. Но меня не обманешь — сразу определил, что это коллеги, скорей всего, из спецподразделений или из уголовного, хотя в этом управлении я вроде бы всех знаю. Но может, из пригородов?

Оказалось, даже из другого города.

Встречают меня радушно, наливают, жмут руки, похлопывают по плечам. А сами незаметно, но внимательно приглядываются — что я за птица?

Едим, пьем, обсуждаем всякие новости, в основном спортивные, даже спорим: я за одну команду болею, они — за другую. Но все это закуска.

Главное блюдо выставляется на стол, когда на столе появляется кофе.

Крышку с кастрюли приподнимает О'Нил. До этого он, как всегда, больше помалкивал.

— Слушай, Джон,— говорит он и обнимает меня за плечи,— О'Нил мало болтает, но все понимает. И людей определяет без ошибки. Я видел тебя в деле и скажу прямо: ты наш человек.

Он торжественно смотрит на меня.

Я благодарно улыбаюсь и жду, что будет дальше.

— Я тебе верю, как себе, и перед моими друзьями ручаюсь за тебя, как за себя.

Он опять смотрит на меня. Я опять на него.

Тогда один из тех вынимает из кармана кусочек картона и кладет на стол. Я вглядываюсь, это знакомый мне знак «Черного эскадрона» — череп и скрещенные кости на черном фоне.

Теперь они все смотрят на меня.

Я прочувственно кашляю.

— Это вы? — спрашиваю.

— Мы,— отвечает тот из них, кто, наверное, Старший,— и за нами сотни других.

И он начинает посвящать меня.

— Понимаешь, друг, нам надоело, чтобы нас стреляли как куропаток (где-то я уже это слышал), а потом эти «охотники»

отделывались бы штрафом, как за безбилетный проезд. Мы честные полицейские (он говорит это вполне серьезно), мы честно делаем свое дело, боремся с преступниками, рискуем жизнью, а то и отдаем ее, и хотим, чтобы это окупалось, чтобы все эти убийцы, грабители, бандиты, чтобы все они получали по заслугам. Может быть, не всех надо казнить, но на тридцать — сорок лет, а то и на всю жизнь за решетку их упрятать надо. Мест в тюрьмах пока хватает, а не хватит, можно построить новые, это тебе не школа или больница, на тюрьмы деньги всегда найдутся. Согласен?

— Согласен.

— Отлично. Мы считаем, что закона не нарушаем. Просто мы отбросили всякие ненужные формальности — там следствие, улики, доказательства, судопроизводство, адвокатов... Кому это нужно? У организованных преступников теперь такие синдикаты, такие тресты, что им любой транснациональный концерн позавидует. А денег в сто раз больше, чем у нас на всю полицию тратится. Они своих из любой передряги вытащат. Я имею в виду, кого хотят вытянуть, мелюзгу свою они нам всегда, как кость собаке, бросают...

— Но мы не собаки и собачьей смерти не хотим! — восклицает плотный парень, который, по-моему, уже набрался.

— Именно,— говорит Старший,— но ждать, пока в нас будут стрелять, мы не намерены. Мы стреляем первыми! Раз нам становится известно, что этот человек преступник, ну, почти наверняка, так чего ждать? Собирать всякие улики, разыскивать свидетелей (если он не успеет их убрать)? Допрашивать? Не проще ли ликвидировать его, и все? И потом, когда об этом узнают другие, когда они поймут, что за ними не конкуренты охотятся, а мы, полицейские, только не собирающиеся оглядываться на закон, они два раза подумают, раньше чем совершить преступление. А то и вообще сбегут на край света.— Он помолчал.— Словом, мы перешли в наступление. Ищем, ловим и казним. Вот так, Джон Леруа. Такие у нас правила. Будешь с нами?

— А как начальство на это смотрит? — задаю на всякий случай вопрос.

Они смотрят на меня с удивлением и собираются заговорить все разом. Но Старший останавливает их, подняв руку.

— Во-первых, начальство ничего не знает,— разъясняет он,— во-вторых, наш «Эскадрон» состоит не только из рядовых инспекторов, есть и старшие, и главные, есть даже комиссары («во-вторых» как-то не очень вяжется с «во-первых», но бог с ним), в-третьих, если уж что и всплывает, то кто для начальства важней — убитый преступник или свой, между прочим живой, подчиненный? Так что в семейном кругу вопрос и решаем. Ну, уж если газеты большой шум поднимают, то

такого полицейского переводят подальше, в крайнем случае накладывают дисциплинарное взыскание. Если уж совсем нельзя без суда обойтись, что ж, суд проявляет понимание... Ну, так будешь с нами?

Они все смотрят на меня.

Я встаю, чтоб подчеркнуть значительность минуты, застегиваю пиджак и поочередно пожимаю им руки.

— Считайте — я с вами,— говорю торжественно с хрипотцой.

Они вскакивают, обнимают, заказывают еще вина и пива.

Пьем до поздней ночи, домой меня провожают всей командой.

Прощаясь, Старший говорит:

— О «работе» потолкуем позже.

Вот так я и стал членом «Черного эскадрона» — передового, как я тогда думал, движения по борьбе с преступностью. Полицейские, идущие на шаг впереди полицейских! Освободители страны от скверны! Мстители за павших товарищей!

Вот кто мы!

Глава V. «ЭСКАДРОН» ЗА РАБОТОЙ

Наша первая «экспедиция» (так в «Эскадроне» называют карательные акции) проходила следующим образом. Впрочем, это была для меня первая экспедиция, «Эскадрон»-то действует уже не первый день, и, как я позже узнал, ячейки его имеются почти во всех управлениях нашей полиции.

Так или иначе, для меня это было дебютом. Вы знаете, что такое «рэкет»? Ну, еще бы, сейчас каждый школьник знает. Все же напомню. Это когда приходят к хозяину ресторана, бара, кафе, лавочки парочка интеллигентных молодых людей и предлагает свои услуги для защиты его заведения от гадких хулиганов. Если хозяин не дурак, он радостно соглашается и в дальнейшем платит им круглую сумму или 10—15% от выручки. Если, напротив, дурак, то отказывается, ссылаясь на то, что вот уже двадцать лет функционирует его заведение и никто на него не нападает. Молодые люди огорченно вздыхают, сетуют, что по нынешним временам ничего нельзя знать. И представляете, попадают в самую точку! Потому что с рестораном начинают происходить всякие несчастья: то в нем взрывается бомба, то у входа избивают посетителей и они перестают ходить туда, то начинается пожар...

И тогда даже самый глупый и упрямый из хозяев понимает, насколько правы были те милые молодые люди, и, как только они вновь появляются, спешит договориться с ними об охране своего заведения.

В магазинах иногда молодые люди дают совет хозяину закупать товары лишь у определенного поставщика. И хотя товары у него хуже и дороже, но зато с ними не происходит того, что происходит с другими закупаемыми товарами, если он не послушался совета. А именно — нападений на грузовики, пожара в лавке, нежелание кого-то из запуганных служащих работать и тому подобное.

И не надо думать, что рэкету подвергаются только мелкие предприятия, большие тоже. Хотите пример? Пожалуйста. Вы же люди недоверчивые, вам подавай доказательства. Извольте.

Есть в Америке такая фирма «А и П», у нее множество магазинов самообслуживания. Так вот, те самые молодые симпатяги (ну, может быть, на этот раз они были постарше и посолидней) посоветовали фирме принять для продажи какое-то моющее средство. «А и П» добросовестно проверили его и выяснили, что им и снег добела не отмоешь. И вежливо отказались. Что дальше?

А дальше нашли убитым директора одного из магазинов «А и П», потом нашли убитым администратора другого магазина, затем начали сгорать, неизвестно кем подожженные, магазины и склады фирмы — в общей сложности шестнадцать! А дальше? Дальше фирма приняла на продажу чудодейственное моющее средство. Чудодейственное потому, что, хотя оно плохо отмывало, сразу прекратились убийства и пожары.

Или вот еще «забавный» случай. Вдруг в Нью-Йорке начали взлетать на воздух машины, развозящие мороженое! Ну? Вы когда-нибудь слышали что-нибудь подобное? Обычно взрываются танки, когда во время атаки попадают на минное поле. А тут холодильники с эскимо! За одну неделю несколько штук. И водителям стали по ночам звонить доброжелатели и сообщать, что если они не уволятся из транспортной фирмы, то тоже взлетят вместе со своими машинами. И они уволились. Никто не хотел больше возить мороженое в этот район города, и пришлось всем мороженщикам закрыть свои лавочки. А вся монополия торговли этим любимым детками продуктом перешла к члену (как потом выяснилось) мафии.

Есть миллион и других форм рэкета. На нем преступники зарабатывают, может быть, и не так много, но тоже неплохо. И главное, рэкет, коль скоро он уже налажен, особых трудов от тех, кто им занимается, не требует.

Ну, ладно, хватит, а то я скоро стану, как ваш начальник, перед тем как рассказывать о конкретных делах, буду вам читать лекцию по сравнительной криминалистике с примерами из международной практики.

Так вот, нам пожаловался один из наших осведомителей — хозяин небольшого кафе. Он когда-то погорячился во время забастовки, будучи штрейкбрехером, и в потасовке с пикет-

чиками проломил одному из них голову. Не насмерть, но прилично. Мы помогли ему выкарабкаться из этой передряги, а он в благодарность кое-что нам иногда сообщал. Так сказать, хронику из жизни преступного мира. И вот, говорит, являются к нему те самые молодые люди, предлагают свое покровительство и дальше все по знакомой схеме.

Создается необычное положение. Нам порой приходится защищать наших осведомителей от наших же коллег, которые не в курсе дела, я уже говорил об этом. От «коллег» наших осведомителей мы их не защищаем. Это дело безнадежное — узнав, что нам кое-кто докладывает, те без предупреждения, иной раз по одному подозрению, отправляют его на тот свет. И вообще это их темные делишки, и нам негоже в них вмешиваться. Представьте, как мы будем выглядеть, если заявим во всеуслышание: «Это наш информатор и, хотя сам преступник, доносит нам на других преступников. Так что не смейте его трогать!»

Но тут все иначе. К нам обратился законопослушный гражданин, респектабельный владелец кафе, который требует оградить его от гнусных шантажистов и рэкетиров. Мы имеем право, даже обязаны вмешаться. Полиция мы, в конце концов, или не полиция!

Однако те двое мальчишек нас мало интересуют, мелкая сошка. Нам нужна дичь покрупнее — тот, кто их послал; мы имеем сведения (от наших информаторов, разумеется), что в этом районе уже многие владельцы кафе выплачивают дань. Нам они об этом не сообщают, но мы-то знаем. И есть основание полагать, что это какая-то новая банда, раньше здесь все было спокойно, никого ни от кого защищать не приходилось и никому за это платить тоже. (И никто, между прочим, в полицию с предложением новогодних подарков или пожертвований в наш фонд не являлся.)

Значит, нам надо прихватить этих двух юношей, вежливо выяснить у них, кто за ними стоит, и нанести ему визит.

За дело беремся вчетвером — я, О'Нил и двое инспекторов уголовной полиции, одного зовут Тим, другого Том — удобно запоминать, тоже из других районов, как и мы. Здесь нас не знают, мы в штатском. О'Нил надевает зеленый фартук и полосатую жилетку и изображает «нового бармена». Я и Тим садимся в уголок и потягиваем пиво. Том остается на улице, чтобы посмотреть, не прикрывает ли кто тех двоих.

Ведут они себя весьма уверенно, чтобы не сказать нахально: предупредили о своем визите по телефону, пригрозили, что придут последний раз, и если не получат согласия, то хозяину несдобровать. Подъезжают на гоночной машине прямо к дверям. Никто их не подстраховывает. Они спокойно входят

и прямо направляются в кабинет владельца кафе. Остаться незамеченными им трудновато, потому что по раскраске они напоминают попугаев. Серо-буро-малиновые пиджаки, желтые галстуки, белые ботинки. Им лет по двадцать, видно, еще неопытные, но уже считающие, что им все позволено. Они еще пока играют в «гангстеров». Зрелость придет позднее (если доживут). То, что до сих пор захват их бандой всех кафе района проходил без сучка и задоринки, внушает им уверенность.

У дверей кабинета путь им преграждает О'Нил. Это предусмотрено планом, хозяин должен подготовиться.

— Куда? Туда нельзя,— говорит О'Нил.

— Посторонись-ка,— угрожающе наступает один из парней.

— Говорю, хозяин занят,— не уступает О'Нил.

— Тебе что сказали,— второй грубо отталкивает О'Нила, и оба проходят в дверь за стойкой в конуру, которая служит владельцу кафе кабинетом... Они захлопывают дверь, задвижку мы заранее сняли, и запереться изнутри они не могут. В конуре лишь узкое окно, на нем решетка, и оно всегда плотно зашторено.

Мы с Тимом встаем и идем за стойку. О'Нил снимает свой фартук и жилетку. Редкие посетители — люди многоопытные и, поняв, что надвигаются события, торопливо выкладывают на стол мелочь и покидают кафе.

Мы подходим к двери и прислушиваемся. Еще накануне мы проделали в стене отверстие в виде воронки и отлично слышим все, что происходит в кабинете, тем более что никто там не старается говорить тихо.

— Ну, так что,— спрашивает один из молодых людей,— надумал?

— Нечего мне думать! — возмущается хозяин (роль честного возмущенного гражданина ему плохо удается).— Не нужна мне ваша защита, никто на меня не нападает, а нападет, я вызову полицию, у нас прекрасная полиция, она всегда готова защитить порядочных людей (это он говорит особенно громко, чтобы мы слышали).

— Не валяй дурака,— наседают те,— никакая полиция тебе не поможет. Мы с тобой говорим третий раз, учти, четвертого не будет!

— Сколько вы хотите? — спрашивает хозяин в соответствии с нашими указаниями.

— Пятнадцать процентов выручки.

— Да вы разорите меня! — возмущается он.— Ведь налоги безбожные, цены выросли, клиентов, сами видите, раз-два и обчелся...

— Хватит болтать! — кричат те, их терпению, видимо, приходит конец.— Будешь платить или нет? А то сегодня же ночью взорвем твою забегаловку ко всем чертям!

— Я хочу видеть вашего босса, мы с иим договоримся,— иачииает сдаваться хозяии.

Это окоичательио выводит мальчишек из себя (оии, зиачит, недостойиы, чтобы с иими вели переговоры!). Мы слышим звук пощечииы.

— Ну? — рычат оии.

— Ладио,— хозяии делает вид, что запугаи вкоиец.— Зиачит, я вам отдаю пятиадцать процеитов диевиой выручки, а вы оставляете меия в покое, ии бить, ии взрывать ие будете?

— Не будем,— самодовольио говорит одии.

— Не будем,— поддакивает второй.

— Нет,— требует хозяии,— повторите, что ие будете ии бить, ии взрывать, если я отдам пятиадцать процеитов выручки. А может, десяти хватит?

— Довольио! — говорит одии из парией.— Мы люди честиые: если будешь аккуратио платить пятиадцать процеитов, ии убивать тебя, ии кафе твое взрывать и жечь ие будем, можешь ие сомиеваться! — в голосе его благодушие.

Оии одержали победу и потеряли бдительиость. Будь оии поопытией, иикогда бы тех слов ие сказали. Сказали бы, что иамереиы его охраиять за такую-то плату. А так, если их слова записаиы на плеику или услышаиы свидетелями (как в даииом случае, мы и диктофои с собой прииесли и все, что слышится из-за стеиы, записываем), им и времеии иа суд иезачем тратить — могут прямиком бежать в тюрьму лет так иа десяток.

— Я подчиияюсь иасилию! — с душераздирающим вздохом восклицает хозяии. Эта фраза — сигиал.

Мы врываемся в комиатушку, в одио мгиовеиие скручиваем потрясеииых парией и привязываем к стульям. Хозяии выбегает в зал, запирает дверь, опускает жалюзи и иа полиую громкость включает радиолу.

Тогда О'Нил засучивает рукава и иачииает допрос.

Не хочется его описывать. Я выхожу.

Допрос длится иедолго, оии выкладывают все: имя своего босса, его адрес, когда застать, как войти, кто его ближайшие сообщиики. О других оии зиают мало, ио все же зиают. Когда допрос окоичеи, мы заворачиваем их в брезеит, укладываем в ящик из-под продуктов и через задиюю дверь переиосим в крытый грузовичок, который зараиее подогиали.

Потом загружаемся туда же и едем в гости к боссу Ои живет за городом. Вилла окружеиа парком. У входа сторож с пистолетом. Мы остаиавливаем машиину перед воротами, подходим к сторожу (одии из иас иадел по дороге муидир), предъявляем удостовереиия. Сторож открывает ворота и говорит:

— Езжайте прямо, я предупрежу господииа...— Он поворачивается к висящему иа столбе виутреииему телефоиу

Нет, у этого босса помощники никуда не годятся. Если б он сначала позвонил, а потом открыл нам, неизвестно еще, чем бы все кончилось. Но поскольку он поступает наоборот, все кончается очень плохо... Для него.

О'Нил стукает его пистолетом по затылку.

Оставив машину, мы тихо крадемся к дому, где-то в глубине парка ворчат собаки — их, наверное, выпускают позже. В доме несколько окон освещены. Мы подходим к двери. Она заперта. Обходим дом, находим неплотно притворенное окно и влезаем в него. Тишина. Откуда-то глухо доносится музыка.

Поднимаемся на второй этаж, крадемся на звук.

Через приоткрытую дверь видим большой кабинет. За столом на диване разговаривают двое, один из них тот, кто нам нужен. Они смеются, чем-то довольны.

Тим распахивает дверь, и мы входим в комнату. Те двое смотрят на нас с изумлением, встают.

Вот в этот-то момент и гремят выстрелы. Был, оказывается, третий, он стоял у домашнего бара в углу. Увидев нас, сразу все понял и начал стрелять. Тима он уложил первым же выстрелом, Тома ранил в ногу... Больше ничего не успел. Я попал ему прямо в лоб. О'Нил тоже не стал дожидаться и застрелил тех, что стояли у дивана. Все. Занавес.

Поскольку на выстрелы никто не сбежался, мы предположили, что никого больше в доме нет.

О'Нил сбегал за машиной, мы затащили тела в грузовичок, перевязали Тому ногу и покинули место действия. Я посмотрел на часы. С того момента, как мы заговорили со сторожем, прошло десять минут.

Мы отъехали от города километров за сорок. И прямо у дороги в канаве сбросили трупы, положили в карман босса нашу картонную визитную карточку — знак «Эскадрона» — и покатили в город.

Тима по дороге закопали в лесу и помолились на могиле. Тома завезли домой и вызвали врача («своего», конечно).

Когда я поднялся к себе и полез под душ, за окном уже занималось утро.

Вот так прошла моя первая «экспедиция».

А что, ничего прошла...

В этот день начальник обрушил на нас такое количество цифр и фактов, что у меня разболелась бы голова, если б у меня вообще когда-нибудь что-нибудь болело.

Когда мы все собрались на утреннюю оперативку и приготовились досыпать под очередную колыбельную начальника то, что утром не добрали, он вдруг начал кричать:

— Вы, бездельники, вы намерены работать или нет? Вы превратились в канцелярских крыс! Скоро забудете, как ходят пешком! Что это за встречи? Что, я вас спрашиваю? Пьянки,

обжорство! Я знаю! Заходите к своим «кукушкам» в их бары, кафе, пивные и за рюмкой «имеете контакт»! Вот у тебя, Рамон (есть у нас такой, убежденный «трезвенник»), какие контакты: на пол-литра, на литр, может, на полтора? А где результаты? — Он делает паузу.— Не верят нам, не надеются на нас...— Он сокрушенно вздыхает, заглядывает в бумажку и уже обычным монотонным голосом вещает: — Вот возьмем для примера Соединенные Штаты (он всегда берет их в пример, и иной раз мне кажется, что он тайно завидует, что мы никак не перегоним их по преступности), смотрите, там деловые люди, бизнесмены, то есть самые ценные люди,— и он смотрит на нас строгим взглядом,— самые ценные, из-за безделья официальной полиции каждый год тратят 2,5 миллиарда долларов на содержание частной полиции (а еще сколько, думаю я, на подкуп той самой «официальной»), 6,5 миллиарда — охранные телеустановки, запоры, особые двери. Ясно? И все эти расходы потому, что такие бездельники, как вы, торчат в участках, а не гоняются за преступниками! — Начальник опять начинает нервничать.— В Америке полиция узнает лишь о 20% совершенных преступлений, из них только 30% раскрывается, так что даже такие неучи, как вы, могут подсчитать, что лишь одно из двенадцати преступлений заканчивается приговором суда (после которого половина осужденных, раз-два — и оказываются на свободе, мысленно дополняю я лекцию начальника). Во Франции,— продолжает он,— три из четырех дел остаются нераскрытыми, в Англии — шесть из десяти. У нас в стране все же лучше, мы только половину не раскрываем...— Он тяжело вздыхает и ворчливо добавляет: — Если б вы порезвей бегали и больше думали о том, как выполнять свои обязанности, мне не пришлось бы краснеть за вас, как вчера, когда шеф полиции, наш с вами высокий шеф, руг...— Он спохватывается: — беседовал со мной.

Теперь все ясно. Шеф как следует намылил голову нашему начальнику, и, конечно, тот постарался передать эстафету нам — отсюда вся истерика.

Наконец, выпустив пары, начальник переходит к текущим делам. Когда мы узнаем об этих делах, становится ясной еще одна причина устроенного нам разноса: предстоит «работа», которую мы терпеть не можем,— воевать с демонстрантами.

Тихо, тихо! Не вопите, я вам сейчас все объясню. И, как начальник, приведу даже цифры, которые он же нам когда-то приводил. На чужом примере (примеров из практики нашей собственной страны он почему-то приводить не любит, он тоже патриот). Так вот, например, на тысячу горожан в Париже приходится 7,5 полицейских, в Марселе — 2,4, в Лионе — 1,8... вы можете сказать — зачем больше? Правильно. Если заниматься жуликами, то хватит. А вот если заниматься еще

демоистраитамн, пикетчнкамн, забастовщнкамн, темн, кто ие хочет, чтобы их выкндывали из их лачуг, кто ие хочет, чтобы у них под носом строили военные базы, кто ие хочет, чтобы их увольиялн, то иа тысячу жителей иадо иметь две тысячи полицейскнх. (Между прочнм, ниой раз и иаш брат — полицейскнй — устраивает забастовки...)

Поэтому, когда в городе ожидаются очень уж крупиые манифестацни, мобнлнзуют все подразделеиня. Нас в том числе. И вот мы, специальио обучеиные, треннрованые, подготовлеиные для сыскиой работы — раскрытия сложиых уголовиых преступлеиий, иадеваем дурацкие каскн с забралом, как у средиевековых рыцарей, только нз плексигласа, берем в рукн, как те же рыцари, щнты, а вместо алебард н палиц резнновые дубиикн и идем наводнть порядок.

На этот раз защищать демоистрантов! Случай редкнй, обычио демоистраитов разгоияют. А тут защнщать. Но ннчего страииого в этом иет. Весь фокус в том, кто демоистрирует н в честь чего.

Если, напрнмер, протнв снндення зарплаты илн увольнення, это, коиечио, возмутительио, это подрывает устон, н такнх иадо разгонять. А вот еслн за правнтельство «сильиой рукн», протнв «коммуиистнческой опасиостн», за восстановленне доброго имени иевииовного борца за справедлнвость, брошениого в тюрьму десяток лет иазад лишь за то, что помог оккупантам отправнть на тот свет иесколько тысяч своих земляков, тогда, пожалуйста, демонстрнруйте на здоровье!

Так счнтает иачальство. Но большииство другнх нашнх граждан прндержнвается нного мнеиия. И те из инх, кто помоложе, поэиергнчией и погорячей, устраивают свою иезакониую контрдемоистрацию н в случае встречн могут обидеть тех, закоиио демоистрнрующнх. Вот чтобы такой иесправедлнвости ие случилось, иас н мобилизуют, н мы, облачнвшнсь в современные рыцарскне доспехн, идем валять дурака. Заметьте, что наши обычные «клиенты» — воры, убнйцы, грабителн, иасильннки, торговцы наркотиками и другне подоикн — демоистрацнй не устранвают. Онн предпочитают действовать нндивндуально нлн иебольшнмн, ио высококвалифицнрованиыми коллектнвами. И им иет дела, что мы заияты какимн-то манифестаитамн. Оии аккуратио делают свою работу и иас ие ждут.

Так уднвительио ли, что половниа, а то н больше дел у иас остается нераскрытыми, что иашего брата ие хватает?

Короче, загружаемся мы в машины и, ворча, едем охраиять этнх «борцов за справедливость». Борцы выглядят виушительио. Когда мы прибываем иа место, то я задаюсь вопросом, кто кого будет охранять.

Здоровенные ребята в блестящих сапогах, в галнфе, перепоясаиные портупеямн, в каскетках, а иа рукавах черные

повязки со скрещенными стрелами. Половина, по-моему, уже прилично нализалась, хотя еще двенадцати нет.

Может, кто и не заметил, но мой тренированный глаз уже определил, что в карманах, за пазухой, а у кого и прямо в руках есть дубинки, кастеты, велосипедные цепи. Догадываюсь, хотя ручаться не могу, что это не единственное и не самое страшное, чем они вооружены. Это, конечно, безобразие! Но мне-то, в конце концов, какое дело? Поскольку мы прибыли, чтобы этих «беззащитных мальчиков» охранять, то против нас они свои арсеналы применять не будут. А на остальное мне наплевать...

Демонстрация начинается.

Если не считать воинственного и важного вида «демонстрантов», выглядит она довольно жалко. Идут сотни три молодых людей и несут свои черные флаги со скрещенными закорючками и плакаты с надписями: «Африканцы в Африку! Азиаты в Азию!», «Вон из страны иностранных рабочих!», «Иностранцев на фонарный столб!».

Идем пустыми улицами, от окраины к центру. Они по мостовой, мы по бокам, вдоль тротуаров.

Редкие прохожие в нашу сторону не смотрят. Кое-кто отворачивается, находятся и такие, кто сплевывают. Иногда встречаются темнокожие, они торопливо исчезают в подъездах или сворачивают в переулки.

Если вы не знаете, я вам объясню, в чем дело. Читать газеты надо, черт возьми! А не сидеть весь день, уткнувшись в телевизор, и выключать его только когда показывают «Последние известия». Дело в том, что в нашей благословенной стране, где безработных больше, чем у О'Нила веснушек, оказывается, не хватает рабочих рук! Вот такой парадокс. И эти рабочие руки импортируются из разных африканских, ближневосточных и азиатских стран, совсем нищих; «руки» приезжают и соглашаются работать на любых условиях, потому что дома у них остались «рты», которые каждый день хотят хоть что-нибудь поесть.

В профсоюзы эти иностранцы не объединены, друг друга не знают, всего и всех боятся, и хозяева ими весьма довольны. Но недовольны наши собственные рабочие, которые рискуют превратиться в безработных. И те из них, что поглупее, воображают, что вся вина на «иностранной рабочей силе», как пишут газеты. И разные организации, у которых (это даже я понимаю, хотя политикой не интересуюсь, никогда не интересовался, а главное, никогда интересоваться не буду) совсем иные цели, под лозунгом борьбы с «иностранными засильниками» сколачивают такие вот банды, мутят воду, провоцируют у всех недовольство и раздражение. А мы все это должны утрясать!

Теперь понятно? Ну, слава богу.

Мы идем по пустынным улицам в центр. Долго идем, у меня уже ноги устали. Чем ближе к центру, тем больше народа. Кое-кто приветливо машет нашим демонстрантам, кое-кто грозит кулаком, но большинство не обращает внимания, у всех свои невеселые дела.

Я уже начинаю зевать от скуки, когда все происходит

Неожиданно, откуда только взялась, улицу перегораживает толпа. Нет, это не толпа, это встречная демонстрация. И тогда мне становится не по себе. Это тысячи людей, тут и женщины, и совсем юные девчонки, и ребята (тоже не дистрофики), и старики, даже дети есть. У них свои плакаты: «Долой фашистов!», «Долой безработицу, а не иностранных рабочих», «Да здравствуют профсоюзы»... И хотя дубинок у них я не вижу, но вид довольно решительный.

Обе колонны останавливаются в полусотне метров друг от друга. Я замечаю, что наши коллеги из службы порядка напрягаются, застегивают под подбородком ремешки касок, опускают плексигласовые козырьки, берут в руки дубинки. Они в таких делах собаку съели — что-то сейчас начнется.

И начинается.

Неожиданно наши беззащитные мальчики с дикими криками и свистом врезаются в стоящую перед ними толпу и начинают с таким неистовством бить направо и налево дубинками и велосипедными цепями, словно молотят зерно.

Их намного меньше, но перед ними неорганизованный народ, женщины, дети, а главное, никто не привык к дракам. Конечно, здоровые ребята сопротивляются, дерутся, у некоторых есть палки, но все же толпа начинает разбегаться, оставляя на асфальте раненых и оглушенных.

В дело вступают полицейские. Они тоже начинают молотить дубинками с криками: «Разойдись! Прекратить беспорядки! Всем расходиться!»

Но что я замечаю — колотят-то они не наших молодцов, а как раз тех, из контрдемонстрации, даже женщинам попадает. А кто сопротивляется — выкручивают руки, надевают наручники и волокут к машинам, которые уже подоспели к месту побоища.

Что ж, правильно, нам приказано защищать «демонстрантов», вот мы и защищаем.

Через пятнадцать — двадцать минут перекресток пуст: ни демонстрантов, ни прохожих, ни, между прочим, наших «мальчиков» (они не дураки, они свое дело сделали, и ждать, пока займутся ими, им не с руки).

Мы подбираем раненых граждан, залечиваем синяки товарищам — кое-кому из наших тоже попало в горячке,— заталкиваем арестованных в грузовики и, облегченно вздохнув, покидаем поле брани.

Такая вот полицейская операция. Ворчу. Но ворчать перестаю, когда на следующий день начальник объявляет нам благодарность и щедро раздает премии. Ого-го, рассуждаю, куда приятней заработать премию, разбив башку нескольким старикам и бабам, чем ничего не заработать (если не пулю), гоняясь за настоящими бандитами.

Так что негоже быть неблагодарным.

И в следующий раз, когда пошлют охранять «демонстрацию», надо поспешить за каской и дубинкой, чтоб не опоздать. Не следует торопиться, когда пошлют на задержание опасных преступников. Здесь поспешность ни к чему. Пусть этим занимаются сознательные граждане из движений «Обеспечение спокойствия граждан во время летних отпусков», «Последний троллейбус», «Последний электропоезд» и других столь же полезных. К сожалению, не получается, приходится работать нам.

— Молодцы, ребята,— начальник доволен. Очередную оперативку он начинает в мажорных тонах.— Вы достойно защитили наши демократические права. Никто не имеет права нарушать гражданские права! — Он грозно смотрит на нас.— Никто! И те, кто попытался попрать эти права, помешать мирной демонстрации, получат по заслугам! А те, кто защитил демонстрацию, будут вознаграждены!

Тут-то он и сообщает нам о премиях и благодарностях.

Довольные, идем обедать в ресторанчик и опрокидываем несколько кружек пива.

Весело вспоминаем всю эту бодягу с демонстрациями.

— Хорошо работали ребята! — одобрительно говорит О'Нил.— Цепями работали, будь здоров! Обучены.

— Да уж,— подхватывает Гонсалес,— прямо скажем, лучше любого хулигана. Слушай, О'Нил, а может, они днем этих девок и детей колошматят, а по ночам, того, на прохожих нацеливаются, а, как думаешь? — Он весело смеется.— Знаешь, так, подходят к какому-нибудь подгулявшему франту, р-р-раз его по башке, бумажничек забирают и вежливенько извиняются: «Ох, простите, мы думали, вы возражаете против наших справедливых лозунгов. Да здравствуют профсоюзы! Чао!» — Он опять начинает хохотать. (Удивительная у него способность смеяться собственным остротам.)

И тогда не выдерживает даже выдержанный Джон-маленький.

— Все-таки я не понимаю,— говорит,— как такое происходит? С точки зрения закона, это недопустимо. Неспровоцированное нанесение тяжких телесных повреждений, превышение необходимой самообороны, оскорбление действием, нападение на малолетних...

— Заткнись,— рявкает О'Нил,— нечего было нарываться. Что искали, то и получили.

Джои-маленький с миииуту обижеино смотрит иа О'Нила, ио потом упрямо продолжает:

— Незакоииые действия, а мы их ие только не пресекли, а даже поощрили.

— Слышишь,— усмехается О'Нил и поворачивается ко мне,— «иезакоииые действия»! Уж молчал бы...

Тут мие бы хотелось сделать иебольшое отступлеиие, если ие возражаете, коиечио. Не возражаете? Спасибо. Тогда сообщу вам, что высокое поиятие закоиности при его, так сказать, практической реализации, как бы это поделикатией выразиться, приобретает порой своеобразиые формы.

Ведь что главное? Поймать и разоблачить преступиика. Так? И здесь цель оправдывает средства. Когда закои помогает — да здравствует закои! Когда мешает — тем хуже для закоиа.

Вы уже догадались, что примеры я буду приводить ие из опыта иашей страиы (вы ведь ие забыли, что я патриот!), а — правильио — США. И хватит удивляться. Еще Драйзер, их же писатель, сказал: «Говорят, что Америка идет впереди всего мира, ио в чем? В преступлеиии!» (это мие одиажды Джоималеиький сообщил). Поэтому легче всего иаходить примеры по части преступиости, а зиачит, и работы полиции, в жизии США. Уж извииите и не ворчите.

Так вот, у иих там есть такая форма работы полиции, которая иазывается «под прикрытием». Если раиьше эта работа являлась как бы частью уголовиого расследования уже совершеииого преступлеиия, то теперь оиа считается профилактикой. Если честио говорить, то провокацией, тут только три первые буквы общие. А в остальиом...

Не верите? Судите сами. Подстрекательство, использоваиие подставиых лиц, вовлечеиие разиыми хитрыми путями в преступление потеициальиых преступииков или рецидивистов, которые это преступлеиие совершать и ие собирались. А то еще привлекают разиых случайиых людей, чтобы изображали «профессиоиальиых свидетелей».

Иной раз полицейские агеиты переодеваются бродягами, иивалидами, курьерами, двориикамн, таксистами. Им помогают театральиые гримеры, режиссеры, косметички. Прямо свой Голливуд! Потом эти актеры стаиовятся «жертвами» преступлеиия, которое сами же спровоцируют, свидетелями.

Одии играет подвыпившего кутилу, который все время лезет за бумажииком, другой таксиста, пересчитывающего выручку, третий тащит покупки из магазииа. Вокруг в толпе шиыряет целая комаида переодетых иислекторов.

В Америке и масштабы америкаиские. Один раз нью-йоркская полиция ии миого ии мало создала целую фиктивиую автотраиспортиую компаиию во главе с бывшим преступником. Другой раз еще почище: приехали в Штаты члеиы подпольиой

мафии, так, чтобы их задержать, полиция приняла активное участие в организации подпольного концерна игорных домов на Аляске. Ничего себе? Да?

Или еще так: выявляют какого-нибудь жулика — растратчика, подделывателя чеков, промышленного шпиона, собирают на него улики, потом приглашают голубчика и говорят: «Вот смотри, лет на десять — пятнадцать тянет». Когда он едва в окно не выпрыгивает со страху, ему обещают укрыть его от суда, если он будет выполнять задания (вроде наших осведомителей, только не мелкого пошиба, а вполне презентабельных, даже вхожих в «общество»). Такой агент остается служить в фирме и начинает привлекать к своей незаконной деятельности других сотрудннков. Потом всех накрывают. Агент выходит сухим из воды, доверившихся ему лопухов сажают за решетку, полиции воздают по заслугам. Такая вот невинная форма работы.

Ловят там, конечно, и нашего брата — полицейского, есть у них «Отделы по внутренним вопросам». Как ловят? Да очень просто. В «такси» кто-то якобы оставил по забывчивости ценную вещь, «шофер» сдает ее в участок. Или кто-то передает постовому полицейскому «найденный» бумажник. Что дальше? Сдадут наши парни эти находки куда положено, или прикарманят?

Вся эта система, конечно, приносит полицейскому начальству свои плоды. Но как считают ученые-криминологи, это палка о двух концах. Преступления начинают совершать люди, которые при других обстоятельствах на это не пошли бы. (Так что, перехитрив саму себя, полиция вроде бы содействует росту преступности.) Бывает, что никакого преступления не было, а представители полиции утверждают, что было,— ведь кроме самого полицейского, истцов-то нет. Это приводит к фальсификациям, ложным свидетельским показаниям. Возникает и по-научному называемая «непредвиденная преступность» — это когда сотрудники полиции, действующие «под прикрытием», под чужой личиной сами становятся жертвами. И уж совсем скандал, когда быстро приспособившиеся преступники начинают выступать в роли сотрудников полиции, работающих «под прикрытием».

Ну, как мое «отступление»? Чем я хуже нашего ученого Джона-маленького? То-то! Я тоже кое-что знаю, уж поверьте...

Если быть откровенным, мы тоже проделываем такие фокусы. Но это между нами. Помню, как однажды мы ловили брачную аферистку. Посмотришь — элегантная молодая дама, высокая, красивая, с грустинкой в глазах: еще бы — недавно похоронила мужа.

Внимание она ни на кого особенно не обращала, снова выйти замуж не спешила, судя по ее словам, покойный супруг оставил ей достаточное наследство.

И нас-то уж она, конечно, не заинтересовала, если б со-

вершенио случайио ие выясинлось, что умершнй супруг был у иее ие едииствеиным. Это обиаружнла страховая компания: там что-то иеясиое оказалось с ее предыдущей фамилней. Страховые компанни, как нзвестно, работают, словно бульдогн,— уцепятся, уже ие вырвешься. Сталн копать, и выясиилась иитересиая картина. Эта очаровательиая вдова оказалась в столь печальиом положеини седьмой раз! Оиа похороинла семь мужей. Коиечно, у людей устойчнвые вкусы, и если уж кто-то влюбляется не одни раз, то, как правнло, в тех, кто чем-то схожн. А эта профессноиальная жеиа оказалась прямо-такн маиьяком. Едииствениое, что отличало ее мужей друг от друга, были виешиость, возраст, иациоиальиость, в общем, пустякн. Зато все оии были люди с достатком, все любнлн выпить, имели ие очеиь здоровое сердце и вскоре после свадьбы застраховывали свою жизнь в пользу жеиы иа несуразно большую сумму. Видимо, это обстоятельство, хотя медики на этот счет иичего не говорят, прнводнло счастливого супруга к скорой смерти от сердечного приступа.

Безутешная вдова меияла после этого города и веси (дважды даже подданство), фамилню и, в конце концов, не в состояннн выдержать одиночества, сиова выходнла замуж.

Не могу сказать, чтоб остальиые страховые компаннн инчего ие предприинмалн. Но жеищииа их сумела перехитрить. Кроме последией. То ли поумней там были детективы, то лн сумма страховкн уж очень велика, то ли совершнла оиа, накоиец, какую-то ошибку (преступиик обязательно раио нли поздио совершает ее), но, как видите, до нстнны докопались, сообщилн и иам.

Долго думали, как быть. И коичилось тем, что Джои-большой, Джои Леруа, ваш покорный слуга, стал восьмым претеидентом иа руку этой милой дамы по нмени Алиса (последиему нмени, так как если б я стал перечнслять все предыдущне, мы бы н завтра ие кончили).

Между прочнм, это заданне я выполиял с особым удовольствием. Несмотря на столь многочислеиные н частые потерн близких, следы горя ие испортнлн ее лнца. Нет, честно: очаровательиая жеищнна.

Познакомнться труда ие составнло. Это пронзошло, как вы поимаете, совершеиио случайио. Оиа ехала иа своей гоиочной «мазератти» (иад которой, зайдя иочью в ее гараж, наши ребята слегка поколдовалн), и вдруг — чих-чих — машииа остаиавливается. В моторе оиа иичего не понимает, и еслн б его вообще выиули, то иаверняка ие заметила бы. Стонт расстроеиная, кусает губу.

И тут как раз я проезжаю мимо иа «своем» роскошном «крайслере». (Эх, мие бы такой!)

— Ах-ах, у мадам беда? Я могу помочь? Что случилось?

Через пять минут «мазератти» в порядке, я одарен сияющей улыбкой и согласием в честь возвращения машины в строй выпить рюмку в дорогом баре.

Угощаю я ее щедро, не кривлюсь, глядя на цены в меню (пусть кривится бухгалтер нашего управления, когда прочтет мой финансовый отчет).

Я ей явно нравлюсь. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Вы меня видели? Хотя бы на фотографии? Нет? Поверьте, много потеряли. На меня все девушки заглядываются. Она не исключение.

Но когда она узнает, что у меня крупное дело в ФРГ, отель в Италии и магазины во Франции, а главное, моя внешность богатыря и молодца, увы, обманчива, поскольку я надорвал сердце, занимаясь в свое время чрезмерно спортом, интерес ее возрастает многократно.

Ну, что вам рассказывать дальше? Вы же прекрасно все знаете. Мы встречаемся вечером, потом на следующий день, захаживаем в рестораны и кафе, на третий день я остаюсь у нее ночевать, на десятый — мы решаем связать наши судьбы. Через две недели мы без всякой пышности и торжеств (по ее настоянию, все же траур еще длится) регистрируем наш брак (я на чужое имя и по подложному паспорту).

Свадебное путешествие, которое мы совершили на машине, проехав Францию, Италию, ФРГ, Швейцарию и Бельгию, было чудесным и не очень дешевым (плевать я хотел на бухгалтера нашего управления!). Однажды мы чуть не попали в аварию, и она, как практичная женщина, предложила застраховать наши жизни. Я, разумеется, в ее пользу, она — в мою.

С этого момента каждый раз, когда я пил утренний кофе, предобеденный коктейль или пятичасовой чай, у меня мороз пробегал по коже.

И потом, как долго это могло продолжаться? Ей было хорошо со мной, вдруг она захочет остепениться? Оставить свой кладбищенский бизнес?

Но когда нам становится известно, что она потихоньку приобрела себе виллу в Новой Зеландии и перевела туда, как выяснилось, немалый капитал, мы понимаем, что роковой (для меня) час приближается.

Замечу, что все это время я неоднократно захаживал к «врачу», а однажды даже пригласил его на дом, где он осматривал меня в ее присутствии. Озабоченно качал головой, цокал языком и выписывал разные лекарства. Наконец, чтобы ускорить события, он посоветовал мне на два-три месяца залечь в кардиологический санаторий где-нибудь в горах. Алиса такой срок ждать, видимо, не собиралась и на то, что господь призовет меня к себе, не полагалась. Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай.

И вот настал ТОТ день. День, к которому я столько готовился и которого под конец жутко боялся. Я вдруг сообразил, что ее-то уличат, осудят, но не будет ли это все происходить на основании моей насильственной кончины? Пусть уж лучше живет себе в Новой Зеландии и горюет по усопшим мужьям, оставив в дураках правосудие, чем правосудие это торжествует за мой счет. Дудки!

Но, прямо скажем, мысли эти пришли мне в голову несколько поздно. В какой-то момент мною овладело жгучее желание все ей выложить и обменять ее спасение на половину ее капитала, а то и на спокойную жизнь с ней же в далеких краях. А что?

Но все-таки чувство долга,—а скорей всего, благородный инстинкт самосохранения,— взяло верх. Последние дни я плохо спал (вдруг она изменит метод и прирежет меня во сне?), плохо ел, нервничал. Еще год такой жизни, и я таки нажил бы себе ту сердечную болезнь, о которой твердил ей.

Поразительно, однако, как все просто кончилось. Она уж слишком верила в себя, не сомневалась в своей звезде. Еще бы, семь удачных дел...

Короче говоря, ужинаем мы с ней в ресторане (Гонсалес сидел за соседним столиком; нас всегда незаметно сопровождал кто-нибудь из отдела), и прямо там, в ресторане, на виду у всех (правда, когда притушили огни по случаю танго) высыпала из перстня в мой бокал порошок, пока я выходил в туалет.

Гонсалес, который все это видел, предупредил меня в вестибюле, когда я возвращался в зал.

Дальше все было делом техники.

Сев на место, я предложил ей:

— Давай обменяемся бокалами и выпьем до дна. Согласно поверью, мы узнаем мысли друг друга!

Как, вы думаете, она прореагировала? Удивительная женщина! Такого хладнокровия, сообразительности, быстроты действия я мало у кого встречал. Она мгновенно попыталась сорвать с руки кольцо и одновременно смахнуть со стола бокалы. А? Ну не молодец?

Потом, уже на следствии, она призналась, что не успел я закончить фразу, как она все сопоставила, вспомнила все мелкие ошибочки и промахи, которые я за эти месяцы совершил и которые тогда проходили незаметно, сообразила, кто такой Гонсалес и зачем он выходил, поняла, что ей надо делать, и начала действовать.

Но поскольку мы все же поопытней и лучше тренированы, ничего у нее не получилось. Я как в тисках зажал ее безымянный палец с кольцом, Гонсалес успел подхватить мой бокал; подбежали официанты...

Чтобы не устраивать лишнего шума, мы постарались побыстрей вывести мою нежную супругу, иадели на нее наручники н увезли в управление.

Допрашивалн ее миогие — н иачальник, и следователи, и я. Улучив минуту, когда мы остались вдвоем, оиа сказала мне, ласково улыбаясь:

— Скольких, Норман (Норманом я был для иее), мне удалось отправить на тот свет! И я не жалею, право же, они большего не заслужнвали, никчемные люднишки, иедостойные жнть на земле. А вот ты мне пришелся по душе, с тобой мне было по-настоящему хорошо, впервые в жнзнн. Показалось мне в иачале что-то подозрительным — я ведь ннкому ие верила. Потом, признаюсь тебе, увлеклась. Потому н бдительность, как говорится, потеряла. Жаль, могла бы быть с тобой счастлнва, жаль...

— Так чего ж ты, дура,— говорю,— отравить меня собралась?

— Как чего,— и смотрит иа меня свонми большими добрыми глазами,— привычка, Норман. От привычек зиаешь как трудно отделаться... Ладно, прощай, ие помииай лихом.

Тут вошел народ, и разговор наш поучительный прервался. Но с тех пор я остерегаюсь слишком прочно привыкать к чему-ибудь.

Суд над ней обещал быть сеисационным, газеты заранее облнзывались и готовили репортажи.

Но суд ие состоялся. Она отравилась накаиуне, иасыпав себе в чай тот самый порошок, который как-то сумела сохранить.

Ее похороннли на тюремном кладбище, имущество коифисковали в пользу государства, а надзирательницу, которая обыскивала ее при доставке в тюрьму, уволили.

Глава VI. «ДЕЛО ЖУРНАЛИСТОВ»

Дело это в свое время вызвало сеисацию.

Я имел к нему кое-какое отношенне. Поэтому расскажу о нем поподробнее.

Мы думали, что та история с демонстрацией и доблестные подвиги монх коллег во время оной предаиы забвеиию. И вспомииает о ней изредка только этот упрямый Джои-малеиький, который иикак не хочет понять, что полиция, как армия, обязана выполнять приказ, а уж какой это приказ — правильный, неправильный, закониый, незакоииый,— не иаше дело. На то начальство и существует, чтобы решать.

Я заметил, что отношеиия между О'Нилом, «стрелой» Джона-маленького, и Джоном-малеиьким нспортились окончательно. О'Нил все время шпыняет своего младшего партиера, хамит

ему. Он подозревает почему-то, что Джои-маленький тайно ведет счет его, О'Нила, промахам, записывает и когда-нибудь доложит начальнику. Все это, разумеется, чепуха, но подготовка у Джона-маленького получше, чем у его «стрелы», и, если уж на то пошло, соображает он лучше.

Да, так вот, оказывается, не только Джон-малеиький не забыл историю той демонстрации. Особенно вредным оказался журиалист одной, как принято выражаться, левой газеты «Единство» по имени Карвен. Этот Карвен, эдакий борец за справедливость, прямо-таки ненавидел полицию. Так, во всяком случае, нам казалось. Правда, были случаи, когда он отмечал заслуги полиции в розыске или аресте какого-нибудь преступника. Но что ж тут особенного? А вот поливать нас грязью за то, что мы следим за порядком, сажаем в тюрьму смутьянов и разных там горлопанов, которые стремятся этот порядок нарушить,— свинство.

Поэтому мы и считали его своим врагом. Не только его, конечно. Было иемало журналистов, особенно в этих самых «прогрессивных», точиее, левых, социалистических, коммунистических газетах, кто отравлял нам жизнь — придирался, издевался, когда мы ошибались, возмущался, что мы слишком долго ловим какого-нибудь убийцу...

Но они это делали так, эпизодически, по конкретному поводу. А вот Карвен занимался своим делом основательно, вел целую летопись, приводил цифры (и всегда точиые, мерзавец), факты, имена. Не раз пытались его привлечь за дезиформацию, клевету. И каждый раз срывалось. Все, что он утверждал, он убедительно доказывал и судебные заседания использовал, чтобы лишний раз нас в чем-нибудь обвинить.

Между прочим, с не меньшей яростью нападал ои на преступность. И опять не по мелочам, а, как выражается наш начальиик, «глобально». Объектом его нападок являлась организованная преступиость.

И сопоставлял. Мол, организованных преступников полиция и суд милуют, а отыгрываются на мелюзге.

Вся, мол, страна поделена на сферы влияния между бандами. Азартные игры, проституция, торговля детьми, контрабанда, торговля наркотиками, рэкет, похищение людей с целью выкупа, убийства по коитракту, подпольные лотереи, ростовщичество... Да разве все перечислишь! А доходы миллиардиые. Я здесь не буду приводить его цифры по нашей стране (я — патриот!). А все по той же Америке. Этот Карвен все время толковал в своих статьях, что Америка самая коррумпированиая, самая преступная, самая бандитская страиа и т. д. н т. п.

Вот, мол, там мафия за год заработала 48 миллиардов долларов, почти столько же, сколько самая крупная промышленная корпорация США «Экссон».

А поскольку налогов, как известно, бандиты не платят, то никакие автомобильные или нефтяные концерны с ними тягаться не могут. Деньжата свои мафия вкладывает в законный нормальный бизнес, а мафиози становятся уважаемыми бизнесменами. Этот Карвен утверждал, что в 1977 году организованные преступники владели тысячами законных фирм с миллиардными годовыми доходами.

Не все в Америке знают, как зовут президента, но все знают знаменитых бандитов, газеты их прославляют, телевидение показывает, журналы печатают их мемуары (у нас в стране та же картина, хоть масштабы и поскромней, впрочем, тсс! Я патриот!). Помните, я упоминал такого короля гангстеров, ныне, слава богу, покойного, Аль-Капоне. Так вот, за один год газеты посвятили ему без малого 18 миллионов столбцов на своих страницах.

«Хорошо, а как со всем этим борется полиция, суд?» спрашивал этот чертов Карвен. И опять приводил кучу цифр и фактов. Вот полиция Буффало арестовала главарей преступного мира, собравшихся на тайное совещание. Они в один голос заявили, что это был «холостяцкий обед». Действительно, ни одной женщины не присутствовало. И суд всех отпустил «за недостатком улик». Другой раз судили президента одного из банков в штате Джорджия. Он растратил сущую безделицу — 5,5 миллиона долларов. Ему по тамошним законам полагалось 300 лет тюрьмы! А дали десять. Между прочим, в тот же день тот же суд влепил по шестнадцать лет трем мальчишкам, которые «облегчили» другой банк на четырнадцать тысяч долларов. (Гонсалес, который любит всякие подсчеты, вычислил, что, если б тех ребят судили по той же мерке, что и президента банка, им дали бы по полторы недели тюрьмы!)

И пошел, и пошел, мол, полицейские все взяточники, воюют только против прогрессивных элементов, против левых организаций, а не против настоящих преступников. И тут уж берется за нашу благословенную страну и опять вываливает кучу цифр и фактов.

Вот так он вцепился в историю с демонстрацией.

Во-первых, он опубликовал целое исследование про этих «тихих» демонстрантов с кастетами за пазухой. Что они неонацисты (так их теперь называют), что их цель скинуть правительство, пересажать коммунистов, закрыть профсоюзы, что поклоняются они Гитлеру, что они имеют целые арсеналы. Их надо запретить, организацию распустить, а не защищать.

И взялся за нас. Что это за полиция, которая защищает преступников и избивает мирных граждан! Где справедливость? Где порядок?

Вот пример, мол, та демонстрация. Против нее протестовали честные граждане. Шли мирно, спокойно. А этн громнлы сами спровоцировали побоище. Так мало того, что полиция не помешала им, она еще встала на их сторону...

«Нападення полицейских с дубинками на мирных демонстрантов,— писал Карвен,— неповнннных прохожих, журналистов, фотографов и просто случайно подвернувшихся жителей города былн предумышленнымн и бессмысленнымн». Это «полицейские беспорядки!», это «разгул полицейских дубинок!». И все это при молчаливом, а в ряде случаев и явном одобрении руководства полицни...

(Вообще я вам скажу, мне Джон-маленький как-то показал — к чему бы это? — журнал «Криминалистик» из ФРГ. Так там рассказано, что однажды среди молодежи провели анкету, мол, как она относится к деятельностн полиции. Ох уж лучше б не проводили! Молодые, они за словом в карман не лезут и прямо шпарят в анкетах про нашего брата: «наемные охотники», «гангстеры», «громилы», «блюстители капитализма». 94% отвечавших на вопросы анкеты твердо убеждены, что основная функция полиции — это борьба с различными беспорядками: демонстрациями, мнтингами, маршами протеста. Слава богу, что хоть 6% посчнтало, что главная задача полиции — борьба с преступностью. Однако вернусь к Карвену).

Карвен достал фотографии, на которых запечатлены довольно невыгодные для нас моменты, в том числе О'Ннл во всей своей красе, проламывающий голову какой-то старухе. Ну и что? Ее небось давно на том свете с фонарем ищут!

Старуха выжила, и вообще на этот раз обошлось без покойников, но дел мы все-таки натворили.

И когда этот чертов Карвен вытащил все на обозрение народу, да еще с жуткими фото, поднялся большой шум. Многие организации стали собирать подписн протеста, устроили демонстрации перед парламентом, потребовали наказать виновных.

Даже наши благопристойные газеты и те что-то провякали, что так, мол, не годится.

И начальство вынуждено было принять меры. Кого-то перевелн в провинцию, кому-то объявили порицание, кого-то оштрафовали (есть у нас такое наказание в полиции, не знали?), в том числе О'Нила. А О'Нил, наверное, любое наказание мог бы перенести, но когда дело касается его кошелька, он готов защищать его ценой жизни (не своей, конечно).

— Ну, ладно, ну, я ему прнпомню, ничего, я ему покажу,— бормотал он себе под нос.

Сначала я думал, что он имеет в виду нашего начальнпка или самого шефа, но, оказалось, что Карвена.

— Это он все затеял,— шипел О'Ннл.

Уж не знаю, у кого и как возникла в нашем «Черном эскадроне» эта идея, но мы решилн заткнуть этому Карвену глотку.

В конце концов, рассуждали мы, «Черный эскадрон» существует, чтобы защищать полицейскнх, коль скоро правительство не в состоянии этого сделать. Мы убиваем преступников, чтобы они не убивалн нас.

Карвен именно это и делает. Просто он убивает нас не физически, а морально («И материально!» — вставляет О'Нил, который ннкак не может забыть своего штрафа). А раз так, он подлежнт ликвидации!

Конечно, были попытки привлечь Карвена к суду за клевету. Но ннчего не получилось — на все у него были доказательства, фото, свндетели. И даже благосклонные к нам и не благосклонные к Карвену суды ничего не могли сделать.

...Мы собралнсь, наша группа (мы все поделены на группы, и входят в каждую не обязательно сотрудники одного н того же отдела, это просто так получилось, что мы с О'Нилом оказались вместе) — О'Нил, я, Лонг (он из другого города) — и прибывшнй для руководства операцней какой-то неизвестный мне, судя по всему, высокнй полнцейский чин, тоже из нашего «Эскадрона». Вообще мы предпочнтаем, чтобы акции выполнялись не местными полицейскими. Но в этом случае О'Нил настоял на своей (и, следовательно, на моей, он теперь не может, виднте ли, без меня!) кандидатуре.

Мы собрались вечером. Где? Правнльно, в небольшом загородном ресторанчике, где нас не знают.

Ресторанчик в горах, он повис над долнной, вдали за синие горы закатывается красное солнце, внизу туман, черная лощина... Красота! Нет, я определенно романтик, как красиво все описываю. А где она, красота? Вот я немногнм больше тридцати лет живу на свете н что-то особой красоты не вижу. Дерутся люди, ссорятся, стараются раздавить других, чтобы самим выше подняться. Все продается, все покупается, была б цена подходящая. И крови кругом много, и грязи хватает, а веночков из незабудок я что-то не видел.

Может быть, конечно, профессия свой отпечаток накладывает, все же я полицейский, а не певец в церковном хоре. Но вот если взять в прнмер Джона-маленького. Он ведь тоже полицейский, а рассуждает по-другому. Помните, я вам обещал рассказать, что он о своей школе говорил? Не помните? Ну, неважно, я все равно расскажу.

Школа у ннх была за городом. Аккуратные такие домишки, вспоминает, кирпичные, красные, кругом лес. Учились там н девушкн, у них, в отличие от долгогрнвых курсантов-мужчин, волосы были коротко подстрижены. Джон-маленький поступил

в школу, когда ему было семнадцать лет (ребят с семнадцати принимают, а девчат — с восемнадцати с половиной почему-то, хотя, по моим личным наблюдениям, женщины умнеют раньше нас). И вот еще интересно: минимальный срок службы после школы для мужчин определен в шесть лет, а для женщин — в девять!

Занимались серьезно. Ну, там всякие теоретические дисциплины, стрельба, вождение машины, спортивная подготовка, строевая, разминирование в городских условиях, дзюдо.

Занятия интересные. Вот такое, например. Курсантам сообщается о каком-нибудь «преступлении», и они должны его расследовать сами — найти украденное, установить связи, за чем-то следить, кого-то задержать. «Преступник» — тоже курсант. Причем этот «преступник», «свидетели» по ходу дела получают от руководителя занятий разные инструкции, меняющиеся в зависимости от хода расследования. Заканчивается занятие заседанием суда, чтобы курсант понял, где с умом поступил, а где свалял дурака.

Экзамены тоже интересные. Скажем, Джон-маленький получил пятерку (заметьте, не за стрельбу, а за сообразительность) на таком вот экзамене. На киноэкране «обстановка»: из портового пакгауза вор уносит краденое. Полицейский, то есть в данном случае Джон-маленький, видит это, кричит «стой», выхватывает пистолет и... не стреляет (а стреляют из светового пистолета, который проектирует на экран «зайчика»). Вор убегает. Почему же Джон-маленький не стрелял? Оказывается, в полутьме, царившей в «порту», он усмотрел на экране за спиной вора железнодорожные цистерны с бензином. Значит, промахнись он, произошел бы взрыв. Все действие на экране длилось лишь несколько секунд, но он сообразил. Вот и получил пятерку. Много там разных предметов изучают, необходимых полицейским. Еще такую науку проходят: как разгонять демонстрации, арестовывать ораторов на митингах, освобождать завод от пикетчиков. Занятия проходят с водометами, газовыми гранатами, стрельбой пластиковыми пулями. Устраиваются самые настоящие штурмы зданий, атаки со щитами, касками, пуленепробиваемыми жилетами, противогазовыми масками.

На экране демонстрируются снятые со стометровой высоты городские кварталы, и курсанты должны определить, где ставить заграждения, если демонстрация пойдет, скажем, к зданию ратуши, а где заблокировать автомобильное движение, если таксисты устроят, как в Монреале во время Олимпиады, «ползучую» забастовку и начнут разъезжать по городу со скоростью пять километров в час, создавая пробки.

Раньше в полицейских школах учили борьбе с преступниками, теперь — с демонстрантами тоже.

— Значит, все демонстранты — преступники,— резюмировал О'Нил, послушав Джона-маленького.

Тот посмотрел на него неодобрительно, но промолчал. «Стрела»-то О'Нил, а Джон-маленький уважает дисциплину. У нас он стажер. Но после стажировки он сдаст еще экзамен, получит звание старшего инспектора, и тогда не исключено, что О'Нил попадет к нему в подчинение. И уж тут туго придется О'Нилу, потому что как ни уважает Джон-маленький дисциплину, но закон он уважает еще больше. Уж кто-кто, а он никогда не поймет, что такое «Черный эскадрон»... Но я отвлекся.

Значит, сидим мы в том окраинном ресторанчике: я, О'Нил, Лонг и прибывший нами руководить Высокий чин (я его так и буду называть, потому что спрашивать имена, если их не говорят, не принято, а погон на нем нет).

Как будем осуществлять акцию? Конечно, Карвен не миллионер, не депутат и не главарь мафии, а потому личной охраны у него нет. Но все же он понимает, что к чему, и один по ночам пустынными улицами не ходит, дверь даже полицейским, не вызвав предварительно своего адвоката, не откроет и наверняка носит оружие.

Зато у него есть любимая девушка, она живет в уединенном домике недалеко от города, и хотя не часто, но он приезжает к ней провести пару часов. Вот тут мы и должны осуществить нашу операцию.

Совершить наезд на его машину, когда он будет ехать к своей девушке, нереально. Во-первых, на шоссе днем, а он по вечерам не ездит, оживленное движение, во-вторых, у него в машине телефон, и если он что-либо заподозрит, то наверняка позвонит друзьям, в газету да и в полицию, в-третьих, вообще «наезд» стал настолько привычным способом ликвидации кого-нибудь, что все его опасаются, все о нем знают и знают, как его избежать.

Остается одно. Накрыть его у девушки. Здесь опять возникают трудности. Посещает он ее нечасто и в самое неожиданное время. Не можем же мы устроить там засаду и ждать неделю и полмесяца, пока он появится! Значит, надо вызвать его туда. Как? Сами понимаете, это может сделать только сама девушка. Но это рискованно. Допустим, мы к ней вломимся, угрожая, заставим ему позвонить. Но захочет ли она, а вдруг, жертвуя собой, откажется или крикнет в трубку про опасность. Кроме того, он все время настороже, что-нибудь не так в ее голосе, и он все поймет. Наконец, он просто может приехать не один.

Ломаем голову и так и эдак.

Выпили уже бочку пива, наверное, а решения так и не находим.

Наконец, его находит Высокий чин.

— Вот что, в их отсутствие проиикием в дом, устаиовим мнкрофоиы н как только, благодаря им, узиаем, что ои в доме, прнмчимся.

— А куда будет поступать сигнал? — спрашиваю.— Ведь мы же не сндим все время по домам.

— Поступать будет к О'Нилу н Леруа и домой и на службу. Уж в одиом из четырех мест ои вас застаиет? А мы с Лоигом будем ждать вашего звоика в отеле. Ну, в крайием случае кто-то будет отсутствовать, так отправнмся втроем или вдвоем.

Мы иичего ие поиимаем, и ои объясняет. Мнкрофон будет реагировать только иа голоса девушки и Карвеиа, знаете, как эти современиые замкн, которые открываются только иа голос хозяииа, даже если он простужен нли пьян вдрызг. Это исключает снгиал, если в доме посторониий, потому что прн звуке третьего голоса снгиал ие срабатывает. Микрофои, услышав голос Карвеиа, передает приказ красиой лампочке у уличиого поста. Оиа зажигается. Чтобы у патрульиого ие возиикло подозреиий, ему сообщают всю систему, только говорят, что мнкрофоиы устаиовлены в кабинете местиого ресторатора, которого мы подозреваем в контрабанде спиртиым.

Мы, действительно, побывалн у него ночью, устаиовили микрофоны, ио не включили нх.

Увидев, что лампочка зажглась, патрульиый тут же звонит мие или О'Ннлу иа службу или домой и называет условный пароль. (На всякнй случай, а то гаигстеры давио уже иаучилнсь подслушнвать служебиые разговоры полицни.) Мы немедлеиио звоним в отель Высокому чнну н Лонгу, иашим сообщиикам (извиинте, я оговорнлся, я хотел сказать, товарищам), и выезжаем.

Есть, коиечно, риск, что, пока доберемся — это даже с сиреиой мииут пятнадцать — двадцать,— Карвеи уедет или кто-то еще войдет в дом. Может оказаться, что мы с О'Нилом будем где-нибудь иа задаини. Но всего не предусмотришь. На всякнй случай, уходя, переключаем иаши телефоны иа дежурного н сообщаем ему, где иаходнмся — пусть вызывает. Подробностей не говорим, да ему наплевать. Таких коднрованых н иекодироваииых звоиков поступает в управлеиие десяткн в день.

Опасеиия оказались иапрасиы. Все прошло как по маслу. Или Высокнй чни такой умиый и опытиый, или просто повезло. Через несколько дией после иашего совещаиня мы с О'Нилом, дождавшись, пока девушка уехала иа работу (библиотекарем оиа служила), спокойно вошли в дом, там замок ногтем можно открыть (н поиятио, почему — воровать-то иечего было, бедиовато оиа жнла), и расставили иаши микрофоиы по всем комиатам, даже в ваиной, даже в туалете. Спрятали иадежно, это мы умеем, научились (хотя я сильно сомневаюсь, что залезать в чужие квартиры и расставлять там тайиые под-

слушивающие устройства входит в функции, а главиое в права полиции).

Проходит еще три дия, мы с О'Нилом сндим в кабииете, Джон-малеиький иа задании, а Гоисалес на обеде.

Вдруг звоиок. Патрульный равиодушным голосом иазывает пароль — этн загородные полицейские все какие-то коровистые, им все все равно, даже разоблачеиие крупного контрабандиста спиртиым в их родиом городке. Ну и хорошо! Какой-ннбудь чересчур активиый н любознательный иас бы не устроил.

Я перезваниваю в отель, и выясияется, что Лоиг на месте, а Высокий чин, как назло, отсутствует.

Короче говоря, через десять минут мы мчимся иа машне-ловушке по загородиому шоссе. Вы не знаете, что такое машииа-ловушка? Это такой древиий драндулет, которых уже давио не выпускают, ио стекла у него пуленепробиваемые, он весь напичкан радиопередатчиками, телефонамн, радарами, снреиамн, и мотор у иего, как у гоночной машины — можно выжать 160—180 километров в час. Это как раз та скорость, с какой Лоиг ведет машину. Ои, конечно, ас.

Невдалеке от дома, за лесочком, остаиавливаемся. Час дня, все обедают, ии одной собаки, ни одного человека, ни одной машииы.

Мы спокойио подходим к дому, к счастью, он в лесу, перемахиваем через жалкий заборчик с той стороны, где иет окои, потом прокрадываемся к терраске н, сразу взбежав по ступенькам, врываемся в дом. Дверь даже не была закрыта. Легкомысленый он все-таки человек, этот Карвен. Или иаивный?..

Оии сидят в столовой н обедают. Обед скромиый, без пива и виаа. Ои сиял пиджак и киuул на диваи. По его взгляду, брошеииому на пиджак, я сразу соображаю и в одии прыжок оказываюсь возле диваиа. Все правильио — из кармаиа пиджака я выиимаю пистолет. Нет, он действительно иаивный, Карвеи,— из такого пистолета можно убнть только комара, да и то ие малярийного.

Лоиг ас ие только в автомобилевождеиии, ио и в стрельбе. Ни слова ие говоря, ои выхватывает револьвер с глушителем и выпускает всю обойму в Карвеиа.

О'Нил остается вереи себе, он любит свидетелей тогда, когда оии помогают ему раскрывать преступлеиия. *Ему*. А ие тем, кто вскоре прибудут в этот домик.

Он тоже выиимает пистолет (и тоже с глушнтелем) и тоже выпускает всю обойму в девушку. (Вот к этому я ннкак не могу привыкиуть, иехорошо это, все-таки жеищииа...)

Затем мы быстро забираем иаши микрофоиы и выходим. О'Нил, как всегда, выходит последним, на минуту задержавшись, зачем?..

На шоссе и вообще по-прежнему кругом ни души. Мы добегаем до нашей машины и теперь уже медленно (зачем привлекать внимание?) возвращаемся в город.

В отеле нас ожидает Высокий чин. Он сокрушается, что не смог принять участие в акции, но хвалит нас за ее блестящее проведение.

Мы все довольны (хотя, честно говоря, у меня перед глазами стоит лицо той девушки, она-то ни при чем). Однако на следующий день наше хорошее настроение начинает гаснуть.

Во всех газетах, по радио, по телевидению сообщается о «зверском убийстве» журналиста Карвена и его невесты, совершенное «Черным эскадроном» (карточка с черепом и скрещенными костями была найдена возле трупов). Высказываются разные предположения, руководители полиции (в том числе Высокий чин) клянутся, что преступники будут найдены, и действительно, вся полиция (в том числе мы с О'Нилом) поднята на ноги. Газета «Единство» обещает награду каждому, кто поможет раскрыть преступление.

Но возмущение всеобщее — демонстрации, запросы в парламенте, протесты, письма, гневные статьи в печати.

Большинство подозревает тех самых молодчиков, демонстрацию которых защищала полиция и из-за которых заварилась вся каша. А кого же еще? Не полицию же, черт возьми, подозревать?

Были и другие предположения. Карвен — то, что называется «разгребатель грязи», он написал немало разоблачительных статей, сделал сенсационные репортажи о всяких преступниках, о чиновниках-взяточниках, о парламентариях-демагогах, о бизнесменах-жуликах... Так что хватало народу, у кого был на него зуб.

— Это черт знает что! — возмущается наш начальник на очередной оперативке.— Преступники обнаглели! Известно ли вам,— кричит он так громко, что все мы вздрагиваем и просыпаемся,— известно ли вам, что за десять — двенадцать лет количество убийств в нашей стране возросло. А вы куда смотрите? Вот вы, О'Нил? И вы, Леруа? И вы? (И он тыкает пальцем еще в полдюжины присутствующих.) Куда вы все смотрите, хотел бы я знать!

Когда оперативка заканчивается, начальник приказывает мне и О'Нилу остаться и говорит:

— Это убийство возмутительно, но сдается мне, что Карвен был преступником! Да, да, не возражайте. Глубоко законспирированным преступником. Эти журналисты ого-го! Раскапывал всякие делишки и шантажировал. А может быть, и налетчиком был. Почему нет? У вас что, есть доказательства обратного? Нет? Так помалкивайте (что мы и делаем в течение всего этого монолога).

Начальник некоторое время задумчиво смотрит в окно, потом продолжает:

— Коиечио, действия этого таинственного «Чериого эскадрона» преступиы и лично мне глубоко противиы. Но все-таки нельзя отрицать, что он нам, полиции, здорово помогает. Преступники его боятся больше, чем иас.— На лице его появляется одобрительная улыбка, ио он тут же спохватывается н гневио орет: — Но мы рано или поздно доберемся до этого «Черного эскадрона»! Мы его выведем на чистую воду! Никому ие позволено в нашем демократическом государстве попирать права человека. Это может делать только полиция,— он кашляет, мнется, — то есть, я хочу сказать, защищать права человека. Мы, мы с вами, их должны защищать, а не какой-то «Чериый эскадрои».— Начальник делает паузу и с присущим ему чувством логики добавляет: — Но конечио, спасибо ему, добро пожаловать каждому, кто помогает нам бороться с преступниками и (иу, конечно же!) подрывнымн элемеитами!

Почему он нас задержал в кабинете? Чтобы высказать одобрение «Черному эскадрону»? Но почему нас? Ои что, догадывается?

Между прочим, увлекшись описанием собственных подвигов, я как-то забыл вам сообщить, что работа по борьбе с преступностью идет. Наш отдел, в частности, осуществил иесколько успешных операций по задержанию баиды иалетчиков, ограбивших банк, группы подпольных букмекеров, убийцы, охотившегося за шоферами такси...

И «Черный эскадрои» тоже ие дремал. То и дело газеты сообщали о трупах, найденных в глухих дворах, заброшенных каменоломнях, в лесу, иа пустынных пляжах.

Все это были или скрывавшиеся преступники, или подозреваемые в преступлеииях, но ходившие иа свободе за иеимеиием против иих достаточных улик. С точки зреиия закоиа. Но не с точки зрения «Черного эскадроиа». И поэтому эти неосторожные убийцы и грабители, вместо того чтобы спокойно доживать свой век в уютных тюремных камерах, преждевременно расставались с жизнью под пулями «Чериого эскадрона».

А общественность, которая вечио вопит по любому поводу? Что оиа? Оиа возмущалась. Всем. Одни — иеэффективиостью полиции, другие — всемогуществом гангстеров, третьи — произволом иеизвестных граждан, создавших «Чериый эскадрон» и творивших суд и расправу, подменяя государство. Кто им дал такое право? Сегодня они расправляются с преступиикамн, а завтра? Кто знает, до чего они дойдут...

Были и такие, кто, наоборот, приветствовал «Чериый эскадрон» и даже намекал, что иеплохо бы ему заняться и коекакими смутьяиами, которые своими вечными демонстрациями,

митингами, стачкамн мешают жить добропорядочным гражданам, аккуратно платящим налоги и посещающим церковь.

Нашлись даже дураки-дилетанты, которые начали создавать из «сознательных граждан» свон собственные «Черные эскадроны». Но преступники быстро поняли разницу между нами и этими самозванцами и отбили у них охоту воевать с нарушителями закона.

И мы, конечно, когда ловили таких, громко возмущались. «Ах, ах! Как не стыдно! Зачем вы занимаетесь самодеятельностью и в результате погибаете от рук бандитов, когда есть мы, доблестные стражи порядка, самоотверженно преследующне этих бандитов. Ах, ах, нехорошо!»

И вдруг взорвалась бомба. Нет, не та, обезвреживанию которых обучали Джона-маленького в его полицейской школе. А газетная, что гораздо хуже.

Часов в шесть утра в моей квартнре раздался телефонный звонок. Звоннл Высокий чин.

— Газету читал? «Единство»? — спросил он коротко (как будто я лунатик, чтобы броднть ночами во сне и покупать первые выпуски газет).— Прочти! И скажи своему другу (это, значит, О'Нилу), чтоб почитал. Встретимся вечером там же.

Я звоню О'Нилу и передаю этот разговор.

— Что будем делать? — спрашивает.

— Я лично — спать дальше,— говорю.

Он вешает трубку, а через час, когда я уже собираюсь отправляться в отдел, вваливается с газетой и молча протягивает мне.

Я начинаю читать. И сразу понимаю, почему так всполошился Высокнй чин. Постараюсь коротко объяснить вам, захотите подробности, прочтите статью сами — «Единство» за четвертое число, первая полоса. Да вы сразу увидите — заголовок в полстраницы, и какой заголовок: «Черный эскадрон» — организация полицейских-убийц!» н подзаголовок: «Убитый «Черным эскадроном» журналист нашей газеты Карвен разоблачает своих убийц после своей гибели».

Что же оказалось? Оказалось, что Карвен нас перехитрил. Он, когда вел свое расследование действнй полиции во время той демонстрации, как выяснилось, залез куда глубже, чем мы думали. Он не только установил, что мы, мягко выражаясь, не совсем тех били, кого следует, но докопался до нашей организации. Всего, к счастью, он выяснить не успел, но узнал достаточно. Узнал, что «Черный эскадрон» — это вовсе не союз чересчур активных граждан, жаждущих помочь полиции и самнх превратившихся в убийц, а тайное сообщество полицейских, попирающих ту святыню — закон,— которую онн-то в первую очередь и призваны охранять.

Карвен раздобыл факты — свидетельские показания, запн-

санные на пленку, разные документы, фото, снятые скрытой камерой. Называл имена (к счастью, наши там не значились), описывал преступления, совершенные «Черным эскадроном»...

Полной картины он, повторяю, составить не успел, но и так материал собрал не дай бог!

А главное, весь этот материал он отдал на хранение в адвокатскую контору с пометкой: «В случае моей смерти прошу переслать в мою газету». Чувствовал все-таки, что мы с ним можем свести счеты. Остерегался.

Какие же есть подлые люди на свете! Ну что ему стоило позвонить любому из нас — он ведь называет там имена, знал, кому звонить,— и сказать: «Ребята, вот есть у меня кое-какой товар, не хотите ли купить тысяч за пять?» Да хоть за десять! Мы не мелочные, дали бы. И жил бы он, как бог, на эти деньги, машину новую купил, а не ту развалюху, в которой ездил. И женился бы на этой своей девушке, и домик бы ее обставил, а не то, что теперь там, убогость одна. Так нет, он, видите ли, честный! Вот от таких честных жить стало невозможно. Правильно все-таки мы его наказали. Я всегда говорю: рано или поздно справедливость торжествует!

В общем, попал его материал к Дору, это тоже журналист будь здоров, ему палец в рот не клади — до плеча откусит. Он, между прочим, не из «Единства». Он — «фри ланс», так сказать, свободный художник, для кого хочет, для того и пишет, но репутация у него безупречная. Он выступает только с сенсационными разоблачениями. Всегда основательно, аргументированно, бьет не взирая на лица. Боятся его все, даже министры. Материалы его настолько сенсационны, что за него дерутся даже солидные газеты, которые за правительство и против левых.

Уж не знаю, почему «Единство» отдало ему материалы. Может, чтоб шуму было больше, а может, еще почему... Ведь полиция может возбудить дело по обвинению газеты в клевете (хотя факты в статье неопровержимые). А нападать на этого Дора непросто, он может так дать сдачи, что не проснешься!

Начинает он свою статью, как всегда, с цитаты: «Вот что пишет английский специалист Хофстеттер в своей книге «Скотленд-Ярд-72»: «В настоящее время имеется подтвержденное статистическими данными мнение, что преступник в 60% случаев так или иначе остается на свободе, избегает ареста. Это, безусловно, говорит о недостаточно эффективной работе полиции, низком коэффициенте ее полезного действия. Но если даже преступник задержан, то у него всегда есть не менее 40% шансов быть оправданным, благодаря архаичной судебной системе». «Понятно,— продолжает Дор,— что уж коль скоро полицейские задерживают преступников, им бы хотелось, чтобы эти преступники несли суровое наказание. И, видя, что этого

не происходит, они берут на себя функции карающей руки и совершают самое страшное для государственных органов преступление — вершат самосуд! Отсюда рукой подать до гитлеровских эсэсовцев или тон-тон-макутов Дювалье». И дальше Дор, как хирург, врезается все глубже в «феномен самоуправства» (какое слово придумал!), воссоздает историю «Черного эскадрона», приводит кучу примеров, которые раздобыл покойный Карвен. Потом начинает заниматься предсказаниями: мол, увидите, «Черный эскадрон» превратится в «орудие господствующего класса», в «орудие террора, направленного против прогрессивной общественности», в «орудие ликвидации гражданских свобод и прав человека»...

И пошел, и пошел...

Вот такая бомба.

Днем все газеты эту статью перепечатали, радио и телевидение передало. Шум-гам! Разговоров! И конечно, легкая паника в наших рядах.

Начальник всех собирает и произносит речь:

— В этот трудный час,— говорит он и смотрит на нас так, словно выступает на собственных похоронах,— мы должны соблюдать особую выдержку, дисциплину! Подрывные элементы (без этих подрывных элементов он не может обойтись) начали наступление на самый оплот государства, на его карательные органы, на нас, на полицию. Нас обвиняют в гнуснейшем преступлении — самовольных поступках! Но вы лучше, чем кто-либо, знаете, что это ложь. Вот американские юристы выдвигают формулу «мятеж полиции», она убедительно обосновывает, почему мы имеем право, хм... ну... в общем, иногда... немного... так сказать, дать себе волю. «Полицейские тоже люди»,— говорят они, разве это не правда? Мы даже не просто люди, мы лучшие друзья людей...— Он замолкает, сообразив, что сказал что-то не то, потом продолжает: — Словом, вы меня поняли — у американских юристов есть твердая доктрина — «полиция имеет право на войну», то есть полицейское насилие, конечно, зло, но зло неистребимое, и с ним следует смириться. Один из префектов Парижа сказал как-то, что «каждый молодой человек «для полноты воспитания» должен быть избит полицией»! Ясно? И я с ним полностью согласен! — выкрикивает начальник и тут же добавляет: — Но это я вам говорю. Дору я, разумеется, этого не скажу, ха-ха!

Он обводит нас требовательным взглядом, мы подобострастно хихикаем, улыбаемся, а главные подхалимы, вроде моего Гонсалеса, хватаются за животы от смеха.

Только Джон-маленький что-то бормочет себе под нос. (Между прочим, я его потом спросил, что́ именно. Он посмотрел на меня дерзко и говорит: «У русских был писатель, Горький, не знаете? Так вот он однажды высказал такой афоризм: «Жаж-

дешь свободы? Иди служить в полицию. Жаждешь абсолютной свободы? Поступи в агенты охранного отделения». Так в царской России называлась служба безопасности». А? Каков? Ох, этот Джон-маленький, дождется он когда-нибудь...)

Действительно, мы чувствуем себя свободней, чем другие граждане (фу, черт! Начинаю цитировать Джона-маленького, а точнее, того русского писателя!). Но это мы сами знаем. А для других мы все теснимся в жестких рамках «солдат спасения».

Короче, долго накачивал нас начальник: чтобы некоторое время вели себя потише, не стреляли направо и налево и во время разгона демонстраций проламывали не сто голов, а не больше девяноста.

После совещания выходим с О'Нилом. Он говорит:

— Дору шею свернем. На той неделе. Надо связаться с Высоким чином.

Он с ним связывается, а потом ходит мрачный. И молчит. Сначала я ничего не мог понять. Потом Высокий чин срочно вызвал нас на свидание. Видимо, боялся, что О'Нил его не послушает и сам свернет шею Дору.

— Ты пойми,— втолковывал он нахохлившемуся О'Нилу,— нельзя сейчас его трогать. Он же выступил с разоблачением нашей организации и, будем откровенны, нанес нам сильный удар. Мы, если хочешь знать, временно сворачиваем свою деятельность против преступников, надо переждать...

— Но ведь Карвена...— пытается возразить О'Нил.

— Карвена ликвидировал «Черный эскадрон» до того, как стало известно, кто мы и что. И еще вопрос, кто и за что его убрал. На него многие нож точили. Есть разные версии. А Дор выступил конкретно против нас. Только «Черный эскадрон» мог его ликвидировать. Убьешь его, и тут такое поднимется! Ага! Убили, отомстили! Все ясно, Дор был прав. Все, что он написал, истина. Понимаешь или нет? Нам не то что трогать его сейчас нельзя, нам его охранять надо. А то еще уголовники пристукнут, чтобы потом на нас свалить. Так что ни-ни! Дор неприкосновенен. И это приказ, понял, О'Нил? Смотри! — Потом, смягчившись, добавляет: — Не беспокойся, его час придет. Мы ничего не забываем.

Все это «дело журналистов», как его окрестили газеты, вышло нам боком. Затаились мы. Между прочим, уголовнички быстро этим воспользовались и осмелели.

Я уж дальше вам повествовать не буду. Скажу только, что газеты, радио, телевидение еще долго шумели и то и дело вспоминали про «черные дела» «Черного эскадрона» (даже тогда, когда мы были ни при чем).

Постепенно все вошло в колею. Опять стали разгонять демонстрантов, пристреливать ввиду «необходимой самообо-

роны» преступнников, а то и охотиться за иимн (только иаш знак не оставляли). Выжидалн.

Дело в том, что наступали выборы. Левые эти самые усилнлись, народ их стал поддерживать, так что «верхушка» наша слегка закачалась, нет, не очень, слегка. А сменится «верхушка», смеиитсяшеф — полетит наш начальник... И что с нами будет, иеизвестио. «Помните, как в Чилн вначале было илн в Португалии? — озабоченно каркает Гоисалес,— ох, трудиые времена идут, трудиые. Что бывает хуже плохого? Очеиь плохое; вот». Он так обеспокоен, что даже не смеется над своимн дурацкими поговорками.

Так, коиечио, продолжаться не может. Что-то должио произойти. Знаете, как когда нависает туча, все ходят, словно на них мешки погрузилн, дышат как рыбы на берегу. Но в конце коицов, гроза все же разражается, и всем становится легче (кроме тех, в кого ударяет молиия, но тут уж ннчего не поделаешь — ие надо высовываться...).

Глава VII. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

Если бы я рассказал вам о своей работе все, то пришлось бы ставить на полки тома числом ие меньше, чем в Британской энцнклопедии. Вы учтите, что каждая пухлая папка (ее так и иазывают «том») дела, даже если аукнется однмм листком для сотрудника криминальной полиции, который в расследоваинн этого дела участвовал, то ои за мой год службы целое собраиие сочиеиий издаст. Просто я вам о всякой ерунде не рассказываю, и вы, наверное, воображаете, что, придя на работу, мы там целый деиь режемся в карты или идем в соседний бар пить пиво. Да? Вы так думаете? Призиайтесь. Ах иет? Значит, совесть у вас все-таки есть. Вы своего налогового ниспектора не каждый раз обманываете? Ну, молодцы.

Так вот, могу вам доложить, что трудимся мы ие покладая рук, а вериее, ног.

Ну, хоть такой день.

Во дворе дома находят убитого. Не просто убитого, а предварительио зверски избитого. Утром. Экспертиза устанавливает, что убийство произошло где-то между полуиочью н часом и именно там, где нашли тело. Что мы делаем? Правильно, иачинаем выяснять, кто покойник, поскольку, как вы догадалнсь, иикаких документов (а заодно и денег) у него ие обиаружено. И еще ищем свндетелей.

О'Нил с Джоном-маленьким осуществляют первую операцию и пусть сами вам расскажут, как это делают. Мы с Гонсалесом — вторую.

Дом большой — девять этажей, пять подъездов, по четыре

квартнры на этаже. Считать умеете? Сколько получается? Верно, сто восемьдесят квартнр. По девяносто иа нос, поскольку нас двое: Сорок пять отбрасываем, их окиа выходят иа улицу, а не во двор, еще штук пять пустуют. Но сорок-то квартнр надо обойти. Иногда следует поинтересоваться н другнмн квартнрами, может, кто двором поздно возвращался...

Вот тут-то начинается самое делнкатное. Вы, конечно как медведн, ломилнсь бы в каждую квартнру. Черта с два! Надо знать, с кем нмеешь дело. Конечно, еслн квартал бедный, дом старый, жильцы пролетарни, мы особеино не церемонимся. Что ночью, что на заре звоннм в дверь, смотрнм на открывшего (или открывшую) таким зловещнм взглядом, словно мы уже знаем, что именно ои (нли она) убнйца.

Людн робеют. Они-то знают, что ие виновны, но иадо еще нас в этом убедить, а удастся лн? Испуганно, кто угодлнво, кто растерянио, приглашают в свою небогатую берлогу, накндывают на белье (мы ведь нх разбудилн) старенькие пальто, цыкают на детей, подставляют нам продавлеиные стулья...

К делу это, конечно, ие относнтся, ио хотите знать? Ннчего нет хуже бедиостн! И противней. Иногда (ио это уж совсем между намн) я понимаю воров нли там грабнтелей. Не всех, конечно, не тех, у кого мнллноны, а оин еще баик потрошат на мнллионы, а тех, у кого жрать иечего, кто какой год ходит без работы, у кого дома полдюжины ртов иекормленых илн старуха мать в больннце (где по двадцать, а то н по сто монет в день надо платнть). А рядом дворец, где двести комиат, и краны в ваниых из золота, н яхта с комаидой в пятьдесят человек, н «каднллак» с бампером нз серебра, и самолет лнчный реактивный. И все у одного человека. Который, между прочнм, тоже безработный, бедняга, потому что за иего на его заводах, шахтах, железных дорогах десяткн тысяч человек работают (н радуются, что нмеют работу). Вот тогда тот бедняк ндет воровать, и я его понимаю (между прочим, тех, кто банки потрошат, чтоб свои мнллноиы удвоить, я, грешным делом, тоже понимаю, но, заметьте, осуждаю).

Ну, да ладно. Начинаем допрашивать, кто что вндел, слышал... И ннчего, как правнло не узнаем. Дело в том, что людн эти, что в нашем обществе на самом низу стоят, на подножке, всего боятся. Онн по опыту знают, что ннчего хорошего от полицни нм ждать не прнходнтся и стараются, даже еслн что и вндела, от всего откреститься. И потом, не хочу людей обижать, конечно, но иногда мне кажется, что онн испытывают злорадство — пусть, пусть этн полицейские ищейкн побегают, так им! Хоть этнм отомстнм за то, чего от них натерпелись (ну, не от нас, так от муннципалнтета, домохозяина, хозянна на работе — словом, от начальннков, от всех, от кого завнсят, а завнсят-то онн от всех).

Так что свидетели они трудные. Неблагодарные свидетели. А что вы хотите?

Еще труднее, если в доме (не в таком, разумеется, как этот) живут сильные мира сего. Иной раз выходит к вам дворецкий и сообщает, что «господин (госпожа) занят», «отдыхает», «играет в теннис», «смотрит фильм» (в своем домашнем кинозале) и т. д. Если настаивать, они звонят куда-то, и ты получаешь нахлобучку от начальства. Для них полицейский, пришедший делать свою работу, вроде попрошайки или продавца пылесосов. Пусть заходит с черного хода и ждет на кухне. В лучшем случае разрешают поговорить с прислугой...

Легче всего иметь дело со «средним слоем», с буржуа. Те уважают полицию, поскольку считают, что мы их защищаем; а главное, обожают всякие сенсации, сплетни, пикантные ситуации и еще хотят оказаться на виду (вдруг о них напишут в газете или поместят их фото). К сожалению, они еще больше дают интервью репортерам, чем полиции. И, что хуже, фантазия их не знает границ... Кроме того, не бывает, чтобы хоть у двоих совпадали показания...

Дом, во дворе которого произошло убийство, населен разным народом, но больше неимущими. Начинаю свой поход с первого подъезда...

Скажу сразу: поход ничего не дает. Зато сколько интересных и неожиданных встреч! Хотите, расскажу?

На первом этаже я звоню в дверь чуть не полчаса, кричу: «Полиция!», стучу и, только пригрозив, что буду стрелять в замок, слышу, как поворачивается ключ. В передней меня ждет вся семья — мужчина, ростом мне до пояса, в руке кухонный нож, женщина, растрепанная, глаза ввалились, худая, изможденная, старуха и четверо ребятишек. И что б вы думали? У старшего карапуза — ему лет восемь — в ручонке тоже нож, правда, не кухонный, а перочинный.

— Мы не выедем! Лучше уходите! Я за себя не ручаюсь! — кричит мужчина (а крик-то как мышиный писк) и неловко размахивает ножом (так недолго и по своей семье попасть).

— Пожалуйста, уйдите, не трогайте нас,— причитает женщина,— мы все заплатим, все, у него будет работа, ему обещали, я клянусь вам, но куда нам сейчас, младшая вот больна, мы все заплатим, ему обещали...

Она бормочет тихим голосом, монотонно, без выражения. Видно, что уже дошла до ручки.

Младшие дети не ревут, а как-то не по-детски молча плачут, я таких раньше не видел. Но больше всего меня поразил старший — у него в глазах такая взрослая, что ли, ненависть, что мне делается не по себе, и ножичек свой малюсенький он сжимает, аж пальцы побелели (пальцы-то как спички).

Ну, что они мне могут рассказать? Что такие могли видеть? Да я уверен, что этот мужчина позавидовал бы моему убитому черной завистью — у того больше нет заботы, тому не надо беспокоиться, как семью прокормить, где работу найти, как вообще жить. У мертвых-то забот не бывает...

Я быстро ретируюсь и звоню в следующую квартиру. Не успеваю задать первый вопрос, как уже понимаю, что здесь задерживаться тоже нечего. Семья — три человека, муж, жена, взрослая дочка. Словно они в одном хоре поют, в один голос: «Нет, не видели, не слышали, не знаем, не заметили, не интересовались, спали...»

Потом все начинается сначала: «Не видели, не слышали...»

Новые этажи, новые квартиры, новые люди, а результат тот же, даже когда попадается кто-то, кто готов «помочь».

Вот этот небритый, грязный тип на четвертом этаже, явно склонный к алкоголю, если учесть количество пустых бутылок из-под дешевого вина, которыми обставлена его квартирка (больше ничем):

— Это Хабиб, араб с верхнего этажа,— шепчет он мне в ухо и обдает таким ароматом, что хоть содовой разбавляй.— Я вам точно говорю, его когда четвертый раз избили, он поклялся, что раньше, чем его из страны вышлют, он десяток белых прикончит. Я вам точно говорю, это Хабиб, не упустите его! Подонок! Никогда гроша не одолжит, бывает, знаете, ну, не хватает там немного на стаканчик, попросишь до понедельника. Никогда не даст! «Мне самому, говорит, нужно, у меня дома семья — десять человек». Слышите — десять человек! Где-то, в Алжире или не знаю где. Вот бы и сидел там, нет, сюда приехал, работу у честных людей отнимать. Я вам точно говорю, это Хабиб...

Опять эти истории с иностранными рабочими. Не удивлюсь, если мой пьянчужка шел в рядах той демонстрации, что мы защищали.

Странная штука! Вот приезжают к нам в страну эти негры или арабы, дома с голоду мрут, здесь за полцены работают, конечно, хозяева предпочитают их нанимать, нашим и платить больше надо, и профсоюзы у них забастовку, того гляди, устроят. А цветные да черные... Какая там забастовка, они готовы по двадцать пять часов в сутки работать. Так что я понимаю наших, которые хотят их из страны выкинуть, но вы мне вот что объясните: почему избивают, убивают их, требуют высылки как раз те, кто имеет работу и вообще неплохо устроен, вроде молодчиков из тогдашней демонстрации, а кто победней, простой народ, выходит на контрдемонстрацию? Им что, меньше надо? Им работа не нужна? Нет? Не пойму, может, еще есть что-то, что людей связывает, что черных, что белых, что желтых? Не только монеты?

Добрался я до этого Хабиба. Ои на самой верхотуре живет. Там три комиаты, в каждой жнлец, ванной иет, а туалет на лестнице, площадкой ниже. Думал, попаду в какие-ннбудь его африканские джуигли. Ннчего подобного: аккуратиая комнатеика, все чисто прибраио, на стеие его одежка вcase (шкафа-то иет), небогатая одежка, ио тоже чистая. А над кроватью фотография приколота — женщнна чериая, молодая, красивая и куча ребятншек, мал мала меньше. И когда успела иарожать?

Хабиб этот самый вроде бы молодой. Смотрит на меия обречению. Ои, навериое, из тех, кто зараиее согласен со всем, чем его судьба по башке шарахает. Посмотрел иа меия тоскливо, вздохиул, отложил какую-то плошку с овощами — небогатый обед свой — н стал куртку иатягнвать.

Я говорю:

— Ты куда?

Ои смотрит, ие поиимает.

— Я тебя не забирать пришел,— говорю,— спроснть кое-что хочу.

Ои так и сел на кровать — в глазах такое выражение, словно ои в лотерею миллиои выиграл.

Очень огорчился, что помочь не смог, старался изо всех снл, морщил лоб, жмурился. И очеиь виноватым себя чувствовал. Все смотрел, не обидел ли ои меия. Понимаете? Он, ни в чем не виноватый, считал, что я прямо-таки великое добро ему сделал, ие арестовав, а ои, мол, иичем отплатнть не смог! Как же так!

Если человека ие за что в тюрьму тащить, то иикто и не имеет права этого делать, ему просто в голову ие приходит. Вот люди...

Ну, ладио. Коичил я свой обход, встретились с Гонсалесом виизу. Чешем затылкн, что дальше делать? Идем к машиие, звоиим дежуриому, тот ворчит:

— Долго вы там будете болтаться? Я вас уже полчаса вызываю, возвращайтесь. Нашлн убийцу...

Возвращаемся. Выясняется следующее. О'Нилу и Джоиумалеиькому повезло. Убитого опознали по иашей картотеке, оказался подпольиым букмекером, собнрал ставки для скакового тотализатора. Такие букмекеры жутко честиые. Ты им даешь деньги, иазываешь лошадь или еще чего, там разиые пари заключаются. Выиграл, на том же месте — в каком-ибудь баре захолустном, в парке, а то и в общественной уборной — получай свой выигрыш. Никаких записей, расписок, все иа доверии. На этом его коммерция и держится. Но расплачиваться-то ои приходит с деньгами. Вот и бывает, что кто-нибудь из счастливчиков рассуждает: а почему бы мие ие прихватить выигрыш и других счастливчиков? Так что убитых букмекеров

мы за год находим, что тараканов после травли в бакалейиой лавке. Что поделаешь, у каждой профессии свой риск...

Убитый был мелкой сошкой, и клиенты у него были такие же. Так что конец его вполне закономерный. О'Нил покопался в картотеке, выяснил, что парень этот принимал свои пари в небольшом дешевом баре, где собиралась всякая шантрапа, разыскал с помощью коллег парочку осведомителей, те назвали парочку клиентов покойного букмекера. О'Нил отправился по адресам. Первого не застал, а второго обнаружил у одной женщины (с которой, по его словам, он провел ночь) неважной репутации. О'Нил — человек, как вы уже поняли, решительный и терпеть не может лишней работы. Чего гоняться за другими клиентами этого букмекера, когда вот есть один в наличии. Букмекер-то не был светлой личностью, а уж его клиенты и подавно. Зачем церемониться? Даже если не этот его пришил, то наверняка за ним другие грехи числятся, так какая разница? Словом, О'Нил привез того парня и женщину в управление, спустился с ними в подвал, в камеры (есть у нас такие для предварительного заключения, иногда для допросов, удобств там маловато, зато звукоизоляция великолепная). Часа три допрашивал задержанного, и, представьте, признался-таки, подлец!

Правда, толком, как убивал, рассказать не мог, но это от волнения. О'Нил ему все растолковал, протокол написал, и задержанный все подписал. После чего его отправили в тюремную больницу: он после допроса поскользнулся, упал на лестнице и так разбился, что сам ходить уже не мог. И что интересно, та женщина, которая его изобличила, поскольку вспомнила, что ночь он у нее не проводил, тоже поскользнулась и тоже сильно разбилась. Есть же неуклюжие люди на свете! Но домой все же сама добралась, уж очень торопилась покинуть нашу уважаемую контору.

...Таких дел у нас тысячи.

И рассказал я вам все это для примера.

Речь-то о другом.

На следующий день после успешного завершения операции с букмекером О'Нил позвонил мне поздно вечером (я уже в постель лег) и сказал, что хочет познакомить меня с «интересной блондинкой». Это у нас код: «интересная блондинка» — тот Высокий чин, который руководит нашей группой «Черный эскадрон». Ну, вы знаете, я о нем уже рассказывал.

«Дело срочное, торопит О'Нил, блондинка ждать не может». Ворча на эту нетерпеливую даму, я снова оделся и поехал «на любовное свидание».

Высокий чин озабочен, нервничает, чувствуется — дело серьезное. Мы с О'Нилом слушаем внимательно. На этот раз нас всего двое.

— Чем меньше народу,— говорит Высокий чин,— будет об

этой акции знать, тем лучше. Крупная дичь. Очень крупная. Учтите. Работать надо не просто в перчатках, в резиновых, в хирургических.

И он объясняет, в чем дело. В страну прибывает король наркотического бизнеса. Закоренелый негодяй, связи у него огромные, и хотя список его преступлений длинней, чем окружность Земли по экватору, но связи такие могущественные, что предавать его суду так же бесполезно, как американского президента.

Поэтому задача такая: из аэропорта он едет в отель, так вот, нельзя дать ему доехать до отеля. Необходимо остановить его по дороге, официально предъявить удостоверения и без шума увезти, якобы для уточнения личности. Увезти в определенное место и передать тем, кто будет ждать. Зовут этого крупнейшего преступника Бер Банка. Нужна всемерная осторожность. Ни малейшей ошибки. Самолет приходит в двенадцать дня.

Он показывает нам фотографию. Араб. Средних лет. Лицо незаурядное — сразу можно запомнить.

Наутро, после очередной накачки, простите, оперативки, на которой начальник долго и нудно, как всегда, морочит нам голову проблемами преступности в космическом масштабе, мы с О'Нилом срываемся под предлогом обязательного ежегодного медицинского осмотра.

Мчимся на аэродром.

Приезжаем только-только и сразу узнаем на выходе нашу крупную дичь.

Первая накладка — его встречают. Двое здоровых парней и щуплый молодой человек в очках. Все арабы. Дело плохо — здоровяки явно телохранители. С такими шутки плохи.

О'Нил находит выход: он бросается в комнату аэродромной полиции, о чем-то шепчется там. Я вижу, как к здоровякам подходят двое в форме и после горячего спора уводят с собой. У них будут проверять документы, пока мы не уедем. Конечно, есть опасность, что Бер Банка и дистрофик в очках станут дожидаться своих ангелов-хранителей. Но все устраивается. Посовещавшись, они садятся в машину — здоровенный «ситроен» — и шпарят в город. Мы еле успеваем за ними. На шоссе, где мы хотели их перехватить, нам их догнать не удается. Слава богу, в городе движение такое, что все машины еле плетутся. Нарушая правила, по резервной полосе, отведенной городскому транспорту, обгоняем их и за две улицы до отеля (где, как мы знаем, Бер Банка заказан номер) прижимаем «ситроен» к тротуару.

Мы подходим осторожно: вдруг начнут стрелять. Но араб спокойно предъявляет свой паспорт. И тут новый сюрприз —

паспорт дипломатический! Да, видать, связи у иего огромнейшие. Но мы настаиваем на своем, требуем следовать за иами. Предъявляем полицейские удостоверения. Тогда молодой человек в очках вылезает из машины, выиимает ручку и начииает переписывать данные иаших удостоверений. Это было бы катастрофой. Но Высокий чин такой вариант предусмотрел. Накануне он вручил нам удостоверения на другое имя. Я превратился в главного иииспектора, О'Нил даже в комиссара (иомер на нашей машиие мы тоже замеиили). Молодой человек внимательно разглядывает удостоверения, сравнивает фото с нашими физиономиями, начинает что-то говорить о дипломатической иеприкосновеиности, о вызове консула и т. д.

Нам все это надоедает, да и народ начииает собираться. Я заталкиваю этого Бер Банка в нашу машиину, О'Нил — дистрофика в «ситроен», и мы разъезжаемся.

Через полчаса в укромном лесу за городом мы передаем нашего задержанного кому положено. (А положено четырем мрачного вида типам — наши товарищи из «Черного эскадрона» или ребята из спецподразделений?.. В общем, это не наше дело, в таких случаях чем меньше будешь знать, как говорится, тем дольше проживешь.)

Возвращаемся домой. Меняем номер машины на настоящий, сжигаем, как велел Высокий чин, подложные удостовереиия, спешим в госпиталь на обследование, оттуда на службу. К счастью, нас никто ие спрашивал, дел нет, Джон-маленький и Гоисалес помирают от скуки. Мы долго и шумно возмущаемся порядками в госпитале, где приходится тратить чуть ие целый деиь на никому не нужное обследоваиие. Потом бежим перекусить — мы ведь ие обедали, а вот это, по сравнению со всем остальным, настоящая беда.

Ночью долго не могу уснуть. Все вспоминаю нашу акцию. Да, дичь, этот Бер Банка, действительио крупная. Я об этом сужу не только по его телохранителям, машине, диппаспорту, а по его виду. Что-то в ием есть благородное, я бы даже сказал, величественное. Чувствуется, что человек незаурядный, ничего не скажешь. Я еще таких бандитов не встречал. Но, может, очень крупные бандиты и должны быть похожи на президентов, министров, директоров банков? (Между нами говоря, по крайней мере у нас в стране, они и делами друг от друга не очень отличаются.) Молодцы мы, «черноэскадронцы», не только по мелким гангстерам работаем, но и вон каких «боссов» хватаем. Только почему его сразу ие ликвидировать? Наверное, из-за тех самых связей. А может, хотят нз него выбить разные сведеиия: сообщников, перевалочные пункты, склады базового сырья... Засыпаю поздно. Просыпаюсь рано. Невыспавшимся. Но раз проснулся, так просиулся. Занимаюсь гимнастикой, лезу под душ, одеваюсь. Выхожу пораньше, захожу выпить кофе в со-

среднее кафе, беру со стойки утреннюю газету, разворачиваю и... чуть не захлебываюсь кофе, хотя он не очень горячий.

Прямо на меня с первой полосы смотрит огромная фотография Бер Банки! Огромнейшая! И заголовок во всю газету: «Похищен лидер оппозиционной партии...»

Впиваюсь в репортаж, словно там содержатся советы, как стать миллионером.

Выясняется, что в некоем арабском государстве, которое пинком под одно место выкинуло, как они выражаются, «колонизаторов», то есть нас (ну, как англичан, французов, португальцев, чем мы хуже?), сложилась хитрая ситуация. Выкинуть-то выкинули, так сказать, официально, то есть это уже не наша колония. Но разные фабрики, плантации, рестораны, отели, принадлежавшие моим небедным соотечественникам, которые качали оттуда будь здоров деньжат, остались на месте, а хозяев выслали. Они, конечно, в ярости, требуют компенсации, возврата имущества. И пришедшие там, в этом арабском государстве, к власти руководители в растерянности — возвращать не возвращать, экспроприировать не экспроприировать? Справятся ли со всем этим хозяйством сами? Не наживут ли беды? Словом, идут там в их парламенте дебаты. И вот этот Бер Банка — главный противник оставлять все, как было. Гнать в шею иностранных хозяйчиков, забрать их недвижимость, как «украденную у народа» (он, значит, тоже против «иностранных работяг» у себя в стране, разница только в том, что «работяги» эти — миллионеры и работают на них местные бедолаги. Интересно получается, оказывается, миллионеры разных стран вроде бы жители одной страны, и бедолаги разных стран — другой, вот и разберись, где тут «национальные границы»!).

Но у богатых свои какие-то сложные игры, и, оказывается, у нас в стране есть среди них те, для кого «выкинутые» — конкуренты. И если они разорятся в результате экспроприации, то надо бежать в церковь ставить свечку.

Поэтому они в нашей стране поддерживают Бер Банка. Вот такой кавардак, прямо голова кругом идет! Бер Банка приехал, если верить газете, «провести переговоры с сочувствующими кругами и найти поддержку». Но «выкинутых» это не устраивает, а поскольку в нашей стране у них связей тоже хватает, они этого Бер Банка тихо похищают и ликвидируют.

Встает вопрос — мы-то при чем? «Черный эскадрон» воюет с уголовными преступниками и политикой не занимается, вопреки предсказаниям Дора. Хотя... Теперь, как я вижу...

В статье сказано, что похищение осуществили представители полиции, приведены все данные наших фальшивых удостоверений — их сообщил, конечно, тот дистрофик — очкарик.

Вот такие дела. Долго сижу, перечитываю газету. Это пока

только сообщение. Представляю, какой теперь начнется шум! Не спеша иду на работу, вхожу в кабинет. Наши все там. О'Нил молчит еще крепче, чем обычно. Джон-маленький возмущается, что какие-то политические интриганы и газетчики пытаются втянуть честную полицию в грязную провокацию.

Гонсалес вопит:

— Негодяи, им бы все свалить на полицию! Мы их охраняем, оберегаем, так на нас же все валят! То не тех разгоняем, то не тех сажаем. А теперь, оказывается, мы еще каких-то заграничных дипломатов, или кто он там, воруем! Черт знает что! «Полиция, как говорил Наполеон, это мусорная метла общества...»

— Наполеон так никогда не говорил,— вмешивается этот педант, Джон-маленький.

— Неважно,— отмахивается Гонсалес,— не говорил, так мог сказать. Мы кто? Мы «ассенизаторы и водовозы», говорил Наполеон...

— Наполеон так не говорил,— снова влезает Джон-маленький.

Но Гонсалес продолжает:

— Вот, я помню, был случай...— далее следует один из его бесконечных рассказов, которые никто не в состоянии дослушать до конца.

После работы идем домой пешком — я и О'Нил. Молчим. Наконец я не выдерживаю и спрашиваю:

— Ну, что скажешь?

Он пожимает плечами, этот болтун.

— Могли бы хоть нас предупредить. Мало ли что! А то — «король наркотиков»!

А куда делся Высокий чин? Мог бы позвонить. Но в общем-то, все ясно — выжидает, все ли обойдется, не выйдут ли на нас? Когда убедится, что опасаться нечего, сам объявится. Никуда не денется.

Но он долго не дает о себе знать. В газетах поднят такой шум, словно похитили не какого-нибудь там зулуса, а кинозвезду. Все всех обвиняют, мечут друг в друга гром и молнии, задаются вопросом, кто похитители, куда дели Бер Банка. К счастью, про «Черный эскадрон» не упоминают, даже про Дора с его разоблачениями забыли, тем лучше.

Между тем мы под тихую свое дело продолжаем.

Время от времени где-то в пустынных уголках находят трупы преступников или подозреваемых в том, что они преступники.

И вот здесь на безоблачном небе нашей деятельности появляется тучка. Собственно, она не появляется, а разрастается. Это Джон-маленький. Чем ближе окончание срока его стажировки, а следовательно, повышение в чине, тем увереннее он себя чувствует, тем тверже отстаивает свою точку зрения.

А точка зрения у него не всегда совпадает с нашей. Для Джона-маленького существует один бог — закон н его апостолы — всякие там инструкцнн н указаиня. И так же, как недопустнмо обмануть господа, так нельзя н нарушать закоиы. Такие общепринятые нстнны, как «цель оправдывает средства», «с преступником поступай преступно», «око за око, зуб за зуб», которыми мы объясняем друг другу нашн действия, для этого святого не существуют. Для людей приходится иной раз покривить душой, разыграть маленький спектакль, кое-что представить в ином свете. Тут уж ничего не поделаешь. Ведь все эти крикуны и заиуды, которых убнвают, грабят и насилуют, жаждут крови преступников, но в то же время требуют соблюдення закона! С чего бы? Хотите, я вам объясню? Да потому, что где-то в тайниках души онн не зарекаются сами оказаться в шкуре преступнннков, ну, может, не убийц и насильников, а скажем, махинаторов, растратчнков, неплательщнков налогов, короче, авторов, как мы выражаемся, «протнвоправных деяиий». Вот тут-то онн н не хотят, чтобы их вешали, гильотинировали, сажали на электрический стул нли прнстреливали во время арестов. Э, нет! Тут все должно быть по закоиу. Штраф там, небольшой срок, адвокаты-спасители...

Так что, уж извините, если мы управляемся сами. Не надо только нам мешать.

Еще понятно, если мешает какой-нибудь закоиопослушный дурак, или трусливый судья, илн лентяй-прокурор. Но когда наш же товарнщ, полнцейский — это уж нникуда не годится!

Идешь на обыск — берн ордер, допрашиваешь — пальцем не тронь, вынул пнстолет — давай предупредительный выстрел... Еслн б мы все так действовали, то нз любой полицейской операцин преступники устраивали бы себе вечера смеха.

Так как быть? Посоветовалнсь н решнлн, что я с ним поговорю. Гоисалес для Джона-маленького не авторнтет — он считает его старым болтуном (в чем, в общем-то, прав), с О'Нилом у них отиошеиия натяиутые, да н какой О'Ннл собеседник! Остаюсь я.

И, пригласив моего тезку как-то в ресторанчнк (за свой счет я заказываю скромный ужнн, но солидную выпивку), начинаю делнкатиый разговор.

— Слушай, Джон,— говорю я тонко,— тебе что, больше всех надо?

Ои удивлениo смотрит на меня. Я разъясняю.

— Мы где работаем? В полиции. Мы нмеем дело с подонками и мерзавцамн. Нас убнвают, калечат, нам мало платят, а газеты поливают иас помоями. Преступники, если им повезет, купаются в деньгах, жнвут в камерах с телевизорами и холодильинками и пишут мемуары. А ты их защищаешь!

— Я? — Он таращит глаза.

— А кто же? Ну, попортнлн мы кому-то фнзиономню во время допроса, ну, прнстрелнлн парочку сгоряча. Так ведь это все для пользы дела. Закон есть закои, мы все его уважаем, но нельзя же без конца заннматься всей этой формалнстикой. Если соблюдать все правнла уголовного кодекса, некогда будет ловнть гангстеров.

— А еслн не соблюдать,— прнходнт, наконец, в себя н начннает петушнться Джон-малеинькнй,— так можно отправнть на кладбнще и за решетку полстраны.

— Ну н что,— говорю (тут даю промашку),— нас-то не отправят...

— Ах, вот как ты рассуждаешь! Кто прав, кто внноват, значнт, полнцейскне будут определять? Не нужиы нн прокуратура, нн суд, нн прнсяжиые, нн кодексы, ничего... Вот украли у господнна Икс машниу, приходит Леруа н говорит: украл Игрек. Игрека хватают н сажают в тюрьму. Так, по-твоему?

— Ну, ие так, конечно,— стараюсь исправнть оплошность,— но нам-то лучше вндио...

— Что вам, то есть нам (поправляется все-такн), вндно? Кому больше в карман сунут, тому меньше н видно.

— Ну, знаешь! — теперь я начннаю кнпятнться (терпеть не могу, когда тот, с кем я спорю, прав).— Конечно, есть н средн иас не ангелы, уроды всюду есть. Хорошо, у тебя вот такой характер, у другнх — другой. Так ие мешай нм жнть.

— Нет уж! — смотрн-ка, завелся Джон-малеинькнй, раньше за инм такого не замечал.— Нет уж! И знаешь, что я тебе скажу. Я вот подожду-подожду, а потом напишу рапорт об о'ннловскнх делншках, пусть не считает меия за дурачка!

— Смотрн,— говорю с угрозой,— как бы ты не подавился свонм рапортом. Учти, когда офнцер шагает правой, а рота левой, значит, рота не умеет ходнть, а когда н офицер и рота с правой ндут и только одни паршивый новобранец с левой, то на него быстро управу найдут!

— Ну, что ж, посмотрнм.— Джон-маленькнй встает н смотрит на меня с сожалением.— Я-то думал, хоть ты настоящнй парень. А оказывается... Ладно, ты еще увндишь, кто прав. Не может в нашей стране не восторжествовать справедлнвость! — н ои уходнт. (Ах, ах, где это он так краснво научнлся говорнть?)

Не вышел разговор. Я сам внноват, ие с того конца подошел. Надо было деликатио, конечно, объяснить ему, намекиуть, словом, что с нашей службы можно кое-что иметь. Это, знаете лн, такой аргумеит, перед которым пока иикто устоять не может.

Рассказываю о разговоре О'Ннлу. Тот, конечно, становится пунцовым.

— Рапорт? — шипнт.— Пусть подает. Даже лучше, чтобы подал. Ему тогда все ясно станет...

Не знаю, как для других, но для меня этн слова моего друга звучат туманно. Туманно, но зловеще.

Живем, служим.

И вдруг объявляется наш исчезнувший неофициальный шеф. Высокий чин. Он вызывает нас по телефоиу уже в другой, но такой же занюханный ресторанчик и начинает разговор как нн в чем не бывало, словно не было той акции с Бер Банка, когда он нас обманул, и всех последующих событий. Он не дает себе труда что-лнбо объяснить, оправдаться, а главное, мы-то хороши — хоть однн бы вопрос ему задалн. Сндим как пай-мальчики, вннмательно слушаем.

— Вы, наверное, чнтаете в газетах, что нной раз бесследно исчезают враги порядка и государства,— важно разглагольствует.— Это преступники почище любого убийцы и гангстера. И справляться с нимн законным путем потрудней. Тут такой шум поднимется, не дай бог. Могут поставить в парламенте вопрос о доверии. Могут мнннстру юстицин, а то н премьеру разные дурацкие вопросы задать. Вы знаете, как мы других обвиняем в нарушении прав человека, и вдруг сами... Не годится. А так исчез тихо человек. Ну, тоже, конечно, пошумят, ио конкретных виновников-то нет. Будут друг на друга валить — белые на черных, черные иа белых, левые на правых, правые на левых... Поди разберись. Поручать такие дела можно только высококвалифицированным профессионалам и к тому же абсолютно надежиым. Как вы! Мы вам верим (кто «мы», интересио?).

Он еще долго иас накручнвает. Потом переходит к делу.

Неподалеку от столнцы должен состояться какой-то митинг, созываемый коммуннстнческой партией. На нем ожндается выступление трех ораторов, рабочнх лидеров. Известно, что они будут призывать ко всеобщей забастовке. Правые газеты уже ругают этот будущнй митинг, а те правые органнзацин, которые еще правее правых, даже грозятся.

Вот этн трое ораторов на мнтннге выступить не должны.

Одним нз ннх, металлистом, займемся мы с О'Ннлом н он, Высокий чнн (какая от него помощь, мы уже знаем, так что придется действовать вдвоем), шахтером н докером займутся другие.

Дело очеиь трудное. Металлисты не лидеры оппозицин, нх защнщают ие профессиональные детективы, а такие же рабочие. Но я бы предпочел иметь дело с первыми, нежели со вторымн. Зато рабочне будут считаться с офнциальными представнтелями власти, а детективы еще ненззвестно. Онн, как мы, сначала стреляют, потом разбираются.

Выясняем, что поедет на митинг наш клиент на своей машине (какой-то старой БМВ), и с ним будет четверо.

Размышляем и с помощью Высокого чина, велнкого стра-

тега, который так же любит составлять планы операций, как не любит в них участвовать, намечаем наши действия.

Как было дело? Расскажу. Все очень просто.

В двенадцать часов дня в трех километрах от ближайшего населенного пункта два мотоциклиста в форме дорожной полиции (я и О'Нил) на одной машине догоняют БМВ с металлистом и приказывают остановиться. Останавливается.

Мы вынимаем пистолеты, подходим к БМВ, велим всем пятерым пассажирам выйти, проверяем у них документы (для солидности).

— Кто владелец машины? — спрашиваю.

— Я,— отвечает металлист,— вот бумаги.

Я просматриваю и эдак иронически спрашиваю:

— И дорого заплатили? Эта липа и пяти монет не стоит.

— Как липа, как липа! — горячится.— Да у меня эта машина уже семь лет, да я...

— Да я, да вы...— усмехаюсь.— Взгляните-ка.

И показываю ему полицейский циркуляр на розыск автомобиля марки БМВ, регистрационный номер такой-то, мотора такой-то, шасси такой-то, цвет серый... (Циркуляром этим нас снабдил Высокий чин). Показываю заявление «подлинного владельца» о краже его машины.

— Ну, что,— говорю,— дальше будешь врать?

Он растерян, его спутники тоже.

— Не может быть, это моя машина,— вяло протестует,— тут какое-то недоразумение.

— Вот поедем в участок и там выясним.— Говорю и эдак добродушно добавляю: — Если все в порядке, отпустим, заедешь за своими друзьями, и счастливого пути. А если нет, сядешь за угон.

— Но я спешу на митинг, это мои...

— Не валяй дурака,— говорю уже грозно,— а то припаяют за сопротивление властям. Пока ты для нас вор, так что марш в машину, и поехали!

Его товарищи протестуют, требуют, чтобы их тоже взяли. Но я неумолим.

— Как же! — направляю на них пистолет.— Мало мне одного гангстера в машине, так я пятерых повезу! Вы мне там шею быстро свернете. Ждите здесь. А хотите, добирайтесь сами, тут недалеко,— и я называю первый попавшийся адрес дорожной полиции.

Они еще что-то кричат, но мы уезжаем. Металлист за рулем. Я — на заднем сиденье. Впереди на мотоцикле — О'Нил. Проехав километр, сворачиваем на проселок.

— Куда мы едем? — спрашивает металлист, он начинает беспокоиться (поздновато!).

— Здесь путь короче,— отвечаю.

Когда въезжаем в рощу, я прнказываю ему остаиовиться и выйтн нз машнны, он отказывается, сопротивляется, а парень здоровый. Подбегает О'Нил, стукает его по голове.

Мы вытаскнваем тело, привязываем к его иогам домкрат, который достаем нз багажинка его же машины, и бросаем труп в болото. Через пять мииут раздается бульканье, н поверхиость болота опять стаиовнтся гладкой. И то место на шоссе, н проселок, и болото нам указал Высокнй чнн (он все-таки голова), мы только раз съезднли заранее, ознакомнлись на месте.

Проселок соеднняет два шоссе, мы добираемся до второго, бросаем старую БМВ н уезжаем на своем мотоцикле. Ищи-свнщн ветра в поле. Тело не иайдут, машнна инкому ин о чем ие скажет. Цнркуляр иа розыск полицня инкогда не выдавала. А лнца нашн ннкто ие разглядел — мы ведь «до-рожинкн-мотоциклнсты», иа нас шлемы, огромные очкн...

В брошениой машнне мы оставляем знак «Чериого эскадрона».

Так же без вестн исчезают н два других оратора.

Конечио, как всегда, в последующне днн поднимается в газетах великнй шум.

Мнтниг сорваи, правые радуются, левые крнчат, что это полнтнческне убийства. Но убнтых иет, н кто убнл, неизвестно. «Чериый эскадрон», оставнвшнй на месте свон внзнтиые карточкн? Возможно, ио тогда он ие нмеет никакого отиошеиня к полицнн, полицня, вернее, ее «Черный эскадрон», убнвали уголовников, да н то лишь по утвержденню Дора, а тут политнческне убийства.

Все ясио, убийства совершилн те правые, что правее правых, ие зря же оии грознлнсь. А зиачнт, «Черный эскадрон» — это не органнзацня, н иечего было Дору выдумывать.

Короче говоря, возннкает путанница, все выдвнгают свон версии, расследование полнцин заходнт в тупнк.

И тут пронсходнт иевероятиое.

Утром летучка, на которой наш мнлый начальннк, как всегда, пнчкает нас всякнми бесполезнымн н не нмеющнмн иикакого отиошення к нашей текущей работе сведеиинямн. И как всегда, на прнмере Амернкн.

— Зиаете ли вы,— с пафосом воскл нцает он,— что в Соедииеииых Штатах иифорамацию о незаконопослушиых гражданах, помнмо мнинстерства юстицнн н полнцнн, собнрают двадцать шесть федеральиых органов! Двадцать шесть! Вдумайтесь в эту цифру. Вы, коиечно, хотите знать, какне? (Мы, конечио, не хотнм, а хотим спать или, иаоборот, заняться срочиыми деламн.) Пожалуйста, раз вы проснте.— И он начниает перечислять: — Служба виутрениих государствеиных сборов, секретиая служба, управленне по налогам на табачные

изделия и алкоголь, бюро наркотиков, служба генеральной бухгалтерии, федеральная комиссия по энергии, департаменты армии, флота и ВВС, администрация по делам ветеранов, ЦРУ, комиссия гражданской службы, комиссия безопасности и обмена, комиссия по торговле между штатами, федеральная комиссия по коммуникациям, бюро гражданской аэроавтики, комиссия атомной энергии, министерство здравоохранения, образования и благосостояния, министерство почт, министерство труда, агентство национальной безопасности, береговая охрана, таможенное бюро, Госдепартамент, федеральное агентство по авиации, служба иммиграции и натурализации... Вот! Обо всех незаконопослушных гражданах...— Он задумывается и добавляет: — Вообще обо всех.

Наступает пауза. Мы настораживаемся, неужели не скажет?

— ...И конечно,— спохватившись, кричит начальник,— о подрывных элементах!

Ну, слава богу, теперь все в порядке. Можно переходить к текущим делам.

— А у нас, кроме полиции да еще полдюжины служб, никто ничего о гражданах не выясняет,— сетует начальник.— Трудно работать,— он грустно качает головой,— трудно. Ладно, пошли дальше.

После совещания ко мне неожиданно подходит Джон-маленький и говорит:

— Можно тебя на минутку?

Таким я его еще никогда не видел. Он бледный, какой-то весь напряженный, глаза холодные, чужие. (Он сильно изменился, наш Джон-маленький, за последнее время.)

— Вот что, инспектор Леруа (ишь ты, как официально), я мог бы не предупреждать вас. Но я не люблю действовать за спиной товарищей...— Он поправляет себя: — Коллег. Может быть, как ты говоришь, я среди вас и белая ворона, но белый цвет чище черного. Мне надоело носить мундир, который иные из моих коллег пачкают. И не только грязью, но и кровью. Так вот, я тут провел свое собственное маленькое расследование и кое-что установил по делу о похищении тех ораторов, что ехали на митинг, во всяком случае, одного — металлиста...

— А при чем...— хочу спросить, но он только отмахивается.

— Не перебивай! Я разыскал, представь себе, мотоцикл «дорожной полиции», на котором были те, кто задержал БМВ, четверо спутников металлиста описали его подробно. Знаешь, где я его нашел? (Я-то знаю, но неужели и он?) В гараже у О'Нила. На нем даже не потрудились сменить фальшивый номер. (Ну и болван, О'Нил, болван, уверенный, что все сойдет ему с рук.) Да, да, у него. Я узнал, где был напечатан липовый циркуляр о розыске. Я даже знаю имя того высокого полицейского началь-

ника, который приказал его напечатать (у меня холодный пот течет по спине). Сейчас я установил маршрут, по которому вы, да, да, инспектор Леруа, ВЫ, увезли того металлиста. Маршрут не длинный, семь километров, я по нему вчера проехал. Где вы могли отделаться от трупа? Только в том болоте, что я приметил. Послезавтра я возьму людей из местной сельской полиции поискать в этом болоте. И найду убитого. И предъявлю вам официальное обвинение! Вы слышали, инспектор Леруа, я честно предупредил вас. Если можете, защищайтесь! — И, повернувшись ко мне спиной, он уходит.

А я остаюсь стоять, будто меня прибили к полу гвоздями. Вот это номер! Вот тебе и Джон-маленький, вот тебе и предусмотрительный Высокий чин, вот тебе и высокопрофессиональный О'Нил, вот тебе и шляпа Леруа!

Что делать? Ведь этот мальчишка наверняка сделает то, что говорит. Можете не сомневаться. И не ради карьеры, хотя и рассчитывает, что его похвалят; он просто считает, что выполняет свой святой полицейский долг. Ему и в голову не придет, что, начиная с нас, жертв этого правдолюбца, и кончая шефом департамента, все будут его проклинать! За то, что уронил честь полиции, съел двух образцовых полицейских, дал пищу газетам и крикунам (и «подрывным элементам», конечно, обязательно скажет наш начальник)... А ради чего? Ради выяснения, кто же убил какого-то, никому не нужного болтуна, борца за чьи-то (не наши, во всяком случае) интересы и свободы! Ну? Что с таким, как этот Джон-маленький, прикажете делать, я вас спрашиваю? Он заслуживает, чтобы его самого в то болото... А?.. Что я сказал?..

Я задумываюсь. Иду к О'Нилу и передаю наш разговор с Джоном-маленьким. Но он совершенно спокоен. Я его уже изучил. Таким он бывает, когда обдумывает акцию.

— Говоришь, послезавтра поедет? — спрашивает.— Значит, у нас день... Маловато.

Он отправляется звонить Высокому чину и возвращается озабоченный.

Выясняется, что тот страшно переполошился. «Как? Предатель среди своих!» И не просто предатель, классный профессионал. А главное, идеалист. Дурак, который верит в то, что полиция существует, чтобы ловить *любых* преступников. И не понимает, что есть персоны, которые не могут быть преступниками. Что бы они ни делали, они всегда правы. И, наоборот, есть такие, кого следует считать преступниками, независимо от того, совершил он преступление или нет... Словом, Высокий чин в панике.

Двух решений быть не может. Вечером мы тщательно разрабатываем план. «Мы»! Как всегда это делает Высокий чин. Мастер он на эти дела. Если б такой стал главарем банды, ох

и иаделали бы оии дел! Весь плаи осиовывается иа психологии. Ставка иа характер Джоиа-маленького.

Перед коицом рабочего дня (который выдался на редкость спокойиым) О'Нил подходит к Джону-маленькому и, глядя ему прямо в глаза, говорит:

— Мие Джои-большой все рассказал. Сейчас ие хочу объясияться. Потом потолкуем. Клянусь,— он подиимает руку с прижатыми пальцами, так кляиутся свидетели перед судом,— что мы ии при чем. И мие здорово интересио, как ты шел по следу. Я готов пройти весь этот путь и доказать тебе, что ты на каждом углу ошибался. Зла ие таю. Поставишь бутылку коньяка и извиниишься вот при нем,— ои кивает в мою сторону.— И забудем об этом.

— Я прав,— говорит Джои-маленький, ио мие чудится в его голосе еле уловимое сомиеиие.

— Если окажешься прав, пойду с тобой вместе к иачальнику, уйду из полиции, повешусь, что хочешь. Я-то зиаю, что ты не прав.

Таких длиииых речей от О'Нила никто иикогда ие слышал. Но актер ои первоклассиый. В его тоие столько иепоколебимой увереииости, что если б ои утверждал, что дважды два пять, я поверил бы.

Разговор длится еще иекоторое время и заканчивается тем, что мы уславливаемся: завтра после оперативки Джои-маленький ведет иас по следу.

Я потом долго думал, почему он согласился? Ои ведь ие дурак, а главиое, уже присмотрелся к нам, к О'Нилу, в первую очередь, поиимал ведь, с кем имеет дело. Думаю, что подвел его неистребимый идеализм, фаиатичиая вера в честиость полиции. Ои не хотел верить, что полицейские могут быть преступниками. Просто ие мог в это поверить!

Честное слово, если б он убедился, что ошибся, что мы ни в чем не вииоваты, ои был бы счастлив. Увереи.

На следующий деиь после утреиией оперативки садимся все втроем в машииу О'Нила и едем к иему домой.

У О'Нила на лице выражеиие оскорблеииого достоиmilitary, Джои-малеиький в иапряжеиии, я усмехаюсь — играем, мол, в детские игры, убеждаем иеразумного малыша, что не мы украли его совочек.

В гараже стоит мотоцикл О'Нила. Тот иичего ие изменил. Джон с торжеством указывает иа иомер.

О'Нил смотрит на него с жалостью.

— Не хотел об этом никому рассказывать, чтобы лишией болтовии ие было,— говорит ои и показывает Джону-маленькому копию своего официальио зарегистрироваииого заявления в полицию об угоне мотоцикла (штамп о регистрации, помечеиный задиим числом, нам раздобыл, коиечио, Высокий

чин).— Кому надо, тот знает; мы потом поедем к следователю, который ведет дело,— степенно говорит О'Нил,— он подтвердит, что ему я сразу рассказал, что моим мотоциклом воспользовались.

Я чувствую, что Джон-маленький начинает колебаться.

— Теперь,— говорю я,— поехали на место происшествия.

(Зачем? Будь Джон-маленький похитрей, он бы задал себе тот же вопрос, но он немного растерялся.)

Приезжаем на шоссе, потом едем по проселку.

— Где твое болото? — спрашивает О'Нил.

— Сто метров дальше, около рощи,— отвечает Джон-маленький.

Подъезжаем.

О'Нил спокойно вынимает из машины складной багор.

— Давай пощупаем,— предлагает он.

— Втроем? — удивляется Джон-маленький.— Тут целую команду надо. Завтра вернемся,— в его голосе больше уверенности, он взял себя в руки.

— Ну, завтра так завтра,— равнодушно говорит О'Нил.

Он неторопливо складывает багор, и мы направляемся к машине. Впереди Джон-маленький и я, сзади О'Нил со своим багром в руках. Когда мы подходим к машине, я слышу за спиной глухой хлопок, и Джон-маленький падает носом в траву.

Все.

Акция закончена. Мы можем спать спокойно, никто нас не разоблачит. О'Нил довольно усмехается. Я — нет, меня охватывает какое-то странное чувство. Ну, мы погибаем — воюем с преступниками, преступники — воюют с людьми, тот металлист или Карвен — воевали за дело. А этот мальчишка ради чего? Я вспоминаю, как он пришел к нам первый раз — восторженный, мечтающий о больших делах, смотревший на нас, как на богов.

Где теперь его мечты? И его боги?..

Мы затаскиваем тело в машину, возвращаемся на шоссе, проезжаем два десятка километров и у самого города сворачиваем в лесок, где, как нам известно, любят уединяться влюбленные парочки. Там оставляем тело и рядом знак «Черного эскадрона». На этом особенно настаивает Высокий чин.

Затем едем в город и прилично напиваемся. Вернее, я. Все не могу забыть...

О'Нил с удивлением смотрит на меня и при всей своей толстокожести, видимо, догадывается, в чем дело. Он доставляет меня домой, доводит до квартиры, укладывает на диван и уходит, сказав на прощанье:

— Ничего не поделаешь, Джон, или он или мы, другого выхода не было.

Да, теперь я просто Джои, ие Джон-большой, другого у нас в отделе больше нет.

Тело убнтого иаходят, как мы и ожидалн, в тот же вечер какие-то забредшне в лесок влюбленные. И в газетах поднимается очередной шум (газетам только н подавай, нз-за чего бы пошуметь, не то, так это).

Убнйство сенсационное. Во-первых, жертва — полицейский, н погнб он ие в перестрелке, не в схватке с преступииками, а непоиятио каким образом, вндимо, после похнщення. Во-вторых, это дело рук «Черного эскадрона», о чем свндетельствует оставленный возле тела знак. И в-третьих, н главных, теперь всем должио быть ясио, что Дор — клеветннк н лгун! Не мог же «Черный эскадрои», тайная, как он утверждал, органнзация полнцейских, созданная нми для самозащиты, убнть своего же! Все, что хотнте, только не это.

Разумеется, находятся мерзавцы (в том чнсле н Дор), пытающнеся утверждать, что это сведение счетов между членами «Эскадрона», месть предателю. Но следствне, которое ведет полнцня н параллельно две большне газеты, этого не подтверждает.

И всем стаиовнтся ясно, что «Черный эскадрон» — органнзацня преступная, возможно, политическая, из тех, что правее правых. В общем, ндет спор, а в результате ннкто ннчего не может понять. Но главное достигнуто — большннство перестает подозревать нас.

Похороны проходят очень торжественно. Мы все клянемся не давать спуску преступнннкам.

И когда в газетах мелькают сообщения о найденных в заброшенных каменоломнях трупах (по-вндимому, преступииков) с картонкой с черепом н скрещеннымн костями илн о таннственно нзчезиувшнх профсоюзных вожаках и коммунистнческнх актнвнстах, это проходнт почтн незаметно.

Глава VIII. ВОТ ТАК И ЖИВЕМ...

Наконец иаступает очередь Дора. Мы не забыли его статьи. Правда, теперь он переключнлся на разные фашнствующие организацнн, на тех, что правее правых, на какне-то военно-спортнвные полулегальные союзы. Но это только нам на руку — случнсь с инм что-инбудь, н поди узнай, кто вниоват, когда у человека столько врагов.

Начннаем плаинровать операцню.

Здесь я хочу вам кое-что сказать. Может быть, нз моего рассказа вы делаете выводы, что чуть лн не мы вдвоем с О'Ннлом весь «Чериый эскадрон» н вершнм все его дела. Чепуха! В «Эскадроие» сотни людей, в каждом отделе, в каж-

дом управлении, да, наверное, в каждом участке они есть. Нас много, мы хорошо организованы, умеем молчать, в случае чего, нам помогают Высокие чины, а остальные полицейские начальники на наши шалости закрывают глаза. Что? Я это уже говорил? Не помню. Ну а говорил, так не мешает повторить еще раз. Не придирайтесь, черт возьми! Просто я рассказываю о том, в чем сам участвовал, о чем знаю. У нас так поставлено дело, что мы только нескольких коллег своих и знаем. Иной раз работаем бок о бок, а и не подозреваем, что оба в «Эскадроне». Так спокойней.

Вот в нашем управлении — я, О'Нил, кто еще? А черт его знает! Но ведь находят в нашем городе убитых гангстеров, и мы с ним ни при чем, значит, еще чья-то работа, верно? И люди исчезают. Опять чья-то работа. Так что локоть товарищей мы чувствуем. Только не знаем их в лицо.

Однако вернусь к нашей очередной операции. Объект — Дор.

На этот раз, кроме Высокого чина и нас двоих, в совещании участвуют еще двое, как обычно, из другого города. (Нам с О'Нилом тоже приходилось несколько раз во время отпуска выполнять нашу «работу» в других городах.) Один — длинный, мрачный, другой — коренастый, невысокий, прямо Пат и Паташон. Были такие актеры в старых фильмах. Не видели? Смешные, я как-то смотрел. Но эти не смешные. С этими лучше не шутить.

Значит, план такой.

Во-первых, Дора ликвидирует не «Черный эскадрон». А то еще припомнят его статью, опять будут в нашу сторону кивать. Во-вторых, лучше всего, если инсценировать какое-нибудь происшествие. Ну, там, падение с десятого этажа, пожар в его доме... Уж не знаю, что.

Исходя из этого, придумали такой фокус. Впрочем, что я вам буду два раза одно и то же повторять. Просто расскажу, как дело было, а вы уж мне поверьте на слово, что мы над этим не один день ломали голову и не одну неделю готовили.

Значит, так.

Дор — человек осторожный, да чего там, сверхосторожный. Он крупный журналист, у него есть деньжата. Он живет в собственном, хоть и небольшом доме. Дом окружен трехметровой стеной. Ворота толстенные, на окнах железные жалюзи и хитрая электронная система охраны.

Как ночью кто перелезет через стену, так тревога — тепло человеческого тела перехватывают лучи, пересекающие весь периметр сада, и дают сигнал. Дома у Дора целый арсенал — пистолеты, винтовки, даже автомат.

Живет он с женой и дочкой, и еще есть шофер, он же

садовник, он же сторож, истопник, камердинер — словом, на все руки мастер.

Поэтому все начинается с того, что какие-то хулиганы иападают на дочку этого шофера-сторожа-камердинера и избивают ее. Живет она в другом городе за тысячу километров, и, получив телеграмму, отец тут же вылетает к ней. Дор отпускает его на неделю.

Теща Дора тоже живет в дру́гом городе. И когда на ее машииу налетает пьяный шофер, которого полиции, увы, не удается задержать, и ее увозят в больницу, то жена Дора, прихватив дочку, тоже срочио уезжает к своей матери.

Как ни умен, ни осторожен Дор, он все же не сопоставляет эти два события. Что ж, если верить Гонсалесу, каждый хоть раз в жизни совершает ошибку и как раз жизиью за нее иногда платит.

Мы подъезжаем к дому Дора в четыре часа ночи, когда у людей самый крепкий сон и даже луиатики давно дрыхнут в своих постелях. Не к дому, конечно, а на соседнюю улицу — там полно оставленных хозяевами у тротуаров машин, и наша занимает среди них место, ничем не выделяясь.

Подходим к стеие дома. Около нее есть удобный проулочек, скрытый от глаз. Тут же Пат и Паташои иачинают свой номер с переодеванием. Я сначала думал, судя по их внешности, что это профессиональные убийцы или «выбивалы». Есть у нас такие в полиции, они из любого призиаиие выбьют, даже из покойиика. Оказывается, я ошибся, оказывается, они технари высокого класса.

Они прихватили с собой и надели какие-то хитрые специальиые асбестовые костюмы, не пропускающие тепла, знаете, как у пожарников. Но тепло не проходит не только внутрь, но и иаружу. Так что когда они в этих костюмах перелезают с нашей помощью через ограду, лучи защитной системы, реагирующие на тепло, сигиала не подают. Коиечно, долго в таком костюме не походишь, но много ли времени нужно, чтоб перебраться через стену и миновать просвечиваемую зону?

Потом они бесшумно проникают в дом. Для таких открыть самый сложный запор — детская игра.

Второй сигнализации, для дома, иет, а как и где отключить наружиую, они прекрасно знают. Вы спросите, откуда? Очень просто — фирма, устанавливающая сигнальиые системы в домах, если потребуют, отчитывается перед полицией. И полиция прекрасио знает все дома на своем участке, снабженные сигнализацией, и систему этой сигнализации.

И как раз (счастливая случайиость!) тот полицейский участок, на территории которого расположен дом журналиста, провел проверку охранной сигнализации всех подведомственных ему домов.

Итак, они отключают сигнализацию, открывают нам калитку.

Теперь мы все четверо в доме.

Спальня иа втором этаже. Мы с О'Нилом поднимаемся по лестнице, подходим к двери, прислушиваемся. Слышеи храп (к отолариигологу Дор ие обращался и тем облегчнл нам работу). Я иеслышио вхожу в спальию, прыгаю к постели, где спит журналист, иакладываю ему иа лицо платок, пропитанный хлороформом, и всей тяжестью иаваливаюсь. Он иесколько секунд судорожио дергается, потом затихает.

Теперь дело за техиарями.

Оии быстро иаходят гостииую с телевизором, отвинчивают задиюю стенку аппарата, копаются в ием. Накоиец, делают иам зиак. Мы подтаскиваем Дора. Нам известио, что по вечерам ои допоздиа смотрит телевизор, и имению шестую программу, и при этом попивает молоко (не виски, ие виио, не коиьяк!), одет в домашиий халат. (Теперь вы понимаете, как тщательио готовилась операция? То-то же.)

Мы облачаем его в халат, аккуратно складываем пижаму, закрываем постель, будто в иее иикто ие ложился, достаем из холодильиика молоко и иаливаем заново в стакаи (иекоторое время размышляем — ведь теперь в бутылке ие хватает двух, а не одного стакана; оставляем иа дие стакаиа чуть-чуть молока, остальиое выливаем обратно в бутылку, мог же ои к момеиту гибели опорожиить стакан почти целиком!).

Техиари показывают иам, что к чему (все молча, иикто нз нас за все время не произнес ии слова). О'Нил иадевает толстые резиновые перчатки, подтаскивает спящего мертвым (подходящее в этом случае выражеиие) сиом журиалнста к телевизору и, схватив его руки, быстрым движеинем подноснт нх к тому месту, которое указали техиари.

Раздается треск, тело дергается. На всякий случай прикладываем ухо к его сердцу. Щупаем пульс, приподиимаем веки. Да куда там! Работа сделаиа чисто. Еще бы — 12 000 вольт! Как электрический стул!

Еще раз тщательно все проверяем, ие уроиили ли чего, ие сместили, ие оставилн лн отпечаткн пальцев иа молочиой бутылке, холодильиике, дверях, еще где.

Затем тихо покидаем дом. Техиари остаются. Оии включают сигиальиую систему, запирают дверь, снова надевают свон костюмы, в которых они похожи иа космоиавтов, и перелезают через стеиу иаружу.

Мы добнраемся до машины, и О'Нил развозит нас по домам.

Вся операция ие длилась и получаса, и за все время иикто не сказал ии слова, как и иа обратиом пути. Не зиаю почему, ио именно это оставило у меия самое иеприятиое ощущеиие.

Какие-то роботы, машины, машины смерти, а не люди... Да люди ли мы?

Ну, что вам сказать... Вы небось сами помните, какой резонанс вызвала трагическая гибель «великого журналиста», «борца за правду», «гордости отечественной журналистики», «неподкупного, честного, принципиального...» (каких только эпитетов ему не приклеивали!) Дора.

Ах, ах, вздыхали, ну зачем полез чинить телевизор! Ведь известно, что трогать неисправный аппарат нельзя! Ругали даже фирму-изготовитель, та оправдывалась, утверждала, что телевизор не мог испортиться. Произвели экспертизу, и фирма была посрамлена — в телеприемнике-таки обнаружилась поломка (наши технари свое дело знают: комар носа не подточит!).

Много было некрологов, сочувственных телеграмм, сожалений. Даже те, кому при жизни он давал по мозгам, лили крокодиловы слезы.

Вот так. Вот такую цену заплатил он за то, что поливал нас грязью. Никому не дано оскорблять «Черный эскадрон», оплот порядка, гордость (тайную) полиции!

Но мы-то какие мастера! Я все больше раздумываю, куда идти, когда выйду на пенсию,— в частную полицию, как большинство моих коллег, или в «мёрдер-трест» (знаете, такой гангстерский синдикат, который по твердой таксе выполняет заказы на убийство, скажем, сенатора или директора конкурирующей фирмы — 25 тысяч монет, любовника жены или, наоборот, мужа-помеху — 10 тысяч и т. д.). Я бы у них был специалистом высокого класса.

А жизнь идет. В какой-то момент пришлось пережить немало тревожных минут — нашли в заброшенной шахте тела группы профсоюзных руководителей, призывавших рабочих-портовиков к стачке. Эти руководители бесследно исчезли, когда плыли на катере на какое-то собрание. Все решили, что затонули. Оказывается, нет. У всех пули в затылке. Пошумели газеты да и бросили. Полицейское расследование (как раз наш отдел этим занимался), к сожалению, ничего не дало. Еще раза два находили трупы некогда пропавших без вести. Тоже с пулей в затылке. И опять не удалось найти убийц. Что ж тут удивительного? Столько времени прошло! Сводят там счеты разные политиканы, а мы мучайся, ищи. Жили бы себе спокойно, не мутили воду, и никто бы их не трогал...

На могилах произносят речи, газеты печатают некрологи, люди вздыхают, а наш начальник нравоучительно грозит пальцем и говорит: «Вот видите, чем это (что?) кончается. А впрочем, туда им и дорога — это подрывные элементы!»

Однообразный человек все-таки наш начальник. Болтать здоров и языком ведет с «подрывными элементами» большую

войну. Только от болтовни пока еще никто не умирал (если не считать иной раз самих болтающих). А вообще-то мне грешно на нашего начальника жаловаться. Ко мне он неплохо относится. К О'Нилу, впрочем, тоже. Отмечает наше усердие в борьбе с преступностью (потому что не подумайте, просто я вам рассказываю здесь про «Черный эскадрон», но львиную долю нашего времени мы все-таки занимаемся расследованием обычных уголовных дел). Начальник объявляет нам благодарности, премирует, дает поощрительные отпуска (которые мы используем для «эскадронных» — не хочется говорить «черных» — дел).

Наконец, наши заслуги получили самую высокую оценку — и меня и О'Нила произвели в старшие инспектора! Теперь у каждого из нас под началом группа инспекторов, у меня есть и старые, этот болтун Гонсалес, например, но есть и новые. Когда приходят, я к ним тщательно приглядываюсь, а то еще попадется какой-нибудь вроде Джона-маленького, не дай бог. Но прежде всего проверяю, конечно, в деле.

Особенно слежу за крепким, энергичным пареньком Робертом. Он пришел к нам из парашютистов. Подготовка — дай бог: и ножи метает, и по дзюдо «черный пояс» имеет, и стреляет не хуже меня, и, как я заметил, очень искусен в допросах, прямо доктор психологии, любого разговорит. Правда, у него свой особый метод, просит оставить его с подследственным наедине, не мешать. И что ж вы думаете? Через два-три часа приносит протокол. Любо-дорого смотреть, этот жулик (убийца, насильник, грабитель — да кто хочешь) все охотно и подробно рассказал, всех сообщников выдал, во всем (даже чего не совершил) признался. Молодец, Роберт!

Правда, потом приходится с этими подследственными немного повозиться — подлатать, подлечить, в чувство привести. От волнения и раскаяния они часто падают в обморок, а один даже в окно выскочил. Но все чисто, никаких следов и разбитых физиономий, ни поломанных ребер, хоть назавтра в судебное заседание.

— Как это тебе удается? — задаю вопрос.

Роберт опускает глаза в землю — застенчивый он — и тихо произносит:

— Не спрашивайте, старший инспектор, пожалуйста, просто у меня своя методика.

— Тебя где этой методике научили,— говорю,— в парашютных частях?

— Да,— тихо подтверждает,— там. Нас там многому научили...— И добавляет: — Полезному.

— Да вижу, вижу,— ворчу,— ну, ладно, у каждого свои маленькие тайны. Иди работай, к тебе претензий нет.

Но когда я окончательно убедился, что Роберт отличный

парень и отличный полицейский, так это когда мы с ним однажды вместе проводили операцию по задержанию опасной банды. Она нападала на междугородные грузовики. У нас такие перевозки очень популярны. Мчится эдакая махина с прицепом днем и ночью, не останавливаясь,— два водителя спят попеременно. Везут с побережья фрукты, овощи, цветы к раннему рынку, коров и овец на убой (такие грузы не грабят), партии стиральных машин, телевизоров, приемников, пишущих машинок, калькуляторов, сигарет, мехов (вот на такие нападают).

Это называется дорожным пиратством. Точное название.

Останавливают в пустынном месте шоссе грузовик. Шоферов обычно убивают, чтобы свидетелей не оставлять, и груз улетучивается, словно его и не было. Грузовики бросают где-нибудь в ближнем лесу, а то и сбрасывают в реку, в болото, в пропасть. Но иногда угоняют и сами грузовики, а потом продают где-нибудь в Африке или на Среднем Востоке.

Наш начальник, этот магистр мировой статистики, в тот раз почему-то на примере Европы, сообщил нам во время очередной оперативки, что в Италии за год совершают 6000 налетов на грузовики и похищают на миллиард лир. Во Франции — 2000 ограблений, в ФРГ — 1900. А раскрывают маловато этих преступлений. В той же ФРГ лишь 18%. В Италии из 16 000 угнанных грузовиков (грузовиков больше, чем грабежей, потому что часто нападают на автопоезда) разыскали 12 000 машин, да и то уже пустых.

Правда, теперь преступники стали гуманней, они стараются не убивать водителей, а только запугать или даже подкупить.

Дело поставлено на широкую ногу. Целые гангстерские синдикаты работают. До того дожили, что даже договариваются с предпринимателями, то есть совершают кражи по «заказам», а им гарантируют реализацию краденых товаров. Во как! Теперь стали воровать даже машины с сырьем, полуфабрикатами, оборудованием. Скоро, наверное, будут тащить бетономешалки и молоковозы.

Короче, нащупали мы через нашего осведомителя-шофера такую банду и устроили летучие засады. Вместо водителей посадили полицейских, да еще в кузове под брезентом — оперативные группы. Неделю ездили без толку, катались по всей стране и даже за границу. Хотели уж нашему информатору по шапке дать. Потом вдруг началось. На один грузовик напали, но вовремя что-то почувствовали и смотались, наши и выстрелить не успели.

На следующий день нам «повезло».

В пять утра катим в Швейцарию. Я — за баранкой, рядом Гонсалес, а за спиной — грузовик с прицепом и в нем тонны и тонны, все из крокодиловой кожи, сумок, туфель, чемоданов всяких, и Роберт среди них притаился.

На шоссе в этот ранний час движения почти нет, да и туман кругом. Вдруг за поворотом в пустынном месте «дорожный патруль». Мотоциклы, шлемы, светящиеся жезлы, все честь по чести, не знал бы — повернл, что настоящие. Но мы тоже не лыком шиты, у нас с дорожниками договоренность: на номерах мотоциклов будет особый знак. Какой? Все вам сказать? Дудки! Вы, конечно, люди честные, а там, кто вас знает. У нас иногда нельзя угадать — вроде бы генерал, священник, профессор, член парламента, а оказывается, гангстер. Так что извините...

Словом, мы поняли сразу. Гонсалес стукнул в заднюю стенку, чтобы Роберт наготове был. По требованию патруля вылезаем, предъявляем документы, ворчим для порядка, опаздываем, мол.

— Покажите груз,— говорят.

Мы обходим грузовик, открываем заднюю дверь. Те настороже, один подходит, другой стоит поодаль и руку на кобуре держит. Но Роберт наш изнутри грузовика все видит, мы там в разных местах брезента дырок понаделали.

Короче, открываем дверь, и в ту же секунду гремит выстрел. Второй «мотоциклист» падает, Роберт прыгает прямо на голову первому — он у раскрытой двери стоит, а нам велел в стороне держаться.

Прыгает Роберт на этого «мотоциклиста», заламывает ему руки.

— На кого работаешь? — спрашиваю я грабителя.

Молчит.

— Разрешите, старший инспектор, я с ним поболтаю,— Роберт вежливо говорит.

Я киваю, и он уводит того в лесок, а мы вызываем по радио следственную группу, начинаем писать протокол (порядок есть порядок), обыскиваем убитого.

И вдруг слышим выстрел, потом еще один.

Бежим в лесок. Роберт спокойно прячет пистолет в кобуру, а задержанный грабитель лежит без движения.

— Вот негодяй,— говорит Роберт,— пытался бежать,— пришлось пристрелить, после предупредительного выстрела, конечно. Я правильно поступил, старший инспектор? — смотрит на меня.— В инструкции сказано...

— Правильно, правильно,— ворчу (редкий случай, чтобы допрашиваемый, безоружный и в наручниках, пытался убежать от стоящего в двух шагах полицейского с пистолетом в руке, я, по крайней мере, о таких не слышал).— Надо было выяснить у него все...

— А он все сказал, вот,— и Роберт протягивает мне листок: данные, имена, адреса.— Он все сказал. Не понимаю, зачем бежать хотел.— Смотрит на меня ясным взглядом.

Да, этот Роберт далеко пойдет. Надо о нем подумать.

Проверочку прошел, сам того не зная. Как я когда-то.

Этого, конечно, мало, надо будет повторить, но уже с заранее придумаииым сценарием.

Ну, что я буду тянуть резнну. Что вам нарисовать, что лн, нужно? Вы и так все понялн. Еще две-три операцнн с Робертом, два якобы незначащих разговора, «незаметно» оброненный возле очередного тела знак «Черный эскадрон». И вот я уже веду его на свидание с Высоким чином.

Недолгое свндание, «Черный эскадрон» приобретает нового члена, наша группа растет.

Вот так передается эстафета. На место ушедшнх (в загробный лн мнр, на пенсию ли, на повышенне) приходят новые. Я привел Роберта, меня — О'Нил, его кто-то раньше. Когда-нибудь кого-нибудь приведет Роберт (еслн доживет).

Он оказался ценным сотрудником. Я это сразу предугадал, это не было сюрпризом. А вот что стало сюрпризом, да еще каким, об этом я вам под конец расскажу.

Однажды меня, О'Ннла, а теперь еще и Роберта вызывает иа очередное, вернее, внеочередное, свидание Высокий чин. Как всегда, в окраннный ресторанчнк. Сиднм, пьем пиво, молчим, ждем.

— Вот что, ребята,— Высокнй чин в благодушном настроенни, он угощает, у него, вндимо, радость,— собрал вас попрощаться.

Лнца у нас вытягиваются. Мы, я особенно, не любим менять начальство. Кто его знает, какнм будет новое. Пока нам везло: наш начальник по службе, хоть зануда и болтун, плохого мы от него не вндели, наш начальник по «Черному эскадрону» — Высокий чин — тоже, хоть в огонь сражения не рвется, но все так продумает н растолкует, что только и остается, что обязательные фигуры прочерчнвать. Да, дела... Он молчать умеет и лишнего не сболтнет, но тут его небось радость распирает, да хлебнул он уже прнлнчно, вдвое больше, чем каждый нз нас, и не только пнва, так что расслабился.

— Уезжаю,— говорнт доверительно,— в Африку. Там нужно царькам помочь полнцейскую службу наладнть.

— Царькам? — удивляюсь.

— Ну, не царькам, презндентам или еще как, у нних звания длнные, мозгн короткне. Еслн б не мы, да еще кое-какне заокеанскне друзья, нх бы давно скннули. Впрочем, это понятно. Уйтн-то мы нз нх страны ушлн, но царька своего посадилн. Вот и нужно, чтобы мы нм полицейскую службу наладнлн. Так что уезжаю. Я нм там сразу «Черный эскадрон» создам. Тем более, онн все черные, ха-ха-ха! — смеется своей дурацкой шутке в стиле Гонсалеса.

А нам не смешно.

— С кем теперь дело будем иметь? — спрашивает О'Нил, он всегда смотрит в корень.

Но Высокий чин уже в Африке, ему нелегко вернуться на землю. Он словно не слышал вопроса.

— И там этот «Эскадрон» будет не тайный, а явный, я у них быстренько поубираю смутьянов, если нужно, хоть половину населения. Зато другая половина будет образцовая. Да,— говорит мечтательно,— там заработки не то, что здесь, пальмы, море... Можно лет пять отдохнуть...— совсем размяк.

— Так кто вместо вас? — настаивает О'Нил.

Высокий чин приходит в себя. Ему досадно, что разболтался, что наговорил лишнего. Он сразу трезвеет.

— Ну, ладно,— рубит,— пофантазировал. К делу. Вашу группу надо довести до пяти человек. Сейчас будет поворот в работе. Обо всем узнаете от нового шефа. Учтите, он человек железный. Слова «пощада» в его словаре нет. Такие акции провел, что вам и не снилось. И конспиратор величайший. Он сам вызовет, когда надо,— и усмехается.

Простились без рыданий, без объятий. Пожелали друг другу счастья и долгой жизни. Он ушел, а мы еще посидели, обсуждая новость. Проходит день, три, пять, неделя, две.

Мы начинаем беспокоиться. Может, о нас забыли?

(А может, так и лучше?)

На очередной оперативке начальник начинает вспоминать какие-то стародавние дела. Убийство президента Кеннеди, например (ну как же, из жизни Америки). Но при чем тут Кеннеди, это дело политическое, а не уголовное, полиция там сбоку припека. Ага, оказывается, ему приглянулся тот самый окружной атторней (поверенный.— *А. К.*) Нового Орлеана Гариссон, который, помните, устроил свое собственное расследование и начисто угробил весь этот здоровый талмуд, что родила комиссия Уоррена по расследованию.

Он раскопал массу всяких вещей — доказательства заговора, свидетелей, разные показания.

В конечном итоге ему, конечно, заткнули рот, а свидетелям жутко не повезло, всех смерть замела подчистую — кто от рака умер, кто из окна выбросился, кого машина сбила, а кого просто хулиганы укокошили... Бывает.

Но наш начальник вопит:

— Вот образец полицейского! Самостоятельного, не боящегося ответственности, честного, упорного и искусного! Ясно вам? Искусного. Вот вы все тоже должны быть такими. Не бояться высказываться, если со мной не согласны! Кто со мной в чем-нибудь не согласен? А? Говорите прямо! Я это ценю (как же!). Вот вы, Гонсалес, в чем вы не согласны со мной?

— Я во всем согласен, я, что я...— блеет Гонсалес.

— А раз так,— уже другим тоном говорит начальник,— переходим к текущим делам.

Он сообщает о налете, который предстоит совершить на подпольную фабрику по переработке опиума-сырца, распределяет силы, дает указания.

— Все идите, готовьтесь. Вы, О'Нил, Леруа и Роберт, останьтесь. (О, господи, неужели очередная нотация?)

Когда мы остаемся в кабинете вчетвером, происходит чудо.

Вы знаете, я вообще-то не верю в чудеса, во все эти иконы, которые вылечивают болезни, взгляды, которые двигают посуду на столе, операции аппендицита голыми руками... Чушь все это. Я не верю (теперь точнее будет сказать — не верил), что человек даже после долгой болезни, по прошествии многих лет, после пластической операции может настолько измениться, что его не узнать. Тем более за одну-две секунды!

И тем не менее это происходит на моих глазах. Я вдруг вижу, что в кресле, в котором только что сидел наш болтливый, суматошный, в общем-то, добродушный и немного ленивый начальник, теперь сидит человек, от которого, прямо как волны, исходит такая жестокость и беспощадность, что мороз продирает по коже. Брр! И глаза у него не глаза, а кусочки льда. Да не может быть, такого не бывает!

— Вот что,— и голос у него стал другим — резким, скрипучим,— акцию с Бер Банка вы провели неплохо и с Дором тоже. Кое-чему вас этот Высокий чин все-таки научил. Хотя он дилетант и мальчишка. Пришлось его сплавить подальше, он только и годится с зулусами сражаться. Теперь я буду вами руководить. И мы займемся настоящими делами. Ясно?

Мы сидим остолбеневшие. Да, вот это сюрприз! Это наш-то начальник, тюфяк... Ничего себе, тюфяк! И уж если Высокий чин в его глазах неумелый мальчишка, то могу себе представить его самого в деле!

Молчим, а он продолжает:

— Так вот, кончайте ваши никчемные игры со всякой уголовной швалью. Нечего на них патроны тратить, да и полезными они иной раз бывают. Теперь все силы «Черного эскадрона» — на борьбу с подрывными элементами! Ясно?

Еще бы! На этот раз он так произнес эти слова «подрывные элементы», что если б слова могли убивать, от «элементов» осталась бы горстка пепла. Страшный человек.

— Всех этих коммунистов, профсоюзных активистов, борцов за всякие свободы, щелкоперов, оппозиционеров — всех, всех к стенке. Свобода должна быть только у нас. Ясно? Германия до первой войны, Чили, Гаити, Португалия при Салазаре — вот настоящие режимы. И у нас должен быть такой. Вы полицейские, вы боретесь с преступниками. Все правильно. Но запомните, что лучшие из лучших вы, солдаты «Черного эс-

кадроиа», должиы выметать всю иечисть. На кладбище! И не бойтесь, мы вас прикроем. За нами такая сила! — Он миогозиачительно подиимает палец к потолку.— А теперь слушайте задаиие...

Он объясияет. Когда мы слышим, о чем идет речь, кого надо убрать, у иас глаза лезут на лоб. И я понимаю теперь, что наш всесильный Высокий чин щеиок по сравиению с этим теперь уже во всем нашим иачальииком.

— Ясио?..— спрашивает он под коиец.— Идите. Действуйте.

И опять происходит чудо. Перед нами сиова иаш привычный тюфяк.

Мы, чуть ие пятясь, выходим из кабииета и еще ие скоро приходим в себя. И... сразу же начииаем действовать, словио он смазал иам пятки скипидаром.

Вы, коиечно, ждете, чтоб я вам рассказал, о чем идет речь иа этот раз? Рассказа ие будет. Извините. Про все ие расскажешь...

Анатолий Безуглов

СИГНАЛ ТРЕВОГИ

(Из записок прокурора)

На дверях моего кабинета висит табличка, где указаны дни и часы приема посетителей. Но люди приходят и в неприемное время. Отказать я не могу: человеческие беды и несчастья не знают расписания.

Тот мартовский вторник не был исключением.

— Аня Дорохина,— так представилась молодая женщина, явившаяся ко мне на прием.

Я не удивился, что она уговорила секретаря пропустить ее в мой кабинет,— Дорохина была напориста. Но чувствовалось, что это не тот напор, за которым кроется нахальство.

— Понимаете, товарищ прокурор,— начала она взволнованно,— избили человека... А милиция не хочет принимать меры...

— Кого избили, где и кто? — спросил я.

— Мужа моего, Николая. Вчера. Пришел после работы — нос расквашен, глаз заплыл. А вот кто... Если бы я знала, сама бы надавала как следует! — Она сжала не по-женски внушительные кулаки.

В это можно было поверить. Дорохина была крупная, сильная, явно не робкого десятка.

— Муж не знает, кто на него напал? — спросил я.

— Темнит Николай. Сказал, что его занесло в кювет, вот и ударился о переднее стекло... Он шофер.

— А может, это действительно так и было?

— Да что, у меня самой глаз нету? Могу отличить. Какникак медработник... И еще одна штука. Сегодня в обеденный перерыв Николай подъехал ко мне в больницу на своем КрАЗе. Я специально осмотрела его самосвал. Все целехонько. И фары и стекла.

— Отчего же он не хочет признаться вам, с кем дрался?

— Не хочет,— вздохнула Дорохнна.— Вообще из него слово клещами надо вытягивать...

— И часто у вашего мужа бывают подобные истории? Может, у него характер задирнстый?

— У Николая? — протянула она, округлив глаза.— Да он мухи не обидит!

— Илн дружки непутевые?

— Какие дружкн? В Зорянске он чуть больше месяца живет. Силком, можно сказать, вырвала его из деревни...

Я попросил Дорохину подробнее рассказать об их жнзнн.

История — какнх тысячи! Выросли онн с мужем в одном селе, закончнли одну школу-восьмнлетку. Николай пошел на курсы механнзаторов, Аня — в медицннское училище в райцентре. В теплые летние ночи вместе встречали утреннюю зорьку. Знмой он приезжал к ней в общежитие. Ходилн в кино, на танцы. Потом его прнзвалн в армию.

Аия ждала Дорохина эти два длинных для нее года. И хотя переехала в Зорянск и поступнла работать медсестрой в нашу больннцу, местных ухажеров отшивала: милее Николая никого не было.

Прошлой осенью Дорохин демобнлизовался. Сыгралн свадьбу. На радость родне с обеих сторон — женнх и невеста с одной улнцы, свон...

Но тут между молодыми возникла размолвка. Ннколай не хотел перебираться в город. И резон у парня нмелся: колхоз давал новый дом со всемн удобствами, председатель был рад, что прнехал комбайнер,— механизаторов не хватало. Раз такой почет и обхождение, почему не трудиться на селе? Тем паче, мила Николаю земля.

Аня уперлась: что ей делать в деревне? Какое-никакое, а образованне. Пусть все удобства, а все равно жизнь крестьянская — огород надо заводнть, птицу и другую живность. Отвыкла она от этого. Да н хотела учнться дальше — иа врача.

Короче, коса иа камень. Но, видать, в семье все-таки главой была Аия. Поболтался Николай в колхозе, помотался иа автобусах из деревни в Зорянск да обратно н решнл перебираться в город, к жене. Аня помогла ему с работой. По ее просьбе райком комсомола (Аня была членом райкома) направил его в автохозяйство номер трн, считающееся лучшим в городе. У Николая была хорошая характернстика нз колхоза, а в армни он счнтался отлнчником боевой н политической подготовкн. Проработать же в автохозяйстве он успел немногим больше недели...

— Как вы думаете, кто все-такн его избил? — спроснл я, когда Аня закончила свой рассказ.

— Не знаю, товарнщ прокурор,— ответила она.— У нас

в Зареченской слободе шпаны хватает. Сами знаете. Может, пригрозили Николаю? Я до вас в милиции была. Там говорят: укажите виновных, тогда будем разбираться. А я им: вы и так должны найти тех бандитов... Разве я не права? Вот в прошлом году соседа избили. Ни за что ни про что. В больнице два месяца лежал. Так милиция по сей день не знает, кто покалечил человека...

— Значит, вы никого конкретно не подозреваете?

— Нет.

— А как же милиции искать, если ваш муж ничего не хочет говорить?..

Дорохина пожала плечами:

— Все равно милиция должна шпану ловить... Я вот была как-то на выступлении московского артиста. Он разные предметы отыскивает, мысли отгадывает... Он может, а милиция что же?..

Я улыбнулся — вот так логика!

Я тоже ходил на это представление. Артист Юрий Горный действительно творил чудеса. В мгновение ока возводил в куб предложенные из зала четырехзначные числа, мог в считанные секунды извлечь корень из длинного числа. Но наиболее сильное впечатление он произвел, когда демонстрировал умение отгадывать мысли. Например, попросил девушку из зрителей в его отсутствие спрятать куда-нибудь иголку, а потом с завязанными глазами точно указал ряд и место, на котором сидел человек (тоже из публики) со спрятанной в галстуке иголкой. Он мог также отгадать в книге те слова, которые (опять же в его отсутствие) загадали зрители...

Короче, в Дорохиной странно уживались рассудительность и почти детская наивность.

Насколько я понял, она думала, что мы, то есть прокуратура и милиция, если захотим, можем все, даже отыскать обидчика (или обидчиков) ее мужа, не имея в руках никакой зацепки...

— Вот что,— сказал я, завершая беседу,— попросите, чтобы ваш муж зашел ко мне. Возможно, со мной он будет более откровенным.

— Поговорите с ним, товарищ прокурор, поговорите,— ухватилась за эту мысль Дорохина.— А то знаете, что-то нехорошо у меня на душе...

Николай Дорохин зашел на следующий день.

Я видел, как возле прокуратуры остановился могучий КрАЗ. Из кабины вылез высокий нескладный парень в брезентовой куртке, кирзовых солдатских сапогах и в кроличьей ушанке. Он потоптался у машины, потом нерешительно двинулся к нашему подъезду.

И разговор у нас получился какой-то нескладный. Дорохин смущался, все норовил отвести глаза в сторону. А возможно,

он стыдился синяка, расползшегося от левого глаза почти на пол-лица. Одно было ясно: ему очень не хотелось приходить ко мне, но ослушаться жены он, видимо, не мог.

— Неинтересная это история, товарищ прокурор,— говорил он, не зная, куда пристроить свои жилистые руки с крепкими, широкими ногтями.— И зря Анна всполошилась. Вас вот от важных дел отрываем...

— Значит, вы утверждаете, что была авария? — допытывался я.

Дорохин насторожился. Может, испугался, что его привлекут за транспортно-дорожное происшествие, и теперь взвешивал, какое зло меньше. С одной стороны, авария, с другой — надо в чем-то признаваться...

— Какая там авария,— наконец буркнул он.— Выдумал я. Чтобы жена отстала...

— Драка?

— Так, ерунда,— снова буркнул Дорохин.

Из Николая действительно каждое слово надо было тащить клещами.

Насколько мне удалось разобраться (впрочем, я не уверен, что понял его до конца), у Дорохина произошла стычка с приятелем, и виноват в ней будто был сам Николай: нехорошо, мол, отозвался о его подружке. Погорячились, обменялись тумаками. Словом, обыденная история. Все мы, как говорится, были молодыми. И петушились, и волтузили обидчиков, и сами приходили домой с разбитым носом. Мой сын, старшеклассник, тоже пару раз заявлялся домой с фонарем под глазом. Жена, естественно, переживала, требовала принять меры. Но это было глупо. Ребята частенько так выясняют свои отношения. Энергии у них много, а сдержанности не хватает.

Впрочем, говоря откровенно (хотя и не педагогично), как растить парней смелыми, отважными, чтобы они умели постоять за себя и дать, если нужно, отпор? Бокс, между прочим, тоже драка. Спортивно организованная. А в старые времена кулачный бой завершал иные праздники. И в городе, и в деревне. Никто это нарушением общественного порядка не считал. Молодецкое состязание...

Добиться большего от Дорохина я не смог. И признаться, не очень старался. Если его объяснение — правда, то инцидент, как говорится, исчерпан. Если нет, дело остается на его совести. Человек он взрослый, должен отвечать за свои слова и поступки. Но все-таки я сказал ему напоследок, что он может обратиться в суд с заявлением о нанесении ему легких телесных повреждений. В порядке частного обвинения.

Не знаю, что рассказал Николай жене после визита в прокуратуру, но она больше ко мне не приходила, и я забыл об этой истории.

Вскоре мне пришлось заняться одним необычным делом. Помощник прокурора — Ольга Павловна Ракитова — уехала на семинар, проводившийся областной прокуратурой, и все, что обычно делала она, в это время легло на мои плечи.

Однажды, сидя у себя в кабинете, я услышал в приемной шум и удивился — не шуму, конечно, здесь всякое бывает, а детским голосам. Через минуту зашел наш шофер Слава.

— Захар Петрович, тут к вам пацаны рвутся,— сказал он.

— Какие пацаны?

— Да стою я на улице, вытираю машину,— объяснял шофер,— окружили меня, долдонят что-то про озеро. Говорят, нужен кто-нибудь из прокуратуры. Дело, мол, серьезное...

— Так пусть заходят,— сказал я.

«Пацаны» — трое подростков. Как они сказали, из соседней школы. Два мальчика и девочка.

Говорить они начали разом, перебивая друг друга.

— Давайте для начала все-таки познакомимся,— предложил я, чтобы сбить их возбуждение, и первым представился им.

— Руслан,— назвал свое имя высокий серьезный мальчик, который, по-видимому, главенствовал среди них.

Второй мальчик тоже ограничился именем. Его звали Костя.

— Роксана,— сказала чернявая девочка с темными миндалевидными глазами и добавила: — Симонян.

Все они учились в восьмом классе и состояли в Голубом патруле. О дозорных Голубого патруля писала как-то городская газета. Они следили за состоянием озер, прудов, рек и речушек в Зорянске и его окрестностях, помогали инспекторам рыбнадзора выявлять и ловить браконьеров, спасали водоплавающих птиц, оставшихся по какой-то причине зимовать у нас, вели учет пернатых, чья жизнь связана с водой. В общем, как я понял, забот у них было много...

— Захар Петрович,— сказал Руслан,— надо срочно спасать озеро Берестень.

— А что случилось?

— Сгорит! — расширив глаза, выпалил Костя.

Берестень-озеро!.. Сколько счастливых безмятежных часов провел я на его берегу с удочкой в руках...

— Никогда не слыхал, чтобы озеро горело,— заметил я.

— А вам известно, что в Америке в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году сгорела целая река? — учительским тоном спросила Роксана.

Пришлось признаться, что подобный факт мне не известен.

— Об этом писали газеты всего мира,— так же назидательно продолжала Роксана.— Река Кайахога в штате Огайо сгорела вместе с двумя мостами...

— Каким образом?

— На ее поверхности скопилась нефть,— ответил за Роксану Руслан.— Мы сегодня ходили на Берестень... Вся вода в разводах нефти... Решили поднять тревогу...

— Спасать надо! — выкрикнул Костя.— Срочно! А то будет как в Америке!

— Откуда у нас нефть? — удивился я.

Ребята на этот вопрос ответить не могли.

По словам Руслана, они сообщили о происшествии его дяде — пенсионеру, отставному пожарному. Но дядя лишь посмеялся: вода, мол, гореть не может, водой тушат огонь...

Я спросил, говорили ли они еще кому-нибудь о своем открытии?

Выяснилось, что от дяди они помчались к учителю географии Олегу Орестовичу Бабаеву, который возглавляет Голубой патруль. Но его не оказалось дома. Они рассказали обо всем жене учителя и побежали в прокуратуру.

— Представляете,— возбужденно сказал Костя, самый темпераментный из троицы,— бросит кто-нибудь зажженную спичку или непотушенный окурок, и все пропало!

Признаться, история озадачила меня. Во-первых, насколько сообщенные ребятами сведения соответствовали действительности? Было ли положение на озере угрожающим? Может, в воду нечаянно попал бензин, когда кто-нибудь из автотуристов мыл машину, а ребята приняли небольшое масляное пятно за признак катастрофы?

Во-вторых, если это действительно нефть, то почему она очутилась в озере? Месторождение? Утечка с базы? Но база нефтепродуктов расположена на другом конце города.

И еще. Я не мог сразу сообразить, к кому в городе обращаться, чтобы выяснить, что произошло на Берестене. Нужен был специалист...

Мои размышления прервал приход учителя Бабаева.

С Олегом Орестовичем мы были знакомы. Как-то он написал в «Учительскую газету» письмо-размышление о проблемах, с которыми ему пришлось столкнуться в своей педагогической практике. В нем он затронул судьбу одного ученика, который, не поступив после школы в институт, стал пить, связался с женщиной старше его на семнадцать лет. Редакция газеты переслала это письмо к нам, в городскую прокуратуру. Когда мы стали разбираться, то выяснилось, что эта женщина — преступница.

Вот так я узнал Бабаева, честного, непримиримого человека.

Жизнь его не баловала. По профессии гляциолог, он едва не погиб в экспедиции на Шпицбергене. Обмороженного, его самолетом вывезли в родной Ленинград, где врачи буквально выцарапали Олега Орестовича из лап смерти. А дальше — ампутация левой руки, расставание с любимым делом. Но он

не пал духом. Стал учительствовать, увлекаясь и увлекая своих учеников. Да и сам он напоминал вихрастого подростка, хотя Бабаеву было уже за тридцать...

Ребята рассказали ему, что увидели на Берестень-озере. Правда, уже спокойнее, чем мне.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил я учителя.

— Давайте сначала посмотрим, Захар Петрович,— сказал он.— У вас есть сейчас время?

— Да,— кивнул я.

Мы сели в нашу служебную машину, прихватив с собой двух дозорных. Для третьего места не хватило, и Костя великодушно (хотя и не без огорчения) отправился на Берестень-озеро автобусом.

Была середина марта, а стояла неестественная для этого времени теплынь. Обычно на Зоре, реке, протекавшей по городу, еще плавали толстые, рыхлые льдины, а нынче она уже полностью очистилась ото льда, текла спокойно и величаво.

— Ну и погода,— сказал я.— Сплошная аномалия. На три недели раньше весна...

— Почему же аномалия? — пожал плечами Бабаев.— И вообще что мы знаем о матушке-Земле? Слишком короток наш век, Захар Петрович, а природа творилась слишком долго, чтобы понять ее законы.

— Это не мое мнение,— стал оправдываться я.— Почитаешь газеты, журналы, посмотришь телевизор — только и твердят: с климатом что-то неладное. То слишком раннее тепло, то слишком поздний холод... И так на всей планете...

— Просто люди нелюбознательны,— усмехнулся Олег Орестович.— Если бы они потрудились заглянуть в старые хроники... Климат на Земле лихорадило всегда. И во времена оны тож... Однажды, в пятнадцатом веке, если не ошибаюсь, в Новгороде в июле был такой мороз, что погиб весь хлеб...

— В июле? — не поверил я.

— Вот именно, в самый жаркий месяц этой полосы... Да что у нас, в северной стране! Например, в девятом веке был случай, когда низовья Нила покрылись льдом. И это Африка, где все живое почти круглый год страдает от жары...

— И засухи в давние времена тоже случались сильные,— добавила Роксана.— Помните, Олег Орестович, вы нам про Китай рассказывали?

— Верно,— кивнул Бабаев.— Там с шестьсот двадцатого по тысяча шестьсот двадцатый год, то есть за тысячу лет, шестьсот десять лет были засушливыми. Больше половины! Причем из них двести три года были годами серьезного массового голода... Так что теперешняя засуха в Африке — а она продолжается почти десятилетие,— не есть нечто невиданное в истории человечества...

— В стародавние времена это происходило само собой,— не выдержал шофер Слава.— А теперь виноваты люди.

— Во многом, но далеко не во всем,— сказал учитель.

— Ну да! — усмехнулся Слава.— Везде свою руку приложили. Добрались до самых недоступных мест.

— Согласен, что влияние деятельности человека на климат ощущается в глобальном масштабе,— ответил Бабаев.— Однако мы отнюдь еще не властвуем над матушкой-природой.— Он помолчал и добавил: — И слава богу! Как писал Чернышевский: «...новое строится не так легко, как разрушается старое»... А что касается природы, человек пока больше разрушал...

— Еще вы интересные слова Пришвина приводили,— снова сказала девочка.— «Поезд нашей человеческой жизни движется много быстрее, чем природа».

— Запомнила,— улыбнулся Олег Орестович.— Молодец! — Он повернулся ко мне: — Жаль, что эту простую истину не могут понять взрослые. Особенно те, от которых зависит, где построить новую плотину или осушить болото, возвести гигантский комбинат или открыть рудник...

Мы были уже на окраине. Район застроили совсем недавно. Прямые широкие улицы, многоэтажные стандартные дома. Конечно, жить здесь было удобнее, чем в старой части города. Но своеобразие и неповторимость Зорянска, с его уютными, утопающими в зелени улочками, разнообразием домов, здесь безвозвратно исчезли.

— Прямо как в новом районе Ленинграда...— с огорчением сказал Бабаев. Сам он был из города на Неве.

— Или в Москве,— откликнулся Руслан.— Я летом гостил у тети. Она живет в Бибиреве, это за ВДНХ... Точно такой же универсам...

Универсам должен был стать гордостью Зорянска — первый огромный торговый центр города. Внизу, на первом этаже,— продмаг самообслуживания, на втором — универсальный магазин. Бетонная коробка и стекло. Здание достраивали, открытие намечалось через год.

Слава сбавил скорость, чтобы не заляпать машину: шоссе возле стройки было покрыто желтой глинистой жижей.

Минут через пять мы выехали к Берестень-озеру.

Оно всегда возникает как-то неожиданно. Дома микрорайона вдруг сменяет веселая рощица белоствольных берез, а за ними, сверкая, переливаясь,— синь воды. Собственно, Берестень был уже за городом.

— Ну, где нефть? — спросил я у ребят.

— Надо обогнуть озеро,— ответил Руслан.— Там, у Берестянкина оврага...

Мы проехали еще с километр по шоссе, огибающему чашу

озера н устремляющемуся дальше. Слава свернул к берегу. Но подъехать к месту, указанному дозорнымн Голубого патруля, оказалось невозможио — так размокла земля.

Мы двннулнсь к оврагу пешком, стараясь держаться поближе к воде — берега былн песчаные.

Овраг, видимо как н озеро, получнл свое названне от речушкн Берестянкн, которая когда-то впадала в Берестень. Это было очень давно. Речка обмелела, а потом н вовсе исчезла, оставнв после себя балку. Сейчас на дне оврага еще сохранnode сугробы грязиого позднего снега, в котором весеннне ручьн проделалн круглые, похожие на звернные, ходы.

— Вот здесь,— сказал Руслан.

Мы подошли к самой воде. Закатное солнце, стоявшее низко над землей как раз иапротив, окраснло озеро в розовый цвет. И все же на его поверхности можио было явственно различнть радужные кругн, играющие всем спектром.

Олег Орестовнч втянул в себя воздух. Все остальные иевольно сделалн то же самое.

К свежему запаху талого сиега прнмешнвался другой, резкий и знакомый мие,— керосниа.

Почему-то вспомиилось послевоеиное детство, душный маслянистый запах лампы-трехлиниейкн, при свете которой я сидел над урокамн...

Бабаев зачерпнул горсть воды, понюхал.

Сзади послышались торопливые шагн. Это с автобусной остановки бежал Костя.

— Ну? Нефть, да? — с ходу выпалнл он, едва переводя дыханне.

— По-моему, беизнн,— сказал Бабаев.— Но может быть, н керосин, как сказал Захар Петровнч... Интересно, много его попало в озеро?

— И у того берега есть! — воскликнул Костя, показывая на противоположную сторону Берестеня.

— Там, и там, н там...— Руслан обвел рукой все озеро.

— А может, все-такн нефть? — спроснл я у Бабаева, проверяя одио из своих предположенний.— Чем черт не шутнт, вдруг под намн месторожденне...

— Нет,— категорнческн сказал Олег Орестович.— Я зиаю, что такое нефть. Видел в Северном море аварию танкера. Совершенно другая картнна. Да и запах... А насчет месторождения — увы, Захар Петрович... Тут в прошлом году недалеко работала геологнческая экспедицня...

— Мы были у них на экскурсин,— подтверднла Роксаиа.

— Каолнн иашли,— продолжал учнтель.— Сырье для пронзводства фарфора... А вот насчет черного золота...— Он развел рукамн.— А это,— показал Бабаев на радужные разводья,— следы чьего-то головотяпства. Прямо скажем, вреди-

тельство! Варварство! Вы не представляете, какой урои ианесеи озеру! Теперь не выловите не только ни одного окуия, ии одиой плотвички — головастика не увидите... А утки? Сколько было положено труда, чтобы летом у нас селились чирки, гоголи, чтобы давали тут потомство. Все насмарку...

Ои махнул рукой и замолчал.

Мы прошли дальше по берегу. Везде было одно и то же — разноцветные маслянистые круги покрывали воду.

Солнце косиулось края земли. Неожиданно быстро похолодало. Надо было возвращаться в город: ребята продрогли да и стемнело.

Мы усадили дозорных в машину, а сами с Бабаевым отправились домой пешком, и он, и я жили в микрорайоне, неподалеку от строящегося универсама. Ходу — мииут сорок. Хотелось обсудить увидеиное.

Как бензин или керосин мог попасть в Берестень? Промышлеиных стоков в озеро нет. База нефтепродуктов иаходится на противоположном конце Зорянска, а судя по тому, что загрязнение распростраиилось уже по всему зеркалу, иефтепродуктов в воду попало немало...

— Не везет Берестеню,— со вздохом сказал Бабаев.— Мие рассказывали, что лет двадцать назад в ием хотели разводить омуля...

— Омуля? — удивился я.— Не слышал.

В Зорянске я жил всего десять лет.

— Да, омуля,— кивнул Олег Орестович.— Вода чистая, условия подходящие. Вот его и облюбовали ихтиологи. Хотели провести эксперимент. Если бы дело выгорело, то поставили бы все на промышлениую осиову. Начинаиие сулило большие доходы. Но сначала надо было, как тогда говорили, освободить будущее омулевое поле от сорной рыбы. То есть свести на иет малоценных окуней, плотву, красноперку...

— Господи,— вырвалось у меня.— Сориая! Да я, возвращаясь с рыбалки, радуюсь, если иа кукане у меня болтается десяток окуньков. А уха из них!..

— Не рыбак,— улыбнулся Бабаев.

— Извините, Олег Орестович, что перебил. Продолжайте...

— Так вот, обработали Берестень полихлорпииеиом, от которого все рыбешки скоичались. Весной заселили озеро мальками байкальского омуля и стали ждать. Ждали, ждали, а омуля иет как нет...

— Почему? — поинтересовался я.

— Щука съела. Расплодилась страсть, и все стадо мальков без остатка сожрала...

— А как же этот самый?.. Ну, полихлор...

— Полихлорпииен? Не подействовал, видимо, на зубастую хищницу. Опять травили полихлорпиненом да еще для полиой

победы — карбофосом. Элементарное, между прочим, средство от тараканов... Результаты превзошли все ожидания. Не только рыбы — жучка у воды, бабочки над водой не водилось. Радовались: теперь-то у омуля врагов не будет... Через некоторое время произвели новый «засев» мальков с далекого Байкала. Проходит год, другой, третий... Ихтиологи разводят руками: омуля нет, зато окунь идет косяками...

— Как это?

— Вот так! Стали искать причину. Ученые головы ломали, а ларчик открывался просто! Жил неподалеку в деревеньке Желудево старичок. Всю жизнь ловил в Берестене окуней. А тут пришел с удочкой, а окуньков-то нет. Тогда старик наловил окуневой молоди в нашей Зоре и выпустил в Берестень. Живите, мол, и размножайтесь... Окуни подросли, расплодились, и начисто истребили омуля...

Учитель засмеялся.

— А дальше? — спросил я.

— Свернули эксперимент. Оставили Берестень в покое... А теперь вот кто-то другой «эксперимент» ставит... Знаете, Захар Петрович, чувствуют у нас себя эти «экспериментаторы» безнаказанными.

— Почему же? — возразил я.— В кодексе есть специальная статья, предусматривающая наказание за загрязнение окружающей среды, в частности водоемов. Ну а если такие действия нанесли значительный урон природе, например, привели к массовой гибели рыбы,— тем более!

— А как измерить в таком деле масштаб урона? — спросил Олег Орестович.— Что на первый взгляд кажется пустяком, завтра может обернуться непоправимой бедой!.. Удобрения... Обыкновенные удобрения, смываемые с полей в речку, постепенно убивают в ней все живое! Между прочим, Петр Первый повелевал пороть батогами солдат, которые сбрасывали мусор в Неву. А офицеров, допускавших это, на первый раз штрафовали, а если повторялось безобразие, разжаловали в солдаты. Он же, Петр Великий, категорически запретил ездить на лошадях по льду петербургских каналов, чтобы конский навоз после таяния льда не попадал в воду!

— Ну что же, в уме и в решительности Петру отказать нельзя,— сказал я.

— Зачастую именно разгильдяйство бывает виной тому, что называют загрязнением окружающей среды. А вернее, недоумие. Мол, природа все стерпит... Нет, не стерпит,— грустно покачал головой Бабаев.

Мы уже подходили к его дому.

— Олег Орестович,— сказал я на прощание,— вероятно, понадобится ваша помощь в этом деле.

— Конечно! — воскликнул Бабаев.— Помощников у вас бу-

дет предостаточно. Общество охраны природы, рыболовы, ученики нашей школы. Да и не только, думаю, нашей... Надо создать штаб по спасенню Берестеня. Подключим радио, редакцию «Знамя Зоряиска»... Помннте операцию «Лебеди»?

— Еще бы! — ответил я.

Это было прошлой зимой. В начале января город облетела весть, что на Берестень опустилась лебединая стая. Почему она появилась в наших краях, да еще в такое время года, так и осталось загадкой для местиых знатоков прнроды. Но тысячн зорянчан бросились к озеру, чтобы полюбоваться белоснежными грациозными птицамн, плескавшимися в незамерзаемой полынье.

В нашей газете почти каждый день печаталнсь заметкн о необычных пернатых гостях.

Лебединую стаю — а она насчнтывала восемьдесят одну птицу — взялн под свою опеку дозорные Голубого патруля, активисты Общества охраны природы, работники местного охотничьего хозяйства. Основания для тревоги были: в конце января ударили сильные морозы, полынья затягивалась льдом да и пищи стае не хватало.

Ежедневно на Берестене дежурило несколько человек. Они подкармлнвалн лебедей.

Птицы прожили у нас всю зиму. А когда весна властио вступнла в свои права, белоснежная стая взмыла в небо. Сделала прощальный круг над озером, словно благодаря собравшихся на берегу людей, и исчезла в снневе.

В дальнюю дорогу отправилась вся стая — ии один лебедь не погиб!..

— Вот увидите, Захар Петрович,— горячо пронзнес учнтель,— и теперь нас весь город поддержит!

Придя домой, я тут же связался с начальником местной службы гидрометеорологии и контроля природной среды Чигриным. Он сказал, что незамедлительно пошлет на озеро людей, чтобы взять пробы воды.

На следующий деиь с утра Чигрин сам прнехал в прокуратуру.

— В Берестене солярка,— сказал он, кладя иа мой стол результаты анализов воды.

— Когда вы последиий раз проверяли состоянне воды в Берестене?

Наш «бог природы», как мы называли метеоролога, вздохнул:

— В ноябре прошлого года. Перед тем, как озеро замерзло. Водичка была чнстая. Хоть пей! В этом году проб еще не брали. Лишь вчера, по вашей просьбе... Откуда все-таки солярка?

— Вот н мы ломаем голову... А не мог занестн солярку какой-ннбудь ручей впадающнй в озеро?

— Исключено,— ответил Чнгрни.— Берестень пнтается подземнымн ключамн. В иего не впадает ни однн ручеек... Я поеду на озеро. Надо разобраться на месте...

«Бог прнроды» позвоннл в середнне дия н попроснл меня прнехать к Берестеню.

— Я буду ждать вас на шоссе.

Мы добрались со Славой до озера, миновали то место, с которого пошлн вчера осматривать Берестеиь. Чнгрии ждал иас возле фургончика с надпнсью «Лабораторная». Внд у иего был озабоченный.

— Пойдемте, Захар Петровнч,— сказал ои, когда я выбрался нз машнны.— Тут рядом.

Мы свернулн с асфальтовой ленты. И хотя шагалн по прошлогодней траве, скоро на монх туфлях набралось нзрядио глнны.

Метрах в ста пятндесятн от дорогн Чнгрнн остановнлся. Перед намн лежал овраг. Все тот же, Берестянкнн. Но здесь он был совсем иеглубокий — пологая ложбнна.

Чнгрин показал на землю. Она была бурая.

— Вся пропнтана соляркой,— зло сплюнул метеоролог.— Овраг тянется до самого озера. Идет под уклон к Берестеню... Теперь вам ясно?

Я кнвнул.

— Тут вылнли много горючего. И не вчера... Теперь начал таять снег, с талой водой солярка потекла в озеро. И будет течь, пока грунт не оттает совсем. Да и потом озеро будет отравляться соляркой. От дождей...

— Что же делать? — вырвалось у меня.

— Преграднть путь к стоку,— Чнгрнн осмотрелся.— А вот как — придется посоветоваться с мелнораторамн.

Мы двниулись назад.

Меня мучил вопрос: кто мог слнвать солярку в овраг? И главиое, зачем? Буквально месяц назад в горкоме партии состоялось совещанне. Экоиомить, экономнть н еще раз экономнть! Горючее, электроэнергню! На каждом предпрнятнн, в каждом учреждении...

Прнняли решенне, обязалнсь, взялн под строгнй контроль... А тут — тонны, десяткн тонн солярки! В землю...

Перед тем как расстаться с Чнгрнным, я посоветовал ему позвонить Бабаеву.

— Непременно,— сказал Чигрии.— Надо прннимать срочные меры. Без общественников не обойтнсь...

Судьба Берестеня взволновала весь город. На прнзыв штаба, который возглавнл Чнгрнн, отклнкиулнсь добровольцы. В Берестянкии овраг прнбылн сотии людей с лопатами и но-

снлкамн. Работами по отводу загрязненной воды руководнлн специалнсты.

Перед прокуратурой встала задача — найтн внновинков беды. Налнцо было наиесение серьезиого ущерба окружающей среде. Кроме того, загублено, очевидно, иемало ценного дефнцитного топлива...

Было возбуждеио уголовное дело. Вестн его я поручил следователю Владимиру Гордеевнчу Фадееву. Он проработал в прокуратуре около трех лет н уже нмел на своем счету несколько раскрытых сложных преступлений, в том числе и хозяйственных.

Фадеев прежде всего произвел тщательный осмотр Берестянкнна оврага и примыкающей к нему местности, навел кое-какне справки, назиачнл судебиые экспертнзы. К концу следующего дия ои зашел ко мне посоветоваться.

— Для начала, Владимир Гордеевич, хотелось бы знать ваше общее впечатление,— сказал я.

— Ну, что, стоят трн вопроса... Классических. Кто, когда с какой целью... Начну по порядку. Солярка в Берестянкии овраг попала ие с иеба. Скорее всего, ее и завезли на автомашиие.

— Завез илн завозили? — уточинл я.

— Завозилн! Такого количества горючего одинм махом не завезешь. Даже в автоцистерие. А вот кто нменио завознл, пока ие зиаю.

— Следов нет? — спросил я.

— Видимых во всяком случае,— ответил следователь.— От шоссе до оврага — луг с мощиой дериииой...

— Но вы сказалн «завознли»,— перебнл я его.— Это подразумевает миогократность действия... Какая бы крепкая ни была дернина, колея должна была появиться...

— Так-то оно так, но это могли делать в знмнее время. Снег нынче лег хороший. Толщниа...

— Понимаю,— подхватнл я его мысль,— вознли по иасту, растаял снег, растаяли н следы...

— Вот нменно,— кивнул следователь,— слнвалн солярку прнблнзительио с середины ноября прошлого года по коиец февраля нынешнего... Справку, когда у нас этой знмой лег снег н когда стаял, я получнл у Чнгрниа.

— А прошлой знмой не моглн завезтн в овраг горючее? — спросил я.

— Нет, нн в коем случае, Захар Петровнч. Тогда бы солярку в озере обнаружилн прошлой весиой.

— Это так,— согласнлся я.— А теперь третнй, как вы выразнлнсь, классическнй вопрос. Цель?

— Кто-то был слншком богат,— усмехнулся следователь.— Карман кому-то оттягнвало лншиее горючее.

— Какие хозяйства и предприятия пользуются у нас в городе солярκой? — поинтересовался я.

Владимир Гордеевич раскрыл блокнот.

— В городе есть три автохозяйства. Из них два — номер один и номер три — потребляют солярку. У них автомашины с дизелями...

— А номер два?

— У тех все автомобили с бензиновыми двигателями. Дальше: на солярке работают тракторы и некоторые автомашины в колхозе «Рассвет». Его земли как раз примыкают к Берестянкину оврагу... Солярκой пользуются также на керамическом заводе, в печах для обжига изделий... Ну и частники, разумеется. В деревнях Желудево, Матрешки, Курихино наберется с десятка полтора домов, где водяное отопление работает на дизельном топливе.

— Частник небось каждый литр бережет,— заметил я.

— Какой там литр! Грамм! — воскликнул следователь.— Искать надо на предприятиях. Кому-то необходимо было спрятать концы в воду. Вернее, в землю...

— И все-таки концы оказались в воде,— невесело пошутил я.— Тут, Владимир Гордеевич, вопрос в том, почему избавлялись от лишнего горючего? Что за нужда такая? Может, кто-то химичил с солярκой, накопил лишку, а грозила ревизия? Сами знаете, излишек порой хуже недостачи...

— Не понимаю, Захар Петрович, как и зачем химичить с солярκой? — пожал плечами следователь.— Ее трудно пустить налево...

— Почему? Тому же частнику.

— На отопление? Спрос небольшой. У моего брата дом в Курихино. Говорит, в сезон уходит тонны три. Другое дело — бензин. На него левых охотников и искать не надо.— Фадеев подумал и добавил: — Нет, здесь, конечно, совсем другое...

— Какие шаги думаете предпринять?

— Пройдусь по всем предприятиям в городе, где пользуются солярκой. Я связался с ОБХСС. Помогать мне будет Орлов.

С оперуполномоченным ОБХСС, лейтенантом Анатолием Васильевичем Орловым, Фадеев уже провел несколько расследований. Довольно успешно.

— А не может быть такого, что горючее в Берестянкин овраг слили не наши предприятия? Вдруг из другого района? — задал я последний вопрос следователю.

— Не думаю,— ответил он.— Из-за такого дела семь верст киселя хлебать!

— Почему же... Если хотели концы в воду, есть смысл и сюда ездить... Вы не упускайте этого из виду.

— Хорошо, Захар Петрович,— согласно кивнул Фадеев.

Только он ушел от меня, как раздался телефонный звонок. Звонил редактор городской газеты «Знамя Зорянска» Ким Афанасьевич Назаров. И все по тому же поводу — о возмутительном (как выразился редактор) происшествии на озере.

— Готовим целую полосу,— сказал Ким Афанасьевич.— Случай, прямо скажем, из ряда вон! В редакцию звонят, приходят люди, требуют дать достойную отповедь тем, кто посягает на природу... Будет заметка Чигрина об истории Берестеня и несколько писем трудящихся. Если вы не возражаете, хотим поместить интервью с вами. Так сказать, осветите вопрос с правовой точки зрения...

Я не возражал. Назаров, следует отдать ему должное, никогда не упускал возможности умело и с размахом преподнести на страницах газеты то или иное событие, взволновавшее жителей Зорянска. Так было, к примеру, с операцией «Лебеди», о которой я уже упоминал. Польза и читателю, и редакции. Читатель получал животрепещущую информацию, а для редакции это были самые счастливые дни: газету, что говорится, рвали из рук, в киосках весь тираж раскупался мгновенно.

В тот же день меня посетил корреспондент газеты. Интервью было напечатано в ближайшем номере. Помимо вопросов об ответственности за нанесение ущерба окружающей среде, мне был задан и такой: что предприняла прокуратура города в связи со случаем на озере? Я сказал, что по этому факту ведется расследование. В подробности я, естественно, вдаваться не стал.

Опубликование этого интервью имело неожиданные результаты. В прокуратуру позвонил рыбак, который любил проводить свободное время на озере у лунки. Он сообщил, что видел однажды зимой, как две машины свернули с шоссе и направились в сторону Берестянкина оврага.

Я попросил свидетеля зайти в прокуратуру. Из его показаний, данных следователю, выходило, что грузовики ехали как раз туда, где сливалось горючее. Машины были большие, самосвалы. К сожалению, уже стемнело, и марку автомобилей он не разглядел. Как и номеров.

Аналогичную картину наблюдали и два подростка из деревни Желудево, которые катались на лыжах у Берестеня. Дело было тоже под вечер. Самосвал свернул с шоссе к тому же месту. Насчет марки машины возникли разногласия: один парнишка утверждал, что это был МАЗ, второй — КрАЗ.

Сказанное свидетелями подтверждало предположение Фадеева: солярку завозили зимой, по снегу.

Были в прокуратуру и анонимные звонки, продиктованные, вероятно, не самыми лучшими чувствами,— желанием кому-то

отомстнть нлн просто иапакостить. Одна женщнна, например, уверяла, что в озеро специально лила керосин ее соседка, по своему злодейскому характеру. «Хотела всю рыбу известн, чтобы всем было плохо. Знаю я ее, стерву»,— закончила свою речь аионнмщнца н бросила трубку.

Я знаю цену подобным звоикам. На инх не стоит обращать вннмания. Но одни звоиок все-такн насторожил.

Позвонил мужчина и хриплым голосом сказал:

— Я насчет озера н солярки, иачальннк... Автобазу проверь. Потрясн Альку, оиа-то в курсе...

Мне хотелось выяснить подробностн, но из трубкн уже доносилкcь частые гудки.

Я сказал о звонке Фадееву, зашедшему ко мие вместе с оперуполиомочеиным ОБХСС Орловым.

— А иомер автобазы? — зажегся было следователь.

— Увы,— развел я руками.— Но я бы особеино не обольщался, Владимнр Гордеевич. Самн зиаете, в подавляющем большинстве аноиимщнки лгут.

— Автобаза, какая-то Алька...— задумчнво пронзнес Фадеев н, посмотрев на лейтенаита, спросил: — Это нмя вам ннчего не говорнт?

— Да вроде нет,— пожал плечамн Орлов.

Следователь н лейтеиант замолчали, что-то обдумывалн.

— Как видио, вас этот звоиок занитересовал? — спроснл я.

— Пожалуй. Ну Альку поищем,— ответил Фадеев.— А теперь вот хотим сказать, мы тут с Аиатолием Васильевичем кое-что проаналнзировалн... Дорожка все же н так ведет к автохозяйствам.

— Имеются коикретиые улнкн?

— Пока только общие соображения,— сказал следователь.

— Поннмаете, Захар Петрович,— начал оперуполномоченный,— автохозяйства у нас словно невесты с богатым приданым. Им все клаияются, нх все просят. Да вы сами отлично знаете, транспорт нужен всем, а его ие хватает. Вот органнзацин н ндут на всяческне уловкн н ухищреиня, лншь бы не ссориться с транспортннкамн...

Об этом я действительно зиал. На совещаниях и хозяйствеиных активах особеиио жаловались строители: нз-за нехватки автотраиспорта они все время иаходятся на грани срыва плаиовых заданнй...

— В прошлом году,— продолжал оперуполиомоченный,— мы разбирались с прнписками в тресте «Зорянскспецстрой»... Вместо сорока тысяч, которые трест должеи был заплатить автохозяйству номер два, выложили девяносто! Я спрашиваю у одиого деятеля «Зоряиcкспецстроя»: «Братцы, что вы делаете?» А он мне: «Дорогой товарищ, вынуждены! Переводим деньгн транспортинкам ие за фактическую работу, а за то, что

«нарисовано» в их путевых документах». Пытались, говорит, подписывать бумаги только за выполненный объем работ, так автохозяйство тут же срезало количество машин. Встали экскаваторы, грейдеры. График строительства полетел ко всем чертям... Пришлось принимать условия автохозяйства.

— А чем руководствуются транспортники? Кто им дал право так безбожно обдирать строителей? — спросил я.

— План, Захар Петрович,— ответил Орлов.— Они должны отчитываться по тоннам и тонно-километрам. А с объемом перевозок «Зорянскспецстроя» якобы много не наберешь... Вот автобазы и посылают машины более покладистым клиентам.

— Да,— вздохнул Фадеев,— у всех план. А своя рубашка ближе к телу...

— Вся беда в том,— сказал Орлов,— что автохозяйства из-за этого плана действительно иной раз вынуждены идти на нарушения. Что-то недоработано во взаимоотношениях с предприятиями, которые пользуются их услугами.

— Но это не повод для нарушения законов,— заметил я.— Было бы желание, а увязать все можно. В том числе и ведомственные интересы. А от нарушения один шаг до преступления. Всегда найдутся охотники погреть руки на неувязках...

— Увы! — подтвердил оперуполномоченный.— Смотрите, какая вырисовывается картина: мало того что транспортники получают оплату за несуществующие тонны и тонно-километры, им на эти перевозки выделяются дополнительное горючее и смазочные материалы... И тут встает еще один вопрос: куда это горючее и смазочные материалы деваются?

— А этот вопрос,— улыбнулся я,— в свою очередь, прямо связан с делом, которым вы сейчас заняты.

— Вот именно,— тоже улыбнулся Фадеев.— Круг наших поисков сужается. Я и Анатолий Васильевич предполагаем, что безобразие в Берестянкином овраге мог учинить кто-то из шоферов автохозяйств — первого или третьего.

— Понятно,— кивнул я.— Автомашины, работающие на дизельном топливе, только у них.

Дня через два после этого разговора, возвращаясь с работы, я встретил Олега Орестовича Бабаева. Он гулял с сынишкой. Я поинтересовался, как идут работы по очистке озера («Знамя Зорянска» писала, что для этой цели прибыла группа специалистов).

— Все не так просто,— сказал учитель.— Абсолютно надежных средств нет. Конечно, имеются специальные реагенты. Их разбрасывают по поверхности воды, они взаимодействуют с продуктами загрязнения...

— Значит, очистить озеро все-таки возможно?

— Будем надеяться. Но, как известно, портить легче, чем

исправлять. А на земле хуже всего прнходится воде. Ведь любые продукты загрязиения окружающей среды в конечном итоге обязательно попадают в воду. В рекн, озера, в мировой океан... Вода... Она уднвительно проста и в то же время загадочна. Дешева и одновременно бесцениа. Она утоляет жажду и дает жизиь полям, лесам. Кормит и лечит человека. И вообще, знаете что такое жизнь? По миению выдающегося иемецкого фнзиолога Раймоиа, жнзнь — это одушевленная вода... Ведь вот даже человек больше чем иаполовииу состоит нз воды. А в нашем сером веществе,— Олег Орестович постучал себя пальцем по голове,— ее больше всего — восемьдесят пять процентов!

— Между прочим, неплохой аргумент для тех, кто не хочет думать об охране воды вокруг нас,— пошутнл я.

— Юмор юмором, а положение с водой на земле тяжелое. Большииство больших и малых рек Европы мертвы... Напрнмер, иа Эльбе, где еще в конце прошлого века промышляли семгу, осетра, миногу, иа берегах таблички: «Купаться и пить воду запрещается». Представляете, даже купаться! Опасно для жизии... А в Америке? Трудно представить, что еще сто пятьдесят лет иазад в некоторых ее северных районах осетровую икру подавали к столу бесплатио, вроде приправы, как соль...

— Черную нкру? — не поверил я.

— Вот имеиио. А теперь какой там осетр! Даже плотвы не выловншь. Все загублеио промышленнымн стокамн.

— Обратиая стороиа прогресса, Олег Орестович. За прогресс надо платить.

— Боюсь, скоро уже не платить, а поплатиться прндется. Самым печальиым образом... Между прочим, промышленные стоки, губительиые осадки, а я имею в внду так называемые кислые дождн,— не едииственная причина смерти рек. Возьмите хотя бы осушение болот... За последнее время в Белоруссии в результате такого осушения было уничтожено девятиадцать рек! А еще столько же рек утратилн хозяйственное значенне — в иих исчезли рыба, бобры, упали урожаи на близлежащих полях н лугах... А сооружеиие водохранилищ? Оии замедляют теченне рек, изменяют их уровень. В свою очередь повышеиие нлн пониженне уровня реки ведет к измеиеиию растительиого мира по берегам и в окрестностях. А деревья н кустарники сохраияют водиый баланс в почве, сохраняют источники и родники, которые питают реки... В общем, стоит нарушить в природе одно звеио, как все оборачивается иепредвидеииыми последствнями. Писатель Аксаков иазывал человека «заклятым и торжествующим измеиителем лица природы»... С тем, что мы изменителн, согласиться можио. Но торжеств иа нашу долю выпадает не слишком миого.

— Мрачную картииу вы нарисовалн!..

Бабаев усмехнулся.

— Когда я читаю решения партийных съездов, пленумов, слушаю речи писателей, читаю книги наших ученых об охране окружающей среды, в моих ушах слышится не просто сигнал, а сирена тревоги... Тревоги за всю природу, за весь мир, за все человечество...

— Где же выход?

— Над этим, как вы знаете, Захар Петрович, бьются ученые во всем мире. Профессора, академики. Целые институты! Ищут выход. Вернее, нащупывают. Путем проб и ошибок.— Он вздохнул.— Будем надеяться, что найдут... Конечно, легче справиться в каком-нибудь одном месте. Как, например, Петр Великий взял да и повелел вычистить в Москве Поганые пруды, после чего их стали называть Чистыми прудами...

— Те, что недалеко от метро «Кировская»?

— Те самые! Знаменитые Чистые пруды, воспетые поэтами и писателями. Но теперь проблема экологии глобальная. Например, в Канаде дымят трубы заводов, загрязняя атмосферу серой, а из-за этого в Швеции выпадают дожди пополам с серной кислотой, те самые, что называют «кислыми»...

— Ну вот видите, если все наведут порядок у себя дома, то и другим будет лучше.

— Верно,— согласился учитель и замолчал. Потом сказал: — Берестень мы, кажется, отстоим. А где гарантия, что завтра какой-нибудь подлец не сольет в это же озеро или в нашу речку ядовитые отходы? Если уже не сливает...

— А вы зачем? — улыбнулся я.— Голубой патруль...

— Мы, к сожалению, только констатируем. Знаете, Захар Петрович, ребята предложили проверить в городе и в окрýге: не сливали ли горючее еще где-нибудь.

— А что, хорошая задумка! — сказал я.— И непременно дайте знать, если обнаружите что-либо подозрительное.

— Конечно, тут же сообщим,— пообещал Бабаев.

Получилось так, что мне пришлось встретиться с директором первого автохозяйства Ершовым. К нам поступили жалобы от двух сотрудников этого предприятия на незаконное увольнение. Ракитова Ольга Павловна, помощник прокурора, которая обычно занималась этими вопросами, еще не вернулась с семинара.

Прежде чем отправиться на автобазу, я навел кое-какие справки. Выяснилось, что положение там было не блестящее. Предприятие систематически не выполняло план. Донимала текучка кадров. Казалось бы, руководство должно бороться за каждого работника. Но...

— Таких мне и даром не надо! Прогульщики и пьяницы! — закричал Ершов, когда я ему сказал о жалобщиках.

— А вы пробовали их перевоспитывать? — спросил я.— Борьба за дисциплину и порядок подразумевает не только наказание, но и работу с людьми.

— Работал, работал, Захар Петрович. Пытался по-всякому. И сколько натерпелся — одному богу известно! Хватит! Увольнение законное. Профсоюз одобрил. Коллектив поддержал. Честное слово, дышать легче стало... У меня принцип: лучше меньше, да лучше.

— Но ведь шоферов не хватает!

— Это точно,— вздохнул Ершов.

— А как же план? Надоело небось, когда склоняют...

— И это верно,— еще тяжелее вздохнул директор.— Тут, понимаете, заколдованный круг... Не выполняем план — не дают жилья, не дают новые машины. Нет жилья — как я сохраню кадры? Да и на наших драндулетах в передовые не выскочишь. Простаивает четверть парка... Вот и не задерживаются у меня люди... Читали, наверное, сказку о Золушке? Так вот я и есть Золушка. Другим пряники, а мне...— Ершов в отчаянии махнул рукой.

В профсоюзном комитете базы я убедился, что жалоба в прокуратуру не обоснована. Решение администрации об увольнении прогульщиков законно и с профкомом согласовано.

И все же было интересно, почему на предприятии такая неблагополучная обстановка.

Мы разговорились с секретарем парторганизации Бабкиным.

— Причин много,— сказал он.— Но самая главная, считаю, Ершов — не директор. Был хорошим инженером, свой участок знал на все сто! А руководитель из него не получился.

— Мягкотелый?

— Да нет, пожалуй! Может терпеть, терпеть, а потом сорвется — только щепки летят во все стороны. Коллектив это чувствует. Нет ровного, твердого отношения, нет стабильности. Какая же тут дисциплина? И еще. Не умеет отстаивать наши интересы перед вышестоящими организациями... Работать любит. Сам вкалывает по десять — двенадцать часов и других заставляет, а порядка все нет. Ведь надо работу по-умному организовать...

— Неужели Ершов не понимает, что не справляется? — удивился я.

— Как не понимать? Даже попросил, чтобы обратно в инженеры перевели. Не отпускают. Для меня загадка — почему? Ругают то и дело, разные проверки... Вот и прокуратура нами заинтересовалась. Ваш товарищ наведывается чуть ли не каждый день... Это тоже нервирует коллектив...

«Наш товарищ», следователь Фадеев, действительно основательно занялся автобазой Ершова.

— Обстаиовка на предприятии весьма способствует иарушениям,— сказал мне Владимир Гордеевич.— Вы бы видели, в каком состоянии путевые листы! Черт ногу сломит. Еле-еле разобрались сообща с Орловым.
— Ну и каков улов? — поинтересовался я.
— Да вроде бы явных злоупотреблений нет...
— А скрытых?
— Тоже...
— С клиентами автобазы беседовали?
— Коиечно,— кнвнул следователь.— Говорят, Ершов старается не нарушать договорные обязательства.
— Как это — старается?
— Если и подводил когда, то по объективиым причинам. Машины выходят нз строя, не хватает водителей.
— А как насчет прнпнсок?
— Все чин чином. Сколько наработалн, столько и получают.
— Может, не хотят ссорнться с Ершовым?
— Не похоже, Захар Петровнч...
— С шоферами говорили? Что они думают?
— Без толку,— махнул рукой следователь.— Народ какой-то безразлнчный. Жалуются на низкие заработки, квартиры, мол, не светят. Миогие хотят уйти, если подвернется хорошее место. Завидуют тем, кто у Лукнна...
Семен Вахрамеевич Лукин был директором автохозяйства номер три. Его предприятне уже много лет прочно удерживает первое место по области. Грузиый, с гладким бритым черепом и пышными казацкими усамн, Семен Вахрамеевнч иеизменио сиживал в президиумах совещаний. Он напоминал мне одного из персонажей репинской картииы «Запорожцы пишут пнсьмо турецкому султаиу». Только чуба-оселедца ему не хватает...
Поговарнвали, что Лукин собирается на пеисию.
— Насколько я понял, ничего конкретного у Ершова вы так и не обнаружили,— подытожил я.
— Во всяком случае, по документам. Но, знаете, интуиция... Думается, нарушнтели с его предпрнятия.
— Интуиция для следователя — дело, конечно, ие последиее,— заметил я.— Однако ваш хлеб, как известно,— факты. От вашего рассказа у меня осталось какое-то двойствеиное впечатленне... С одиой стороны, вы поработали у Ершова серьезно, а с другой, сплошиые «может быть», «вероятно», «думается»... Расплывчато, Владимир Гордеевич. Не обижайтесь за откровениость...
— Какая может быть обнда? — вздохиул Фадеев.— Хвастаться пока действительно нечем. Я и сам чувствую — рыхло пока все. Не вытанцовывается...
— А как у Лукииа?
— Любо-дорого посмотреть. Кажется, Стаииславский го-

ворнл, что театр начинается с вешалки? Так и у Семена Вахрамеевича... Заходишь через проходную — сразу стенды, плакаты, на террнторни нн соринки... Это уже стнль. Во всем. Что днсцнплина, что показатели. Работники довольны: зарплата хорошая, премии ежеквартально. Там у них гремит Герман Воронцов. Работает по методу бригадного подряда. Авторитет не только у нас в городе, но и в области. Попасть к Воронцову в бригаду — что в престнжный институт! Нужны высшие баллы по всем статьям... Да вы, наверное, чнтали о нем в «Знаменн Зорянска»?

— Как же,— кнвнул я,— маяк...

Я даже вспомннл лицо Воронцова: его большой портрет, написанный художником, висел на аллее трудовой славы в городском парке...

По словам Фадеева, проверка в автохозяйстве номер три тоже не дала никакнх материалов для следствия.

— Где заправляются автомашины? — спросил я.

— Те, что с бензиновыми двигателями, на автозаправочных станциях, дизельные — у себя... По этой лннии также никакнх зацепок.

— А знаете, Владимнр Гордеевич, может быть, вам стонт копнуть с другой стороны? Помните, что рассказывал Орлов о взаимоотношениях автохозяйств с клиентами? Выясните, на каких объектах были заняты машнны Ершова, а где Лукина.

— Кое-что мне нзвестно.

— А должно быть известно все,— подчеркнул я.— Исчерпывающе! Насколько я знаю, клненты заинтересованы в том, чтобы скрывать некоторые факты... За приписки по головке не гладят. Так что вы не ограннчивайтесь объяснениями прорабов. Изучите проектно-сметную документацию. Сверьте заложенные в них объемы перевозок с фактически выполненными...

— Понимаю,— кивнул следователь.— Фиктивные тонно-километры — это нзлишек горючего... Да, пожалуй, вы правы.— Он улыбнулся: — Что ж, как говорил Маяковский, радн одного-единственного слова перекопаешь тонны словесной руды... Буду копать. Хотя бы ради единственного факта...

В таких небольшнх городах, как Зорянск, если случится где пожар, автоавария или другая беда, сразу становится известно всем. Неудивительно, что слух об аварии на шоссе неподалеку от Зорянска распространился мгновенно. Это пронсшествие не сходило с уст обитателей города, обрастая невероятными подробностями и домыслами.

Якобы грузовик столкнулся с рейсовым автобусом, и погнбло много людей.

Я в эти днн выезжал на совещание в областную прокуратуру и, вернувшись, узнал об аварии из газеты «Знамя Зорянска».

О ией сообщалось в заметке под заголовком «Спасая человеческие жнзни».

На самом деле все выглядело так. Водитель самосвала ехал под уклои (я хорошо помиил это место на двадцать седьмом кнлометре шоссе). Был гололед. То ли тормоза отказали, то лн машииа стала неуправляемой иа скользкой дороге, но тяжелый КрАЗ должеи был врезаться в автобус с людьми, который появнлся у него иа пути. Как рассказывают очевидцы пронсшествня, шофер резко отвериул руль, н машина свалилась в овраг.

Сообщалась н фамнлня воднтеля — Ннколай Дорохин. В тяжелом состояннн он был доставлеи в больннцу. Врачи до снх пор бооролнсь за его жнзнь.

Имя шофера показалось мне знакомым.

— С третьей автобазы,— сказал следователь Фадеев, зашедший ко мие на доклад.— Между прочнм, из бригады Германа Воронцова...

И тут я вспомнил Дорохниа, этого нескладиого молчуна. Вспомннл н его жену Аию.

— Я зиаю Дорохнна.

— Откуда? — улнвнлся Фадеев.

— Странная нстория... Сиачала прншла ко мие жеиа. Кто-то избил ее мужа. Вызвал Ннколая... На внд — бирюк бнрюком. А иа поверку — герой.

— Да, виешность ниой раз бывает обмаичива,— заметил следователь.

Владимир Гордеевнч был озабочеи. Я спросил, чем.

— Не зиаю, Захар Петрович, как разобраться в одном факте... Помннте наш последний разговор? Ну, о клнентах автобазы? Так вот, проштудировал я проектно-сметиую документацию стронтельства уииверсама. Это иедалеко от вашего дома...

— Знаю, знаю,— нетерпелнво сказал я.

— Землю из котловаиа вывозили машнны с третьей автобазы. По нх путевым листам выходит, что груита вывезено в два раза больше, чем предусмотрено плаиовыми заданнямн.

— Что говорит прораб?

— Обвннил геологов. В их заключеннн по исследоваиию грунта сказаио, что в этом месте суглннок. А сталн рыть котлованы, оказалось — песок. И пришлось якобы вывознть груита больше: осыпались края... Наглядно это можио изобразить так.— Следователь взял карандаш и иарисовал на бумаге форму котловаиа в разрезе.— При твердом груите — стены отвесные. А если песок — получается как бы переверяутая трапеция. Вот за счет этих углов,— ои заштрнховал образовавшнеся на чертеже треугольникн,— и вышли лишиие кубометры.

— Вы беседовали с геологами?

— Возмущаются. За такую ошибку, говорят, можно здорово погореть... Настаивают, что в районе котлована суглинок. Показывали результаты проб... Я свел обе стороны вместе. Каждая стоит на своем... Дело, так сказать, чести...

— Чести ли? — усмехнулся я.— Как-то не верится, чтобы геологи ошиблись.

— Мне тоже,— признался Фадеев.— Нечисто тут... Вчера прораба перевели на другую стройку.

— Кто возил грунт из котлована?

Следователь вздохнул:

— Бригада Воронцова. Наш маяк!

— Вы беседовали с ним?

— Он со мной просто не захотел разговаривать. Так и заявил: мол, Герман Воронцов не какой-нибудь там жулик. Посягать на государственную копейку?! Да он выгонит из бригады любого, кто только посмеет подумать об этаком...

— А с другими шоферами из его бригады говорили?

— Как бригадир, так и они. Правда, менее безапелляционно. Но все в один голос твердят: нарушений и прочей липы не может быть, потому что они — передовики и марать свою честь и марку автобазы ни за что не посмеют... Вот и получается, Захар Петрович, строители говорят одно, геологи — другое. А Воронцов вообще ни о чем слышать не хочет.

— Надо было зайти к Лукину.

— Заходил. Высмеял меня. И еще пригрозил. Бросаю, мол, тень на лучшую бригаду в области...

— А вы и отступили? — покачал я головой.

У Фадеева на скулах заходили желваки.

— Нет у меня бесспорных фактов,— произнес он и хитро добавил: — Еще нет.

— Ну хорошо,— примирительно сказал я.— Что вы намерены делать дальше?

— Пришел за помощью. Хочу вызвать геологов из области. На третейский суд... Но пока будет идти переписка...

— Я вас понял. Владимир Гордеевич. Ускорим! Через областную прокуратуру. Готовьте постановление о назначении экспертизы...

Редактора нашей городской газеты Назарова за глаза называли «Колобком». Кто пустил это прозвище, трудно сказать, но Ким Афанасьевич и впрямь походил на колобок. Маленького росточка, кругленький, с короткими ножками, он был очень подвижный и не мог долго устоять на одном месте. Подкатится, задаст несколько вопросов или бросит одну-две фразы и тут же спешит дальше.

Вот так же своей быстрой семенящей походкой подошел он ко мне, когда мы случайно увиделись в горисполкоме.

— Ну как, нашли злоумышленников? — спросил он.

— Каких? — не понял я.

— Да тех, кто слил в Берестень солярку...

— Идет следствие,— неопределенно ответил я.

— А успехи есть? — продолжал любопытствовать Ким Афанасьевич.— Нас донимают телефонными звонками и письмами. Хотелось бы подкинуть читателю свеженькую информацию... Так сказать, гласность... Я пришлю к вам нашего корреспондента?

— Преждевременно,— ответил я.

— Понимаю, понимаю,— поспешно произнес Назаров.— Следственная тайна. Ну что же, подождем, подождем... А общественность бурлит, возмущается.

Назаров с сожалением вздохнул и покатился дальше.

На следующий день, развернув «Знамя Зорянска», я увидел на четвертой полосе аншлаг, набранный большими буквами: «Еще раз о Берестене». Под ним шла подборка писем читателей, которые продолжали клеймить загрязнителей, и пространное интервью со знатным бригадиром шоферов Германом Воронцовым, он обличал тех, кто поднял руку на чудо природы — Берестень-озеро.

«Однако же выкрутился,— подумал я про Назарова.— Нашел-таки выход».

Когда я показал газету Фадееву, он усмехнулся:

— Не пожалел для родственничка места...

— Какого родственничка? — не понял я.

— Воронцов — зять редактора,— ответил Владимир Гордеевич.

Это было для меня новостью.

— Лишняя реклама никогда не помешает,— продолжал Фадеев, как мне показалось, неодобрительно.

— Передовик... По-моему, ничего предосудительного,— заметил я.

Хотя мне и не очень понравилось, что в предисловии к интервью заслуги и достоинства бригадира перечислялись слишком пышно. Ким Афанасьевич мог «преподнести» зятя несколько поскромнее.

— Можно было бы и без эпитетов,— сказал следователь, словно отгадав мои мысли.— Вот я и думаю: не специально ли?

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался я.

— Понимаете, Захар Петрович, мне кажется, что кое-кому не нравится мое внимание к особе Воронцова. И вообще в данное время...

Фадеев замолчал.

— У вас появились новые факты?

— Да,— кивнул следователь.— Правда, документы будут готовы через день-другой... Специалисты из области, которых я вызвал для проведения экспертизы, подтверждают, что почва котлована под универсам — суглинок. Именно суглинок, а не песок, как твердят строители... Наши геологи не ошиблись... Выходит, «превращать» твердую землю в сыпучую надо было для того, чтобы иметь липовые тонны и тонно-километры, то есть из ничего получать деньги... Алхимия да и только!

— Насчет суглинка точно?

— Точнее не бывает,— кивнул следователь.— Я говорил с экспертами. Анализы. Наука! Сидят, пишут заключение... Теперь сами понимаете: Воронцов — передовик, маяк, а чем занимается...

— Ну и ну,— покачал я головой.

— Но это еще не все.— Фадеев помолчал, подумал.— Ладно, Захар Петрович, пока делиться не буду. Может, ошибочка. Но есть одно соображение. Надо проверить. Хочу съездить сегодня с Орловым... Тут неподалеку от Зорянска...

Я не стал допытываться. Придет время, расскажет.

Утром следующего дня, придя на работу, я увидел у себя в приемной человек семь ребят с учителем Бабаевым во главе. Среди мальчишек и девчонок я сразу узнал тех самых дозорных Голубого патруля, которые первыми подняли тревогу,— Руслана, Роксану и Костю.

Все были крайне возбуждены. Лишь один Костя сидел на стуле тихий-тихий.

При моем появлении поднялся невообразимый шум. Говорили все разом, и я, естественно, ничего не мог понять.

Приглашенные в кабинет ребята присмирели. Я попросил рассказать о случившемся спокойно и по порядку.

— Помните, Захар Петрович,— начал учитель,— я вам говорил, что наш патруль решил обследовать город и окрестности, нет ли еще где слива горючего?

— Как же, помню,— кивнул я.

— Так вот,— продолжал Бабаев,— они нашли еще одно такое пятно.

— У Желудева, где старая церквушка! — не выдержав, выпалила Роксана.

Я прикинул: от Берестянкина оврага, а вернее, от того места, где был обнаружен злосчастный слив горючего, было километров пять.

— Это второе пятно,— сказал Бабаев,— по рассказам дозорных, очень большое.

— Ага, большущее! — опять встрял кто-то.

На него зашикали.

— Ребята решили устроить засаду,— рассказывал дальше учитель, когда в кабинете стало тихо.— Вчера вечером они попытались задержать сливальщика — и вот результат...

Олег Орестович показал на Костю. Тот повернулся ко мне лицом, и я сразу обратил внимание на синяк.

— Ох и врезал он мне! — сказал мальчишка, не скрывая гордости от того, что был героем события.

Я еле сдержал улыбку, хотя ситуация была скорее драматическая.

Затем учитель передал слово Руслану. Ученик рассказывал с удовольствием. Как они обнаружили пятно горючего, как мерзли три часа в кустах, как «застукали» шофера в тот момент, когда он шлангом пустил из бака на землю струю топлива.

В это время дозорные и выскочили из своего укрытия.

— Мы показали удостоверения Голубого патруля и попросили шофера предъявить документы,— в полной тишине вел свой рассказ Руслан.— Шофер обругал нас. Нецензурно. Залез в машину и хотел ехать. Тогда мы встали перед машиной. Он вылез, оттолкнул Роксану и меня. Мы упали. Тогда Костя назвал его бандитом...

— А что? — воскликнул Костя.— Поднять руку на девочку!

Теперь я уже не сдержал улыбку. Улыбнулся и Олег Орестович.

— Продолжай, Руслан,— сказал учитель.

— Водитель ударил Костю и уехал. К сожалению, товарищ прокурор, задержать его мы не смогли, но номер машины, конечно, запомнили.

Эти слова мальчик произнес так, словно докладывал командиру где-нибудь на погранзаставе.

— Ну а теперь я задам несколько вопросов... Значит, вы обнаружили горючее на земле вчера днем. Почему не дали знать кому-нибудь из старших? Ну, хотя бы Олегу Орестовичу?

— Мы думали... Мы хотели...— начал было Руслан и умолк, растерянно оглядываясь на ребят, словно ища у них поддержки.— В общем...

— В общем, играли в сыщиков,— мягко, но в то же время с укором перебил его учитель.— Я, Захар Петрович, уже сделал им внушение. По-моему, они поняли. Это дело серьезное. Опасное дело. Для этого есть милиция. Хорошо, кончилось синяком... И еще. Я сам узнал обо всем только сегодня утром, в школе. И сразу к вам. Директор нас отпустил...

— Но почему же потом, после случившегося, вы не пошли к Олегу Орестовичу?

— Мы знали, что у Олега Орестовича болен ребенок, и не хотели беспокоить,— ответила Роксана.

— Да-да,— смущенно подтвердил Бабаев.— Сынишка... Бронхит...

— Что вы так заботитесь о своем учителе, хорошо. Но ведь могли обратиться к любому постовому милиционеру, прийти к нам.

Дозорные дружно признались в своей ошибке.

Однако они нам очень помогли. Теперь мы знали номер машины, да и водителя каждый из сидевших в засаде мог теперь опознать.

Я попросил учителя и учеников дать официальные показания следователю Фадееву. Вскоре после допроса дозорных Владимир Гордеевич зашел ко мне.

— Боевые ребята, правда? — спросил я.

— Слишком,— вздохнул следователь.— А если бы этого Костю не кулаком, а монтировкой?..

— Да, я уж им прочел тут нотацию.

Фадеев рассказал, что позвонил во все три городских автохозяйства. Машина оказалась с третьей автобазы.

— Водитель установлен? — спросил я.

— Пикуль, Роман Егорович.— Фадеев сделал паузу и добавил: — Из бригады Воронцова.

— Опять Воронцов! — вырвалось у меня.

— Он, родимый,— усмехнулся Владимир Гордеевич.

— Когда будете допрашивать?

— Хотел сразу ехать на автобазу, да вот странная история... Наш любезный Пикуль Роман Егорович взял сегодня отпуск без содержания. На неделю. Отбыл в другой город на похороны родственника. Якобы...

— Ну зачем вы так,— покачал я головой.— Может, он действительно уехал на похороны.

— То, что уехал, верно. А вот насчет похорон...— Следователь махнул рукой.— Оттягивают время. Видимо, Воронцов и его дружки надеются за эту неделю что-нибудь придумать.

— Не знаю, не знаю, Владимир Гордеевич... Во всяком случае, постарайтесь тщательно проверить показания ребят. А то, чего доброго, нафантазируют...

— Сейчас не зима,— улыбнулся Фадеев.— Следы протекторов на земле наверняка сохранились.— Он посмотрел на часы.— Вот-вот подъедет эксперт. Отправимся на место с ребятами и Бабаевым...

Фадеев оказался прав: никто из родственников Пикуля не умирал.

Через два дня сам Пикуль был обнаружен у приятеля в деревне Курихино, что неподалеку от Зорянска. Там шофер пьянствовал с дружком, схоронившись в баньке. Работники милиции подождали, пока он проспится, придет в себя, а потом доставили его на допрос к следователю приводом: Пикуль демонстративно не хотел принимать повестку.

Я попроснл Фадеева зайти ко мне сразу же после допроса, но неожиданно Владимнр Гордеевич позвоннл мне нз своего кабннета.

— Захар Петрович, вот тут допрашиваемый хочет высказать вам свою жалобу на меня...

— Хорошо, сейчас зайду,— ответил я и направился в комнату следователя.

Заросший щетниой, сннний от долгой пьяикн, шофер сндел напротнв Фадеева с мрачиым лицом, скрестив руки иа груди.

Я представнлся н спроснл, какие у Пнкуля претеизни.

— Протестую, потому что меия затащнлн сюда иезаконно,— начал он с гонором.— Имею право не являться. А на меня мнлнцию напустилн...

— На каком осиованнн вы хотелн уклониться от явки к следователю? — задал я вопрос.

— Горе у меня, товарищ прокурор.

— Какое? — спросил я.

— Только что с похорон,— хрипло произнес шофер, глядя куда-то в угол комиаты.

— Кого хороинли?

Пикуль молчал, внднмо почувствовав ловушку.

— Ну, Роман Егорович,— поторопил его Фадеев.

— Двоюродного брата... В Ростове...

— Нехорошо хоронить жнвого человека,— покачал головой следователь.— Мы звоиилн в Ростов. Ваш двоюродиый брат жнв-здоров, чего и вам желает...

Водитель некоторое время ие мог пронзиести нн слова. Ждалн н мы. Наконец он прнзнался:

— В общем, заправлял я вам мозгн. Каюсь...

— Солгали? — уточнил Фадеев.

— Уж как есть,— развел рукамн Пнкуль.

— Для чего? — спроснл Фадеев.

Пнкуль стал объясиять, что, мол, поссорнлся с женой, прнчем серьезио, н вот прндумал повод смыться на неделю из дому. Так, мол, было тошно, что надо было душу отвести. Вот н закатился он к приятелю в Курихино.

— А другой прнчины не было? — спроснл следователь.

— Говорю то, что было,— ответил Пикуль, изобразив на своем лнце искренность и покаяние.

— Ладио, это объяснение оставнм пока на вашей совестн,— сказал Фадеев.— А теперь, Роман Егорович, расскажите, пожалуйста, что произошло с вами в мннувшнй четверг возле деревии Желудево в седьмом часу вечера.

— В седьмом часу? Возле Желудева? — переспроснл шофер. Он посмотрел в потолок, хмыкиул.— Да вроде бы ничего...

— Но вы былн там в это время? — спроснл Фадеев.

— Проезжал мимо.

— Не останавливались? Не сворачивали никуда?

— Может, и останавливался. Разве упомнишь... Я по той дороге несколько раз в день мотаюсь туда-обратно. Такая работа...

— Хорошо, я вам напомню,— сказал Фадеев.— Вы свернули в рощу за старой церквушкой... Было?

— Господи, действительно было,— вдруг открыто признался шофер.— Точно, возвращался с последнего рейса...

— Для чего свернули?

Пикуль засмущался. Владимир Гордеевич повторил вопрос.

— Нужду справить,— ответил наконец шофер.— Приспичило, понимаете ли...

— А горючее вы там не сливали? — спросил следователь.

Пикуль взвился:

— Да что я, чокнутый? Мы в бригаде, понимаешь, боремся за экономию! Каждый грамм бережем!..

Фадеев молча протянул ему показания дозорных Голубого патруля. Пикуль, к нашему удивлению, спокойно прочел их и вернул следователю. То, что показали ребята, он в основном подтвердил. Кроме факта слива дизельного топлива. Тут Пикуль стоял, как говорится, насмерть: почудилось школьникам насчет горючего, и все! А то, что не сдержался и дал тумака одному пацану,— так вывел он его из себя. Намаялся за день за баранкой, спешил домой, а они пристали ни с того ни с сего...

Пикуль не без гордости заявил, что в тот день, в четверг, перевыполнил норму. Не посрамил свою передовую бригаду.

Насчет бригады и ее успехов он говорил минут пять. Это, видимо, был его козырь.

Фадеев выслушал шофера и, как бы между прочим, спросил:

— На каком объекте сейчас работаете?

— Только что кончили возить грунт из котлована для больницы на улице Космонавтов. Переводят на другой объект...

— А куда грунт возили? — так же ненавязчиво, будто невзначай, задал вопрос следователь.

Но именно этот вопрос почему-то насторожил Пикуля.

— А чего? — спросил он.

— Просто интересуюсь,— сказал Фадеев.— Так куда?

— Ну, в этот... Как его... Карьер,— ответил шофер, нервно потирая колени ладонями.— Под Матрешками...

— Карьер? — переспросил следователь и в упор посмотрел на Пикуля.

Шофер еще больше растерялся.

— Словом, овраг там... Такой глубокий...— пробормотал он.

— Карьер от оврага отличить не можете,— усмехнулся Фадеев.

— Овраг, карьер — один шут,— отмахнулся Пикуль.—

Возле деревни Матрешки. Туда сорок километров и обратно столько же. Как в аптеке! — Он нервно засмеялся.

— И сколько ездок за день? — спросил следователь.

— Это смотря какая дорога, какая погода,— ответил Пикуль.— Да еще от строителей зависит. Иной раз ждешь погрузки, ждешь...

— И все-таки сколько?

— Две минимум,— сказал шофер.— Желательно три. А как же иначе — обязательство взяли! Бывает и четыре...

— А пять ездок? — не унимался Фадеев.— Делаете?

Они словно играли в какую-то мне непонятную игру. Я внимательно следил за ними, стараясь вникнуть в ее смысл.

Судя по тому, в каком напряжении находился Пикуль, было видно: следователь касался чего-то важного, опасного для Пикуля.

— Пять — это поднатужиться надо...

— А шесть? — серьезно продолжал Фадеев.

— Это уж вкалывать от зари до зари,— сказал шофер.

— Не случалось по шесть ездок? — настаивал Фадеев.

— Странный у нас разговор получается,— с натянутой улыбкой произнес Пикуль.— Если бы да кабы...

— Вовсе не странный, Роман Егорович... Для Воронцова шесть ездок, судя по документам,— раз плюнуть.

— Герман Степанович — ас!

— Шесть ездок — это четыреста восемьдесят километров,— быстро набросал на бумаге следователь.— Так?

— Ну? — невинно посмотрел на него шофер.

— С какой средней скоростью вы ездите?

— Это кто как,— ушел от прямого ответа Пикуль.

— Хорошо,— кивнул следователь, и его авторучка снова забегала по листку.— Берем пятьдесят километров в час... Значит, на шесть ездок должно уйти больше девяти часов! Это чистого времени. А погрузка? А разгрузка?.. Помните участок от шоссе до оврага возле Матрешек? Там восемь километров. Сплошные колдобины! На этом участке не то что пятьдесят, десять километров в час не сделаешь... Верно я говорю?

Пикуль пожал плечами.

— Так как же он делает по шесть ездок? — усмехнулся Владимир Гордеевич.— По двенадцать часов работает, что ли?

— А что, бывает! — ухватился за эту мысль шофер.— Если надо для плана и строители просят... А потом, у Воронцова все по минутам рассчитано. Образцовая организация труда!

— Может, проще земельку-то в карьер на Кобыльем лугу сбросить? — хитро посмотрел на Пикуля следователь.

— Какой Кобылий луг? — испуганно спросил шофер.

— Да тот, что рядом. От Зорянска одиннадцать километров. И подъезд хороший... Давайте начистоту, Роман Егорович, а?

— Куда нам положено, туда и возим,— хмуро сказал Пикуль.— И нечего выпытывать у меня то, чего нет.

Больше от шофера Владимир Гордеевич ничего добиться не смог. Он отпустил Пикуля, вручив ему повестку на завтра.

— Предположение, что грунт бригада Воронцова возит не в Матрешки, на это вы намекнули мне на прошлой неделе? — спросил я у следователя.

— Да, Захар Петрович. Но это, как я убедился в ходе допроса, уже не предположение... Пикуль недаром обмолвился, сказал, что возят в карьер возле Матрешек... Там овраг, понимаете! А карьер — на Кобыльем лугу!

— Это еще не доказательство.

— Конечно,— согласился Фадеев.— Но косвенно подтверждает, что я прав. Второе. Вы обратили внимание, что именно разговор, куда они вывозят грунт, больше всего испугал Пикуля? Ведь одно дело Матрешки, другое — Кобылий луг...

— Понимаю, конечно. Разница в расстоянии почти тридцать километров. В один конец. А в оба — шестьдесят!

— Вот именно! — воскликнул следователь.— Меня поразило, когда я узнал, что Воронцов в иные дни делает по семь ездок!

— Семь? — в свою очередь воскликнул я.

— Ну да! Это практически невозможно. Разве что на вертолете! Явная, нахальная липа...

— Но ведь любой мало-мальски разбирающийся человек это поймет. Я имею в виду бухгалтеров, что начисляли зарплату. Нетрудно подсчитать...

— Видимо, подсчитывали, но делали вид, что все как надо... А теперь давайте прикинем, что получилось в результате этой липы. Не буду говорить о плане, который перевыполняли на двести и больше процентов, о премиальных, о почете и прочем. Это особый разговор. Меня интересуют излишки горючего. Во-первых, они получаются в результате того, что завышался объем перевозок грунта по сравнению с действительным. Об этом мы уже знаем, так?

— Так,— кивнул я.

— Во-вторых, вместо того чтобы везти грунт в Матрешки, в овраг, бригада Воронцова возила его поблизости, в карьер на Кобыльем лугу. А это уже фиктивные километры. Причем очень большое количество километров! И под все эти километры выдавалось горючее и смазочные материалы. Следовательно...

— Постойте,— перебил я Фадеева,— как учитывается километраж?

— По спидометру.

— Но ведь спидометр объективно фиксирует, сколько проехала машина...

— Верно,— улыбнулся следователь.— Однако, как расска-

зал Орлову один воднтель, когда онн проверялн вторую автобазу, все в руках человека, а не бога. Спндометр — не нсключение.— Фадеев усмехнулся.— Орлов объяснил мне эту механику. Нехитрые приспособлеиия — и можио иакрутнть на шкале хоть десять тысяч кнлометров. Он мне показал, как это делается. Словом, подделать километраж — не проблема. Вндно, была проблема, куда девать нзлншкн горючего. Отсюда — загрязиеиие озера, пятно солярки возле Желудева...

— Поиятио,— кивнул я.— Но в брнгаде Вороицова, как вы рассказывали, две машнны с беизнновымн двигателями.

— Да,— подтвердил Фадеев.— У него самого н у шофера Коростылева. Куда они девают беизнн — это н выясняет сейчас Орлов. Скорее всего, продают налево, частнику...

— И все-такн, Владимир Гордеевнч, иеопровержимых доказательств у нас пока нет. Пнкуль отрнцает, что слнвал горючее...

— А дозориые? — возразил следователь.

— Допустим, Пикуль будет стоять на своем: ие сливал, и точка! Сливалн, мол, другне. Ведь солярка у всех одинаковая... Да и насчет грунта надо все доказать.

— Докажу! — горячо завернл Фадеев.— Мы взялн образцы грунта из оврага у Матрешек, из карьера на Кобыльем лугу, а для сравиення — нз котлована больиицы иа улице Космонавтов н универсама, где брнгада Воронцова работала до этого.

— Ну что ж, подождем результатов.

— Да, еще одно косвеииое доказательство,— вспомннл Владимир Гордеевич.— Еслн вы не забыли, дизтоплнво в Берестянкнн овраг сливалн в пернод с ноября прошлого года по февраль нынешиего. Имеино в это время бригада Воронцова вывознла грунт нз котлована универсама, а потом — с улнцы Космонавтов.

— Аргумент действнтельно серьезный,— сказал я.— Владимир Гордеевич, а как вы прншлн к мыслн, что грунт могли вознть в карьер на Кобыльем лугу?

— Это заслуга Орлова.

— Интуицня?

— Да нет. Мы же сейчас только н заняты всякнми там водоемами, речкамн, оврагамн... И вдруг Анатолий Васильевнч случайно узиает, что когда-то из карьера на Кобыльем лугу бралн землю для кирпнчного завода. Выработалн нужиую глину, остались огромные ямы. И вот совсем недавно было решено превратить этот карьер в озеро н развестн в нем рыбу...

Я невольно улыбнулся и рассказал Фадееву историю разведення омуля в Берестене.

— Не знаю, какнх рыб запустят в новое озеро,— заметил следователь,— ио только нас насторожнл такой факт: когда комнссня обследовала карьер, то удивнлась: он был почтн весь

засыпан грунтом. Причем свежим грунтом. А в овраге у деревни Матрешки, куда предписывалось свозить этот грунт, обнаружилось всего несколько земляных холмиков... Вот мы и смекнули с Орловым...

— Что же теперь будут делать рыболовы? — поинтересовался я.

— Чтобы создать цепь рыбоводных озер, надо заново углублять карьер! — ответил следователь.— Вот еще дополнительный ущерб от деятельности Воронцова и его орлов! Средства потребуются немалые!..

Воронцов, вызванный повесткой, в прокуратуру не явился. Зато ко мне позвонил Семен Вахрамеевич Лукин. Директор третьей автобазы просил срочно его принять.

— Приезжайте,— сказал я.

Через пятнадцать минут Лукин был у меня. Обычно степенный, несуетливый, Семен Вахрамеевич на этот раз быстро прошел по кабинету, протянул мне свою крупную руку и, плюхнувшись на предложенный стул, начал с места в карьер:

— Что же это ты, Захар Петрович, со мной делаешь?

У Лукина была манера со всеми говорить на «ты», но никто не обижался. У кого-нибудь это и выглядело бы высокомерно или пренебрежительно, но у Семена Вахрамеевича получалось так, словно он каждый раз общается со своим самым добрым приятелем.

— Дожил до таких лет,— продолжал директор,— когда уж голова седеет, да вот бог рано лишил волос,— невесело пошутил он, трогая гладкую, как бильярдный шар, голову,— ни разу не то что выговора, замечания не имел, а тут на позор выставляешь.

— Как это? — спросил я.

— Всякие нехорошие слухи пошли по городу.

— Не слышал,— ответил я.— Сами знаете, Семен Вахрамеевич, слухами не интересуюсь. Давайте ближе к делу.

— Давай, прокурор,— вздохнул директор.— Темнить мне с тобой нечего... Почему вас интересует Пикуль? Побил мальчишку... Поэтому?

— Не только.

— Вам и руководству автохозяйством наврал про похороны... Словом, Пикуля мы поставили на место. Как только выйдет из отпуска, будет слесарить. Так решили администрация и профком. Короче, осудили его поступок всем миром. Хочешь проверить — молнию сегодня вывесили. Позор хулигану! И вот тебе резолюция собрания наших работников...

Лукин положил на стол бумагу. Я прочел ее.

Пикуля ругали за недостойное поведение, выразившееся

в хулиганских действиях (ударил школьника) и в обмане руководства автохозяйства, когда он просил отпуск без содержания.

— Из-за одной паршивой овцы поклеп на весь коллектив,— вздохнул Лукин и помолчал, ожидая, что я скажу.

— Дело, Семен Вахрамеевич, намного серьезнее, чем вы думаете.

— Полноте, Захар Петрович,— возразил Лукин.— Я-то уж своих знаю как облупленных. Если что и натворили, уж, во всяком случае, не такое, за что нужно в каталажку... Ты мне скажи толком, сами разберемся...

— Теперь уже придется разбираться нам.

Лукин посуровел, потяжелел, задумчиво теребил свой длинный ус.

— Да? — посмотрел он на меня исподлобья.

— Раз уж вы, Семен Вахрамеевич, так хорошо все и всех знаете, то наверняка вам известно, по какой причине вызывал следователь Пикуля.

— Что-то насчет дизтоплива?

— Ну, вот это другой разговор. А то прикинулись...

— И охота вам пустяками заниматься?

— Какая уж тут охота! Но вот такие, вроде Пикуля, вынуждают,— невесело пошутил я и серьезно добавил: — На вашем месте я бы помог следствию разобраться во всех этих, как вы говорите, «пустяках». А вы даже не побеседовали обстоятельно с Фадеевым. Не приструнили Воронцова, который вообще отмахнулся от следователя, будто для него законы не писаны...

Лукин тяжело вздохнул.

— Зря, Захар Петрович, зря ты все это затеял, поверь мне. Воронцов — крепкий орешек. За него знаешь какие силы встанут! Теперь уже не меня вызывают в область на ответственные совещания, а его! И там он не в зале сидит, как все смертные, а в президиуме! Вот так! Признаюсь тебе честно: я только стул директорский занимаю, а верховодит у нас в автохозяйстве Герман Степанович!.. Пока, насколько я понял, можно все уладить без больших потерь... Выложи мне ваши претензии, а мы отреагируем. Чтобы другим повадно не было. Слово тебе даю: наведем порядок! Тогда со спокойной совестью уйду на пенсию.

— Если сделаем, как вы предлагаете,— сказал я намеренно жестко,— мне будет стыдно до конца жизни!

Лукин подумал, потеребил ус и опять хмуро произнес:

— Да?

— Да, Семен Вахрамеевич,— ответил я.— Вы воевали?

— А как же! — Он вдруг разволновался.— В гвардейском полку! Водителем на знаменитых «катюшах»! Закончил войну старшиной...

— Тогда мне н вовсе непонятно, гвардин старшина... Не учнть же вас, что за правду нужно бороться... Особенно сейчас, когда объявлеиа непрнмнрнмая войиа обмаиу, хнщеииям, прнпнскам!

Я замолчал. Директор тоже некоторое время безмолвствовал, виднмо переваривая мон слова.

— Можешь выложить, что вы там раскопалн? — иаконец пронзиес он.

— Зайдите к Фадееву,— посоветовал я.— Это будет полезно обеим сторонам.

— Сейчас ие могу. Вырвался на мииутку. Начальство из областн прикатило. Завтра — в обязательном порядке! — пообещал Лукнн.

— Передайте Воронцову,— сказал я иапоследок,— еслн он еще раз не соизволит явиться к следователю по повестке, то приведем с помощью мнлнцнн.

— Передам,— буркнул Лукни.

Назавтра Семен Вахрамеевич ие пришел.

— Звонил ему,— сказал Фадеев, зайдя ко мне с матерналами следствия.— Секретарша чуть ие плачет: Лукина с сердечиым прнступом увезлн в больиицу.

Я передал в подробностях наш вчерашиий разговор.

— Зиачит, Лукнн не на шутку переволновался... Я вот думаю, Захар Петровнч, действнтельно лн он не знал, что творит Воронцов?

— Трудно сказать. Навериое, догадывался.

— А почему смотрел на это сквозь пальцы?

— На пенсию вот-вот собирается. Хотел спокойно дожнть до иее... Ну, что у вас, Владнмнр Гордеевнч?

— Теперь Воронцову не отвертеться,— торжествующе сказал следователь.— Вот результаты экспертнз. В овраге возле Матрешек нет грунта нз котлована универсама. А в карьере иа Кобыльем лугу — грунт из котловаиа уннверсама н больиицы с улнцы Космонавтов!

— Ясно,— кивнул я.— Но вы сказали, что возле Матрешек иет только грунта нз котловаиа уииверсама. А нз котловаиа больиицы?

Фадеев иесколько смутнлся.

— Поимаете, Захар Петровнч, в Матрешках есть земля с улицы Космоиавтов, ио в очень небольшом количестве.

— Значит, все-такн есть!

— Всего несколько холмнков. Мы прикннули: машнн пятнадцать — двадцать. Кучн довольио свежие. Так что можио с увереииостью говорнть: грунт, который предиазиачался для Матрешек, воронцовская бригада завезла на Кобылнй луг.

Причем все горючее шоферы получили сполна, как если бы ездили в Матрешки. Это я узнал у некоей Елены Гусевой. Она отпускает в автохозяйстве солярку. Между прочим, все называют ее Алькой...

— Постойте, постойте, не ее ли имел в виду анонимщик? Помните, был звонок в самом начале расследования?

— Я об этом думал, Захар Петрович. Может, и ее, но ничего интересного она не рассказала. Дебет с кредитом у нее сходится. Вот и все. Правда, когда я стал подробно расспрашивать о всех членах бригады Воронцова, она почему-то вспомнила о Дорохине. Ну, который пожертвовал собой ради спасения автобуса с пассажирами...

— В какой связи вспомнила? — заинтересовался я.

— Да, говорит, какой-то странный был парень. Не вписался в бригаду... Молчун... Воронцовские ребята заправлялись каждый день — ездок много давали. А он заправлялся куда реже... Я проверил по документам — норму не выполнял и на восемьдесят процентов... В больнице он еще...

— Как его состояние, интересовались?

— Пока тяжелое. Врачи считают, что кризис миновал, но допрашивать не разрешили.

— Когда думаете допросить остальных членов бригады? Ведь теперь у вас на руках козыри...

— Двоих вызвал на сегодня, остальных — завтра.— Следователь собрал документы в папку.— Понимаете, Захар Петрович, меня удивляет, как и почему Воронцова подняли на щит? Явно видны нарушения.

— В этом вам и нужно разобраться, Владимир Гордеевич. Выходит, какая-то трещинка все же есть. Или у коллектива ослаб иммунитет, вот зараза и проникла... Приглядитесь к членам воронцовской бригады, что за люди?

Лукин знал, что говорил: нашлись у Воронцова защитники. Уговаривали, просили и даже требовали у меня замять дело воронцовской бригады. Одни бескорыстно — мол, затронута честь города, и разоблачение Воронцова принесет больше вреда, чем пользы. Другие — явно из личной заинтересованности, те, кто его поднимал и опекал, а теперь боялись, что пострадает их репутация. Характерные доводы приводил мне управляющий областным трестом Чалин, в чьем непосредственном подчинении находилась автобаза.

— Поймите, товарищ прокурор, что значит у нас в области имя Воронцова,— убеждал он меня по телефону.— Кто больше всех перевыполняет плановые задания? Воронцов! У кого самый большой пробег без капитального ремонта? У Воронцова! Один из первых освоил бригадный метод! Мы хотим выдвинуть его

на должиость руководителя автохозяйством. На место Лукина, который уходит на пеисию...

— Воронцова? — вырвалось у меия.

— Ну да, его... Эту кандидатуру поддерживают во всех инстанциях...

Чални удивился, что выдвижение молодого способиого брнгадира ие вызывает у меня одобрения.

— Тут уж увольте,— горячо запротестовал я,— поддерживать такого человека не буду...

И я стал рассказывать Чалину, что творят члеиы бригады Воронцова, в частности историю с солярком.

— Ну, это мелочн,— заметнл Чалин.

Я возмутился. И сказал, что эти «мелочи» уже не просто иарушеиня, а нечто похуже. А перевыполнение плана Воронцовым — липа. Насчет же длнтельного пробега без капитальиого ремонта — так иа самом деле машины в брнгаде не проехали н половииы того, что показано иа спндометрах...

Руководитель треста попрощался со мной более чем холодно.

Тем временем в ходе расследовання наступил переломный момент.

Фадеев, по моему совету, выясинл личность каждого члена бригады Воронцова.

— Вместе с бригаднром — шесть человек,— доложил мне следователь.— Пикуль, вы его видели, до автобазы работал в соседнем районе в колхозе. Звонил я на прежиее место работы. Очень были рады, что Пикуль уволился. Неодиократно имел выговоры за пьянство и прогулы. Чуть что — пускал в ход кулаки...

— Хорошего работиичка пригрел Вороицов,— заметнл я.

— Слушайте дальше, Захар Петровнч... Петр Оснповнч Коростылев, трндцатн трех лет. Имеет суднмость...

— Час от часу ие легче! — вырвалось у меия.

— Эти двое поступили работать на автобазу полтора года иазад, одиовременио с Воронцовым... По-моему, самые доверенные дружки бригадира...

— Пикуль н Коростылев,— повторил я.— Продолжайте, пожалуйста, Владимир Гордеевнч.

— Юрий Шавырин работает иа автобазе уже семь лет. За ннм вроде бы ничего нет. Так же, как и за Сергеем Кочегаровым, который в автохозяйстве уже девять лет... Пятый члеи брнгады — Ннколай Дорохин. Недавно демобилизовался, иа автобазе проработал две иедели...

— Да, зиаю,— кивиул я.— Ну а Воронцов?

— Как я уже сказал, на автобазе он полтора года. До этого жил в областном центре, Рдянске. Смеиил ие одну профес-

сию — стронтель, ремоитировал автодорогн, экспедитор... ОБХСС им заннмался.

— В связн с чем? Когда?

— Года три назад. Сколотнл он бригаду шабашников, подряжался в колхозах стронть коровиики. Это бы вроде ничего. Да выяснилось, что председатель колхоза стряпал фиктивные наряды на стронтельство, а деньги, вндимо, делили с Воронцовым пополам... Воронцову удалось выпутаться — амнистия помогла. Он проходил по делу всего лншь свидетелем...

— Да, прошлое у Германа Степановича, мягко выражаясь, не крнстальное,— сказал я.— Моральный облик ясен. Но куда смотрело начальство автобазы? Как он стал во главе бригады? Почему?

Фадеев посмотрел на часы.

— У меня сейчас допрос, Захар Петрович... Думаю, что Кочегаров будет откровенен и расскажет все, что знает о Воронцове...

— Почему вы так думаете?

— Понимаете, я Кочегарова еще не вызывал. Он сам позвонил. Очень хочет встретиться. Прямо рвется ко мне... Хотите присутствовать?

Я принял участие в допросе.

Кочегарову было чуть больше сорока, но в его густой каштановой шевелюре уже серебрились седые волосы.

Действительно, он решил выложить все начистоту. О фиктивных тоннах грунта и фальшивых кнлометрах, о том, что водители бригады, работающие на дизельных машнах, сливали излишек солярки в Берестянкин овраг, у Желудева и в других местах. Подтвердилось и то, что землю возили не в Матрешки, а на Кобылий луг и в другие окрестные овраги. Верхнюю же, плодородную часть грунта, по договоренности с людьми, имеющими дачи, возили к ним на участки. Не бескорыстно, конечно...

Кочегаров постарался вспомнить все поточнее, и перед нами открывалась страшная картина. Одно нарушение рождало другое. Ворох липовых документов оборачивался потоками дизельного топлива, которое выливали на землю. Цинично и хладнокровно...

— Сергей Васильевич,— спросил Фадеев,— неужели прежде у вас никогда не возникала мысль: что мы творим?

— Откровенно? — посмотрел Кочегаров на следователя запавшими глазами.

— Конечно.

— Говорят, лиха беда — начало... Потом привыкаешь, что ли... Я понимаю, это не оправдание. Теперь муторно. Но вот рассказал и легче на душе стало...

— Такие порядки были у вас всегда?

— Воронцов завел...

— Как же ему удалось так взнуздать членов бригады и администрацию?

— Ловко он всех окрутил... На чужом горбу въехал в рай. В передовые, я хочу сказать... Да что там! — в сердцах махнул рукой шофер.

— Объясните, пожалуйста,— попросил следователь.

— Не знаю, кто и почему записал Воронцова в новаторы! — воскликнул Кочегаров.— Словно забыли, что бригадный метод первым у нас внедрил Саша Никодимов. Пять лет назад! В бригаде той были также я и Шавырин. Работали честно, могу поклясться чем угодно. Хоть своими детишками! Герман появился полтора года назад. Как он втесался к нам в доверие, не знаю. А месяца через четыре — бац Сашку Никодимова снимают с бригадиров. На его место Лукин тут же назначил Воронцова... Первым делом Герман постарался затащить в бригаду своих дружков — Петьку Коростылева и Ромку Пикуля. А остальных вытурил...

— Каким образом? — удивился Фадеев.— Он ведь не директор, не отдел кадров, в конце концов...

— Верно,— усмехнулся Кочегаров.— Сначала Воронцов был пешкой. Не то что сейчас, вертит Лукиным как хочет... Но свою линию он тогда хитро повел. Начал с того, что новые машины, поступающие на базу, отдал своим дружкам. А ветеранов бригады, кто был ему не угоден, держал в черном теле. Премиальными, например, прижимал. Ребята, конечно, возмутились. Но Герман прямо заявил: уходите из бригады подобру-поздорову... Валера Вдовин ушел сам. Шамиль Мансуров заартачился. Вынудили перейти в другую бригаду...

— Погодите,— воскликнул следователь,— как это вынудили?

— Очень просто. Герман придирался по всяким пустякам. Добился, что Шамиля перевели на полгода в слесаря. А у него трое детишек. Потом и вовсе такую пакость отмочили...— Шофер вздохнул, покрутил головой.— Подсыпали в бак с бензином сахару. Бедняга Шамиль столько времени провозился с мотором, пока докопался, в чем дело...

— И вы, зная об этом, молчали? — покачал головой следователь.

— Нет, об этом я узнал совсем недавно. Шамиль скрывал. Боялся, наверное...

— Чего?

— Могли избить. Ромка Пикуль в этом деле мастак...

— Были случаи? — продолжал спрашивать Фадеев.

— Ага,— кивнул шофер.

Мы с Фадеевым невольно переглянулись: подумали, видимо, об одном и том же.

— Знаете конкретно, кого и где он избил? — спросил следователь.

Кочегаров опустил голову, медлил с ответом.

— Ну, договаривайте, Сергей Васильевич,— поторопил его Фадеев.

— Николая Дорохина, например,— тихо ответил шофер.— Так сказать, провел работу...

— Почему именно его?

— Не соглашался химичить. Возил грунт, как положено, в Матрешки. И солярку не хотел сливать...

— Значит, ту небольшую часть земли из котлована больницы с улицы Космонавтов завез в Матрешки Дорохин? — уточнил Владимир Гордеевич.

— Он,— подтвердил Кочегаров.— Николай — правильный мужик... Тихоня тихоней, а плясать под дудку Германа отказался наотрез!

Фадеев попросил Кочегарова рассказать подробнее о драке Пикуля с Николаем Дорохиным. Но шофер сказал, что только слышал разговор Воронцова и Пикуля: надо, мол, проучить охламона, если не понимает нормального языка... А потом Дорохин появился на работе с синяками.

Еще Кочегаров показал, что после аварии, в которую попал Николай, Пикуль якобы обмолвился: так, мол, Дорохину и надо, в другой раз будет сговорчивей...

Фадеев заканчивал допрос Кочегарова без меня. Я отправился в суд, где поддерживал обвинение по уголовному делу.

Два дня я был занят в судебном заседании. Дело слушали с утра до позднего вечера, так что в прокуратуру я забегал буквально на несколько минут.

На третий день Фадеев караулил меня с утра.

По его серьезному виду я понял, что в ходе следствия произошли важные события.

— Начну по порядку.— Владимир Гордеевич прочно устроился на стуле, положив перед собой папку с делом.— Вслед за Кочегаровым признался и Шавырин.

— Это который был в бригаде еще до Воронцова? — уточнил я.

— Да, так сказать, ветеран... Интересную вещь он сообщил. Как Воронцов спихнул прежнего бригадира Александра Никодимова... Ну и подлец же этот Герман! Провокатор...

— Провокатор? — удивился я несколько как бы устаревшему слову.

— Ну да. Как при царе Горохе... Воронцов, оказывается, все время искал случая скомпрометировать Никодимова. Но случай все не представлялся. Тогда Воронцов сам организовал

его. Помогал ему Пикуль... Понимаете, как-то Герман уговорил Никодимова зайти в кафе. Есть такая неказистая забегаловка возле кинотеатра «Салют»...

— Знаю,— кивнул я.

— Так вот, они возвращались вечером из рейса. Дело было зимой. До автобазы буквально пятьсот метров, через три улочки... Воронцов достал бутылку портвейна, мол, для сугрева. Никодимов сначала отказывался. Так Герман выдумал, что двоюродный брат помер...

— Опять двоюродный брат,— заметил я.— Как с Пикулем...

— Ну да, ничего умнее придумать не могут... В общем, упросил бригадира выпить стакан. А пока бригадир закусывал, Пикуль позвонил в ГАИ... Вышел Никодимов из кафе, сел за руль, отъехал. Тут его и остановили. Ну, сами понимаете, какие были последствия...

— Действительно провокатор...— согласился я.

— Лукин тут же приказом освободил Никодимова от бригадирства, а вместо него назначил Воронцова.

— Но почему именно его? Он же тогда всего ничего проработал в автохозяйстве. Не было, что ли, других, достойных?

— Тестюшка позаботился, Назаров. Главный редактор нашей газеты. Сам звонил Лукину...

— А что, у Лукина своей головы нет?

— Семен Вахрамеевич уж очень прессу уважает. Я специально просмотрел подшивку «Знамя Зорянска» за то время. Буквально через месяц — хвалебная статья об их автобазе, потом заметка о Воронцове. Потом, глядишь, в областной газете его имя начинает мелькать. Тоже небось Колобок постарался.— Фадеев вздохнул.— В общем, у кого какой рычаг в руке, тот им и шурует... Под всю эту шумиху Воронцов принялся обделывать свои делишки. И все ему сходило с рук. Вконец распоясался...

— Я вот о чем думаю, Владимир Гордеевич. Почему он оставил двух прежних шоферов в бригаде — Кочегарова и Шавырина?

— Их, я думаю, Воронцов соблазнил длинным рублем. Шавырин признался, что как только Воронцов стал бригадиром, то заявил: при мне, мол, братцы, будете жить припеваючи. Работать — как на курорте у Черного моря, а получать — как на Севере, с солидной надбавкой... Надбавку Воронцов имел и в самом деле весомую. Только на одном бензине...

— Что-нибудь удалось установить? — поинтересовался я.

— Можно сказать, частная бензоколонка,— усмехнулся следователь.

Он открыл папку с делом, полистал бумаги.

— Орлов поработал? — спросил я.

— Точно, Анатолий Васильевич,— кивнул Фадеев.— А за что ухватился, знаете? Что-то в последнее время на улицу Корнейчука зачастили владельцы «Москвичей» и «Волг». По вечерам, в сумерки.

— Это в Вербном поселке?

— Ну да. Окраина, тихо... Живет там некая старуха Байгарова. К ней и повадились на своих машинах частники. Соседи жаловались: улочка узкая, ребятишки бегают, а машины одна за другой... Нагрянули мы вчера к этой Байгаровой и ахнули. В сарае все емкости заполнены бензином. Даже корыто... Бензинчик семьдесят шестой марки, на нем работают грузовые ЗИЛы. Подходит он и для двигателей «Москвича» и «Волги».

— А «Жигули»?

— Нет. Вазовские автомобили работают на высокооктановом горючем. Бензин А-93... Вот Орлов и подумал: раз «Москвичи» и «Волги», значит... Начали беседовать со старухой. Она вначале притворилась глухой. Анатолий Васильевич говорит ей: «Ты что, бабушка, намереваешься весь поселок спалить? Одна спичка — и нет улицы! Сама взлетишь на воздух да еще столько людей погубишь!» Байгарова перепугалась, бух на колени. И в мыслях, мол, не было никого губить. Это родственник в грех ввел... И пошла причитать.

— Какой родственник? — спросил я.

— Коростылев. Он Байгаровой племянником доводится.

— Ясно, ближайший сподручный Вороицова,— сказал я.

— Вот именно, сподручный. И не только в приписках и разбазаривании бензина.— При этих словах по лицу Фадеева пробежала тень.— Но об этом потом... Призналась бабка, что Коростылев привозил бензин и заставлял продавать. Двадцать копеек за литр. Государственная цена, как вы знаете, в два раза больше... Пока мы беседовали в доме, подъехала «Волга». Заправляться.

— Повезло,— заметил я.

— Нам? Да. Так сказать, с поличным... А владельцу «Волги», увы! С перепугу тут же выложил, что ездит сюда регулярно.

— Кто такой? — поинтересовался я.

— Пенсионер. Пчеловод. Тут все есть,— похлопал Фадеев по папке с делом.— Протоколы, показания. Орлов соседей допросил. Как выяснилось, к Байгаровой приезжал опорожнять бак не только племянничек, но и сам Вороицов. Соседский парнишка запомнил номера машин.

— И этого жулика хотели сделать директором автобазы! — невольно вырвалось у меня.

— Вот бы он развернулся!

— Ну что же, Владимир Гордеевич,— подытожил я.— Теперь, насколько я понимаю, все выяснено. Пора закругляться.

— Нет, Захар Петрович, не все.— Следователь порылся

в папке.— На счету этой гоп-компании, как мне кажется, еще одио преступленне, посерьезнее остальных...

Я вопроснтельно посмотрел на Фадеева.

— Не зиаю пока точио, кто иинцнатор этого чериого дела, ио нсполитель...— Владимнр Гордеевич на мгновеиие замолк.— Короче, есть предположение, что аварня с Дорохиным не случайная...

— Как? Подстроена?

— Ну да! Мне все время ие давал покоя рассказ Кочегарова о том, как Воронцов расправлялся с иеугоднымн ему шоферамн нз брнгады...

— Одио дело,— заметил я,— припугнуть, нзбнть, а другое — подстронть аварию... Ведь моглн погибнуть многие людн, не говоря о Дорохнне.

— Вот именно,— вздохиул следователь.— Но по заключеннію экспертов, авария пронзошла нз-за отказа тормозов в машине Дорохнна. Ведь когда Дорохни, увндев автобус, хотел на спуске затормознть, тормоза не сработали. То, что до аварин тормоза действовалн нсправио, сомненнй ие вызывает. Винт, которым крепятся тормозиые колодки, потерялся по дороге.

— Но может, это все же случайность?

— Сомневаемся. Дело в том, что на раме машнны Дорохнна удалось обиаружнть отпечаткн пальцев Коростылева...

Следователь замолчал, ожндая моей реакцин.

— Важиый факт, но не совсем убеднтельный,— сказал я.— Коростылев н Дорохии работают в одной брнгаде, ставят машнны в одиом гараже. Мог же Коростылев зачем-то полезть под машину товарища по работе?

— Зачем? Что ему делать под чужой машнной?

— Это вам сам Коростылев скажет,— заметнл я,— еслн вы обвнните его в прнчастностн к аварни. Он найдет сотию причин! Мол, что-то показалось в машиие ие в порядке, хотел помочь. В конце концов, сам Дорохнн просил!

— Хорошо,— горячо продолжал Фадеев.— А зачем лезть в машину вечером, тайком? И главное, иакануне аварни?

— Есть свидетели?

— Конечно! — Владнмнр Гордеевнч хлопнул рукой по раскрытой папке.— Однн из шоферов, некто Моргун, вндел, как Коростылев вознлся возле машнны Дорохина. Именно иакаиуне аварнн. Вот его показания.

— Моргун ие мог ошибнться? Может, Коростылев был под своей машиной?

Фадеев прочел протокол допроса свндетеля. Показання былн весьма убеднтельны. Перепутать машины он ие мог. Коростылев воднл ЗИЛ, а Дорохнн — КрАЗ. Спутать трудио. Тем более, у Дорохиа на раднаторе была приделана хромированная эмблема «Чайка» — прнчуда прежнего воднтеля.

Я вспомнил, что видел эту эмблему, когда Дорохин приезжал в прокуратуру.

— Мне повезло,— сказал Фадеев.— Разбитая машина Дорохина сейчас находится в ГАИ. Как доставили с места аварии, так до сих пор и стоит там. Если бы машину забрала автобаза, то отпечатков пальцев Коростылева нам бы, наверное, уже и не обнаружить.

— Врачи разрешили встречу с Дорохиным? — спросил я.

— Мне — нет. Только жену пускают, да и то на несколько минут.

— Ясно... И что вы намерены предпринять дальше?

— Прежде всего, надо взять под стражу Коростылева. Прошу утвердить постановление на его арест.

— А что предъявите?

— Пока — хищение бензина.

— Считаете, брать под стражу необходимо?

— Да, Захар Петрович. В интересах следствия. Уж больно его показания сходятся с показаниями Воронцова и Пикуля...

— А как насчет обвинения в покушении на убийство? — спросил я, подписывая постановление следователя на арест Коростылева.

— Ну здесь еще не все ясно. Необходимы показания самого Дорохина.

— Попытаюсь связаться с его лечащим врачом...

Коростылев был взят под стражу. В хищении бензина он признался сразу. Да и отпереться было трудно: Фадеев представил неопровержимые доказательства.

Воронцов же отрицал свою вину, хотя против него свидетельствовали Байгарова и ее соседи. На допросах бывший бригадир (он был отстранен от этой должности, как только ему было предъявлено обвинение) держался вызывающе. На очной ставке с Байгаровой разговаривал грубо, пытался уличить ее во лжи.

Фадеев в отношении Воронцова пока ограничился подпиской о невыезде.

Наконец мне удалось уговорить хирурга, делавшего операцию Дорохину, разрешить нам свидание с Николаем. Хирург поставил условие, что во время разговора будет присутствовать врач.

В больницу мы поехали вместе с Фадеевым. Дорохину делали перевязку, и нас попросили подождать.

Мы сидели в коридоре и ждали, когда нас позовут. И тут появилась Аня, жена Николая. С хозяйственной сумкой, из которой торчал блестящий колпачок термоса.

Аня похудела, осунулась. Но в глазах ее светилась надежда.

— Вытащу я Николая! — сказала она уверенно.— Врач говорит, будет жить, а это самое главное! Господи, почему я не послушалась его и не переехала в деревню? Вы знаете,— продолжала она, обращаясь ко мне,— я ведь в первые дни не отходила от него ни на шаг. Он все бредил, все говорил, как, мол, можно губить землю...

Мы с Фадеевым незаметно переглянулись: Николай наверняка имел в виду слив солярки.

— Как только встанет на ноги, увезу его в колхоз,— заключила Аня.— Насовсем. Я уже сказала у себя на работе. А что? Если Коля так любит землю, надо жить и работать в деревне...

В это время дверь палаты открылась, и врач пригласил нас с Фадеевым зайти.

Дорохин был весь в бинтах. Нога — на растяжке. Меня он узнал с трудом. Чтобы не упустить ни единого слова, Фадеев решил записывать беседу на магнитофон. Тем более, врач дал нам на разговор всего пять минут.

— Вспомните, пожалуйста,— попросил шофера следователь, когда я представил его,— перед аварией вы проверяли тормозную систему на вашем КрАЗе?

Дорохин тихо произнес:

— Проверял.

Видимо, он и сам уже задумывался, что произошло с его машиной там, на двадцать седьмом километре.

— Все было в порядке?

— Да, в порядке,— как эхо повторил Николай.

— Вы проверяли машину утром, перед выездом или накануне?

— Накануне... Я всегда готовлю машину с вечера, чтобы утром сразу в рейс... Армейская привычка... Полная боевая готовность...

— Штуцер стравливания тормозной жидкости проверяли? — снова задал вопрос Фадеев.

— Сменил до этого за три дня... Новенький поставил...

— Собственноручно?

— Да. Я всегда на своей машине все делаю сам.

— Теперь попрошу вас ответить откровенно,— сказал Владимир Гордеевич.— Кто-нибудь незадолго до аварии или еще раньше угрожал вам?

Дорохин закрыл глаза.

Врач, внимательно наблюдавший за ним, тревожно выпрямился на стуле.

Следователь повторил вопрос более настойчиво, добавив, что это очень важно.

— Слышу я, слышу,— открыл глаза Николай.— Герман все допытывался, зачем я был в прокуратуре... Я сказал, что это

не его дело. Тогда он сказал: «Ну, гад, если накапал...» И отошел...

— Когда это было?

— Дня за два до аварии...

Он снова закрыл глаза. Врач прервал допрос.

— Все стало на свои места,— сказал Владимир Гордеевич, когда мы сели в машину, чтобы ехать в прокуратуру.— Понимаете, не хватало одного звена. Очень важной детали! Я, впрочем, мог догадаться и сам. Но упустил из виду...

— То, что Дорохин приезжал в прокуратуру? — спросил я.

— Ну да! Что получается? Николай побывал у вас. Затем обнаруживают слитую в Берестянкин овраг солярку, поднимают на ноги весь город... Начинается следствие, я выхожу на третью автобазу. Воронцов решил, что Николай «накапал»...

— И вы считаете, что инициатором аварии был именно Воронцов?

— Да! Обратите внимание, что авария произошла именно тогда, когда я занялся бригадой Воронцова.

— Не могу понять, почему он взял в свою бригаду Дорохина...

— Это произошло без его ведома. Он был в области на слете передовиков. Незадолго до этого уволился Шамиль Мансуров, его выжили. И тут приходит устраиваться Дорохин. Характеристики отличные, рекомендация райкома комсомола... Вот Лукин и решил порадовать своего передового бригадира хорошим шофером... Между прочим, это указывает на то, что Лукин не знал о порядках и нравах, царящих в этой бригаде...

Добиться признания Коростылева в том, что авария была подстроена им, было делом далеко не простым. По поводу того, что на раме КрАЗа Дорохина оказались отпечатки его пальцев, арестованный выдвинул такую версию: за несколько дней до рокового рейса сам Николай якобы попросил его отрегулировать тормоза. Но Дорохин при допросе в больнице заявил, что на своей машине всегда все делает сам.

Фадеев продолжал поиски новых фактов и улик. И они были найдены.

Важные сведения дала хозяйка дома, у которой Коростылев снимал комнату. По ее словам, незадолго до аварии Дорохина к постояльцу приходил Воронцов. Они просидели весь вечер за водкой, бурно обсуждая что-то насчет тормозов. Якобы Коростылев от чего-то отказывался, а гость настаивал, уговаривал, грозил...

Прошло несколько дней. Весь город только и говорил

о том, что неподалеку от Зорянска грузовик врезался в автобус с пассажирами. По словам хозяйки, Коростылев в эти дни беспробудно пил, даже на работу не ходил. Был в мрачном, подавленном состоянии. Тут опять появился Воронцов. Он ругал ее постояльца, обзывал размазней, уверял, что в автобусе жертв нет, ранен только шофер грузовика. Хозяйка также слышала, как Коростылев говорил, что смотается куда-нибудь, пока не поздно, а гость сказал, что если Коростылев сбежит, то тем самым навлечет на себя подозрение...

Наконец Коростылев не выдержал и признался.

Выяснилось, что, когда началась история с загрязнением озера и следствием по этому делу, Воронцов страшно перепугался. Он был убежден, что Дорохин рассказал в прокуратуре, чьих рук это дело.

В это время следователь зачастил на базу, стал копаться в документах, беседовать с работниками автохозяйства. Воронцов чувствовал, как Фадеев постепенно близится к цели. За остальных шоферов бригадир не очень опасался — не выдадут. А вот Дорохин... Крепкий парень, принципиальный, участвовать в их делах наотрез отказался... Тогда Воронцов и уговорил Коростылева подстроить аварию, чтобы строптивый шофер замолчал навсегда.

Что именно нужно было сделать с машиной Николая — тоже придумал бригадир.

Воронцов был взят под стражу. Вину свою в подготовке к покушению на жизнь Дорохина он отрицал. Упорно и последовательно. На очных ставках с Коростылевым отвергал его показания, уверяя, что Петр на него «клепает», а аварию подстроил из какой-то там личной мести.

Меня интересовала личность бывшего бригадира: как он мог решиться на столь жестокое преступление? В какой-то степени это прояснилось во время одной из очных ставок Воронцова с Коростылевым. Я присутствовал на ней.

В течение долгой, утомительной перепалки между обвиняемыми Воронцов сказал:

— Ну что ты мелешь, Петр? Неужели я такой дурак, чтобы самому лезть в петлю? У меня все было — положение, хорошая зарплата. Выдвигали на руководящую должность! И чтобы я все это разрушил собственными руками? Так, по-твоему?

Коростылев, усталый и озлобленный, бросил ему в лицо:

— Все это ты и боялся потерять! Помнишь, как сам разглагольствовал о своей голубой мечте — сесть в кресло директора? Личная машина, личная дача. Меня и Ромку Пикуля сделаешь бригадирами. А кто посмеет рыпаться, в шею выгонишь. Будешь, мол, кум королю и сват министру... Не говорил, да? А тут Николай возник! Встал он тебе поперек дороги, вот ты и наложил в штаны!

Голубая мечта... Вот что двигало Воронцовым. Стать хозяйчиком, окружить себя «своими», чтобы иметь возможность хапать, хапать, хапать...

Воронцов так н ие призиался в том, что участвовал, а вернее, организовал покушение на убийство Дорохина. Единственно, что он взял на себя,— приписки тонн и километров да продажу «лишнего» бензиа.

Но факты и улики, добытые в ходе предварительного следствия, изобличали его полностью.

Фадеев представил мне на утверждение обвинительиое заключение по делу. В нем Г. С. Воронцов и П. О. Коростылев обвинялись в покушении на убийство Н. Л. Дорохина, а также в хищении бензина. Трех других шоферов — Р. Г. Пикуля, С. В. Кочегарова и Ю. И. Шавырина, которые сливали солярку на землю,— в нанесении ущерба окружающей среде. Кроме того, я, как прокурор, предъявил иск о взыскании со всех пятерых суммы, которую они незаконно получили в виде зарплаты и премий в результате многочисленных приписок тоннокилометров. В эту сумму вошел и ущерб, принесенный государству за разворованное и разбазаренное горючее.

Со стороны Дорохина против Воронцова и Коростылева был предъявлен гражданский иск о возмещении убытков, вызванных лечеиием в результате аварии.

Дело было направлено в суд. Виновные понесли заслужеиное наказание. Иски удовлетворены.

Ну а те, кто помог раскрыть преступление, с которого началась вся эта история?

Добрые дела не должны оставаться незамеченными. И поэтому я, еще до окончания предварительного следствия, направил от имеии прокуратуры в городской отдел иародного образования представление, в котором выражал благодарность дозориым Голубого патруля за их деятельность по охране природы и помощь в разоблачении преступников; просил отметить ребят и их руководителя, учителя географии Олега Орестовича Бабаева.

Майские праздники многие горожане по традиции проводили иа Берестене. В эти дни открывался сезон на лодочной станции, начинали работать разные аттракционы.

Погода была прекрасной. Светло-зеленая дымка окутала деревья н кустариики вокруг озера, в траве желтели цветы. На гулянье у воды собралось много народу. Люди радовались весне, солнцу. И тому, наверное, что голубая вода Берестеня была по-прежнему хрустально-чистой.

Мы с жеиой тоже пошли к озеру. Увидел я там и супругов Бабаевых с сынишкой. У нас с учителем невольно возник

разговор о недавних событиях, в центре которых оказалось озеро.

— Знаете, Захар Петрович, какая у меня мечта? — спросил Олег Орестович.— Чтобы у нашего Голубого патруля не было больше таких забот. Я верю, что настанет время и в сознании каждого человека крепко-накрепко укоренится: вода, деревья, воздух — это часть его самого. Калечить природу — все равно что вредить самому себе, своим рукам, ногам, телу... Как сказал поэт Василий Федоров: «Природа и сама стремится к совершенству, не мучайте ее, а помогите ей...»

Мы гуляли по берегу, а я думал о мечте Олега Орестовича... Красивая мечта!

Глеб Голубев

СЫН НЕБА

СТРАННЫЕ НАХОДКИ

Сведения, которыми не обладали древние, были очень обширны.

М. Твен

1

(Рассказывает Алеша Скорчинский)

Поразительная эта история и без того весьма запутана, да еще Миша Званцев настоял, чтобы мы ее рассказывали непременно вот так — вперемежку, по главам, дополняя друг друга. Так что лучше уж я вам сразу представлюсь, чтобы не усугублять путаницы. Зовут меня Алексей, фамилия — Скорчинский. Научный сотрудник Института археологии[1].

Вот видите, Мишка уже ехидничает и перебивает меня, такой у него характер. Хотя мы договорились не мешать друг другу. Пусть каждый освещает события по-своему и дает свои толкования загадкам и необычным происшествиям, которые нам довелось испытать.

Но не буду отвлекаться. Итак, обо всем с самого начала.

Я сижу на бугре мягкой земли, только что выброшенной из раскопа, и уныло посматриваю в образовавшуюся глубокую яму. Опять неудача!

Собственно говоря, с точки зрения науки, никакой неудачи нет. Мы ведем раскопки древнегреческого городка Уранополиса, существовавшего две с лишним тысячи лет назад здесь, на берегу Крыма. Сегодня расчистили остатки фундамента еще

[1] Мне кажется, если уж заполнять анкету, то надо это делать по всем правилам: мужской; русский; нет; не был; не имею; немножко английский; холост. (Примечание Михаила Званцева, в дальнейшем: *М. З.*)

одного дома, в котором двадцать с лишним веков назад жили люди. Вот здесь явно был очаг, возле него вечерами собнралась вся семья, наблюдая, как длинные языки огня лижут старый котелок с бобовой похлебкой: копоть до снх пор сохранилась на камнях, она так прочно въелась, что ее не стерли века.

Самый обыкновенный дом... А чего же я ждал?

Все ндет хорошо, все нормально. Постепенно из-под землн проступает план древнего города. Вот здесь была винодельня: на большой зацементированной, чуть покатой площадке рабы ногами давили спелый виноград, и алый сок стекал по желобкам в три больших резервуара. А в этих глубоких цистернах, вырубленных прямо в скале неподалеку от берега моря и так же тщательно зацементированных, конечно, солнли рыбу: уже в те времена даже в далеких Афинах славилась нстекающая жиром керченская селедка.

За два года раскопок мы добыли из-под земли столько любопытных вещей, что зимой, когда прерываются полевые работы, никак не успеваем их разбнрать и опнсывать. Ящиками с нашими коллекцнями заставлены до самого потолка две комнаты в институте. Пора писать диссертацню...

Почему же я не радуюсь?

Скажу честно: все эти осколки амфор, остатки фундаментов н крепостных стен, детские игрушки, выброшенные много веков назад на свалку, находят при раскопках любого древнегреческого города. А я жду чего-нибудь необыкновенного. Чего — пока еще не знаю сам.

Правда, нам выпала редкая удача — восстановнть по находкам в малейших деталях, как погиб в огне этот город две тысячи лет назад от набега воинственных скифов.

Но и в этом нет ничего необычного. Такие схватки пронсходили тогда очень часто. Все города и поселения греческих пришельцев на берегах Черного моря находились под постоянной угрозой нападения скифов, тавров, синдов нли других местных племен, окружавших их со всех сторон, прижимавших к морю. Философ Платон насмешливо сравннвает эти полнсы с лягушками, усевшимися по берегам громадной лужи.

Среди эпитафий на мраморных плитах, которые мы находили, раскапывая некрополь — древнее кладбище на окраине города, то и дело попадалось:

«Лисимах, сын Психарнона, прощай! Лисимаха, в обращении ко всем гражданам и чужестранцам ласкового, убил бурный Арей номадов. Всякий жалобно восстонал по нем, умершем, сожалея цветущий возраст мужа...»

«Филотт, сын Мирмека, наткнулся на страшное варварское копье...»

И как печальный припев, в конце каждой надгробной надписи повторяется одно слово: «хайре» — «прощай».

Почему же я все-такн жду от раскопок чего-то необычайного? Какие загадкн меня беспокоят?

Прежде всего, почему город назывался Уранополнсом? В переводе это означает — «Город Неба».

Сегодня мы опять нашлн древиюю монету, обронеиную кем-то нз горожан на улнце две тысячн лет назад. Обыкновеиная моиета, медная, велнчнной с нашу трехкопеечную. Грекн называли ее гемиоболом — половникой обола. Она почти не стерлась, можно хорошо рассмотреть все деталн рнсунка. На монете нзображеиы бог врачевання Асклепнй, опнрающнйся на традниционный жертвенный треножиик, вокруг которого обвнлась змея, н справа от головы бога — несколько звездочек в лучах солнца. Вдоль ободка монеты мелкнми буквамн напнсано по-греческн: «Слава Ураинду н Аглотелу».

Для несведущего монета как монета, отлнчное украшенне любой нумизматической коллекцнн. А для меня, уже третнй год раскапывающего этот древннй городок, она — сплошная загадка.

Почему бог врачевания, ие нмеющий иикакого отношеиия к астрономин, изображен в окруженнн какнх-то звезд? Еще больше запутывает лаконнчная иадпись на монете: Аглотел — нмя тнпнчио греческое, а Ураннд в переводе означает — «Сын Неба». Странное имя, скорее, прозвище, какой-то своеобразный псевдонмм.

Кто былн этн Аглотел н Ураиид? За что они удостонлись такой чести, что радн ннх специальио чеканнлн монету? Мы иашли за трн года уже несколько такнх монет: н грошовые медные гемнободы н более ценные драхмы (ценные, коиечно, с точкн зрення людей тех времен, для нас-то теперь любая древняя монета одинаково ценна). Нашлн даже одии увесистый статер — целое состояние по тем временам. И на всех монетах одииаковые рнсуикн, те же загадочные нмена. И главное, все монеты совсем не стертые, только что нз-под чекана. Значит, нх выпустнлн в ознаменованне одного и того же события.

А событне это, о котором я после долгнх розысков, перерыв целую гору документов, нашел всего одно коротеиькое упоминанне, тоже было совершенно загадочным н иепонятным.

Город основали еще в V веке до нашей эры мнлетскне купцы, которых за иепоседливость прозвалн вечиымн мореплавателямн. Сначала он назывался не Уранополнсом, а Гераклеей — все ясно и понятно: в честь нзвестного мнфологического героя, никакнх загадок.

Почему же вдруг в 63 году до нашей эры, всего за несколько месяцев до гнбелн в огне пожарищ, он вдруг объявил себя «Небесным городом»?!

Вероятно, такое важное событне — перемена названия города — было отмечеио, как это полагалось у древннх греков,

специальной памятной иадписью на мраморной стеле. Если бы ее найти! Тогда бы мы сразу все узиали. Но где оиа, эта стела? Может, покоится в земле под фундаментом одного из санаторнев? Или уже давно выкопана какнм-ннбудь предпрнимчнвым местным жителем н, разбитая на куски, замурована в стену вот этого чисто побелеиного домика, заштукатурена, скрыта от монх глаз — многне дома здесь построены нз обломков древних зданий.

Нет, надеяться найти чудом сохранившуюся стелу с подробной памятной надпнсью нлн тем более какой-нибудь исторнческнй документ, которые сразу бы разъяснили все загадки, не приходится. Остается одно: пытаться восстаиовнть истину по крупицам, по разбитым черепкам и обуглившимся обломкам, как это обычно прнходится делать нам, археологам.

И вот я сижу на холме свежевырытой земли, верчу в руках найденную монету, снова и снова рассматрнваю изображение бога Асклепня с веиком из звездочек иад головой н тщетио пытаюсь что-нибудь понять.

Еслн бы она могла говорить! Разве возможно по черепкам восстановить психологню Одиссея илн Ахнлла? Эти герои далекой древности так н остались бы нам неизвестными, не воспой нх в свое время Гомер. Но мой городок — не Троя, н у него ие было своего Гомера.

— О достопочтенный кандидат могнльных наук, могу ли рассчитывать на ваше просвещенное вниманне? — обрывает мои размышления знакомый насмешлнвый голос.

Я вскакиваю. Рыхлая земля начннает ползти нз-под моих ног, и я едва не сваливаюсь в яму.

Так н есть, Миша Званцев собственной долговязой персоной! Все-таки прнехал в отпуск, как обещал. Он вовремя заключает меня в свои железные объятия н не дает свалиться в раскоп.

После бессвязных приветствнй мы еще раз крепко обнимаемся, похлопывая друг друга по спине.

— Ну, а теперь в море,— зовет он, размахнвая выхваченными из кармана плавками.— Дайте мне море, я его переплыву!

— Поннмаешь, до обеденного перерыва еще час,— нерешнтельно отвечаю я.

— Что? Ты хочешь уверить меня, что вы соблюдаете здесь какой-то табельный режим и, пачкаясь в земле у самого синего моря, купаетесь только после работы?

Вот всегда так! Почему-то все считают, будто в Крыму можно лишь отдыхать, а работать тут немыслнмо. Стоит только сказать, что едешь иа раскопки в Крым, как на лнцах попутчнков в поезде моментальио появляются понимающие двусмысленные улыбкн.

— Да, мы здесь работаем даже сверхурочио и умываемся только в свободиое от работы время,— твердо говорю я.— Так

что можешь один отправляться на пляж, если не хочешь меня подождать.

Мишка хмыкнул, но, кажется, все-таки мне не поверил.

2

(Слово Михаилу Званцеву)

И вы представляете, они действительно соблюдают табель, эти гробокопатели! Роются в земле на берегу моря и даже не оглядываются на его голубые просторы, которые так и манят каждого здравомыслящего человека уплыть в неведомые края. И самый несгибаемый из них, конечно, маэстро А. Н. Скорчинский — просто железный, как кровать. Быть ему профессором, в этом я теперь ни капельки не сомневаюсь.

Красивый и чистенький курортный городок, притиснутый подковой гор к самому морю. Рядом Ялта, Мисхор, Алупка, переполненные отдыхающими. Белые дворцы санаториев, фонтаны, асфальтовые дорожки, с которых дворники немедленно сметают малейшую соринку, благоухающий смолистым ароматом парк у самого моря. Всюду красота и порядок. И только эти ученые кроты портят всю картину. Нарыли повсюду глубоких ям, извлекли из-под земли какие-то грязные камни — и радуются.

— Вот здесь была улица,— торжественно объясняет мне Алешка.— Видишь, даже каменные плитки положены в определенных местах, чтобы можно было переходить ее в дождливую погоду. Жаль только, не дают раскопать дальше, там санаторий. Помехи на каждом шагу.

Я спотыкаюсь о камень и едва не проваливаюсь в какую-то глубокую дыру, зияющую прямо посреди их древней улицы.

— Черт! Почему не закопаете? Так и шею свернуть можно.

— Осторожно, не повреди облицовку,— слышу я от него вместо сочувствия.— Это колодец.

— Древний?

— Вероятно, еще четвертого века до нашей эры.

Я заглядываю в дыру. На дне ее, где-то глубоко внизу, смутно мерцает вода.

— И вода сохранилась? — удивляюсь я.— С четвертого века до нашей эры?

— Да нет, что ты мелешь! Натекла сюда после вчерашнего дождя...

— Тем более, чего же вы его не закопаете? Ну, обнаружили, посмотрели, сняли там схемку. Не оставлять же этот никому не нужный теперь колодец еще на тысячу лет!

Он смотрит на меня как на безнадежного шизофреника. Но, по-моему, это они все сумасшедшие, тронутые какие-то.

Утром спросишь кого-нибудь:

— Где Алеша, что-то его не видно?
— Алексей Николаевич? Он в Пантикапей уехал...
А этого Пантикапея ни на одной карте не найдешь, кроме как в учебнике по древней истории. Он уже не существует добрых двадцать веков. Но для них Керчь — все еще древний Пантикапей. Фанатики! Страшные люди!
Но я-то, я-то, многострадальный, чем виноват? В кон-то веки вырвал у начальства давным-давно положенный отпуск, примчался на этот благословенный берег — и что же? Тоже должен землю носом рыть? Или ножичком скрести, затаив дыхание?
Меня всегда умиляет, какими орудиями раскапывают зловещие тайны истории эти мудрецы. Весь мир уже вгрызается в недра земли направленными кумулятивными взрывами или, на худой конец, шагающими экскаваторами с ковшом кубиков в сотню. А они — ножичком, ножичком... Самым обыкновенным, вульгарным кухонным ножом, который можно купить в каждой хозяйственной лавке. Или еще того чище — ковыряют землю шилом, ланцетником, иголочкой швейной, натуральной. Да и это у них считается слишком грубым инструментом. Если выцарапают из-под земли кусочек древнего ночного сосуда, то тут уж пускают в ход более тонкий и нежный инструментарий: осторожненько счищают серую пыль сапожной щеточкой, веничком или кисточкой для бритья. А один у них, дошлый парень, Алик Рогов, ростом повыше меня и сложения подходящего, особенно ловко сдувает пыль детской резиновой клизмочкой. Специалист в этом тонком деле.
И это в Век Атома и Кибернетики!
А самое забавное: копаются они так часами под жарким солнцем, ковыряют землю иголочкой — и что же находят? Сокровища Монтесумы? Копи царя Соломона? Ну, хотя бы новую научную истину?
Нет. Просто осколок глиняного горшка, выброшенного на свалку какой-то домашней хозяйкой двадцать веков назад.
И, несмотря на это, мой несгибаемый Лешка целыми днями упорно торчит на своих раскопках, подавая личный пример всей братии.
Первые дни я его еще, правда, соблазнял на прогулки, да что толку? Пойдешь с ним по городу в обеденный перерыв, он тут же затаскивает тебя в какой-то двор, не спросясь хозяев, и тычет носом в расколотую мраморную плиту. А на ней едва можно различить изображение человека, играющего на трубе, и какую-то греческую абракадабру.
— Редкая находка. Надгробие трубача...
Однако даже такие познавательно-образовательные экскурсии скоро кончились. Алеша быстро посчитал свой долг гостеприимного хозяина до конца выполненным и бросил меня

на произвол судьбы, все глубже зарываясь в землю. Мне грозила горькая участь бродить по окрестным горам в одиночестве, постепенно дичая на манер древних тавров.

Пробовал подговорить на прогулки Тамару — есть у них в экспедиции такая бойкая смугляночка,— тоже ничего не вышло. Так бы и пропал во цвете лет, если бы не подобрал на пляже подходящую компанию: они копались, а мы купались. Пусть нам будет хуже! А виделись с Алешкой только в обед да вечерами.

Вечерять с этими земляными кротами было весело. Во дворе маленького домика на окраине, где у них была база, каждый вечер разводили большой костер. Все усаживались вокруг на перевернутых ящиках, на опустошенных за ужином ведрах, которые этой ораве заменяли столовую посуду, а кто и прямо растягивался на теплой земле, и начинались байки и хохмочки. Народ подобрался все молодой, зубастый, скучать не приходилось.

Я, признаться, их все время подзуживал, кощунственно называл археологию «самой точной из всех неточных наук», постоянно вызывал на спор. А они с пеной на губах отстаивали свои «выдающиеся исторические открытия», хотя, по-моему, не очень убедительно.

Во время одного из таких споров у костра Алексей сплел весьма увлекательную и фантастическую историю о гибели этого самого Уранополиса, остатки которого они по черепушечке выкапывали иголками да ножичками из-под земли.

— Представим себе,— торжественно начал он,— кто имеет хоть каплю воображения, конечно, темную ночь в конце августа шестьдесят третьего года до нашей эры. Тогда не было ни этой танцплощадки, откуда к нам доносятся столь громкие ритмы, ни асфальтовых дорожек, ни этого маяка на скале, то и дело посылающего в море призывный сверкающий луч... Тьма упала на узкие улочки Уранополиса, приютившегося в ложбине меж гор под защитой крепостных стен. Дневная жара спáла. Гасли светильники в домах. Укладывались спать усталые ремесленники. Только рабы еще заканчивали работы, для которых не хватило дня. Но на то они и рабы, чтобы трудиться без отдыха и сна...

«А у нас на то и уши, чтобы слушать эти хрестоматийные сказочки для детей младшего школьного возраста...» — хотел вставить я, но, покосившись на вилку в загорелых руках Тамары, промолчал. Она девушка решительная.

— Итак, наступила ночь. В богатом доме, в зале, украшенном цветной мозаикой и мраморными фигурами грифонов, раб скатал ковровую дорожку, тянувшуюся от самой двери, и поставил тяжелый сверток у мраморного порога: у него уже не было сил выбивать ее сегодня, и он решил встать для этого пораньше,

до зари. В соседней комнате другой раб, писец, пристроив на коленях дощечку с натянутым на нее папирусом, выводил последние строки отчета о сделанных за день покупках, чтобы утром предстать перед хозяином. В караульной будке у ворот старый привратник Сириск перед сном увлекся своей любимой забавой, которой стеснялся заниматься днем, на людях: из блестящего желтоватого оленьего рога он любовно вырезал острой пилкой крошечные фигурки причудливых зверей — дикой лесной кошки, легконогого тура, белки с пушистым хвостом...

Все притихли. Только потрескивал костер, рыжими космами языков облизывая черное небо, нависшее над нами.

— Еще пылало жаркое пламя в горне тесной и грязной мастерской оружейника, прилепившейся на обрыве над самым морем возле стен крепости. Мастер в этот поздний час заканчивал большой щит из электрона, украшенный изображениями быков и оленей. Он рассматривал его при неверном, угасающем свете и все никак не мог налюбоваться на свою работу. Если бы он знал в тот момент, что его щитом так и не удастся воспользоваться никому из воинов, расхаживающих с острыми копьями в руках по тропинке на вершине крепостных стен и тревожно всматривающихся в ночную тьму!.. Усталая жена оружейника засыпала зерно на завтра в большую каменную ступку. Надо было провеять его заранее, да не успела дотемна, придется раньше вставать. И она с досадой бросила на глиняный пол возле очага деревянный совок. Если бы она знала в этот момент, что утром уже не возьмет его в руки!.. Мы осторожно выкопаем этот совок из праха только двадцать веков спустя. Засыпает маленький город, приютившийся среди крымских скал на чужом берегу, далеко от родной Эллады. Ночь и тишина, только время от времени протяжно перекликаются стражники на крепостных стенах. А по скалам, окружившим город и крепость, прикрытая ночным мраком, по-змеиному коварно и бесшумно подкрадывается беда...

— А кошка, Алексей Николаевич? Вы забыли про кошку! — перебила Тамара, нарушив все очарование сказки.

— В самом деле, про кошку-то я забыл. Итак, все утихло в крепости. И тогда в громадном погребе, где хранились пузатые глиняные пифосы с отличным крымским вином, вышла на охоту кошка. Мерцая зелеными глазами, она тихо кралась между пифосами. И вдруг увидела мышь! Кошка метнулась к ней, а мышь, пытаясь спастись, прыгнула на крышку пифоса! Он был пуст, время сбора винограда еще не наступило, и мышь провалилась в глубокий глиняный сосуд с отвесными гладкими стенками. Через мгновение туда же рухнула и кошка, не рассчитавшая своих движений в азарте ночной охоты. Теперь ей было уже не до мыши... Им не выбраться из каменного плена: через полчаса прозвучит над горами условный трубный звук,

со всех сторои на город бросятся подкравшиеся в темноте вражескне воины, запылают хнжнны, закричат люди, и пламя охватит крепость...

Алексей замолчал, н все молчалн. Костер, в который забыли подбрасывать хворост, догорал, и углн в ием жарко рдели, словио н впрямь остатки какого-то пепелнща. А тьма, обступнвшая нас, казалась тревожной, угрожающей, полиой какнх-то подкрадывающнхся теней и непоиятных шорохов.

Умеет ои все-таки завлекать своими россказнями!

— Особеиио ловко у тебя получилось с кошкой,— как можно снисходительнее сказал я, прогоняя колдовскую тишниу.— Стонт она у меня перед глазами иу прямо как живая. И кошка и мышка... Завндная у вас все-таки профессия, братцы гробокопатели! Пожалуй, не уступает астроботаиике. Пойди там проверь, что растет на Марсе нли как кошка ловнла мышку две тысячн лет назад? Любнмая профессия барона Мюихгаузеиа...

На меия сразу бросились с негодующими воплями с двух сторои. Еле отбнлся от землеройных фанатнков.

— По-твоему, все это сказочки, нгра фантазни,— снисходнтельно сказал Алексей.— А я могу голову дать на отсечение, что все так нменно и было в ту ночь.

— Конечно. И главное, как удобно сочинять: пойди проверь, что в самом деле случилось в одну чудесиую августовскую ночь две тысячи лет назад!

— А если мы вам докажем достовериость каждой деталн? — сказала Тамара.

— Попробуйте. Начнните хотя бы с того, что это была именно ночь, да к тому же непременно августовская.

— Пустяк. Кто же, по-вашему, врасплох нападет днем на укрепленную крепость? Конечио, это было сделано ночью, когда все спали, кроме горсточкн часовых,— атаковал меия Алик.

— Ладно, а почему августовская?

— Потому что в обуглившихся развалинах одного из домов мы нашлн скелет коровы,— сказала Тамара.— А у нее в желудке — арбузные семечки, травннки и даже целый непереваренный цветок, какне н до сих пор растут на горных склонах нменно в конце лета, в августе.

Это становилось уже нитересным, н я спроснл:

— А история с уставшей женщиной?

— Тоже не выдумана. Среди осколков ступкн мы иашли обуглнвшиеся пшеинчные зерна. И совок действнтельно лежал возле остатков очага, так что его явно тут бросили, не прибрав на место. И совсем законченный щнт нашлн в развалинах мастерской оружейннка, и ковровую дорожку под обломкамн дома.

— Вот как,— пришлось сдаться мие.— Выходнт, все у вас

совершенно логнчио, хотя н смахивает иа рассказы о проницательиом Шерлоке Холмсе.

— А что же, ои, по-твоему, свон догадкн с потолка брал? Обычный дедуктнвиый метод,— засмеялся Алексей.

И знаете, что в заключение разговора сказал, сладко потянувшнсь, этот сумасшедшнй?

— Эх, еслн бы переиестн отсюда современные дома, все эти хибаркн н санатории! Вот тогда бы мы покопались!..

— Ложитесь спать, фанатнки! — возмутился я.

3

(Рассказывает Алексей Скорчннский)

Легко сказать — спи, когда мыслн так н скачут в голове. Чудак Мишка! Продемонстрировали самый обычный прнмер восстаиовления картииы прошлого по элементарным археологнческнм находкам, н ему это кажется чуть лн не чудом. А иам все время прнходнтся вот так, по крупинкам, восстанавлнвать истину. Обуглившнеся зерна, осколкн посуды, случайно оброиенная тысячи лет иазад детская игрушка... Разве тут можно обойтись без воображення и без трезвой железиой логики?

А вот когда совсем иет опориых точек, ннкаких находок, за которые можно было бы уцепиться, как быть тогда? Легко восстаиовить даже в деталях гибель города. Но почему он вдруг стал Уранополнсом? Кто мне объяснит? .

А утром мы иатолкнулись еще на одиу загадку. Дия за два до этого я перебросил большннство свонх ребят иа раскопку здаиия, которое, по монм предположениям, должно было служить храмом. Конечно, от него инчего не сохранилось, кроме фундамента. Но оставшнеся в земле базы пятн колонн перед фасадом — доказательство, что это зданне явно нмело какое-то общественое значенне, скорее всего связанное с геронзацней нлн обожествлением. Об устройстве храмовых зданий в греческих городах Крыма нзвестно пока маловато, так что я и решил особое виимаиие уделить нмеино этому объекту.

Предупредив всех об особой важностн работы, я сам виимательно следил за ходом раскопок на каждом из трех участков, выбранных так, чтобы вскрыть сразу возможио большую площадь. Хотя храм, конечно, был полностью разграблен нападавшими в ту трагическую ночь и, вероятио, сгорел дотла, может, думал я, удастся обнаружить какие-иибудь уцелевшие предметы утвари или даже обломкн статуй, какими обычно украшалн подобиые здаиия.

Пока мои надежды не оправдалнсь. Вырасталн груды просеяииой сквозь частые сеткн земли, густо перемешанной с пеплом, но, кроме строительного мусора н совершеиио бес-

форменных и обуглившихся кусочков дерева, ничего интересного не попадалось. Правда, часто встречавшиеся обожженные осколки соленов — так греки называли большие плитки черепицы — подтверждали, что здание было богатым и нарядным.

И вдруг меня окликнула Тамара:

— Алексей Николаевич, тут какая-то металлическая пластинка и на ней, по-моему, буквы...

Я поспешил к ней. Действительно, на ее перепачканной землею ладони лежала небольшая медная пластинка.

Свидетельство о проксении! Так называли греки право гостеприимства и защиты интересов иностранцев на территории своих полисов — нечто вроде современной «визы на въезд», что ли. Я тут же набросал в блокноте беглый перевод надписи на пластинке:

«Проксения Уранида.

Совет и народ дал. Феотим Антигон, сын Автея, и Аглотел, жрец, сын Никагора, сказали: дать Ураниду проксению и гражданство самому и роду его и право въезда и выезда им самим и имуществу их в военное и мирное время».

Опять те же имена! Но кое-что теперь проясняется: Аглотел был жрецом, возможно даже, в этом самом храме. Значит, пошли по верному следу. А загадочный Уранид — иностранец, которому за какие-то заслуги народное собрание города, по предложению Феотима Антигона и жреца Аглотела, решило дать эту проксению и права гражданства.

За что? За те же услуги, которые отмечены чеканкой монет с именами Аглотела и Уранида? Но что они совершили, чтобы удостоиться такой чести? И кто был этот Уранид, из каких краев прибыл он в город, где его родина? Вероятно, у него было какое-то другое имя, но здесь, в греческом городе, его почему-то заменили этим странным прозвищем — Уранид. Или его настоящее имя просто казалось грекам слишком трудным для произношения, варварским? Есть над чем призадуматься...

Мишке, конечно, опять повод для шуточек:

— Как в переводе звучит твой Уранид? Сын Неба? Так чего же тут голову ломать? Объяви его попросту пришельцем с какой-нибудь планеты, желательно подальше от Земли, перевернувшим, по своему хотению, всю жизнь греческого городка. Такие гипотезы сейчас в моде...

Да, искать повсюду, где есть археологические загадки, следы космических пришельцев, стало в последнее время модой. Поражает своими размерами древняя «Баальбекская веранда» в пустыне — значит, построили ее гости из космоса, не иначе. Изображения древних богов «вроде как в скафандрах» на скалах Сахары объявляются портретами марсиан. Забавный, однако, метод — подменять одни загадки другими, еще более запутанными...

Особенно смешно слушать все эти рассуждения о древних цивилизациях, якобы основанных небесными гостями, а потом по каким-то причинам захиревших, погибших, нам, археологам.

Одно поколение за другим, слой за слоем оставляли в земле следы своей жизни. Если в глубокой древности в каком-нибудь удобном месте возникало человеческое поселение, то и последующие поколения старались селиться тут же. Эта приверженность к обжитому месту даже получила в науке специальное название: закон постоянства поселений. Так что с течением времени в некоторых местах эти культурные слои, как мы их называем, образуют наросты до сорока метров!

Такие земляные «слоеные пироги» неопровержимо и наглядно показывают, как постепенно развивалась цивилизация на нашей планете — от древнейших стоянок первобытных охотников до громадных современных городов. Чтобы нас, археологов, убедить в каких-нибудь необычных скачках в истории развития человечества под влиянием мудрых космических пришельцев, нужны доводы посерьезнее, чем «Баальбекская веранда», служившая якобы космодромом, или воображаемая гибель библейских городов Содома и Гоморры в огне атомной войны...

Наши загадки земные, но гораздо непонятнее и таинственнее.

Михаилу легко. Он здесь в отпуске, все заботы оставил дома. Целые дни напролет ныряет в море, как дельфин. На некоторых моих ребят он, кажется, начинает действовать разлагающе. Вчера двоих я поймал при попытке средн белого дня улизнуть из раскопа к морю — якобы умыться.

А через два дня мой друг внес новый раскол в наши крепкие исследовательские ряды. Со своими новыми дружками он обнаружил какую-то пещеру неподалеку от берега и так вдохновенно расписывал ее вечером у костра, что многие из ребят захотели тоже туда заглянуть. Пришлось выделить им выходной день, которых, кстати, у нас уже давненько не было. Я, признаться, отменял выходные под разными предлогами, стараясь побольше раскопать за короткий летний сезон. Но теперь пришлось официально объявить ближайшее воскресенье нерабочим днем.

Раздосадованный, сам я не хотел ни в коем случае лезть с ними в эту пещеру. Но потом подумал: глупо одному торчать в этот день в раскопе. Да и в пещере могли сохраниться какие-нибудь следы стоянки или просто временного пребывания первобытных людей, как и во многих других подземельях Крыма. Хотя первобытное общество и не моя специальность, стоило проследить, чтобы следы пещерной культуры не повредили по неосторожности, если их удастся обнаружить.

А потом, в конце концов,— хотя я в этом и не хотел признаться самому себе — нужно было и мне немного про-

ветрить голову от назойливых мыслей, рассеяться, переключиться на что-нибудь далекое от загадок моего Уранополиса.

Отправились мы в пещеру рано утром, запасшись, как полагается, фонарями, свечками, веревками. Тут совершенно неожиданно оказалось, что мой ближайший помощник из студентов, Алик Рогов, давно увлекается спелеологией и облазил немало пещер в Подмосковье и на Кавказе. Так что я ему поручил все руководство этим «подземным пикником».

До пещеры оказалось с полкилометра. Вход в нее прятался в густых зарослях кустарника. Приметой служил белый известковый камень, оставленный здесь Михаилом.

Из тесного входа тянуло сырым холодком. Свет наших фонариков проникал туда всего метра на три, не больше. Дальше все пряталось в темноте.

Гуськом, подталкивая друг друга, мы начали, пригнувшись, спускаться по пологому тоннелю. Чуть забудешься и неосторожно поднимешь голову, как больно стукаешься о мокрые выступы скалы.

Но вот ход немного расширился, можно было выпрямиться во весь рост. Подняв над головой фонарики и свечи, мы осмотрелись. В небольшом гроте смутно белели глыбы известняка в желтоватых, грязных потеках. Одна из них преграждала дальнейший путь. Лишь с трудом, бочком, удалось протиснуться в узкую щель между этой глыбой и мокрой стеной пещеры.

Я впервые забирался под землю и, признаться, чувствовал себя не очень уютно. Да и все притихли, перекликались почему-то шепотом, девчата жались друг к другу.

Наши громадные уродливые тени плясали и дергались по стенам пещеры, а порой, при резком повороте, словно бросались нам навстречу, заставляя девчат испуганно взвизгивать. Под ногами хлюпала холодная грязь. Она налипала на ботинки, идти с каждым шагом становилось все труднее. Я проклинал себя: завтра наверняка многие схватят насморк, раскиснут и будут работать, словно сонные мухи.

Идущие впереди Алик Рогов и Михаил вдруг так резко останавливаются, что мы тычемся в их спины. Дальше тоннель разделяется на три рукава. По какому из них идти?

Алик присаживается на корточки и колдует со свечой, то опуская ее к самому полу пещеры, то приподнимая повыше. Тоненький язычок пламени беспорядочно дергается и трепещет.

— По-моему, следует повернуть направо,— не очень решительно говорит, наконец, Алик.— Оттуда сильнее тяга воздуха, возможно, там выход.

Вслед за ним мы один за другим лезем дальше. В душе я надеюсь, что и этот ход окажется ложным или непроходимым, тогда можно будет с чистой совестью предложить всем возвращаться обратно. Но узкий лаз опять расширяется, уже

можно выпрямиться, не рискуя набить на лбу шишку о сталактиты.

Снова под ногами хлюпает грязь. Становится труднее дышать. Низкий свод пещеры давит, заставляет все время непроизвольно втягивать голову в плечи.

Впереди неожиданно раздается плеск воды и вскрик Алика. Все опять останавливаются, натыкаясь на спины друг друга.

— Осторожно, впереди вода! — предупреждает Алик.

Вода и вправду совсем не заметна. Только когда наклонишься со свечой, становится видно, как отражается в зеркальной черной глади трепещущий язычок пламени.

Коридор тут расширяется, образуя небольшой зал. Но дальше дороги нет. Весь зал занимает подземное озеро.

Михаил разочарованно крякает, а я рад, что наш подземный поход, кажется, кончен.

— А вот автограф пещерного человека! — торжественно провозглашает Михаил, попытавшийся все-таки пробраться еще немножко дальше по узкой кромке берега.

При свете нескольких поднесенных свечей на мокрой стене сияет надпись корявыми белыми буквами:

«Вася Хариков и Паша Буравко были здесь. 10.07.82 года. И вам того желаем!»

— Интересно было бы нырнуть в это озеро,— с вожделением проговорил неугомонный Алик.— Может, пещера тянется дальше?

Разумеется, Мишка сейчас же загорелся.

— Слушайте! У нас же есть акваланги, давайте принесем их сюда и нырнем! — предложил он с торжественным видом новоявленного Архимеда.

Я поспешил вмешаться:

— Нет уж, пусть этим занимаются специалисты, спортсмены-пещерники. А мы сюда приехали работать на раскопках, а не в подземные озера нырять.

По оставленным отметкам выбрались мы из пещеры без осложнений. В одном только месте забрели в боковой тоннель, но быстро заметили свою ошибку.

4

(Продолжает Алеша Скорчинский)

Не знаю, как другим, но мне все-таки было чертовски приятно выбраться на белый свет из этого мрачного склепа и вдохнуть всей грудью свежий морской ветерок. Да по-моему, и все сразу почувствовали себя уютнее и спокойнее.

А на следующий день новая непонятная находка всколыхнула весь наш лагерь.

Я всех строго предупреднл, чтобы, наткнувшнсь хоть на малейшие призиаки остатков каких-нибудь металлическнх вещей, тканей илн папируса, немедленно прекращалн раскопку н вызывалн меня. Но на эту страиную находку наткнулся я сам, расчищая землю вокруг остатка фундамента одиой нз колонн храма.

Грубо обтесаииый камеиь занитересовал меня едва заметным узором, почти стершимся от времени. Узор мог иметь н естественное пронсхожденне, скажем, оставлен водой или проточен улнткой. Ну а вдруг это ориамент, нанесенный рукой какого-нибудь безвестного художннка-тавра на камне, который потом грекн нспользовали при стронтельстве храма? Такое предположение тоже не исключалось.

Но, осторожно отгребая ножом землю, чтобы обнажнть весь камень и получше рассмотреть узор на нем, я вдруг наткнулся на что-то твердое. Стал расчнщать землю в этом месте еще осторожнее, постепенно обнажнлся обуглившнйся н свернувшнйся в трубочку кусочек кожн.

Пергамент? Документы могли писать и на пергаменте, он тогда уже получнл широкое распространение.

Меня кто-то окликнул. Я не отозвался, стараясь даже не дышать.

Только странное ощущение, словно в раскопе вдруг стало темнее, заставило меня подиять голову: откуда взялись тучи?

Оказывается, вокруг ямы, сразу почуяв по моей увлеченностн, что обнаружено нечто интересное, собрались уже все участннкн иашей экспедиции.

— Что случнлось? Чего вы тут столпнлись? — расталкивая ребят, пробился вперед встревоженный Мнхаил. Волосы у него былн мокрые, видно, только вернулся с моря.— Фу, ты жив н здоров! — сказал ои.— А я уж напугался — не завалнло ли тебя ненароком. Давно этого следует ждать прн твоей одержимостн...

— Что вы нашлн, Алексей Нннколаевич? — перебила его Тамара.

Что я иашел? Я этого еще не знал сам. Бережно держа на ладони находку, я с помощью десятка протянувшихся ко мне рук вылез из раскопа. Кто-то торопливо расстелнл на земле носовой платок, я положнл находку на него н только теперь начал ее внимательно рассматривать.

Да, несомненно, кусок кожи, скрутившийся в трубку от огня и с поверхностн сильно обуглнвшнйся. Виднмо, сразу был засыпан землей и не успел сгореть.

Но внутрн есть еще что-то...

Осторожно, двумя пинцетами, я начал раскручивать сверток. Внутри оказались две узкие деревянные планки, скрепленные между собой под тупым углом так, что получнлось нечто

вроде развернутого веера. Кожа была пришита к этим планкам крепкими воловьими жилами.

Что это могло быть? Расходящиеся концы планок обломаны. Может быть, часть какого-то храмового украшения или утвари для богослужений?

Догадки посыпались со всех сторон и, как водится, самые фантастические:

— Деталь фриза?

— А может, кусок драпировки?

— Какая-нибудь маска, которую надевал жрец?

— Ну да! Что же он, шаманом был, что ли?

— А может, это обломок игрушки? — нерешительно сказал Алик.

— Какой игрушки?

Алик замялся и покраснел, даже загар не мог этого скрыть.

— Ну, чего же ты смущаешься? — подбодрил я.— Догадка, во всяком случае, более правдоподобная, чем домыслы о масках или архитектурных деталях. Игрушки вполне могли оказаться в храме как дары от излеченных детей. Известен случай, когда мальчик, по имени Евфан, принес в дар Асклепию за успешное излечение самое дорогое, что у него было,— десять косточек для игры в бабки...

— Нет, Алексей Николаевич, я сморозил глупость,— покачал головой Алик.— Это я по первому порыву. Сходство уж больно большое...

— С чем?

— Мне показалось, это похоже на модель самолета... На кусок крыла...

Ох какой тут поднялся хохот! Но всех перекрыл своим зычным голосом, конечно, Михаил.

— Тихо, дети! — заорал он.— Это же сенсация, величайшее открытие нашего века! Надо бежать на телеграф: «Найдены остатки крыльев Икара. Подробности почтой...» Или лучше так: «Обнаружены следы деятельности юных авиамоделистов первого века до нашей эры...»

Надо было вступиться за несчастного Алика и поскорее утихомирить Мишку.

— Слушай, а ты напрасно глумишься над техническими познаниями древних,— сказал я.— Тут еще может быть немало поразительных открытий и откровений для вашего брата, скептиков — инженеров. Слыхал ты, например, о знаменитой находке возле острова Антикитера?

— Возле какого острова? Не сбивай ты меня, пожалуйста, этими древнегреческими названиями. Что там было найдено — действующая модель атомной бомбы?

— Нет, прекрасно работающий счетно-решающий механизм. Конечно, не электронный, как у вас теперь, но не менее

поразнтельиый по тем временам. До этой иаходки считалось, будто древиие греки имели большне достижеиия в области чнстой математики, ио механика у иих ие достнгла особениого расцвета. И вдруг в начале иашего века ловцы губок иаходят иа дне моря возле острова Антикитера прибор, который показывал годовое движеиие Солица в зодиаке, точное время восхода н захода самых яркнх звезд и нанболее важных для ориентировки созвездий в различное время года. Кроме того, были особые указатели основных фаз Луиы, времеин захода н восхода всех планет, известных греческим астрономам,— Меркурия, Венеры, Марса, Юпнтера н Сатурна, н даже схема их движения по иебосводу.

— И сколько же зданий он занимал иа дие моря, этот чудо-прибор? — Михаил уже явно заинтересовался.

— В том-то и дело, что ои был весьма портативным, не больше совремеиных иастольиых часов.

Михаил ие поверил, ио вечером я разыскал толстый том «Античных древностей» с описанием замечательной иаходки у берегов Аитикитеры и показал ему. Мой друг забыл даже о танцах и традициоином вечерием купании.

А я тоже рылся в книгах, пытаясь обнаружить хоть иамек на разгадку того, что мы сегодия нашли. Рассматривал фотографии и зарисовки античных нгрушек, разлнчных предметов домашней утвари, даже обуви и одежды. Потом мне показалось, будто страииая находка может иметь какое-иибудь отношение к мореплаваиию тех времен. Может быть, это клочок паруса? Но вряд ли их делали из таких хорошо обработаииых кож. А точиее проверить это предположение, увы, иевозможио, потому что до иас ие дошло ии одного древнегреческого парусинка, только их изображения иа вазах.

Михаил, видно, увлекся. Ои чертил какие-то схемы, н время от времеии я слышал его бормотание:

— Так, значит, верхний циферблат укреплеи иад главиым приводиым колесом. А стрелки поворачивалнсь при помощи вот этого барабаиа-эксцеитрика... Ну а этот штифтик для чего?

«Клюиул,— радовался я.— Теперь иадолго забудет про свою пещеру. Давай, давай, брат! Над этнм хитроумным механизмом уже многие ломалн головы...»

Но вскоре им овладела новая мания: начал требовать у меня образцы посуды и обломки обожженных кирпичей для каких-то аиализов.

— Да зачем тебе это иужио? Что ты собираешься с иими делать?

— Совершеиствовать метод палеомагиетнзма.

Возражать против этого было трудно. Метод палеомагиетизма, разработанный за последние годы физикамн, сильно облегчил иам, археологам, датировку находок. Колдуя со сво-

имн хитрыми приборами иад черепками глиняиой посуды, онн ухитрялись узнавать, каким было магнитное поле Землн в то время, когда эта посуда обжигалась в гоичарной печи. А потом, пользуясь сложными графиками и диаграммами, иа основе этих даниых довольно точно определяли время изготовления посуды.

Почти для каждого найденного образца я на всякий случай подбирал и дубликаты. Но все равно расставаться с ними не хотелось: мало ли что может случиться?..

А Михаил был иеумолим:

— Давай, давай, ие жадничай! Для тебя же стараюсь.

Но через несколько дней пришел коиец его отпуску, телеграммой досрочно вызвали в Москву.

Ои увозил с собой целый ящик обгорелых кирпичей.

— Куда тебе столько? — спросил я.— Дом можно построить.

— Есть у меня одиа идейка,— тумаиио сказал Михаил,— ио пока молчок.

Любит ои напускать таинственность!

На следующий день произошло такое событие, что я забыл обо всем на свете, кроме работы.

С утра все шло как обычно. Уже вторую иеделю мы вели раскопки бокового придела храма. Постепеиио расчищался последний угол небольшой каморки, видимо служившей прибежищем кому-то из храмовых служителей-рабов. Тут трудио было рассчитывать обиаружить даже остатки нехитрой домашней утвари. Какое имущество могло быть у раба?

Зачистку вел старательный и аккуратиый Алик Рогов. Я ему доверял самые сложные раскопки, так что спокойио оставил его одного и отправился на другой объект, где иесколько студентов только начинали вскрывать фрагмент основаиия крепостной стены. Я поработал с нимн около часа, когда увидел бегущую к нам Тамару. Она еще издали отчаянно махала рукой.

Задыхаясь, крикнула:

— Алексей Николаевич, идите скорей! Вас Алик зовет!

— Что у вас там стряслось?

— Он иашел какую-то рукопись!

Мы все помчались к Алику — впереди я, за мной студенты, побросавшие лопаты, а позади всех совершенно обессилевшая Тамара.

Рогов сидел в яме, то и дело иетерпеливо высовывая оттуда голову, а сам прикрывал ладонями и всем телом находку, смешио растопырив локти — совсем как наседка на гнезде. Я спрыгиул к нему в раскоп, остальные столпились вокруг, шумно отдуваясь и переводя дыхание.

Алик осторожно отиял руки, и я увидел торчащий из землн

край какой-то плетенки из прутьев, видимо корзины. Ветви обуглились.

Я отметил это мельком, машинально. Все внимание мое привлек кусочек папируса, торчавший между прутьями. Неужели чудом уцелел какой-то письменный документ?!

Сдерживая дрожь в руках, с помощью Алика, который словно ассистент во время сложной хирургической операции, по одному движению моих бровей подавал то скальпель, то резиновую грушу для сдувания пыли, я начал расчищать землю вокруг корзины.

Пинцетом я извлек из нее клочок тряпки, комочек шерсти, несколько щепочек, глиняную пластинку... И наконец, небольшой, тонкий сверток папируса, за ним второй. Их я тут же, пока не рассыпались в труху от свежего воздуха, раскатал и зажал между двумя стеклами. Теперь можно было вытереть пот со лба и попытаться повернуть совершенно затекшую шею...

Я взглянул на часы. Не мудрено, что шея так зверски болела: провозился два часа семнадцать минут, совершенно не заметив этого.

Я пробежал глазами коротенькую надпись на табличке:

«Клеот спрашивает бога, выгодно ли и полезно ему заниматься разведением овец?»

Так, все ясно: обычный запрос к оракулу. Теперь папирусы. На первом из них написано:

«Я решительно упрекаю тебя за то, что ты дал погибнуть двум поросятам вследствие переутомления от длинного пути, а ведь ты мог положить их в повозку и доставить благополучно. На Гераклида вина не падает, так как ты сам, по его словам, приказал ему, чтобы поросята бежали всю дорогу. И затем не забудь пустить...»

Дальше записка обрывалась, хотя на папирусе еще оставалось свободное место и чернела большая клякса, словно писавшего кто-то подтолкнул под руку.

Я торопливо перерисовал текст в свой блокнот и занялся вторым клочком папируса. Это тоже, видимо, какой-то черновик. Буквы небрежно разбежались по неровным строчкам: дельта, эпсилон, сигма, омикрон...

Я перечитал их снова и крепко потер себе лоб.

Все буквы были мне знакомы, но я ничего не понимал. Они не складывались в нормальные, понятные слова. Самые обыкновенные греческие буквы... Но из сочетания их получалась какая-то немыслимая тарабарщина, лишенная всякого смысла.

Я понимал лишь отдельные слова: «по-ахейски», «нацеди» а вот это, пожалуй, «размешай». Но и эти слова были какие-то искаженные, с отсеченными окончаниями, словно нарочно исковерканные, так что я, скорее, угадывал их смысл, чем понимал его точно.

Весьма странное и мучительное ощущение! Представьте себе, что вы по-прежнему знаете, как произносится каждая буква родного алфавита, но понимать смысл слов, написаниых ими, вдруг разучились. Перестали понимать свой родной язык!

Так было и со мной. В полной растерянности я поднял голову и сказал обступившим меня студентам:

— Ничего не понимаю... Что за чертовщина!

МЫ НЫРЯЕМ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Иметь взгляды — значит смотреть в оба!

С. Ликок

1

(Рассказывает Михаил Званцев)

Мой Алеша бросил свои раскопки и примчался в Москву совсем ошалелый. Всегда такой спокойный, рассудительный, даже слишком медлительный, на мой взгляд, тут он стал сам не свой. Еще бы, поставьте себя на его место: наконец-то нашел заветный «письменный источник», а прочитать его не может!.. Из шестидесяти восьми слов разобрал только пяток.

Вечером мы вдвоем с ним ломали головы над этой загадкой. Небольшой, криво оторванный клочок папируса, исписанный поперек столбцами неровных строчек. Буквы на нем выцвели, стали едва заметны — не случайно его, видно, бросили в мусорную корзину. А мой фанатик прямо трясется над ним, словно это невесть какое сокровище.

Но, честно говоря, я начал разделять его азарт. У меня тоже руки прямо зачесались расшифровать сей загадочный документ.

— Слушай, а может, это действительно шифр какой? — предположил я.

— Кому нужно было зашифровывать какие-то хозяйственные надписи? — пожал он плечами.

— Почему хозяйственные? Ты что, их прочитал?

— Нет, но пользуюсь все тем же методом дедуктивного анализа, могущество которого уже имел счастье тебе демонстрировать. Смотри,— он склонился над столом, водя карандашом по стеклу, под которым лежал кусочек папируса,— видишь, в конце четвертой строки одинокая буква «бета», в конце пятой — «альфа», а девятая строка кончается буквой «гамма». Это явно цифры: 2, 1, 3. Греки тогда обозначали цифры буквами. Значит, идет какое-то перечисление, опись чего-то.

— Пожалуй, ты прав.

— Уже есть зацепка. Значит, рано или поздно мы его расшифруем...

— Да, по частоте повторяемости отдельных букв. Чистейшая математика и статистика! И все-таки я прав, а не ты: ключ к этому тарабарскому языку надо искать, как в обыкновенной шифровке. Мы с тобой сейчас в положении Вильяма Леграна, обнаружившего кусок пергамента с криптограммой пиратского атамана...

— Какого еще Леграна?

— Маэстро, надо знать классиков. Эдгар По, «Золотой жук».

Я легко отыскал на полке серый томик и открыл на нужной странице.

— Итак, что сделал проницательный Вильям Легран? Он подошел к расшифровке строго научно. В любом языке каждый элемент — звук, буква, слог и тому подобное — повторяется с определенной частотой. На этом и основана расшифровка секретных кодов. Зная, что в английском языке чаще всего употребляется буква «е», Легран подсчитал, какая цифра наиболее часто встречается в пиратской криптограмме, и всюду вместо нее подставил эту букву. Потом, опять-таки по закону частоты повторения, он буква за буквой разгадал всю шифровку и узнал сокровенную тайну пиратов: «Хорошее стекло в трактире епископа...»

— Не вижу все-таки особенного сходства с той задачей, какая стоит перед нами,— перебил он меня.

— Слушай, ты иногда бываешь удивительно непонятлив! Эту фразу можно зашифровать так, как сделал пиратский атаман Кидд.

Я набросал на листочке бумаги криптограмму из рассказа:

$$53^{++}_{++} + 305)\ )6^{\times};\ \ 4826)\ 4^{\pm})4^{+\cdots}_{+}$$

— А можно ее зашифровать и по-другому — словами. Скажем: «Лобасто кире а курако пула...» Получается в точности твой тарабарский язык. Теперь достаточно переписать это греческими буквами, которых я не знаю, или латинскими и можно выдавать за древний манускрипт на неведомом языке.— Я тут же проделал эту несложную операцию и подал ему листочек.

— Пожалуй, ты прав,— пробормотал он, разглядывая его.— Это можно расшифровать...

— Но ты знаешь, дорогой мой осквернитель древних могил, сколько времени тебе на это потребуется? — Я быстренько прикинул на подвернувшемся под руку клочке бумаги.— Да, к концу жизни, глубоким стариком, ты, наконец, прочтешь: «Настоящим удостоверяю, что мною, жрецом А. И. Еврипидусом, действительно украдены из казны храма 3—в скобках

прописью: трн — бронзовые нголкн». Что н говорнть — лучезарная цель, ей не жалко посвятить жизнь!

— Трепач ты, Мншка! — вздохнув, сказал он.— Во-первых, каждый иовый документ древности очеиь важеи для иауки. А во-вторых, я не собнраюсь корпеть над расшифровкой, как некий кустарь-одниочка. Опублнкую копию в журиале, и общнми силамн мы как-иибудь разгадаем эту загадку в ближайшие годы.

— А в ближайшие недели ие хочешь? Ты забыл, что в наше время самые выдающиеся открытня совершаются на стыках далекнх друг от друга наук?

— То есть?

— То есть тебе иа помощь придет всемогущая кибернетнка, разумеется, в моем лнце.

И знаете, что он мие ответил, этот зарвавшийся наглец?

— Я знаю,— говорнт,— что ныиче некоторые не надеющиеся нахватать звезд в своей собствеииой науке спешат прнмазаться к другнм отраслям знаиия, где нх слабость ие так заметна непосвященным. По древнему принцнпу: в страие слепых и кривой — король. Что ты понимаешь в археологнн нли лингвистике?

— Ах так? — сказал я.— Тогда иам не о чем разговаривать.

Но тут он начал всяческн улещать меия:

— Ладио, ие ершись, это я так, ради красиого словца брякиул. Конкретно что ты предлагаешь?

— Предлагаю положнть твой орешек на зубок электронно-вычислительной машнны. Договорюсь с шефом, думаю, он разрешит провернуть эту работеику в нашем ннституте. Раз документ напнсан известнымн буквами, но на нензвестном языке, его можно рассматрнвать как шифровку. Чтобы подобрать к ией ключ, тебе придется возиться иесколько лет. А машииа это сделает гораздо быстрее.

— Неужелн это возможио?

— Прощаю тебе сомнення только потому, что ты полный профаи в кибериетике,— велнчественно сказал я.

2

(Рассказывает Алексей Скорчниский)

Признаться, я ие слншком вернл радужным обещаиням друга. Хотя, конечио, насчет того, что «в страие слепых и кривой — король»,— это я сказал несправедливо. Товарнщн по работе Михаила весьма уважают н ценят; судя по их отзывам, он там, в своем нниституте, еслн н не король пока, то, во всяком случае, подающнй большие надежды прииц.

И в то же время ие замыкается он в узкопрофессноиальную

«скорлупу» — это мне тоже в нем нравится. И астрономией увлекается, и в литературе разбирается неплохо, а теперь еще затеял какие-то мудреные опыты с палеомагнетизмом, замучил меня совсем, требуя все новые и новые образцы для анализов. Вот только в истории и археологии слабоват, но ведь никто не обнимет необъятное!..

Уже на следующий день Михаил позвонил мне и сказал, что имел «предварительную дипломатическую беседу с шефом и дело разрешится в самое ближайшее время».

— Приезжай сейчас же в институт, я тебя жду,— позвонил он через неделю.— Шеф разрешил заниматься твоей шифровочкой после работы. Надо подготовить все материалы. На той неделе нам дадут машину на тридцать шесть часов...

— Только? — огорчился я.— А что мы успеем за это время?

Он так яростно засопел в трубку, что я торопливо добавил:

— Ну ладно, ладно, еду.

Институт находился за городом, километрах в сорока от Москвы. Прямо посреди сосновой рощи поднимались высокие корпуса, сверкая на солнце огромными окнами. И внутри все было новенькое, ультрасовременное. Я чувствовал себя не очень уютно в этом совершенно непонятном мне мире машин, окруженных защитными проволочными сетками, словно звери в зоопарке; приборов, занимающих целые комнаты; подмигивающих цветными лампочками пультов от пола до самого потолка.

Паренек, в синем халате, с торчащей из кармашка логарифмической линейкой, был, наоборот, очень немногословен.

— Виктор, колоссальный программист,— представил мне его Миша Званцев.

А паренек уже невозмутимо склонился над копией найденного документа, машинально вытаскивая из кармашка свою логарифмическую линейку. Чем она ему тут может помочь?

Что происходило дальше, до сих пор как следует не понимаю и потому вряд ли смогу обстоятельно рассказать. Я вдруг снова почувствовал себя так же глупо, как и в тот момент, когда вытащил странный документ из-под земли. Михаил и Виктор о чем-то деловито рассуждали, но я почти ничего не понимал из их разговора. Алгоритм, статистические свойства текста, кодировка по таблицам случайного набора символов, энтропия, математическое ожидание и дисперсия — нет, они говорили явно на каком-то неведомом мне языке.

В общем, о технологии всей подготовительной работы по расшифровке найденного документа я больше ничего говорить не буду: желающие (и способные в этом разобраться) смогут узнать все подробности из специальной статьи, которую Михаил и Виктор готовят сейчас для сборника, посвященного проблемам кибернетики.

Так они колдовали с цифрами вечерами всю неделю. И Виктор, покачивая головой, несколько раз говорил мне:

— Очень мало текста, боюсь, ничего не выйдет. Повторяемость некоторых букв ничтожна. Если бы вы нам дали побольше текста...

Чудак! Я бы и сам хотел найти новые документы, пусть даже непонятные, на таком же загадочном языке. Но кроме этого клочка папируса, у нас пока ничего не было.

Наконец наступил день, когда по распоряжению шефа, которого я так и не видел и даже имени не узнал, нашей группе № 15, как она, оказывается, официально уже именовалась, должны были по графику дать на тридцать шесть часов вычислительную машину. В зал, где она размещалась, меня не пустили.

— Все равно ничего не увидишь, а только будешь мешаться под ногами,— строго сказал мне Михаил.

И я на этот раз не осмелился с ним спорить, только заглянул в зал и посмотрел на машину через полуоткрытую дверь. Но не увидел ничего нового, кроме все тех же пультов с лампочками да загадочных приборов вдоль стен. А потом дверь закрылась, и я отправился домой ждать...

Не знаю, сколько прошло времени до следующего вечера,— вероятно, тридцать шесть не часов, а лет или, может, даже десятилетий. Я услышал Мишкины торопливые шаги и распахнул дверь раньше, чем он успел позвонить. Первым делом впился взглядом в его лицо. Оно было смущенным. Значит, все оказалось липой, очередной трепотней?

— Ну?

— Да дай ты мне раздеться! — сказал он, отпихивая меня в сторону и разматывая шарф.— Понимаешь, очень мало текста, Виктор был прав.

— Где она? — заорал я.

С явным смущением, так не похожим на него, Михаил положил передо мной листок, на котором было написано:

«Возьми..................по-ахейски
«благовон», выжми из нее.....и разбавь...............водой из.........
Добавь..........................два,
......возьми.......пива.........одну,
зарежь......нацеди его..........в ту
и........и доверху.......разбавленным
..........это размешивай............
не...............пена...........три
.................и.................
.............заговор................
...........«Сарон, Калафон...........
........И........залпом.............»

— Вот и все, по-моему, не слишком густо. Но ничего не поделаешь, текст уж больно коротенький, куцый,— сказал Михаил так, словно был в чем-то виноват.— Тарабарщина. И по-моему, не очень интересная: не то страница из поваренной книги, не то рецепт какого-то яда — не случайно тут упоминается слово «заговор» и чьи-то имена.

— Ничего ты не понимаешь в археологии,— решил я его утешить, хотя и сам был разочарован.— Тебе все кажется, будто для нас важнее всего найти какой-нибудь клад. А порой самые обыкновенные черепки от посуды или вот такая запись могут рассказать куда больше важного и интересного, чем находка красивой вазы или золотого кубка. Материальная культура народных масс далекой древности — вот что нас прежде всего интересует. Как развивались производительные силы общества, что сеяли на полях, выделывали в мастерских, в какие производственные отношения вступали между собой люди в процессе труда?..

— Ну и что же тебе говорит эта куцая расписка, доморощенный Шерлок Холмс?

— Ну, во-первых, я ошибался, принимая это за какую-то хозяйственную опись или реестр. Скорее всего, это рецепт, который жрец почему-то хотел засекретить, скрыть от чужих глаз...

— А может, все-таки сообщение о заговоре?

Ему явно хотелось идти по стопам героев Эдгара По. Рецепт его не устраивал: какая в нем романтика?

— Да нет, слово «заговор» тут употреблено в смысле «заклинание». А имена явно не греческие, вероятно, какие-то магические божества или демоны.

Я еще раз внимательно просмотрел запись и добавил:

— Кое-какие пробелы, кажется, можно восстановить по смыслу, помочь твоей чудо-машине. По-ахейски «благовоном» называли мяту. Значит, первая строчка читается: «Возьми мяты, изываемой по-ахейски «благовон»... Шестая строка: «зарежь», вероятно, какое-то жертвенное животное, а не коварного врага, как ты думаешь; «нацеди его» — видимо, «кровь» — в какой-то сосуд... Да, несомненно, рецепт. Но зачем жрецу понадобилось зашифровать его, не понимаю!

— Хотел утаить, чтобы стать монополистом. Ты что думаешь, в древности жуликов не было, что ли?

— Возможно.

Тут я заметил, что Михаил как-то странно мнется, словно хочет что-то сказать, да стесняется,— совсем на него не похоже.

— Ты что?

— Да так, есть одно соображение...

— Ну, говори.

— Боюсь брякнуть такую же нелепость, как тогда Алик насчет древних авиамоделистов,— засмеялся он.— Понимаешь,

я тоже думал: зачем все это понадобилось проделывать жрецу? Почему его не устраивал родной язык, от которого потом пошли почти все письменности Европы и некоторые алфавиты Азии? По сравнению с громоздкой вавилонской клинописью или египетскими иероглифами греческий алфавит ведь в те времена был самым прогрессивным, простым и логичным. Недаром его, по-разному видоизменив написание букв, взяли потом за основу для своей письменности и некоторые другие народы.

— Ты, оказывается, не терял зря времени...

— Зачем же понадобилось этому жрецу, оставив греческий алфавит, сочинять какой-то новый язык, сохранив для него лишь немногие греческие слова, да к тому же почему-то искаженные? — продолжал он, отмахнувшись от меня, как от мухи.— Только ли для зашифровки этих секретов? Но для этого можно было и не заниматься сочинением нового языка — достаточно лишь зашифровать записи цифрами или условными значками, как это сделали пираты в рассказе Эдгара По.

Он помолчал и добавил:

— Ты обрати внимание, что этот загадочный язык был, видимо, каким-то очень простым, логичным и ясным, поэтому многие слова так быстро и легко и расшифровала машина...

— Ну и что же ты хочешь, наконец, сказать?

— «Что-то вроде эсперанто»,— определил его Виктор Крылов. А его логический ум очень точно схватывает такие вещи... Чем больше я раздумывал над тем, что мы узнали в процессе подготовки программы для машины, тем больше внутренне соглашался с этим определением. Да, по простоте грамматических форм, логичности и лаконизму язык этого документа весьма напоминает эсперанто.

Тут уж я не выдержал:

— Эсперанто в первом веке до нашей эры? Ты перечитал слишком много книг по лингвистике! Слушай, это все из той же серии гениальных, но забытых открытий древних. Стальные колонны, которые не ржавеют, марсиане в пустыне Сахара, металлические гвозди и булавки, якобы найденные в доисторических слоях известняка... Все это могут сочинять только люди, как ты, совершенно не знакомые с реальным бытом людей древности. Рабовладельческий строй, греческие города окружены враждебными племенами скифов и тавров, не имеющих еще своей письменности... ну скажи мне на милость, с чего это греческому жрецу из храма Асклепия вдруг взбредет в голову сочинять в такой обстановке эсперанто для облегчения и укрепления международных связей? Вопиющее отсутствие малейшего чувства историзма!

— Ладно, что ты собираешься дальше делать?

— Копать, искать! Раз этот жрец вел шифрованные записи, значит, и прятал их в каком-нибудь тайнике. И конечно, не успел

оттуда забрать во время иочного внезапного нападення. Надо иайти этот тайник!

— Хорошо, только присылай мне побольше обгорелых кирпичиков для анализов.

Дались ему эти кирпичи!..

3

(Снова берет слово А. Скорчинский)

Новый раскопочный сезон я решил начать с планомерного повторного обследования всех развалин храма Асклепия. Храм имел в плане форму буквы «Т». Мы вскрыли левое крыло н центральную часть. Правое крыло, к сожалению, было для нас недоступным: на его месте уже выстроен санаторий...

Каморка пнсца-раба, где мы нашли остаткн корзинки с папирусом, находнлась как раз в окончании левого плеча буквы «Т». Я предполагал, что и все правое крыло занимали, вероятно, служебные помещення. Вряд лн там мог находнться тайник. Вернее всего, его следовало искать где-то поблизостн от центральных помещений, где располагались жертвенники н жили жрецы.

Вся эта часть была раскопана еще в прошлом году. Но мы началн ее обследовать заново, пониимая, что прн обычных раскопках тайник вполне можно пропустить, если не нскать его специально.

Заново, сантиметр за сантиметром, я сам перекапывал всю землю в прошлогоднем раскопе. Мне помогал Алик Рогов, но вскоре ему эта работа, видимо, начала казаться пустой тратой времени. Он копал равнодушно, только «отбывал время» до конца работы, а потом немедленно смывал всю пыль н грязь и куда-то отправлялся на весь вечер.

Я долго не мог понять, куда же это он исчезает по вечерам, пока не увидел, заглянув случайно в его палатку, акваланг. Значит, прошлогодний визит Михаила все-таки оставил свон плоды: мои мальчикн тоже заметили, что море у них под боком. Недоставало еще только, когда дружок нагрянет в очередной отпуск, чтобы они додумались вместе с ним нырять в это злополучное подземное озеро.

Но я ошибся.

Однажды вечером я сидел в палатке и заполнял дневннк раскопок. Алик нсчез, как обычно, сразу после работы, прихватив акваланг. Солнце уже скатилось за горы, в палатке становилось темновато. Пора было зажигать фонарь.

И вдруг входной полог откинулся, н в палатку просунулась лохматая голова Алика. Все лицо у иего было перемазано глиной. Уж не случилось ли чего?

— Алексей Николаевич... Я скелет нашел,— торооплнво за-

бормотал Алик, с трудом втискивая в палатку свое долговязое тело и зачем-то еще волоча за собой акваланг, тоже весь перепачканный грязью.

— Где? Какой скелет? Утопленник, что ли?

— Да нет, не в море, а в той пещере, что осенью разведывали. Я решил ее хорошенько обследовать. Нырял несколько раз в подземное озеро, там вторая пещера...

Так вот куда, оказывается, отправлялся он каждый вечер с аквалангом! А я-то думал, будто он спокойно ныряет в море, как все нормальные люди...

— Ничего особенного не обнаружил... А вот сегодня в боковом кармане нашел скелет,— продолжал он бессвязно.

— В каком кармане?

— Да это так у нас, спелеологов, подземные тупики называются.

— Древнее захоронение?

— Похоже. Надо вам самому посмотреть.

Больше я от него ничего толком не мог добиться. Отправляться в пещеру на ночь глядя было опасно. Решили подождать утра.

— А как же ты туда один лазил? — напустился я на него.— Еще хвастался, будто опытный пещерник. Разве можно такие вещи делать?

— Да я не один,— смущенно оправдывался Алик, тщетно пытаясь стереть с разгоряченного лица грязь и только размазывая ее еще больше.— Павлик Курашов со мной ходил для страховки и оставался на берегу озера, пока я нырял. И каждый раз мы у входа записку клали с указанием времени, когда вошли в пещеру и когда предполагаем вернуться. Так что я все правила безопасности соблюдал. Да и товарищи знали, куда мы отправились.

Лезть в эту пещеру да еще нырять в подземное озеро мне, признаться, вовсе не улыбалось. Но нельзя же оставить древнее погребение необследованным!

Утром, никому не говоря, я поручил одному из студентов заменить меня на раскопках, а сам в сопровождении Алика и Павлика Курашова отправился в пещеру. Акваланг у нас один, но Алик прихватил еще маску с дыхательной трубкой, сказав, что хорошо изучил, как надо нырять, и вполне обойдется этим нехитрым снаряжением.

У входа в пещеру мы оставили записку: вошли во столько-то, предполагаем вернуться не позднее шести часов вечера. Об этом же было сообщено и моему заместителю на раскопках.

Всю подземную дорогу до самого озера мы преодолели без каких-либо осложнений. Алик проходил тут не раз и тщательно разметил путь меловыми стрелками на стенах.

Вот и озеро. Вода в нем при свете наших трех фонарей

казалась совсем черной, густой и маслянистой, сверкала, словно нефть. При мысли, что придется нырять в нее, у меня мурашки пробежали по коже. Но Алик быстро разделся, деловито приладил маску, одновременно инструктируя меня:

— Как нырнете, плывите у самого дна, чтобы головой о скалу не стукнуться. Это недалеко, метра три с половиной всего будет. Потом можно всплывать. Я пойду первым и вам посвечу там при выходе.

Потом он придирчиво проверил, хорошо ли упакованы в резиновый, непроницаемый для воды мешок фотоаппарат с лампой-вспышкой и блокнот. Я захватил все, чтобы прямо на месте, как полагается, сфотографировать и зарисовать находки, прежде чем их исследовать.

Сборы были закончены. Поежившись, я смотрел, как Алик, придерживаясь за камни, входит в черную воду и исчезает в ней с головой. Теперь моя очередь. Павлик остался на берегу с нашей одеждой.

Очень неприятное было это ощущение, когда я начал погружаться в холодную и грязную воду. В ней скопилось так много ила, что она казалась липкой и вязкой. Невольно хотелось поскорее вылезти из этой подземной трясины.

Казалось, я физически чувствовал, как тяжко давит на меня вся громада скалы, нависшей сверху. И я невольно почти полз по илистому дну, прижимался к нему всем телом и так и выполз на берег, весь измазанный.

Внезапно в глаза мне ударил свет фонаря. Сквозь мутные потеки грязной воды на стекле маски я смутно увидел Алика, протягивавшего руку. Он помог мне выбраться на скользкий берег и снять акваланг.

Подземный зал, в который мы попали таким необычным способом, был, видимо, громаден. Наши фонарики вырывали из мглы то сверкающие исполинские сосульки сталактитов, свисавшие откуда-то сверху, с невидимого нам потолка, то кусок скалы, весь усеянный острыми кристаллами неправильной формы. А дальше все пряталось во тьме. Вдоль одной стены выстроились тонкие известковые колонны, напоминая трубы огромного органа. Известковые натеки покрывали все стены, словно причудливые драпировки и кружева. И всюду негромко журчала, звенела, шепталась вода, бесчисленными ручейками вливаясь в подземное озеро.

Но рассматривать зал некогда. Алик тянет меня куда-то в сторону, где тьма кажется особенно густой и мрачной.

Мы бочком пробираемся мимо скалы, ощетинившейся острыми шипами. Потом, пыхтя и задыхаясь, почти ползком пробираемся по узкому проходу. Алик поднимается во весь рост и нащупывает лучом фонарика небольшую площадку под нависшей козырьком скалой.

— Вот, смотрнте,— хрипло произиосит ои.

Я направляю свет своего фонарнка туда же, под иависшую скалу, и медлеиио подхожу поближе.

Скелет лежит в небольшой нише, рассматрнвать его трудно. Но сначала нужно выполнить первое железное правило: сфотографировать и зарисовать находку, прежде чем притрагиваться к ией. Сколько случаев известио в исторнн археологин, когда от прикосновения иеопытной рукн рассыпались, моментально превращалнсь в прах, в пыль весьма ценные иаходки! Для этого порой даже и притрагнваться ие нужно, достаточно просто струи свежего воздуха.

Я тороплнво распаковываю резниовый мешок, достаю полотенце н тщательно вытираю руки, вынимаю нз мешка лампы, фотоаппарат, иачинаю готовить нх к съемке.

— Алексей Николаевнч, а какого это прнмерно времени захороненне? — по-прежнему шепотом, словно боясь иарушить подземный покой, спрашивает помогающнй мне Алнк.

Я поинмаю его затаенное желание, чтобы находка непременно оказалась какой-ннбудь исключительио редкой, особенно древней, поразительной для науки. Но пока иичего ответить ему не могу.

— Может быть, тавров или даже кизылкобницев. Это загадочное племя населяло здешние горы еще до тавров и обычио устранвало могильннки как раз в пещерах. Каждая новая находка нх особенно интересна для наукн.

«А может, это вовсе ие могила?» — мелькает у меия в голове. Нет ни ритуальных предметов, какнмн все древиие племеиа непременно снабжали покойников иа дорогу в загробное царство, ни украшений.

Не терпится осмотреть скелет получше, но я сдерживаю себя. Прежде всего сиимки.

Аппарат готов. Озаряя подземелье слепящими вспышками электронной лампы, я делаю однн за другим десять снимков с разных точек. Потом мы устанавливаем вокруг площадкн иесколько принесенных с собой свечей, зажигаем их, и я начинаю зарисовывать в тетрадь детальный план захороиения. Алнк взволиованно сопит у меня над ухом.

Зарисовка требует полного внимания и сосредоточенности. Но все-таки в моей голове одна за другой проскакнвают отрывочные, бессвязные мысли.

Как таинственно и зловеще выглядим мы, наверное, со стороны: два притихших человека, склонившнхся над скелетом при неверном свете свечей... Почему у него такой уродлнвый лоб? И на костях грудной клетки след удара. Чем?.. Нет, эту руку я иарисовал неверио, она идет вот сюда.

Так. Кажется, первая зарисовка закончена. Теперь надо разметнть площадку на квадраты и приступать к детальному

обследованню. Может, по сережкам или кольцу, по остаткам украшенний, погребальной утвари удастся, наконец, определнть, к какому времени принадлежнт захоронение.

Мы с Алнком вбиваем колышки по краям площадки н натягнваем между ними прочную бечевку. Их переплетенне образует строгую сетку правильных квадратов, чтобы каждая кость, каждая находка нмела точный адрес и можно было записать в дневник раскопок: «Обнаружено в квадрате таком-то...»

Скала тверда, колышкн не хотят в нее вбиваться, мокрые руки срываются. Наконец мы справляемся с этой нелегкой работой, раскровянив себе пальцы. Теперь можно передохнуть и покурить.

Мы садимся прямо на мокрые камнн возле скелета, окруженного цепочкой тускло горящих свечей. Я смотрю на часы. Неужели прошло уже шесть часов, как мы вошли в пещеру? Здесь теряешь всякое представление о времени. Надо поторапливаться, а то наверху начнут беспоконться и, чего доброго, отправятся на поиски.

Обидно, но я не вижу никаких прнмет, по которым можно было бы установить время погребения. Одежда давно истлела, нет ин металлических, ни костяных украшений. Или это вовсе ие захоронение, а человек просто забрел в пещеру н отчего-то погиб здесь? Отчего?

Убийство? Но когда оно произошло? И каким орудием перебиты ребра, куда оно делось?

Алик светил мне, держа в руках, кроме фонарика, еще две свечи. Расплавленный стеарин капал ему на рукн, но он не замечал этого.

Мне показалось, что возле ладони скелета что-то тускло блеснуло.

— Ну-ка, посвети сюда получше! — сказал я.

Да, среди камней виднелся какой-то продолговатый предмет. Я осторожно подцепнл его пинцетом и вытащил.

— Ничего не понимаю! — растерянно пробормотал я.

У меня иа ладони лежал довольно длинный, сантиметров в десять, явно металлический стержень, плотно оплетенный проволокой!

Я потер тряпкой покрывавший его известковый налет. Да, несомненно, проволока, намотанная на металлический стержень.

— Это же проволока! — воскликнул я в полном изумлении.

— Как?! — ахнул Алик н потяиулся ко мне. При этом свободная его рука, которой он прндерживался за обломок скалы, вдруг соскользнула и задела череп.

И в то же мгновение череп иа наших глазах нсчез, разрушнлся. Мы не успели опомниться, как вместо него перед нами лежала только небольшая кучка серого праха.

— Что ты наделал! — вскрикнул я, но тут же махнул рукой.— А впрочем, ничего страшного.

— Почему? — совершенно упавшим голосом спросил потрясенный Алик.

— Да потому, что зря мы с тобой столько времени потеряли. Ныряли в подземелье, подкрадывались к этому скелету чуть не на цыпочках, старались не дышать, фотографировали, рисовали. А кому он нужен?

— Значит, это не древнее захоронение? — робко спросил Алик.

— Конечно, нет. Древние проволоку не умели делать.

— А как же он сюда попал?

— Пусть это следователь выясняет. Собирай манатки, и пошли отсюда, нечего нам тут делать.

Мы молча засунули в резиновый мешок фотоаппарат, тетрадку, погасили и убрали огарки свечей. Стержень, обмотанный проволокой, я тоже захватил с собой.

Мы уже добрались до берега озера и приготовились нырять, как все еще занятый печальными мыслями Алик вдруг горестно сказал:

— Как же меня угораздило зацепить этот череп? И почему он рассыпался?

— Это, брат, у химиков и анатомов надо спросить. Может, тут вода такая — разъедающая кости. Или воздух в пещере. Да ты особенно не горюй,— утешил я его.— Вот один археолог нашел в Италии гробницу этрусского воина — это действительно ценность. Начал ее вскрывать, только заглянул в щелочку. Воин лежал в гробнице как живой. Каждая морщинка на его лице была отчетливо видна, каждый волосок усов. И мгновенно все превратилось в пыль от струи свежего воздуха! Мумия воина исчезла, испарилась на глазах потрясенного исследователя. Вот для него это был удар, представляешь? Ну ладно, ныряем.

Теперь, после такой обидной неудачи, погружаться в эту грязь было еще противнее. Но ничего не поделаешь.

— Долго же вы там копались! — недовольно сказал Павлик, заждавшийся нас.— Я совсем замерз. Пошли скорее на волю. А что нашли?

— Скелет Александра Македонского в юности,— буркнул я.

Пока мы выбирались из пещеры, Алик наскоро рассказал ему о нашем неудачном походе. Павлик экспансивно ахал, всплескивая руками, крутил головой.

Выбравшись на белый свет, мы первым делом поспешили на берег моря, чтобы смыть грязь. А выкупавшись, вытащили из мешка и снова стали рассматривать проволоку. Ее покрывала толстая известковая пленка от подземной воды.

— Давайте соскоблим грязь и отмоем ее как следует,— предложил Павлик.

— Нельзя, на ней, может быть, отпечатки пальцев сохранились,— остановил его Алик.

— Какие отпечатки пальцев?

— Ну, того... кто ее туда принес, в пещеру. Дактилоскопия. Вы же отдадите эту проволоку следователю? — спросил у меня Алик.

Я кивнул.

— Значит, трогать ее нельзя,— строго сказал он.

— Да вы уже захватали ее своими пальцами, пока рассматривали в пещере,— весьма резонно возразил ему Павлик.

— Ничего, там разберутся,— не очень уверенно сказал Алик.— Там отличат наши отпечатки от следов пальцев преступника.

— Так ты думаешь, его там убили, в пещере? — оживился Павлик.— А кто? И когда?

Тут они начали вдвоем строить такие фантастические догадки, что я решительно оборвал их:

— Ну, хватит с меня этой пещеры Лейхтвейса! Пошли в лагерь, сыщики. И смотрите, если кто-нибудь у меня снова полезет в пещеру! Немедленно отчислю из экспедиции!

На следующий день я отправился в районное отделение милиции и рассказал о нашей неожиданной находке. Молодой краснощекий лейтенант выслушал меня очень внимательно, сразу напустил на себя строгий и деловитый вид, даже застегнул воротничок кителя. А когда я передал ему проволоку на стержне, глаза у него загорелись. Еще бы, я понимал его: часто ли приходится расследовать истории загадочных скелетов, найденных в подземелье!..

— Благодарю вас за важное сообщение,— сказал он, крепко пожимая мне руку.— Мы немедленно займемся этим темным делом.

Уже в дверях я оглянулся. Лейтенант, совсем забыв и обо мне, и, наверное, обо всем на свете, зачем-то пристально рассматривал проволоку в сильную лупу. Может, он и в самом деле искал на ней отпечатки пальцев?..

Вечером я проявил пленку, чтобы отправить следователю и фотографии, сделанные в пещере. «Какой он был головастый! — невольно подумал я, рассматривая еще мокрые отпечатки при зловещем свете красной лабораторной лампочки.— Жалко, что череп рассыпался в прах. Можно было бы восстановить облик по методу профессора Герасимова. Человека с такой головой не трудно было бы опознать...»

«А вдруг это был все-таки древний кизылкобинец или тавр? — подумал я.— А стержень с проволокой мог подбросить

какой-нибудь шутник вроде Васи Харикова, оставившего свой глупый автограф в пещере...»

Когда отпечатки просохли, я отправил их с одним из студентов в пакете к следователю.

Через несколько дней снова подумал, что надо бы и самому наведаться в милицию, узнать, не нашли ли они чего-нибудь новенького в пещере. Но неожиданная — вернеё, долгожданная! — находка сразу заставила меня забыть и об этом глупом походе в пещеру, и о наших детективных находках.

Мы наконец-то обнаружили тайник!

Произошло это так. Я вместе с Аликом вторично обследовал сохранившийся в земле фундамент одной из колонн сгоревшего храма. Обычно для этого использовали грубо обтесанные глыбы местного камня. Но когда я постучал молотком по этой глыбе, звук сразу выдал, что в ней есть какая-то пустота. И действительно, когда я всунул лезвие ножа в щель, видневшуюся между глыбой и мраморной плитой, прикрывавшей ее сверху, плита медленно, словно нехотя, сдвинулась с места, открывая темное отверстие.

Тайник! Но теперь я как-то не слишком даже обрадовался и взволновался. Наверное, потому, что в душе давно ждал этого момента, твердо был уверен, что рано или поздно найду тайник, пусть ради этого пришлось бы несколько лет перекапывать всю землю среди развалин древнего храма. Теперь я просто убедился, что шел по правильной тропе.

Я засунул по локоть руку в темный зев тайника.

Она нащупала что-то холодное, металлическое. Неужели медная циста, в каких греки обычно хранили и перевозили рукописи, чтобы предохранить их от сырости? Сердце у меня так и затрепыхалось.

Я медленно вытащил непонятный предмет из тайника, и все вокруг ахнули. Это была... нижняя челюсть человека, но только не настоящая, а весьма искусно сделанная, похоже, из серебра. Вслед за ней я вытащил нос — длинный, с характерной горбинкой, тоже серебряный.

— Что это? Серебряный скелет? — воскликнул кто-то из студентов за моей спиной.

Я тоже с немалым удивлением и замешательством рассматривал необычные находки. Этого только не хватало: найти еще один скелет, на сей раз серебряный!

И вдруг вспомнил о древнем суеверном обычае: больной, получивший исцеление, иногда посвящал богу как бы «макет» той части тела, которая у него болела. Обычно такие жертвенные подношения делались именно из серебра. А жрец, устроивший этот тайник, видимо, прикарманил несколько ценных вещиц.

Когда я наскоро объяснил это ребятам, похоже, они слегка

разочаровались. Видно, уже настроились найти целый серебряный скелет в самом деле.

Но тут же все снова замерли, потому что я засунул руку в тайник поглубже, по самый локоть, и действительно вытащил долгожданную цисту — позеленевший от времени медный цилиндрический футляр.

А вдруг в нем ничего нет? Я внезапно так испугался, что пот выступил у меня на лбу, и пришлось его торопливо стереть грязной рукой. Циста не запечатана, крышка завернута не до конца. Вдруг жрец не успел положить в нее никаких документов и они сгорели в ту паническую ночь?..

Руки у меня тряслись, пока я медленно отвинчивал крышку цисты под напряженными взглядами всех.

Но вот из футляра так же медленно выполз толстый сверток папируса. Я громко вздохнул, и все вокруг тоже облегченно вздохнули.

Начало немного попорчено, отсырело. Но это ничего. Уже при первом беглом взгляде на рукопись я понял: она снова написана греческими буквами, но зашифрована. Тоже не страшно. Рукопись большая, мы ее непременно расшифруем!

Наутро я уже вылетел в Москву и прямо с аэродрома помчался к Мишке в институт. Пять минут, пока я ждал его в проходной, показались мне вечностью...

И вот снова мы составляем таблицы, переводим буквы на язык двоичного исчисления. Но теперь эта работа уже идет куда веселее: ведь столько материалов у нас в руках — целая рукопись!

Сам директор института (оказавшийся, кстати, вовсе не стариком, как я представлял его по рассказам Мишки, а веселым загорелым человеком лет сорока пяти с хорошей спортивной выправкой) несколько раз заходил к нам и поторапливал, помогал очень дельными советами. Похоже, что он тоже вечерами занимался сравнительной лингвистикой...

И вот мы стоим перед машиной, мерцающей разноцветными огоньками сигнальных ламп. Она негромко басовито гудит, и в этом есть что-то ободряющее и успокаивающее.

Но я все-таки никак не могу успокоиться до той самой минуты, пока передо мной не ложится на стол первый, только что отпечатанный на пишущей машинке лист, и я свободно читаю первую фразу:

«Воистину за сорок лет служения в храме Асклепия немало довелось мне быть очевидцем поразительных проявлений человеческой глупости...»

СОПЕРНИКИ

Мы склонны порой причислять полу-
тораумных к полоумным, потому что
воспринимаем только треть их ума.

Г. Торо

Вот что было написано в расшифрованной нами рукописи (начало ее, как уже говорилось, к сожалению, немного попорчено, зияют досадные пробелы, но дальше текст сохранился почти полностью)[1].

1. Воистину за сорок лет служения в храме Асклепия немало довелось мне быть очевидцем поразительных проявлений человеческой глупости. Это.......том, как легковерна и переменчива людская толпа, и научило истинной мудрости. Без такого знания..... невозможно..... врачеванием не только душ, но и тела.

И все-таки должен признаться перед всевидящими, всезнающими богами, моя мудрость подверглась серьезному испытанию при появлении этого чужеземца. Мне пришлось приложить немало сил и усердия, чтобы положить предел его опасной и преступной власти, которая могла бы принести городу неисчислимые бедствия...

2. Но следует....... Надо прежде всего признать, что время для своего появления он выбрал весьма удачно. Накануне все жители нашего города стали свидетелями необыкновенного и чудесного знамения. В полдень, при совершенно безоблачном и чистом небе, внезапно раздался грохот, подобный грому, и над горами сверкнула какая-то ослепительная вспышка, гораздо более яркая, чем молния. Казалось, над городом промчалась колесница Фаэтона и скрылась где-то в стороне Херсонеса,— многие так и подумали, наблюдая этот небесный блеск и грохот. До самого вечера люди в тот день пребывали в тревоге и растерянности. Время было тревожное, повсюду царили опасения и страх. Доходили слухи, будто в Пантикапее коварный Фарнак восстал против своего отца, великого царя Митридата, и даже лишил его жизни. Римские войска уже появились в стране синдов.[2] Вероломные скифы участили свои набеги на наши полисы. Какие беды могло еще нам предвещать зловещее небесное знамение? Многие пришли в храм, ожидая услышать оракула. Но и сам я был весьма озадачен таким необычным знамением и не знал, как его толковать.

К счастью, земное колебание продолжалось недолго. Потом

[1] Возможно, некоторые слова и выражения покажутся слишком современными, заранее приношу за это свои извинения: перевод был слишком торопливым и еще нуждается в большой доработке. (Примечание А. Скорчинского. В дальнейшем будет помечаться просто: *А. С.*)

[2] Так называли тогда нынешнюю Кубань и Северный Кавказ.— *А. С.*

мы узнали, что в это утро гнев богов поразил не только нас, но и все города Боспорского царства. В Пантикапее был даже сильно поврежден акрополь, и под обломками, сорвавшимися вниз с горы, погибло несколько домов вместе с жителями. У нас жертв было немного, но тревога возникла большая. И вот в самый разгар этой сумятицы и появился странный чужеземец[1].

3. Его поймали на горе[2]... пельтасты[3] сторожевого поста, выставленного для охраны от коварных тавров, которые за последнее время совсем обнаглели и участили свои набеги на наши виноградники и поля. Потом я сам опросил всех солдат, чтобы...... более точные сведения...... они чужеземца. Но все события....... дня так перепутались в их глупых головах, что особого толку мне не удалось добиться. По словам солдат, чужеземец, когда они бросились на него, не оказал никакого сопротивления. На вопросы отвечал на непонятном языке и все показывал в сторону........

4. Но теперь следует хоть в нескольких словах описать его странную внешность и одежду..... хотя я и не искусный живописец. Был он, бесспорно, очень уродлив..... голова на маленьком теле, огромные глаза, глубоко запавшие, словно у голодного раба. Руки у него были непомерно длинные, слабые и тонкие. Одежда сшита из неведомых в наших краях тканей. Она выдавала в нем человека богатого и знатного, так что каждый невольно испытывал перед ним преклонение.

Я встретил чужеземца с поклоном, приказал немедленно развязать ему руки и спросил его божественными стихами Гомера:

«Кто ты такой, человек, кто отец твой, откуда ты родом?»[4]

Он не понимал или ловко сделал вид, будто не понимает. Я повторил тот же вопрос по-скифски, по-таврски и на языке египтян. Он по-прежнему не понимал моих слов, но, кажется, понял жесты, потому что с кривой усмешкой поднял руку, показывая на небо. Солдаты и рабы, прислуживавшие в храме, тотчас же распростерлись перед ним в прахе. Мне тоже пришлось сделать вид, будто верю его божественному происхождению, и поклониться ему, хотя уже тогда я догадывался,

[1] Упоминание о землетрясении делает возможной точную датировку событий. Оно произошло, как известно из других источников, весной 63 года до нашей эры.— *А. С.*

[2] Название горы, видимо, таврское и не поддается расшифровке.— *А. С.*

[3] Так называли легковооруженных воинов, имевших небольшие щиты — пельты.— *А. С.*

[4] Строка из «Одиссеи», IV, 166. Перемежать текст стихотворными цитатами из различных поэтов — довольно распространенный обычай античности. Подбор этих цитат свидетельствует как о поэтических вкусах, так и о большой начитанности жреца.— *А. С.*

что вижу перед собой талантливого обманщика. Разве не поразительно, как ловко он выбрал момент общего смятения для своего появления? Простым, неразумным людям вполне могли внушить мысли о его небесном происхождении и необычная одежда и странный облик, хотя истинного мудреца это не могло бы удивить: какие только чудища, непохожие на обычных людей, не обитают на границах Ойкумены[1]. Ведь рассказывал же достославный Геродот о «народе плешивых» и об андрофагах, питающихся человеческим мясом, или о неврах, оборачивающихся волками. Откуда именно родом был чужеземец, я так и не допытался, потому что он до самого конца упорно отстаивал выдумку о своем божественном происхождении, так что его прозвали Ураниом и он откликался на это прозвище весьма охотно. Но я думаю, что родиной его была страна волшебников — колхов, где, говорят, нередко встречаются люди с подобной кожей[2]. А приплыл он к нашим берегам, видимо, на корабле, обломки которого через два дня выбросило штормом неподалеку от города. Все остальные его спутники погибли. Во всяком случае, солдаты, посланные на розыски, никого не нашли.

5. Но скоро и я готов был верить в его божественное происхождение. Начать с того, что он уже меньше чем через месяц перестал скрываться и начал... хорошо и свободно говорить по-гречески. Так он выдал, что знал наш язык и прежде, только скрывал это, ибо немыслимо в столь короткий срок овладеть чужим языком. Он проявил большой интерес к древним рукописям и сочинениям лучших... которые я годами собирал в храме, и целыми днями внимательно читал их, хотя я противился тому, не желая открывать перед..... сокровенные тайны нашей мудрости. Живя в храме, в специально отведенной ему вместительной и удобной комнате, он вообще непрошено вмешивался во все наши дела. Это нередко тяготило меня и выводило из себя, но я старался сдерживаться, ибо воистину следовало проявить терпение и мудрость и использовать для блага храма замечательные способности этого пришельца, а не делать его своим врагом.

6. А способности его воистину были велики и удивительны. Я отлично разбирался в травах, и составленные мною настои всегда приносили облегчение больным. Но особенно я прославился своей великой властью над душами людей. За долгие годы служения Асклепию я хорошо усвоил, какой силой обладает слово. В этом я следовал мудрым заветам божественного Пифагора. Издалека, из боспорских городов и даже из Ольвии[3],

[1] Так называли древние греки известный им обитаемый мир.— *А. С.*

[2] Страной колхов в те времена греки называли Кавказ.— *А. С.*

[3] Ольвия находилась в устье Днепра, на месте нынешнего города Никополя.— *А. С.*

приезжали люди, чтобы задавать вопросы нашему храмовому оракулу. В этом деле мне помогал верный раб лидиец[1] Сонон, отягощенный, к сожалению, многими пороками, но весьма ловкий,— о нем еще будет речь впереди.

Как повелось еще со времен земного пребывания самого Асклепия до его вознесения на Олимп, в сонм богов, мы успешно излечивали многие недуги священным сном. Но и тут я с помощью всемогущих богов сумел добиться весьма...... успехов. Для погружения в священный сон я первый стал употреблять не только блестящие металлические сосуды или пламя светильника, глядя на которые больные быстро..... но и новые поразительные средства, внушавшие непосвященным трепет. У меня люди засыпали и начинали пророчествовать от звуков гонга или маленького серебряного колокольчика, хотя это, вероятно, покажется многим неправдоподобным[2].

Но ловкий чужеземец, как оказалось, обладал над человеческими душами таинственной властью, намного превышавшей мои способности и возможности, как ни горько в этом признаться. Вот несколько примеров его чудодейственной силы. Был у одного довольно богатого жителя нашего города Тимагора единственный сын, по имени Посий. Он с детства страдал припадками. И вот во время одного из таких припадков у юноши внезапно отнялась левая нога. Я лечил его травами и различными редкими лекарствами, но ничто не помогало. И тут Сын Неба сотворил подлинное чудо. Уранид приказал юноше заснуть, и тот заснул. Потом он взял его, спящего, за руку и начал водить по храму, приговаривая: «Ты будешь ходить, ты будешь ходить!» — голосом добрым и властным. Затем приказал ему: «Проснись!» И тот проснулся и, к общему изумлению, сам свободно начал ходить по храму, словно нога у него никогда и не отнималась! Но и этого было мало. Уже не усыпляя его, Сын Неба сказал: «Иди с миром домой, больше припадков у тебя никогда не будет». Юноша вернулся домой, и действительно вот уже полгода у него не было больше ни одного припадка.

7. Велика была его власть не только над людьми, но и над бессловесными животными. Расскажу об одном поразительном случае. У нас в храме был пес хорошей породы по кличке Аякс. Он привязался к Сыну Неба и буквально ходил за ним по пятам. Однажды перед жертвоприношением мне понадобился колокольчик, который я забыл у себя в комнате. Я хотел послать за ним раба, но Ураниد остановил меня

---

[1] Л и д и я — страна в Малой Азии, на территории современной Турции.— *А. С.*

[2] Это же настоящий гипноз! — *М. З.* Судя по некоторым источникам, гипнотические явления были известны уже в глубокой древности и применялись жрецами для религиозного врачевания. Так что удивляться тут нечему.— *А. С.*

словами: «Аякс приисесет». Ои присел на корточки, взял морду собаки в свои ладони и иесколько минут пристально смотрел псу в глаза. Потом он отпустил его. Аякс выбежал из зала и вскоре вернулся с колокольчиком в зубах.

8. Понятно, что я всячески старался использовать такие чудесиые способности чужеземца для блага храма и славы божественного Асклепия. Это не иравилось моему главиому помощнику, хитроумному рабу — лидийцу Соноиу, который первый увидел в чужеземце опасного соперника. От Соиоиа у меня ие было секретов. Ои помогал мне иаладить сложное устройство, которое при растворении дверей заставляло иа расстоянии зажечься священиый огонь в алтаре храма или приветствовать входящих в храм торжественными трубными звуками, раздающимися иеведомо откуда, как будто с иеба. Конечно, Сонои оказывал мне помощь тайио, ибо закон и обычаи запрещают рабам участвовать в религиозных церемоииях и жертвоприношениях. Ои обладал хорошими познаниями в механике и помог мне устроить в храме и другие сложные механизмы, разработанные мудрейшим Героном для прославления богов в его «Пневматике»[1]. Мы устроили, по совету Герона, так, что в момент возжения священного огня две статуи, стоявшие по бокам жертвеиника, сами иачинали источать благовонное масло и при этом, совсем как живая, громко шипела и поднимала голову змея, возлежавшая у подиожия жертвенника. Это каждый раз приводило в трепет непосвященных.

Всегда помогал мне ловкий раб и при предсказаниях оракула. Чтобы произвести на пришедших большее впечатление, я советовал каждому написать на табличке, что ои желает спросить у оракула, а потом собственными руками завязать и запечатать табличку воском, глиной или чем-нибудь еще вроде этого. Я обещал им вернуть таблички нераспечатаиными, но уже с приписанным ответом божества. Сонон ходил по храму, собирал таблички и передавал мне. Он же придумал и способы, как вскрывать таблички, ие повреждая печатей. Получив ответ оракула и найдя печать целой и ненарушенной, все удивлялись. Часто в толпе раздавалось: «И откуда он мог узнать, что я ему передал? Ведь я тщательно запечатал, и мою печать трудно подделать: конечно, это сделал бог, который все доподлинно знает». Я был осторожен и благоразумеи в ответах, никогда не пророчествуя слишком категорически и определенно. Чаще всего оракула спрашивали о будущем, и я давал такие ответы:

«Целых сто лет проживешь ты иа свете и восемь десятков».

---

[1] В дошедшем до иас в отрывках сочинеиии под этим иазваиием геииальиого изобретателя древиости Героиа Александрийского действительио описаиы различные механизмы для «храмовых таииств». Миогие из них отличаются большим остроумием, изобретательностью.— *А. С.*

Кому не понравится обещание долгой жизни! Кроме того, как я уже говорил, за многие годы служения в храме я научился хорошо читать в человеческих душах. Зная сокровенные желания многих жителей города, я смело мог рассчитывать, что предсказания оракула всегда будут правильны и принесут благую надежду вопрошающим. Труднее было отвечать на вопросы о кражах, когда требовалось указать определенного виновника. Но тут мне снова приходил обычно на помощь ловкий раб. Бродя по городу и имея множество дружков на рынке и среди домашних рабов, он всегда был полон.... городских сплетен, и ответы, которые я давал с его помощью, попадали обычно в цель.

Славились и мои толкования сновидений. Для этого я, как повелось еще со времен самого божественного Асклепия, укладывал человека, желавшего увидеть вещий... в алтаре храма на шкуру жертвенного животного и погружал его в священный сон. Пробудившись, он рассказывал мне, что видел во сне, а я давал объяснения. Но мои толкования не были такими расплывчатыми и традиционными, как у других онейромантов,— вроде того, что приводит в своем.... Аклеподор: «Если ремесленник видит, что у него много рук, то это хорошее предвестие: у него всегда будет довольно работы. Кроме того, этот сон имеет хорошее значение для тех, кто прилежен и ведет добропорядочную жизнь. Я часто наблюдал, что он означает умножение детей, рабов, имущества. Для мошенников такой сон, напротив, предвещает тюрьму, указывая на то, что много рук будет занято ими». Не так-то просто применить подобное толкование в наш век общего упадка нравов, когда каждый ремесленник одновременно является и завзятым мошенником. Что же тогда ему сулит множество рук в сновидении: тюрьму или богатство?

Я толковал сны умнее. Погружая человека в священный сон теми способами, о которых уже упоминал, я сохранял свою власть над его душой и в то время, пока она блуждала в царстве теней. Он видел те сны, которые я ему внушал. А внушал я ему лишь то, чего он сам желал наяву, но не сознавал этого, проговариваясь о своих мечтах только близким друзьям и домочадцам. Но и этого было достаточно для чутких ушей моего раба Сонона. Поэтому мои толкования снов всегда приносили людям радость и вселяли приятные надежды.

9. Но чужеземец своими удивительными пророчествами грозил поколебать мою славу. Он умел видеть события и лица людей, находящиеся за сотни стадиев[1] от нашего храма. Однажды пропал семилетний мальчик. Его тщетно искали два

---

[1] **Стадий** — мера расстояния в Древней Греции. В различных местностях колебался в пределах от 177 до 185 метров.

дия. Я считал, что ребенок попал в руки тавров, постоянно рыскавших в последнее время в окрестностях города, и так и сказал опечаленному отцу, когда он пришел в храм за прорицанием. Но Сын Неба остановил меня: «Мальчик заблудился в пещере». Он сам повел нас туда, и мы действительно нашли ребенка в пещере, совсем обессилевшего от голода и жажды[1].

За все эти заслуги по моему настоянию постановили выдать ему проксению[2]. Но как показало время, нечестивец отплатил мне злом за мою доброту к нему.

Расскажу еще о различных проявлениях его чудесного могущества. «Зачем ты собираешь травы для этой старухи? Она вовсе не больна, просто выдумала себе болезнь»,— сказал он мне однажды. Потом на моих глазах скатал два шарика из чистого теста..... И таким способом он излечивал многих. Он погружал людей в священный сон быстрее и лучше, чем я, не прибегал при этом ни к блеску серебряных сосудов, привлекающих взгляд, ни к звукам колокольчика или гонга, а просто смотря им в глаза. И что особенно поразительно, его власть над людьми продолжалась и после того, как они пробуждались от сна. Он мог им приказать, спящим: «Сделай после пробуждения то или это». И они послушно выполняли его приказание, проснувшись и уже успев вернуться домой.

10. Меня, даже не погружая в сон, он заставил однажды каким-то чудесным образом разучиться писать. Он просто внимательно посмотрел мне в глаза, а потом предложил взять.... и написать что-либо по моему собственному желанию. И, к ужасу своему, я вдруг почувствовал, что не могу написать ни одной буквы. Я забыл, как они пишутся и что означают. Потом он расколдовал меня, и я снова обрел способность писать. А раба Сонона он таким же удивительным способом заставил забыть все, что с ним случилось в минувшем году. Раб помнил все, что было раньше и что произошло с ним месяц или два тому назад. Но ни одного события прошлого года не сохранилось в его памяти. Он не притворялся в этом, войдя в тайный сговор с чужеземцем, чтобы обмануть меня, как можно было опасаться. Признаюсь, чтобы убедиться, не обманывают ли меня, я приказал подвергнуть раба пытке. Но и тогда он не смог вспомнить ничего из событий минувшего года.

Самое удивительное, что Сын Неба мог влиять одновременно

[1] Судя по некоторым примерам, Ураид обладал хотя и довольно редкими, но вполне объяснимыми, с точки зрения современной науки, психическими и физиологическими способностями. Но в рассказе жреца правдоподобные данные частенько перемешаны со всякими суеверными выдумками вроде подобных «вещих видений».— *А. С.*

А может, он был экстрасенс и телепат? — *М. З.*

[2] Это именно та табличка с утверждением Ураида в правах гражданства, какую мы нашли при раскопках храма.— *А. С.*

на многих людей. Однажды он сделал так, что все собравшиеся в храме вдруг почувствовали удивительно приятный и нежный аромат, наполнивший храм. Люди начали обнюхивать свои руки, одежду, окружающий воздух, ища источник чудесного запаха. В другой раз он сделал сразу до двух десятков людей, также пришедших в храм, свидетелями необыкновенного чуда. Он сел на каменный пол возле жертвенника, держа в руках глиняный сосуд, наполненный землей. Все тесно окружили его. Чужеземец накрыл сосуд платком и довольно долго что-то делал под платком руками, нашептывая непонятные слова. Потом он с довольным видом вынул руки из-под платка и откинулся в сторону, отдыхая. А платок вдруг начал медленно приподниматься, словно под ним было нечто живое. Чужеземец быстрым движением сдернул платок с горшка, и мы узрели чудо: из земли на наших глазах вырастала гибкая виноградная лоза! Она становилась все длиннее. Колдун взмахнул платком, и тогда на лозе появились три или четыре виноградные грозди. Он сорвал одну из них, крепко сжал над подставленным сосудом, и туда тонкой струйкой полилось вино. Это было настоящее вино и очень приятное на вкус — похожее на косское.

Поразительно, что сам он относился к этим чудесам иронически, каждый раз подсмеиваясь над нами, словно рыночный фокусник, раскрывающий перед одураченными тайную механику своих проделок. Я думаю, что в этом проявлялась как непомерная гордыня, так и развращенность его ума, не признающего ничего святого. Чудесным образом исцеляя больных, как я уже рассказывал, он каждый раз говорил мне: «Если бы ты поменьше почитал божественного Асклепия и получше изучал мудрейшего Гиппократа, то понимал бы, что все болезни имеют естественные причины и исцеляются естественными средствами. Но ты не можешь понять этого, и потому тебе все кажется чудом. Чем же ты умнее любого неграмотного раба?»

11. Следует рассказать и о других замечательных способностях чужеземца. Он умел наносить себе глубокие раны ножом и прокалывать насквозь свои ладони, плечо, бедро длинной и толстой иглой, не испытывая при этом никакой боли. Этот чудесный дар принес ему потом немало пользы, как будет рассказано дальше. Он умел по своему желанию то ускорять, то замедлять у себя биение сердца и даже совсем прекращать его на несколько минут, чему я сам был свидетелем. Однажды он пролежал так в своей комнате три дня и три ночи, не дыша и не подавая никаких иных признаков жизни, словно мертвый. Странно, что при таких поистине удивительных способностях он в то же время отличался очень слабым здоровьем и часто страдал от недомогания. С крепко завязанными глазами он мог различать на ощупь цвета и пальцами читать любую рукопись. Из закрытого мешка чужеземец безошибочно доставал мотки

ниток определелиюго цвета. «Зачем ты распечатываешь таблнчки? Я могу узиать, что в иих написано, не трогая печатей»,— иасмехаясь, говорнл ои мие. И действнтельно, чнтал без ошнбкн просьбы к оракулу, не распечатывая табличек. Чтобы испытать его, я спрятал папирус со стнхами божествениого Еврнпнда в медную цнсту с толстыми стенками. И ои прочитал мие стнхн, ие открывая цнсты:

О, радуйтесь... вы, кому радость даиа...
Кто бедствия чужд и не страждет.
Не тот ли меж смертиыми счастлив?[1]

Некоторые люди обладают чудесной способиостью, держа в руках раздвоеиную ореховую ветку, определять, где под землей прячутся водяные источникн. Но Сыи Неба мог без всякой палочки не только точно указать, где протекает подземиый поток, но и определнть его шнрину, скорость, направленне двнження воды, проследить все его течеиие.

12. Не удньвнтельио, что средн горожаи укрепилась вера в понстнне божественное происхожденне ловкого чужеземца и его всемогущество. Но особеииую славу ему принесло спасеиие города от набега ковариых тавров.

Вот как это получилось. Однажды Ураиид сказал мне: «Городу грознт опасиость. Я чувствую, как в горах повсюду собираются свнрепые воины в бараньих шкурах. Оии готовят внезапный набег». А иа следующий деиь он сказал: «Это будет сегодия ночью. Предупреди всех». Признаться, я колебался, все еще сомневаясь в его способности вндеть то, что пронсходнт якобы в окрестиых горах. Но все-таки предупреднл стратегов и членов ареопага. Наши вонны прнготовилнсь к бою. И действнтельио, ночью тавры иапали иа город, ио были отбиты. Мы даже захватилн в плен сына н брата их главного вождя и много другнх пленных. Экклесня прнняла решенне в благодарность за чудесное избавлеиие города от беды назвать его Уранополисом, как иаходящегося под особым покровнтельством иебесиых богов. Были отчеканеиы монеты с благодарственной иадписью в честь меня и Ураиида[2]. Но он презрел эти почести и оскорбил граждаи, а меня жестоко высмеял: «Неужели ты всерьез веришь, будто можно в самом деле предсказывать событня, которые только произойдут? Дело просто в наблюдательностн и умении размышлять над тем, что видишь. Бродя по горам, я заметил вражескнх лазутчиков, проследнл за ними н понял, что они замышляют. Но чтобы вы поверили предупреждению, его непременно надо выдать за пророчество и откровенне богов». В этнх словах заключалось явное глум-

[1] Что я говорил? Не телепатия ли это? — *М. З.*
[2] Как просто, оказывается, раскрывается мучившая меня загадка! — *А. С.*

ленне н иад всемогущими богами, и над старейшинамн ареопага. Но я ие решился сообщнть о них никому, опасаясь поколебать славу храма и веру в мои пророчества.

13. Понятно, как для меия было важно постояино держать хнтроумного чужеземца при храме. Я видел в нем серьезиого соперника н поэтому всячески старался ублажать его. В ссорах Уранида с рабом, который, как я уже говорил, сразу иевзлюбил его, я всегда брал стороиу Сына Неба. Но чем дальше, тем трудиее становилось удерживать его в своей власти.

Наглость его стаиовилась иестерпимее с каждым дием. На городских площадях он говорил о том, что рабы такие же люди, как и свободиые, н поэтому протнвно человеческой прнроде притесиять нх и заставлять подиевольио трудиться. Возвращаясь в храм, ои при посторонних высмеивал мои гадаиия н пророчества, показывал непосвящеиным, как устроен механизм, заставляющий зажигаться жертвенный огонь, когда открывались входиые двери. Ои глумился иад мудрыми откровеииями божествеииого Пифагора и противополагал ему нечестивца Эпикура, проклятого богами за свое неверие. В своей комнате ои даже иаписал иа стеие гиусный совет этого лжефилософа, ио я приказал соскоблить иадпись и заиово побелить стену[1]. Он мечтал о том, чтобы объедииить греков с таврами, скифами и другими варварами, и придумал для этого новый язык, чтобы им моглн пользоваться и.... племена, не имеющие даже своих пнсьменных летописей и потому бессильные хранить и передавать новым поколениям мудрость отцов. Этот иовый язык оказался, действительно, весьма простым и удобиым, свидетельством чему может служить хотя бы то, как легко н свободио я излагаю на нем все свои мысли в этой рукописи. В то же время он был совершенно иепоиятен для иепосвящениых, делая нашн мысли скрытымн от чужого глаза н ушей. Полезиое изобретение, ио разве можно его отдавать иноплеменным варварам?![2] А ведь ои только для этого и создал иовый язык. Разве это не говорит сразу и о его глупости, и о его коварных иамерениях?

Я поиимал, что ои стремится поколебать мою славу, выжить меня из храма и заиять место главного жреца. Надо было тщательио продумать, как предотвратить это и обезопасить себя от коварного чужеземца. Раб предлагал просто убить его. Но

[1] Вероятно, нмеется в виду знаменнтое «Четверное средство», так сформулированное Эпикуром в его «Главных мыслях»:

Нечего бояться богов,
Нечего бояться смерти.
Можно переносить страдания,
Можно достичь счастья.— *А. С.*

[2] Я был прав! Не напоминают ли эти разглагольствования хитрого жреца те доводы, которые приводил, возражая мне, уважаемый А. Скорчннский?! — *М. З.*

мие было жаль расстаться с таким умелым помощником, и я решил подождать, попытаться еще раз удержать его в своей властн, поимая, сколько неисчислимых выгод приеесло бы это храму. Но коварный Ураиид опередил меня. Однажды утром он ушел из храма, оставив коротеиькую записку о том, что благодарит меия за гостеприимство и будет отныне жить в городе. Тогда я поиял, что ои вериется в храм, лишь выгиав меия отсюда и обесславив. Войиа была объявлеиа.

14. Прежде всего я позаботился показать всем, что имеиио храм остается тем местом, где происходят чудеса. Я провозглаcнл, что богн отвериулись от Ураиида за его иечестивые мысли н изгиалн из храма. Отиыие иа мие покоится милость богов. Когда весь храм был заполнен иародом, по даииому миою сигиалу оракул нзрек:

> Я почитать моего толкователя повелеваю;
> Я о богатстве не слишком забочусь: пекусь о пророке.
> Слушайтесь, людн, его!

Но чужеземец тоже ие упустил случая показать свою власть. Большую славу приеесло ему чудесиое исцелеиие одиого раба, по имеии Мосихои. Раб этот страдал заболеваиием поистине страииым и загадочиым. Шестиадцати лет, работая одиажды на виноградиике, ои увидел виезапио выползающую из кустов большую змею. Ои так испугался, что потерял созиаиие и упал. Змея не троиула его, ио, когда он очиулся, иоги отказались ему служнть. Кроме того, у иего помутился разум. Он считал себя девятилетиим мальчиком и вел себя соответствеиио: бросал камнямн в птиц, водился с мальчишками и избегал взрослых. При этом он начисто забыл все, что с ним произошло и чему ои иаучился после...... девятнлетиего возраста. Поскольку ноги у него отнялись, хозяии прнказал перевести его иа работу в свою портиовскую мастерскую, где Мосихои иачал заиово учиться ремеслу. Года через два он снова пережил большой испуг: в доме начался пожар, н раб, опасаясь, что его, беспомощиого, не успеют вытащнть из огня, от ужаса опять лишился созиания. Его спасли товарищи-рабы н привелн в чувство. И тут с ним пронзошла вещь поистине удивительиая. Ноги у него сиова стали действовать, словио никакой болезни и ие было. Он опять вспомиил всю свою жизнь до встречи со змеей на вииоградиике. Но зато совершеиио забыл о времени, проведеииом в мастерской, и даже разучился шить! Всем стало ясио, что в иесчастиого поперемеиио вселяются чьи-то чужие души. Я взял его в храм и различиымн способами пытался изгнать... души прочь. Но тщетно! Испугаиный хозяии предложнл мие убнть... раба. Однако Сын Неба взял его под свою защиту. Ои усыпил его не в храме, ие иа священной шкуре

жертвениого жнвотного, а прямо на берегу моря, в окружении огромиой толпы иарода, что-то долго шептал ему на ухо, поглаживая пальцами по лицу спящего, и потом властно сказал: «Вставай, тебя ждет работа!» Мосихои вскочил как ии в чем не бывало и отправился в мастерскую, где тут же опять иачал проворио шить с прежиим искусством. Теперь ои все помиил и был совершеиио здоров. Я бы подумал, что ои вступил в сговор с чужеземцем, дабы всех провести, еслн бы не зиал..... истории его страниой болезии, как и каждый человек в иашем городе. С тех пор этот Мосихои очеиь привязался к чужеземцу; и тот даже выкупил его у хозяиив мастерской, справедливо опасавшегося держать в своем доме раба, в которого в любой момеит сиова могла вселиться чья-иибудь блуждающая душа.

После этого чужеземец все больше и больше... стал сближаться с рабамн. Ои лечил их без всякой платы. Ои даже нередко отправлялся за город и проводил там целые дни среди рабов, трудившихся иа виноградииках или в камеиоломиях. Ои и там пробовал, по слухам, строить какие-то машииы, помогавшие без особого труда подиимать большие тяжести, пока рабы бездельиичали, укрывшись от иадсмотрщика. Такая дружба беспокоила миогих людей в городе, еще помиивших восстаиие скифов-рабов под водительством ковариого Савмака. Используя это беспокойство, я иачал распускать слухи, будто чужеземец также мечтает возмутить рабов, перебить всех свободиых и создать на Киммерийском полуострове государство варваров.

Мие помог случай. В горах....... где иаходился одии из источииков, питавших городской водопровод, Сын Неба иепостнжимым образом обиаружил большую золотую жилу. Как рассказывают очевидцы, ои просто попросил у Тимагора, сыиа которого, Посия, вылечил в свое время от паралича ног, как это уже рассказывалось, четверых рабов иа одии деиь. Сыи Неба привел их в горы, к родиику, и приказал: «Копайте здесь!» Сделав только иесколько ударов молотом, одии из рабов..... нашел крупиый золотой самородок. Чужеземец хотел использовать это богатство для того, чтобы купить себе иесколько рабов у различиых хозяев. Но я стал распускать слухи, что это лишь первый шаг, а затем Ураиид попытается освободить всех рабов. Сыиа Неба вызвали иа суд ареопага, который потребовал от иего иемедлеиио сдать все золото в казну, поскольку оно найдеио иа городской земле, возле общественного источника. Против ожидаиия ловкий чужеземец ие стал против этого возражать. «Я уважаю общественые иитересы и ие пойду против иих, хотя бы и следовало, по-моему, считаться и с иитересами рабов, которые также являются полиоправиыми члеиами общества. Забирайте ваше золото, если вы его так любите»,— сказал он. Но, говорят, покндая ареопаг, добавил,

так что его могли слышать многие: «Ничего, я найду иовые залежи иа иичьей земле». Найдеиное им золото пришлось очеиь кстати, потому что казиа сильио отощала. Все за это благодарили Ураиида, я же опять остался в стороне. Так я вместо ожидавшейся победы сиова времеиио потерпел поражение. Его власть укреплялась и росла, моя — умалялась и падала.

Если я хотел сохраиить свою власть и не дожидаться, подобио глупой овце, пока меня выгоият из храма или сделают помощником этого проходимца, мие следовало действовать решительно и быстро, не колеблясь.

15. Преданный раб Соион, испытавший немало иасмешек чужеземца, вызвался с готовностью помочь мне. Он выследил, что Уранид облюбовал себе одно место, где на самом берегу моря была небольшая пещера. Здесь он любил сидеть порой целыми диями, ничем не занимаясь и глядя иа море. Когда иачииался дождь, Сыи Неба забирался в пещеру. Там мы его и решили подкараулить и убить. Место было глухое, рабы с ближайшего виноградника не услыхали бы крика. И все подумали бы, что чужеземца подкараулили и убили тавры. Чтобы укрепить всех в такой имеиио мысли, мой хитрый Соион даже специально раздобыл таврский кинжал и дротик с костяным иакоиечником, собираясь подбросить их возле трупа.

Несколько дией подряд Сонои выслеживал Сыиа Неба за городской стеиой, но иеудачно. Потом он где-то подслушал, что иа следующее утро чужеземец намеревается отправиться имеиио в то укромное место, где мы предполагали устроить для иего западню. В тот вечер я от волнения долго не мог усиуть, а когда, наконец, забылся...

> ...в тишине амбросической ночи
> Дивный явился мне Сон[1],

до того отчетливый и ясный, что ии в чем ие уступал истиие. Еще и теперь перед моим взором стоят образы, которые я в ту иочь увидел, и сказаиное звучит у меня в ушах.

Я увидел как будто пещеру, слабо озареиную смутиым, иеясиым светом, который лился откуда-то сбоку. В этом подземелье где-то протекал ручей: я отчетливо слышал тихое журчаиие воды. Потом передо миой возиикла теиь. Она приблизилась, и я узиал своего раба Сонода. Ои озирался по сторонам, словио ища себе уголок поукромиее и потемиее. Откуда-то сверху покатился камень. Я отчетливо слышал его стук. Сонои спрятался за обломком скалы. И тут вдруг раздался иегромкий зловещий смех. Я узиал голос чужеземца. Потом ои произиес какие-то непоиятные слова иа иеведомом мие языке. Свет в пещере виезапно померк. И в иаступившей кромешной

[1] «Илиада», II, 56.— *А. С.*

тьме я услышал отчаянный крик Сонона: «Хозяин, я пропадаю, я пропадаю!..»

Я вскочил на своем ложе, обливаясь холодным потом. Было уже утро. Я понял из этого вещего сна, что чужеземец каким-то колдовским способом разгадал наши планы. Надо было предостеречь Сонона, чтобы он сегодня не нападал на Сына Неба. Но сколько его ни искали по моему приказанию по всей усадьбе храма, нигде не могли обнаружить. Сторож сказал, что раб куда-то отправился еще до зари. Так велика была его жажда мести, что он слишком поспешил навстречу своей гибели. А в том, что ему суждено нынче погибнуть, я уже не сомневался после вещего сна. Послать других рабов ему на выручку к пещере я не мог. Сделать так — значило бы открыть свой замысел перед всем городом, большинство жителей которого очень почитало чужеземца. Мне оставалось только терпеливо ждать воли всемогущих богов. Теперь я окончательно был убежден, что наш план не удался и мой верный раб сам попал в коварную засаду и наверняка лишился жизни. В самом деле, его никогда больше не видели. На следующий день я для отвода глаз объявил, будто он убежал от меня, и отправил воинов на поиски в различные места. В том числе я поручил им осмотреть окрестности пещеры, выбранной нами для засады. Но никаких следов пропавшего раба так и не удалось обнаружить. А вечером того же дня мне повстречался на улице Сын Неба. Усмехнувшись, он сказал: «Я слышал, что ты лишился самого преданного помощника. Жаль. Как же ты теперь станешь пророчествовать без такого оракула?» Его глаза при этом были красноречивее слов. Я прочитал в них угрозу. Победа опять оказалась за ним, и я мог ожидать теперь от него всяческих козней. Они не замедлили последовать.

Какие-то странные вещи начали твориться со мной. По ночам меня часто мучали кошмары. Я попадал в..... подземелье и задыхался. На меня обрушивались громадные глыбы и придавливали меня. В одну из ночей мне приснилось, будто в комнату вползла большая змея. Как ни старался я от нее скрыться, она ужалила меня прямо в грудь. Тут я с криком проснулся. А через три дня у меня на груди, как раз в том месте, где ужалила приснившаяся змея, образовалась маленькая, но очень мучительная и долго не заживающая ранка[1]. Тогда я понял, что и этот сон был вещим. Всеблагие боги слали мне с Олимпа новое предупреждение об опасностях, угрожающих мне со стороны коварного чужеземца. Я все-таки не внял этому мудрому предупреждению и продолжал с ним борьбу, хотя и тайную, скрытую, распуская всяческие тревожные слухи и стараясь восстановить

[1] Речь идет, видимо, об известных современной медицине случаях «мнимого удара» (как и «ложного ожога» — на следующей странице) под влиянием внушения.— *А. С.*

протнв него побольше жителей города. Он только насмешлнво улыбался, встречаясь со мной. Я понимал, что он прекрасно читает мои мысли и готовит ответный удар.

Я снова не внял предупреждению неба. Какая-то поистине злая сила подтолкнула меня опять нелестно отозваться о Сыне Неба. Донесли ли ему об этом, нли он сам подслушал мои слова, оставаясь на другом конце города, чему я также вполне верю,— во всяком случае, ответный удар не заставил себя ждать. В тот же вечер, намереваясь прочитать молитву, я вместо нее вдруг, к общему удивлению н собственному ужасу, во все горло запел посреди храма развратную милетскую песню, слова которой даже не решаюсь привести тут. Я понимал, что совершаю святотатство, но ничего не мог поделать с собой, пока так, с песней, не выбежал из храма н не уединился в углу двора. Этот случай, вызвавший в городе всеобщее возмущение, иаполннл мою душу ужасом. Я понял, что не смогу бороться с таким коварным и могущественным противником.

Сын Неба начал стронть какую-то хитрую машину. Она напоминала громадные крылья птицы или, скорее, нсполинской бабочки. Рабы поговаривали, что на этих крыльях он собирается летать[1]. Тогда я через оракула объявил, будто боги гневаются на столь нечестивые замыслы и повелевают мне разрушить машину. Окруженный стражей и в сопровожденни многих знатных людей, я отправился к дому, где жил чужеземец. Едва я протяиул руку к машине, Сын Неба крнкнул: «Не тронь, иначе обожжешься!» Я испугался, но все-таки в великом гневе не внял его крику и схватился за деревянный переплет крыла, иа который он натягивал бычью кожу. В то же мгновение на ладони моей вздулся большой волдырь, словно действительно от сильного ожога, хотя готов поклясться всеми богами, что дерево было совершенно холодиым и даже сыроватым на ощупь. При виде такого колдовства толпа забросала губительную машину камнями.

Три дня после этого Уранид не показывался в городе: видно, залечивал раны. А я тем временем пророчествовал в храме, что Сын Неба намеревается открыть городские ворота таврам, перебить всех свободных людей и установить в городе власть рабов, как это сделал в свое время Савмак в Пантикапее. Боги требуют, вещал оракул, чтобы колдуи был заключен в цепи н помещен в темницу при храме, ибо только я смогу держать его в подчинении и с помощью всемогущих богов обуздать его чудодейственную власть. И я добился своего. Ареопаг большинством голосов решил заковать чужеземца в цепи и держать под моим надзором в темнице при храме.

16. Так мы решилн, и я уже торжествовал полную победу.

[1] Выходит, старый авиамоделист Алик Рогов был прав! — *М. З.*

Но боги — или злые силы, помогавшие колдуну,— снова расстроили наши планы. Я приказал заковать его покрепче и бросить в самую надежную темницу. А ключ от нее для предосторожности отдал тайком своим друзьям, наказав при этом, чтобы они не отдавали мне его, как бы я ни просил. Ведь, пользуясь своей могучей колдовской силой, он мог внушить мне мысль, чтобы я открыл темницу и выпустил его на свободу. Друзей же я выбрал нарочно таких, которых он не знал в лицо и не мог поэтому внушить им свои мысли.

Мои опасения оправдались. Вот уже третий день он искушает меня, и под натиском внушенных им мыслей, постоянно толкающих меня на самые неожиданные поступки, я все больше прихожу в ужас. Кто у кого в плену? Да, он сидит на цепи в темнице. Но моя воля скована им, я его раб, я больше не принадлежу себе. Сегодня утром он снова заставил меня прийти к окошку в дверце темницы и заявил, что имеет очень важное сообщение для экклесии. Мне он его сообщить отказался — только народному собранию. Я опять почувствовал, что испытываю непреодолимое желание тотчас же выпустить его и привести на агору, и в панике убежал подальше от храма, чтобы не поддаться этому желанию. Я знаю, что он хочет. Он сумеет подчинить своей ужасной воле все народное собрание, и его не только освободят, но и сделают главным жрецом. Выпустить его на волю с такими могущественными способностями?

О нет! Моя рука их похоронит...

...На этой цитате из трагедии Еврипида «Медея» (стих 1619-й) обрывается найденная нами рукопись, хотя дальше еще идет довольно большой кусок чистого, неисписанного папируса.

ОГОНЬ — ХРАНИТЕЛЬ

В трудных обстоятельствах сохраняй рассудок.

Гораций

1

Званцев. Ну, мой почтенный крот, что ты скажешь об этом любопытном документике?

Скорчинский. Документике! Ты даже отдаленно постигнуть не можешь, какую ценность он для нас представляет!

Званцев. Подумаешь, занимательная байка о склоках двух древних жуликов!

Скорчинский. Вот, вот! Многие, не занимающиеся специально античной историей, наверное, так его и расценят: «За-

ннмательный документнк, довольно занятный, знаете лн, рассказ о кознях хитрого жреца, пытавшегося выжить из города своего сопернника две тысячи лет назад...» А для нас это просто клад. Сколько тут интереснейших сведений, тонких деталей, которые просто недоступны твоему пониманию!

Званцев. Ладно, не будем переходить на лнчностн. Вернемся к нашим древним героям. Откуда же он все-таки взялся, этот загадочный Сын Неба?

Скорчинский. Это меня тоже больше всего интересует.

Званцев. А почему? Что в нем такого особо удивительного? Ловкнй фокусник и обманщнк, больше ничего! Ты ведь, помнится, говорил мне, что в те суеверные времена таких проходнмцев немало бродило по свету. Еще приводил мне в пример легендарного Аполлония Тианского с его липовыми чудесамн: поразительные пророчества, воскрешенне мертвых, способность переноситься по воздуху в любое место,— да он сто очков вперед даст нашему Сыну Неба! Почему ты молчишь?

Скорчннский. Слушаю и восхнщаюсь твонми быстрымн успехами в античной истории.

Званцев. Ну а честно — о чем ты думаешь?

Скорчинскнй. Не забывай, что жрец писал только для себя, зашнфровывал свои записи. Значит, он был искренен и вовсе не склонен сочинять какие-то пустые байки о вымышленных чудесах. Верно? И напрасно ты называешь этого странного пришельца ловким обманщиком. Есть в его поведенин немало загадочного, заставляющего серьезно задуматься. Зачем, например, ему понадобилось создавать какой-то новый язык для укрепления дружеских связей между грекамн и соседними племенами?..

Званцев. Ты даже не поверил в возможность этого, а я оказался прав насчет этого древнего языка.

Скорчинский. Я потому и не мог поверить, что такая идея казалась мне совершенно невероятной для тех времен. Но ведь это факт. И другие его поступки заставляют крепко задуматься. Большой интерес к технике, попыткн создать какие-то машины, чтобы облегчить труд рабов. И в то же время высмеивает суеверия, разоблачает всякие проделки жреца. Как хочешь, а круг его ннтересов показывает, что это был вовсе не какой-то шарлатан, а пытливый исследователь.

Званцев. Не забывай еще о том, как он пытался создать какую-то летательную машину, обломок которой нашел Алнк Рогов! Жалко, что от нее так мало осталось, невозможно представить конструкцию. Вряд ли это был планер — скорее нечто вроде орнитоптера. Но все равно: человек, задумавший две тысячи лет назад создать орнитоптер, нмел гениальную голову на плечах. Это ему, конечно, не удалось бы — над подобной задачей до снх пор бьются инженеры. Но размах его

мне по душе, настоящий изобретатель. Ты прав: это была какая-то незаурядная личность. И какой поразительный дар гипнотического внушения, телепатии! Слушай, я бы не удивился, если бы он в самом деле оказался Сыном Неба.

Скорчинский. Космическим гостем?

Званцев. Да! Вспомни, как описывает жрец его появление: страшный грохот и вспышка на безоблачном небе, словно промчалась колесница легендарного Фаэтона. Очень похоже на приземление космического корабля!

Скорчинский. Но не мог же он высадиться один. Куда же делись остальные?

Званцев. Погибли, попали в плен к таврам, улетели в аварийном порядке, позабыв про него, когда началось землетрясение,— почем я знаю? Надо искать, копать дальше, идти по его следам! Где, кстати, проволока, которую ты нашел в пещере?

Скорчинский. Ты же знаешь: отдал в милицию.

Званцев. Молодец! Надо ее немедленно оттуда вызволить. Мне почему-то кажется, что она как-то связана с этим Сыном Неба...

Скорчинский. Мне тоже. Я же тебе рассказывал, что у этого скелета была какая-то необычная, лобастая голова. Да вот тебе фотография, посмотри сам.

Званцев. Вполне подходит под описание жреца. И помнишь: жрец пишет, что Уранид уединяется для размышлений в пещерах? Может, это ты его череп нашел в пещере и из-за тебя он превратился в кучу пыли, растяпа?! Теперь проволоку не погуби. Как только приедешь, забери ее из милиции и высылай мне. Мы тут проведем анализы. А сам не трогай, упаси тебя бог!..

Скорчинский. Ладно.

Званцев. А мне тут, чтобы не скучать, дай еще черепков из твоих коллекций.

Скорчинский. Можешь ты, наконец, сказать, зачем они тебе нужны?

Званцев. Я же тебе говорил: совершенствуем метод палеомагнетизма. Ясно? А подробнее объяснять — все равно не поймешь, голова у тебя слишком гуманитарная.

Скорчинский. Ладно, ладно... А ты не мог бы экспериментировать с какими-нибудь другими материалами? Зачем тебе нужны образцы именно из наших коллекций? Они же наперечет.

Званцев. Слушай, не будь таким Плюшкиным в квадрате. И это после того, как мы помогли тебе расшифровать столь уникальную рукопись. О черная неблагодарность!

2

(Рассказывает Алексей Скорчинский)

С Михаилом я не особенно делился одолевавшими меня раздумьями, опасаясь его насмешек: «Ага, ты отказываешься от своих прежних возражений? А так яро спорил! Где же твоя принципиальность, ученый крот?»

Неужели это был небесный пришелец? Чем больше я вчитывался в рукопись жреца и размышлял над ней, тем чаще возвращался к мысли, казавшейся поначалу совершенно невероятной.

В самом деле: чудесное появление чужеземца, как его описал жрец, весьма напоминало картину приземления какого-то космического корабля. Он сел благополучно, высадил разведчиков. И надо же было случиться этому злополучному землетрясению: конечно, корабль был вынужден в аварийном порядке стремительно взлететь снова, оставив на произвол судьбы своего отважного и любознательного разведчика, ставшего из-за этого вдруг одиноким пленником на чужой планете и без всякой надежды на возвращение домой!

Можно себе представить, какую бурю чувств пережил в этот поистине трагический момент Сын Неба, когда под ногами у него внезапно заходила ходуном земля, он услышал вдруг рев заработавших двигателей и увидел, как родной корабль, пронесший его невредимым среди звезд, все увеличивая скорость, взмывает без него в голубое небо...

Какая поразительная, нелепейшая, если вдуматься, случайность: благополучно преодолеть миллионы километров межпланетных просторов, где, казалось бы, на каждом шагу подстерегает куда больше всяких опасностей — и метеоры, и космическое излучение, и поля радиации,— и выбрать для посадки роковой момент землетрясения! Едва не погибнуть в самый волнующий и торжественный момент встречи с неведомой цивилизацией!

Конечно, Сын Неба вполне мог оказаться в одиночестве. И какая поразительная, поистине трагическая судьба, если вдуматься, выпала на его долю! Промчаться меж звезд — и очутиться одному на неведомой планете. Обладать удивительными способностями — и быть принятым за волшебника, проходимца, каких немало было в те времена. Страстно хотеть помочь людям — и натолкнуться на полное, абсолютное непонимание.

Вот какое соображение особенно укрепляло меня в этих мыслях. На первый взгляд оно может показаться парадоксальным, но, если вдуматься, очень важно: именно то, что Сын Неба оставил так мало заметных следов своего пребывания на Земле, и убеждало меня в возможности его высадки с кос-

мического корабля. Ведь что утверждали авторы всяких гипотез о космических пришельцах, которые я всегда начисто отвергал и высмеивал? Что эти небесные гости, пожаловав на нашу планету, моментально переворачивали тут всю историю, одним махом создавали новые цивилизации, становились даже чуть ли не основателями всего рода человеческого. С точки зрения серьезной науки, это, конечно, чепуха.

Но вот так — без особого шума, без каких-нибудь заметных перемен в давно устоявшемся быте местных народов, обладавших своей древней культурой,— так, пожалуй, вполне мог совершиться эпизодический визит на Землю гостей из других миров. И не многих гостей, а всего лишь одного,— в том-то и дело!

Мне пришли на память заключительные строки лермонтовской чудесной «Тамани». Помните, как размышлял Печорин о своем приключении среди «честных контрабандистов»: «Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень, едва сам не пошел ко дну!» Так и с Сыном Неба: круги быстро разошлись, и вода опять стала спокойной и гладкой. Как теперь в ее глубине отыскать его следы?

Я думал об этом по дороге в Крым, а добравшись до базы, вопреки всем своим давним привычкам, не пошел на раскопки, первым делом отправился в милицию.

— Хорошо, что вы приехали,— сказал мне следователь, доставая из шкафа довольно тощую папку.— Уж несколько повесток вам посылали. Надо вам протокол подписать, вы же первый обнаружили этот скелет и сообщили о нем. А из-за этого я никак дело закрыть не могу.

— Ну, а что-нибудь выяснить удалось?

Лейтенант меланхолически пожал плечами.

— Судя по обызвествлению остеологического материала, человек погиб никак не меньше десяти лет тому назад. Может быть, еще во время Отечественной войны, тогда многие скрывались в пещерах. Теперь за давностью лет не узнаешь.

— Вы его там и оставили?

— Кого?

— Да скелет.

— Нет. Скелет прямо рассыпался в руках. Пришлось укреплять кости особым составом. После исследования экспертом остеологический материал захоронили как положено.

Так, значит, от странного скелета с уродливым черепом теперь ничего не осталось, кроме этих фотографий...

Мне стало тревожно и горько.

Я бегло пробежал глазами протокол: «18 сентября сего года в РО милиции явился гр. Скорчинский А. Н., назвавшийся начальником археологической экспедиции Института археологии Академии наук, и сделал следующее заявление:

Накануне, то есть 17 сентября сего года, прн осмотре с научными целями одной из пещер иа берегу моря к юго-западу, неподалеку от поселка, им был обиаружеи скелет неизвестного человека. Тут же был обнаружен металлический стержень, напомннающнй ручку самодельиого ножа, обмотанный проволокой...»

— Кстати, а где эта проволока? — спроснл я.

— У меия, среди веществеииых доказательств.

— Меня просили выслать ее в Москву для аиализа в один научиый иислитут.

— Кримииалистический?

— Да, они заиимаются н кримнналистнкой,— туманио ответил я.

— От них должен быть запрос.

— Ну, ие будем такими формалнстамн. Оии запрос потом пришлют, я же не знал, что так полагается.

Лейтенаит порылся в шкафу, достал большую картоииую коробку, а из иее — проволоку на металлнческом стержне и, завернув в бумажку, передал мие. Я напнсал расписку, подмахиул протокол н отправился прямо на почту, чтобы сразу же отправнть проволоку Мишке в Москву.

Теперь оставалось одио: терпеливо ждать. Но разве это возможио, когда речь идет о таких загадках!..

Некоторые из них, давно мучившие меия, теперь были разгадаиы. Я узнал, почему жители города вдруг переимеиовали его в Уранополис, почему в честь этого события начеканили монет с изображением бога Асклепия и иебесиых светил. Раскрылась и тайна загадочиого языка, доставившая иам так миого хлопот.

Все стало ясиым. И страииое дело: я испытывал от этого ие только вполие естествеииую радость открытия — и грусть тоже. Как ии говори, все-таки иесколькими загадками иа свете стало меиьше.

Но зато какая поразительная загадка маячила впереди! Неужели мы и впрямь напали на след космических гостей?

Мы повели раскопки сразу на иескольких участках. Засверкали иа солице иаши лопаты, навалились повседиевные будничиые хлопоты по расстаиовке рабочих, добыванию продуктов подешевле, чтобы сэкономить побольше и за счет этого растянуть срок работ. Меня с головой захлестнула деловая текучка.

И через три дия иам посчастливнлось сделать действительио выдающуюся иаходку. Мы раскопалн ту самую темницу, в которой томился Ураиид!

Это была глубокая, метра в три яма, облицоваиная иеотесанными камнями. Крыша темницы обвалилась во время пожара под тяжестью рухнувшей на нее кровли храма.

Вы понимаете, с каким трепетом я раскапывал эту древнюю

тюрьму, где кончил свои дни Сын Неба. Да, он погиб именно здесь, сомнений теперь не было!

Мы нашли два скелета. Один лежал у самого порога, все еще сжимая в давно истлевшем кулаке рукоять заржавленного меча. Другой скелет лежал в углу — и вокруг него все еще змеей обвивалась прочная, тяжелая цепь, приковавшая его к стене.

Это был, несомненно, Сын Неба. Но чьи же останки мы нашли в пещере? Коварного раба Сонона, которого жрец посылал убить Сына Неба? Но откуда там взялась эта проволока? Ведь она, похоже, к Ураниду не имеет никакого отношения? Обронил уже гораздо позже кто-то другой, побывавший там, в пещере?

Какая драма разыгралась в этом подземелье в ту далекую ночь, когда город погибал в пламени и по улицам его мчались воинственные скифы? Кто же был этот загадочный Сын Неба?

Узнаем ли мы когда-нибудь это?

Я терялся в догадках и хотел уже поскорее рассказать об этой находке Михаилу в подробном письме. И вдруг от него пришла странная, непонятная телеграмма-молния:

«Вылетай немедленно Москву мне снятся поразительные сны, вылетай немедленно!..»

3

(Продолжает А. Скорчииский)

Неужели это возможно? Неужели мы и впрямь случайно наткнулись на след посещения нашей планеты гостями из космоса?!

И хотя я интуитивно ждал, что разгадку Сына Неба принесет именно эта проволока, найденная нами в пещере, все равно рассказ Михаила о его сложных опытах и неожиданном открытии совершенно ошарашил меня.

Моток проволоки лежал на белом лабораторном столе, и я не мог отвести от него глаз. Неужели на этой тонкой металлической нити в самом деле записан отчет о том, что увидел Сын Неба, игрой судьбы заброшенный две тысячи лет назад в маленький греческий городок на берегу Крыма? И неужели я сейчас сам загляну в тот далекий мир, увижу все его глазами?!

Мне не терпелось увидеть, и я плохо слушал объяснения Михаила о всей технике расшифровки видеозаписи на проволоке, о том, как он подбирал наилучший режим, какие использовал приборы,— но он, против обыкновения, кажется, не обиделся на мое невнимание. Потом начал клясть себя, что во время экспериментов над проволокой размагнитил часть записи.

— И какую часть! Самое начало! Там, вероятно, было

зафиксировано приземление космического корабля. А теперь мы не узнаем, как это произошло. И черт меня дериул проверять ее электропроводиость!

— Ладно, теперь этого уже ие поправишь. Показывай скорее, что есть! — взмолился я.

Но ои словио иарочио взялся томить меня н решил обставить просмотр магннтиой записи ие меиее таииствеиио и торжествеиио, чем жрец свои пророчества в храме Асклепия. Усадил меия в глубокое кресло в лаборатории перед овальным экраном, велел откинуться свободио иа спинку, расслабить мышцы и ии о чем ие думать.

— Просто смотри, какие картииы стаиут возиикать. И запомииай все детали, чтобы подробнее потом записать.

Затем ои притушил огии в комиате, оставив только слабую лампочку возле прнборов, с которыми страшио томительио и долго возился, что-то иастраивая.

— Да скоро ты? — взмолился я и тут же замолк на полуслове, потому что увидел то, что произошло на крымской земле две тысячи лет иазад...

Изображеиие было расплывчатым, смутиым, нерезкнм, словио снимок, сделаииый иеопытиым фотографом, без всякой иаводки иа резкость. Порой оио совсем пропадало, потом появлялось виовь. Но мой иаметанный глаз археолога дополиял отсутствующие деталн, многое просто угадывал.

Передо миой, несомнеино, была главиая городская площадь — агора, вымощениая черепками битой посуды и заполнениая пестрой толпой. Особеино отчетливо был виден один угол ее, огорожеиный деревяииыми жердями,— вероятно, специальио для торговли рабами, как упомииалось в некоторых нсточииках.

У подиожия мраморного изваяния, иа пьедестале которого иаписано: «Народ поставил статую Агасикла, сына Ктесии, предложившего декрет о гариизоие и устроившего его...», в полном безразличии н отупеиии прилегла на камин морщинистая старуха, похожая на комок грязных тряпок. Рядом с ией, скованные цепямн по рукам и иогам, лежат два скифа: одии с рыжей косичкой, торчащей из-под рваиой остроконечной кожаиой шапки, и в куртке из грубо выделаниых бараньих шкур, другой почтн совсем голый, со взлохмачеииой головой...

...Теиистый мраморный портик какого-то, видимо, обществеииого здаиия. Сидя за иизеиьким столом, завалеиным свитками папируса, три пожилых грека виимательио, но довольио равиодушно наблюдают, как плечистый, обнаженный до пояса палач с бритой головой привязывает к большому пыточиому колесу перепугаииого раба, еще совсем подростка.

Все это в каком-то страиином ракурсе — словно увндено глазамн человека, сидящего иа корточках.

Картиины давно отшумевшей жнзнн возннкалн перед монми глазами. Онн былн отрывочнымн, бессвязными: промелькиет — н пропала. Так любознательный турист, попав в иезнакомый город, бесцельно щелкает направо н налево свонм иеразлучным фотоаппаратом, не давая ему ин отдыха, нн покоя. Поэтому н пересказать этн коротенькие улнчиые сценкн, пестрый калейдоскоп промелькиувшнх лнц горожаи, воинов, любопытных женщнн, чумазых ребятншек,— связно пересказать все это просто невозможно. К тому же, как я уже говорнл, нзображеиня порой былн очень смутными, едва вндимымн, да вдобавок меня еще сбнвалн с толку неожиданные ракурсы.

То промелькнет мальчнк, повнсшнй иа уздечке упрямого ншака и тщетно пытающнйся сдвинуть его с места... То запыхавшнйся, с побледневшим от напряження лнцом тяжело дышащнй атлет. Он очнщает со щекн стрнгалем, похожим на серп, прнставшую грязь, а вдалн вндеется кусочек стаднона...

На покатой камениой площадке с желобками рабы давят босыми ногамн виноград. Однн нз них так прнплясывает, что брызгн разлетаются далеко во все стороны.

А на соседней площадке применена уже прнмнтнвная «механизацня», вндимо, заинтересовавшая небесного гостя. Тут вннoград давят под прессом, накладывая на него каменные плиты — тарпаны. Сверху ягоды накрывают доской н прнжнмают ее длнннным рычагом, на конце которого, болтая ногамн, повислн два рослых раба.

Сын Неба загляиул в литейиую мастерскую — н вот перед нами мастер в кожаном фартуке, прнкрывая ладонью глаза от пламенн, осторожно слнвает в форму расплавленную, пышущую жаром броизу...

Возиикают иа миг улнчные музыканты: подросток, надув щекн, старательно наигрывает на свнрелн — снрниге, а босая девочка прнплясывает, ударяя в тамбурни...

Кусок городской стены. Из сторожкн возле ворот выглядывает воин с курчавой рыжеватой бородой, а на стене вндна иадпнсь, звучащая в переводе вдруг комическн современно: «По решенню городского совета запрещается здесь сваливать иавоз и пасти коз...» Конец иадпнсн, к сожалеиню, ие видеи.

Снова шумный рынок на городской агоре. Бросается в глаза, что иа ием почти нет женщин. Торгуют и покупают один мужчнны.

Из этнх бессвязных сценок, словно нз кусочков мозаики, возннкает бесценная живая картнна будннчной жизнн древнегреческого города, которую до сих пор археологам прнходилось с громадиым трудом воссоздавать по случайным находкам н разрозненным черепкам бнтой посуды. Как много дает это науке!

Увнделн мы н свонмн глазамн жреца, чья рукопнсь до-

ставила нам столько хлопот. Ему уже, пожалуй, за шестьдесят. Гладко выбритая голова, одутловатое морщинистое лицо и очень зоркие, цепкие черные глаза.

На нем простой серый гиматий, наброшенный поверх белоснежиого хитона. На ногах сандалии из темной кожи. Движется он плавно, величественно, движения медлительны, но порой резкий поворот головы и острый прищур глаз выдают иезаурядную волю и энергию, спрятаиные до поры до времеии, словно в сжатой пружине.

Как уже упоминалось, мелькавшие иа экране люди были иеподвижными, застывшими, словно на примитивной фотографии. Но они были «схвачены» в такой момент, что каждый кадр стаиовился полон жизни и экспрессии. Воображение дополняло то, что видел глаз, и, рассказывая о возникавших картинах, все время иевольио употребляю глаголы: движутся, плывут, вонзаются,— даже как будто начинаешь слышать давно отзвучавшие голоса.

...Два стратега обходят фронт тяжеловооруженных гоплитов во дворе крепости. Солнце жарко пылает на железных панцирях, слепит глаза, отражаясь от шлемов. Шлемы у воииов различной формы: у одних они закрывают все лицо скуластыми иащечииками, только в узких прорезях сверкают глаза. У других нащечники подвижные, они сейчас откинуты, позволяя рассмотреть раскрасневшиеся, потные лица и торчащие из-под шлемов бороды.

Щиты у гоплитов тоже неодинаковой формы — то овальные, то круглые, и обиты они у кого листовой медью, а у кого просто бычьей кожей. У каждого воииа длинное, до двух метров, деревянное копье с железным наконечником, меч на перевязи, перекинутой через правое плечо, ноги закрыты до колен броизовыми поножами. Судя по довольно унылому виду воииов и их усталым, размореиным жарою лицам, нелегко, должно быть, таскать иа себе всю эту массу металла. Но гоплиты предиазначеиы для ближнего оборонительного боя, им ие придется много ходить. Они будут стоять стеной, ощетинившись против вражеской конницы остриями копий.

На агоре раздают добровольцам более легкое оружие: дротики, луки со стрелами, небольшие щиты — пельты. У этих более подвижных воинов — пельтастов — и панцири уже не металлические, а кожаные или даже просто из грубой холстины.

Видимо, идет подготовка к бою с таврами, о котором упомииается в рукописи жреца.

Потом стремительно мелькает иесколько сценок сражеиия. Беспощадеи и страшен этот бой в ночной темиоте, лишь местами озаряемый иеверным, колеблющимся светом факелов. Мелькают искажеииые болью и гиевом лица, коиские морды с пеиой иа уздечках...

...А затем сияющий солнечный день, стадион, заполненный ликующей толпой.

Со всех сторон летят букетики ярких цветов, венки...

Видимо, это чествуют Сына Неба и жреца после победы над таврами. Вот я нахожу в толпе уже знакомое лицо жреца. А где же Уранид? Может быть, он появлялся и в других сценках. Но как узнать его?

Или аппарат для записи был всегда с ним, и мы так и не увидим, как выглядел сам небесный гость: ведь мы смотрим его глазами?..

По арене стадиона угрюмой толпой бредут закованные в цепи пленники.

Устало шагают по цветам их босые, израненные ноги.

И вдруг темнота. Все оборвалось. Я не сразу понимаю, что сижу в лаборатории перед погасшим экраном.

— Ну как? — спрашивает Михаил.

— Снова. Давай все снова! — хрипло говорю я.

— Подожди,— усмехается он.— Давай сначала подведем итоги.

Я непонимающе смотрю на него.

— И как тебя угораздило размагнитить начальный кусок записи! Конечно, там были сцены прибытия космического корабля на Землю, а может, даже и какие-то картины иной планеты, с которой он прилетел.

— Кто прилетел?

— Ну, Сын Неба, Уранид.

— Какой Сын Неба?

— Слушай, Мишка, ты опять начинаешь паясничать...

— Не понимаю тебя. О чем ты говоришь? Никто ниоткуда не прилетал.

— Как?! А запись на проволоке?

— И записи никакой не было. Вот она, твоя проволока. Ничего в ней нет загадочного. Самая обычная проволока, только немножко заржавевшая в подземелье. Можешь вернуть ее в милицию...

— Но я же сам видел, своими глазами! — закричал я, когда снова обрел дар речи.— Что же я видел?! Опять твои идиотские штучки?

— Успокойся, успокойся, ты действительно видел древних греков! Только космические гости и записи на проволоке тут ни при чем.

— Что-о?!

— Просто пока ты копался в своих гробницах и подземельях, мы тут сделали небольшое открытие, которое я и продемонстрировал тебе сейчас.

— Какое?

— Ну, как тебе сказать поточнее?.. Мы нашли способ

воскрешать изображеиия, которые отпечатались на поверхиости некоторых определеиных предметов. Поиимаешь? Ладио, ие все тебе меия мучить лекциямн, давай и я тебе прочту одиу небольшую, совсем коротеиькую. О так изываемом эффекте остаточиого иамагиичивания ты представлеиие имеешь. Как тебе известио, иекоторые гориые породы и строительиые материалы, содержащие в себе магиетит илн гематит, обладают любопытными свойствамн: при сильном иагревании оии приобретают под воздействием магинтного поля Землн слабую постояииую намагничеиность. При последующем остывании в них как бы «замерзает» слепок магиитиого поля давиих исторических эпох, и специальиые приборы могут восстаиовить его параметры...

— Ты мие еще расскажи, как этот метод палеомагиетизма применяется в археологии для установлеиия возраста древиих гоичариых изделий,— перебил его я.— Не рассказывай мие того, что я н так прекрасио зиаю.

— А огонь? — продолжал ои.— Помиишь, ты как-то удачно сказал: «Огоиь — хранитель»? Это в тот вечер, когда рассказывал у костра о гнбели города. И я подумал: «В самом деле, еслн бы не этот древиий пожар, застигший жителей так внезапно, мы бы, возможио, так иичего и ие узиали бы о их давией жизии. Парадокс? Но именио огоиь сохраиил для иас ее следы, засыпав спасительиым пеплом нарядиые хрупкие вазы, резиые статуэтки, обуглившийся, ио ие сгоревший деревяииый совок».

И тут мысль заработала дальше. Нельзя ли иайти и другне способы загляиуть в далекое прошлое? Ведь что такое свет, как не особый вид электромагнитиых колебаиий? Магннтных — улавливаешь?!

— Постой, постой! Значит, вам удалось найтн способ воскрешать остаточиую иамагничеиность, возникшую под воздействием света?

— Вот имеиио! И снова превращать ее в зрительиые образы,— ты попал в точку! Давняя мечта писателей-фаитастов. Но только теперь у иас появились приборы такой сверхчувствительиости. Да и то, как видишь, метод еще, коиечио, далек от совершенства. Изображения получаются иечеткнми и расплывчатыми. Только специалист может в иих как следует разобраться. Да и подходящие образцы приходится выбирать одии из тысячи. Но главное сделаио: удалось разработать аппаратуру, способиую улавливать столь слабую намагиичениость и переводить ее в зрнтельиые образы.

— Значнт, вы можете воскресить картнны любой эпохи?

— Конечно, если только оии отпечатались иа подходящем материале нмеино в тот момеит, когда ои подвергался сильиому нагреву. Годятся черепки из древиих гоичариых печей, кирпичи

из стен сгоревших домов, куски вулканической лавы из более отдаленных эпох, когда еще человека на Земле не было, или, на худой конец, просто камни, опаленные ударом молнии, но, конечно, далеко не каждый. К счастью, твои древние греки обожали по любому поводу зажигать жертвенные огни. Да и пожарищ у них сохранилось немало. Вот только ты, кротоподобный Плюшкин, дрожал над каждым черепком и кирпичиком. Теперь ты понимаешь, как мешал мне?

— Но почему же ты сразу не сказал, для чего они тебе нужны? Зачем понадобился весь этот глупый розыгрыш с космическим пришельцем и записью, якобы сделанной на проволоке?

И знаете, что он имел наглость мне ответить?

— А я решил испытать прочность и стойкость твоих убеждений. Ты тогда очень хорошо и убедительно рассуждал о невероятности прилета к нам в прошлом гостей из космоса. По существу, правильно, поскольку никаких строгих доказательств таких визитов наука не имеет и поэтому подобные гипотезы просто курам на смех. Но я решил подвергнуть тебя небольшому искушению. И ты не устоял, поддался на удочку, забыл о мудром правиле: «Иметь взгляды — значит смотреть в оба...» Шаткое, брат, у тебя мировоззрение, и все оттого, что замкнулся, как крот, в свою археологию, не следишь за успехами других наук. Вот и веришь всяким басням, стоит только придать им видимость научности. Описал жрец какое-то «небесное знамение», а ты уже распалился: «Очень похоже на приземление космического корабля!..» Может, ты так и в реальность гремящей колесницы Ильи-пророка поверишь?

Стоило ему все-таки намять бока за такую каверзу! Но я был уже увлечен перспективами, которые обещало археологии его открытие. Заглянуть в глубь веков и собственными глазами увидеть, каким был мир во времена древних греков, египетских фараонов, заглянуть в пещеры, где греются у костров наши первобытные предки,— кто из археологов не мечтал об этом! Может быть, увидеть мир даже таким, каким он был на самой заре времен, еще задолго до появления на Земле человека! Чем не «машина времени»?

— Но кто же тогда был этот Сын Неба? — воскликнул я, отрываясь от своих мечтаний.

Михаил пожал плечами.

— Это уж придется выяснять тебе с помощью твоего хваленого дедуктивного метода. Во всяком случае, к небу он не имеет никакого отношения. Но все равно фигура весьма любопытная: создал оригинальный язык, мечтал объединить греков с варварами, пытался построить какую-то летательную машину вроде орнитоптера. Может, он был гениальным изобретателем и рядом с именами Пифагора, Евклида, Архимеда

и Героиа следует поставнть н его имя... А мы даже ие знаем точио, как его звали: ие вписывать же его в историю техиики под прозвищем «Сыи Неба», которое ему дали твон греки! Это было бы забавио.

Да, Михаил прав: человек, прозванный Сыиом Неба, был, несомиенио, большим ученым. И борьба, которую ои вел с хнтрым жрецом, была вовсе не соперничеством за власть н почести. Сквозь даль веков мы сталн свидетелями еще одиой драматической схватки в великой давией битве между светом и тьмой, религиозными суевериями и иаукой. И как жаль, что мы так мало узиали об этом замечательиом человеке!..

— Слушай,— осеиило меия.— А мы ведь можем его увндеть!

— Его самого? Как?

— Я же тебе говорил, что раскопал темнйцу, в которой томился Ураинд н, видимо, погиб в ту иочь, когда город спалили напавшие скифы. Мы нашли там два скелета, завалеиных обломками обгоревшей кровли.

— Все ясио! — закричал Миханл.— Где оии, эти обгорелые кнрпнчи?

И вот мы увидели...

...Тесиое, сырое подземелье сумрачно освещено чадиым факелом. Так и чувствуется, что пламя его колеблется, вздрагивает, заставляя по камеиным стеиам метаться тревожиые тени.

Человек, прикованиый цепью к стене, настороженио смотрит на тех, кто вошел к нему в темиицу с факелом. Да, это обыкиовениый человек, в нем иет ничего иебесиого: ои в грязных лохмотьях, у иего усталое, измождеииое лицо. Глаза, глубоко запавшие под громадным лбом, кажутся бездоииыми. Лицо ие греческое — вероятно, это уроженец Малой Азии илн даже Северного Кавказа.

Но лучше рассматрнвать его некогда. На миг заслоиив свет факела, который кто-то, не видиый иам, держит за его спиио́й, вперед выступает жрец. Он, видимо, что-то говорит плеииику. Если бы мы могли и слышать сквозь даль веков!

Ураиид, ие отвечая, смотрит на него с насмешкой и презреиием. Видио, как жрец заиес иад его головой руку с коротким мечом...

И в тот же миг все исчезает во тьме под рухиувшей кровлей.

— Ну и зверь этот жрец! Даже в такой момент решил во что бы то ии стало уиичтожить соперинка иаверияка. Одно утешеиие — и сам погнб, не успел удрать.— Михаил иепривычно серьезен и даже мрачеи.

— А Уранида жалко,— дрогиувшнм голосом добавляет он, опустив голову.— Какой был геиий! Леоиардо!

Мы долго молчим, потрясенные. Ведь на наших глазах убили человека, которого, в самом деле, без преувеличения можно было назвать античным Леонардо да Винчи! И мы не могли помешать преступлению...

Сколько было таких неведомых гениев у разных народов в истории человечества, пришедших в мир преждевременно, когда никто еще не мог не только по достоинству оценить, даже просто понять их идеи, далеко опережавшие эпоху? Их высменвали, травили, объявляли сумасшедшими, побивали камнями. И даже теперь, порой по счастливой случайности все же наталкиваясь иногда на сделанные ими много веков назад поразительные открытия, мы чаще всего не можем поверить, что их совершили наши гениальные предки, а приписываем каким-нибудь мифическим гостям с других планет. Обидно! Ведь мы словно убиваем их снова своим недоверием...

Мы молчим, но, не сговариваясь, думаем об одном. Может, замечательное открытие Михаила и его товарищей поможет нам выяснить еще что-нибудь о гениальном земном Сыне Неба? Ради этого стоит проверить все камни и обломки древней посуды, возможно сохранившие картины давно отшумевшей, но, оказывается, такой волнующей и поныне жизни! И кто знает, сколько еще удивительных открытий ожидает нас в таинственной глубине веков?..

Джулиан Кэри

КОМБИНАЦИЯ «ГОЛОВОЛОМКА»

Лемми запаздывал, в трубке гудел голос шерифа, во дворе, около кучи лома, возилась ватага каких-то подозрительиых парией — одиим словом, я ие мог уделнть слишком много времени старику Джеикиису.

— Мне нужен провод,— сказал он,— высокого качества, средиих иомеров и разных расцветок.— И смущенно добавил: — Я ие смогу заплатить, если это дорого...

— Пойдите и поищите сами, тогда обойдется дешевле,— я ие хотел упускать из вида подозрительиых парней. Джеикиис, потоптавшись, направился к складу.

Я прикрыл ладонью трубку телефоиа:

— Шернф? Это Джо. Очеиь сожалею, что заставил вас ждать. Что стряслось?

— Ничего,— спокойио ответил ои,— по поводу иалога. Цифры показывают, что ваш склад утиля расширился за последиие годы, поэтому за вами числится кое-какой должок.

— Эй, подожднте мииутку! Если я использовал кусок заброшеииого пустыря, то что же, с меня иадо трн шкуры драть? Или вы хотите из-за этого «расширеиия» шантажировать меня?

— Полегче, Джо! Еслн вы можете оспорнть повышение налога, заезжайте на следующей неделе, разберемся.

— Хорошо,— пообещал я,— как семейство?

— Превосходно.

— А работа? Точило ие причиияет хлопот?

— Нет,— отозвался он мягче,— ио мие иужен более сильный мотор. Не подыщете ли что-ибудь подходящее?

— Ладно, посмотрю,— ответил я и повесил трубку.

Ватага во дворе продолжала беспокоить меня, я было двииулся к ией, когда иа пороге накоиец-то показался Лемми,

мой помощннк. Я молча кивнул ему на подозрнтельных ребят н отправнлся на понски старнка Дженкинса. Тот копался среди всякого хлама.

— Нашли что-ннбудь?

— Не совсем.— Он с усилнем поднял бухту тяжелого провода в черной оплетке.— Это подходит по качеству и днаметру, но мне нужен провод разных цветов.

— Очень огорчен, но другого у меня нет,— ответнл я,— а это очень важно?

— Да, для моего изобретення.

В Инглвуде каждый знал старика Дженкинса и слышал о его нзобретенни. Большинство частей для него было раскопано у меня среди старья, но, если верить почтмейстерше, некоторые детали старик выпнсывал нз Нью-Йорка. Единственная вещь, которую никто не знал достоверно: что же это за нзобретение?

Я пожал плечами:

— Провод нужен для монтажа?

— Да.

— Тогда совсем не обязательно разные цвета. Достаточио покрасить концы. Сколько вам нужно?

— Трннадцать кусков, около шести футов длиной каждый.

— Давайте я вам нарежу,— предложнл я.— Ну а как поживает изобретение?

— Почтн закончено,— сказал он с гордостью н тут же просительно: — Вы сможете отпустить мне в долг?

— Пожалуйста.— Цена была пустяковой, а я — любопытным.

— Я позову вас, Джо, как только все будет закончено,— пообещал старик Джеикннс.— У меня сейчас небольшие неприятности, и от миссис Мэрфи нет иикакого покоя. Я дам вам знать, как только все будет готово для демонстрацнн.

Тут появился Лемми с какими-то вопросами, и в деловых хлопотах я забыл о старике Дженкинсе.

Дела заняли у меня и последующие несколько дней. У Маккилвуда я забрал вконец разбитое пианино — полтонны ржавого железа. У Пордью нашел для шерифа подходящий мотор. И так одно за другим.

Дженкннс и его изобретение совсем улетучилнсь у меня из памяти, когда в однн прекрасный день Леммн сообщил, что мне звонили.

— Это был Дженкннс,— сказал он,— просил, чтобы вы немедленно зашли.

— Что-ннбудь еще говорнл?

— Нет, дескать, хочет показать вам кое-что.

— Хорошо,— ответил я,— подвезешь меня по пути к ферме Фентона. У Фентона есть кое-какой утиль для нас. Заберн все н скажи, что насчет денег я загляну позже. Понял?

— Конечно,— сказал Леммн и подмигнул. Я сделал внд, что ничего не, заметнл.

В подвале большого старого дома, в котором миссис Мэрфн содержала пансион, и жил Дженкинс. Он отозвался тотчас же, лишь я дотронулся до звонка, и увлек меня по лестнице вниз, словно опасаясь, что вот-вот на него кто-нибудь прыгнет.

— Это все из-за миссис Мэрфи,— объяснил он, закрыв дверь.— Она очень нервная особа. Я ее страшно раздражаю тем, что двигаю мебель и сжигаю предохраннтели.

Дженкинс задумчиво уставился на носкн своих ботинок.

— В общем, она предложила мне убраться в конце неделн.

— М-да,— посочувствовал я,— а вам есть куда переехать?

— Это очень накладное дело,— старик покачал головой,— но скоро я уже ни о чем не буду беспокоиться...

— Вы не должны этого делать! — Что-то в его доверительном тоне встревожило меня.— Вы еще не так стары, лучшая часть жизни у вас еще впереди. Вы совершнте преступление, если поступите так!

— Вы о чем? — изумился Дженкинс. Вдруг он рассмеялся.— А-а! Понимаю, что вы нмеете в виду. Не волнуйтесь, Джо, я не собираюсь кончать самоубийством. Я имел в виду совсем другое,— он подтолкнул меня во вторую комнату,— я имел в виду вот что! — И он показал на свое нзобретение.

Это была самая нелепая штуковина, какую мне только когда-либо доводилось видеть. Центральная часть ее напоминала раму от кровати, поставленную на попа. Рядом громоздилась масса электрических приборов, соединенных с рамой множеством проводов. Они тянулись из чего-то, напоминающего распределительную головку.

— Я вам должен за этн провода,— застенчиво сказал Дженкинс.

— Забудьте об этом,— я был слишком заинтересован, чтобы беспокоиться о пустяковой стоимости каких-то проводов.— Оно действует?

— Да.— Дженкинс дотронулся до своего сооружения так осторожно, словно прнкасался к новорожденному.— Это работа всей жизни, и теперь она завершена,— сказал он с гордостью.

— А что оно может делать?

Дженкинс улыбнулся.

— Даже не знаю, Джо, как вам объяснить. Еслн скажу, что это дверь между фнзическими измерениямн, поймете лн вы, о чем я говорю?

— Я ходил в школу,— сказал я натянуто,— н тоже умею чнтать.

Дженкннс помолчал. Потом ответил:

— Вообще-то я не хотел показывать, но я обещал вам.

Кроме того, вы были добры ко мне тогда с проводами, да и вообще...

Он снова умолк. Затем продолжал:

— Вы знаете, Джо, что вся материя состоит из атомов. Электроны, позитроны, протоны и другие частицы атомов — все они плавают в пустоте. И пустоты много больше, чем частиц в ней; много больше. Каждый атом подобен миниатюрной солнечной системе с огромными расстояниями между планетами. Понимаете?

— Конечно. Обо всем этом я читал в «Воскресном приложении».

— Хорошо,— продолжал Дженкинс,— много лет назад я подумал, что могут быть другие миры, подобные нашему, но как бы колеблющиеся с отличной от нашего частотой. Это значит, что кажущаяся пустота атомов на самом деле вовсе не является пустотой, а содержит атомы материи другого рода. Вот я и решил построить что-нибудь, позволяющее предметам перемещаться из мира одного измерения в другой.

— Интересно. И это вам удалось?

Дженкинс снова тронул рукой изобретение.

— Я добился своего. На это потребовались долгие годы и масса денег, но теперь я закончил. Я испытал изобретение, оно работает.

Я опять взглянул на сооружение. Ей-богу, оно казалось самой невероятной коллекцией утиля. Большинство деталей этой конструкции были мне хорошо знакомы, но некоторые, по-видимому, изготовлялись специально, по заказу. Так, сеть, опутывающая раму, походила на стеклянное кружево.

— Это кварц,— сказал Дженкинс, заметив мое удивление.— У меня ушло пять лет, чтобы открыть способ получения длинных поляризованных кристаллов, необходимых для достижения определенной вибрации.

— Кварц? — Я не считал Дженкинса лжецом, но, насколько мне было известно, кварц не мог так выглядеть. Я подошел к сетке, чтобы разглядеть ее получше.

— Она образует зону вибрации,— объяснил Дженкинс.— Когда машина действует, различные части сетки существуют в обоих измерениях одновременно, поэтому через нее можно перейти из одного мира в другой.

— В самом деле? — Я еще не был ни в чем убежден.— А как насчет демонстрации?

— Хорошо,— он несколько колебался,— но дело в том, что у меня неприятности с миссис Мэрфи из-за просроченных счетов на электричество, кроме того, предохранители не очень надежны...

— Но ведь нам не требуется много времени? — я продолжал настаивать.

— Пожалуй.— Дженкинс чувствовал себя обязанным показать мне, как работает машина, и я знал это.

Он щелкнул несколькими рубильниками, и мы стали ждать. Как только в сеть прошел ток, беспорядочная груда электроприборов ровно загудела. Кварцевое кружево мгновенно раскалилось, неуловимо затрепетало, покрылось тончайшим пухом, и вдруг сквозь его ячейки замерцала картина...

Вначале я просто не поверил. Подошел к машине сбоку и уставился на стену за рамой. Это была самая обыкновенная стена. И все же я выглянул из нашего мира куда-то наружу. В этом пришлось убедиться, как только я занял место снова у сети, как в первый раз. Никакой стены за машиной не было, а виднелись деревья и холмистая равнина, на горизонте — очертания города. По небу проплывали какие-то предметы, я подумал, что это, должно быть, летательные аппараты, но тут же забыл о них, едва увидел людей.

Их было восемь: трое интересных мужчин и пять красивых женщин. Они сидели на траве и вели себя, как в разгар пикника.

— Могут они видеть нас? — спросил я Дженкинса.

— Только если будут смотреть прямо в машину.

— А можем мы перейти к ним?

— Конечно.

Казалось, увиденного было достаточно, но что-то еще заставляло меня сомневаться даже сейчас. Я схватил первое, что попалось под руку,— корзинку для бумаг, схватил ее и сунул в кварцевую сеть. В тот же миг корзина словно растворилась, и в следующую секунду погас свет. Зато тотчас откуда-то с лестницы послышалась истошная ругань миссис Мэрфи.

— Пробки сгорели,— шепнул мне Дженкинс,— чтобы провести предмет сквозь машину, требуется много энергии.

Он выглядел очень напуганным.

— Знаете, Джо, будет лучше, если она не застанет вас здесь.

Я ненавижу скандалы, а в голосе миссис Мэрфи слышались ноты, которые убеждали, что Дженкинс желает мне только добра. Взглянув в последний раз на машину (никаких признаков бесследно исчезнувшей корзинки для бумаг), я поспешил уйти.

На складе меня ожидали неприятности. Фентон решил, что я его ограбил. Потребовалась тьма времени, чтобы объяснить, почему упала цена на утиль.

Последующие дни также прошли в борьбе с налоговым инспектором. Я как раз отдавал кое-какие распоряжения Лемми, когда появилась миссис Мэрфи. Ждать она не собиралась.

— Я хочу, чтобы вы убрали весь хлам из этих проклятых комнат,— с вызовом заявила миссис Мэрфи.

— Дженкинса?

— А кого же еще?

— Но я думал, что ои остается у вас до конца иедели.

— Теперь уже этого ие случится,— мрачно сказала она.— У меня было твердое иамерение иапустить иа его шерифа. Вы знаете, что натворил этот человек? Колдовал с пробками до тех пор, пока не сжег все провода в доме! Спасибо еще, что не спалил дом! Сколько вы дадите за его рухлядь?

— Подождите миниту!

Я предложил ей кресло, а сам лихорадочио обдумывал положеиие. Очевидио, Дженкииs возился с предохранителями ие случайио. Я догадывался, что вызвало перегрузку сети.

— Вы ие можете так просто распоряжаться его собствеиностью,— осторожио сказал я.— Как ои к этому отиесется?

— Меня это не волнует,— заявила мнссис Мэрфи,— он исчез.

— Исчез? — Моя догадка переросла в уверениость.— Но куда?

— Откуда мие зиать? Он был дома вчера вечером, когда я отправилась в гости к моей сестре. Вернувшнсь, я уже ие застала его.

Миссис Мэрфн плотио сжала тоикие губы.

— Еслн он пожелает подать иа меня в суд, я согласна, но ему же будет хуже, я вам говорю. Я намереиа очистить его комнату, н иамереиа сделать это иемедлеиио. Так сколько вы дадите за весь хлам?

— Трудио сказать,— я пытался выиграть время.— Может, лучше перевезти все сюда и подождать немиого, ие верится ли ои. Если верится, он сам заплатит вам долг, если нет, я продам все иа комиссноних началах. Это оградит вас от суда да и даст больше деиег.

Оиа размышляла с минуту, потом кивиула головой.

— Хорошо, только заберите этот мусор немедлеиио, иначе я обращусь к кому-ибудь другому.

— Все будет сделаио,— быстро ответил я, потом спохватился. Налоговый иcпектор мог вызвать меня в любой момеит, но, с другой стороны, мие очеиь хотелось заполучить изобретение Джеикинса. Я подозвал Лемми.— Отправляйся вместе с миссис Мэрфн,— сказал я ему,— заберн машииу, которую иайдешь в подвале, н прнвези сюда.

Ои кивиул.

— Хорошо. Можио ее сразу разломать?

— Боже упасн! — вскрнкиул я, ио тут же поиизил голос: — Ни в коем случае ннчего не ломай. Будь с ней очеиь осторожеи. Просто прнвезн ее сюда. Поиял?

— Чего уж тут не понять! — Он повериулся н пошел следом за мнссис Мэрфи.

Все утро я думал только об этом деле. Поэтому налоговому

инспектору не стоило большого труда расправиться со мной. Я, конечно, возражал, спорил, ио ои все-таки повысил налог иа десять процентов. Расстроеиный, я ушел на склад.

Было ясио, что произошло со стариком Дженкинсом. Он перегрузил сеть, чтобы перешагнуть в другой мир. Он уже ие мог вернуться обратно и распорядиться судьбой своего изобретения. После того как я уплачу иемного миссис Мэрфи, оио будет принадлежать мне, только мие!

Накоиец вернулся Лемми. Раму, отсоедииенную от других приборов, ои поставил в конторе, а рядом свалил груду всякого электрооборудоваиия. Я схватил горсть проводов и... тупо уставился на трииадцать концов. Я смотрел на провода. Я смотрел иа клеммы. Я смотрел на Лемми.

— Да, хозяин? Я все сделал аккуратио и осторожно, как вы велели.

— Да, да, а теперь скажи мие, как были соединеиы эти провода?

— Что?

— Ты, мякинная голова! — простонал я.— Ты все разъединил! Какого черта!

— Я не мог увезти все в одном ящике,— иедоуменно пробурчал Лемми,— я ничего не сломал, ие разбил, только отсоединил провода...

— Но почему ты их не переметил?! Как я теперь все это соединю?

— Я не знал, хозяин,— Лемми отошел иа шаг,— я не подумал об этом. А вы разве не знаете?

Я ие знал...

Вот оио, одно из самых гениальных изобретений со времеии открытия колеса. Дверь в другой мир, вещь, которая могла бы сделать меня богатейшим человеком. Все, что для этого требуется,— соедииить тринадцать проводов. Это просто, ие так ли?

Не слишком. Тринадцать проводов можио соедииить шестью миллиоиами всевозможных способов, и только один из иих окажется правильным! Если работать непрерывио, для этого потребуется лет двести! Но я ведь должен еще есть, спать, зарабатывать на жизнь! По самому оптимистическому подсчету, уйдет доброе тысячелетие. Я ие думаю, что проживу столько.

Неужели Джеикинс не мог обойтись меньшим количеством проводов?

Евгений Федоровский

ПЯТЕРО В ОДНОЙ КОРЗИНЕ

1

Когда мы изредка встречались с Артуром, нам приходила на память одна и та же сценка из нашего прошлого. Мы вспоминали родное авиационное училище, которое хоть и поманило небом, но так и не связало с ним кровным родством. Я слышу откуда-то издалека свою фамилию, произнесенную скрипучим, процеженным сквозь зубы голосом. В бок вонзается острый локоть Арика. С трудом возвращаюсь из сладкой дремы в горькую реальность. Веки горят от недосыпания, щеку жжет рубец от кулака, подложенного под голову, когда я спал. Поднимаюсь, обалдело гляжу в ту сторону, откуда донесся зов. Там сидит вислоносый подполковник Лящук, он же Громобой, и буравит меня ржавыми глазами.

— Милости прошу,— произносит Громобой фальшивым, ласковым тенорком.

Два наряда вне очереди мне уже обеспечены — это я понимаю еще до того, как подхожу к классной доске и упавшим голосом рапортую, что к ответу готов.

— Прекрасно! — умиляется Громобой, продолжая сверлить своими хищными буравчиками.

«К ответу готов!» — так требовалось доложить по уставу. На самом же деле я ничегошеньки не знал. Вернувшись из караула, полчаса долбил морзянку, на самоподготовке зубрил теорию полета, матчасть, навигацию, аэродинамику, выбирая, как собака из миски, сначала жирные куски, оставляя на потом черный хлеб авиаторов — метеорологию,— науку путаную, трудно поддающуюся заучиванию, вообще, по нашему разумению, бесполезную.

Другого мнения придерживался Лящук. Он с яростью рака-отшельника, напавшего на стадо улиток, терзал наши слабые головы премудростью атмосферных фронтов и циклонов,

турбулентных потоков и всякой другой дребеденью, творящейся в небесной хляби[1].

Нахмурив белесые брови, Громобой роется в памяти, отыскивает вопрос позаковыристей. Нашел! Буравчики искрятся радостью. Громобой наклоняет голову, словно собираясь боднуть. Из стиснутых вставных зубов свистит вопрос:

— Что такое состояние окклюзии?

Я тупо смотрю на его золотой протез в щели рта. За передним столом ерзает Калистый — подхалим и отличник высказывает готовность отвечать. Но остальные смотрят на меня с веселым состраданием, радуясь, что сегодня не они, а я попал под колпак Громобоя. Подсказывать никто не решается — у подполковника уши локаторно нацелены на класс. Лишь Арик с уютного последнего ряда клацает молодыми зубами и волнообразно планирует рукой.

— Это когда холодный воздух падает на теплую землю... (Арик от невозможности помочь закатывает глаза.) Нет! Теплый на холодную...

Краем глаза Громобой видит невразумительные потуги Арика, но кивает Калистому:

— Доложите!

Тот вскакивает и на едином выдохе отбивает с частотой ШКАСа[2]:

— Окклюзия — это такое состояние циклона, когда теплый воздух вытесняется холодным, смыкаются фронты.., Сопровождается образованием слоисто-кучевых, кучево-дождевых, высокослоистых и перистых облаков, грозит туманами, моросью, болтанкой, грозами, обледенением!

Склоняя голову то в одну, то в другую сторону, Громобой в журнале старательно выводит Калистому пятерку, мне — двойку, Арику — тоже двойку.

— Доложите старшине о соответствующем количестве баллов.

Артур сунулся было: «Мне-то за что?!» Но вовремя умолк. Громобой, рассвирепев, мог поставить единицу. О ней придется докладывать самому командиру эскадрильи майору Золотарю. А тот на расправу был скор и щедр. Лучше уж порадовать старшину. Ему меньше забот выбирать, кого из курсантов назначать в караул на аэродром, кого дежурить на контрольно-пропускном пункте — КПП, кого посылать на кухню. КПП «штрафникам» не доверят, в карауле мы уже были только что,

---

[1] Атмосферный фронт — переходная зона между воздушными массами с разными физическими свойствами. Циклон — область пониженного давления в атмосфере. Турбулентные потоки — беспорядочные течения воздуха с разными скоростями, температурами, давлением и плотностью среды.

[2] ШКАС — скорострельный авиационный пулемет для учебных стрельб.

прямая дорога — иа кухию. Там стаием колоть изопревшие осиновые чурки, выковыривать глазки из картошки после машииной чистки, отскребывать от подгоревшего миогослойиого жира котлы величииой с царь-колокол.

Ну, иет худа без добра. Мы с Артуром — ие разлей вода. Бедовали и радовались вместе. Иначе хоть волком вой, хоть караул кричи.

Следующий урок метеорологии через три дия. Успеем оклематься.

Мы иеиавидели метеорологию как можио иеиавидеть злейшего врага. Переваливали с курса иа курс лишь благодаря тому, что успевали по другим предметам, и иачальиику учебио-летиого отдела, очевидио, приходилось уговаривать Громобоя ставить нам переходиую тройку. Подполковник Лящук с трудом соглашался.

Став летчиками и попав в полк, заиимавшийся перегоном машии с заводов в строевые части, метеорологией мы стали заииматься еще меиьше, хотя без иее ие обходились. Мы иаучились управлять самолетом, считая это главиым.

Самолет, его оборудоваиие, приборы делали люди. Но погода ие создается человеком. Оиа им ие управляется. Ты бессилеи преодолеть стихию или ослабить ее иатиск. Остается едииствеииое — изучить физические закоиы, управляющие ею. Зиаиием мы побеждаем страх. До иас по молодости эти простые истииы не доходили. К их поиимаиию мы пришли миого позже.

Общеиие с сииоптиками ограиичивалось теми мииутами, когда оии зиакомили иас с метеоусловиями по маршруту.

Иногда иепогода загоияла ие иа большой, главиый, а иа малеиький запасиой аэродромчик. Перечитав подшивки старых газет, обалдев от спанья, мы прииимались ругать опостылевшую погоду, заодио и сииоптиков, словио оии были виноваты в иеожидаиио свалившихся циклоиах, грозе, сиегопадах, тумаиах, метелях и бурях.

Арик честил сииоптиков с повышеииой изобретательиостью. Не зиал, ие гадал ои, что поздиее судьба с мстительиой памятливостью сделает его аэрологом.

Если метеорологию считают арифметикой, то аэрологию причисляют даже ие к алгебре, а к высшей математике. Оиа ие заиимается тем, что творится под иосом, а витает в самых верхних слоях атмосферы за сто — двести километров от земли, где иачииают загораться метеориты, а давлеиие измеряется сотыми долями миллиметров ртутиого столба.

Вскоре в строевые части пошла иовая техиика. Нам предложили иа выбор: переучиваться или идти в запас. Мы ушли в запас. Артур закоичил геофак уииверситета, стал работать в Обсерватории, побывал в Аитарктиде и Арктике, и так преуспел, что, когда в поле зреиия появилась моя грешиая

персона, он счел долгом обратить меня в праведника. Однажды по телефону он попросил меня срочно приехать к нему на работу. Едва поздоровавшись, он завопил:

— Ты помнишь, как мы презирали метеорологию?! Дураки! Это же не просто наука, это поэма, симфония, мудрость тысячелетий, предсказывающая грядущее!..

Артур метался по кабинету. Его очки скользили по длинному носу, взмахом руки он водружал их на место и продолжал:

— В детском лепете рождавшегося человечества погодные явления в атмосфере именовались «метеорами». Отсюда и название — *метеорология,* — последнее слово он пропел, как Эйзен самую эффектную фразу из арии варяжского гостя.— Землю спеленала газовая оболочка, точно куколку. Она дала жизнь всему. А поскольку оболочка из-за неравномерного нагрева подвержена различно направленным физическим силам, то процессы в ней сложны, многообразны и грандиозны!..

За его спиной от быстрых взмахов длинных рук тяжело, как парадные флаги, колыхались листы с диаграммами земной атмосферы.

В дверь заглянула рыженькая девушка с остреньким личиком и, удовлетворив любопытство, скрылась. А мой давний друг, ничего не замечая и не слыша, как тетерев на току, продолжал разматывать перфокарту науки, на которой, видимо, совсем свихнулся.

— Изучать атмосферные процессы, их предвидеть, использовать в хозяйстве, строительстве, завоевании космоса — это ли не высшая цель! — Арик рванулся к шкафу, не целясь, выхватил огромный фолиант, вознес его над головой, будто собравшись швырнуть им в меня, неуча.— Возьми и думай! — Очки наконец слетели с его утиного носа.

— Весьма тронут твоей щедростью, но мои дела не настолько плохи, чтобы я брался за метеорологию,— сказал я, напыжившись.

— Ты будешь читать,— зловеще произнес Арик и опустил руку на мое плечо, будто магистр, посвящающий меня в масонскую ложу.

В его тоне было столько уверенности, что я не удержался от колкости:

— Я ведь не трояк пришел просить...

— Все равно бы не дал. Но от дела, о каком скажу, уверен — ты не откажешься.

Я заинтересованно посмотрел в его шалые глаза. На «гражданке» я уже перебрал много специальностей и ни на одной не мог остановиться. Любопытно, что предложит он?

Начал Арик с сотворения мира. У людей есть такая страстишка: чем больше они знают, тем хуже думают об умственных способностях других. Он рассказал, как создавали наши предки

схему мироздання. Помянул Аристотеля, думавшего, что Земля окружена твердыми и прозрачными сферами, вложенными, как матрешки, одна в другую: на самой дальней покоятся солнце н звезды, носящие имена древнегреческих богов. Вспомнил Артур алхимнка XIII века Люлла, который умудрился разместнть звезды в 135 километрах от Земли. По его расчетам, до Луны было что-то около 23 километров, до Солнца — 70.

Потом Артур перешел к извечной мечте человека летать...

— Ни в одной области человеческих знанні не было затрачено такой массы труда, как в воздухоплавании,— разглагольствовал он.— За воздухоплавание бились астрономы и физикн, лекари н акробаты, портные и фокусники. Кто такой Сирано де Бержерак Савиньен? Ты думаешь, тот несчастный влюбленный, каким его вывел Ростан? Он, между прочим, сочинял фантастическне романы и за полтораста лет до Монгольфье описал устройство воздушного шара! Он же додумался превратить его оболочку при спуске в парашют, который нзобрели лишь в начале нашего века!

Сначала я слушал Арика с ннтересом, но потом встревожился — друг явно заговаривался.

— Ну а если без дыма... Что ты от меня хочешь? — спросил я осторожно.

Арнк дико посмотрел на меня, будто наскочил на стенку, н вскричал с отчаянием:

— Да оторвись ты от своего корыта во имя великой идеи!

— Тогда объясни толком!

Посопев, Артур терпеливо стал объяснять:

— У нас в обсерваторском эллинге хранится оболочка аэростата. На нем когда-то летал Семен Волобуй. Его почему-то и сейчас зовут Сенечка. Я хочу вдохнуть в оболочку жизнь и полететь на аэростате. Дошло?

— И хочешь взять меня?

— И Сенечку. Он болтается в иетях. Надо найти.

Я подумал: чем черт не шутит, когда бог спит? Хотел же я лет пять назад подвигнуть ребят с авиационного завода отремонтировать аэроплан Россинского, чтобы пролететь на нем до Ленинграда. Вышла, правда, неувязка. Сами бы взялнсь — и дело бы пошло. А начали с бумаг по начальству. Тому бумагу, другому, третьему... В бумагах и завязлн. Пропал пыл. Теперь в тлеющий костерок несбывшихся надежд Артур подбрасывал вполне горячую идею — возродить воздухоплавание, иайти ему современное прнменение, помочь науке утрясти кой-какне небесные делншкн.

— Пожалуй, возьму почнтать,— потянул я к себе увеснстый том.

— Даю иа неделю. Заодно разыщн Сенечку! — В голосе Арика звякнулн начальственные нотки, но тут он поиял, что для

иачала лучше гладить по шерстке, добавил мягче: — Втроем мы осмотрим оболочку, если ее крысы ие съели, подремоитируем, подклеим... Ну и иачием пробивать...

Артур сел, выбросил иа стол костистые руки, постучал коичиками пальцев по стеклу:

— Чтобы ты мог болтаться по Обсерватории как свой, ты должеи в ией работать... Кем?

— Замом,— выпалил я.

— Зам как мииимум обязан иметь каидидатскую степеиь...

Ого! Артур, кажется, ие только витает в облаках.

— Вообще у тебя есть какая-иибудь серьезиая специальиость?

Литературу Арик в расчет ие прииимал.

— А какая требуется?

Ои иабрал иомер иачальиика отдела кадров.

Навериякa поиадобятся уборщицы и электрики. Уборщиц мало, поскольку работа грязиая. В электрики ие идут — мало платят. Точио! В отделе кадров сказали: требуется дежуриый электрик. Восемь суток дежурства в месяц и восемьдесят пять рублей в зубы. Электриком я тоже работал. В одиом высоком учреждеиии была прекрасиая библиотека. Допуска туда достать ие мог. Устроился электриком, стал читать что хотел.

— Согласеи? — спросил Артур.

— Только ради того, чтобы слетать.

В Обсерватории я ие стал говорить, что худо-бедио меия кормил литературиый труд. Кадровичка, изучая пухлую трудовую киижку с разиостороииими иаклоииостями и обиаружив пробел в штатиой работе, подозрительио спросила:

— Где вы были последиие три года?

Потупившись, я отвел глаза и дрогиувшим голосом произиес:

— Об этом ие спрашивают...

— Поиятио,— прозорливая кадровичка посчитала, что эти три года мие довелось пребывать в местах отдалеииых, ио, поскольку я поступал иа должиость материальио ие ответствеииую, поставила штамп «Прииит».

Так я заделался специалистом по светильиикам, коидеиcaторам, траисформаторам, выключателям и перегоревшим лампочкам. Старший, по фамилии Зозулии, в дежурке подвала отвел шкафчик для одежды и ииструмеита, проиииструктировал по техиике безопасиости и включил в график дежурства. Вышло, что дежурить иадо в первые же сутки. Потом провел к главиой щитовой, куда подходила силовая лииия и откуда электричество распределялось по корпусам. Ои показал систему освещения в кабииетах, лабораториях, коридорах, коифереицзале. Слазали мы и иа чердак, где глухо урчали электромоторы, питавшие лифты и подъемиики.

Весь день я принимал заявки и бегал по корпусам, заменяя лампочки, разбитые розетки, дроссели в светильниках, наращивал провода к настольным лампам, которые после очередной перестановки столов оказывались короткими. У меня создалось впечатление, что все грандиозное электрическое хозяйство вдруг подверглось разрушению, как после землетрясения, и пришлось заново его восстанавливать.

Вечером я обошел корпуса и закоулки, повыключал свет, оставленный забывчивыми сотрудниками, и вернулся в дежурку. Зозулин долго колготился, опасаясь оставлять меня одного. Я узнал, что он пришел сюда пареньком. Вместо Обсерватории на этом месте тогда располагалась воздухоплавательная школа и здесь преподавал генерал Умберто Нобиле, которого Зозулин хорошо помнил. Наконец старик преодолел себя, ушел.

Веником я стер сор с верстака, совком выгреб грязь из углов, застелил столик с телефоном и книгой сдачи-приема дежурств свежей газетой. Выключил радио. Наступила благостная тишина. Достал том по метеорологии. Разлегся на древнем пружинистом диване.

Итак, Артур решил тряхнуть стариной, вознамерился вызвать к жизни воздушный шар. Зачем-то люди восстанавливают «ситроены» и «фордики» двадцатых годов, пересаживаются с «Жигулей» на велосипед, с бездушного трактора на верного коня... Парят на дельтаплане...

Кстати, некий пылкий итальянец при дворе шотландского короля Якова, занимаясь алхимией, по совместительству соорудил нечто подобное дельтаплану, но крылья изготовил из птичьих перьев. Попытка полета не удалась. Причиной неудачи явилось то обстоятельство, что некоторые перья оказались куриными, а «курицы (как писала хроника) имеют большее стремление к навозу, чем к небесам».

Но когда это было — в 1507 году! А сейчас на пороге нового столетия люди чаще стали задумываться над тем, что не во всем прогресс является прогрессом, и пытаются кое-что из утерянного и порушенного вернуть, восстановить, возродить на потребу сущего и духовного.

У свободного аэростата была своя пламенная история. Идея создания аппарата легче воздуха витала в умах несколько веков. Архимед вывел закон: всякое постороннее тело, погруженное в жидкую или газообразную среду, теряет в своем весе столько, сколько весит объем жидкости или газа, вытесненный данным телом. Так что братья Жозеф и Этьен Монгольфье начинали не на пустом месте. Они знали: нагретый воздух легче холодного, поэтому и стали клеить свой монгольфьер.

За полетом первых аэронавтов Пилатра де Розье и маркиза д'Арланда 21 ноября 1773 года следил знаменитый исследователь атмосферного электричества и один из авторов Дек-

ларации независимости США Бенджамин Франклин. Кто-то его спросил: «Что даст человечеству эта новая затея?» Он пожал плечами и ответил: «Кто может сказать, что выйдет в будущем из новорожденного?»

Братья Монгольфье получили от короля (правда, позднее обезглавленного) дворянское звание. На своем гербе они начертали прямо-таки пророческие слова: «Так поднимаются к звездам».

Затем в Лионе Жозеф Монгольфье соорудил шар-гигант. Он мог поднять семь человек. На нем изобретатель намеревался долететь, смотря по ветру, до Парижа или Авиньона. Все пассажиры были высшими аристократами Франции. В толпе провожающих никто не заметил неизвестного молодого честолюбца с горящими глазами. Он страстно мечтал о полете, но у него не было надежды очутиться в числе избранных. Тогда парень забрался на забор, отделявший аэростат от публики, и в момент подъема вскочил в гондолу. Лишняя тяжесть оказалась роковой. Монгольфьер лопнул. Удар о землю был настолько силен, что Жозеф Монгольфье выбил три зуба, остальные воздухоплаватели получили вывихи и ушибы.

Прошло несколько лет. Физик Жак Шарль предложил вместо нагретого дыма наполнять оболочку водородом. Это позволило вчетверо уменьшить объем. Для увеличения дальности полета Шарль применил балласт в виде мешочков с песком. Гондолу подвесил не к нижней части оболочки, а к сетке, накинутой на оболочку,— тяжесть гондолы теперь равномерно распределялась по всему шару. Шарль сообразил сделать отверстие снизу — через него аэростат наполнялся газом, а при избыточном давлении газ улетучивался в атмосферу. Наконец он же применил якорь, чтобы цепляться при спуске и останавливать аэростат даже при сильном ветре. Такая конструкция почти в неприкосновенности прожила более столетия.

Перед полетом 1 декабря 1783 года Этьен Монгольфье передал Шарлю записку: «Вам надлежит открыть путь к небесам».

Недалеко от привязанного аэростата стояли на кострах бочки с железными стружками. Туда лили соляную кислоту, и разогретый газ через шланги утекал в оболочку. Когда аэростат обрел форму огромного овала, напоминающую яйцо, Шарль с помощником Робером залезли в корзину, отрубили концы...

«Ничто не может сравниться с тем радостным состоянием, которое овладело мною в тот момент, когда я улетал с земли,— писал знаменитый физик.— Это было удовольствие, это было блаженство... Счастливо избежав преследование и клевету, я чувствовал, что я один за себя отвечаю и нахожусь над всеми. Это чувство морального удовлетворения сменилось затем

еще более живым чувством восторга перед велнчественным зрелищем, которое открылось иашим взорам. Внизу со всех сторои мы виделн лишь головы зрителей, вверху — безоблачиое иебо, вдали — роскошные вниды...»

Через два с четвертью часа аэростат спустнлся в сорока километрах от места взлета. Вскоре прискакалн на лошадях поклонники воздухоплавания герцогн Шартрский и Фиц-Джемс с англичаиином Феррером. За шаром они гналнсь верхами.

Робер сошел с гондолы.

Облегчеиный аэростат рванулся в небо. Шарль упустил из виду, что уменьшенне веса сильно влияет на подъемную силу. Вес помощника он не заменнл соответствующнм количеством балласта, и потому за десять минут взвился на высоту в три километра. Аэростат сиова осветился лучами солнца, уже зашедшего для жителей окрестных городков. Однако Шарль ие потерял присутствия духа. Ощутнв резкую боль в ушах, появившуюся от уменьшеиия давления воздуха на высоте, он начал предприинмать попытки вернуться на землю. То открывая клапан и выпуская газ, то сбрасывая мешочки с песком, ои пролетел более двух часов и мягко опустился иа крестьянском поле.

Жак Шарль стал первым воздухоплавателем, кто сумел *управлять* «игрушкой ветров» — так прозвали тогда аэростат. Но, видимо, ои был сдержаиным по иатуре человеком. После этого полета Шарль ни разу больше ие подиимался в воздух.

Великий Гете тоже не удержался от соблазна позабавиться моигольфьерами. Не только поэт, но и прекрасиый физик и естествоиспытатель, он склеил иебольшой шар, который долетел до крыши Веймарского дворца.

Увлечение монгольфьерами докатилось и до России. В день именин Екатернны II 24 иоября 1783 года для потехи запустили шар, раскрашенный в яркие цвета. Воздух в его оболочке иагревался от углей в жаровие. Однако мудрая царица, памятуя о том, что ее нмперия не каменная, как Европа, а больше деревянная с соломенными крышами, издала указ, «чтобы никто ие дерзал пускать на воздух шаров под страхом уплаты пени в 25 рублей в приказ общественного прнзрення и взыскания возможных убытков».

В то время в Европе гремело имя воздухоплавателя Блаишара. Он проводил показательные полеты в Нюриберге, Лейпциге, Берлние, перелетел из Дувра в Кале через Ла-Манш и возиамернлся блеснуть в Петербурге. Светлейший князь Александр Андреевич Безбородко, занимавший при императрнце пост секретаря н фактически руководивший российской внешней политнкой, написал тогдашиему послу в Пруссии графу Сергею Петровнчу Румянцеву: «Ея Императорское Величество, уведомясь о желанин известиого Блаишара приехать в Россию, Высочайше повелеть соизволила сообщить вашему

сиятельству, чтобы вы ему дали знать об отложении такового его намерення, нбо здесь отнюдь не занимаются сею илн другою подобною аэроманиею, да и всякие опыты оной, яко бесплодные и ненужные, у нас совершенно затруднены».

Лншь Александр I снял запрет с воздухоплавания. В 1803 году Россню посетил опытный аэронавт Гарнерэн. В прнсутствии всей императорской семьн он поднялся на воздушном шаре. Западный ветер на высоте встревожил его. Воздушный поток нес в Ладогу и глухомань заозерья.

В памяти Гарнерэна еще жило воспомннание о том, как в 24 километрах от Парнжа невежественные крестьяне, напуганные видом с неба свалнвшегося чудовнща, расстрелялн и изодрали в клочья оболочку шара. К счастью, в гондоле не было аэронавта. Его непременно сожгли бы на костре как колдуна.

Гарнерэн всполошился при виде удалявшегося города и прервал полет. Позднее он оправдывался: «Я боялся залететь слишком далеко частью в рассужденнн неудобства местоположений, частью же по причнне нензвестностн образа мыслей деревенских жителей той страны при виде толико нового и чрезвычайного для них зрелища».

Спуск прошел вполне благополучно в лесу близ Малой Охты, причем, как с некоторым уднвлением вспоминал Гарнерэн, «случившиеся тут крестьяне оказали нам скорую со своей стороны помощь и не изъявили ни боязни, ни удивления, вндя нас ниспускавшимися с неба».

Ну а с маэстро Бланшаром, тем, кого не пустила в Россию Екатерина II, случилось следующее: после блистательных выступлений в Европе он переехал в Америку. Завоевателям Нового света, поднаторевшим на истреблении индейцев, подавай чего-ннбудь такое, что щекотало бы нервы. Бланшар впал в отчаяние и вскоре умер. Тогда его дело продолжила жена. На ее представлении азартные янки швыряли кожаными мешочками с золотым песком н палилн из пнстолетов. Не удовлетворившнсь простымн полетамн, жена Бланшара решила однажды пустить нз корзины фейерверк. Ракета попала в оболочку, наполненную водородом, а этот газ взрывается сильней гремучей ртутн. Несчастная воздухоплавательница упала на крышу дома, а оттуда на мостовую... Это была первая жертва среди женщин, но далеко не последняя, поскольку необузданный и непредсказуемый нрав «слабого пола» издавна удивлял нашего брата...

Я уснул незаметно, как бы растворившись в тумане. Встревоженному предстоящими событиями, мне снились чудакн в парнках н камзолах. Старорежимные дамы в одеждах римскнх матрон парилн по воздусям, а за ннмн сквозь мерзопакостную окклюзию наблюдал подполковник Лящук, он же Громобой. Перед утром приснился Сенечка. Почему-то на садовой скамье в мокром парке.

2

Проснувшнсь, я сразу же вспомнил о нем. Поискам решил посвятить этот день. До начала работы сделал обход по корпусам, выключил ночное освещение, включил, где надо, дневное. Первую наводку дал Артур: он сказал, что когда-то Семен работал в летном отделе Обсерватории. Стало быть, в отделе кадров должен сохранnться его домашннй адрес. Я предстал перед кадровичкой и спроснл, где живет Волобуй.

— Это еще зачем? — сердито спроснла она.

— Питаю интимный интерес.

— Мы справок не даем.

— Насколько мне иэвестно, Волобуй не из эстрадных певцов и не знаменитый писатель, скрываться от поклонников ему не к чему.

— Бросьте хамить! — одернула кадровичка.

Пришлось выкатиться несолоно хлебавши. Отпор схлопотал по собственной вине. Везде и всюду нужен подход. Не надо мешать людям быть добрыми. Собеседник нахмурился — ты улыбнись, он улыбнулся — ты расплывись еще шнре.

К счастью, Волобуя помнил вахтер в проходной. Он объяснил, где тот жил раньше. С трудом, но все же я отыскал пятиэтажку, остановился у двери, собрался с духом. На меня подозрительно смотрел матовый, как бельмо, глазок. Нажал на кнопку. За толстой дверью мяукнул колокольчик. Звякиула цепочка. Проем заслонила рослая, под метр восемьдесят, женщина в тигровом халате. Ее лицо было намазано кремом.

— Семен Семенович Волобуй здесь проживает? — спросил я, прндав голосу воркующие нотки.

— «Проживает»,— хмыкнула женщина и посуровела.— Ночует иногда, а не проживает. Как постоялец какой-то.

Женщина распахнула дверь. В комнате было тесно от ковров и стенок, где за стеклом, как в музейной внтрине, красовалась фарфоровая и хрустальная всячина.

— Вы его друг? — спросила женщнна, глазамн показав на уннтазоподобное кресло — последний крик моды.

— Нет, но мне поручнл разыскать его Артур Николаевич.

— Зачем это вдруг Воронцову понадобился Сенечка?

Я развел руками и чуть не смахнул статуэтку иа подставке.

— Где же иайти его?

— Он работает на «Мосфильме».

— Снимается?

— Не знаю, что уж там делает, но пропадает днями и ночами.

Теперь возникла проблема: как пробиться на «Мосфильм»? По телефону справок не дадут. Чтобы выписалн пропуск, нужна уважительная причина. С кино, кроме чнсто зрительского,

я ннкакого дела не имел. Но тут вспомиил давиего приятеля Валеитииа Виноградова. Ои должеи сиимать фильм «Земляки» по сценарию Василия Шукшииа. Если помиит читатель, там речь шла о сложиых взаимоотиошеииях старшего брата, уже подпорчеииого городом, с младшим, деревеиским. Позвоиил Валеитииу и попал в точку. Тот как раз искал родителя этих братьев. Сфотографировали одного актера с бородой н малеиькими хитроватыми глазками. Не то.

— Тебя попробуем иа отца,— сказал Валеитии и заказал пропуск.

Да мне хоть иа Гамлета, лишь бы попасть на студию.

В проходиой выдали разовый пропуск-картоику. Поплутав по темиым и грязиым коридорам, наткиулся иа комиатку съемочиой группы. Какая-то цветастая дева, тяжело хлопая наклееииыми ресиицами, сиизошла — провела в павильон.

Среди строительиых лесов, подпорок, пыльных задииков, кабелей и юпитеров стояла деревеиская изба, точиее, три стеиы без потолка с окиами, тюлевыми заиавесками, стол с остатками еды, чашка с кутьей. Только что похороиилн отца. Пылкий, взрывиой Сергей Нкконеико играл младшего брата. Актер был взвиичеи. Предстояла трудиая сцеиа. Ои приходит с кладбища, садится иа лавку — разбитый, одииокий, и тут видит приехавшего брата, запоздавшего в дороге. Должеи зарыдать и произиести фразу: «Все тебя ждал. Последиее время аж просвечивал...» Сказать ие просто с глазу иа глаз, а через перебивку — за кадром. В кадре же должиа возиикиуть фотография отца иа стене.

Увидев меня, Валеитии покрутил шеей и крикнул кому-то:

— Боря, изобрази!

Та же девица, как я поиял, ассистеитка режиссера, увела в костюмериую. Выцветшая и самая большая по размеру гнмнастерка все равно оказалась мала, ио сиимут-то до пояса, сойдет и такая. Однако костюмерша огорчилась. Свое дело оиа исполияла ревностио: тщательно пришивала подворотиичок, прикалывала гвардейский зиачок, медаль и ордеи «Славы», долго прилаживала погоиы.

Фотограф Боря тоже вертел меия так и этак, меиял свет, объективы, иакоиец щелкиул раза три и отпустил с миром.

Я вериулся к Валеитииу, объясиил свою цель. Но тот отрешеиио посмотрел сквозь меия, пожал плечами:

— Поищи по цехам, время у тебя есть.

Я еще покурил в закутке с флегматичиым Неведомским, игравшим старшего брата, и отправился на поиски Волобуя. Ход моих мыслей был таков: где в кино может подвизаться бывший летчик и аэроиавт? В съемках фильма на авиациоиную тему. Прошел по всем корпусам, этажам и коридорам, посматривая на времеииые таблички иа дверях съемочиых групп,

где указывалось рабочее назваиие фильма. Думал, что картииа должиа имеиоваться не иначе как «Небо зовет», «Барьер неизвестиости», «Там, за облаками» или что-то в этом роде. Похожих иазваиий не оказалось. Стал пытать счастья у встречиых и курящих в отведениых для этого местах. Отвечают: Жору Буркова, Леию Куравлева, Кешу Смоктуиовского знают, а Волобуй — иезиаком. Посоветовали искать во вспомогательиых цехах. Их иа «Мосфильме» более десяти...

Вдруг где-то иа задворках зашелся в треске зиакомый М-11. Такие стосильиые моторы стояли когда-то иа «кукурузиике» ПО-2 и спортивиых «Яках». Я рииулся иа звук. Продравшись через декорации стариниых причудливых домов, завалы отработавших свое макетов, я увидел палубу миноносца, окатываемую из пожариых шлангов. Ветер от авиациоииого виита хлестал по красиым лицам матросов. Угольиые прожектора метали свет с яростью полудеииого солица. Около укрытых зоитиками киiокамер суетились операторы.

А в теии деревьев иа дощатом помосте иевозмутимо возлежал кряжистый человек в сиией спецовке и летиом шлеме. «Сенечка!» — бухиуло под сердцем.

Режиссер, примостившись иа операторском краие, точно кулик иа кочке, что-то пискнул в мегафои. Из-за рева мотора его иикто ие услышал, но все поияли: объявлялся перерыв. Потухли прожектора, опали водяиые струи, отфыркиваясь и отжимая бескозырки, побежали в бытовку матросы-статисты. Сеиечка ие спеша подиялся с ложа, перекрыл краиик беизобака, мотор сердито пульиул сизым дымом и заглох. Деревяииый пропеллер, обитый по кромке стальиой полосой, пружииисто остаиовился.

— Через десять мииут дубль! — иакоиец прорезался режиссерский мегафои. Краи опустил свой хобот, ссадив оператора-постаиовщика и режиссера иа землю.

По виду иикак иельзя было определить возраст Сенечки. Ему можио было дать и тридцать и пятьдесят. На плоском загорелом лице совсем ие было морщии. Одиа кустистая бровь высоко подиималась иад другой, придавая лицу иасмешливо-удивлеииое выражеиие.

— Здравствуй, Сеня,— поздоровался я, приблизившись.

— Привет, коль ие шутишь,— ответил ои, силясь поиять, где мог со миой встречаться.— Ты как меия иашел?

— Дома был.

По лицу Сеии пробежала теиь.

— Так ты ветер здесь делаешь?

— Бесцеииый человек,— миогозиачительио поднял палец Сенечка.— Скучиый кадр без воды, без бури. Заболеет режиссер, все равио сиимут, я исчезиу — замеиить некем.

— Тебя Артур Николаевич ищет...

Эта весть, неизвестно почему, сильно встревожила Сенечку. Лицо его посветлело, он заморгал быстро-быстро:

— Зачем, не сказал?

— Хочет лететь на аэростате.

Сенечка выхватил из кармана сигарету, ломая спички, прикурил. Сигарета оказалась с дыркой, швырнул ее в кусты, торопливо достал новую.

— И меня, конечно, вспомнил? Я ведь один остался из летавших.

Он ловко сбросил спецовку, надел брюки, пиджак.

— А дубль?

— Черт с ним, едем к Артуру!

— Он велел прийти завтра.

Сеня разочарованно затоптался на месте, еще раз внимательно посмотрел на меня и вдруг вскрикнул:

— А-а, вот где я тебя видел! У Артура на фотографии! Вы вместе снимались, когда были курсачами.

— Ну а я о тебе слышал не только от Артура.

— Были времена...— Сенечка опять влез в свой комбинезон, открыл краник подачи топлива, подсосал бензин в карбюраторы.

Операторская стрела снова вытянула хобот.

— Внимание массовке! — загрохотал режиссерский мегафон.— Сейчас пиротехник сделает небольшой взрыв. Больше прыти! Вы в бою!

Рабочие поставили свет, ассистенты оператора замерили расстояния от камер до объекта съемки. Гримерши с картонными коробками подмазали грим, костюмерши подправили бушлаты, бескозырки...

— Что снимают? — спросил я Сеню.

— «Моонзунд».

Сеня застыл у своего аппарата, как спринтер на старте. В руках он держал резиновый амортизатор, накинутый на конец пропеллера.

— Ветер, Сеня!

Он рванул амортизатор на себя. С чохом взвыл двигатель, готовый слететь с моторной рамы. Тугая струя горячего воздуха разметала водные струи из брандспойтов.

— Мотор!

Хлопнул взрыв-пакет, выбросив ядовито-белое облако. По жестяной палубе заметались матросы, разбегаясь по своим постам. Тяжело заворочался задник с грубо намалеванным свинцовым небом и морем, создавая иллюзию штормовой качки.

Сеня забыл надеть шлем. Ветер растрепал волосы — не то пегие, не то седые, и в этот момент я подумал, что он тоже из лихого племени флибустьеров, которые еще не перевелись на земле.

После съемок мы зашли в павильон, где Валентин Винградов работал с эпнзодом встречи двух братьев. На декоратнвной стене в обрамленин черной ленты уже висел мой портрет: в расстегнутой гимнастерке, с простецкой ухмылкой в победном сорок пятом.

3

Я заступил на дежурство н на другой день, решив накопить побольше отгулов. Сенечка появился в нашем подвале чуть свет. Вскоре пришел и Артур. Мы отправились на окраину бывшего летного поля, теперь заросшего лопухами, осотом, викой. Там за кладбищем использованных баллонов, бочек и разбитых самолетов стоял похожий на зерносушилку эллинг. Подходы к нему ограждала колючая проволока.

Распугав ораву одичавших котов, мы сбили с дверей окаменевший от ржавчины замок и вошли в гулкую, сумеречиую пустоту. Тленом веков дохнуло на нас. Стекла окон наверху были целы, но пропускали мало света от плотных наслоений пыли. Сюда ие задувал ни ветер, ни снег — было сухо, как в пирамиде Хеопса. Вдоль стен тяиулись стеллажи из потемневших досок. На них лежали бухты веревок и тросов, связки деревянных блоков — кневеков. Рядом стояли банки с олифой и краской, мастикой и клеем. Сверху посреди зала свисала цепь подъемной лебедки. Сеня потянул ее, зазвенели стальные звенья. По рельсам наверху побежали катки. Испуганио заметалось эхо под крышей. Тяжелой рысью промчалнсь по доскам жирные коты. Эти звери, видно, рождались тут, взрослели, размножались, непонятно что ели, но явно не бедствовали, проживая дерзкой и дружной коммуной.

Под огромным брезентовым чехлом покоилась серебристая оболочка аэростата. Мы стянули брезент, взвихрив тучу пыли.

— Она, родная,— с волнением прошептал Сенечка.

В клубке спутавшнхся веревок сетки он нашел металлическое кольцо клапана, привязал к крюку подъемннка н стал быстро перебирать цепь руками. Прорезиненная шелковая оболочка, как бы просыпаясь от долгого сиа, медленно вытягивалась ввысь, низвергая с себя потоки пылн, талька и алюмнниевой краски. Ее верх достиг потолочных балок эллинга. Сеия застопорил подъемник, по пожарной лестнице поднялся туда же. Балансńруя, как канатоходец, прошел по рельсам, проложенным под опорными балками, н закрепил оболочку в подвешенном состоянии. На первый взгляд она совсем не пострадала. Спасли ее, наверное, вездесущие кошкн, вытёсненные нз деревенских домов иовостройкамн Подмосковья н разогнавшне обитавших здесь мышей н крыс.

Основные ворота эллннга раздвнгалнсь с помощью элек-

тромотора. Минуя подсобку, мы прошли в небольшую, но довольно просторную мастерскую. Добрые люди, конечно же, растащили инструмент полегче, раскурочили фрезерный и токарный станки, однако снять тиски, уволочь наковальню они не смогли. Молча мы опустились на побуревшую скамью. В глазах все еще стояла могучая оболочка, вытянувшаяся вверх.

— Не уверен, что эта хламида может полететь,— наконец подал голос Артур.

— Захотим — полетит,— резонно заметил Сенечка, кажется, он обиделся за уничижительную «хламиду».— Добудем компрессор, накачаем покрепче, узнаем, где утечка, и поставим заплаты...

Артур раскрыл блокнот:

— Давайте составим список дел, прикинем сроки, стоимость.

— Ну, для начала надо узнать, на чьем балансе висит вся эта аэронавтика,— сказал я, кивнув в окружавшее пространство.

— Сам шар дважды, не то трижды списывали! — загорячился Сеня.

— И все же лучше уточнить. Ничейный — еще не значит: наш.

— Это я узнаю, в архиве меня должны помнить!

— Я займусь организационной стороной,— проговорил Арик.

Мне же предстояло протянуть в эллинг кабель, восстановить электричество, привести в порядок растерзанные станки, потом присоединиться к Сенечке в ремонте оболочки и такелажа.

— Ему тоже надо какую-то должность,— посмотрел я на Артура, в котором впервые мы почувствовали командира.

— Пойдешь сантехником?

— Да хоть домовым! — воодушевленно ответил Сеня.— Виолетту ставлю на диет-т-ту, объявляю вегетарианский месяц!

— А кино?

— Ухожу в бессрочный! Пусть штилюют! Ветер нам понадобится на небесах!

— Главное, товарищи-новобранцы, никого не посвящать в наши дела до поры до времени. Иначе задавят в зародыше, наплюют и растопчут. Научное обоснование к полету дадут Гайгородов, Комаров, Балоян. Они из зубров — помогут!

Артур был прав. Все делать самим. По горькому опыту мы знали: подключим организации — задушат накладными расходами, завалят бумагами, растащат весь пыл на доделки, согласования и, в конце концов, погубят здоровое начинание. Будем рыть каждый свою норку как кроты. Ну а уж потом поглядим — под чье начало подвеситься. Не получится с Обсерваторией, подключим спортивные организации — запустил

в небо аэростат, и те, кто готовится стать парашютистом, пусть прыгают с гондолы — без всякого расхода горючего и моторесурса. Короче, не мытьем, так катаньем, но вытащим аэронавтику из небытия.

— Кстати, где гондола? — встревожился Артур.

В поисках гондолы наткнулись в эллинге еще на одну дверь. Ее запирала пластина из рессорной стали и амбарный замок, который был в ходу у простодушных лабазников. Пришлось сбегать за ножовкой в свой подвал. По дороге я приметил трансформаторную будку. Оттуда к эллингу должен идти кабель. Надо спросить Зозулина — убрали его или нет, когда списывали эллинг с баланса. Старик должен помнить. Сталь у замка оказалась кованой, современное полотно ножовки садилось быстро. Долго ли, коротко ли, но замок одолели, монтировкой разогнули скобу. Распахнули дверь. Тесный бетонный коридорчик уводил под землю к еще одной двери, однако не такой уж прочной. Справившись с ней, мы обнаружили склад. Кто там был в последний раз? Гайгородов, знаменитый воздухоплаватель Зиновеев, аэронавт Полосухин или еще кто из старых пилотов? Ясно одно, кто бы то ни был, но уходил отсюда с надеждой, что объявятся новые сумасброды, которые попытают счастья, как и они, вернуться к свободным полетам на воздушном шаре.

На стеллажах торпедными головами лежали баллоны, обильно смазанные тавотом. Баранками висели связки запасных блоков, карабинов, колец. Удавом темнел толстый гайдроп[1]. Было и два якоря, похожих в полумраке на камчатских крабов. В одном из ящиков были упакованы брезентовые мешочки для балласта, в другом — покрытые металлической стружкой экраны-флюгеры для пеленгации.

А в углу стояла целехонькая новая корзина, переплетенная для большей прочности парашютной тесьмой. Она была рассчитана на троих. Сенечка легко вспорхнул в нее и долго возился там, точно наседка в гнезде.

— Она, милашка,— подал он голос минуту спустя, затем вылез из гондолы, уселся на бухту гайдропа.— Основа для оснащения аэростата есть. Можно что-то подклеить, покрасить, испытать на прочность. Но одного существенного механизма я не заметил. А он был у нас. И, представьте, работал.

Артур вопросительно взглянул на него, но Сенечка озирался по сторонам и молчал.

— Не тяни за хвост! — не выдержал Артур.

— Нет компрессора!

— Стоп! — Артур наморщил лоб.— Год назад для подстанции рыли котлован и какой-то компрессор потрескивал.

— У рабочих мог быть свой компрессор.

[1] Гайдроп — веревочный канат для облегчения посадки аэростата.

— И все же сходим туда. Вдруг...

Когда мы закрыли двери и собрались уходить, всем сразу пришла одна и та же мысль: а кто будет охранять найденные сокровища? Увидев движение у заброшенного эллинга, обсерваторцы просто любопытства ради растащат все оставленное для нас неведомым капитаном Немо. А в наше время обыкновенный пеньковый конец найти трудней, чем электронно-вычислительную машину. Если оформить Волобуя, скажем, не сантехником, а сторожем, то надо пробивать через начальство дополнительную должность, хоть и копеечную, не обременительную для многомиллионного бюджета, но ощутимую в глазах всевидящего контрольно-финансового ока. Придется брать на баланс все хозяйство, назначать комиссию, которая провозится с пустяковым вопросом не меньше месяца. Так что идея со сторожем отпала. Пусть Сенечка идет в Обсерваторию сантехником. В крайнем случае я подменю его.

Сеня извлек из своего кармана припасенный кусок пластилина и на всех дверях поставил пломбы, тиснув обычным пятаком. Случалось, такие пломбы держали крепче любых запоров.

Компрессор мы обнаружили там, где рыли котлован. В бурьяне неподалеку валялся автомобильный мотор от него. Все, что поддавалось ключу и молотку, было отвернуто, согнуто, оборвано. Но уцелели остов, блоки, маховики. Короче, был скелет, на котором мы полегоньку-помаленьку нарастим мясо. Кто дерзает, тот живет!

4

Без раскачки, по-авральному мы взялись за работу. Сенечка сумел оформиться переводом, поклявшись при надобности откликнуться на зов искусства. Я сбегал в хозяйственный магазин, купил замки и подвесил к пломбам для надежности. Улучив момент, когда старик Зозулин после обеда впал в блаженное сомнамбулическое состояние, я навел его на приятные воспоминания. В войну ополченцем старик служил в противовоздушной обороне, получил медаль, когда какой-то нахальный гитлеровский летчик на бреющем срезался на тросе аэростата, расчетом которого командовал Зозулин. Хотя я работал четвертый день, он успел уже дважды рассказать эту историю, однако я выслушал ее со всем вниманием и в третий раз, а потом перевел разговор на эллинг.

— Ну, как же! — Зозулин надул щеки.— Здесь делали аэростаты «СССР» и «Осоавиахим»...

— Туда кабель проходил?

— Он и сейчас есть.

— Где?!

— Должен идти от трансформаторной.

Я помчался к будке и обнаружил отсоединенный конец кабеля, замотанный изоляционной лентой, как культяпка. Потом нашел ввод в эллинг.

Обесточенные провода подвел к рубильнику. Вооружившись переноской, кусачками и отверткой, вернулся к трансформаторной будке и, прозвонив концы, подсоединился к сети. Опять побежал к эллингу, а это побольше километра, сунул провода переноски к клеммам — вспыхнула лампочка. На всякий случай поставил новые предохранители, надел резиновые перчатки и рванул рукоятку рубильника вверх. Эллинг озарился огнями.

Отныне у нас появилась своя крыша над головой. Сенечка, кажется, даже собрался переселяться сюда со всеми манатками. Однако какое-то дурное предчувствие удерживало его от этого шага. На меня же дома давно махнули рукой — я бродил и ездил, выискивая самые глухие места.

Работа в научных учреждениях имела одно весьма ценное преимущество. Хозяйственные организации более или менее централизованно, даже планово, вывозили металлолом и другую заваль. Обсерватория же за пятьдесят с лишним лет существования обросла свалками, как корабль ракушками. Не выходя за пределы территории, мы набрали все недостающие детали для станков, мотора и компрессора. Сначала заработал токарный ДИП, помнивший лихие времена периода реконструкции, потом присоединился к нему флегматичный фрезер. А уж на этих-то агрегатах мы смогли бы сварганить не то что мотор, а орудие любой системы и даже танк.

Осветившийся и подававший звонкие производственные шумы, эллинг привлек внимание разного люда Обсерватории — умельцы были в каждом отделе и всегда кому-то что-то было надо. На заросших тропинках мы выставили трафаретки: «Посторонним вход воспрещен!» Но эти таблички возымели обратное действие. К эллингу шли уже не только страждущие, но и любопытные. Сенечка бесился.

И вот однажды он приволок огромную образину, имевшую дальнее родство с мохнатой кавказской овчаркой, пегим догом и рыжим боксером. От разнолких предков эта собака унаследовала самые отвратительные черты. Мало того, что она была страшна, как собака Баскервилей,— она много жрала, опустошая наши съестные запасы, гоняла котов, вызывая их яростные вопли.

Но у нее было и достоинство. Она *о т п у г и в а л а*. Завидев человека, размечтавшегося разжиться у нас какой-нибудь деталькой, она мчалась ему навстречу, оскалив пасть, высунув лоскут красного языка и не издавая лая. Она взвивалась на дыбки перед обезножившим от неожиданности и страха страдальцем и клацала клыками, точно капканом. Не в силах сбавить скорость,

псина описывала длинную петлю для повторной атаки. Этого мгновения хватало человеку, чтобы выпасть из обморочного состояния и сообразить, что делать дальше.

До преследования жертвы пес не опускался. Вскинув ногу, он сердито делал отметку на границе своих владений и отбегал на облюбованный им взгорок, откуда хорошо просматривались подходы к эллингу.

Чтобы узаконить для него это место, мы соорудили будку. Оставалось дать ему имя. Мы заранее отказались от разных «джеков», «рексов», «джимов». Требовалось простое и звонкое, но которое бы подходило к физиономии пса.

Из затруднения вывел Артур. При виде нашего командира у безродного пса обнаружился еще один изъян. Он оказался подхалимом. Уж не знаю, что начальственного учуял пес в тощей фигуре Арика, но он выскочил из своего логова с радостью, с какой эскимос встречает луч солнца после полярной ночи. Барабанно забил хвостом, выколачивая блох, подал голос — скрипучий, нутряной, чуть ли не блеющий.

— Митька,— Артур потрепал загривок увивавшегося у его ног пса и воззрился на нас, остолбеневших от этой сцены.

— Ты знаешь эту собаку? — наконец спросил Сенечка.

— Первый раз вижу.

— А откуда кличка?

— А разве он на Митьку не похож?

— Но ведь этот террорист вогнал в страх всю Обсерваторию!

— Мне уже жаловались и грозились...

— Тогда почему он тебя не съел?!

— Потому что, в отличие от вас, у него развито чувство субординации.

Так пес обрел имя. Чуть позже мы полюбили его. В собачьем роду он прослыл бы умницей. Митька признавал только нас троих. Очевидно сообразив, что кошачья стая тоже имеет какое-то отношение к эллингу, он смирился и с кошками. А когда мы поставили его на скромный, но по-солдатски сытный рацион, он перестал сжирать наши бутерброды. Разгладилась, масляписто заблестела шерсть. У него даже появилась благородная осанка, а морда приобрела выражение значительности, как у метрдотеля. Вот что значит, когда собака чувствует себя при деле!

Потихоньку мы перебрали мотор, завели его и, поставив на обкатку, взялись за компрессор. Он был хотя и старой конструкции, но довольно мощный. Три тысячи кубов мог накачивать минут за двадцать. Нам важно было надуть оболочку, проверить крепость швов и поставить заплаты там, где мог вытекать газ. А уж потом заняться покраской. Осматривать ее решили при помощи люльки, подвешенной к балке под крышей эллинга.

Артур тем временем начал сколачивать группу энтузиастов аэронавтики, чтобы ломиться в дверь к начальству не в одиночку, а дружиной единомышленников. Среди ученых оказались люди, сами летавшие на аэростатах. Их не надо было убеждать. Они впадали в состояние эйфории, вспоминая святую молодость, и обещали всяческую поддержку. Особенно ценимыми оказались советы Гайгородова, старого аэролога, воздухоплавателя, спартанца-полярника. Маленький, подвижный, с добрым, истинно русским лицом и веселыми морщинками вокруг глаз, Георгий Михайлович отвел Артура в уголок и сказал:

— Вам надо продумать основные проблемы нынешней метеорологии. Их накопилось вагон и маленькая тележка. Лакмусовая бумажка — повсеместное повышение углекислого газа в атмосфере. Заводы, нефтепромыслы, теплостанции вносят свою долю калорий в общее потепление климата. Отсюда прогрессирующее количество ошибок в долгосрочных прогнозах, отсюда возникновение непредсказуемых катаклизмов в природе.

— Это слишком огромная задача...— смешался Артур.

— А вы дерзайте! Чем смелее проект, тем легче пробить его в жизнь. Каждый отдел отдаст вам свой круг проблем. Мы их обобщим на ученом совете и составим проект письма в высшие сферы.

— Не рано ли?

— Боитесь, ощиплют, пока не обросли перьями? — прищурился Георгий Михайлович.— В последний раз я летал на аэростате двадцать пять лет назад. Не все удалось использовать в статьях, но записи я сохранил. Даже если вы проведете исследование по моей программе, то сразу увидите разницу в показаниях. Данные за четверть столетия наведут на серьезные размышления. Помните девиз на гербе Монгольфье?

— Си итур ад астра...

— Вот и поднимайтесь к звездам. Пора!

5

Шесть тысяч лет назад вавилоняне уже записывали на глиняных дощечках приметы. Цветное кольцо вокруг солнца, например, предвещало дождь. Наблюдали за погодой древние индусы, китайцы, египтяне.

В Элладе на людных площадях выставляли особые календари, где указывали направление и силу ветра. Прежде чем выйти на свой промысел, мореходы и рыбаки посылали на площадь мальчишек.

Отменные тресколовы с Фарерских островов, расположенных в 250 милях к северу от Британии, перед выходом в море смотрели, как ведут себя овцы. Если животные мирно щипали траву, фаререц смело отправлялся на лов. Но если они лежали,

вытянувшись цепочкой, то следовало ожидать шторма с той стороны, куда были обращены их головы. Низкорослые, коротконогие, как таксы, фарерские овцы на продуваемых свирепыми атлантическими ветрами островах не только давали людям шерсть и мясо, но еще служили и как барометр, изобретенный лишь в XVII веке.

Знаменитый математик Леонард Эйлер, наблюдая за полетом воздушного змея, заметил: «Воздушный змей, детская игрушка, презираемая учеными, может дать повод для глубочайших умозаключений». Это высказывание в полной мере можно отнести и к воздушному шару. Первые же полеты на монгольфьерах неспроста встревожили образованный мир. Атмосфера стала предметом пристального изучения.

Чем выше поднимались аэростаты, тем острее вставал вопрос о влиянии высоты на человеческий организм. Путь наверх преградили не только адский холод, но и кислородное голодание.

В 1862 году английский метеоролог Глейшер и его спутник Коксвель достигли огромной по тем временам высоты — 8830 метров. Но этот полет едва не стоил им жизни. Задыхаясь в разреженной атмосфере, Глейшер потерял сознание. А Коксвель, обморозив руки, с трудом дополз до клапанной веревки, ухватился за нее зубами и выпустил из шара водород.

В апреле 1875 года аэронавты Тиссандье, Кроче-Спинелли и Сивель пошли в полет, запасшись тремя мешками воздуха с кислородом. Была ясная, солнечная погода. Аэростат «Зенит» достиг высоты 7 тысяч метров. Термометр показывал минус десять. На экипаж напала сонливость.

Поднявшись еще на пятьсот метров, Сивель с усилием спросил Тиссандье: «У нас еще много балласта, может, сбросить еще?» — «Как хотите»,— ответил Тиссандье. Сивель обрезал три мешочка с песком. Аэростат быстро пошел вверх.

Сначала воздухоплаватели потеряли способность двигаться, затем впали в бессознательное состояние.

Очнувшийся на мгновение Тиссандье нацарапал в бортовом журнале показания барометра — 280 миллиметров, что соответствовало восьми тысячам метров высоты. Потом пришел в себя Спинелли. Он разбудил Тиссандье, но тот не мог ни двигаться, ни говорить. Заметил только, как Спинелли выбросил балласт (тот тоже был в полубессознательном состоянии), и снова потерял сознание.

Придя в себя, Тиссандье попытался растормошить спутников, но у тех лица были черные, изо рта текла кровь. Шар падал. До аэронавта дошла вся угроза опасности. Он выбросил балласт. Корзина с силой ударилась о землю. Ее поволокло ветром, но потом оболочка зацепилась за дерево и распоролась.

Гибель Сивеля и Кроче-Спинелли еще раз напомнила лю-

дям, что у границ неведомого всегда подстерегает смерть. Потрясенные французы соорудили аэронавтам прекрасное надгробие, которое до сих пор стоит на кладбище Пер-Лашез. Гастон Тиссандье утверждал, что от слабости его товарищи выронили изо рта трубки кислородных подушек и погибли от нехватки воздуха. Он же спасся лишь потому, что, придя в себя, снова дотянулся до кислородной трубки.

Еще больший научный эффект в воздухоплавание принесла фотография. Изображение земли с высоты птичьего полета, города, реки, фермы, снятые с непривычного ракурса, размножались в тысячах открыток. На снимки смотрели так же, как мы разглядываем свой круглый голубой дом, сфотографированный из космических далей. Стало возможным запечатлевать и многообразные формы облаков, и рождение циклонов, вихрей и атмосферных фронтов.

В 1880 году благодаря стараниям великого Менделеева, при русском техническом обществе был создан отдел воздухоплавания. Предвидя большую будущность воздушных шаров в исследованиях атмосферы, Менделеев утверждал: «Придет время, когда аэростат сделается таким же постоянным орудием метеоролога, каким ныне стал барометр».

Однажды ученый сам поднялся выше облаков, чтобы увидеть солнечное затмение. Его должен был сопровождать пилот, но в последний момент оказалось, что шар не сможет поднять двоих. Выслушав торопливое объяснение принципа полета, Менделеев полетел один и справился с управлением аэростата как заправский воздухоплаватель.

Обдумывая служебную записку, Артур намеревался изложить эти сведения. Они поистерлись в памяти стариков, а у молодых, нацеленных только на метеорологические ракеты и спутники, наверняка вызовут снисходительную насмешку: «Вы бы еще пращой да в небо...» Но каждый запуск ракеты — это выстрел чистым золотом. Огромный расход не всегда оправдан и полностью не дает того, что требуется метеорологии. Нет, молодых надо сразить чем-то другим...

Истории был известен парадокс. Он связан с именем Феликса Турнашона, человека хлесткого пера, взрывного темперамента и острого ума. Под своими статьями Феликс ставил загадочную восточную подпись: «Надар». Он выдвигал идею управляемого, или динамического, как тогда писали, полета. Чтобы победила новая идея, надо расправиться со старой.

«Причиной того, что в течение многих лет все попытки достижения управления аэростатами гибнут — является сам аэростат. Безумно бороться с воздухом, будучи легче самого воздуха»,— нанес Надар первый удар по аэронавтике в одной из влиятельных парижских газет.

Не удовлетворившись реакцией поклонников воздухопла-

ваиия, Надар в 1863 году издал «Маиифест дннамнческого воздухоплаваиия», в котором предлагал нспользовать мотор, как бы предвещая самолетную н вертолетную эру. Он добнвал приверженцев свободиого полета дерзкимн н чувствительными, как кувалда, ударами:

«Аэростат иавсегда обречеи на иеспособность бороться даже с самыми ннчтожными воздушиымн течеииями, каковы бы ни были те двигателн, которымн вы его снабдите».

«По самой своей коиструкции и в силу свойств той среды, которая его поддерживает н несет по своей воле, для аэростата исключена возможность стать кораблем; он рождеи быть поплавком и останется таковым навеки».

«Подобно тому, как птица движется по воздуху, будучи тяжелее его, так и человек должен найтн для себя в воздухе точку опоры».

«Вннт! Святой виит должен в блнжайшем будущем подиять нас на воздух, виит, который входит в воздух, как бурав в дерево».

Из моторов практически надежно работал в то время только паровой. Для постройки геликоптера с паровым двигателем требовалось миого денег. Мецеиаты ие рисковали. Прижнмистые богачи ие хотели идти иа явную, по нх мнеиию, аваитюру. Народ безмолвствовал. Тогда пылкий Надар иеожидаиио объявил, что ои нашел способ добыть средства. Он решнл построить «Гигаит» — последиий, по его словам, воздушиый шар. С одной стороиы, он рассчитывал, что жадная до зрелнщ толпа даст ему колоссальиые сборы, с другой же — иадеялся, что своим могикаиииом ои окоичательио убьет ннтерес к аэростатам.

На воздушный шар деиьги иашлнсь. На средства, собраииые по подписке, Надар построил шар с гигаитской оболочкой. Гоидола имела вид закрытого домика с окошкамн наподобие иаших прорабских. Она могла вместить до сорока человек. «Гигант» поднялся вечером 18 октября 1863 года. К утру ои уже плыл иад Бельгией. Ветер крепчал. Когда взошло солнце, быстро иагревавшийся шар поиесся вверх. Надар не решился нспытывать судьбу, стал травить газ через клапан. Спуск превратнлся в падеиие. Корзииа-дом стукнулась о землю и, делая скачки, понеслась по тверди, гоиимая бурей. Остановнть бешеную скачку якорямн воздухоплаватель не мог. Аэростат мчался по лесам, пашням, перескочил железиодорожное полотно, оборвал телеграфные провода... Пассажиры сталн выпадать нз домнка однн за другим. Последними осталнсь Надар н его верная жена. Наконец оболочка повисла на сучьях старого дуба...

Но вот какой парадокс уднвил нашего Артура, когда он вспомннл о дерзновенном фраицузе. Вместо того чтобы отвратить людей от аэроиавтнкн н увлечь нх смелой проблемой механического полета, Надар гнбелью своего «Гнгаита» под-

хлестнул интерес к воздухоплаванию. Аэростаты вдохновили и великого фантаста Жюля Верна, засевшего за роман «Пять иедель на воздушном шаре».

...Пока наш ученый друг вел дипломатические переговоры с отделами, уламывал сопротивляющихся, раззадорнвал скептиков, вдохновлял иерешительных, мы тоже не чаи гоняли. Надули оболочку и сразу нашли несколько проколов. Сенечка жирным фломастером отметил места, требовавшие ремонта. Мы зачищали прорезиненную ткань мелкой металлической щеткой, иапильником и шкуркой, обезжиривали ацетоном, накладывали лист сырого каучука с шелковой тканью и приварнвали заплату утюгом с тысячеваттной спиралью. Каучук постепенно плавился, навек срастаясь с оболочкой.

Убедившись в отсутствин посторонних на вверенном участке, прибегал в эллинг Митька, ложился у порога, клал безобразную морду на вытянутые лапы и кроткими, виноватыми глазами смотрел на нас, работавших, как бы говоря: «Я и рад бы помочь, ио не мое это собачье дело».

Самый наглый из молодых котят — Прошка, который, в отличие от других, сам давался нам в руки, приблизился к псу, нервно поводя хвостом и на всякий случай выгнув спину. Его подмывало познакомиться с Митькой, но звериный язык жестов, повадок, взглядов во многом разнился у них, как и у людей, скажем, центральноафриканского племени Або и чистокровных оксфордцев. Однако пес по каким-то ужимкам понял, что у маленького пройдохи чистое сердце. Он лениво шевельнул хвостом: валяй, мол, дальше. И Прошка уселся прямо перед огромной пастью Митьки, бесстрашно сострочв равнодушную мину на усатой мордашке. Пес ткнул его языком, согласный на мирное сосуществование.

На ремонт оболочки ушла неделя. Не скажу, что она была легкой. В те моменты, когда надо быть в эллинге, в туалетах административных учреждений не срабатывали бачки; текли краны; гудели дроссели, содрогая кожуха дневных светильников, нервируя сотрудников; какой-то обормот сжег кипятильник из тех, которыми нелегально пользовались все отделы, отчего вырубились розетки правого крыла главиого корпуса; подоспело время регламентных работ с электродвигателями.

Пыхтел недовольно Зозулин, так возмущаются пенсионеры при виде лихой молодости. В электричестве кое-что он мог бы устранить и сам, так нет! Получив заявку, он названивал в эллинг, куда мы провели телефонную времяику, и, не скрывая злорадства, гудел в трубку:

— В химлаборатории лампа замигала. Надо заменить...

— Ну так замените. Возьмите запасиую, поднимитесь в лифте на третий этаж и вставьте!

— Я не дежурный электрик.

— Ну вы же, Григорьевич, понимаете, не бежать же мне из-за такой ерунды километр от эллинга н обратно?!

Зозулин все поннмал. Но его тяготнло одиночество, приближающаяся дряхлость, когда накатывает горькое созиание, что ничего из прошлого уже не вернешь. Вот и зловредиичал.

Однажды, ожесточившись, я пригрозил в новой киижке вывести отрицательного типа под его фамилней.

— Но у меня внуки, правнуки! — заволновался Зозулии.

— Оии будут стыдиться вас, и в школе все станут дразнить ваших зозулят.

Я уж и сам не рад был, что сморозил такую глупость. Я не предполагал, что в непорочной зозулинской голове в одно мгиовенне пронеслось несколько вариантов отпора иа мой злостиый выпад. Пожаловаться в профком? Но я ие стою там на учете, поскольку принят на временную работу. Обратиться к начальству? Засмеют. Нет факта, вещественного, так сказать, доказательства. Приструнить милицией? А за что? Я не хулиган и не пьяница. Как ни крутил, а оказался наш Зозулни без защиты. Ои, счастливый, ие знал, какие муки претерпевают авторы, пробиваясь через издательские тернии к читателю. Ои простодушно верил в могущество печатного слова. И потому ему стало страшно.

— Не иадо! — с баса он сорвался на петушиный дискант.— Не губи!

— Тогда не зловредничайте,— мстительно проговорил я.— Мы же не только для себя стараемся — для науки! Вы когда-то здесь однн справлялись. Встряхнитесь! Вспомннте молодость! Энтузиазм!

6

— Дурачок, ведомо ли тебе, Зозулин пинком распахивает дверь в кабинет директора? — вспылнл Артур, узнав об инциденте.

— Но Зозулин прекратил звонки!

— Зозулии сейчас звонит в другие места!

Однако старик, сам того не осознавая, с шаткой почвы мечтаний поставил нас иа твердый фундамент реальности.

Наша Обсерватория ие отличалась от любой другой конторы. Слухн о таинственных делах в некогда забытом эллинге поползлн по коридорам, как струйка угарного газа. От незнания рождались легеиды. Предположения высказывались разные. «Самогон гоият, мерзавцы»,— говорилн одни. «И продают в неурочное время по десятке за бутылку»,— добавляли другие. «Не знаю уж что, но химичат налево»,— заверяли третьи. «Говорят, клад ищут, Сенечка, в бытность аэронавтом, там его зарывал» — «Тогда зачем мотор, станки, свет?»

К чести сказать, разговоры велись пока в низах, в среде, так сказать, обслуживающего персонала. На этажах повыше, среди младших научных сотрудников, помалкивали. Там своих забот хватало. А старшие сотрудники, среди которых орудовал Артур, попросту выжидали, чем дело кончится, когда докладная дойдет до начальства

Зозулин, представляя нижний эшелон, тем не менее был вхож в высший, как заслуженный солдат к генералу. Нынешнего директора Виктора Васильевича Морозейкина он знал еще с тех давних времен, когда тот проходил студенческую стажировку.

Но кроме Зозулина, подвальных тружеников связывал с дирекцией подвижный зам по хозяйственной части Стрекалис. Дважды он пытался совершить внезапный налет на эллинг, но был обращен в бегство нашим Митькой. А поскольку все, что крутилось, светилось, двигалось, самообеспечивалось и самоустраивалось, попадало под его начало, то Марк Исаевич усмотрел в наших бдениях нечто незаконное, хищническое. Исподволь набравшись разных слухов, он ринулся к Морозейкину. В кабинете в это время Зозулин чинил селектор. Стрекалис выпалил сведения директору. Член-корреспондент в буквальном смысле витал в облаках, не спускаясь на грешную землю, и, конечно, оробел. Тут-то и подал голос Зозулин:

— Аэростат они делают, а не самогон варят.

Морозейкин недавно что-то слышал об аэростате от Гайгородова, но значения не придал, посчитав вопрос далеким, как следующая пятилетка. Оказалось же, что он стучался в дверь.

— Кто взялся за проблему? — спросил смутившийся Виктор Васильевич.

— Воронцов. И с ним Волобуй и новенький.

— Я не слышал о таких сотрудниках.

— Они оформились временно — один сантехником, другой электриком.

Морозейкин озадаченно почесал кончик носа. Он дождался, когда Зозулин подсоединил клеммы и водрузил на место кожух, нажал на клавишу аэрологического отдела:

— Артур Николаевич? Прошу ко мне!

Уж не знаю, о чем говорил директор с Артутом, только минут через тридцать увидел я своего друга, мчавшегося к эллингу волчьим наметом. Митька увивался рядом, норовил лизнуть лицо.

— Ну, братцы, началось,— задыхаясь, выпалил Артур и свалился на подставленный Сенечкой табурет.

Он поглядел на раздувшееся пузо аэростата с пластырями наклеек, на сетку, порванную в некоторых местах, на ивовую гондолу, покрытую для придания эластичности натуральной олифой.

— Трех дней хватнт, чтобы все это показать в наилучшем виде?

— А сегодня что? — Сенечка уже потерял счет дням.

— Пятница.

— Еслн серебрянки хватит, управимся.

— Тогда все трое засучиваем рукава и — вперед через моря! В понедельннк Морозейкин обещал прибыть сюда.

Шар, надутый воздухом, выдерживал давление в пять атмосфер, туже, чем резиновая камера у большегрузных самосвалов. И все же где-то чуточку стравливал. Сеня в люльке ползал по нему, как черт в рождественскую ночь, прижимал ухо к гулкой утробе, однако утечки не находил. Это его тревожило, хотя запас допуска был огромный.

Мы стали на клею разводить серебрянку. В былые времена она пользовалась славой уникальной краски. Ею покрывали дирижабли, колбасы привязных аэростатов, фюзеляж и крылья самолетов, надгробные тумбы. С добавкой в порошок марганцовкн применялась в фотовспышках, давая сноп мертвенно-голубого огня и дыма. Таинственные благодетели оставилн нам две бочки серебрянки. Но у нас не нашлось краскопульта. Красить кистью долго. Казенные пылесосы запирал Стрекалис, которого мы решили игнорировать. Ни у меня, ни у холостяка Артура пылесоса не было. Волей-неволей пришлось идти домой Сенечке. Простился он с намн грустно, словно предчувствуя погибель.

Часа через два мы увидели его живым и здоровым. Обхватив обеими руками короб с пылесосом, он бежал, странно припадая на ногу, и что-то кричал. Мы превратились в слух. «...тьку спускай!» — донеслось до нас. Тут заметили мы мужеподобную жену Сенечкн — Виолетту Максимовну. Она мчалась иноходью и вот-вот могла настнчь мужа. Потягиваясь и зевая, из будки вылез Митька. Почуяв тревогу, он вопроснтельно посмотрел на меня. Я попридержал его за ошейник н, выждав момент, не шевеля губами, процедил:

— Давай!

В пять прыжков Митька отсек Сенечку от настигавшей супругн. Та развернулась на месте и помчалась прочь, как бы обретя второе дыхание.

Сенечка опустился на землю, загнанно хватая воздух ртом. По лицу тек пот.

— Теперь знает, где я... Сожжет...— с трудом выговорил он.

— А Митька на что?!

Артур, посмеиваясь, обещал пронсшествие уладить.

Пылесос, если к выходному отверстию присоединнть шланг с насадкой-распылителем, творит в покраске чудеса, но в пространствах современной скромной квартиры. Нам же пришлось красить площадь примерно равную яйцеобразной крыше Мо-

сковского планетария. От крепкого ацетонового запаха мы балдели, точно коты от валерьянки. В противогазах работать было жарко и душно, к тому же быстро забрызгивались очки.

Сетку из тонкой, но прочной пеньки мы тоже испытали на разрыв, нашли ее достаточно крепкой. Заделали дыры, стали набрасывать сетку на оболочку, и тут Сенечка, сидя на балке потолка эллинга, обнаружил утечку Воздух просачивался через прокладку верхнего клапана. Ослабли пружины. Дождавшись, когда высохнет оболочка, мы стравили воздух, сняли клапан. Сенечка отправился в кладовую искать запасной, но не нашел.

Было воскресенье. Народ отдыхал, и никто из знакомых помочь нам не мог. Стали искать умельцев-надомников. В заначке одного нашлась эластичная авиационная резина для прокладки, у другого — стальная проволока нужного сечения, из нее мы понаделали пружин. Короче, с клапаном мы возились всю ночь, вклеили его в разрез оболочки, зажали в струбцинах.

Наступил понедельник. А еще надо было накачать оболочку, подвесить гондолу, привести эллинг в божеский вид. Вдруг начальству вздумается осмотреть аэростат с утра? Когда на работе появился Артур, я позвонил ему и рассказал про историю с клапаном. Тот бросился к Морозейкину. Но у директора шло какое-то совещание. Что решают? Однако секретарша Дина Юрьевна, которую звали за глаза Дианой, была неприступней мраморной стены семитысячника Хан-Тенгри.

— Вас не звали, значит, вопрос не ваш,— ответствовала Диана, выбивая на «Эрике» сердитую дробь.

И тут Артур наткнулся на Виолетту Максимовну, одетую во все скромное, как вдова. Супруга Сенечки сидела в приемной, поджав под стул ноги и вытирая глаза кружевным платочком. Артур обрадовался, словно встретил маму. Покосившись на кукольно-каменное лицо Дианы, он выволок Виолетту Максимовну в коридор:

— Вы к директору?

— У меня заявление на Волобуя...

— Морозейкин не поможет. Надо в профком или еще выше — к заместителю директора Марку Исаевичу Стрекалису

Стрекалис был охоч до разных семейных неурядиц у сотрудников. К нему, как к святым мощам, тянулись обиженные жены, кто из мужей получку зажимал, кто уклонялся от алиментов и воспитания детей, а кто и руку поднимал.

У Виолетты Максимовны, узнавшей теперь, что Сенечка вернулся в Обсерваторию, была одна жалоба — почти не бывает дома.

— Может, завел пассию? — спросил Стрекалис.

— Чего-о? — надвинулась Виолетта на щупленького Марка Исаевича.

— Ну, даму сердца, симпатию...

— Нет у него такой и не может быть,— убежденно проговорила Виолетта.— В вашем ангаре днюет и ночует.

— Вот бумага, ручка, пишите официальное заявление...— Скрестив на груди руки, Марк Исаевич продиктовал: — Заместителю директора Обсерватории Стрекалису М. И. Заявление... Настоящим уведомляю и призываю вас принять самые строгие, не терпящие отлагательств меры по отношению к моему мужу Волобую С. С. И далее суть дела...

— Не буду писать,— проникшись вдруг жалостью к своему непутевому супругу, Виолетта отшвырнула ручку, точно змею.

Стрекалис уже вошел в раж и рассвирепел. В это время раздался звонок.

— Я занят! — рявкнул он в трубку, не разобрав, кто звонит.

А звонил Морозейкин. Посмотрев в список неотложных дел, он наткнулся на запись, что следует посетить эллинг. Поэтому решил собрать людей, имеющих отношение к этому вопросу. Нарвавшись на грубость Стрекалиса, по природе тихий, робкий директор настолько смутился, что машинально положил трубку.

Потом он набрал номер кабинета Гайгородова. В этот момент там уже находился Артур и умолял Георгия Михайловича повременить с визитом в эллинг, так как с ремонтом аэростата произошла заминка. Гайгородов понимал, что товаром надо блеснуть, от первого впечатления зависело многое.

— Где-то по Обсерватории бродит американский гость Роберт Лео Смит, собирает материал для книги об экологических проблемах человечества,— вспомнил Георгий Михайлович.— Попробуйте разыскать его — и к директору с вопросником!

— Вы светоч! — обрадованно воскликнул Артур, бросаясь на поиски иностранца.

Смит оказался в библиотеке.

— Вы, кажется, собирались навестить директора?

— Как только мистер Морозейкин будет располагать достаточным временем...

— Считайте, что у Виктора Васильевича появилась свободная минута,— Артур вежливо взял американца под руку.

Когда они зашли к Гайгородову, тот, пряча веселые глаза, сообщил, что директор ждет... Артур проводил гостя до приемной, заметив, как в расписании директорского времени Диана вычеркнула слово «эллинг» и написала сверху «Смит». Время окончания беседы она могла не проставлять. И Морозейкин, и американец, как говорят, сидели на одном шестке, соединявшем биологические законы человека с природными условиями его существования. Так что им предстояло поговорить о многом.

Пена, поднятая Стрекалисом, улеглась сама по себе. Почуяв, под какой удар Марк Исаевич подгонял Сенечку, Виолетта взъярилась. Не учел он того, что Виолетта вела ро-

дословную от конногвардейцев и синеблузниц, от молодежных бригад и покорителей целины. И не ее вина, что, попав в торговую сеть, вовремя не народила детей, а ударилась в хрустальное накопительство, отвратив от себя тем самым Сенечку с его смирным, но флибустьерским сердцем

..Эллинг мы выдраили, как матросы палубу перед адмиральской проверкой. Пахло вымытым содой деревом, вощеной пенькой и олифой.

Сеня смотался на улицу Павлика Морозова, где хранился архив Обсерватории, разжился документами трехкратного списания всего летного имущества, в том числе аэростата, стоившего в былые времена миллионы. Знакомый старичок-бухгалтер по справочнику расценок составил ведомость, рассчитал количество затраченного труда и стоимость материалов, скостил несколько нулей, уплывших во время денежных реформ, и все равно получил порядочную сумму в семьдесят тысяч рублей с хвостиком. По существу, эти деньги свалились на Обсерваторию как манна небесная.

Новый клапан держал воздух крепче винтовой заглушки. В баллонах на складе оказались водород и гелий. Брезентовые мешочки мы заполнили просеянным песком, проверили на точность приборы, которые понадобятся в полете.

Между тем докладная записка Артура уже пошевелила впечатлительное сердце Морозейкина, подбадриваемое вдобавок инъекциями Гайгородова, Комарова, Бадояна и других климатологов. Недавний визит Роберта Лео Смита убедил директора, что на старой арбе нельзя въезжать в грядущий век. Виктор Васильевич, разумеется, понимал, что первыми восстанут против аэростатов авиаторы. Точно так же против них выступали в свое время речники, получившие быстроходный флот на подводных крыльях. Однако ни на Клязьминском, ни на Московском и Истринском водохранилищах не произошло ни одного столкновения с «Ракетой» или «Метеором». Авиационные начальники, конечно, пекутся о безопасности воздушного сообщения. Но пока единичный полет воздушного шара никак не отразится на работе самолетов, тем более что пространства нашей страны не идут ни в какое сравнение с воздушной толкучкой Европы.

Не отвлекаясь ни на какие другие дела, Морозейкин приказал Диане в среду с утра собрать ученый совет Обсерватории. Он зачитал докладную записку Артура о необходимости провести серию метеорологических наблюдений в условиях невозмущенной атмосферы. Большинство ученых принимало непосредственное участие в редактировании записки, так что особых прений она не вызвала. Гайгородов только вскрикнул:

- Давно пора! Спим на продавленном диване прошлого.

— Воронцов утверждает,— сказал Морозейкин,— что для этой цели подойдет наш старый аэростат

— Он давно превратился в прах,— подал голос кто-то.

— Он готов!

Ученые, подогретые репликой Георгия Михайловича, гуськом двинулись к эллингу.

Мы затащили Митьку в будку, посадили на цепь, строго наказав не гавкать.

Вперед вырвался Стрекалис, сделав вид, будто ведет в свои подопечные владения. От грозной, неведомой силы попрятались коты. Я нажал кнопку движка. С мягким гулом разъехались по рельсам створки эллинга. Гости прошли внутрь и оробели перед темнотой огромного цеха. В глубине белело нечто непонятное, космическое. Я включил прожектор. В серебристом блеске, отражавшем горячие световые лучи, заблистало сказочное творение. Накаченная воздухом оболочка в невесомой сетке походила на исполинскую колбу. Подсвеченная еще и снизу, она имела вид воздушный, рождественский, точно елочная игрушка. Аэростат был в полном снаряжении, как воин перед битвой. Накачай его водородом и только — и он полетит

Морозейкин отступил на шаг, снял шляпу, обнажив матовую лысину.

Однако первым пришел в себя Стрекалис. Как председатель комиссии перед сдачей объекта, он подергал веревочные петли для переноски корзины, пнул по ивовому боку гондолы, удостоверяясь в прочности, ощупал мешочки с балластом, пытаясь понять, что там.

— Думаю, как основу, можно принять на баланс,— проговорил он с деловым выражением.

Тут Сенечка потянул его за рукав, показал аккуратно сброшюрованную папку, где жирно была проставлена итоговая стоимость всего сооружения. Марк Исаевич поперхнулся, будто проглотил кость, но в присутствии директора сдержал гнев, кисло бросил:

— Рассмотрим в рабочем порядке.

Гайгородов любовно погладил край корзины:

— Подумать только, сколько прошло лет... А жив курилка!

— Вы считаете, что этот аэростат полетит? — спросил директор.

— Убежден,— ответил Гайгородов твердо и представил нас.— Делали вот эти молодцы! И заметьте, одни, без всякой поддержки, полностью из подручных материалов. Они и полетят!

Я посмотрел на Морозейкина. В его светлых наивных глазах читалась му́ка. Ах, как бы ему хотелось жить спокойно! Согласись он на полет, тогда придется обращаться в Комитет, а может быть, еще выше. И первое, с чем он столкнется, будет отказ: «Вы не осилите расходов», «Зачем ворошить прошлое?», «Выкиньте из головы эту затею!», «Кто из аэронавтов первым

выпадет из корзины? .» Каждый, с кем придется встречаться, изо всех сил, с полным набором аргументов постарается помешать. Просто иногда удивляет, как ухитряется существовать наша экономика, если столько винтиков в ее нутре считают долгом затормозить любое начинание, не дать ходу, отвергнуть идею! Надо с кем-то спорить, кого-то убеждать, выдвигать весомые доводы, не отраженные в докладной записке Воронцова, входить в контакт с министерством авиации, тревожить ответственных работников, которые дорожат своими постами и хотят жить без тревог.

А как просто загубить новое в зародыше! Допустим, образовать аттестационную комиссию, поставить вопрос о профессиональной пригодности экипажа или взять под сомнение надежность самого аэростата, нагромоздить проблемы... И все это сделать под видом научной озабоченности, государственного благоразумия, ответственности за жизнь людей, наконец!

Однако Морозейкин не только руководил учреждением. Как умный человек, он улавливал, что дует свежим ветром, когда на себя надо брать ответственность. Взваливал же на себя неблагодарный труд Сергей Павлович Королев, с которым вместе когда-то работал Морозейкин. Поэтому и стал он крестным отцом космонавтики, защищая ее от неверующих, порой облеченных большой властью.

Как ученый, Виктор Васильевич сознавал, что полет даст науке ценнейший материал. Тут прав Гайгородов. Даже сравнительные показатели, полученные в полетах многолетней давности, и сегодняшние сведения позволят не голословно, а фактами подтвердить тревожную экологическую проблему в жизни человечества. Несколько последних лет Морозейкин посвятил вопросу «парникового эффекта» в атмосфере. Исследования убедили его, что в воздухе сейчас стало больше не только углекислого газа. Значительно более быстрыми темпами происходит увеличение содержания метана. Анализ льда на полюсах, где зимовал Виктор Васильевич, показал, что за последние триста лет концентрация метана в атмосфере повысилась вдвое. Произошло это главным образом за счет производственной деятельности людей. Он разгадал механизм этого процесса, когда при сжигании человечеством минеральных топлив и биомассы окись углерода в атмосфере вступает в реакцию с радикальными группами углекислоты, и образуется метан. Этот газ, так же как и двуокись углерода, поглощает инфракрасное излучение с поверхности земли и усиливает «парниковый эффект», что может оказаться опасным вообще для органической жизни. Пробы с аэростата дали бы более точные цифры.

Беспокойство в глазах Морозейкина сменилось решимостью. Директор обернулся к многоопытному Гайгородову:

— Ну что ж, экипажу, кажется, пора начинать подготовку

Научным руководителем назначаю вас, Георгий Михайлович. А ответственным за снаряжение и старт будет...— Он поискал глазами Стрекалиса.— Марк Исаевич, не возражаете?

«Мудрец!» — чуть не вскрикнул я, услышав это неожиданное решение. Из недруга Стрекалис вдруг превращался в приверженца уж если не по душе, так по обязанности.

Правда, Стрекалис, обжегшись на Виолетте Волобуй с попыткой опозорить Сенечку, попытался дискредитировать меня: застать спящим на ночном дежурстве. Но тут опять нарвался на Митьку. Обжившись и уверовав в свою значимость, пес значительно расширил сферу своего обитания. Охранял он теперь не только эллинг, но и обсерваторскую территорию в целом. Однажды ночью он обнаружил крадущегося человека и загнал его на двухметровый столб бетонного забора. Как Стрекалис взвился по абсолютно гладкой стенке — и бог не разберет. Марк Исаевич сидел бы там до утра, если бы не мое отходчивое сердце. Разъяренного Митьку я оттащил за ошейник на безопасное расстояние и, сделав вид, что не узнал Стрекалиса, крикнул:

— Слезайте и не вздумайте бежать!

— Я не могу слезть! — простучал зубами Стрекалис.

— Митька, сидеть! — приказал я собаке.

— Спустите меня отсюда,— потребовал Стрекалис, косясь в темноту, где в напряженной позе замер Митька.

Я не спеша приблизился к забору, в тусклом свете уличной лампочки посмотрел ему в лицо:

— Зачем вы ночью пытались проникнуть в Обсерваторию?

— «Зачем, зачем»... Не вашего ума дело!

Стрекалис сделал попытку спрыгнуть со столба, но страх перед высотой удержал его.

«Чего доброго, свалится и ноги поломает»,— подумал я, соображая, как получше вызволить Стрекалиса. Можно, конечно, подойти к забору вплотную — он поставит ноги на мои плечи и спустится. Но такая церемония показалась для меня унизительной. Я пошел за стремянкой. Закрепляя створки лесенки, я услышал его голос:

— Только попрошу, чтобы этот случай остался между нами...

Ради высокой цели мирного сосуществования такой пункт соглашения меня устраивал.

— Обещаю. Пойдемте, чаем напою, – предложил я.

Поколебавшись, Марк Исаевич согласился. В дежурке за чашкой чая мы поговорили о пустяках, ни словом не обмолвившись о происшествии. Я вызвался проводить его. Когда мы вышли, из темноты на нас уставились два фосфоресцирующих глаза. Марк Исаевич снова дернулся, но я успокоил:

— Митька это. Не бойтесь! Он добрый.

В подтверждение моих слов, пес вышел на освещенный окном пятачок и дипломатично вильнул хвостом.

Так недавний зложелатель стал союзником.

7

Училищный комэска майор Золотарь вбивал в наши головы непреложные истины. Его изречения входили в нас, как гвозди.

«Ты не можешь себя чувствовать в безопасности, если в аэроплане ослабла хоть одна гайка»,— говаривал он.

Радея о надежности аэростата, мы стали подвинчивать гайки в расшатавшихся знаниях. Кое-что мы основательно подзабыли. Пришлось восстанавливать знания о теории полета, метеорологических явлениях, устройстве приборов, технике ориентировки в облачности, практической и астрономической навигации, радиосвязи.

Особенно усердно мы готовили себя к полету в облаках, так как авиаторы, скорее всего, могли дать нам «зеленую улицу» только в нелетную погоду, да и Артура для его исследований больше устраивали именно циклоны. Мы изучали устройство вариометра, авиагоризонта, компасов, высотомеров[1]. Занимались радиостанцией, которая заменит нам в полете глаза и уши.

«Летать без радио в облаках,— учил Золотарь,— то же самое, что ночью гнать машину с потушенными фарами».

В комплект радиообеспечения входили радиоприемник, передатчик с микрофонной и телеграфной связью, радиокомпас. Мы должны были настраиваться на сигналы радиомаяков, запрашивать пеленги, получать от метеостанций сведения о погоде по маршруту, о направлении и скорости ветра на высотах, вести двусторонние переговоры с главной станцией слежения.

Не замедлили сказаться результаты нашей жарко вспыхнувшей дружбы со Стрекалисом. Марк Исаевич не только раздобыл для нас новейшую радиостанцию-портативку, но и добился ставки специального радиста, который должен был держать связь только с нами, не отвлекаясь на другую работу. Станция слежения находилась в радиобюро Обсерватории, свою рацию мы пока установили в эллинге.

---

[1] Вариометр — пилотажный прибор для определения скорости изменения высоты полета. Авиагоризонт — гироскопический прибор для определения углов крена. Компас — прибор, указывающий направление географического или магнитного меридиана, служит для ориентирования относительно сторон горизонта. Бывают магнитный, механический (гирокомпас), радиокомпас, указывающий направление на радиомаяк. Высотомер (альтиметр) — указывает высоту полета. Различают барометрические высотомеры, определяющие высоту относительно места вылета, и радиовысотомеры, определяющие высоту над пролетаемой территорией.

Получив свои частоты н позывные, я занялся практикой передач. Помня о том, что хороший, но иеправильно устаиовленный передатчик подобен отличиой, но плохо настроеиной скрипке, я постарался точно по инструкции иацелить аитеину, отрегулировать иастройку, когда настало время сеанса, включил микрофои:

— Алло! «Ураи», «Ураи» — я «Шарик».

Из диаиамика раздался голос девушки:

— «Ураи» слушает. Прием!

— Прошу дать иастройку.

— Раз, два, три, четыре...

Я крутил регулятор, щелкал выключателем кварцевой стабилизации. Радиоволны иеслись в заоблачные края к ноиосфере[1] и, отразившись, звучали в дииамике молодо и бодро.

— Перехожу на телеграф...— иеувереиио я отстучал свои позывные, убедился, что разучился работать иа ключе, что иадо треиироваться, затем повериул ручку переключателя на микрофоиную связь: — Проверку закончил.

События ускорялись. Морозейкин стал действовать. Мы с Сеиечкой откомаидировывались в иаучио-исследовательский институт граждаиской авиации, чтобы прослушать курс лекций по правилам полета, штурманскому делу и радиосвязи. После этого мы должны были сдать зачет квалификациоиной комиссии.

Когда мы вериулись, Арик обрадовал иовостью:

— Так вот, академики, вылет разрешен. Теперь будем ждать устойчивого фроита и оптимальиого ветра. Всем приказано перейти иа казармеиное положеиие.

В наше отсутствие буриую деятельность развил Стрекалис. По составлеиному Артуром списку он достал почти все — сублимированные продукты, маски, комбинезоны и куртки иа гагачьем пуху, спальиые мешки, батарен для питаиия бортовых ламп, рации и освещения кабины, баллоны с кислородом для дыхаиия, ружья «Барс» и пистолеты, парашюты, уиты, аптечку. Более того, ои раздобыл канистру превосходиого кагора. Это вино, смешанное с горячим чаем, прибавляло бодрость, снимало сонливость и усталость. Ои же договорился с соседией воинской частью о поддержке на старте. Когда будет получеио разрешение на полет, взвод солдат подимется по тревоге и поможет в подготовке аэростата к работе.

Теперь можно было приступать к расчету зоны равновесия. Чтобы это поиять, давайте опять вспомним закон Архимеда и при его помощи рассчитаем подъемиую силу свободного аэростата. В оболочке — иаилегчайший газ водород. Один кубометр этого газа поднимет примерно килограмм груза.

[1] Ионосфера — верхние слои атмосферы от 50—80 километров, оказывают большое влияние на распространение радиоволн.

К оболочке мы подвесим гондолу Аэростат полетит вверх лишь в том случае, когда вес всего материала — строп, гондолы, ее содержимого, оболочки, газа — будет меньше веса вытесненного им воздуха.

Поднимаясь, аэростат попадет в слои воздуха с постоянио уменьшающнмся давленнем. Газ в оболочке иачиет расшнряться. На определенной высоте газ раздует всю оболочку Излишек давления его нзнутри разорвет оболочку. Поэтому в ее ннжней части делается отверстне, переходящее в удлиненный рукав в форме аппендикса. Через него улетучивается излишний газ, но н подъемная снла уменьшается. И вот иаступает момент, когда она становится равной нулю. Аэростат зависает. Такое положение и называется зоной равновесия.

Пользуясь клапаном вверху, тем, что делал Сеня, можно выпустнть немного газа. Аэростат станет более тяжелым, чем окружающий воздух, и начнет спускаться. Если же нам захочется подняться выше, то следует сбросить немного балласта. Большие мешки с мелким песком стояли в одном углу, мешочкн поменьше висели по бортам корзины.

Гондолу мы поставилн на тележку н загрузнлн ее всем, что могло понадобиться в полете. Перед этнм каждую вещь взвесили, рассчитали необходнмое количество газа. Много места заиялн баллоны, батарен н рацня, доска, куда были вмонтнрованы нужные для полета приборы.

Метеорологическое имущество Артур намеревался расположить позднее, большую часть датчиков вынести вообще из гондолы, укрепив их на сетке оболочки, штангах и просто подвесив рядом с балластными мешочками. Их вес был нам известен.

Еще надо было прибавить живой вес экипажа в теплом одеянии, а также Митькн... Мы решили испытать, как поведет себя собака в разреженной атмосфере. Возможно, это тоже пригоднтся науке, хотя пес грознл доставить немало хлопот. Ну, как, к примеру, он будет дышать на большой высоте?

— Возьму намордник н сделаю ему маску,— пообещал Сеня.

— А еслн нам придется прыгать, может, заодно н парашют прнспособишь? — спроснл Артур.

— Я его с собой захвачу вместе с рюкзаком.

Сенечке, да н мне, очень хотелось взять с собой Митьку Нам показалось, что участие в полете четвероногой тварн поддержит некую незыблемую траднцню дальних путешествнй. Участие Монморанси в значнтельной степени скрасило известное плавание по Темзе. К тому же Митька теперь казался нам красавцем в сравнении с фокстерьером Джерома Джерома.

Митька вертелся около, зная, что речь ндет о его участн.

— А как он будет пить чай с кагором? — не уннмался Артур.

— Вообще предлагаю чай пить отдельно, а кагор когда приземлимся.

Решили пса взвесить. Если он потянет больше двадцати килограммов — в полет не брать. Митька потянул на девятнадцать четыреста.

— Ладно, пусть летит Его же сородичи первые побывали в космосе.

Удовлетворившись решением Артура, отныне нашего официального командира, Сенечка полез на оболочку проверять надежность разрывного приспособления. Так называлась полоса материи, которая крепилась к оболочке только клеем и несколькими стежками. От верхней части полотнища к гондоле опускалась разрывная вожжа красного цвета. Если потянуть за нее, то полотнище отклеится, в оболочке образуется щель, и газ устремится наружу Разрывное приспособление применяется при посадке.

Зная вес материальной части, рассчитали мы и безопасный предел натяжения оболочки. На высоте в десять тысяч метров он равнялся двадцати двум килограммам на метр. Ткань вполне выдерживала. Словом, все было готово к полету, оставалось только ждать команды.

8

Холодный сентябрьский фронт медленно и неотвратимо шел с циклоном со стороны Скандинавии, предвещая затяжные дожди, обледенение, нелетную погоду. Вчера он достиг Ленинграда, завтра мог скатиться к нам. В это время Морозейкин и получил разрешение на полет Была объявлена готовность номер один. Заработал штаб управления, куда вошли Морозейкин, Гайгородов, представители авиации. Весь день мы приспосабливали к корзине метеорологические приборы, некоторые из них Артур намеревался прикрепить к стропам. Прибыла вызванная Стрекалисом воинская команда. Марк Исаевич приступил к обязанностям начальника старта.

На поле перед эллингом солдаты разостлали брезентовое полотнище, на него уложили оболочку.

Поначалу шар будто и не думал надуваться. Лишь волны газа прокатывались под серебристой тканью. Но постепенно начал расти холм. Солдаты взялись за поясные веревки, продетые через специальные петли, прикрепленные к верхней части оболочки.

Гора вздымалась, превращаясь в исполинский гриб.

— На поясных, плавно сдавай! — покрикивал Марк Исаевич.

Солдаты понемногу отпускали поясные веревки, оболочка поднималась выше и выше. В свете прожекторов аэростат вы-

глядел фантастичеcкн. Хорошо, что ие было ветра, иначе трудио было бы удерживать раздувающуюся оболочку, уже закрывшую полнеба. Внизу оболочка провисала шнрокнмн складкамн — это был запас для того, чтобы иа высоте расширяющийся от понижеиия давления газ не стравлнвался понапрасну.

Наконец гриб превратился в гигантскую грушу. Мы вывезли нз эллннга тележку с гондолой, прнкрепилн корзииу к подвесному обручу.

Начало светать. Мы наделн теплые брюки, курткн, шлемы, унты. Проверилн содержимое карманов. Для индивндуальиого пользования у каждого был фонарик, пнстолет, нож, небольшой, но калорийный запас продовольствня. Солдаты помогли прнстегнуть парашюты. По лесеике мы поднялись в гоидолу

Здесь едва хватало места, чтобы стоять не толкаясь. В корзину размером 170 на 200 саитнметров было втисиуто велнкое множество вещей: баллоны, термосы, приборы, бухты веревок, мешки с песком, запасная одежда, фотоаппаратура с объектнвамн, картоиные коробки с провизией. Здесь можио сндеть лншь уподобнвшись морскому узлу, а как будем спать? Но вопрос этот мы посчиталн преждевремеиным. Дай-то бог оторваться от земли н полететь, дальше видио будет. Прижмет, так н стоя уснешь.

Плотный осадок самого обычного страха, навериое, чувствовал каждый из нас. Мы старались не думать об опасности, но все равно сосало под ложечкой. Мы не знали, куда нас вынесет, выдержат ли стропы н гондола, не пропадем ли в облаках, шквалах н виезапиых нисходящих потоках, удачной лн будет посадка? Доверившись, так сказать, широким объятиям воздушного океана, мы уже ие моглн управлять своей судьбой. От этих объятий можио ожидать чего угодио.

Стрекалис доложил Морозейкниу о готовиости к полету.

Тут я вспомнил о Митьке. В суматохе мы совсем забылн о нем.

— Митька! — крикнул я.

Пса не было. Сдрейфил, подлец, в последиюю миииуту.

— Ладио, пусть дом сторожит,— сказал Артур.

Я стал перекладывать спальные мешки, готовя сидеиья, и вдруг обнаружнл ие только Митьку, но н притаившегося котеика Прошку. Пес лизнул мою щеку: молчн, мол, пока не взлетнм.

Морозейкин объявил десятимннутную паузу. Сенечка начал уравновешивать аэростат. По его комаиде солдаты, держащне корзину, отпустилн ее, оиа немиого прнподнялась над землей и остановилась. Подъемиая снла сравиялась с весом гоидолы н всего шара. На краях корзииы гроздьямн, как связки банаиов, внселн снзые брезеитовые мешочкн с песком. Стоит бросить на землю совок песка, и шар иачнет подниматься.

Все готово, но мы почему-то медлим, как бы соблюдая русский обычай — посидеть перед дальней дорогой.

— Поясные отдать! — подал голос Стрекалис.

Вылетели из петель поясные веревки, вытянулись змеями по земле. Теперь солдаты держали аэростат только за гондолу и короткие концы, привязанные к обручу. Марк Исаевич подбежал к нам, спросил, заикаясь:

— Г-готовы?

— Порядок.

— Штаб, экипаж к полету готов,— доложил он по карманной рации.

Минутная готовность...— отозвался Морозейкин.

Стрекалис сорвался с места, закружил по брезентовому, освещенному прожекторами, кругу, точно шаман:

— Полная тишина на старте! Всем — в сторону!

И выкрикнул последнюю команду:

— Даю свободу!

Солдаты разом отпустили руки. Сенечка выбросил совок песка. В напряженной тишине огромное сооружение медленно поплыло вверх.

— В полете! — торжествующе завопил Стрекалис.

— Есть в полете,— у Сенечки тоже дрогнул голос.— Взлет шесть сорок.

Произошло чудо, имя которому — полет воздушного шара. Без толчка или рывка мы вдруг очутились в воздухе. Тишину в эти волшебные секунды не хотелось нарушать даже возгласами восторга. Аэростат шел вверх. Люди внизу казались все меньше и меньше.

Плавно пошла вбок залитая электрическим светом стартовая площадка. Из серой тьмы выявился главный обсерваторский корпус с немногими светящимися окнами, за которыми находился штаб. Пробежала линейка аллеи с редкими фонарями, потом обозначился четкий прямоугольник всей нашей территории, обнесенный бетонными плитами. А дальше угадывались дома, кварталы, островки садов, заводы, где костерками полыхали ночные лампочки.

Сенечка орудовал совком, точно продавец, развешивающий сахарный песок. Артур, включив бортовой свет, стал заполнять вахтовый журнал. Я переключился на телефон:

— «Уран», я — «Шарик»...

— Счастливого полета! — услышал я бодренький тенор Морозейкина.

— Спасибо. На борту порядок. Высота сто пятьдесят. Подъем по вариометру плюс два. До связи,— я отчеканил все положенные слова и отключился.

Предутренняя тишина окружала нас, будто мы остались одни в мире. Показалась станция, рельсы, просвистела элек-

тричка. Непривычно близко простучали колеса. Отраженные звуки доносились четче, явственней, чем слышались на земле. На их пути к нам не было никаких препятствий.

С каждой минутой становилось светлей, хотя внизу было еще темно. Искристыми от уличных фонарей лучами разбегались дороги с нанизанными на них кубиками домов. Там, где багрово тлел горизонт, была Москва.

Артур вытащил из чехла «Зенит» и начал снимать. Панорама и вправду впечатляла. Она открывала все новые и новые дали.

Вдруг оболочка исчезла. Гондола осталась как бы одна. Туго натянутые стропы уходили вверх и скрывались в непроглядной мути. Влажный воздух попал в горло. Капельками дождя покрылись куртки. Мы вошли в нижнюю кромку облаков. Аэростат сразу отяжелел. Стрелка вариометра поползла было вниз, но Сеня энергичней заработал совком и мы опять стали подниматься.

Скоро похолодало. Зашуршали по одежде комочки льда. Оледенела и мокрая оболочка. Семен надел меховые перчатки, стал трясти стропы. Отламываясь, льдинки полетели вниз.

— Ну, братцы, летим! — у Артура посинел нос, запотели очки, но губы расплывались в улыбке.— Как пели деды «Три танкиста, три веселых друга...»

— Не три, а пять.

— Откуда?!

Я откинул брезент, прикрывавший спальные мешки. Там лежал Митька, а Прошка сидел у него на загривке. Будто поняв, что теперь уже ничего не изменить и некого бояться, пес издал радостный вопль. Прошка с вздыбленной шерстью сиганул по стенке гондолы и, оторопев, застыл на краю бездны.

— Во звери! — потрясенно вымолвил Сенечка.— Они забрались еще в эллинге и затихли, как зайцы, пока мы возились с аэростатом! А говорят, у животных нет разума.

— Есть разум, только животный,— поправил Артур.

— Какой-никакой, а надо додуматься!

Когда восторги поутихли, я задал прозаический, но довольно важный вопрос: куда и как будут гадить наши меньшие братья?

Семен хлопнул стульчаком в углу гондолы:

— Приучим сюда!

— Прошка, возможно, сообразит, но Митька не поймет.

Сенечка наморщил лоб. Пес может навлечь крупные неприятности. За полет он обделает кабину так, что мы сиганем на землю и без парашютов.

— Эх вы, цари природы! — усмехнулся Артур.— Это же гениально просто.

Он снял с борта четыре кулечка, рядом со стульчаком сложил из них вроде ящичка, дно закрыл куском брезента, вспорол

еще один балластный мешочек и высыпал песок. Изловчившись, я поймал котенка и посадил на отведенное для него место. Прошка потоптался в нерешительности, обнюхал углы, потом разгреб песок, сделал свои дела и старательно засыпал ямку. Через некоторое время Митька последовал его примеру. Чтобы не смущать животных, мы навесили на угол полог.

— Этот песок будет нашим НЗ,— сказал Артур.

Мы могли лететь до тех пор, пока в гондоле есть балласт. Если его не будет, то в момент посадки мы не сможем затормозить спуск. Песок для аэронавта был тем же самым, что и горючее для летчика, вода для жаждущего, хлеб для голодного. Мы хотели продержаться в воздухе как можно дольше, поэтому песок решили беречь, как и продовольствие.

По метеосводке ветер должен появиться на высотах от полутора тысяч метров. В гондоле мы не ощущали ветра, даже если бы на земле бушевал ураган. Артур положил на борт лист бумаги, и он лежал не шелохнувшись. Сенечка сунул в рот карамельку, а обертку бросил за борт — она полетела рядом с нами. Аэростат перемещался в пространстве вместе с воздушной массой, сам находясь как бы в абсолютном штиле. В этом-то и было основное преимущество воздушного шара перед самолетами — разведчиками погоды и ракетами. При исследованиях те пронзали атмосферу как иглой, приборы не успевали заметить малейших погодных изменений, столь важных в метеорологии. Аэростат же находился в самом котле, где варилась погода. Можно было потрогать рукой облака, посмотреть, как образуются снежинки, с какого момента и при каких условиях начинает лить дождь.

Совершенно точно подметил эту особенность Жюль Верн в своем романе: «Воздушный шар всегда неподвижен по отношению к окружающему его воздуху. Ведь движется не сам шар, а вся масса воздуха. Попробуйте зажечь в корзине свечу, и вы увидите, что пламя ее не будет даже колебаться».

Где-то проносились бури, кружили метели, но это для тех, кто оставался на земле. Мы же не ощущали ни малейшего дуновения.

Артур на планшете отмечал отдельные точки, над которыми пролетали мы, регистрировал воздушные течения перед наступлением холодного фронта. Примерно через час после вылета он подсчитал скорость движения. Тут его карандаш наткнулся на район Останкино.

— Сеня! Высотомер! — испуганно вскрикнул он.

Сенечка удивленно уставился на командира:

— В чем дело?

— Башня!

В облачности мы надеялись только на приборы. Они показывали высоту в пятьсот метров и неизменный подъем. Тем

не менее мы свесили головы из корзины, силясь рассмотреть башню телевизионного центра, вознесшуюся, как известно, на пятьсот тридцать метров над Москвой.

Я крикнул. Голос показался чужим и далеким. Отзвук тут же стих, запутавшись в липкой хмари.

Мы смотрели во все глаза, мы ждали, и все равно башня возникла внезапно, как судьба. Из тумана показалась игла. Нас точнехонько несло на ее тонкий и острый конец. Сеня схватил сразу два мешка. Еще миг, и он вытолкнул бы их за борт. Руку успел перехватить Артур:

— Куда?! Там люди!

Маловероятно, чтобы туго набитый песком мешок точно свалился кому-нибудь на голову. Но попасть мог по закону подлости. Сенечка рванул стежки зубами и веером, как сеятель, вышвырнул из мешочков песок. Шар лениво приподнялся над шпилем и величаво поплыл дальше. С перепуга у Артура ослабли ноги. Он вытер со лба холодный пот.

— Врет барометрический,— сказал он через минуту,— проверь счислением.

Разница вышла ощутимой. Чуть ли не в сто метров. Я уже догадался, что наш искушенный, бывалый, тертый аэронавт Сенечка допустил грубейшую ошибку, такую не сделал бы даже новичок. Он не внес необходимой поправки, связанной с разницей барометрических давлений аэродрома и поверхностью земли, над которой мы пролетали в данный момент. Артур тоже понял это, но выговаривать не стал. Молча он извлек из планшета картонку и на ней, сообразуясь с сиюминутной обстановкой, начертил табличку расчета истинной высоты. Ее он прикрепил к приборной доске. Она выглядела так:

Температура в С°	Данные в мм	Высота в метрах
+15	760	0
+8	674	1000
+2	596	2000
−11	462	4000
−24	353	6000

Выше забираться не хотелось.

Облака стали светлеть. Настроение, как и стрелка вариометра, поползло вверх.

— Ну виноват! Ну исправлюсь! — прокричал Сенечка, не выдержав молчания.

Мы рассмеялись.

Приближалось время связи. Я выбросил тросик антенны, приготовился к приему метеосводки.

Из густого молока тумана выявилась оболочка. Скоро стало

так светло, что прншлось надеть защитные очки. И тут показалось солице. Оно поднялось уже достаточно высоко. Когда я принял сводку н опять выгляиул из корзины, то облака лежали от горизонта до горизонта. Над снежной торосистой пустыней, не двигаясь, ие перемещаясь, висела лишь тень от нашего аэростата.

Теперь можно было и позавтракать. Я достал ржаные хлебцы в целлофановых пакетиках, масло, сыр, банку шпротиого паштета, разложил еду на деревяиином ящнке от приборов. Из термоса разлил чай по легким полиэтиленовым кружкам. Остатки еды и упаковку, которая что-либо весила, мы не выбрасывали. Иначе шар стал бы подниматься.

Дикарь-Прошка суиулся было смахнуть бутерброд, но иа лету получил шлепка, отскочил к Митьке. Тот лежал на спальниках отвериувшись. Прикидывался, будто пища не интересует его.

— У иас, кажется, есть коицеитрированное молоко? — спросил Артур. .

— Есть пять баиок.

— Пожертвуем Прошке.

После того как иаелись мы, в освободившуюся от паштета банку я иалил молока, разбавил его чаем и иакрошил хлеба. Это котеику. Митька же получил два бутерброда, а также чай без сахара. Сладкое он не любил.

Мы установили твердый режим питания. Завтракать — в девять, обедать — в два, ужииать — в шесть, чтобы захватить светлое время и напрасно не жечь лампочку освещеиия кабииы. Электричество шло на рацию, приборы и навигационные огии-мигалкн — их мы зажнгали, когда слышали гул самолета. У летчиков, разумеется, были локаторы, они легко могли обнаружить наш аэростат, однако на огиях настояло авиационное начальство, и без того обескураженное нашим вторжением в завоеваииое ими пространство.

Но ведь было же время, было, когда воздушим шарам принадлежало небо!

Гениальный изобретатель пулемета Хайрем Ма́ксим иачал строить самолет с паровой машиной. Однако он сразу же допустил ошибку, прнтом роковую. Ои отверг алюминий как материал для самолета. Он построил летательный аппарат из стальных труб. Аэроплан потянул иа три с половиной тонны. На взлете, само собой, он свалился с рельсов и рассыпался.

Основатель современной аэродинамики Отто Лилиенталь выдвинул идею, отличавшуюся, как все великие идеи, поразительной простотой: прежде чем строить аэроплан, иадо выучиться летать. Иначе говоря, сделать летающий планер, а уж потом изобретать для иего двигатель. Несколько десятков лет разрабатывали в первую очередь модели планеров, заодно н моторов.

И вот над песчаными дюнами Китти-Хаука пронесся аэроплан Орвилла и Уилбера Райтов. Это произошло 17 декабря 1903 года. Аппарат летел почти минуту. Сантос Дюмон забрался уже выше деревьев и покрыл... 220 метров. Пилот стоял на полотняной «этажерке» в соломенной шляпе с красной лентой и парадном костюме. Он успел произнести любимые слова из стихотворения Камоэнса: «Вперед через моря, которые никто до нас не переплыл!»

В 1909 году газета «Дейли мэйл» учредила приз в тысячу фунтов стерлингов за перелет через Ла-Манш.

Первым дерзнул богатый спортсмен Латам. Он поднялся 19 июля в 5 утра. Через 20 минут его нашел миноносец недалеко от французского берега. Латам сидел на борту своей летающей лодки «Антуанетта» и курил сигару. У аппарата сдал мотор.

25 июля в пробный полет отправился Блерио. Он пролетел над берегом вдоль Кале и повернул к английскому берегу. На сопровождавшей миноноске плыла его жена. Вскоре аэроплан исчез с глаз наблюдателей. Блерио, упустив из вида оба берега, потерял ориентировку. Несколько минут он кружил над проливом, пока не заметил в утренней дымке английский берег. Подлетев к Дувру, он увидел небольшую лощинку, на которой метался человек, размахивающий французским флагом. Им оказался корреспондент газеты «Матэн» — единственный свидетель спуска Блерио на английский берег. Блерио достал из кармана луковицу «Буре» и щелкнул крышкой: часы показали, что авиатор продержался в воздухе 37 минут, «не касаясь,— как тогда писали,— ни одной частью машины поверхности моря».

Луи Блерио построил до этого 10 монопланов, и все они разбивались. Почтенного фабриканта автомобильных фонарей, решившего вдруг летать, соотечественники прозвали «падающим французом Блерио». В одном из полетов у него воспламенился мотор, обгорели ноги, но он все же успел дотянуть аппарат до земли и сесть... Через Ла-Манш он уже летел с костылями...

Перелет произвел необыкновенно сильное впечатление в цивилизованном мире. Блерио встречали тысячные толпы в Англии и во Франции, его чествовали лорд-мэр Лондона и французские министры. Аэроплан под номером 11, переименованный с этого момента в «Блерио», приобрела газета «Матэн» и подвесила его на улице Парижа у дома редакции. Впоследствии он был помещен в Музей искусств и ремесел.

25 июля 1909 года в истории авиации навеки останется знаменательным днем. Сам перелет в 37 минут в то время уже не являлся чем-то выдающимся, но именно это событие раскрыло глаза многим, кто раньше сомневался в авиции. Практическое значение аэроплана было доказано с такой очевидностью, что колебания сразу отпали. Пресса оживленно ком-

ментировала выводы: «Англия перестала быть островом — вот что сделал Блерио своим получасовым полетом». Естественно, рисовались радужные картины будущего, когда аэроплан изменит весь уклад жизни и международных отношений.

Мир забился в авиационной лихорадке. Потоки популярных брошюр и книг наводнили рынок. Появились сотни новых журналов, газеты отводили аэропланам главные полосы. Героями дня становились авиаторы — летающие люди, короли воздуха.

Ну и конечно, вместе с лихорадкой начались смертельные исходы. В сентябре 1910 года авиатор Шавез на состязаниях в Альпах перелетел Симплонский перевал в 2 километра и упал уже во время спуска. Он был одним из многих людей, по натуре склонных к опасным предприятиям, игре со смертью. Почти в то же время в Петербурге проходил всероссийский праздник воздухоплавания, где состязались пять профессионалов и шесть военных летчиков-любителей. В полете у одного из самолетов лопнула растяжка и запуталась в винте. Аэроплан перевернулся. Пилот выпал из кабины и разбился. Это был талантливый инженер Лев Мацневич. Несчастье произошло не из-за погони за стотысячными призами. Это была одна из неизбежных жертв, которую потребовала судьба в уплату за новую победу человеческой мысли.

Развиваясь и совершенствуясь, авиация вынесла две мировых войны, перекрыла самые дерзновенные проекты зари своего детства, взрастила космонавтику и, конечно же, загнала в небытие воздушные шары, ставшие таким же анахронизмом, как паровоз Черепановых и конный омнибус.

...Авиаторы допустить-то нас до неба допустили, однако всполошились. а вдруг людей снова захватит воздухоплавание, как это случилось за границей? Неспроста же каждый пункт соглашения оговаривался фразой: «В порядке единичного эксперимента», «В виде исключения», «Учитывая уникальность вопроса...» Надо полагать, авиационные начальники интуитивно чувствовали, что идея использования аэростата, хотя бы для научных исследований и спорта, уже стоит на повестке дня.

9

Солнце, облака и аэростат существовали в пространстве как бы сами по себе. Однако в действительности находились друг с другом в прямой взаимосвязи.

Солнце, вокруг которого движутся звезды нашей Галактики, давало тепло. Часть его энергии поглощалась воздухом, океаном, землей. Остальная энергия отражалась обратно. Артур замерял количество поглощенного и отраженного тепла, его показатели зависели от широты местоположения аэростата,

времени, облачности... В пасмурный, как сегодня, день до поверхности земли доходило только 20 процентов солнечного тепла. В дни несплошной облачности этот процент повышался до сорока. На экваторе землей поглощается больше тепла, чем отражается. А раз тепло распределяется так неравномерно, то атмосфера стремится рассеять его в более или менее равных пропорциях по всем областям. В этом и заключается секрет циркуляции воздуха, отчего и формируются в атмосфере разные явления, именуемые погодой.

Если бы солнечное тепло распределялось одинаково, у нас бы не было «погоды»: ветра, облаков, осадков — всего, что поддерживает жизнь на земле. Тепло поднимает огромное количество воды с одной части планеты и с помощью облаков несет ее в другие районы мира, нуждающиеся в утолении жажды.

— Восхваляя землю, мы не должны забывать, что наши истинные спасители — это облака,— говорил Артур.

Он просвещал нас со старательностью студента, дающего первый урок в школе в присутствии сурового методиста. И хотя о физике атмосферы мы знали кое-что со школы, теперь воспринимали ее не умозрительно, а как бы ощущали наяву. Протягивали руку — и убеждались, что облака представляют собой не пар, а жидкие частицы воды. В ушах поламывало — и мы убеждались в уменьшавшемся с высотой давлении. Смотрели на горизонт — и по всем этажам видели многообразие облачных форм. Они возникали от вертикальных и горизонтальных токов, от гигантского перемещения холодных масс, стремившихся опуститься, выталкивая поднимающийся вверх теплый воздух.

На высотах от семи до девяти тысяч метров лежали невесомые перистые облака, состоящие из микроскопических ледяных кристалликов. Они возникали от натекания теплого воздуха на холодный и предвещали хорошую погоду.

Под ними громоздились высокослоистые и высококучевые облака, похожие на комки гигроскопической ваты. Появлялись они на эшелоне от двух до четырех тысяч метров от подъема воздуха над горами или возвышенностями.

Еще ниже клубились слоисто-кучевые, кучевые и кучево-дождевые облака, знакомые нам по ливневым осадкам, снегопадам, жестокой болтанке.

— Облако — как вывеска, оно говорит, чего можно ожидать внутри,— менторски изрекал Артур.

Оболочка нагревалась. Шар поднимался... Через каждые двести метров температура падала на градус по Цельсию. Наши звери пригрелись в спальниках и лежали там, не высовываясь. С солнечной стороны пекло, словно от печки, а в тени нарастал иней. Чтобы не обжечься и не обмерзнуть, мы вертелись перед солнцем, как барышни перед зеркалом.

Я получил очередную метеосводку. В ней сообщалось, что

холодный фронт, чуть впереди которого взлетели мы, докатился до Москвы и смещается к югу.

В практической метеорологии рассматривают два фронта: холодный и теплый. Холодный фронт — масса холодного, а следовательно, и тяжелого воздуха вторгается под легкую теплую воздушную массу и, подобно гигантскому клину, приподнимает ее. Холодный фронт обычно сопровождается кучевыми облаками, ливнями, большими хлопьями снега. Теплый фронт — теплый воздух, натекая, поднимается над холодным. С ним чаще связывают затяжные осадки.

По тому, как развивалась облачность, мы могли судить, что находимся на температурной границе двух областей.

Артур не исключал, что встретимся мы и с туманами. Они бывают двух типов: туманы адвекции, которые образуются от горизонтального движения воздуха, обычно теплого над холодным, и туманы радиации, вызываемые выделением тепла в пространство, они возникают иногда тихой ночью и стелятся низко над землей, напоминая разлившееся по низинам море.

Было ясно, что, помимо туманов, не избежать нам и гроз, смерчей, обледенения — самых страшных для полетов явлений. Самолет, изменив курс, обойдет их, а мы уйти не сможем и потому попадем в плен этих стихий, подобно пушинке одуванчика, подхваченной ветром.

Да Артур и не собирался их обходить. Для него чем страшнее непогода, тем лучше — больше можно собрать метеорологических данных, которых не получить ни со спутников, ни с ракет, ни с самолетов. Аэростат как бы добровольно летел в котел гигантской погодной кашеварки, не обгоняя ветер, не отставая от него. Наш ученый командир неутомимо следил за самописцами, заносил в журнал показания температуры, давления, влажности воздуха, брал пробы для определения содержания пыли в атмосфере. Его занимало, к примеру, под действием каких причин изменялись свойства воздушных масс с высотой, каким образом менялась температура, которая в конечном счете определяла направление и скорость воздушных потоков.

Ближе к шестикилометровой высоте подъем стал замедляться. Аэростат приближался к рассчитанной еще на земле зоне равновесия. Стрелка вариометра осталась на нуле. Подъемная сила уравнялась с окружающей атмосферой. Если клапаном стравить немного газа, мы начнем снижаться. Иначе говоря, вес всего сооружения стал бы больше вытесненного им воздуха.

— Держись пока на этой высоте,— сказал Артур Сенечке.

Я взглянул на бортовые часы. С момента взлета прошло более пяти часов. В пятнадцать надо определить точное местонахождение аэростата. Но прежде придется заставить всех пообедать. Есть никому не хотелось. Начинала побаливать

голова. Легкне с трудом втягивали разрежеиный воздух. В ием было мало кислорода. Нужно было время, чтобы организм привык к высоте.

Вся земля была закрыта облаками. Нечего было надеяться, чтобы найти просвет н увидеть внизу какой-нибудь приметный ориентир. Путь иа карте мы определяли методом счисления — довольно изнурительным занятием, имеиуемым штурманской прокладкой пути. Здесь учитывались и магнитные склонеиия, н направление ветра, его сила на разных высотах, н собственная скорость, и девиация[1]... Но как бы скрупулезно мы ни выполняли расчеты, все равно не могли с уверенностью иазвать точку, иад которой сейчас иаходились. Время от времени мне требовалось настраиваться на радиомаяки, засекать по компасу направление, прокладывать курс иа карте.

Когда в пятнадцать часов я проделал эти маиипуляции, то понял, что в счислении ошибся километров на полтораста. Аэростат несло к югу. А это иикак не входило в наши планы. Нас больше бы устроил западный ветер, чтобы ои выиес аэростат, скажем, в Сибирь нли иа Дальний Восток. А севериый ветер домчит до Кавказа нли Черного моря — и хочешь не хочешь, ио заставит садиться.

С иабором высоты дышалось все трудиее и труднее. Начинался кислородный голод. Но это было еще полбеды. Постепенно стал доиимать холод. Несмотря на теплую одежду, унты, меховые перчатки, мороз пробирал до костей. Двигаться мы ие могли — в корзине не разбежишься. Никаких нагревательных приборов у нас не было. Не могло быть и речи о каком-либо источнике тепла, связанном с огнем. Мы ведь «висели» на бочке с порохом. Чиркнн спичку — и водород, газ вроде бы совсем безобидный, рваиет с силой однотонной фугаскн. Горячий чай в термосах согревал на несколько минут Потом зубы снова начинали выстукивать морзяику

— А еслн залезть в спальные мешки? — предложил Артур.

— А как работать?

— Так не с головой, только наполовину.

Я откинул брезент, чтобы достать спальники. Митька с тоскующим взглядом сидел в одной стороне. Прошка — в другой. Значнт, н собаке н котенку тоже было плохо. В отличие от нас, людей, которые с бедой, болезнью, иесчастьем идут к другнм людям за помощью илн объединяются, животиые переносят напасть в одиночку Почему так распорядилась прнрода — непонятно. Виднмо, среди меньших наших существует жестокий н по-своему справедлнвый закон — не перекладывать свон болячки на другнх. Когда нм становится плохо,

[1] Девиацня — отклоненне стрелки компаса от направлення магнитиого меридиана нз-за блнзко расположенных намагннченых тел, месторожденнй и других прнчнн.

они забиваются куда-нибудь в глушь и умирают без свидетелей.

— Митька...— Артур погладил пса по спине, но тот не вильнул хвостом, не отозвался на ласку.

Я положил перед носом кусок колбасы. Собака, вздохнув, отвернулась.

— Отдаю свой мешок Митьке,— объявил сердобольный Артур.

— К чему такая жертва? — отозвался Сенечка.— Про запас я захватил меховую куртку. Давайте его одевать!

Митька не сопротивлялся. Передние лапы мы просунули в рукава, а поскольку куртка оказалась широка, то полы зашили на спине крупными стежками. Прошку я просто засунул за пазуху. Котенок пригрелся и затих.

Мы сняли с себя парашюты, в спальниках проделали дыры для рук, залезли в мешки, застегнулись наглухо замками-молниями. Не дай-то бог, если что случится с аэростатом и нам срочно придется спасаться на парашютах. Запеленатые, точно куколки, вряд ли мы сумеем вылезти из мешков, надеть парашюты и раскрыть их на безопасном расстоянии от земли... Но как бы страшно ни было пребывать в таком одеянии, перспектива замерзнуть была страшнее. Из двух зол мы выбрали меньшее.

К вечеру газ в оболочке начал охлаждаться. Шар пошел вниз. Сенечка не стал его удерживать на высоте. Отсчитывая через тридцать секунд показания барометра, он вычислял скорость спуска. Она составила 2,5 метра в секунду. То же самое показал вариометр. Стало быть, прибор исправно нес свою службу.

Артур замерил мощность облачности от верхней границы до нижней. Вышло более полутора тысяч метров. Температура от минус двадцати четырех подскочила до плюс восемнадцати.

Земля открылась морем огней. Если прибавить чуть-чуть воображения, огни рисовались в форме гигантской трехпалой лапы. Так выглядела с высоты Тула. Мир сразу наполнился звуками — гудками машин, звоном трамваев, грохотом работающих заводов. Где-то слышалась музыка. В паутине освещенных улиц и переулков мы рассмотрели яркий пятак танцплощадки. Звуки долетали до нас так четко, что мы слышали даже возбужденный гул молодой толпы. Аэростат же на черном фоне неба был почти невидим.

Медленно проплыла танцевальная палуба, набитая людьми, потом угол заросшего парка, старинная кладбищенская ограда и полуразрушенная часовня...

И тут до нас донеслись придушенные голоса — нетерпеливый мужской и девичий — ломкий, сопротивляющийся слабо и неумело: «Не надо, Вася...»

Рыцарская душа Артура не выдержала. Он схватил мегафон и басом, точно с того света, крикнул:

— Василий!.. Не балуй!

Оклемавшийся в тепле Митька, почуяв чужих и тоже как бы сердясь, коротко гавкнул. На секунду воцарилась тишина. В следующий миг, как вспугнутый вепрь, рванул неведомый Василий, круша и ломая кустарник. В другую сторону, ошалев от страха, пустилась его подружка.

Сенечка что-то недовольно пробурчал и сыпанул на землю песок.

— Извини, но мы из-за твоего любопытства могли бы сесть прямо на кладбищенские деревья,— ухмыляясь в темноте, промолвил благородный командир.

Уравновесившись на высоте в километр, Сеня лег спать. Кое-как угнездившись на ящиках от приборов, я взял пеленги, передал в штаб сводку и притулился рядом. Артур остался на вахте.

10

Пошли вторые сутки полета. Нагревшись в теплом воздухе у земли, аэростат поплыл в высоту. В этот день Артур решил приблизиться к границам стратосферы, о чем мечтали многие воздухоплаватели. Кроме Тиссандье, пытались сделать это американец Грей, испанец Бенито Молас. Они проникли на высоту 12 и 12,5 километра, и оба погибли от удушья. Стало ясно: при температуре минус шестьдесят градусов и в сильно разреженном воздухе человек существовать не может. Чтобы обеспечить жизнь на такой высоте, надо изолировать человека от окружающей среды, иными словами, окружить герметичной оболочкой.

Швейцарский профессор физики Огюст Пикар, впоследствии изобретатель глубоководного батискафа, на котором достиг дна Марианского желоба, в начале тридцатых годов увлекался исследованием так называемых «космических лучей». Это слегка завораживающее словосочетание, как будто заимствованное у фантастов, скрывало за собой много загадок, а история их открытия была богата чисто человеческими событиями.

Их открыли совершенно случайно в 1900 году при изучении атмосферного электричества. За них взялся американский физик Роберт Милликен. Он спустил на дно озера глубиной в двадцать метров прибор с фотопленкой, которая в полной темноте засветилась какими-то странными лучами. Ученый повторил свои опыты на земле, закрывая прибор свинцовой плитой. Неизвестные лучи обнаружились снова. Лишь свинцовая броня метровой толщины послужила для них некоторым препятствием, но и ее все же пробивали. Способность проникать через непрозрачные тела у этих лучей оказалась во много раз больше, чем у лучей Рентгена.

Милликен и ввел в научную литературу термин «космические

лучи». Само это название как бы отражало непонимание их природы и происхождения.

Внеземной характер этого таинственного излучения доказал австрийский физик Виктор Гесс. Он предпринял целую серию романтических экспериментов на воздушных шарах. Именно благодаря аэростатам Гесс продвинул вперед науку о космических лучах, обнаружил многие элементарные частицы, например позитроны.

Скоро открытиями Милликена и Гесса заинтересовались ученые других стран. Оказалось, что эти лучи действительно возникают где-то за пределами земной атмосферы, приходят из мирового, космического пространства. Опытным путем определили их проникающую способность — жесткость. Нашли, что космические лучи более жестки, чем особо жесткие лучи радия. Как считает академик Зацепин, каждую секунду на один квадратный метр в направлении земной поверхности влетают из космоса более десяти тысяч релятивистских (летящих со скоростью, близкой к скорости света) заряженных частиц, то есть космических лучей. Происхождение большей части этих лучей, миллионами лет блуждающих в межзвездном пространстве, связано с грандиозными взрывами «сверхновых» звезд в нашей Галактике, а может быть, и в более активных других галактиках. Космические лучи несут в себе громадную энергию. И если когда-нибудь удалось бы приручить хоть часть ее, то совершенно изменилась бы вся экономика земного хозяйства.

«Поймать» космические лучи на земле очень трудно. Их почти целиком поглощает атмосфера, точно так же, как туман — лучи солнца. В погоне за ними ученые стали подниматься высоко в горы, взлетать на воздушных шарах, мечтали проникнуть в стратосферу, где их еще больше.

В тридцатые годы осуществить такую идею было очень и очень нелегко. Практически предстояло решить несколько проблем: как питать гондолу кислородом, очищать ее от вредных газов, выделяемых организмом, поддерживать атмосферное давление, по крайней мере до половины нормального (350—380 миллиметров ртутного столба), обеспечить обогревание или изоляцию от холода, наконец, сделать так, чтобы человек имел свободу движений и мог наблюдать за полетом в иллюминаторы.

Трудностей здесь оказалось больше, чем можно было предполагать, рассуждая теоретически. Прежде всего, гондола, которую ради прочности надо делать металлической, много весит. Следовательно, надо делать громадную оболочку для увеличения подъемной силы аэростата. Весьма сложную задачу представлял и вывод из гондолы органов управления, а также датчиков приборов. Трудно осуществить и хороший обзор, потому что разность давления, возникающая на высоте между

давлением внутри гондолы и все время убывающим давлением атмосферы, заставляла уменьшать диаметр окон и вделывать в иллюминаторы особо прочные, тяжелые стекла.

Это сейчас летают самолеты с околозвуковой скоростью, а мы спокойно воспринимаем сообщения стюардессы о пятидесятиградусном морозе за бортом и высоте в одиннадцать тысяч метров. Но более пятидесяти лет назад такой полет был сопряжен с громадным риском, и тысячи людей ломали голову над этой задачей, а сотни испытателей гибли на путях к высотам и скоростям.

Свою гондолу Огюст Пикар построил из алюминия. Были отштампованы три куска металла. Когда их сварили вместе, получился легкий шар диаметром чуть более двух метров. В нем проделали два крупных отверстия для люков шириной в полметра и шесть небольших для иллюминаторов. Внутри настелили пол, к нему наглухо приварили два табурета, поставили регенерационные аппараты.

Много места заняли научные приборы — термометры для определения температуры воздуха внутри и снаружи кабины, барометры, высотомер, счетчики космических лучей. Для управления клапаном и разрывным отверстием был установлен штурвал. На верху гондолы приделали стальной обруч с ушками, чтобы можно было подвесить ее к оболочке аэростата объемом в 14 тысяч кубометров (в такой объем легко поместился бы трехэтажный дом). А внизу соорудили специальную воронку, через которую можно было, не боясь утечки воздуха, высыпать балласт — свинцовую дробь.

Покрасил свою гондолу Пикар в два цвета: одну половину — черным, другую — белым. Черный, как известно, поглощает солнечные лучи, белый — отражает их. Маленький пропеллер должен был в полете поворачивать гондолу, подставляя солнцу то один, то другой бок. Пикар надеялся, что благодаря этому гондола будет нагреваться равномерно.

Для первого полета профессор облюбовал долину недалеко от аэростатной фабрики в Аугсбурге (Бавария). Фирма взяла на себя подготовку материальной части аппарата и командование специально обученными людьми для помощи в момент запуска аэростата. В ясную, тихую погоду на рассвете 14 сентября 1930 года Огюст Пикар и молодой швейцарский физик Пауль Кипфер сели в гондолу и приготовились к взлету. Но вдруг подул сильный ветер. Оболочка, возвышавшаяся на 45 метров от земли, превратилась в парус. Гондолу сбросило со стартовой тележки, зазвенели разбившиеся приборы, запутались стропы.

Только через семь месяцев, 27 мая 1931 года, удалось осуществить полет. На старте, правда, гондола опять упала с тележки и немного деформировалась, но приборы уцелели.

Аэростат стремительно набирал высоту. Люди испытывали такое ощущение, будто летели вверх на скоростном лифте. Но тут у воздухоплавателей заложило уши, возник какой-то свист. Оказалось, что в стенке гондолы образовалась щель, куда устремился драгоценный воздух. К счастью, Пикар предусмотрительно захватил с собой смесь пакли с вазелином. Иначе бы весь воздух вышел наружу, и аэронавты задохнулись бы. Излишек внутреннего давления запрессовал щель волокнами пакли. Свист прекратился. Менее чем за полчаса аэростат достиг высоты 15 километров, уравновесился и поплыл горизонтально по ветру.

Однако на этом злоключения не кончились. Штурвалом Пикар стал испытывать клапан для выпуска газа. Крутнул раз, другой, третий... никакого результата! Клапанная веревка зацепилась за одну из поясных строп. Он стал орудовать штурвалом, надеясь распутать веревку. Ни к чему хорошему это не привело — веревка оборвалась. Стратостат потерял управляемость. Пикар и его спутник сделались пленниками воздуха... Нет, не воздуха — почти безвоздушного пространства. Теперь они неслись в стратосфере на совсем неуправляемом аэростате.

Почему-то отказало устройство поворота гондолы, и она долгое время висела к солнцу черной стороной. Температура внутри поднялась до сорока градусов жары, хотя снаружи было не менее пятидесяти пяти мороза. Пикар и Кипфер разделись до пояса. Мучила жажда, они взяли с собой всего одну бутылку воды... После полудня, постепенно охлаждаясь, стратостат стал медленно снижаться. Пикар вычислил среднюю скорость спуска. Получалось, что они приземлятся... через пятнадцать дней.

Однако к вечеру аппарат стал спускаться быстрее. Долины в горах потонули в сумерках, в гондоле же по-прежнему было светло — ее освещали лучи заходящего солнца. Через 17 часов после старта Пикар и Кипфер сравнительно благополучно опустились на ледник Гургль в тирольских Альпах. Ночь они провели без сна, кутаясь в тонкую ткань оболочки. После жары, пережитой днем в гондоле, холод на леднике показался особенно свирепым. Наутро их разыскали местные жители и помогли сойти в долину. Вскоре команда лыжников вывезла с ледника и оболочку. Поврежденную гондолу пришлось бросить.

Первый полет не дал никаких научных результатов. Однако Пикар многому в этом полете научился. Он внес в управление аэростата серьезные усовершенствования. Для второго старта был выбран аэродром Дюбендорф возле Цюриха, защищенный от ветра горами. Взлет состоялся 18 августа 1932 года. В полет с Пикаром отправился ассистент Козинс. Механизм клапана работал безотказно. Гондола хорошо держала воздух. Но поскольку пропеллер перестал повиноваться и в этот раз, кабина опять оказалась повернутой к солнцу одной сторо-

ной — теперь белой. Температура в гондоле понизилась до двенадцати градусов мороза. Аэростат взвился над вечноснежными Альпами, установил мировой рекорд высоты, достигнув 16 370 метров. Затем воздушные течения вынесли его в Ломбардию. Дальше лежало Адриатическое море, и Пикар решил начать спуск. Выпуская газ через клапан, он медленно вошел в тропосферу, на высоте около 4000 метров открыл люки и, высунувшись наружу, увидел чудный пейзаж — страну, купающуюся в солнце. Затем аэронавты выбросили гайдроп, сбросили балласт и приземлились на поле.

В этом полете Пикар и Козинс собрали ценные научные сведения. Им удалось определить, что в стратосфере космических лучей больше, чем у поверхности земли.

Позднее Пикар выпустил книжку «Над облаками», где описал конструкцию своего стратостата, привел множество расчетов, выписок из бортового журнала. Все последующие конструкции стратостатов были схожи с высотным аппаратом Пикара.

В книге есть глава: «Какой высоты может достигнуть человек?» Отвечая на этот вопрос, Пикар сделал вывод: свободный аэростат может достичь высот от 20 до 30 километров, хотя трудности снаряжения и полета, а также размеры риска будут пропорционально увеличиваться.

Вскоре американцы соорудили аэростат объемом в 24 тысячи кубометров и назвали его «Век прогресса». Старт 21 августа 1933 года прошел удачно. В гондоле летели военные пилоты Сеттль и Фордней. За полтора часа стратостат поднялся на 18 628 метров. Но здесь аппарат подхватил страшный ветер. За несколько часов его отнесло от места вылета на 600 километров. Когда Сеттль и Фордней начали спускаться, они уже были недалеко от Атлантического океана. Им грозила гибель в волнах. Тогда Сеттль стал ускорять спуск, выпуская из клапана много водорода. Стратонавтам удалось приземлиться на суше и спастись.

Осенью того же 1933 года взлетел первый советский стратостат «СССР-1». Пилот-воздухоплаватель Бирнбаум, инженер Годунов и командир стратостата Прокофьев достигли высоты 19 километров, взяли пробы воздуха с различных слоев тропо- и стратосферы, определили количество космических лучей, провели аэрологические и метеорологические наблюдения. Аэронавты с успехом выполнили научную программу и опустились недалеко от Коломны в ста километрах от Москвы.

30 января 1934 года взлетел стратостат «Осоавиахим-1». Он достиг невиданной высоты — 22 километра. Однако вскоре попал в ураган. Удерживающие гондолу стропы оборвались, и она камнем полетела к земле. Смерть аэронавтов Петра Федосеенко, Андрея Васенко, Ильи Усыскина потрясла совет-

ский народ. Урны с нх прахом были замурованы в Кремлевской стеие под гром орудийного салюта.

До 18 километров на стратостате «Эксплорер» («Разведчнк») долетелн американцы Стивенс, Андерсен н Кептнер. Их шар был в трн с половиной раза больше, чем «СССР-1» и «Осоавиахнм-1». Однако оболочка лопнула. Стратонавтам пришлось спасаться на парашютах... Несмотря на аварию, Стнвенс н Андерсен не побоялись снова полететь в стратосферу на аппарате, вчетверо большем наших стратостатов. На старте «Эксплорер-2» возвышался на 95 метров, достигая высоты 25-этажного дома. Чтобы ветер не мешал взлету, его выпускалн нз долнны в горах Южной Дакоты. Но когда стратостат начал подъем, ветер подхватил его и понес на горный склон, покрытый лесом. Пилот Стнвенс не растерялся и в этот раз. Он быстро открыл механнзм для сбрасываиия балласта. Дождем посыпалась мелкая дробь. «Эксплорер-2» оторвался от вершин. Затем он поднялся на высоту 22 066 метров.

В солнечный день 26 июня 1935 года полетел третий советский стратостат «СССР-1-бис». На борту находнлись пилот Зилле, конструктор Прнлуцкнй и профессор Вериго. Гондолу нарочно перегрузнли балластом, чтобы осталось больше временн для научных наблюдений. К 12 часам дия стратостат достиг высоты 16 кнлометров. Научиые наблюдения былн закончеиы, н пнлот собирался начать спуск. Вдруг в нижней частн оболочкн появнлась трещнна. Под давлением газа разрыв стал увеличиваться. Стратонавты сброснлн весь балласт, по возможностн замедляя падение. Когда опустнлнсь в тропосферу и можно было открыть люкн, Вериго и Прнлуцкий выпрыгнулн в тропосферу с парашютамн. Остался в гондоле однн Зилле. Он управлял спуском до самого приземлення. Облегченная гондола мягко коснулась землн. Все приборы, даже стеклянные колбы с пробами воздуха, остались целыми.

Таким трудным оказался путь в стратосферу. Поздиее было предпринято еще несколько полетов — в Испании, Германии, Италин, Амернке, Новой Зеландин. Из десяти попыток проникиуть в высокие воздушиые слои половииа окаичивалась лнбо аварией, либо катастрофой...

Ну а потом началось время рекордов гигантов-самолетов и самолетов-малюток. Загремели имена отважных молодых летчиков: Коккннаки, Громова, Чкалова, Водопьяиова, Леваневского, Каманина, Ляпидевского... Крылья и «пламеииый мотор» оказалнсь надежнее, быстрее, дешевле аэростатов. Даже когда еще не было реактивных двигателей и делом отдаленного будущего считалась герметичиая кабнна, летчнкн уже начали «бомбарднровать» стратосферу.

Из всех рекордов, каких достиг за свою долгую жизнь Владимир Констаитинович Коккинакн, самым трудным он счи-

тал полет в стратосферу 21 ноября 1935 года. Более двух лет бесстрашный испытатель готовился к нему, приучал свой могучий организм к разреженному воздуху. Одноместный истребитель он «раздел» как только мог: отрезал половину топливного бака, снял некоторые приборы, отпилил половину ручки управления, вместо кресла подвесил ремешки...

С земли видели, как его самолетик стал круто забирать вверх. Мотор работал на полную мощность. Скоро истребитель превратился в черную точку, а потом и совсем исчез. Лишь тонкая серебристая ниточка, стелющаяся за самолетом, виднелась в синеве. На аэродроме гадали, сможет ли «наш Кокки» (так звали Владимира Константиновича его товарищи) дотянуть хотя бы до 13 километров. Выше, по теории, человеческий организм выдержать не мог. Одноглазый «король воздуха» Вилли Пост летел на высоте 11 километров в комбинезоне из прочной прорезиненной материи, не пропускающей воздуха, на голове его вместо шлема был стальной колпак с круглым стеклом-иллюминатором. В таком виде он пересек без посадки весь североамериканский материк, что считалось замечательным достижением. В скафандре, по существу герметичной кабине из мягкого материала, Вилли Пост готовился установить мировой рекорд высоты. Однако осуществить мечту не успел — разбился во время кругосветного перелета.

У Коккинаки скафандра не было. Закутан он был в меховую одежду, но все равно страшно мерз. Температура упала до минус шестидесяти. Одеревенела правая рука, держащая ручку управления. Мотор задыхался от напряжения. Самолет летел тише и тише, медленно добирая последние сотни метров высоты. А внизу расстилалась Москва, покрытая дымкой, угадывались петли Москвы-реки, Кремль, железные дороги, заводы, дачные поселки...

Вдруг гул смолк. Пропал в небе и белый след. Лишь директор завода и конструктор истребителя знали: Коккинаки собирался подниматься, пока хватит бензина, а потом станет планировать с выключенным мотором. Так и случилось. Скоро показался самолетик, спускавшийся по спирали. Через несколько минут он пронесся над аэродромом и приземлился. Из открытой кабины вылез закутанный в меха летчик, выпрямился, расправил богатырские плечи и с наслаждением вдохнул земной воздух полной грудью... На ленте барографа прочитали достигнутую высоту — 14 750 метров. Это было даже больше предела для незащищенного живого организма. Выше без специального костюма уже никто не поднимался.

Штурмуя высоты, летчики знали, что их ждет в стратосфере, так как до них там побывали аэронавты. Они им проложили дорогу. Значит, и в этой победе была несомненная заслуга воздухоплавания.

...Наш аэростат поднимался все выше и выше.

Над собой мы видели серебристую сферу оболочкн с черным зевом аппендикса. От нее к подвесному кольцу опускались стропы. У обруча в разиых коицах висели два мешочка. В белом лежал конец от клапаииой вожжи, в красном — от разрывиой тесьмы, которая пригодится только при посадке. Вннзу растекалось белое море облаков. «Им в грядущем нет желанья, им прошедшего не жаль...»

А вокруг было небо — такого красивого неба мы ннкогда ие вндели. Оно казалось слоистым, точно прозрачное желе. Светлое, как туман, у горизонта, а выше размытая голубнзиа постепенно переходнла в сииеву. Там белел овал молодой луны, такой же яркий, каким мы видим его иочью. А еще выше, к зеннту, нависала шапка фиолетовой полусферы. Одиако все краскн перекрывало жарко пылавшее солнце. Сетка, снасти, корзнна, приборы — все было в сверкающем инее, точно деревья в морозный ясиый день.

— Смотрите! — крикнул Сенечка.

Мы оглянулись и уставились на него. У Сенечки уже отросла щетина. В тени на ней висели сосульки, но когда ои поворачивался лицом к солнцу, наледь мгиовенио таяла, превращаясь в капельки влаги.

— Да вы ие на меня! Кругом поглядите! — обвел он рукой в толстой меховой перчатке.

Вокруг корзины кружило, искрясь, белое облако. Оно состояло из крошечных иевесомых игл, образовавшихся от нашего дыхания. Артур вытащил черный фанерный лист, выставил плашмя на теневую стороиу. Шурша и позванивая, нголки сталн ложиться на него. Когда Артур повернул фанеру к солицу, иглы растаялн, остались капельки.

— Ну коиечно же, это коиденсирующиеся пары! — воскликнул командир.

— Но почему облако такое большое?

— Возможио, этот иней не только от нашего дыхання, но и от коиденсации паров внутри аэростата. А может быть, наш сильио иагретый шар вызвал поток восходящего воздуха и при охлаждеиии влага превратилась в иглы...— Артур достал бортовой журнал, поглядел иа приборы и стал записывать их показания. Потом ои сиова поймал иглы на фанеру н сфотографировал «явлеине» крупным планом.

Почувствовав, что замерзает, нервно замяукал Прошка. Теперь он сам просился под куртку, где ему было тепло и спокойно. Митька в своей длиниополой одежке, как в рясе, пока крепился, хотя дышал тяжело.

— Надо приучить его к маске,— озаботился Сенечка.

Словио кляпом, ои заткнул собаке пасть резиновой маской, хотел прижать ремешкамн намордника, но пес подумал, что его

собрались душить, и, конечно, стал сопротивляться. Он сиачала подобру-поздорову хотел спрятаться в ворохе нмущества, но Сеиечка проявил настойчивость. Тогда Митька, как на борцовском ковре, рывком свалил Сеиечку и прижал к полу.

— У-у, образина... Еще рычит,— обидчнво пронзнес Сенечка, признав поражение.

— Ему надо показать пример,— посоветовал Артур.

Мы надели кислородные маски. Собака озадаченно глядела то на одного, то на другого, узнавая и не узнавая нас. Потом нерешительио вильнула хвостом, подставила морду Артуру. Тот без труда надел маску и повернул вентиль баллона. Митька задышал, шумно втягивая воздух.

Сенечка, чувствовавший аэростат как ногу в сапоге, опять насторожился. Поглядел на оболочку, взглянул на приборы — ничего подозрительного не заметил. Свесил голову вниз — и окамеиел. Мы проследилн за его взглядом. На ослепительно клубящемся фоне облаков отражалась в непрнвычном ракурсе тень аэростата, а вокруг переливались, сияли радужные кольца. Их блистающая пляска не походила ни на привычную радугу, ни на полярное сияние. Это было явление другого порядка — таинственное, диковинное, бесовское.

Дрожащими от волнения пальцами я раскрыл футляр фотоаппарата, заряженного цветной пленкой, заменил «полтинник» «телевиком», стал снимать кадр за кадром.

Видимо, такое же иаблюдал в 1872 году и Гастон Тиссандье. Это оптическое явление он назвал «ореолом аэронавтов».

В зоне равновесия радуга растворилась. Сенечка взглянул на Артура: не раздумал ли командир лететь выше?

— Давай, давай,— Артур похлопал рукой по мешочкам балласта.— В случае чего, есть чем задержать паденне.

Вздохнув, Сенечка продел палец в петлю, дернул завязку, высыпал из мешка песок. Шар подиялся метров на триста и снова завис.

— Мандражишь? — спросил Артур ехидно.

— Боюсь за оболочку...

— Бояться волков — быть без грибов.

— Пусть Маркони запросит, где мы?

— Еще не время.

— На всякий опасный...

Отважный Сенечка, оказывается, опасался аварии всерьез. Оболочка была сильно нагрета. От напряженного внутреннего давления шар гудел, точно барабан. Лететь выше — означало терять балласт и газ. Не выдержит шов оболочки, тогда шар лопнет как мыльный пузырь — и ныряй с парашютом нензвестно куда.

У радиостанцнй я запроснл пеленги. Мы находились километрах в тридцати юго-восточнее Пеизы.

— Не бойсь, Сеня! «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

— Смелого-то как раз и сбивает пуля первым, а осторожный живет,— возразил Сенечка, неохотно развязывая новый мешочек.

Мы забрались на девять тысяч метров. Барометр показывал 230 миллиметров ртутного столба, величину, не отмеченную в табличке, прикрепленной Артуром к приборной доске. Красная ниточка термометра примерзла к цифре 43,5 ниже нуля. Аэростат перемахнул высоту Эвереста (8848). Не скажу, чтобы мы в своей теплой одежде и меховых спальных мешках, вдыхая кислород, чувствовали себя сносно. Нет, мы дрожали от холода, и нам было плохо. И тут я вспомнил известную трагедию шведских аэронавтов, задумавших добраться до Северного полюса на аэростате. Пусть это была безрассудная затея, но сам полет следовало бы отнести к числу героических страниц в истории воздухоплавания, великих путешествий и покорения Арктики.

11 июля 1897 года Соломон Андре, Кнут Френкель и Нильс Стриндберг поднялись с одного из островов Шпицбергена на аэростате «Орел». Через несколько дней почтовый голубь доставил весточку от смельчаков: «Ход хороший. На борту все в порядке...»

Следующее известие об экспедиции было получено... через 33 года. Норвежские зверобои обнаружили трупы аэронавтов на острове Белом. Из дневника Андре выяснилось, что на третий день полета из-за обледенения клапана и оболочки аэростат отяжелел настолько, что подъемная сила оказалась недостаточной. Пришлось опуститься на лед, не одолев и половины расстояния до полюса. Хорошо сохранилась и заснятая фотопленка, ее осторожно проявили. На трагических фотографиях были изображены все трое: живы и здоровы. Они установили аппарат на треноге, навели на резкость и нажали кнопку автоспуска. Позади на льду лежал парализованный аэростат...

После съемки, уложив в сани снаряжение, они двинулись на юг. Сохранив бодрость духа после целого месяца пути, вышли к острову Белому. От продовольственных складов Шпицбергена их отделяло всего 50 миль. Кому-то посчастливилось убить белого медведя. К этому зверю и относилась восторженная запись в дневнике Андре: «Белый медведь — лучший друг полярного исследователя».

И в этот момент триумфа на них обрушивается таинственная беда. Первым умирает Стриндберг, через неделю — Андре и Френкель. В их дневниках нет ничего такого, что объясняло бы их гибель. Они находились во вполне сносных для опытных полярников условиях. Удушье, самоубийство, безумие? Ни одна версия не выдерживала критики. До последнего времени в

книгах по истории Арктики присутствовала фраза: «Гибель Андре и его спутников необъяснима».

Тайну разгадал датский врач Эрпет Адам Трайд. Много лет датчанин затратил на поиски вещественных доказательств. На родине Андре, где в музее хранятся почти все вещи, найденные на месте гибели экспедиции, его внимание привлекла небольшая коробочка с обрезками кожи белого медведя. Ему показали также найденный около палатки медвежий череп, несколько позвонков и ребер животного. Трайд соскреб с костей четырнадцать крохотных кусочков высохшего медвежьего мяса и со своим драгоценным грузом, весившим всего три грамма, вернулся в Копенгаген. Там он передал кусочки мяса в бактериологическую лабораторию. И вот официальный ответ: в обрезках мяса найдены трихинелловые капсулы — возбудители тяжелой болезни трихинелеза, вызванной употреблением в пищу плохо проваренного заразного мяса. Белый медведь, удостоившийся столь высокой похвалы Андре, оказался невольным виновником трагической гибели аэронавтов...

Мы продолжали полет на прежней высоте. Сенечку по-прежнему сильно беспокоила оболочка. На морозе прорезиненная ткань теряла эластичность, становилась хрупкой. Артур наконец закончил работу с уловителем космических лучей и кивнул пилоту. Тот с облегчением потянул белый конец клапанной стропы. Поближе к земле все же чувствуешь себя уютней, чем в далеких небесах.

По дороге вниз мы сняли кислородные маски, не забыв и Митьку. Уравновесились на трех тысячах метров. Можно было теперь и потрапезничать. В одном из термосов у нас хранился куриный бульон. Однако второе — сублимированное мясо в целлофановых пакетах — так замерзло, что пришлось размачивать его в горячем чае и сосать как леденцы.

Звери пообедали после нас и, почувствовав, что больше никаких испытаний не предвидится, полезли в свой закуток.

11

Перед рассветом мы проснулись от грохота. Внизу, в облаках, неистовствовала гроза. Как вещал нам в училище Громобой, «гроза есть ливень, развившийся из кучевого облака, сопровождаемый громом, молнией, иногда градом». Если кому приходилось лететь через грозу, тот на себе испытал силу мощных вертикальных токов воздуха в грозовом облаке и «прелесть» провалов в воздушные ямы. От этих же воздушных потоков возникают и молнии. Происходит это так: воздушные токи расщепляют дождевые капли на частицы. Одни из них, заряженные отрицательным электричеством, уносятся прочь, а заря-

женные положительным электричеством сосредоточиваются в других областях облаков; возникает значительная разность напряжения между разнополюсными частями облака и происходит «замыкание», сопровождаемое вспышкой и грохотом.

Летчики обычно обходят грозы, большей частью из-за сильной болтанки, которая вызывает у них основательные перегрузки. Молнии же представляют меньшую опасность, так как попадают в самолет крайне редко. Но конечно, плохо, если самолет окажется на пути электрического разряда...

Однако для аэростатов молнии — злейшие враги. В 1923 году в Бельгии во время состязаний воздушные шары влетели в небольшое грозовое облако. Три аэростата воспламенились от молнии. Пять из шести пилотов были убиты. Оставшиеся в живых на уцелевших шарах получили сильные ожоги.

К счастью, мы находились выше метавшихся молний и хлестких громовых раскатов. Однако какой-то блудливый нисходящий ток захватил нас и потянул вниз. Сенечка бросился к баллону, но его удержал Артур:

— Подожди, поглядим, куда затянет!

— К черту на рога!

Гондола окунулась в мокрую мерзость. И вот тут-то мы увидели как образуется град. Падающие дождевые капли подхватывались восходящими токами и подбрасывались в слой, где температура была ниже точки замерзания. Капли превращались в льдинки. Оттуда они летели обратно, но вновь подкидывались восходящим током, как шарик пинг-понга. И продолжалась эта свистопляска до тех пор, пока замерзшая капля-градина за время своих подскоков не увеличивалась до голубиного яйца и становилась настолько тяжелой, что летела к земле, перебарывая сильнейший восходящий ток.

Судьба как бы нарочно показала нам это чудо и выбросила из грозовых облаков. Ну разве кто бы когда-нибудь увидел такое без аэростата?!

...Холодный фронт, впереди которого мы взлетали в Москве, рассеялся в районе Элисты. Наконец нам открылась земля, кое-где исчерченная прямоугольниками вспаханных полей, паутинками разбегающихся дорог, петель речек. Селений в этих степях было мало. Но виднелись кибитки чабанов и невдалеке от них белые облачка перекатывающихся овечьих отар.

По тени на земле можно было определить, как медленно плыл наш аэростат. Рассчитывать курс было не к чему, поскольку приметные ориентиры, обозначенные на карте, просматривались километров за тридцать вперед.

Мы легли на спальники, собрались подремать, но сон не шел. С ним вообще не ладилось. Привыкли к диван-кроватям, разъелись, как коты. Маленькое неудобство — и спать невозможно! Думали: намаемся в тесной своей корзине, научимся

спать и сидя и стоя. Однако не научились. Чем дальше, тем хуже.

— Сеня, ты жить хочешь? — спросил я, чтобы втянуть его в разговор.

— По-моему, и Митька хочет.

— Митька — животное. У них самоубийством кончают лишь индюки да киты. Да и самоубийством ли? А ты человек!

— Честно говоря, коптить не хочется,— вдруг признался Сеня и завозился, стараясь развернуться ко мне.— Я ведь как жил? Лихо! После окончания Сасовского училища гражданской авиации на «Аннушке» Тюмень и всю тундру облетал. Перешел в Обсерваторию. Еще веселей! На аэростатах такое вытворял, что сам удивлялся. А потом свернули летный отдел, и очутился я как щука в луже... У каждого человека, видать, есть свои звездные годы. У одного — короче, у другого — длинней. У меня пронеслись они быстрей кометы Галлея. Жизнь-то позади оставил в своих шестидесятых. Дальше уж ничего не светит.

— Быть может, после нашего полета что-то изменится?..

— Кто знает? Но мне уж летать не придется, другие начнут — кто моложе, когтистей.

Помолчали, думая каждый о своем. Сеня закрыл глаза Заснул, кажется.

На горизонте показалась охровая от камыша-сухостоя дельта Волги. Множество рукавов разбегалось в стороны, дробилось в камышовых зарослях. По дымке вдали можно было предположить, что там лежала Астрахань. Мы пролетали восточнее города.

Под нами плыли солончаки с плешинами оранжевых песков. Ни одной живой души, ни одного домика. Только темнела железная дорога Астрахань — Гурьев. По ней уныло ползла зеленая гусеница пассажирского поезда. Прикинул скорость. Навигационная линейка показала сто километров в час. Так когда-то летал незабвенный ПО-2, «кукурузник», «русиш фанерен», как звали его в войну гитлеровцы... Но если приземляться, то надо здесь. Дальше будет поздно. В плавнях и камышах мы сгнием наверняка. Не успеют нас отыскать и вытащить.

Запросил метеосводку. Особенно интересовался направлением ветра по высотам. Ответ не обрадовал. Везде дул северный ветер с тенденцией смениться на нужный нам западный. Но когда? Я протянул Артуру карту с помеченным пунктиром курсом:

— Несет в Каспий. На всех высотах от тысячи до семи ветер с норда...

Артур так увлекся своими метеорологическими делами, что поначалу не понял серьезности положения.

— Ну и пусть несет,— сказал он.

— Ты что, трехнулся? Это же море!

— Прости, не понимаю, что тебя всполошило?

— Над морем погибли десятки аэростатов. Если что — нас не спасут парашюты! А надувной лодки нет!

Теперь до Артура дошло. Длинное бородатое лицо его вытянулось. Он прикусил губу, напрягши свои извилины.

— У меня такие оригинальные наблюдения идут,— проговорил он с огорчением и оглянулся на приборы.

Я тоже не очень-то стремился обрывать полет. Хотелось дожать до конца, пока есть еда, есть силы, есть балласт. Конечно, полет над морем мог стать для нас гибельным. Но мы рассчитывали на лучшее.

— Давай Семена спросим,— Артур наклонился над Сенечкой.

— Меня не надо спрашивать,— он вдруг открыл глаза.— Я как вы.

— Мы — за!

— А вот начальство будет против.

Как раз в этот миг запиликала радиостанция. Вызывали нас. В штабе, где прочерчивался наш курс, тоже ушами не хлопали, поняли — нас несет в Каспий. По всем наставлениям, которых придерживались аэронавты, над морем летать запрещалось. Наставлениям надо верить — они писались кровью. Это вдалбливали каждому, кто хотел летать. Двое итальянских воздухоплавателей рискнули перелететь Средиземное море. Их шар попал в потоки, особенно сильные над водой. Аэронавты боролись как могли, то сбрасывая груз, то стравливая газ. Но стропы не выдержали перегрузок. Гондола оторвалась от подвесного кольца и упала в море.

Эти же немилосердные турбулентные беспорядочные потоки угрожали нам. Если даже выдержат стропы, может лопнуть старая оболочка, потерявшая былую прочность.

Неведомый радист упорно вызывал меня. Он просил, требовал отозваться. Но я медлил. Отвечу, когда придет решение. Артур обвел нас взглядом:

— Так летим?

Сеня хлопнул перчаткой по краю корзины:

— Эх, семь бед, один ответ!

Я кинулся к приемнику, отозвался. И тут же на борт сыпанул сердитый текст: «Немедленно садитесь. Это приказ. Морозейкин». Ответил: «Ничего не слышу, понять не могу». Так я играл в кошки-мышки минут пять, хорошо представляя, какой переполох творится сейчас в штабе. Ну, а потом выполнять приказание стало поздно. Нас выносило прямо в Каспийское море...

С высоты оно виделось плоским и очень далеким, спокойным и не страшным. Но когда шар стал снижаться, мы поняли, что море яростно шумит. Рев его был каким-то особенным и ужасающим. Когда плывешь на теплоходе, то улавливаешь удары волн о корпус. Стоя на берегу, мы прежде всего слышим прибой,

шелест гальки, грохот подводных камней. Однако подлинный гул нз-за этих помех не доходит до нас. Теперь же, когда невдалеке вздымалнсь волны н бросались одна на другую, рев казался буйным, недобрым и неправдоподобно глубоким, как у трубы, звучащей на самых низких басах.

Ни Морозейкин, ни Стрекалис, нн авиацнонное начальство до нас не добрались. Зато нам устроила порку стихия. Взбаламучеиные потоки вцепилнсь в шар зубами н начали трепать, как обозленный Трезор ненавистную кошку. Ветер то бросал к волиам, то подфутболивал вверх. Нас вдавлнвало в пол, точио прессом. Оболочка подозрительно скрипела.

Сенечка с Артуром смотрелн на воду, стараясь узнать: смещается лн наша тень. Она подскакнвала на пенных волнах, какне бывают при жестоком шторме, но понять, двнжемся мы нли висим на месте, было нельзя. Оставалось гадать, чем все это коичится, напустив на себя спокойствие. Все равно мы ничем себе помочь ие могли, и нам теперь уж тоже никто не поможет. Мы сами поставили себя в такое положение.

Корзину трепало, как шлюпку в бурю. Мы цеплялнсь за ее края. Тот же бешеный вихрь, который помыкал нами, трепал и оболочку вокруг аппендикса.

Истошный вопль подняли звери. Митька заметался по корзине, опрокндывая термоса, баллоны, приборы, батареи. Прошка взвнлся по толстому каиату гайдропа к подвесиому кольцу и орал, словно с него сдирали шкуру.

Достнгнув какого-то невидимого потолка, аэростат валнлся вниз. Пол уходил из-под ног, выворачивало внутренностн. У самых волн, какие поднимал десятибалльный шторм, гондола с шумом врезалась в тугую прослойку воздуха и сиова подскакивала к небесам. А мы смахивали с лица солеиые капли брызг. Сброснв треть оставшихся мешочков с песком, выкииув пустой кислородный баллон, мы искали спасения на большой высоте.

Основательио намяв нам бока, судьба, в конце коицов, смилостивилась над намн. Через несколько часов мы обнаружили, что попали в струю западного ветра. Оиа понесла аэростат на восток в сторону спасительного берега.

Показался корабль. Было видно, как он боролся со штормом, работая машинамн на полную мощность — от его форштевия в обе стороны разбегались волны, похожие иа седые усы. Значит, мы не однн. Уж если не спасут, то увидят, как гибли, сообщат...

12

Вскоре по горнзонту пролегла фиолетовая полоска суши. Потом появился фрегат с белыми парусамн. По мере прнближеиня ковчег распадался, ширился н уже стройной флотилней

развертывался фронтом, словно перед баталией. Артур посмотрел в бинокль. Восьмикратно увеличенная флотилия мгновенно потеряла свою сказочность. Это были не корабли, а строй светлых многоэтажек с островками парков, озелененными проспектами, фонтанами. Это был город Шевченко — один из молодых городов полынно-солончакового и песчаного полуострова Мангышлак, возникший на месте глинобитного поселка Актау.

«Настоящая пустыня! Песок да камень, хоть бы травка, хоть бы деревцо — ничего нет»! — воскликнул в отчаянии Тарас Шевченко. В здешнем форту поэт провел семь лет каторжной солдатчины. Царь знал, куда ссылать неугодных вольнодумцев. Здесь нет ни одной речки или озера с пресной водой. Пятидесятиградусная летняя жара испепеляет все живое, зимой выжигают пустыню сорокаградусные морозы. Воду для питья привозили с другой стороны Каспийского моря.

Шевченко, по существу, был первым для нас городом, над которым мы пролетали днем и могли разглядеть его в деталях. По озелененным проспектам, раздувая пышные фонтаны, шли поливальные машины, пролетали «Волги» и «Жигули», автобусы заглатывали на остановках пестро одетых людей. Видны были здания фабрик каракуля и верблюжьей шерсти, химических заводов, исследовательских институтов и учреждений.

Вынесенную за город атомную станцию, первую в мировой практике оснащенную реактором, работающем на быстрых нейтронах, мы узнали по высоким трубам и корпусам из стекла и бетона. От нее уходили высоковольтные опоры к буровым вышкам и эксплуатационным установкам, темневшим островками в желтой пустыне.

У города не было привычных окраин. Оборвались многоэтажки, исчезла извилистая лента рукотворных насаждений, напоминавшая крепостную стену, и потянулись, насколько хватал глаз, барханы. Освещенные малиновым закатом, они терялись вдали, сливаясь на горизонте с сизыми сумерками.

Во время очередного радиосеанса Морозейкин спросил, почему не работала рация, когда нас несло в море. По радиограмме тона не уловишь, но было и так понятно, что начальство за нас переволновалось не меньше, чем мы сами. Ответил: заменял у приемника конденсатор и связь держать не мог. Виктор Васильевич еще поинтересовался, сколько осталось балласта, как самочувствие экипажа, и разрешил лететь дальше.

Артур, наблюдавший за мной, подозрительно спросил:

— Ты что радуешься, как семеро козлят?

— Жить хорошо, Арик! Мы летим! — Я накрыл рацию чехлом, потянулся, напрягая занемевшую спину.

— Тогда ужинать — и бай-бай!

— Может, кагору хлебнем?

— Договорились же: после посадки!

...В эту ночь выспаться не удалось. Растолкал Артур. Он дежурил с полуночи до четырех утра.

— Братцы, что-то происходит там...— при слабом свете луны его лицо было белым, как у мима.

Чертыхаясь, мы вылезли из спальных мешков, посмотрели вниз. Темень. Классик сказал бы: «Не видно ни зги». Вдруг вспыхнул огонек, промчался бесшумно, точно стрела, и пропал за горизонтом. Следом вспыхнул другой огонь, тоже чиркнул метеором по аспидной земле.

— Стреляют? — предположил Сеня шепотом.

— А где грохот?

— Может, лазер?..

В одном месте огненные линии заметались вкривь и вкось. У нас зашевелились волосы.

— Где летим? — Сенечка включил фонарик, посмотрел на карту.— Судя по курсу, Голодная степь... Пожалуй, надо поставить в известность штаб.

— А чем он поможет?

— Ничем, но разъяснит...

— Огни же нам не мешают,— вмешался я.— Если какие-нибудь испытания, так уберемся подобру-поздорову и станем помалкивать.

Этот совет не устроил Артура:

— Садись за рацию, работай на аварийной волне.

Работать не хотелось. Хотелось спать. Наклонился над рацией, прикинулся, что собираюсь исполнить приказ. По затылку скользнул лунный свет. Стоп! Кажется, осенило. Поглядел на луну, вниз посмотрел. Ну конечно же! Поехали по шерсть — вернулись стрижеными.

— Все же удивляюсь ученым людям,— начал я с подковыркой.— И глядят, да не видят...

Артур насторожился:

— Ну-ну, продолжай!

— Это же оросительные каналы преображенной Голодной степи. Газеты читать надо!

— Каналы?!

— Попадают в лунную дорожку, отражаются, а тебе мерещится всякий вздор.

Поворчав, я полез в спальный мешок. Сквозь дрему слышал, как Артур поднял на вахту Сеню и сам тут же заснул, задиристо засвистел простуженным носом. Наверное, я забылся на каких-нибудь полчаса, и тут трясет мой спальник уже Сенечка.

— Ну, что еще? — сердито спросил я, поняв, что сон не вернуть и надо вставать.

— Тарелка!

— Да вы спятили! Одному — лазеры, другому — тарелка...

— Да нет, в самом деле! — Семен взглядом показал на светящийся вдали шар величиной с копейку, добавил зловеще: — Ей-богу, тарелка!

Испугавшись, что неопознанный летающий объект может внезапно исчезнуть, я схватил фотоаппарат, поставил самую большую выдержку и начал щелкать затвором.

Придушенная утренняя пляска разбудила Артура. Он быстро выпростался из мешка, обеспокоенно поглядел на нас.

Почти на равном удалении от большого шара по обе стороны висели еще три светлячка поменьше.

— Тот главный, а эти — разведка! — сказал Сеня.

Утверждают, что НЛО нет и быть не может. Бывший флаг-штурман полярной авиации Валентин Иванович Аккуратов, которому я верю больше других людей, и тот рассказывал, что видел во время одного из полетов нечто подобное неземному аппарату. Да и мы не ослепли! Мы видели! Разное про них писали — и что в плен захватить могут, и сжечь, и забить до смерти... Стало страшно. В таких случаях первым делом отказывала рация. Я повернул выключатель — «Маяк» работал, передавал малахольную музыку. Однако светящийся шар с шариками-спутниками не удалялся и не приближался, словно присматривались. Мы двигались, и они перемещались с той же скоростью.

— Сейчас посовещаются и съедят,— тихо проговорил Артур.

Он заинтересованно смотрел не столько на шары, сколько на нас.

— Да ты очки протри! — с суеверным страхом воскликнул Сенечка.— Видишь, у них бортовые огни?!

— И музыка вроде играет,— Артур упрямо не понимал серьезности положения.

— Маркони! Все-таки передай в штаб: видим неопознанный летающий объект...— Сеня часто-часто заморгал белесыми ресницами.

Я вопросительно взглянул на Артура.

— Ничего не передавай, засмеют,— сказал Артур.— А тебе, Сеня, стыдно не знать. Чему только вас учили перед полетом, академики?! Это же Юпитер — самая большая звезда Солнечной системы. В здешних широтах на рассвете Юпитер появляется на горизонте. Звезды поменьше — просто из другой Галактики.

Сенечка не поленился вытащить навигационный справочник.

— Точно, Юпитер...— Он смущенно почесал затылок.

Артур мстительно рассмеялся:

— От худого ума — беда. Так-то, братцы сердечные...

13

Трудно рассказать обо всем, чем занимался наш ученый командир. У него было много приборов. Сами по себе они ни о чем не говорили. Отсчитывали свои миллибары, метры, градусы, икс-лучи... Но, отталкиваясь от частного, он как бы решал глобальные задачи, которые тревожили людей.

Делая пробы воздуха, он убеждался в увеличивающемся количестве углекислоты в атмосфере, о чем ему говорил Гайгородов перед полетом. В цепи взаимосвязанных экологических колец из-за массовой вырубки лесов, варварской эксплуатации пастбищ и пахоты, чудовищного выброса промышленных отходов, неупорядоченного роста городов в подлунном нашем мире происходили необратимые процессы, которые вели к заметному потеплению планеты. Быстрей стали таять ледники в полярных областях и на горных массивах. Уровень Мирового океана за последние сто лет повысился на 10—15 сантиметров...

Мы летели над пустыней. Мы видели дела людей — каналы, лесопосадки, оазисы. И все же зеленые островки оставались островками в безбрежье барханов, такыров, соленых мертвых озер. И если опять-таки окинуть мир всеохватным взглядом, получится печальная картина. Не за столетие, не за полвека, а за один-единственный год площадь пустынь увеличивается на 20 миллионов гектаров. Сегодня опустынивание угрожает трети суши планеты. Чтобы бороться с нашествием песков, нужны точные цифры потерь. Чтобы узнать причину поражений, нужна разведка по всем фронтам — от стратосферы, космоса до глубин Земли. И данные, собираемые Артуром, шли в общую копилку знаний для грядущего наступления на засуху, ураганы, землетрясения, голод...

Сеня удерживал высоту, с беспокойством отмечая утечку газа из оболочки. Он уже пересчитал все оставшееся имущество и сбросил тару, чтобы сэкономить мешочки с песком. Из восьмидесяти семи их оставалось тридцать два. Если прибавить к этим шестидесяти четырем килограммам вес последнего баллона с кислородом, который тоже скоро придется выбросить, да пустые термосы из-под чая и бульона, то получится около ста килограммов. Запас для более или менее благополучной посадки, в общем-то, критический. Но не сильный западный ветер нес аэростат в сторону восточного Казахстана, так что Сенечка тянул на честном слове, мечтая как можно дольше продлить полет.

Вдруг снизу захлопали выстрелы. В облачке седой пыли неслись по степи сайгаки. За ними гнался УАЗик с тремя стрелками. Кто-то из них увидел наш «пупырь». Машина остановилась. Стрелки, сверху похожие на блох, повыскакивали на землю и стали громко кричать, тыча руками в небо. Кто-то из них первым

сообразил стрелять, вскиинул ружье и иачал палнть. Высотомер показывал две тысячи метров. Но иепоиятио, какое оружие было у людей. Если карабины, то могли достать запросто. Тогда одиой пули хватит, чтобы сбить иас. Сеия второпях выкиинул сразу десять мешочков, пытаясь скорей уйти от огия.

— Прекратите стрелять! — что есть снлы закрнчал в мегафои Артур.

Но бракоиьеров уже захватил азарт. Крика оии ие услышали, вскочили в машнну и понеслись за иами, паля на ходу.

— Помяиите, какие-то иачальники резвятся,— чуть не плача, простоиал Сеия.

Тогда разъяреииый Артур выдериул из нашнх узлов ружье «Барс», вогиал в ствол патрои и выстрелил.

— Дай-ка мие! — еще в училище я наловчнлся неплохо стрелять, брал первенство на окружных соревнованнях. Как на стеиде, положил ложе иа бортик корзины, повел мушку перед мотором УАЗика, попридержал дыхаиие и спустил курок.

Машииа дериулась, будто влетела в колдобииу. Скорее всего, в цель я не попал, было далеко, однако до бракоиьеров дошло: на «пупыре» летели вооружеииые люди. Развериувшись, оии дали тягу. Я и Артур издали вопль восторга, однако Сенечка был удручеи — двадцать килограммов балласта как не бывало.

— Хочешь ие хочешь, а вечером придется саднться,— сказал ои.

— Поставь в известиость землю,— распоряднлся Артур.

Вызвать ближайшую стаицию труда не составляло. Диспетчер откликнулся тут же. Я изввал квадрат и сказал, что аэростат обстреляли трое иеизвестных иа зеленом УАЗике, вооружеииых карабииамн или внитовками, просил прииять меры.

Надо полагать, сообщеиие вызвало паиику. Дальиейшее смахивало иа аваитюрный рассказец. Мииут через десять диспетчер передал, что к месту происшествия вылетел военный вертолет с группой захвата. Вскоре мы услышалн рокот. Вертолет пролетел ниже, раскручивая серебрнстые виниты. УАЗнк начал петлять, но вертолет спикировал коршуном и прижал к заросшей камышом речке. В биноклы было вндно, как распахнулась дверца, на землю высыпало отделеиие десантников в пятиистой маскировочной форме. Сайгаки к этому времеии скрылись. Бракоиьеры сложили оружие. Кажется, порок был иаказаи, восторжествовала добродетель...

После обеда горизоит стало заволакивать тучами. Онн вылуплялись как бы нз ничего. Всего мииуту иазад разливалась синева. Виезапио появнлось «кучево-дождевое облако грозового характера» — как определил бы иаш Громобой, первый наставник метеорологии, склоииый к точиости термннов. Из облака потяиулась вихреобразиая вороика, даже ие воронка, а веретеиообразиая дуга лиловой окраски. Бешено раскрутнв-

шнсь, она коснулась земли, подняла тучу пылн н понеслась по степн, нграючн вырванными кустарниками н травой.

Нацеливаясь фотоаппаратом, Артур объясннл:

— Этого чертенка зовут торнадо. Как он образовывается? Здесь пока много неясного. Рассуждая логнческн, можно предположнть, что имеет место повышение температурного градиента до велнчнны, значнтельно превышающей адиабатическнй градиент...

Блеснув очкамн, он помолчал, глядя на наши разинутые рты. Убеднвшнсь, что ни я, ни Сеня ннчего не поняли, попытался объясннть более популярно:

— Внутрн смерча возннкает очень ннзкое давленне — вполовнну меньше нормального. Вблнзн ветер настолько силен, что возннкает «взрывной эффект». Он рушнт дома, опрокидывает поезда, срывает опоры электропередач, как это случилось в Иванове н Смоленской областн... Теперь поняли?

— Как бы ие угоднть в него,— проговорнл Сенечка, с настороженностью следя за бесновавшнмся волчком.

— Он уже теряет снлу,— успокоил Артур.

Смерч опять всосался в облако и там потерялся.

— А теперь, братцы-академнки, давайте решать, когда будем садnться,— сказал командир, помедлив.

Я прикинул ия карте, куда нас вынесет к вечеру. Получалось — в степь северней Балхаша. Больших населенных пунктов вблизи не было. Ннкому не доставнм непрнятностей, хотя прндется долго ждать помощн. В воздухе мы находнлнсь более восьмидесяти часов, изрядно усталн, успелн обрастн н обгореть на солнце, как в высокогорье.

— Дальше лететь рнскованно,— высказал благоразумную мысль Сеня.

Прнннялнсь упаковывать вещи, сннмать прнборы, связывать спальникн н палатку, вкладывать в ящнкн жесткую н хрупкую утварь вроде бниокля и фотоаппаратов. В свой спальннк я засунул термос с кагором.

Митька с курткой освонлся как со своей н высказал недовольство, когда я распорол стежкн н вытряхнул его нз тепла. На километровой высоте термометр фнкснровал плюс двадцать два. К вечеру, конечно, похолодает, но мы уже начнем прнземляться.

Артур составил для штаба многострочную раднограмму. Я запроснл местные метеостанцнн о снле ветра у земли. Передавалн умеренный северо-западный с порывамн до десяти метров в секуиду. Сеня крякнул. Значнт, аэростат будет мчаться у земли со скоростью трактора «Кнровец» — кнлометров сорок в час. Гондола, понятно, побьется, не говоря уж о нас, грешных. Недаром же посадку на аэростате остряки иазывают «управляемым несчастным случаем».

Вечерело. Шар поиемиогу терял высоту. Чтобы он не набрал ускорение, Сеиечка сброснл кнслородный баллои н песок нз Прошкнной н Митькиной уборной. Я определил пеленги, поочередно иастранваясь на все маяки, находящиеся в зоне радиообмеиа. О предполагаемом квадрате прнземлення передал в штаб и в республиканское управление гидрометеослужбы в Алма-Ату. Закончнв передачу, свернул рацню, вытянул антенну. Теперь уж в воздухе она не пригодится.

— А ведь в поле-то придется под шапкой ночевать,— проговорнл Артур, глядя на пустынную степь.

Сеня старательио, как продавец в прнсутствии инспектора ОБХСС, стал отмерять совком последние дозы песка, затем потянулся к стропе, ведущей к клапану аэростата. С кротким всхлипом сработала крышка, прижатая пружинами. Подъемная сила уменьшилась. Навстречу понеслась земля, кое-где нспещренная строчкамн строп. В последних лучах уходящего солнца мелькнуло вдалн несколько малых поселков с глинобитными овчарнями на околице.

Артур отвязал конец гайдропа. Вниз, разматываясь, полетела бухта толстого веревочного троса. Из красного мешочка над головой Сеня достал стропу разрывного отверстня. Стрелка высотомера прнближалась к нулю, хотя конец гайдропа еще болтался в воздухе. Спускались мы довольно быстро. Артур сбросил тюк с парашютамн, чтобы замедлнть паденне.

Теперь важно было дернуть разрывную вожжу в нужный момент: не слишком рано — ниаче корзнна снльно ударнтся о землю, и не очень поздно — в этом случае оболочку, откуда не полностью выйдет газ, вместе с гондолой будет долго тащить по степн.

Я вцепился в стропы. Неотвратнмо н жутко прнближалось поле в кочках верблюжатника н вереска, полыин н ковыля. Только сейчас на посадке мы почувствовалн, как сильно дул ветер и страшиа была сыра-земля.

Гайдроп поднял пыль, вызвав сумятицу у сусликов н сурков.

— Двадцать пять, двадцать...— начал счнтать Артур, определяя на глаз расстояние, потому что уже ни однн прибор не действовал.

Гайдроп нзвивался змеей, щелкая хвостом, как кнутом. Почуяв нашу иервозность, в угол забились Митька с Прошкой.

— Десять... Семь...

Чтобы наполненная газом оболочка долго не волочнлась по земле н водород не взорвался бы от трения, надо было поскорей расстаться с газом. Рука Сени с намотанной иа ладонь красной стропой дернулась. Вверху затрещала леита разрывной щели. Выдох как у кнта-финвала. Газ рванулся нз оболочки, точно узннк на волю. Гайдроп начал таскать корзину нз стороны в сторону.

— Ноль! — взвыл Артур, но еще успел докричать: — Держись!

Ивовая корзина с лёта врезалась в землю, как в гранит. Раздался терзающий душу скрип. Спружинив от удара, корзина подскочила метров на пять, накренилась так, что из нее посыпалась поклажа. Бухнулась вновь, опять подпрыгнула, выбивая из нас дух, словно пыль из ковра. Что-то тяжелое пребольно колотило по бокам и голове. По лицу хлестали стропы. Свободной рукой я хотел дотянуться до Митьки, чтобы его удержать, но пес уже был вынесен и повержен. За котенка я не боялся. Прошка при любом раскладе приземлялся на все четыре.

Через минуту боковым зрением я заметил Митьку. Он несся за нами, делая, как и корзина, большие прыжки.

Корзину тащило метров сто, пока не вышел весь газ и не улеглась оболочка. Гордое творение наших рук теперь съежилось, испустило дух, превратившись в бесформенный ворох серебристой ткани.

На карачках мы выползли из груды имущества. У Сенечки заплыл глаз. Артур держался за щеку, откуда вырвало кусок бороды. Поднявшись на ноги, мы почувствовали, как студенисто плывет и качается земля. Ощупали руки, ноги — вроде целы...

Артур поглядел на часы. Они показывали восемнадцать сорок. Стало быть, с момента взлета прошло 84 часа, трое с половиной суток.

Уже в затухающих сумерках мы стащили в одну кучу вещи, растерянные при посадке. Ни разбить палатку, ни залезть в спальные мешки не было сил. Неодолимый сон навалился на нас. Артур и Сенечка подсунули под головы парашюты и тут же затихли. Я лег на оболочку, положил голову на спальник, поискал положение, при котором бы ничего не болело, но, кажется, так и уснул, не найдя.

14

«Не изведав горя, не узнаешь радости» — так утверждает пословица. Жаркое солнце било в глаза. Я кряхтел, морщился, пытался повернуться на другой бок, но даже сквозь сомкнутые веки раздражал ослепляющий свет, упорно взывал к пробуждению. Наконец собрался с духом и сел, охнув от боли. Болело все — от макушки до пяток, как после побоев. С усилием разлепил глаза — и взревел от страха. На меня смотрела дьявольская морда. В панике я треснул по ней кулаком, вскочил на ноги. И тут понял: нас окружала тысячная орава овец. Поджарые после летней стрижки, похожие на гончих, животные, отпихивая друг друга, молча лезли на распластанную по земле оболочку, слизывая влагу, которую мы стащили с хо-

лодного неба. Митька так же молча гонял их, но отара, презрев страх, бросалась с другой стороны к образовавшимся на непромокаемой ткани лужицам.

Овцы хотели пить — это ясно. Но где же чабаны? Почему они бросили животных на произвол судьбы? Пинками я расшвырял наиболее оголтелых. Острыми копытцами они могли порвать оболочку — как-никак, а казенное имущество.

Артур и Сенечка проснулись уже после того, как оболочка просохла и овцы отхлынули, а вожаки-козлы взирали издали воинственно и недобро.

Мы еще раз прошлись по степи до того места, где корзина впервые ткнулась в землю, подобрали разбросанную мелочь — экспонометр, патроны, Сенечкину запасную куртку, потерянный Артуром унт, мой нож в кожаном чехле... Потом сложили оболочку, как укладывают парашюты, подогнав стропу к стропе.

Я развернул рацию. Перед посадкой я упаковывал ее в деревянный ящик, выложенный изнутри поролоном. Приемник работал, однако передатчик отказал. Стал искать повреждение, не особенно веря в успех. После такой «мягкой» посадки не то что тонкий механизм с ювелирной пайкой, а орудийный лафет развалился бы на куски.

Стало припекать. Мы вылезли из меховых одеяний, оставшись в свитерах и спортивных брюках.

— Где же все-таки люди? — недоумевал Артур, озираясь на овец, безмолвным кольцом окруживших нас.

— По карте отсюда в семи километрах к северу поселок Карабулак. А восточней — в десяти — Джанысгой... Не может же быть, чтобы люди не видели нас,— сказал Сенечка.

— Если из поселков не заметили, то чабаны-то должны видеть! Может, прячутся?

— У нас рога, что ли? — возмутился Артур.

Он расхаживал, заложив руки за спину, и вдруг замер. Мы вытянули шеи. Со всех сторон, обкладывая нас, как волков, мчались всадники. Под копытами вилась густая пыль.

— Тут что-то не так,— прошептал Артур, бледнея.

Лава приближалась. До нас донеслись воинственные крики, гиканье. Наездники мчались, держа наперевес ружья и вилы. Сенечка потянулся к «Барсу», но Артур одернул его:

— Не смей! Истопчут!

— И пойдем как бычки под кувалду? — огрызнулся Сеня, хотя уже ясно видел, что остановить выстрелом осатаневшую от гонки лавину было невозможно.

Передние на всем скаку попытались затормозить, но давнули задние, образовалась куча мала. Я и рта не успел раскрыть, как кто-то заломил мне руки за спину и начал туго вязать веревкой. Рядом безмолвно бился Сенечка. Артур кричал,

однако его вопли не доходили до торопких, деловых степняков, привыкших укрощать не то что людей, а трехлеток-жеребчиков.

Дольше всех отбнвался Митька, но и он скоро исчез из поля зрения. Котенчишку, наверное, вообще затоптали.

Через минуту-другую мы тюфяками валялись в пыли, расхристанные, обезоруженные, грязные. Однн из всадников — крепыш в лисьем малахае н пиджаке в клеточку — поднял руку с плеткой на кисти. Крнкн н гвалт мгновенно стихли.

— Кто такие? — крнкнул он фальцетом.

— С этого бы и начали, прежде чем руки-то ломать,— сказал Артур.

Всадник кивком сделал знак. Двое спрыгнули с коней, подхватили Артура под мышкн, поставили на ногн.

— Все наши документы в планшете.

Кто-то разыскал сумку, услужлнво подал всадннку в малахае. Тот читать не стал, а засунул планшет за голеннще мягкого сапога.

— Разберемся,— он стегнул ннзкорослого конька, крутнулся на месте и выиесся из круга.

Нас перекннули через седла н погналн лошадей. В нос бил крепкий запах конского пота и полынн. Все косточки кричали иадсадным криком. Самое скверное — не видио было, куда везут. Лицо бнлось о тугой лошадииый бок. В глаза, рот и ноздри летели ошметки земли, сухой и соленой на вкус.

Иногда с галопа лошадь переходила иа рысь. Тогда тряска делалась совсем невыносимой. Я попытался переменить положение, но получил удар под ребро кнутовищем. Захлебываясь от боли и злости, стал крыть своего лнходея, его родителей, бабушек и дедушек.

— Дай передохнуть, мочи нет!

Мучнтель натянул поводья:

— Хочешь, посажу в седло?

Не дождавшись ответа, он потянул меня за шиворот, вставил в седло, сам уместился на крупе. Я разлепил глаза. Впереди мчалась основная масса доморощенной орды. Там находились Артур и Сенечка. Сзади и по бокам неторопливо рысили те, кто отстал.

В поселок нас не повезли. Сгрузилн на выгоне, затолкали в пустую овчарню. Сквозь маленькие оконца мутно тек солнечный свет. От овечьего старого навоза тянуло смрадом. Стала терзать жажда. Пнть захотелось мучнтельно. Артур подошел к воротам, сквозь щели в иссохшнх досках виднелась жердь засова. Он пнул ногой. Приблизился пожилой бородатый стражник с двустволкой на ремне. Что-то сказал по-казахски.

— Пить дай! — рявкнул Артур.

Караульщнк выпалил длнниую фразу и ушел в саманную сторожку, где, видно, собирались овцеводы в знмние ночи.

Прошло минут пять. Убедившись, что стражник и не думал поить нас, Артур стал колотиться боком, поскольку руки у него были связаны. Казах рассердился, стал что-то кричать, гневно потрясая ружьем.

— Пить дай, палач! — взревел Артур.

Сторож потоптался, опять протрещал какую-то фразу и скрылся за дверью. Он так и не вышел из домика, хотя Артур раскачал ворота настолько, что они едва не слетели с петель.

— Давайте лучше развяжем руки,— подал мысль Сенечка.

Мы занялись этим делом, но оказалось, что степняки вязали узлы не хуже боцмана-сверхсрочника.

К нашей радости, у деревянного корыта в желобе скопилось немного тухлой воды. Слизывая остатки, я увидел ржавую скобу. Ею была прикреплена к стенке колода. Я привалился к скобе спиной и начал перетирать веревку.

Снаружи послышалось негромкое повизгивание.

— Митька!

Пес обежал овчарню, однако лаза не нашел. Тогда вынюхал место, где можно скорей к нам прокопаться. Артур ногой стал разгребать мусор, чтобы облегчить собаке работу. Вскоре показалась лохматая голова. Взвизгивая от радости, Митька поочередно облизал всем лица. Сенечка подставил ему связанные руки, надеясь, что собака поймет, разгрызет узел зубами. Однако четвероногий воздухоплаватель тут оплошал. Он никак не мог понять, чего от него ждут. Пес махал хвостом, щерился, изображая улыбку, лизал руки, но к веревке не прикасался.

Я перетер связку, помог освободиться от веревок Артуру и Сенечке.

От житейской мудрости, что лучшая защита — это нападение, родился дерзкий план: вылезти Митькиным ходом наружу, обезоружить караульщика, отдать заложника в обмен на ведро воды и свободу. Опасно, конечно, было подставлять себя под внезапный выстрел. У степняков ухо чуткое, рука быстрая. Но не подыхать же, пока разберутся!

Однако осуществить это намерение не удалось. Мы увидели приближающуюся со стороны поселка толпу.

— Будут линчевать,— мрачно изрек Артур, уже не веривший ни во что доброе.

Первыми примчались мальчишки, сорвавшись с уроков. Они облепили щели в овчарне. В проем двери рванулся ослепительный свет. Раскинув руки, в затхлый полумрак овчарни вбежал коренастый знакомец в лисьем малахае и клетчатом пиджаке:

— Ах, какая промашка! Простите, товарищи дорогие!

Его дюжие молодцы подхватили нас под руки, поддерживая и на ходу рассыпаясь в извинениях, вывели на свет божий.

— Пить дайте,— пошевелил пересохшими губами Артур.

Откуда ни возьмись, прямо как в сказке, появились ведро с холодным айраном[1], пиалы. Какой-то мужичонка, по-моему учитель или местный культработник, сообщил, будто в поселке митинг собрались устроить, потом обед, потом отдых...

Ну и поплыло, завертелось. Из центральной усадьбы приехал председатель колхоза с членами правления. Прилетел вертолет с областными чинами. В вольной степи у камышового озера жарко заполыхали костры. В тазах горами возвышались баурсаки — вроде пресных пончиков на бараньем сале. Сытным запахом лапши и вареного мяса тянуло из многоведерных казанов: делался бешбармак, любимое блюдо казахов, такое же традиционное, как у сибиряков — пельмени, у узбеков — плов, у грузин — шашлык. Ели бешбармак пятью пальцами и днем и звездной ночью. В свете костров виднелись багровые лоснящиеся лица, на темных пальцах сверкал жир. Митька с Прошкой, объевшись, не казали носа, отсыпались вдали от возбужденной толчеи.

Дурной скажет, *что* ел и пил, а умный — *что* увидел. Так вот играли домбры, из района волнами накатывалась организованная клубная самодеятельность. Танцевали девушки в национальных костюмах. Юнцы показывали искусство верховой езды и борьбы. Такого многолюдья поселок никогда не видел.

Как выяснилось, мы опустились в девственную степную глубинку, в одну из дальних бригад, которой командовал крепыш в малахае. Чабаны, увидев в вечернем солнце спускавшийся с неба шар, побросали отары и примчались к бригадиру с вестью на взмыленных конях. Бригадир кое-что слышал о летающих тарелках, пришельцах из космоса и шпионах, которые на какие только хитрости ни пускаются, лишь бы перескочить через священные рубежи. Поскольку телеграфной и телефонной связи не было, он тут же послал нарочного на центральную усадьбу, лежавшую чуть ли не в сотне километров. Сам же с верными людьми обскакал ближние аилы, поднял народ, вооружив всем, что под руку подвернулось, и утром тепленькими взял нас в полон.

Нарочный тем временем добрался до председателя. К нему уже пришла телеграмма о возможном приземлении аэростата на колхозной территории. Просили позаботиться о воздухоплавателях и организовать отправку их имущества в Москву. Боевого и скорого на расправу бригадира председатель хорошо знал. Он тут же погнал нарочного обратно, дав лучшего иноходца, а вскоре и сам выехал навстречу, прихватив с собой членов правления.

Когда мы со всеми перецеловались, признались в вечной дружбе, я, улучив момент, подступил к бригадиру:

---

[1] **Айран** — разболтанная в воде простокваша.

— Скажи, дорогой Жоиатай, куда девался термос с кагором?

— Какой кагор, зачем кагор?! — заволиовался простодушиый Жоиатай, пряча глаза под рыжнм малахаем.— Кушай барашка, пей кумыс, пожалуйста. Не иадо кагора!

Я поиял, что иапиток, добытый Стрекалисом, уже ие вернешь. Чистосердечиые иовые друзья собрали все потеряииые иами вещи, привезли баллои из-под кислорода и термосы, сброшеииые перед посадкой, отыскали в степи даже мою авторучку, одиако кагор нсчез, будто его и ие было.

Через иеделю оболочку, приборы и другое обсерваторское имущество погрузили иа машины и увезли к железиодорожиой стаиции. Сеия поехал сопровождать груз, захватив Митьку и Прошку, поскольку пути аэрофлота для животиых заказаиы. Меия с Артуром вертолет доставил до Алма-Аты и оттуда иа рейсовом «ТУ» мы вылетели домой.

В пассажнрском салоие было уютио, чисто, тепло. От жгучего высотиого солица защищали сииие светофильтры в иллюмииаторах. Виизу, пенясь, меняя очертаиия, проплывалн облака. Еще иедавио мы трогали их своими руками. Доведется ли виовь изведать то иепередаваемое чувство блажеиства, какое возиикает лишь в полете иа аэростате, когда ие гудят двигатели, ие вибрирует кабина и иа сотии километров вокруг царит глубокая, величествениая, космическая тишииа?..

Профессор Огюст Пикар, летавший иа стратостате, яростио защнщал воздухоплаваиие. Полемизируя с противииками, ои задавал вопрос: будет ли воздушиый шар окоичательио забыт или сдаи в музей? Нет, утверждал ои, шар все же останется свободиым аэростатом, и иа иего будут смотреть как иа прекрасиый вид спорта, ои дает человеку иаиболее чистое иаслаждение. Говорят: «Свободиый аэростат — игрушка ветров. Какой цели ои служнт? Его даже иельзя иаправлять по желанию. Его место в сарае...»

«Свободиый аэростат служит свободе, иаблюдательности, прогрессу, возвышению души,— доказывал Пикар.— Не достаточио ли этого? Мы, воздухоплаватели, высоко цеиим свободиый аэростат. Кто обвииил бы швейиую машииу за то, что оиа не способиа молоть кофе? Кто осудил бы кофейиую мельиицу за то, что оиа ие может шить? Хороша сама по себе всякая вещь, выполияющая свое назиачеиие».

Разумеется, управлять самолетом легче, чем аэростатом. Но иам показалось обидиым, что такому великолепиому изобретеиию человека позволили умереть. Теперь иам стали блнзки и поиятиы чувства Самюэля Фергюсоиа, героя романа «Пять иедель иа воздушиом шаре», когда ои поет гими воздухоплаваиию:

«Мие слишком жарко — я поднимаюсь выше; мне холод-

ио — я спускаюсь; гора на моем пути — я перелетаю; пропасть, река — переношусь через них; разразится гроза — я уйду выше нее; встретится поток — промчусь иад ним, словно птица. Продвигаюсь я вперед, ие зная усталости, и останавливаюсь, в сущности, ие для отдыха. Я парю над неведомыми страиами... Я мчусь с быстротой урагаиа то в подиебесье, то иад самой землей, и карта Африки развертывается перед моими глазами, будто страница гигантского атласа...»

Мы пролетали не над Африкой, да и Жюль Верн, кажется, не летал сам на аэростате, но как поразительно точно ои передал ощущение свободного полета! Мир вымысла оказался таким же, как и реальность: тишина, плавное парение в прозрачиом воздухе... Аэростат сам решает, куда нести, не требуя ежесекундного внимания. На нем не надо всматриваться в сужающуюся ленту дороги. Вместо этого виден огромный мир, мягко очерченный окружностью горизонта.

Удастся ли вернуть к жизни воздухоплавание в нашей стране?

Хочется верить — удастся. Американцы, англичане, фраицузы, итальяицы вовсю парят на воздушиых шарах. Устраивают спортивные гоики, перелетают через Атлаитику и Альпы, исследуют атмосферу. Парят где хотят и как заблагорассудится. Новые дакроиовые материалы прочиее и легче прорезииенного шелка. Оболочки умещаются в обычном автомобильном багажнике. Подъемная сила — теплый воздух от горелки, вроде той, что у нас в кухне на газовой плите, баллон с пропаном и бутаном.

Недавно свою лепту в историю приключений внес отважный воздухоплаватель Крис Дьюхерст. Австралийская экспедиция, возглавляемая им, покорила несколько гималайских восьмитысячников, пролетев над ними иа воздушных шарах. Шестеро путешествеииков на двух аэростатах стартовали ранним утром из восточного района Непала. На высоте 8500 метров оии проплыли иад царством льда и вечного снега Тибетского плато, над восьмитысячниками Гауризанкар, Чо-Ойю и четырьмя другими, пролетели рядом с крутым конусом Эвереста и приземлились в долине Паич Покхари.

Кроме метеорологических исследований и спортивных перелетов, аэростат с успехом мог бы работать на картографию в точной съемке местности, геологию, вооружениую чуткими приборами для поиска ископаемых, на хозяйство — из своей корзины мы прекрасно видели следы караванных троп и засыпаииых песком засохших рек, которые служат людям лучшими путеводителями в освоении пустынь. Аэростаты пришли на помощь даже такой далекой от воздухоплавания науке, как археология. Америкаиский профессор Кент Уикс, например, отправился в свои археологические розыски в гондоле воз-

душного шара. С высоты птичьего полета ои прощупывал землю магиитометрами и радарами, искал развалиины и захороиения. Свой опыт ои проводил иа территории Египта, известиого своими богатейшими древними памятииками.

Разве иам ие под силу создать легкие и надежиые сиитетические оболочки, сделать удобиые горелки для подогрева воздуха, иайти безопасиые газовые смеси? Неужели мы ие стаием заииматься воздухоплаванием, этим замечательиым полезным делом?! Аэростáты имеют иа небо такое же право, как самолет, плаиер, дельтаплан. И пусть уже не мы, а более молодые и дерзновеииые полетят на иих к облакам.

Михаил Шпагин

ПОЧТОВЫЙ ФЕНОМЕН

Когда повезет побывать у моря, мы не только купаемся, загораем, но и находим время собрать горстку обточенных волнами камушков. Зачем? Да просто так, ради забавы. Некоторые потом увозят гальку домой — на память. Это, конечно, еще не коллекционирование, но уже бессознательные подступы к нему. Кстати, вполне возможно, что коллекционирование началось именно с камушков — их, аккуратно собранные и сложенные, находили при раскопках стоянок древнего человека.

Что еще собирали наши далекие предки? Раковины, кости, во множестве встречающиеся в известняке окаменелости — остатки давно вымершей фауны...

А что собирают сейчас?

Ответить на этот вопрос, пожалуй, даже труднее. Автографы, бабочек, виньетки, грампластинки, древние рукописи... Перечисление можно смело начать в порядке алфавита и продолжить с любой буквы. Не верите? Пожалуйста, начнем хотя бы с буквы «о»: открытки; а потом — пословицы и поговорки, растения, самовары, трубки... Современные коллекционеры ведут поиск в семиста с лишним направлениях — цифра куда большая, чем число букв в алфавите!

Из семисот с лишним видов коллекционирования филателия несравненно популярнее и распространеннее всех остальных, быть может, даже вместе взятых. Задуманная как знак почтовой оплаты, марка стала всеобщей любимицей, предметом увлечения сотен миллионов людей. О почтовой марке, как об одном из удивительных изобретений, чья судьба сложилась неожиданно даже для ее создателей, я и хочу рассказать. А эпиграфом к рассказу пусть будут слова известного советского полярника и увлеченного филателиста Эрнста Теодоровича Кренкеля:

Появление марки является логическим этапом в развитии всей культуры человечества... Потребовались многие века на создание политических и социально-экономических предпосылок, письменность, грамотность, бумага, транспорт, прежде чем появилась почтовая марка.

СПОРНЫЙ ТИТУЛ ИЛИ КТО ИЗОБРЕЛ МАРКУ

Член парламента Смит твердо усвоил, что государственный деятель должен уметь давать вещам не только точную, но и лаконичную оценку. Правда, на этот раз она соскользнула с языка сама собой. Что за хаос царит на королевской почте — всем известно. Но бороться с ним с помощью марок, этих маленьких картинок, которые предлагает Роуленд Хилл,— бессмысленно. Видно, сельский учитель, чье дело — готовить детей к взрослой жизни, сам впал в детство, раз считает, что какие-то «кусочки бумаги, достаточные для того, чтобы на них поставить почтовый штемпель, и покрытые с одной стороны клеем, дающим возможность после увлажнения прикрепить их к письму», смогут совершить то, что не под силу даже парламенту. Смит высказал свою точку зрения не задумываясь: «Абсурд».

И тем самым обеспечил место (не самое почетное) своему имени в истории почты. Еще бы! Вопреки безапелляционному приговору британского парламентария, с 1840 по 1973 год все страны мира, вместе взятые, выпустили четверть миллиарда марок; к двухтысячному году это число, возможно, возрастет почти вдвое.

Как видите, Роуленд Хилл оказался более чем прав. Что там королевская почта — прав во всемирном масштабе! Молва нарекла его «отцом почтовой марки», а сам он заслужил благодарную память многих поколений потомков, по сравнению с которой такие почести, как орден Бани, титул баронета, место в палате лордов, назначение королевским генерал-почтмейстером и даже памятник против здания Лондонской биржи, кажутся незначительными.

С титулом, дарованным королевой, у сэра Роуленда Хилла обошлось без сложностей. А вот с титулом отца почтовой марки они были. Первым начал его оспаривать Джеймс Чалмерс из небольшого английского городка Данди — издатель, книготорговец и редактор местной газеты. Он еще в 1834 году пришел к идее создания марок. Сначала изобретатель представлял их себе в виде удостоверявших взыскание стоимости пересылки письма круглых бумажных наклеек. Интересно, что уже первые образцы Чалмерс догадался погасить штемпелем. Когда марки, наконец, увидят свет, те из них, что использованы, почтовые

работники будут перечеркивать крест-накрест пером, не сразу поняв, что штемпель и привычнее и удобнее.

Сотрудникам, друзьям и деловым людям города Данди эскизы наклеек понравились. Ободренный, Чалмерс послал их в Лондон, в Генеральное почтовое управление. Но безрезультатно. В 1838 году Чалмерс печатает в типографии новые образцы марок и отправляет их с пояснениями в парламентскую комиссию по почтовым реформам и Торговый комитет. Несколько этих марок сохранилось до наших дней в Кенсингтонском музее. Они уже четырехугольной, то есть, самой распространенной сейчас, удобной формы. На одной из марок силуэт королевы — явное сходство с проектом Хилла.

На этот раз идея получила поддержку. Но перед парламентариями оказалось две программы преобразования почты. Та, что предложена Роулендом Хиллом, была разработана детальнее. Она и ложится в основу принятого в 1839 году «Закона о почтовой реформе». Чалмерс же остается в стороне.

Еще один претендент на титул отца почтовой марки появился, когда ей исполнилось 18 лет, и она, по теперешним понятиям, отпраздновала свое совершеннолетие. Именно в это время словенец Ловренц Кошир опубликовал брошюру. В ней он рассказывал, что еще в 1836 году предложил австро-венгерскому правительству проект реформы почтового дела, в котором была предусмотрена и «почтовая марка для письма». Увы, придворная палата его императорского величества Фердинанда I отклонила предложения безвестного чиновника. Но еще до того Кошир поделился своими соображениями с одним английским торговым агентом, и идея «уплыла» в Лондон.

Роуленд Хилл энергично отстаивал собственный приоритет в спорах с Патриком Чалмерсом — сыном и ближайшим свидетелем работы Джеймса над созданием марки. Главным козырем с обеих сторон, как и следовало ожидать, оказалось изображение королевы, которое было в проектах выпущенных и не утвержденных марок. Что же до Ловренца Кошира, то, по словам современников, на его обвинения Хилл никак не реагировал. И это дает повод некоторым исследователям предположить, что он мог быть знаком с идеями скромного помощника почтового счетовода.

А как обстоит дело, если от домыслов обратиться только к фактам? То, что Чалмерс создал марки, подтверждают сохранившиеся до наших дней документы, в том числе свидетельства жителей Данди, письма государственных деятелей того времени и, наконец, хранящиеся в Кенсингтонском музее образцы. Для проверки версии Кошира была создана специальная комиссия. Выяснилось, что в 1836 году австро-венгерское правительство действительно поступило недальновидно. Надо сказать, что высокопоставленные чиновники осознали это

с большим опозданием: предложения Кошира использовали лишь в 1850 году, после образования Германо-Австрийского Союза, через десять лет после выхода в свет первой официальной почтовой марки в английском исполнении.

К Роуленду Хиллу идея почтовой марки пришла позднее, чем к Чалмерсу и Коширу В выпущенной им в 1837 году брошюре «Почтовая реформа, ее значение и осуществимость» нет еще ни слова о марках. Больше того, Хилл буквально нянчился с проектом первой английской марки, скрупулезно взвешивал каждую деталь и никак не ожидал, что «черный пенни» (так ее прозвали за цвет и за стоимость) будет пользоваться головокружительным успехом. Главную надежду он возлагал на выпущенные одновременно с марками конверты с обозначением стоимости пересылки корреспонденции. Но рисунок на конверте, выполненный популярным художником Вильямом Малреди, приглашенным специально для этой цели самим министром финансов, публике не понравился.

И все же, когда реформатора британской почты Роуленда Хилла называют «отцом почтовой марки», ошибки нет. Пусть не он ее изобрел, но по справедливому замечанию видных английских филателистов братьев Уильямс, «как бы то ни было, факт остается фактом — одних идей недостаточно, чтобы добиться практических результатов, и никто не будет оспаривать приоритет Роуленда Хилла в том, что он первым осуществил свою идею — ввел в употребление приклеиваемую почтовую марку»

А теперь, когда мы рассудили спор изобретателей, давайте вчитаемся в эпитеты, сопутствующие в цитате слову «марка»: приклеиваемая, почтовая. Значит, существовали и другие, не почтовые марки?

Да, и притом различного назначения: гербовые, налоговые, благотворительные. Все они дожили до наших дней. Правда, теперь уже никто не купит марку в знак уплаты шляпного или обойного налогов, как полагалось в старой Англии.

Марки были, но связать их судьбу с письмами до Чалмерса никто не додумался. Впрочем, исследователи из Греции утверждают, что первые почтовые марки появились в этой стране после 1828 года, когда здесь провели почтовую реформу Но это из области домыслов, пока не подкрепленных убедительными фактами.

Эпитет «приклеиваемая» тоже не случаен: ведь есть знаки почтовой оплаты без клея — напечатанные на конвертах. Известны и марки-квитанции. Их продавали в Берлине в 1828 году. Отправитель отдавал марку-квитанцию работнику почты вместе с письмом. Тот гасил ее календарным штемпелем и возвращал обратно, а весточка отправлялась в путь. Похожие квитанции позднее появились и в Петербурге.

Однако, оказывается, квитанции об оплате почтового сбора

применялись в Париже уже в 1653 году! Никакой опечатки в дате нет — с 18 июля этого года здесь действовала организованная откупщиком Ренуаром де Виллайе «Petite poste» — «малая почта».

Мы проследили историю изобретения марки, теперь же давайте спустимся по лестнице времени и посмотрим, чем оно было подготовлено, вызвано к жизни.

ПО ЛЕСТНИЦЕ ВРЕМЕНИ

Конные гонцы — вередарии — мчались из великого Рима по разным дорогам, навстречу солнцу и оставляя его за спиной. Меряли время цокотом копыт и мечтали о чем-нибудь вроде шпор, которые еще не были изобретены. На станциях их ждали новые лошади с попонами вместо седел и все те же дороги, ведшие к военным лагерям империи. В сумах лежали завернутые в холстину восковые таблички с приказом императора. Холщовые обертки запечатаны с указанием, когда их вскрыть. Все одновременно — и тогда воля Октавиана Августа будет ведома каждому, надо только успеть к сроку вручить таблички военачальникам.

И вередарии успели. В назначенный Цезарем день десятки тысяч беглых рабов-воинов, чьи мечи помогли Октавиану взойти на трон, были арестованы. Часть из них снова стала собственностью хозяев, остальных казнили...

Этот трагический эпизод — яркая иллюстрация одной из характерных особенностей древних почт. Римская почта называлась публичной, но на самом деле была лишь рычагом управления рабовладельческим государством. Прибегать к услугам «Курсус публикус» могли только император и ограниченный круг должностных лиц. Для простых смертных она оставалась практически недоступной. Богачи могли рассчитывать на собственных гонцов, люди победнее — на оказии. «Хотя писание писем и превосходный способ беседовать и поддерживать отношения с далеко живущими друзьями, но, к сожалению, нет возможности доставлять эти письма по назначению»,— сетовал Цицерон.

Четырнадцать столетий спустя, в 1464 году, король Людовик XI учреждает во Франции государственную курьерскую почту столь же, если не еще более недоступную: курьеру, решившемуся прихватить по дороге частное письмо, грозит смертная казнь. Людовик жаждет одного — «узнавать быстро сведения из всех провинций и сообщать по его (то есть короля) усмотрению сведения от себя».

Монополия на скорую информацию обо всем, что происходит в стране, для хитрого, дальновидного монарха дороже денег

Ради нее он забывает, что почта может приносить не только траты, но и доход — ведь за доставку частной корреспонденции люди готовы платить. Однако Людовик XI предпочитает обогащаться иначе — подчиняя феодалов, прибирая к рукам их владения и сокровища.

Лишь в самом конце XIV века французская государственная почта становится общедоступной. Проходит еще три десятка лет, и кардинал Ришелье добивается запрета на все остальные виды пересылки писем. Правда, руководит им не просто благое желание пополнить королевскую казну Ришелье — «изобретатель» потаенного «черного кабинета», где, начиная с 1628 года, специальные чиновники читали чужие письма, беря на заметку все, что могло представлять интерес для короля и кардинала. Он, как и Людовик XI, стремится обладать полной информацией о событиях и настроениях в стране и ничем не гнушается ради этого.

На следующей ступеньке лестницы времени — уже знакомый нам Ренуар де Виллайе. Но прежде чем заглянуть к нему, давайте подведем итоги.

Уже в Древнем Риме государственная почта была регулярной.

Спустя приблизительно полтора тысячелетия она стала доступной и для населения.

Появился конверт — письмо, свернутое текстом внутрь и запечатанное оттиснутой на сургуче или воске печатью. На сегодняшний не похож, однако уже может сохранить тайну переписки от праздного любопытства (люди Ришелье здесь, конечно, в виду не имеются)

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ОТКУПЩИК

Чтобы переслать весточку — на соседнюю улицу или же в другой конец города,— прежде парижане обращались к привратнику или дворнику с просьбой, подкрепленной звонкой монетой. С лета 1653 года обязанности по доставке корреспонденции взяла на себя «малая почта». Каждый, кто хотел воспользоваться ею, мог купить специальную квитанцию — они продавались в разных местах города, в том числе и королевском дворце. Как выглядели эти далекие предшественницы современных марок, никто точно не знает — вполне вероятно, их розыск теперь уже вообще бесполезен. Они были, конечно, гораздо крупнее берлинских квитанций и, по-видимому, лентообразные. Об этом можно судить хотя бы по напечатанному на них тексту: «Почтовый сбор уплачен... дня одна тысяча шестьсот пятьдесят третьего года». Обратите внимание: год печатали не цифрами, а словами,— значит, места хватало.

Услугами «малой почты» наверняка пользовался и сам откупщик. Можно представить, как он, закончив деловое письмо, прикрепил к нему квитанцию, проставил число, месяц и, садясь в карету, приказал кучеру остановиться у ближайшего почтового ящика по дороге в контору, разумеется, тоже почтовую. На остановке он вышел, убедился, что к вечеру, перед третьей выемкой корреспонденции, ящик далеко не пуст. Мгновенье поразмыслив, Виллайе вложил внутрь письма еще одну, незаполненную, квитанцию для заранее оплаченного ответа и присоединил свое послание к другим. Все это — квитанцию и почтовый ящик, трехразовую выемку и разноску писем, предварительную оплату ответного письма — изобрел, предложил, осуществил он, откупщик его величества короля Франции Людовика XIV.

Спустя немного времени письмо Виллайе вместе с другими извлек из ящика и опустил в сумку один из двухсот городских почтальонов. Доставив весточку на дом, он попросил адресата написать число ее получения на квитанции, где, как мы помним, уже стояла дата отправки. Квитанцию почтальон забрал себе: ее он должен был предъявить в почтовую контору — прародительница почтовой марки успешно совмещала свои финансовые функции с контрольными, помогала следить за точностью и сроками пересылки!

Виллайе же, приехав в контору, ощутил душевный подъем. Он удалился в кабинет, где его всегда ждали свежеприготовленные чернила и стопа чистой бумаги. Перо с легким поскрипыванием заскользило по листу, связывая слова в предложения: «...многие люди могут писать тем, кого они из-за исключительной вежливости не хотят утруждать уплатой почтового сбора, и, кроме того, можно теперь писать своим адвокатам или уполномоченным или представителям, не вводя их в расходы».

Откупщик его величества отложил перо, прочел написанное и удовлетворенно улыбнулся. «К тому же,— подумал он,— это хорошее дело, помимо удобства людям, приносит доход, и не только казне...»

Итак, есть почта, почтальон, есть конверт. Давайте скорее квитанцию, господин де Виллайе, и мы отправим письмо королю Франции — пусть знает: вас помнят и в двадцатом веке.

Спасибо, что вы так любезно согласились проводить нас до почтового ящика. Но почему около него сидит кот?

Дожидается почтальона? Когда он придет и вынет оттуда мышь?

Как же она попала в ящик?!

Да-да, понятно: ваши враги подбрасывают мышей, чтобы те грызли письма! Кто же они, эти враги?

Дворники и привратники, которые, пока не было городской почты, прирабатывали, выполняя обязанности гонцов?

Благодарим за разъяснение.

Нет-нет, мы торопимся в Англию...

Очевидно, Ренуар де Виллайе был практичным, изобретательным человеком. Современные специалисты считают, что он содействовал развитию основных принципов почтовой марки, а ведь это было чуть ли не за двести лет до появления «черного пенни»! Правда, есть версия, по которой брать деньги вперед за пересылку писем «малой почты» придумала и присоветовала Виллайе красивая ветреная принцесса Анна Бурбон-Конде Лонжевий. И будто бы сделала она это назло кардиналу Мазарини, которого не могла терпеть ни она, ни связанный с ней близкой дружбой генеральный интендант казначейства Франции Никола Фуке. Я верю, что в голове красивой женщины может возникнуть самая толковая идея. Знаю, для того чтобы остаться в памяти потомков, де Виллайе довольно было бы и одного только изобретения почтового ящика, за что, кстати, его имя попало в такое солидное издание, как Большая Советская Энциклопедия. Но все-таки твердо убежден: квитанции предварительной оплаты придумал он. Тому есть, как минимум, две веские причины. Хотя версия с принцессой, несомненно, родилась во Франции, но ведь оттуда же и пословица: что бы ни произошло — ищите женщину. И потом, где это видано, чтобы красивые женщины мстили подобным образом?

УРОК ЭКОНОМИСТАМ

...Начало XIX века. Некий английский джентльмен, получив по почте от своего друга бандероль с газетой, осторожно греет ее развернутый лист над камином. На белых бумажных полях проступают коричневые строки. «Теперь я буду писать регулярно,— сообщает друг.— Благо газеты под рукой, а отменных «коровьих чернил» на моей ферме сколько угодно».

Что-то не похоже на переписку заговорщиков. Да, собственно, если здесь и есть заговор, то только против английской почты. Джентльмен улыбается — славную штуку придумал его приятель. Переслать газету стоит гораздо дешевле, чем письмо. Но ведь ее совсем нетрудно превратить в почтовую бумагу, а чтобы никто об этом не догадался, достаточно заменить чернила обыкновенным молоком. И деньгам экономия, и все-таки какое-то развлечение в однообразной сельской жизни...

Почтовая связь расширялась, совершенствовалась. А оплата ее услуг, наоборот, усложнялась. Например, в России в 1807 году пересылка письма за сто верст стоила копейку, за двести — две. Дальше каждая неполная стоверстовка ценилась в копейку, полная — в две. И так, пока не набирался полтинник — самая высокая плата за письмо весом до одного лота.

А ведь этот тариф был весьма простым по сравнению с английским, где приходилось отдельно платить за лист для письма, отдельно — за конверт, наличие сургучной печати поднимало цену еще выше. Многие англичане наловчились избегать всей этой дороговизны и путаницы.

Пример нарушения законов подали те, кто, казалось бы, должен их неукоснительно соблюдать. Вплоть до 1784 года члены британского парламента могли посылать и получать письма бесплатно. Но парламентарии не стеснялись подписывать и пустые конверты — по просьбе экономных родственников и знакомых, слуг — в виде косвенной прибавки к жалованью. Охотников купить у них такие конверты по сходной цене было предостаточно. Наконец, подписи подделывали. И поставлено это было на широкую ногу: когда парламентариев лишили привилегии, почта ощутимо разбогатела.

С течением времени на смену парламентским уловкам пришли другие. Конечно, макать перо в молоко вместо чернил — крайность, были способы и попроще. Например, подчеркнуть в газете слова, прочитав которые, адресат прекрасно поймет, что хотел сообщить отправитель. Или плату взимают с посланного листа. Но ведь когда он дойдет по адресу, его можно разрезать! Эта простая мысль привела к столь же простой уловке — на каждом листе умещали по нескольку деловых писем разным лицам, их разъединение и вручение брал на себя получатель. А еще были, как и во все времена, оказии; порой богатые купцы разорялись на содержании личных гонцов. Казна несла огромные убытки, в борьбе с которыми оказалась бессильна даже сыскная служба «поимщиков письменных курьеров», организованная не иначе, как в отчаянии: один купец, например, получил в 1836 году около 8 тысяч писем; почти 6 тысяч из них были доставлены контрабандным образом.

Возникла парадоксальная ситуация. Днем и ночью мчались во все концы Англии под вооруженной охраной, с невиданной до недавних пор скоростью 7 и более миль в час конные дилижансы королевской почты, а люди прибегали к обману или же вообще не желали пользоваться ее услугами. Требовалось срочное вмешательство экономиста. В роли такового выступил депутат Палаты общин Самюэл Робертс. В 1824, 1829 и 1836 годах он выпустил брошюры, в которых ратовал за введение для писем внутри страны единого, вне зависимости от веса и расстояния пересылки, тарифа в 1 пенс. Этим он, как видите, предвосхитил идеи Роуленда Хилла и помог ему провести реформу. Но и у Робертса был предшественник, да еще какой! В 1583 году польский король Стефан Баторий повелел: «Оплату частных писем, сдаваемых на почту, мы устанавливаем в 4 польских гроша независимо от отдаленности места, куда отправляются письма».

Итак, не все новое ново и не все старое плохо; верная идея не стареет веками.

То, что было понятно еще четверть тысячелетия назад польскому королю, современникам Роуленда Хилла казалось предприятием неоправданным и опасным. В самом деле, раньше стоимость пересылки зависела в основном от расстояния, веса письма и способа доставки — все разумно, экономически обосновано. Допустить, чтобы путешествие письма на соседнюю улицу и в другой конец Англии обходилось отправителю в одну и ту же сумму, конечно же, нелепо. Да и сумма смехотворно мала — всего один пенс. Королевская почта сразу прогорит. Правда, сейчас близкая пересылка обходится в целых четыре пенса, а за дальнюю приходится платить и вовсе дорого — полтора шиллинга. Но это говорит лишь о том, что тарифы надо снижать, совершенствовать...

Хороший шахматист охватывает мысленным взором партию в целом. Плохой — никогда не видит ее целиком; перед тем как передвинуть фигуру, он прикидывает, как изменится ситуация через три хода...

«Гвоздем» почтовой реформы, которую предложил Роуленд Хилл, был единый почтовый тариф, а марка и конверт с напечатанной на нем стоимостью пересылки корреспонденции — главными инструментами ее осуществления. Реформа пробивала себе дорогу с боями. Про нее писали в листовках, газетах, вели ожесточенные споры в гостиных и на стихийно возникавших митингах. Марка выглядела непривычнее конверта, поэтому в перепалках ей уделяли большее внимание. И вскоре она стала символом задуманного. Марок еще не было, а мода на них уже возникла — этого не предвидел даже проницательный Хилл.

Скептики оказались посрамлены: с первых же дней продажи марки пошли нарасхват. В 1840 году по сравнению с предыдущим количество писем в Англии возросло больше, чем вдвое. Доставка корреспонденции ускорилась. Теперь, когда почта взимала деньги вне зависимости от расстояния, ее работники стали стремиться пересылать письма кратчайшими маршрутами. (Прежде, увы, наблюдалось обратное явление.)

Сельский учитель разобрался в экономике лучше специалистов: проявив научный подход, он добился блестящих результатов. И степень доктора наук, которую присудит ему Оксфордский университет,— заслуженная ветвь в лавровом венке победителя. А пока что все довольны. Все, кроме врагов — вроде тех, кто подбрасывал мышей в почтовые ящики Парижа. Эти люди распустили слух, будто от клея на марках начинается рак языка.

Как говорит восточная пословица: «Собака лает, а караван идет» И все-таки через 12 лет специальный комитет по по-

чтовым маркам сочтет целесообразным предать гласиости рецепт состава: крахмал картофельный и пшеничный плюс столярный клей. Отчет попадется на глаза Чарлзу Диккеису, н он напншет одии из лучших своих памфлетов «Великий секрет брнтанского клея».

ИЗ ПЕРУ ВОКРУГ СВЕТА

— Торопнтесь, сеньоры, почта приготовила вам хорошнй подарок...

Сухощавый, подтянутый чнновиик выдержал короткую паузу, дружескн подмигнул стоявшему поблизости старнку с бронзово-прокаленным зноем лицом и решительно нажал на рычаг. Из машины показался кусочек бумажиой леиты со свежеотпечатанной маркой. Чиновннк повторил движение. Вслед за первой маркой появнлась вторая, третья...

Он аккуратно отделнл нх, помахал в воздухе — пусть получше просохнет краска, и, наслаждаясь произведенным эффектом, продолжал:

— Зачем отягощать лошадей тем, что поезд домчит вернее и дешевле? Нашей первой в Южной Амернке железной дороге Лима — Кальяо нсполняется двадцать лет. И почтовое ведомство решнло снизнть стоимость перевозкн пнсем по ней вдвое. Готовьте по пять сентаво вместо десятн — и я отпечатаю для каждого вот такую прекрасную марку с изображением паровоза.

— На́ тебе десять,— протянул монету старик.— И дай две маркн. Одну я наклею на пнсьмо в Кальяо. А другую оставлю на память. Покажу внучатам, расскажу нм, как двадцать лет назад начннал строить эту дорогу...

Маркн бывают стандартные н специальные, памятные. Первые нз нних постояино допечатываются, находятся в обращенни десятнлетиямн. Напрнмер, созданная еще в 1872 году норвежская «цнфра с почтовым рожком» нсправно несет службу и по сне время. Специальные же выпуски выходят по определенным поводам — они посвящаются какому-ннбудь событию, юбилею, теме. Первой средн нних прннято счнтать марку, выпущенную в год двадцатилетия железной дороги Лнма — Кальяо.

...Чиновник продолжал начатое. Время от времеии он заправлял в прнвезенную из Парижа машнну новую бумажную леиту. Изготовитель первого выпуска специальных марок отдаленно напомннал касснра в нынешнем магазине, ио, конечно, не подозревал об этом. Точно так же, как и о том, что со временем его труд станет предметом долгих споров и даже нападок.

Справедлнвости радн заметим, что споры эти возинкли ие

скоро, а тогда, когда тронувшийся в путь в 1871 году марочный перуанский локомотив уже сделал свое дело. Был он маломощный, путешествовал исключительно в пределах страны (и то громко сказано — длина железной дороги была всего-то 14 километров). А повлиял на выпуск знаков почтовой оплаты во всем мире. Клиентам почты примелькались марки с портретами правителей, гербами и эмблемами. При наличии выбора они отдавали предпочтенне другим, с более привлекательным и менее привычным изображением. Изготовители марок стали призадумываться над разнообразием сюжетов. А наибольшие возможности в этом направлении сулнли как раз специальные выпуски.

К концу прошлого века у памятных марок наряду со сторонниками появились и противники. Самые ярые, по иронии судьбы, оказались как раз там, где была выпущена первая марка — в Англии. В 1895 году они даже объединились в общество по борьбе с памятными, нли, как их еще называют, коммеморативными марками. Результат борьбы всем иам хорошо известен...

Сторонники же новых марок оказались людьми дотошными и решили выяснить — не было ли выпусков, приуроченных к какому-либо событию, до «перуанского паровоза»?

...14 апреля 1865 года. В Вашингтоне царит ликование: несколько дней назад кончилась гражданская война. Негры освобождены от рабства! Потомок первых поселенцев, лесоруб, плотогон и землемер, почтовый служащий, а затем адвокат и избранный уже на второй срок президент страны совершенно счастлив. Когда замолкают пушки, возвышают голос музы. И он, отложив на время государственные заботы, отправляется в вашингтонский театр, не помышляя о том, что вскоре сам окажется главным действующим лицом одной из трагедий в американской истории. Завербованный южанами актер Джон Уилкс Бутс готовится сыграть свою последнюю роль: заряжено оружие, продуманы подробности покушення. Он чувствует себя героем, карающим государственного преступника, но насчет реакции публики иллюзий не строит — у здания театра стоит приготовленный для бегства конь.

Путн президента и актера пересеклись. Бутс сыграл-таки свою роль, причем более гнусную, чем тогда казалось,— он открыл нескончаемую серию покушений на жизнь американских президентов. А в следующем году на свет появилась черная пятнадцатицентовая марка с портретом Авраама Линкольна Когда возникла мода на специальные выпуски, кое-кто поспешил объявить ее первой в мире траурной маркой — их тоже относят к памятным. Но выяснилось, что это не так: печать сообщила о том, что марка выйдет, еще тогда, когда президент был жив и здоров. Художник, выбирая черный цвет, и не подозревал о грядущей трагедии...

И все-таки приоритет в специальных выпусках, по-видимому, принадлежит США. Здесь в 1869 году вышли две марки с репродукциями живописных полотен Д. Ванderлина «Высадка Колумба» и Д. Трамбалла «Провозглашение независимости». Серия была приурочена к национальному празднику — Дню независимости.

НЕОКОНЧЕННАЯ ГЛАВА

— Итак, вы отказываетесь назвать свое имя?

— Да, мосье. Лучше запишите имя машины. Это «Пежо». Он припаркован на стоянке...

Дежурный полицейский аккуратно записал название улицы, где, по словам неизвестного собеседника, находился автомобиль.

— А что в автомобиле?

— То, что вы уже давно ищете!

Неизвестный явно заторопился — фразу оборвали короткие гудки.

Полицейский хмыкнул. Он и сам был не прочь первым бросить телефонную трубку еще в начале разговора. Разыскивать «Пежо» по анонимному сигналу на улицах вечернего Марселя только затем, чтобы убедиться, что его багажник пуст, а звонок лишь розыгрыш,— кому охота?

...Но служба порой преподносит и приятные сюрпризы: в автомобиле оказались знаменитые «Игроки в карты» и другие картины французского художника Сезанна, украденные из музея восемь месяцев назад.

Дежурный вновь и вновь рассказывал товарищам про вечерний звонок и каждый раз обязательно добавлял:

— Это марка помогла...

Потеряв надежду найти похищенное, полиция решила запечатлеть «Игроков в карты» на почтовой марке. Она разошлась тиражом более 4 миллионов экземпляров. Воры забеспокоились — сбыть картину внутри страны теперь и думать было нечего, а прятать известный каждому французу шедевр живописи становилось все опаснее...

Во французской, посвященной живописи, серии 1961 года есть и другие прекрасные марки: «Голубой акт» Матисса, «Почтовый голубь» Жоржа Брака... «Игроки» заняли в альбомах филателистов место подле них. А связанный с этой маркой удивительный случай стал постепенно забываться.

Впрочем, так ли уж он удивителен?

Современные почтовые марки — это весь мир в картинках, с его прошлым, настоящим и будущим. В них звучат эхо минувшей войны и победные фанфары Московской Олимпиады,

замерли экзотические рыбы тропиков, распростерся пейзаж неведомой планеты... Раскрываешь филателистический альбом и сразу видишь, чем «болеет» его хозяин — биологией, хоккеем или театром. А о живописи и говорить не приходится — сотни, тысячи миниатюрных репродукций картин разлетаются по белу свету, поселяясь в коллекциях — художественных галереях.

И все-таки начало многообразию сегодняшних сюжетов положили скромные старинные стандартные выпуски. Уже самая первая марка некоторым образом связана с темой изобразительного искусства: прототипом для нее послужила выполненная гравером У. Уайоном медаль. Правда, произошло это довольно неожиданно.

Как ни странно, портрет юной королевы Виктории был выбран по соображениям отнюдь не патриотического и не эстетического характера. Английское правительство, убедившись в недюжинных способностях соотечественников обманывать почту, не без оснований опасалось подделок. Как им воспрепятствовать? Самое изящное и, по тогдашним представлениям, надежное решение предложил один из участников конкурса на создание марки — Бенджамин Чевертон. Он считал, что стоит напечатать на новинке портрет, и фальшивки обречены на провал. «Когда глаз человека привыкнет к восприятию определенного лица, любое отклонение от нормы будет сразу же заметно,— утверждал Чевертон.— В этом случае бросится в глаза изменившееся общее впечатление от портрета, а не различие в шрифте, буквах или орнаменте. Может быть, трудно будет сказать, в чем именно различие между двумя портретами, но оно немедленно будет замечено»[1]. В выборе «определенного лица» ни сам Чевертон, ни члены жюри не сомневались. Конечно же, это должно быть первое лицо империи, чьи черты знакомы публике по многочисленным портретам, медалям, монетам. Так изображение королевы с выбитой в 1837 году медали перекочевало на эскиз, признанный лучшим среди сотен других, представленных на конкурс. Затем эскиз превратился в портрет и, наконец, в гравюру-марку.

«Черный пенни» Виктории понравился. Она хотела бы выглядеть так всю жизнь — юной, немного грустной и вместе с тем как бы проницательно вглядывающейся в скрытое за витой рамкой миниатюры великое будущее.

Для английской почты желание королевы было законом. Виктория прожила долго и до последних дней оставалась на марках, вопреки неумолимому времени, восемнадцатилетней. Возможно, взирая на них, старая женщина вспоминала порою свою молодость.

---

[1] Уильямс Л. и М. Почтовая марка, ее история и признание. М. «Связь», 1964

Королева умерла в 1901 году, когда царственная монополия на знаках почтовой оплаты других стран была уже разрушена

Процесс этот был длительным. Сперва появились выпуски с рисунками гербов, эмблем, крупных, бросающихся в глаза цифр, красноречиво свидетельствовавших о стоимости пересылки письма. А в 1851 году на марках Канады «поселился» бобер. И вспыхнула безобиднейшая в мире охота, положившая начало нынешнему многотысячному «филателистическому зоопарку» Любопытно, что млекопитающие занимают здесь пятое место — вслед за птицами, рыбами, пресмыкающимися и насекомыми.

На марках живут и здравствуют гигантский голубь, окончательно истребленный в 1684 году, тасманийский волк, на следы которого последний раз удалось наткнуться в 1948 году Охота с пинцетом и лупой не дает мехов и мяса, зато прививает нечто гораздо более ценное — уважение и любовь к природе...

1862 год ознаменован первым пейзажем на почтовой марке — видом никарагуанских гор. Но если бы художник мог предположить, какими несчастьями обернется этот жанр для его родной страны спустя сорок лет, он, возможно, поостерегся бы стать первооткрывателем. Тогда в конгрессе США решался вопрос: где строить канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны? Одни считали, что он должен пройти сквозь Панамский перешеек, другие — через озера на территории Никарагуа. Никарагуанский вариант имел больше шансов на успех. И — сулил полный крах французскому акционерному обществу, которое однажды уже взялось прорыть канал через перешеек, но, проворовавшись, прекратило работы. Находчивый инженер-француз вспомнил, что два года назад в Никарагуа вышли марки с изображением вулкана Момотомбо с дымящейся шапкой над вершиной. Он разослал их американским конгрессменам. Противники никарагуанского варианта, разумеется, тут же подняли шум — разве можно рисковать и вести канал по стране с огнедышащими горами? Голосование принесло им полную победу. И Панамский канал был построен там, где мы сейчас его видим на карте, не без помощи обыкновенной марки, сыгравшей, увы, печальную роль в судьбе своей родины...

Каких только тем не касается почтовая графика! Их подсказывает художникам сама жизнь. А она, как известно, не стоит на месте. Вслед за первым в мире советским спутником вышла на орбиту и марка, проложившая дорогу сразу завоевавшей популярность космической теме... Искушенные мастера и поклонники изобразительного искусства заново открыли для себя волшебство детского рисунка — и появились марки, запечатлевшие мир глазами детей. Сначала в Чехословакии в 1958 году, а затем и в других странах.

Что за новые звезды вспыхнут на филателистическом небосклоне завтра, послезавтра? Гадать не приходится· как

говорится, время покажет Значнт, у этой главы есть продолжение, искать которое иадо не иа следующей страиице, а на почтамтах н в кносках «Союзпечати», средн иовннок, пополняющих альбомы коллекцнонеров.

«ФИЛЕО» — ЗНАЧИТ «ЛЮБЛЮ»

Фараон-филателист Не слыхали про такого? Я тоже. Но заметка под этим названием была опублнкована во втором номере журнала «Советскнй коллекцноиер» за 1931 год. Прнведу ее с сокращеинями, оставляя факты иа совести автора, так как найтн подтверждение сказанному в ией мне не удалось. Итак:

«Если вернть аиглнйскому египтологу Темпельтгаму, начало собнрання почтовых марок надо отиести за три тысячелетня до нашей эры н дополннть список всемнрно нзвестных фнлателистов фараоиом Цозером Аменоптисом. Он царствовал около 2575 г. до н. э. Тогда в Египте была оргаиизоваиа и почта в вндe скороходов и верховых, обслуживающнх разные военные дороги до самой Ливни, а также в Аравнн н Абнссинин.

По повелению фараоиа егнпетские «почтмейстеры» обязаны были накладывать иа корреспонденцню особые штемпеля с обозначеннем городов отправления.

Темпельтгамом в том самом зале, где покоится мумия фараоиа, т. е. среди самых цеииых сокровнщ царя, иайдено полиое собрание егнпетских почтовых знаков того времени в колнчестве 186. Каждый штемпель иаложен иа особое пнсьмо, главным образом, сниeй, а нногда красиой краской, н каждый папнрус заключен в медный цилиндр с герметнческой крышкой. В 1919 году эта «фнлателнстическая коллекцня» была перевезена в Британскнй музей. Все штемпеля нзумнтельно сохраннлнсь, иесмотря иа пятнтысячелетний возраст».

Так вот, оказывается, как давно мог возинкнуть самый популярный сейчас внд коллекцноинроваиня! А может, ои появнлся в древней Ассирнн?

Царь, вельможи, их родствеииики обмеииватись между собой тяжеловесными послаииями иа покрытых клннопнсью глнняиых табличках. Для защнты от любопытного глаза их заключали в оболочки, сделанные также нз глины, и обжнгалн иа огне. Но ведь в путн конверты могли подмеиить! И для пущей безопасностн некоторые нз них запечатывалн лнчными, с именамн владельцев, печатями: по сырой еще глиие прокатывалн иадетый иа палочку цилнндр нз оникса нлн яшмы, с соответствующей иадпнсью, мнфологнческим нзображением. Почему бы ие предположнть, что кто-то попробовал собирать глиняные черепкн оболочек с оттисками печатей, хотя бы для того, чтобы похвастать перед друзьями свонми связями с людьми значи-

тельиыми, могуществеиными? Такой собиратель тоже оказался бы теперь зачислеиным в ряды филателистов..

У любой вещи, явлеиия есть родословиое дерево, и отыскать иа нем корень поглубже всегда приятио. Правда, потом ииогда выясияется, что кореиь ложиый или совсем от другого дерева Что же касается филателии, то можно решительно утверждать. возникла оиа после начала выпуска почтовых марок и до того, как появился сам этот термин. Его образовал из двух греческих слов «филео» (люблю) и «ателейя» (освобождение от платы) французский коллекционер Жорж Эрпен и предложил вниманию публики в иапечатанной в 1864 году журнальной статье.

Статья иазывалась «Крестины». Чем же они были вызваны? Ведь веками существуют, например, коллекционеры картин и в особом названии ие нуждаются.

Однако причииы, оказывается, были, и достаточно веские. Прежние названия — темброфилия и тембрология (любовь к маркам, наука о иих) — не привились, зато прилипли иронические — тембромаиия, маркомания,— придумаииые людьми, видевшими в коллекциоиировании марок пустую детскую или же старческую забаву. Между тем этот вид увлечеиия уже завоевал и популяриость и авторитет С обидиой кличкой пора было кончать, и оиа постепеиио уступила место новому термину.

Сейчас, когда обиды далеко позади, можно признать, что ехидиое прозвище было поиачалу не безосновательным. Новые зиаки почтовой оплаты, неожиданно ставшие фаворитами публики, пробудили в определенной ее части страсть к собирательству. Такие люди стремились скопить марок побольше, каких именно — иеважио, ио предпочтительно гашеные — использованные, оии уже иичего не стоили. Вопрос о том, как распорядиться желаииой добычей, затруднеиий ие вызывал. Оиа казалась особеино эффектной как украшение. Чего — неважно: иитерьера, предметов домашиего обихода. Лишь бы привлекательные «маленькне картиики» были на виду, бросались в глаза. «Ищу почтовые марки» — так было озаглавлено объявлеиие, помещеииое в одном из номеров «Таймс» осенью 1841 года. В ием говорилось: «Молодой человек, который желал бы оклеить свою спальню гашеиыми почтовыми марками, уже собрал с помощью своих любезиых друзей более 16 000 штук; одиако, ввиду того, что этого количества иедостаточно, ои просит сочувствующих лиц присылать марки и тем самым способствовать осуществлению его идеи».

Трудио сказать, удалось ли молодому человеку выполнить затеяииое. Но последователи у иего иашлись. Десять лет спустя торговец Т Смит из города Бирмингем сообщил в другой лоидонской газете, что стены его кииЖного магазииа декорированы 800 000 почтовых марок различных рисуиков и признаны самымн современными стенами в Англни. Зиаками по-

чтовой оплаты оклеивали сундуки и абажуры, шкафы и экраны для каминов. Марки глядели на гостей с настенных декоративных тарелок. Встряхнув сигару над пепельницей, вы неожиданно замечали, что пепел падал на помещенную под стеклянным дном марку. Женщины остались верны себе и разили сердца мужчин сюрпризами иного рода: марки перекочевали на шляпки и платья.

Сохранись марочные обои в спальне «молодого человека», они сейчас стоили бы куда дороже всего дома, замечает автор одной из книг по истории почты и филателии. Он прав. Но старинные и редкие марки сберегли для нас все же не декораторы-любители, а коллекционеры, чья страстность сочетается со склонностью к систематизации и исследовательской жилкой.

Поначалу марколюбы (так и теперь называют филателистов в Болгарии) пополняли свои собрания, только обмениваясь, как бы подчеркивая тем самым спортивный дух увлечения. Продавать марки для коллекций начал в 1852 году бельгиец Жан Батист Моэнс — он был и увлеченным коллекционером, и не забывавшим о собственной выгоде книготорговцем.

...В 1956 году в Лондоне открылась филателистическая выставка, приуроченная к столетнему юбилею фирмы Стенли Гиббонса. У дверей посетителей встречали два, изваянных скульптором, по-старинному одетых, моряка с мешком: они вытряхивали оттуда множество каких-то маленьких треугольничков.

Фирма Гиббонса — солидное капиталистическое предприятие, одно из крупнейших в мире филателии. Ее основатель, Эдуард Стенли Гиббонс, помогал своему отцу торговать в аптеке. Прямо в ней он начал продавать марки — просто так, для души. Однажды сюда заглянули два моряка. Купить лекарство им было не на что, разве молодой хозяин согласится взять вместо денег вот эти «треугольники мыса»...

Молодой аптекарь с интересом рассматривал марки мыса Доброй Надежды. Их необычная для того времени треугольная форма предвещала спрос, а оптимистичное название британской колонии как бы вселяло веру в успех. И Стенли решился принять вместо денег заморские маленькие картинки. У моряков их оказалось много. Тогда он купил все — за пять фунтов. Сделка принесла тысячу процентов прибыли. И это определило дальнейшую судьбу Гиббонса — после смерти отца он перебрался из Плимута в Лондон и имел дело с лекарствами, лишь когда того требовало его здоровье.

Трудно сказать, что в этом семейном предании от действительности, что от рекламы. Но характерна одна деталь: у Гиббонса, так же как и у Моэнса, увлечение очень скоро стало бизнесом. Такова была участь многих, не устоявших против бацилл филателии предпринимателей.

ВАНДАЛ ПРОТИВ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

Итак, однн увлекались маркамн бескорыстно, другне — наоборот. Но и те и другие поначалу умелн обращаться с предметом увлечения одинаково плохо.

До второй половины шестидесятых годов прошлого века сохранностью марок часто пренебрегали. Использованные знакн почтовой оплаты отрывали от конвертов как попало — образующиеся при этом тонкне места в расчет не принимались, так же, как н потеря зубцов; поля потом обрезали вплотную к изображению, чтобы «зазубрнны» не портилн вида. В некоторых лавках «маленькие картннки» выставляли на продажу нанизанными на иитку, проволоку, спицу или острые штифты — для наглядности. Один из бродвейских торговцев сбывал коллекционные монеты, красовавшиеся на развешанных на парковой ограде досках. Затем он расшнрил ассортнмент за счет марок, которые приколотил рядом самымн обыкновенными гвоздямн. И все равио покупатели находилнсь!

Альбомы для коллекций выпускалнсь уже с 1862 года. Но способы крепления марок в них были не менее варварскими, чем бродвейские гвозди. Марки приклеивали к листам наглухо. Иногда желанный экспонат покрывали слоем декстрнна и сверху — для пущей прочности. Разумеется, о том, чтобы извлечь замурованную марку, не могло быть и речи: переместнть ее на другое место оказывалось невероятно сложным делом.

И тогда былн изобретеиы иаклейки. Привились они не сразу. В 1869 году один из английских филателистических журналов опубликовал инструкцию по пользованию имн, а другой вышел в свет с необычным приложением: к странице каждого экземпляра с помощью наклейки была прикреплена настоящая марка. И тем не менее, например, российский император Александр III предпочитал связывать знаки почтовой оплаты пачками и держать в коробочках, помещавшихся в ящнках письменного стола. Не потому ли, что наклейки начали широко распространяться лишь гораздо позже — в восьмндесятых годах?

Но до этого пока далеко. А рассказанного вполне достаточно, чтобы убедиться: собирательство уступило место осмысленному, совершенствующемуся процессу. Именно в шестндесятые годы фнлателисты получнли признание в пестром мире коллекционеров. У них появились свон общества, пресса и справочная литература. Не хватало, пожалуй, только выставок. Первая была организована в Дрездене врачом-гомеопатом Альфредом Мошкау в 1870 году. Здесь демонстрировалась единственная (его же) коллекция, насчнтывавшая 6000 марок. Цифра по тем временам весьма внушительная. Но можно считать, что еще раньше, в начале десятнлетня, которому тут заслуженно отведено столько места, уже существовала свое-

образная выставка фальшивых марок. Она возникла по прихоти Д. Палмера, одного из первых лондонских торговцев маленькими картинками. Его вулканическому характеру в сочетании с живописными усами и бородой мог бы позавидовать опереточный злодей. На самом же деле он был человеком честным и объявил энергичную войну мошенникам, пытавшимся подделывать марки. Каждый попавшийся ему на глаза фальшивый экземпляр незамедлительно приклеивался на стены конторы — посетителям на обозрение и поучение. Говорят, что Палмер был слишком придирчив, самоуверен, поэтому в калейдоскопе пригвожденных к «позорному столбу» фальшивок встречались и подлинные марки. Но как бы то ни было, познакомиться с необычной выставкой приходили многие — и ради любопытства, и чтобы впредь меньше попадаться на удочку мошенникам...

Только, пожалуйста, не думайте, что путь филателии в чрезвычайно важные для ее становления шестидесятые годы был усыпан одними победами и открытиями. Случались и неудачи, находились и враги, да какие! Один из них в 1864 году (том самом, в котором Жорж Эрпен предложил слово «филателия») опубликовал следующую, достойную внимания мысль: «Пока мы с уверенностью не будем знать необходимость и истинную цель, с которой ищут и собирают гашеные почтовые марки, до тех пор будет основание считать, что это делается с противозаконной целью». Несколько ранее тот же человек публично призывал, опять ввиду логической необъяснимости увлечения, просто-напросто уничтожать гашеные марки — ненужные вещи.

Пора открыть читателю, кто же был этот гений неведения и демон уничтожения. Оба выступления принадлежали Вандалу — да-да, такова была фамилия генерального директора французской почты.

КЛАССИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

Немножко воображения — и мы с вами опять в Лондоне, в гостях у заядлого филателиста. Пока хозяин готовится продемонстрировать нам свое сокровище, гид доверительно сообщает:

— О, у него отличная коллекция! Сами сейчас убедитесь.

На столе появляются альбомы. Осторожно переворачиваем их страницы и везде встречаем одну и ту же марку — однопенсовую темно-розовую выпуска 1858—1864 годов. Полчища юных темно-розовых королев, которым нет никакого дела до нас, привычно и чуть загадочно смотрят куда-то вдаль.

Королевы схожи как две капли воды, а вот марки, как мы вскоре замечаем, отличаются друг от друга. По углам на каждой из них стоят латинские буквы в различных комбина-

циях. Гостеприимный хозяии вручает иам лупу и предлагает повиимательнее взгляиуть иа рамки. Мы видим, что местами ориамеит прерывается, чтобы уступить место цифрам — от 1 до 220. Это иомера пластии, с которых печатались экземпляры.

— Сколько же всего разиовидностей у этой марки? — иевольно вырывается у одного из нас.

— 28 992, — охотно отвечает владелец коллекции и, довольиый произведенным эффектом, продолжает: — Поверьте, собрать их все очеиь иелегко. Одиих разновидностей больше, других — иамиого меньше. Марки с разиых пластин цеиятся иеодииаково, иногда в десятки тысяч раз дороже!

Перед иами одиа из так иазываемых специализироваииых коллекций. В их основе лежит хроиологический прииципп систематизации в сочетании со стремлением представить все существующие разновидиости.

Первые филателисты действовали с мировым размахом И иеудивительио: ведь, иапример, с 1840 по 1860 год было выпущено всего 913 марок. По мере того как число их увеличивалось, пришлось ограиичиться иесколькими страиами, затем — одиой. Появились специализироваииые и исследовательские коллекции, охватывающие определенные отрезки времеии, и даже отдельиые выпуски.

Несмотря иа то что о филателии писали, как о модиом поветрии, которому одииаково подвержены дети бедияков, седовласые миллиоиеры и короиоваииые особы, она привлекала, по сравнеиию с иынешним времеием, очень иемиогих коллекциоиеров. Например, первое заседаиие Московского общества собирателей почтовых марок, состоявшееся в сеитябре 1883 года, собрало лишь двадцать человек. И тои в филателии задавали, коиечио, ие бедияки. Говорят, что члеи аиглийского парламеита Томас К. Тэплииг владел второй по богатству коллекцией в мире. Третьей — сын ювелира, петербуржец Фредерик Брейтфус. Первая же прииадлежала зиамеиитому и иепревзойденному Филиппу ля Ренотьеру де Феррари.

Итальяиец по рождению, парижанин по месту жительства, ои происходил из потомствеииой баикирской семьи. Марками Филипп увлекся в детстве. Мать, герцогиия Галлиера, охотно водила сыиа к торговцам филателистическим товаром и приобретала все, что его иитересовало. Оиа могла ие экоиомить: треть из получеииого впоследствии Филиппом Феррари родительского иаследства в 300 миллионов кроии составляли деньги герцогиии.

Коллекция баикирского сына иеустаиио пополияется. И вот у иего уже есть постоянный поставщик, со времеием ои стаиовится ее смотрителем. Марки храиятся в двух комиатах дома, где живет Феррари. Им было бы тесио в альбомах, поэтому, прикреплеииые в два ряда к плотиым бумажиым листам гашеиые и, отдельио, иегашеиые, миниатюры располагаются в

гнездах, на которые разделены полки многочисленных шкафов, опоясывающих стены. Каждый лист упакован в два бумажных конверта, у него — свой шкаф, а в нем своя полка и свое место в гнезде. На самых верхних полках помещались дубликаты.

Финансист уживался в Феррари со знающим, увлеченным филателистом. Содержимое верхних полок не предназначалось для продажи, только обмен. В поисках недостающих экземпляров Феррари часто выезжал за границу, охотно знакомился с крупными и мелкими марочными торговцами, поддерживал связь с опытными филателистами. (Некоторые из них получили постоянный доступ к его коллекции.) Никогда не упускал возможности пополнить и освежить запас знаний. Все это вкупе со свойственной выдающимся коллекционерам тонко развитой интуицией сделало его непревзойденным специалистом.

Однако известный финансист боялся известности филателиста. Публиковал он свои интересные и глубокие наблюдения чрезвычайно редко. Избегал всяческой рекламы и предпочитал оставаться для читателей таинственным «мосье Ф из Парижа» или же просто «обладателем парижской коллекции». Кроме нескольких избранных филателистов, в заветных комнатах бывали единичные друзья.

В конце концов финансист подвел коллекционера. Феррари проникся германофильскими настроениями и незадолго до первой мировой войны в пятый раз сменил гражданство, стал подданным кайзера. С первыми же залпами пришлось перебраться из Парижа в оставшуюся нейтральной Швейцарию. Кое-что из марок удалось забрать с собой, но большая часть их осталась во Франции, в австрийском посольстве.

Феррари умер, так и не дождавшись конца войны. Его завещание было оглашено уже в мирные дни. Коллекцию предстояло передать Берлинскому почтовому музею. Но радость работников музея была преждевременной: уязвленное французское правительство решило продать собрание, а выручку включить в сумму выплачиваемых побежденной Германией репараций. 14 аукционов с 1921 по 1925 год принесли около 30 000 000 франков, что составляло 402 965 фунтов стерлингов или 1 632 524 доллара. Такая выручка потрясала воображение, о ней взахлеб писали газеты всего мира, переводя сумму из одной валюты в другую. Спустя несколько лет наследники Феррари продали и те марки, что оказались в Швейцарии. Уникальная коллекция перестала существовать, растворилась в мировом филателистическом океане.

Коллекцию Феррари называют баснословной, пишут, что подобной не было ни у одного из его предшественников и уже наверняка ни у кого не будет Действительно, она была почти полной, славилась обилием разновидностей и ферраритетов. Прежде чем искать объяснение этому слову в справочнике, давайте

снова вернемся в Лондон, на сей раз — начала нашего столетия. Куда именно, нам подскажет кажущееся теперь фантастическим объявление: «Продажа всех видов факсимиле, поддельных надпечаток и гербовых марок. Лондон, Каллам-стрит, 1. Фальшивки любой категории поставляются по первому требованию».

Итак, наш путь лежит на Каллам-стрит, 1, в лавку, где обосновалась широко известная в то время среди филателистов «лондонская шайка» в составе Альфреда Бэнджамина, Джумана Сарпи и Джорджа Джеффриса. Чем они занимаются, мы знаем... Но постойте, кажется, нас опередили! Кто этот строгий усатый господин? Филипп ля Ренотьер де Феррари?! Вот он берется за ручку двери... Не будем ему мешать. То, что произойдет дальше, уже описано английским филателистическим журналистом Фредериком Джоном Мельвилем.

Феррари (*входит*). Доброе утро, господин Сарпи! Есть у вас что-нибудь для меня?

Сарпи (*в раздумье*). Думаю, что есть. Перевернутая надпечатка на марке Стрэйтс-Сеттльментс. (*Замолкает, затем говорит громче.*) Послушайте, Бэн, есть у нас перевернутая надпечатка из Стрэйтс? Господин Феррари хочет взглянуть на нее.

Бэнджамин (*из-за перегородки*). Кажется, есть, Сарп. Сейчас проверю.

Через несколько минут он передает марку Сарпи. Тот показывает ее Феррари, который берет марку

Феррари. Нет ли у вас марки с двойной надпечаткой, одна из которых перевернута?

Бэнджамин (*за перегородкой*). Была где-то. Да где же она?

Небольшая пауза, во время которой Бэнджамин изготавливает нужную марку

А теперь заглянем в справочник. Ферраритеты, прочтем мы там,— это фальшивки, подделки и преднамеренно изготовленные макулатурные экземпляры с применением подлинных оригинальных клише и материалов. Они появились на свет около 1900 года, когда стало известно, что Феррари расходует значительные суммы на приобретение разновидностей марок.

Но как же случилось, что «король филателистов», владевший «редким даром распознавания раритетов», так легко попадался на удочку мошенникам? Считают, что он делал это сознательно, поддерживая фальсификаторов по «филантропическим» соображениям.

Странная благотворительность! Быть может, она объясняется тем, что коллекция Феррари во многом уже исчерпала возможности классической филателии? Или же Филипп ля Ренотьер, обладавший чувством юмора, поощрял создание

названных его именем фальшивок, усматривая в этом своеобразиую пародию иа чрезмериое увлечение разновидностями, которому и сам был подвержен? Во всяком случае, невероятиую историю с феррарнтетами можно рассматрнвать как один из предвестников грядущих веяний, основательно потеснивших всю классическую филателию.

У КАЖДОГО СВОЙ КОНЕК

Коллекционер пробежал глазами газетное объявление, и сердце замерло. Он прочел еще раз, вникая в смысл каждого слова. Все правильно: в предиазначеной к продаже коллекции старых марок была зиамеиитая «красиая саксоиская тройка». Его охватило предчувствие блнзкой удачи и — тревога: за этой редкой маркой в Германии охотятся многие, конкуренция будет острой.

Одиако иадежды не оправдались. Случилось то, о чем коллекциоиер и думать ие хотел: «саксоиская тройка» оказалась фальшивкой, притом довольно грубой. Повышенный интерес к «изюмнике» аукциоиа сменился всеобщим разочароваиием. Особого желания купить заурядную коллекцию никто ие выказывал, и по всему выходило, что ей суждено быть продаииой за сумму, возможио, инже той, что она заслуживает.

Коллекцнонер, с которого мы иачали рассказ, огорчился ие меньше, а может, и больше других. Но ои был человеком практичиым и, чтобы ие жалеть о зря потраченном времеии, приобрел коллекцию по сходной цене. Вернувшись домой, он еще раз тщательно осмотрел альбом. Как и водилось у стариниых филателистов, марки были приклеены к страницам иамертво — аккуратнейшим образом, стройными рядами. Коллекционер покачал головой, представнв, сколько терпения вложил создатель альбома в пагубное для марок дело, и немедля прииялся за их спасение. Марки предстояло вырезать из страниц и освободить от остатков бумаги и клея в теплой воде, илн, как говорят филателисты, водяной бане. У фальшивой «саксонской тройки» ножницы приостановились, ио только иа миг. «Сохраню и подделку, хотя бы иа память о пережитых волнеииях,— решил коллекционер.— Или обменяю, ведь есть люди, которые собирают имеино такие вещи».

Фальшивка легла иа стол рядом с другими марками, а затем очутилась в воде. Через несколько минут бумага с оборотиой стороиы экземпляров стала отслаиваться. И вдруг коллекцноиер увидел, как из-под фальшивой марки выглядывает еще одиа «саксонская тройка»! Предчувствие удачи вспыхиуло в ием с новой силой. Но ои не позволил себе ни едииого торопливого движения. Осторожно извлек марку пинцетом,

положил на промокательную бумагу, вооружился лупой. Сомнения отпали — это была самая настоящая «красная саксоиская тройка». Упрятанная прежде от завистливых глаз под своим поддельиым двойником, она, не в пример другим экземплярам коллекции, оказалась в преотличнейшем состоянии.

...Эта история приключилась в 1930 году, через 80 лет после выпуска «красной саксонской тройки». Для ее создателей она прозвучала бы как нечто совершенно невероятное. Вряд ли оии усомнились бы, что, отпечатаиная в немалом по тем времеиам количестве — пятьсот тысяч экземпляров, марка стаиет широко известиой. Но откуда столь иеобыкиовенная популярность у заурядного с виду зиака почтовой оплаты? И почему его причислили к редкостям при таком-то тираже?

Подход к выпуску первой марки в королевстве Саксония был сугубо деловой, прозаический. Номиiал 3 пфеиинга предопределила стоимость пересылки бандеролей и печатных изданий, для оплаты которой и затеяли выпуск. Выбор сюжета рисунка затруднений не вызывал: сумма почтового сбора — вот что должио прежде всего бросаться в глаза каждому. Но такие марки с крупными, словно на монетах, цифрами в центре уже были в ходу в иекоторых староиемецких государствах. Художник, не мудрствуя лукаво, взял баварскую однопфенниговую марку, нарисовал вместо единицы другую цифру, поменял название государства, и пошла гулять по свету «красная саксонская тройка».

Отправители и почтальоны обращались с будущей знаменитостью без церемоний — при распечатываиии бандеролей «саксоиские тройки» безжалостно рвали, что незаметио прокладывало им путь к грядущей славе. А тут еще поступило распоряжение ликвидировать оставшиеся иераскупленными 37 тысяч экземпляров, и они были уничтожены с истинно иемецкой пунктуальиостью... Короче говоря, до нашего времеии дошло лишь 4—5 тысяч «саксонских троек».

У Феррари был целый лист из двадцати негашеных «саксонских троек». Случайио найденный на чердаке приклееиным к деревянной балке и кое-как отделенный от нее, ои, прежде чем оказаться в собраиии миллионера, был дважды перепродан, отреставрироваи и, сохранившийся до сих пор, считается уникальным. Остальиые же современники Феррари надеялись, в случае удачи, заполучить гашеный экземпляр.

Надежды с каждым годом становились более зыбкими, а полиота коллекций, о которой пеклись приверженцы классической филателии,— недостижимой. И ие только потому, что миогие марки перешли в разряд редких, малодоступиых. Уж очень резко возросло число зиаков почтовой оплаты. Через десять лет после выпуска «чериого пенни» их насчитывалось несколько десятков, а в 1921 году — десятки тысяч. Причем это

количество не учитывает разновидностей, которых, например, у одного «черного пенни» 2640.

Но было еще обстоятельство, сыгравшее в судьбе филателии не последнюю роль. Стремление собрать все, что описано в каталоге, и разместить в альбомах по хронологическому принципу заранее предопределяло содержание коллекций. Заданность сковывала фантазию, не позволяла проявиться личным пристрастиям филателистов. Трудно поверить: то, что особенно привлекает нас сейчас — сам рисунок, содержание почтовых марок,— считалось делом второстепенным и при составлении хронологических коллекций не учитывалось. Так продолжалось до середины двадцатых годов, пока не сказали веское слово... дети. Это были школьники из уральского города. Свое обращение они назвали в духе того времени: «Платформа Златоустовского кружка юных филателистов». Школьники ратовали за то, что сейчас называют тематическим коллекционированием. Характер коллекции стал определяться содержанием марок. Скрупулезное следование каталогу уступило место умению найти и раскрыть тему. Погоня за редкостями и количеством отодвинулась на второй план: столь желанная прежде полнота собрания может нарушить стройность замысла.

Изменилось и понятие редкости. Редкой маркой здесь считают уже не более дорогую, а ту, которую труднее найти, что не всегда совпадает. Поиск стал еще спортивнее и азартнее, филателисты обрели то, чего им так долго не хватало,— возможность самовыражения, творчества, импровизации.

В тематической коллекции могут соседствовать знаки почтовой оплаты, созданные в разное время, в разных странах мира. Случается, иное, с детства знакомое изображение предстанет в новом свете, заставит учащенно забиться сердце. Например, марка из серии «Спасение челюскинцев» с портретом летчика Николая Каманина — желанный экземпляр для тех, кто увлекается историей авиации, покорения Севера. И вдруг неожиданная встреча с нею в коллекции, посвященной космосу. Ну конечно же, ведь спустя многие годы знаменитый летчик стал наставником первых советских космонавтов!

Произошло чудо, которое и не снилось узкому кругу старинных поклонников почтовой марки. Филателия стала по-настоящему массовым увлечением, самым распространенным и доступным видом коллекционирования. Ее творческая основа побудила к активному участию в выставках. Новоявленной чемпионке мира увлечений показалось тесно на страницах домашних альбомов, и она сделала решительный шаг навстречу публике. Камерное звучание сменилось мощной симфонией, рассчитанной на широкую аудиторию.

Но можно ли считать, что тематическая филателия победила классическую? Конечно, нельзя. Так, не вытеснил автомобили

самолет — каждому свое место. Больше того, в долгом и азартном соперничестве обеих сторон, как принято писать в спортивных газетных отчетах, победила дружба. Под влиянием «классики» были разработаны строгие требования к тематическим коллекциям. Преобладание «тематики» приучило больше, чем прежде, вникать в содержание марок в хронологических коллекциях. «Филателия,— сказал однажды поэт Николай Рыленков,— не только один из самых массовых, доступных буквально каждому видов собирательства, но и одно из самых благородных, самых бескорыстных человеческих увлечений, увлечений для души. Всякое собирательство воспитывает волю к непрекращающимся поискам, но не всякое так раздвигает горизонты, так обогащает в познании мира, так укрепляет дружеские связи между людьми различных стран, как филателия. В ней, как небо в капле росы, отражается вся жизнь современного человечества с его историческими связями и новыми устремлениями. Филателия запечатляет самый дух времени и обязывает увлекшегося ею «быть с веком наравне».

Однако вы сейчас убедитесь — цветы зла могут расцвести даже на почве благородных и бескорыстных человеческих увлечений. Пример тому — самая знаменитая марка.

ЗНАМЕНИТАЯ УЗНИЦА

Ох уж эти женщины!

— Знаешь, милый, плюшевая королева опять явилась на бал с дрянной бумажонкой на шее.

— Ты хочешь сказать, что миссис Хинд надела медальон со знаменитой «Британской Гвианой»?

— Уж не знаю, как эта марка называется, только говорят, будто такими в прошлом веке вместо обоев стены оклеивали.

— Не такими. Эта — одна-единственная. Хинд за нее триста тысяч франков выложил да еще налог. В общем, тридцать тысяч долларов по курсу...

— ...за клочок замусоленной бумаги.

— Тогда уж добавь — самой дорогой бумаги в мире. В «клочке» четыре квадратных сантиметра. Значит, каждый из них стоит семь с половиной тысяч долларов. Дороже бриллиантов!

— Хочешь сказать: дороже бриллиантов, что ты подарил мне к годовщине нашей свадьбы? Артур Хинд помешан на марках, однако он выше ценит свою жену...

И правда, марка, с которой, как рассказывали, капризная супруга американского короля плюша хаживала на балы, изяществом не отличалась: шероховатый, поистертый по краям карминово-красный бумажный прямоугольник с обрезанными

угламн. Грубоватый черный рнсуиок обезображен пришедшимся почти иа самую середнну штемпелем да еще чернильным автографом. И тем не менее мнссис Хиид охотно щеголяла медальоном: «бумажный брнллиант» неизменно прнвлекал вннманне — не красотой, конечно, а своей необычностью, романтическнм пронсхождением н ценой, из которой она, разумеется, секрета ие делала.

«Британская Гвнана», действительно, очень знаменита, а ее причудлнвая, н в общем-то печальная, нстория поучнтельна.

Фнлателнстнческое «сокровище» появнлось в 1856 году в столице теперь уже не существующей колонни Брнтанская Гвнаиа. Почтмейстер Дальтои не получил вовремя партию марок, заказанную в Лоидоне, а местные запасы былн на нсходе. Но ие закрывать же из-за этого почту! И Дальтон распорядился нзготовить местные марки. Тнпографня в Джорджтауне, благодарение богу, имелась — печатала «Офнцнальную газету»,— почему бы ей не справиться и с малюсенькой маркой?

Тнпографщнки справились. Они не сталн даже заказывать специальный рисунок, а взялн заставку газетной рубрики, иабралн текст: «Британская Гвиана, почта, один цент», расположили его вокруг клише заставки, заключилн в четырехугольную рамку, оттиснулн на бумаге — и марка готова. Ее сверстали и отпечаталн точно так же, как и газету. Однако заставка с трехмачтовой шхуной и девнзом колонни, который переводится с латннского как «Даем и берем взанмно», выглядела на мнниатюре не столь эффектно, как на большом листе. Словом, марка получилась простоватой н грубоватой. Это впечатленне усиливают проставленные от руки, выцветшне буквы Э. Д. У.— иннцналы почтового клерка. Он впнсал нх, согласно ннструкции, приняв корреспонденцню и погасив марку — едннственный сохранившийся до нашего временн экземпляр.

Когда, иакоиец, прнбыли марки с берегов Темзы, местный одноцентовый выпуск стал не иужен, и о его существовании просто забыли.

В 1872 году трннадцатилетннй джорджтаунскнй школьннк Вернон Воган, копаясь в старых пнсьмах, обнаружил одно с незнакомой маркой, и она перекочевала в альбом. Но, словно на беду, вскоре в магазине братьев Смит появилнсь яркие, экзотическне знаки почтовой оплаты. Охваченный прнступом филателистнческой лнхорадки, Воган купнл их столько, на сколько хватнло денег, и стал прикндывать, нельзя ли достать еще, продав что-ннбудь из собственной коллекции. Подходящий покупатель был на примете: достаточно известный местный коллекцноиер, сосед Вернона — Нейл Р. Маккинон. И здесь Воган вспомнил о своей находке, плохая сохранность которой его очень беспокоила. «Не может быть, чтобы в семейной

переписке не нашлось другого экземпляра, получше»,— опрометчиво подумал мальчик и отправился к Маккиноиу.

Взрослый коллекционер никогда не видел такой марки и тоже был смущен ее изрядно подпорченной внешностью. Разумеется, надо бы выручить юного коллегу по увлечению, но тот должен понимать, что он, Нейл Р. Маккинон, совершая подобную покупку, сильно рискует, и только присущее ему, Нейлу Р. Маккинону, чувство благородства заставляет его... В общем, шесть шиллингов, и ни пенса больше,— все, что удалось получить Вогану за будущую «суперзвезду». Вышеозначенная сумма незамедлительно перекочевала в кассу братьев Смит.

Через несколько лет коллекцию Маккиноиа приобрел ливерпульский торговец марками Томас Ридпат. Он первый смекнул, что одноцентовый гвианский бумажный кораблик — вещь уникальная. И нашел для нее уникального покупателя — уже знакомого нам Феррари. Тот заплатил Ридпату за «кораблик» 150 фунтов стерлингов — на 30 фунтов больше, чем выручил Маккинон за всю свою коллекцию. Марка Британской Гвианы взлетела на гребень моды, филателисты переворошили груды старых писем — их настойчивости позавидовал бы самый дотошный детектив. Но второго одноцентового «кораблика» разыскать не удалось. «Может, и тот, что есть, не настоящий»,— предположили разочарованные скептики. Но опровергнуть их рассуждения помогли рукописные инициалы Э. Д. У. Они встречались и на других гвианских марках и, как выяснилось, принадлежали почтовому клерку Э. Д. Уайту. Подлинность же подписи сомнений не вызывала.

Марка прославилась и при распродаже коллекции Феррари стала гвоздем проходившего 6 апреля 1922 года аукциона.

Вокруг «Британской Гвианы» развернулась ожесточенная борьба, завершившаяся битвой трех королей — английского Георга V, эльзасского табачного короля Мориса Бурруса и американского короля плюша Артура Хинда. Двое из них предпочитали действовать через посредников. Первым сдался представитель британской короны. (Правда, ходил слух, будто на аукцион заглянул сам Георг V и по цвету марки решил, что она фальшивая. Но может, и этот слух был оружием в схватке конкурентов?) За ним отступил эльзасец. Артур Хинд выложил, включая налог, тридцать тысяч долларов. Будучи из породы эксцентричных миллионеров, он, что называется, не отходя от кассы, сделал широкий жест — предложил марку в подарок побежденному им Георгу V. Король королевский подарок не принял, и «Британская Гвиана» очутилась в США.

Иногда доводится читать, что она пересекла океан, сопровождаемая вооруженными до зубов сыщиками, а потом поселилась в бронированном сейфе под круглосуточной охраной.

Поначалу, возможио, это было просто легендой, число которых с годами увеличивалось. Во всяком случае, Артур Хинд охотно демонстрировал свое приобретение иа филателистических выставках в Америке и Европе. И марка отправлялась в дорогу не в сопровождении сыщиков, а одна-одинешенька, заказиым письмом. В результате, когда Хинд умер, оиа словио в воду каиула. Длительиые и тщательные поиски ии к чему ие привели. Наследиики и филателисты строили всевозможиые гипотезы, уже теряли надежду иа успех. Но не миссис Хиид, которая тем временем доказывала в суде, что, согласио завещаиию, «Британская Гвиана» не может быть продаиа вместе с остальиой коллекцией покойиого мужа.

«Марка моя,— утверждает готовящаяся виовь сменить фамилию вдова.— Артур мие ее подарил».

Процесс миссис Хиид выигрывает. Но поискам, кажется, не будет коица, пока кто-то не догадывается заглянуть в один из коивертов с корреспонденцией, позыбытых за всей этой суматохой иа письменном столе покойиого. Из конверта выпархивает прислаииый хозяину после очередной выставки бумажный «кораблик».

Перемеиив фамилию на Скала, бывшая миссис Хинд решает расстаться с филателистическим уникумом «Британская Гвиана» снова пересекает океан в обратиом иаправлеиии, теперь уже будучи надежно застрахованной. Однако европейские коллекциоиеры ие решаются выложить сумму, которая удовлетворила бы владелицу. И марка переходит в другие руки только в 1940 году за 42 тысячи долларов. Имя очередиого обладателя тридцать лет остается загадкой для всех — таково его желание, оговорениое при покупке условие. Пока редчайшая из редких принадлежит Фредерику Т. Смоллу, иикто не должен знать об этом. Его тщеславие молчит, он вообще не филателист, а живущий в Америке австралийский миллиоиер-скотовладелец. На марки Смолл смотрит как иа акции, которые, в отличие от иастоящих, никогда не падают в цеие. Как и подобает ценным бумагам, «Британская Гвиана» отиыие действительно хранится в сейфе одиой из Нью-Йоркских фирм.

В 1970 году марка перекочевывает от Смолла к восьми пенсильванским предпринимателям. Новая цена «кораблика» — 280 тысяч долларов. И заплачеиы оии, коиечио, не за право любоваться редкой маркой. Спустя десять лет глава пеисильваиского сиидиката Ирвин Вейиберг во всеуслышание заявит: «В свое время мы купили ее, страхуясь от инфляции. Каковы же темпы роста инфляции, иаглядно показал сегодияшний аукцион».

Эти слова сказаиы в 1980 году, когда «Британская Гвиана» была в очередиой раз перепродана за фантастическую сумму в 850 тысяч долларов. Для сделки потребовалась всего одиа

минута — столько времени длился, быть может, самый короткий в мире аукциои.

Если речь идет о деньгах, зарубежные журналисты не прочь ослепить читателя радугой цифр и различных сопоставлений Они, разумеется, ие упустили случая скрупулезио проследить, как же поднималась на фииаисовый пьедестал «Британская Гвиана». Напомиим, ее первоначальиая, номинальиая стоимость — одии цент. Воган продал марку по курсу того времеии за полтора доллара, Маккиион — за 530 долларов вместе со всей своей коллекцией. Феррари заплатил за марку 670 долларов. Дальше счет идет иа десяткн и сотни тысяч: Хннд — 30 тысяч, Смолл — 42 тысячи, Ирвин Вейнберг — 280 тысяч и, наконец, 850 тысяч долларов. Получается, что сейчас квадратный сантнметр миниатюры стонт уже 212 500 долларов; цена экземпляра превышает номниальную в 85 миллионов раз!

Конечно, «Брнтанская Гвиана» — уникальный знак почтовой оплаты. Но можно лн его назвать самым редким? Нет. Известно несколько уннкальиых марок. И все-таки ии одиа нз них ие получила столь шнрокой нзвестности н даже сколько-иибудь не приблизилась по цене. Почему?

Нашедший и иелепо потерявший героиню иашего повествоваиня Верион Воган увлекался фнлателией всю жизнь. Но больше ему так сказочно ие везло, и коллекцию он оставнл скромиую. Когда миссис Хиид доказывала свои права в суде, семидесятипятилетинй Воган выступил с воспомннаниями в одной из лоидоискнх газет. Он поведал исторню иаходки, между прочим заметив, что еслн бы «Брнтаиская Гвиаиа» по-прежнему находилась в его альбоме, она бы столько ие стонла. Причину непомериой дороговнзны старый филателнст видел в прихотливом соперничестве коллекционеров-мнллнонеров, разжигаемом фииансовыми ннтересами торговцев маркамн. «Людн спрашивают меня, каково мое иастроенне,— размышлял на страиицах газеты Воган.— Но я теперь совсем ие думаю об этом деле н ие испытываю поэтому иикакого разочарования и иикакой печалн. К чему это?»

То, что произошло с «Британской Гвиаиой», давио не укладывается в рамки фнлателии. В любых руках она теперь прежде всего — объект наживы, уникальная бумажная драгоценность, приобретенне которой сулит выгодное вложеине капитала. Еще задолго до последнего аукциона Ирвин Вейнберг оценивал ее в миллион долларов. В погоне за рекламой он, конечно, преувелнчивал, но, как мы знаем, не фаитастически.

Вполне возможио, что когда-нибудь марка с необычиой судьбой действнтельно будет стоить мнллиои и даже больше — ведь коммерческнй интерес к ней подогревается десяткн лет. Рекламе способствовало н трндцатнлетнее инкогнито одного из владельцев, вызвавшее слухи, что след «Британской

Гвианы» вообще затерялся. И рассказы о том, будто сейф с нею днем и ночью охраняется двумя детективами, вооруженными автоматами. И истории о тех, кто, по роковому стечению обстоятельств, «чуть-чуть» не стал обладателем уникума. Это были известный английский филателист Эдуард Пэмбертон, его сын и, наконец, сам Британский музей. Первый из них уже договорился о покупке коллекции Маккинона, но не успел вовремя заплатить деньги, и ее перехватил Ридпат. Пэмбертон-младший предложил за марку на аукционе 1935 года самую высокую цену, но миссис Скала сочла ее недостаточной. Британский музей, вероятно, и победил бы Вейнберга на аукционе 1970 года, если б бюрократический механизм английской казны сработал проворнее...

Вот, собственно, и вся история о том, как марка, место которой в музее, оказалась заточенной в бронированные сейфы И кто знает, быть может, это заключение пожизненное? Временами знаменитая узница появляется на крупнейших филателистических выставках. Везут ее под конвоем, а выставляют за специальным непробиваемым стеклом. Рядом, словно почетный караул, дежурят детективы. Правда, от скептиков можно услышать, что на выставки, для пущей безопасности, ездит не сама «Британская Гвиана», а ее искуснейшая, по высокому классу точности изготовленная копия — фальшивая марка. Что ж, в мире, где главное — нажива, все возможно. Но нет ли и в этих разговорах привкуса коммерческой рекламы? Так же, как, впрочем, и в самих визитах на выставки знаменитой исключительно благодаря филателии, но, увы, по прихоти толстосумов отлученной от нее узницы?..

Содержание

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сборник
фантастических и приключенческих
повестей и рассказов

Ответственный редактор
В. С. МАЛЬТ

Художественный редактор
Л. Д. БИРЮКОВ

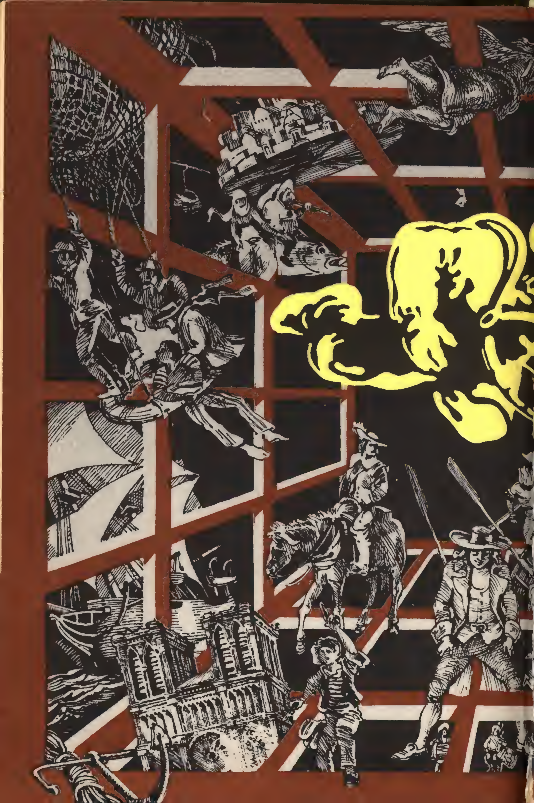
Технический редактор
Т. Д. ЮРХАНОВА

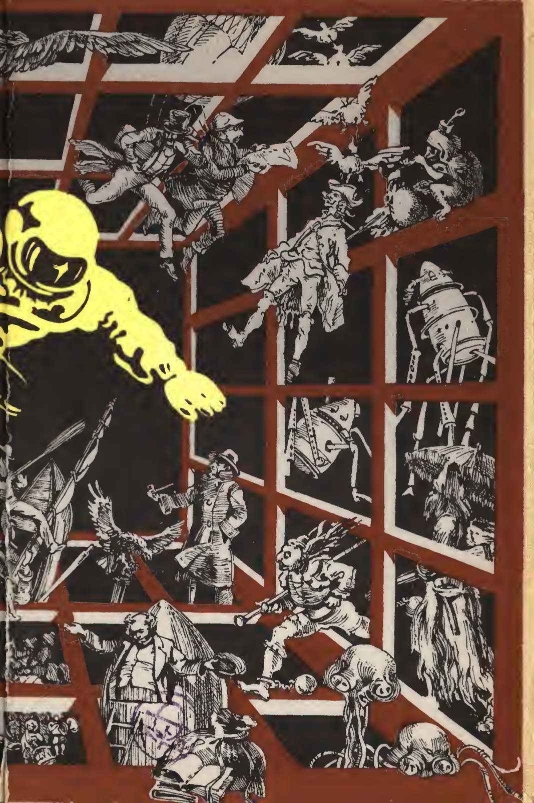
Корректоры
К. И. КАРЕВСКАЯ, А. П. САРКИСЯН

ИБ № 9829

Сдано в набор 22.05.87. Подписано к печати 11.11.87. А05737. Формат 60×90 1/16. Бум. кн. журн. № 2 Шрифт литерат Печать высок. Усл. печ. л. 38,0. Усл кр.-отт. 39,0. Уч.-изд. л. 37,0. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6277, Цена 1 р. 80 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

1р. 80к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"